

ROBERT TRICUZI

UNSTER

БАНСИТ

В ДИИ ДИИИ

В ДИИ ВОШНБЕ

32326

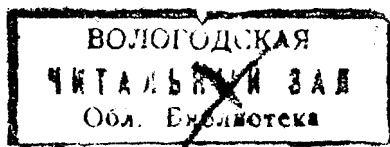
Роберт Гринвуд

МИСТЕР БАНТИНГ В ДНИ МИРА И В ДНИ ВОЙНЫ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

*Н. Волжиной, Н. Дарузес
и Т. Озерской*

32326

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1943

ROBERT GREENWOOD
●
M. R. BUNTING
IN PEACE AND WAR

1911

МИСТЕР БАНТИНГ В ДНИ МИРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мистер Бантинг шел по песчаной дороге, поднимавшейся в гору к Килворт-Гарден. Была суббота, и мистер Бантинг возвращался домой обедать. Он был человек пожилой, несколько шарообразной комплекции, с рыжеватыми усами; его синий шевитовый костюм лоснился от долгой носки на локтях и коленях. Поля котелка мистера Бантинга успели немного пообтрепаться от ежедневного соприкосновения со щеткой, а следы, которые оставляли его башмаки на мягкой дороге, с успехом могли служить рекламой каучуковым подошвам фирмы Бэкстер. Мистер Бантинг не производил впечатления особо состоятельного человека; зато его коренастая фигура и походка свидетельствовали о палитине в нем чисто британской независимости характера. В одной пухлой руке он крепко держал фибровую сумку для завтрака, в другой — довольно помятый зонтик и осмолпленный номер газеты «Спрена».

Котелок у мистера Бантинга был сдвинут на затылок, во-первых, из-за жары, во-вторых, из-за того, что мистер Бантинг был чем-то взволнован. Обычно он относился ко всем служебным волнениям фаталистически; ему уже давно пришлось убедиться на собственном опыте, что волнения так же неизбежно сопряжены со службой, как изжога с принятием пищи. Но теперешние волнения... он задумался, подыскивая нужное слово, ибо всегда старался быть точным, — теперешние волнения не имели себе равных в прошлом. То, что котелок был сдвинут на затылок, не помогло мистеру Бантингу —

голове не стало прохладнее, и неприятные мысли, циркулирующие под котелком, не испарились. Как и все последние дни, они жужжали у него в мозгу осиным роем, противясь его попыткам изгнать их оттуда. А это действовало раздражающе и даже пугало мистера Бантинга, ибо по складу характера он с большой неохотой допускал к себе неприятные мысли. Мистер Бантинг, по его же собственным словам, «не одобрял» напрасных волнений, и сейчас он был зол не столько на Вентнора и Скиннера — двух виновников его тревог, — сколько на самого себя, за то, что позволял мыслям о служебных делах с такой настойчивостью жужжать в мозгу. Да к тому же в субботу, в последний день трудовой недели.

А вот и почтовый ящик! Мистер Бантинг взглянул на свои часы, ежевечерне сверяемые с Биг Беном¹, и направил мысли по другому руслу. — Секунда в секунду, — пробормотал он. Дома на кухне без минутной задержки поджарят филе, стол будет накрыт, тарелки подогреты. Вся семья знает, что сейчас отец идет по Бэмберленд-авеню. Мистер Бантинг несколько воспрянул духом; раз навсегда заведенный порядок дня не тяготил его, напротив, он служил ему источником радости. Мистеру Бантингу было приятно каждый день в одно и то же время заниматься одними и теми же делами, и ему было приятно проходить по субботам мимо почтового ящика ровно в двадцать минут второго, ибо тогда-то он и чувствовал, что его уик-энд действительно наступил.

«Погода будет хорошая», — подумал он. Ничего другого не имело такой цены в его глазах, как хорошая погода в субботу и воскресенье. Нельзя сказать, чтобы мистер Бантинг не любил своей работы (он сам никогда не забывал это подчеркнуть во избежание превратных толкований), но каждый уик-энд доставлял ему истинное наслаждение.

Минував почтовый ящик, мистер Бантинг тотчас выбрасывал все мысли о служебных делах из головы — он швырял их через плечо, точно изможенный башмак.

---

¹ Часы на здании парламента.

Во всяком случае, так было до сегодняшнего дня.

Заботы и волнения неизбежны, убеждал он самого себя; они и раньше скоплялись тучами — легионы армии забот, и мелких и крупных. Если посеешь на себе какую-нибудь ответственность, от забот не уйти. Это он никак не мог втолковать членам своей семьи. Они отказывались верить, что отдел железо-скобяных товаров универсального магазина Брокли может поставить перед заведующим ряд задач, требующих для своего разрешения самых высоких умственных способностей. Вот плоды обучения детей французскому языку и алгебре — наукам, о которых их родители не имеют ни малейшего понятия. В результате выходит, что детей презрительно относятся к другим, более практическим занятиям. Мистер Бантинг подозревал, что у него есть прозвище в семье, а именно «глухой старикап». Он иронически фыркнул. Чтобы заведывать железо-скобяным отделом, надо быть знатоком этого товара. Иной раз просто диву даешься, каких только трудностей не встретишь в торговле: сложные отношения с поставщиками, мелкие неполадки с покупателями — не тот размер, не тот диаметр. Железо-скобяные изделия способны привести в ярость даже самого спокойного человека. Канаризмный товар; с ним нужно терпение и терпение, а кроме того — опыт. Короче говоря, нужно обладать тем, чем мистер Бантинг обладал в полной мере, — знанием дела.

Да, волноваться приходилось и у Брокли, волноваться приходилось и дома. Денежные дела, очередные пачки счетов, бланки подоходного налога, местные налоги, непрерывный поток заказов, дача сведений в различные инстанции. Он воевал со всем этим с тех пор, как женился и обзавелся семьей; он плыл по бурным волнам финансовых неурядиц, отводя душу то крепким словечком, то философическими размышлениями, и все-таки ни разу не ушел с головой под воду, а только сердился иногда, а иногда усмехался под рыжеватыми усами. Бывали времена, когда он признавался, что у него опускаются руки, но бывало и так, что он ошеничивался и вставал против судьбы. Впрочем, сил у него было еще много.

В какой-то мере все это доставляло ему удовольствие, и у Брокли он работал тоже с удовольствием — во всяком случае, до последнего времени. Весьма возможно, что магазин становится немощно старомодным, теперь этого уже не скроешь, но качество товара всегда стояло у них на первом месте: работой в таком магазине можно было гордиться. Пятьдесят лет назад мистер Бантинг поступил рассыльным в универсальный магазин Брокли прямо со школьной скамьи, из переулка в Кэмдентауне. А теперь он заведует целым отделом. Сolidная должность, прочное положение. Прочное? Да, так ему казалось. Он податался на традиции магазина и чувствовал под собой твердую почву. А теперь эта твердая почва ускользала у него из-под ног.

Старый Джон Брокли умер. Когда-нибудь старику надо было умереть — ему уже было под восемьдесят. Но мистер Бантинг никогда не представлял себе, что старик может умереть. И все-таки Джон Брокли умер, и традиции Джона Брокли тоже умерли, а на его месте сидит теперь этот суетливый торопыга мистер Вентнор, у которого нет никаких традиций, а есть только нескрываемое презрение ко всему, что было в обычае у старика Брокли, и ко всем его старым служащим. Будущее мистера Бантинга стало весьма неопределенным. Вентнор не раз давал ему это почувствовать.

Вот почему чело мистера Бантинга бороздили морщины, вот почему котелок у него было сдвинут на затылок, вот почему черные мысли, которые он отогнал от себя, выйдя на Кэмберленд-авеню, снова слетались к нему, словно вороны на опустелое жилище. Всю дорогу из Лондона, все утро в магазине, весь вчерашний и позавчерашний день страх перед будущим тикал у него в мозгу, как часы, не требующие завода. Тяжелый гнет страха преследовал его с утра до вечера и с вечера до утра. Это причиняло почти физическую боль. Страх пеплом обволакивал ему язык, когда он садился есть, камнем лежал у него под подушкой, когда он пытался уснуть. В сущности говоря, за последние три ночи мистер Бантинг почти не сомкнул глаз. Ему было больно, что жена даже не заметила этого.

Сегодня утром за бритьем в мозгу у него неизвестно

откуда возникли слова: «Отойдешь ко сну, и страх не будет владеть тобой». Он стоял с бритвой в руках и вслушивался в эти слова. Но это же неверно! Это неверно! Страх владел им: Вентнор впускал ему страх — молокосос Вентнор, который годится ему в сыновья, человек, ни к чему непригодный, без всякого практического опыта, ничего не имеющий за душой, кроме каких-то там теорий. В мире, где царствует справедливость, этого не могло бы быть.

А ведь прошло всего два месяца с тех пор, как он впервые встретил Вентнора в конторе молодого Брокли; тогда эта встреча не произвела на него никакого впечатления. За завтраком они с Кордером даже слегка пошутили на его счет. В тот день Вентнор впервые появился в магазине — «посмотреть (как не без смущения сказал молодой Брокли), не сможет ли он помочь нам внедрением более современных методов торговли».

«Сомневаюсь!» — подумал тогда мистер Бантинг, с первого взгляда оценив этого высокого блондина, оценив его молодость, его красные губы и жеманный голос. Он покровительственно улыбнулся Вентнору и держал себя с ним небрежно, пожалуй, даже с чересчур явной неприязнью.

Потом они обменялись мнениями по этому поводу с Кордером из отдела ковров и линолеума.

Кордер был человек с литературными наклонностями, изыскавшийся главным образом при помощи цитат. Уловить смысл его изречений иной раз бывало трудно. Мистеру Бантингу часто приходилось лазить в толковый словарь за разгадкой того, что говорил Кордер, даже когда он не ударялся в поэзию. Кордер весьма способствовал обогащению речи мистера Бантинга новыми, хотя и не всегда правильно понятыми, словами, и тот частенько повторял цитаты Кордера в семейном кругу, всякий раз вызывая всеобщее изумление.

— У него голодный, алчный вид, — провозгласил Кордер. — Не одобряю.

— В нем есть что-то бабье, верно?

— Взгляд хищника и цепкий хобот. Заметил ты? Такие люди всегда что-то таят в себе.

— А как он к нам попал? Наверное, по протекции,

через прежних товарищей по школе, — перебил его мистер Бантинг, вспомнив, что последние дни «Сирены» вела ожесточенную кампанию против использования в личных интересах старых школьных связей. — Ну, одним словом, этакий шаркун из Итопа или Гарварда, вот он кто! — презрительно припечатал мистер Бантинг. Он весь ошестинился при одной только мысли, что им будет командовать человек, авторитет которого поконится на такой антидемократической основе, как престиж привилегированного учебного заведения.

По Кордер имел более точные сведения. Молодой Брокли присутствовал на «одном из совещаний, которые созывают коммерсанты», и подцепил там этого субъекта, а может быть, тот сам его подцепил. — Нам пужпы новые методы, — заявил молодой Брокли своим старшим служащим. — Мистер Вентнор изучал торговлю в Америке и на континенте. Он знаток своего дела. — Служащие внимали молодому Брокли и жаждали его за то, что он проявил такое легковерие. Им уже приходилось слышать об этих «экспертах». Беспокоиться нечего; хозяйские причуды, только и всего. И вдруг молодой Брокли угостил их бомбой: Вентнор будет стоять во главе магазина. — Нам пехватает координация, — заявил молодой Брокли и, чтобы исправить этот недостаток, предложил «знатоку» Вентнору возглавлять весь штат служащих, следовательно, помыкать всеми и каждым и всюду совать свой нос.

Они решили, что молодой Брокли сошел с ума; мистер Бантинг так тот был убежден в этом. — Координация, — пробормотал он, открыв толковый словарь (мистер Бантинг коллекционировал слова, как другие коллекционируют морские раковины), и нашел в нем только: «координировать — привести в соответствие» и «координация — приведение в соответствие». Это мало чем помогло ему, и он сделал вывод, что молодой Брокли употребляет высокопарные слова, не понимая их смысла.

Что бы теперь ни предпринималось во всех восьми отделах магазина, обо всем надо было сперва докладывать Вентнору и ждать его решения. До сих пор заведующие пользовались на своей территории неограничен-

ной властью; теперь же надо было думать о дисциплине и «координации». Вентнор, словно ястреб, кружил по всем отделам, зорким оком вливался в каждую витрину, которая почему-либо приходилась ему не по вкусу, хищно падал на каждого продавца, который не проявлял достаточного рвения, вернее, не рыл землю на глазах у начальства. Он выпаляивал вопросы, словно из пулемета. — Где плакаты? Почему нет ассортимента? Почему не выставляете новинки? Это какой-то морг! Настоящий морг! — изрек он в отделе железно-скобяных товаров и присовокупил: — В погу с веком! — по своему обыкновению изъясняясь готовыми формулами. Потом во мгновение ока осмотрел отдел, осудил методы торговли, свойственные поколению мистера Бантинга, впредь повелесть, распорядился ускорить темп работы и запугал всех, пачкая с рассыльного и выше. Теперь заведующие отделами должны были то и дело представлять ему письменные доклады, присутствовать на совещаниях, а в конце каждого месяца составлять общую сводку с кривой, похожей на кривую температуры, высшая точка которой показывала (тем, кто в этом разбирался), «благополучен» отдел или нет.

Из того, с чем Вентнору пришлось столкнуться у Брокли, мало что заслужило его одобрения. Он хотел поставить по-новому рекламу, завести новые стенды, новые и более ходкие товары. Но больше всего, как подбуживал мистер Бантинг, ему хотелось набрать новый штат.

Мистер Бантинг вскоре же заметил, что Вентнор поглядывает на него каким-то особо задумчивым взглядом. — Ведь вы, Бантинг, кажется, очень давно здесь работаете? — спросил он его однажды. Не устояв перед желанием похвастать, мистер Бантинг ответил с взлупицей откровенностью: — Почти пятьдесят лет, сэр.

— Пятьдесят лет, — повторил Вентнор, и взгляд его стал еще задумчивее.

Мистер Бантинг был твердо уверен, что ни от кого другого не требуют такого количества письменных отчетов, как от него. Эти отчеты были далеко не образцовыми, но они несли на себе следы генкулесовой борьбы мистера Бантинга с языком. Каждый возвращался

к нему с подчеркнутыми красным карандашом грамматическими ошибками и щедро украшенный восклицательными знаками. Такова была тактика нитомцев привилегированных школ. Мистер Бантинг чувствовал себя оскорбленным. Он знал, что образования ему не хватает. По какое особенное образование нужно, чтобы торговать скобяными изделиями? Сведения он дает правильные — неужели этого мало? Старый Джон Брокли считал его лучшим знатоком скобяного дела во всем Лондоне и по техническим вопросам советовался прежде всего с ним. Старик Джон никогда не требовал письменных отчетов. К нему в контору можно было зайти запросто с любым делом. А у Вентнора приходилось долго ждать в неприветливом кабинете, уставленном новомодными картотеками, и начинать разговор первому там не полагалось. Вот, например, сегодня утром: несколько минут Вентнор не обращал на него никакого внимания, а потом вдруг поднял голову и сказал с еле заметной усмешечкой: — А, Бантинг! Значит, вы специалист по скобяным изделиям?

«Передразнивал меня!» — подумал мистер Бантинг и зашагал быстрее, в слепой злобе сжав в руке зонтик, точно это был меч.

«Сколько мне лет?» — спохватился он и на минуту задумался. Когда началась война, было сорок; значит, сейчас шестьдесят два, скоро стукнет шестьдесят три.

«Шестьдесят два, — повторил он с неподдельным изумлением. — Чорт побери! Неужели правда?»

Он прошел еще несколько шагов. Невероятно! Шестьдесят два года. Он чувствует себя гораздо моложе. Сил и бодрости у него вполне достаточно, здоровье отменное. А все-таки годы катятся один за другим, время не переспоришь. Шестьдесят два года — вот что не нравится Вентнору. Эта мысль потрясла его. Он самый пожилой из всех старших служащих Брокли. Те, кого он знал еще с юношеских лет, один за другим сходили со сцены. Он последний и самый старый. Он продвигался все дальше и дальше и вот очутится, так сказать, на самом краешке скамьи. Что стоит столкнуть его? Столкнуть... куда?

Мистер Бантинг с трудом обуздал свои мысли. Нечего торопиться навстречу таким ужасам. Они всегда успеют настичь его во мраке ночи.

«Вентнор наступил мне на мозоль, — подумал он, — а у меня нервы разыгрались. Надо как-нибудь подбодрить себя».

— Нечего вояповаться понапрасну, — храбро сказал он вслух и заставил себя оглядеться по сторонам, приметить зелень лужаек, свежесть петуний и настурций, окаймлявших только что подметенные асфальтовые дорожки. Все здесь было такое знакомое и приветливое. Он хорошо знал эти сады; во время своих ежедневных путешествий на станцию и домой он видел, как появляются в них первые зеленые побеги, как облетают последние увядшие цветы. К нему вернулось чувство покоя, то чувство покоя, источником которого служат такие вот мелочи. Не надо тревожить себя лишними мыслями, лучше терпеливо ждать, как и подобает истому англичанину, и не падать духом. Да ведь он сотни раз проходил по этой самой улице, ломая себе голову над тем, как предотвратить сотни всевозможных бедствий, и ни одно из них так и не нагрянуло. На деле все часто оборачивается гораздо лучше, чем думаешь, надо только выждать время. О время, ты искушитель всех забот, как говорит Кордер. Но в молодые годы этого не понимаешь. Его юнцы тоже ты поймут. Им даже в голову не приходит, как много знает о жизни человек таких солидных лет, как мистер Бантинг.

А вот и его «Золотой дождь» — его гордость; вполне современный коттедж и «обособленный с обеих сторон», как выражалась миссис Бантинг.

В давние времена страховой агент ухитрился так запугать мистера Бантинга, что он застраховал «Золотой дождь» на случай осадки фундамента. Обуреваемый страхом, он совершал по вечерам обходы вокруг своего жилища и в дождь, и в резкий ветер, и в холод, с тревогой приглядываясь, не появились ли в грунте трещины. В засушливые месяцы фундамент даже поливали из шланга по совету одного человека, брат которого работал десятником на стройке. И «Золотой дождь» до сих пор стоит прочный, незыблемый, как нормандский

замок, подкрепляя собой веру мистера Бантинга в то, что дурные предчувствия никогда не сбываются.

Он сунул ключ в замок и вошел в холл. Часы приветствовали его боем — ровно половина второго. «Се-кунда в секунду», — весело подумал он и проследовал на кухню, переступив ее порог как раз в ту минуту, когда миссис Бантинг вынимала жаркое из духового шкафа.

— Ни с места! — скомандовал мистер Бантинг и поцеловал жену сначала в одну щеку, потом в другую, а она, застигнутая врасплох, держа сотейник в обеих руках, только и могла выговорить: — Вот глупый, ведь костюм вымажешь!

— Помочь тебе?

— Нет, Джули все сделает.

— Да не может быть! — пронырски воскликнул мистер Бантинг и, войдя в столовую, совершил непростительный по своему плебейскому тону проступок, всякий раз возмущавший членов его семьи: он снял с нее крахмальный воротничок и падая его на бронзовую Психею, стоявшую на буфете.

— Папа! — взмолилась Джули, появляясь в столовой с горкой горячих тарелок.

— Надо же его когда-нибудь снять?

— Теперь так, никто не делает, — сказала Джули, семнадцатилетняя девица, воспитывавшаяся в школе мисс Морган-Делл, где ей главным образом прививали правила хорошего тона.

— Долой воротничок! — твердо заявил мистер Бантинг. — Это первое, что я делаю, когда прихожу домой. Символический акт!

Сыновья сидели в гостиной; мистер Бантинг вошел туда, и его сразу охватило чувство — редкое за последнее время, — что перед ним пахотятся двое незнакомых японцев. В таких случаях он часто прикрывал смущенные деланной шутливостью, но с некоторых пор ему начало казаться, что сыновья считают его шутки глуповатыми. Они взрослели с непостижимой быстротой, взрослели и уходили от него все дальше и дальше, замыкаясь в себе. Пой раз мистер Бантинг даже робел в их присутствии. Особенно в при-

сутствии старшего сына, Эрнеста. Двадцать один год, высокий, серьезный, и как будто ничего отцовского в нем — вот он сидит за роялем и листает ноты!

Но все же мистер Бантинг спросил довольно бодрым голосом:

— Что это у тебя, Эрнест?

— Это я только что купил, — сказал Эрнест. — Этюды Шопена.

— Этюды?

— Да. Хочешь послушать?

— Нет! Нет, спасибо, — поторопился ответить мистер Бантинг. — Пора обедать. — Про себя же он подумал: «Этюды! Еще чего не придумает ли!» Одно время Эрнест играл только фуги — фуги Баха. Мистер Бантинг наслушался их до отказа.

Он посмотрел на Криса, который сидел на кушетке, уткнувшись носом в книгу. Крис был моложе и не такой солидный, как Эрнест, поэтому мистер Бантинг шутливо хлопнул его по плечу.

— Что ты читаешь, Крис?

— «Авномоторы, их проектирование и эксплуатация», — ответил Крис.

— Авномоторы! — недоумевающе повторил мистер Бантинг. — Что тебе вздумалось читать про авномоторы?

— А это очень интересно, тут и аэродинамики немало есть.

— Какой тебе смысл изучать аэродинамику? — спросил мистер Бантинг отечески-поучительным тоном. — Работаешь ты в банке. Читал бы лучше книги по банковскому делу. Арифметика... золотой стандарт — вот что тебе надо знать.

— Ну-у, — брезгливо сказал Крис. — Терпеть не могу эту матерню.

— И напрасно, — мистер Бантинг становился явло дидактичным. — Это твоя профессия, значит, надо совершенствоваться в ней. Не мешает подумать и о будущем. Перед тобой открываются такие возможности, Крис. Господи боже, да я в твоём возрасте...

Крис поднял голову от книги. Его прервали на самом интересном месте, но добродушие все-таки не изменило ему.

— Да ну, брось, папа, — кротко сказал он.

И мистер Бантинг решил отказаться от роли властного отца, вернее, не сумел выдержать ее. Да, впрочем, такая роль не менее глупа, чем шутиливый топ. Криславный мальчишка, но он не видит, где его выгода. Мистер Бантинг смотрел на обоих сыновей, которые были погружены каждый в свое дело и, видимо, не желали вступать в разговор. Двое незнакомцев. Он чувствовал себя непрошеным гостем здесь и, глядя в окно на садовую герань, думал: «Что такое делается с нашей молодежью?» Она не испытывает никакой радости от того, что должно бы ее радовать. Вот, скажем, Эрнест — молодой человек двадцати одного года, мыслящий, а чем он занят? Склонился над клавишами, тренькает какие-то этюды. Судя по его серьезному лицу, он получает удовольствие лишь от того, что требует величайшей сосредоточенности, огромной работы мозга. А Крис, который читает книги только по технике, и все такие замысловатые, что если его спросить, о чем там написано, он потрет себе нос и ответит: — Видишь ли, папа, тому кто специально этим не занимается, пожалуй, не объяснишь.

Вне этих сугубо специальных интересов жизнь казалась им скучноватой.

«Чего им нехватает?» — удивлялся мистер Бантинг. Чувство скуки было незнакомо ему. Он вдвое старше своих сыновей, полон сил и находит жизнь весьма интересной. Мистер Бантинг барабанил пальцами по оконной раме и смотрел на садовую лужайку — надо подрезать газон и пройтись по нему с ватком. Крису и Эрнесту вряд ли придет в голову заняться этим. По лужайке бежал дрозд — пробежит и остановится, нагнув голову набок и будто прислушиваясь. «Неужели червей слышит?» — подумал мистер Бантинг, увидев, как дрозд в мгновение ока выхватил из травы червяка. Дрозд побежал вдоль бордюра из лобелии, остановился, послушать, засемена дальше, вернулся и снова прислушался. «Еще один на примете, — подумал мистер Бантинг уже окончательно заинтересовавшись. — Его не проведешь, жулика. Ага!.. Нет, не вышло!»

— Обедать! — провозгласила Джули. — Папа, стой у окна, ведь ты без воротничка. Как это некрасиво!

— Не следует забывать, — с напускной строгостью сказал Крис, — что мимо окна может пройти какая-нибудь фифочка из подружек нашей Джули, и вдруг увидит тебя в таком виде!

Джули показала ему язык.

— Довольно, довольно, — остановил их мистер Бантинг. — Не ссорьтесь. Давайте обедать.

Вся семья села за стол, собираясь пообедать не торомясь и со вкусом. Их трудовой день был закончен.

— Кто такие поселились в «Дерридине»? — спросил мистер Бантинг, разрезая жаркое.

— Он — чиновник гражданской службы, — с готовностью сообщила миссис Бантинг. — Я знаю это от миссис Оски, мы с ней сегодня встретились в мясной лавке. Она разговаривала с его женой.

— Гражданская служба! — сказал Крис. — Да ведь он работает на почте.

— А разве это не гражданская служба?

— Ну, так говорится просто для шика. Он сортировщик, только и всего.

— Неужели им по средствам жить здесь? — сказал мистер Бантинг. — Мы и то из последних сил пыжились.

— Биллорт скоро совсем омещанится, — заявила Джули, вся передернувшись от вульгарности отца. — В «Уаверлей» поселились какие-то ужасные люди. Муж ходит на работу в комбинезоне.

— Как раз то, о чем я мечтаю, — сказал Крис.

— На жалованье механика в таком месте не прожывешь, — вступил в разговор мистер Бантинг, не упускавший случая лишний раз показать Крису всю несуразность его замыслов. — Держись за свой банк.

— У Криса комплекс комбинезона, — сказал Эрнест.

Мистер Бантинг не стал допытываться, что сие значит. Эрнест постоянно твердил о каких-то комплексах, но поскольку толковый словарь объяснял комплекс, как «совокупность чего-либо, составляющую одно целое», смысл его замечаний оставался для мистера Бантинга неясным. Но на этот раз он не был расположен вступать в спор с Эрнестом.

— Мари, какой сегодня пудинг?

— Из манной крупы.

— Мой любимый, — объявил мистер Бантинг. — Ну, давайте тарелки.

— А все-таки Биллорт омензанился, — стояла на своем Джули. — Вся приличная публика разъезжается отсюда. Я бы тоже хотела переехать куда-нибудь в другое место.

— Никуда мы не переедем, — твердо сказал мистер Бантинг. — Будем жить, где живем, и будем задавать здесь тон. (Получилось неловко, но почему-то никто не засмеялся.) Старичок из «Манделэя» дал мне росток того самого плюща.

— Пана, какой старичок, — полковник? — вдруг ожи-
вилась Джули, — Я и не подозревала, что ты с ним знаком.

— Конечно, знаком. Разве он полковник? А я думал — какой-нибудь бывший бакалейщик или что-нибудь в этом роде.

— Е кому я совершенно равнодушен, так это к полковникам, — высокомерно сказал Эрнест. — Большей частью безмозглая публика. Насколько я знаю, он играет на пианоле.

— А что в этом плохого? — спросил Крис.

— В пианоле? Бог мой, консервированная музыка!

— А тем не менее цена пианоле восемьдесят гиней, — сказал мистер Бантинг. — Тебе это скоро будет по карману. И пластинки у него хорошие. Не то что Фуги. Кому еще? — спросил он, обводя всех глазами, точно аукционер, но не получил никакого ответа.

Ощущая приятную полноту в желудке, он поднялся из-за стола и расстегнул верхнюю пуговицу брюк. Это делалось всегда с известной нарочитостью, чтобы досадить Джули, которая, по его мнению, стала слишком уж перемонной за последнее время.

— Чай будешь пить, Джордж?

Бог неуместный вопрос! Гораздо тактичнее было бы ничего не спрашивать, а просто принести чашку чая. В последнее время мистер Бантинг старался отвыкнуть от послеобеденного чая. Е к несчастью, он заранее объявил о своем намерении. В одном из номеров «Сирены» была статья по этому вопросу. Чай раздражает желудочный сок, утверждал анонимный эскулап, изо дня в день на-

наставлявший читателей «Спрены». Вследствие этого желудочный сок не может оказывать должного действия на белки... На белки ли? А может быть, на углеводы?

Мистер Бантинг успел забыть доводы, приводимые против чая, но в то время они показались ему весьма убедительными. Ознакомление со статьей не подвигнуло его на решительный отказ от послеобеденного чая, но в сильной мере уменьшило удовольствие, которое он получал от этого напитка. Каждому, кто, подобно мистеру Бантингу, изучил свой организм с помощью «Домашнего лексика», было совершенно очевидно, что воздействие чая на желудочный сок губительно.

— Мари, если мне одному, то не надо, — твердо сказал он и, поднося зажженную спичку к трубке, услышал самый сладостный из всех домашних звуков — звон чайной посуды на кухне. Так и есть, она готовит чай. Превосходная женщина!

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Ну, Крис, — сказал мистер Бантинг, поставив чашку на стол и шумно вздохнув, — пойдем прогуляемся?

Крис уже успел переодеться и, стоя перед зеркалом в серых фланелевых брюках и спортивной куртке, смахивал щеткой воображаемые пылинки с плеч.

— Самый подходящий денек для загородной прогулки. Вспомним какой-нибудь из наших старых маршрутов. Пошлим в лесу. А, Крис?

Крис ответил не сразу: — Ты меня извини, папа, но я уже сговорился с Бертом Ралло.

Мистер Бантинг заранее опасался, что его приглашение будет отвергнуто. А ведь не так давно он был героем в глазах Криса и авторитетом по всевозможным вопросам. Каждую субботу они гуляли за городом и беседовали по душам. Силом и рядом мистер Бантинг отправлялся на такие прогулки исключительно ради сына, не успев как следует отдохнуть и прийти в себя после работы. И ведь прошло не так уж много времени с тех пор, как они прекратились. Но Крис уже давно перестал

ходить в ученическом жени и коротких синих штанишках до колен. Он быстро вытянулся. Теперь Крис — шеголеватый банковский служащий, носит широкополую фетровую шляпу, складка на брюках у него тщательно отутюжена, и всякий раз, как отец почувствует потребность в его обществе, выясняется, что он уже условился встретиться с неотразимым Бертом Ролло.

— Что-то перестали мы с тобой ходить на прогулки! — Мистер Бантинг оповестил об этом, словно о каком-то совершенно поразительном факте.

— Что ж, папа, если тебе хочется погулять со мной, давай соберемся как-нибудь в субботу.

В предложении Криса была такая готовность припрести свои развлечения в жертву сыновнему долгу (готовность сама по себе весьма похвальная), что мистера Бантинга покорило. Может быть, Крис считает теперь прогулки с отцом слишком ребяческим времяпрепровождением? Мистер Бантинг вспомнил себя в его возрасте. Но чувство разочарования не помыкнуло его. Ему не хотелось оставаться одному, ему нужно было чем-нибудь отвлечься от мыслей о Вентноре. Если он не думает о Вентноре сейчас, так только потому, что сознательно гонит от себя эти мысли. А остаться наедине с самим собой — значит опять Вентнор, опять всякие страхи.

— Ведь не могу же я надуть Бerta Ролло!

— Конечно, нет, — согласился мистер Бантинг, подергившей рукой поднеся сигарку к трубке.

Он вздохнул и направился в гостиную. Он чувствовал себя одиноким, таким одиноким! Тревожные мысли уже подбирались к нему, точно волки к костру, разложенному в поле.

Эриест переселился у себя в комнате. Его этюды все еще стояли на юпитре. «Непонятная вещь — музыка», — подумал мистер Бантинг, перелистывая ноты. Его удивляло, что кому-то она доступна. Этюды, наверное, нелегкие. Он судил об этом по количеству черных нот; такие черные страницы очень трудно играть. А Эриест шпарит их с легкостью, будто читает газету. Но Эриест — способный юноша. Нет такой премудрости, которую он не смог бы одолеть при желании.

В школе ему все давалось легко — и латынь, и фран-

цузский язык, и всякие пксы-игреки, которые казались его отцу совершенно непостижимыми. Похвальных грамот за эти пауки у него накопилась уйма. А как он готовился к аттестату зрелости! Сколько раз мистер Бантинг, услышав среди ночи скрип стула, поднимался с кровати, следил вниз и, застав Эрнеста за книгами, насильно прогонял его спать. Да, в то время Эрнест не оставался ни перед чем.

Но теперь он представлял собой загадку, и это раздражало отца. Весь пыл его как рукой сняло. Эрнест ходил ко всему безучастный, хмурый и даже перестал интересоваться своей работой. Казалось бы, мало ли чему можно научиться, служа клерком в городском управлении. Так нет же! Более дельного занятия, чем бренчать на рояле, Эрнест не смог найти. В занятиях музыкой ничего плохого нет — до известных пределов, конечно, — но что это даст в будущем? Бесцельная трата времени — только и всего. Эрнесту следовало бы изучать парламентские акты и... ну, всякие другие вещи, с которыми приходится сталкиваться клеркам в городском управлении, а не какие-то там этюды, фуги и сонаты.

Мистера Бантинга подчас сердило даже выражение его лица. Он видел в нем, как в зеркале, отвращение к возне с протоколами, отвращение к выстукиванию их на пишущей машинке — женская работа! Эрнесту никакими силами нельзя было внушить, что начинать приходится всегда с самой нижней ступеньки лестницы.

— Вот возьми хотя бы меня, — не раз говорил ему мистер Бантинг. — Я поступил к Брокли на пять шиллингов в неделю. — Правда, он упорно пробивал себе дорогу, а главное, интересовался своей работой. Но Эрнест не желал равняться по отцу. Он не проявлял ни малейшего интереса к тому, что делалось у аших в городском управлении. Положение по службе у него хорошее, прочное, часы работы удобные, когда-нибудь дослужится и до пенсии. И тем не менее другого такого привередливого юнориа не найдешь во всем Килворте.

— Ну что с тобой? — с раздражением спросил однажды Эрнеста мистер Бантинг. — Тебе не нравится эта работа?

И вместо того, чтобы ответить в обычном для него полuche-насмешливом тоне, Эрнест вяло сказал:

— Да нет, пока ничего. Но ведь это не профессия. Я, конечно, знаю, папа, что тебе не по средствам дать мне настоящую специальность.

— По-моему, я и так уже много для тебя сделал, Эрнест.

— Ты сделал все, что мог, папа, для всех нас. — Он помолчал, потом снова заговорил, густо покраснев: — Может быть, с моей стороны глупо так рассуждать, но я встречаюсь по службе с клерками-практикантами и с начинающими адвокатами. Никаких особых хитростей в этой работе нет, я бы моментально все это постиг. А мне приходится выполнять их поручения, величать их «сэр» только потому, что их отцы дали им возможность выйти в люди. Кроме того, они не отличаются чрезмерной тактичностью.

— Ага! — сказал мистер Баптинг, вспомнив Вентура и ощутив я слыю товарища по несчастью. — Переуспевают? А тебе это не поугру?

— Да нет, не в этом дело. Просто мне тоже хотелось бы иметь возможность выйти в люди, по-настоящему выйти в люди.

Сочувствие сыну смягчило недовольство мистера Баптинга.

— Но у тебя есть такая возможность, — зарекомендовал он. — Ты человек молодой, способный. Вот достигнешь до моих лет, тогда и прощайся со всеми надеждами, а сейчас еще рано.

Но, насколько отец мог судить, такие разговоры не производили на Эрнеста должного впечатления.

Сейчас Эрнест спускался по лестнице, одетый в светлый двубортный костюм, качеством куда дружно отцовского. Он подошел к шкафчику в холле и достал оттуда свою серую фетровую шляпу, лежащую в бумажном пакете.

— Ты куда, Эрнест?

— На состязание по крикету. Ведь скоро конец сезона.

— Я хотел немного прогуляться. — В этих словах слышалось робкое приглашение. — Сегодня за городом, наверное, очень хорошо.

— Да, наверное. Ну, до свиданья, папа.

Эрнесту, должно быть, и в голову не пришло, что отцу не хочется идти одному. Мистер Бантинг провёл его глазами до калитки, выкрашенной зелёной и белой краской, и дальше по Кэмберленд-авеню. Высокий, стройный, действительно незаурядный юноша. Какая жалость, что у него не лежит душа к работе! С болью в сердце мистер Бантинг увидел, как Эрнест повернул за угол.

В коттедже «Золотой деждь» воцарилась тишина, на душе у мистера Бантинга — одиночество. Почему он не сказал Крису пачистоту: слушай, сынок, у меня столько всяких забот и волнений. Я не могу торчать здесь один. Будь другом, оставь своего Ролло и пойдем со мной погулять. Если бы ты знал, как это подбадривает меня!

Хоть и нестерпимо такое вымолвить, а все-таки следовало бы. Неужели бы Крис не откликнулся? А вот Эрнесту ничего подобного не скажешь.

Мистер Бантинг подошел к камину и остановился, вслушиваясь в тишину дома. Ни единого звука, кроме тикающей идеальной выверенных часов. Шагнул в сторону, мистер Бантинг задел ногой кочергу; она упала с таким грохотом, что он вздрогнул. Сердце испуганно забилося. Теперь все действует ему на нервы. Чувство одиночества угнетало его, хотя прежде он тысячу раз оставался один в гостиной. И без всяких на то оснований мистер Бантинг дотронулся большим пальцем до запястья и почувствовал биение пульса — как будто не своего, а чужого. Он сосредоточенно посмотрел на себя в зеркало над каминном. Он разглядывал свое лицо, словно это было лицо какого-то незнакомца, сидевшего напротив него в автобусе. Как странно! За последнее время столько было всяких ужасов и волнений, и хоть бы они как-нибудь связались с ним! И он подумал: «Вот каким меня видит Вентнор. Вот он, Бантинг, из отдела скабьёвых дел, шестьдесят двух лет отроду: таков я на взгляд Вентнора». Вентнор! Велъ он дал себе слово не думать о Вентноре. Но стояло только остаться наедине с самим собой, и Вентнор выскочил, точно из засады, и шагнул вперед, поглядывая на него своим высокомерным взглядом. Мистер Бантинг усмехался этот до противного жеманный гримас: — Э-э... Бантинг!

— Провались ты к черту! — пробормотал он. Что с

ним такое делается? Неужели он не может совладать со своими мыслями? Одиночество — вот в чем вся штука; не с кем поговорить, ничем заняться. Он вспомнил о жене. По субботам миссис Бантинг обычно ложилась после обеда, а он садился у нее в ногах и мирно разговаривал с женой, пока она отдыхала. Мистер Бантинг поднялся на цыпочках по лестнице и тихонько вошел в спальню. Жена лежала на кровати одетая и спала. Ее жидкие волосы чуть растрепались; черты лица, смягчившиеся во сне, выдавали ее возраст, чего никогда не бывало в часы бодрствования. Мистер Бантинг с нежностью смотрел на нее. Он не огорчался тем, что это лицо, много лет назад пленявшее его своей миловидностью, стало теперь совсем другим. Они были вместе уже сорок лет. Мистер Бантинг женился, имея сотню фунтов на текущем счету и жалованье тридцать два шиллинга и шесть пенсов в неделю. Какие далекие времена, если оглянуться на них отсюда, из относительного комфорта «Золотого дождя»! Когда мистер Бантинг вспоминал свою холостяцкую жизнь, ему приходилось возвращаться вспять к отдаленным годам, которые были лишены для него плоти и крови. Он словно прожил с женой всю свою жизнь. А сейчас она спит. Придется обойтись без того успокоения, которое даст ему ее голос. И спит крепко! Он прислушался к ее ровному дыханию. Потом осторожно поднял край пухового одеяла, укутал ее ноги в домашние туфли, бесшумно опустил шторы и так же на цыпочках спустился вниз.

Не оставалось ничего другого, как пойти в сад. В саду всегда найдется какое-нибудь занятие. Мистер Бантинг сходил за своей садовой шляпой, ибо, по его твердому убеждению, самой необходимой принадлежностью для работы в саду являлась потерязывшая всякий вид шляпа. У него имелся такой головной убор, а именно истасканная, отслужившая свой срок, пожелтевшая от солнца панاما, которая становилась ему тем дороже, чем сильнее возмущалась ею жена. Он даже проткнул в тулье две дырки на предмет вентиляции, а также для придания панаме романтического вида. Украсив макушку этим сногсшибательным головным убором, мистер Бантинг вышел на солнышко и с удовольствием остановил свой

взор на соседа, мистера Оски, копавшегося рядом у себя в саду.

Оски принадлежала к той категории садоводов, которые каждый уик-энд сломя голову несутся домой, наскоро перехватывают что-нибудь вместо обеда и, вооружившись полным набором инструментов, приступают к тому, что является, по их мнению, основной задачей дня.

Никто еще не видел, чтобы Оски получал какую-нибудь радость от своего сада. Он никогда не сидел там, никогда не покуривал в раздумьи трубочку среди роз, как это делал мистер Бантинг. Он трудился и только. Его постоянно можно было видеть в саду и большей частью согнувшимся в три погибели; надо сказать, что копался он в земле с чисто тевтонским упорством. Бантинги чаще всего имели удовольствие созерцать его сзади.

Так и сейчас, увидев среди грядок канусты зад Оски, мистер Бантинг обрадовался. Наконец-то есть с кем поговорить! До тех пор пока разговор велся на садоводческие темы, сосед не считал перерывы в своей работе потерей драгоценного времени. — Нам всем следует учиться, — многозначительно говорил Оски, ибо он был твердо убежден, что мистер Бантинг ничего не смыслит в садоводстве, по крайней мере в той его разновидности, которую с таким успехом применял на практике сам Оски, — а именно в садоводстве научном.

Часто, сажая цветы на бордюрах, мистер Бантинг чувствовал на себе пристальный взгляд соседа, и вслед за тем до него доносились слова: — Что это у вас, — львиный зев? Ну, так вы его слишком густо садите. Так нельзя, — и величавость требовала, чтобы мистер Бантинг поднялся с колен и, обозрев идеально рассаженный, великолепный принявшийся львиный зев Оски, выслушал лекцию о выращивании этой культуры.

— На то, что пишут в справочниках, не обращайте внимания. Все они врут. Надо изучать самую почву.

Всёведение Оски сперва вызывало зависть мистера Бантинга, но потом он открыл, что тот может с равной уверенностью разглагольствовать решительно обо всем, стоит только навести его на нужную тему. Оски давал простразные объяснения по любому вопросу, даже самому

пустяковому. Однажды мистер Бантинг попросил его показать, как надо действовать мотыгой, и Оски продемонстрировал применение этого инструмента на сорняках мистера Бантинга, с важностью показывая свою «хватку», словно на уроке игры в гольф. — Ничего, как будто поняли, — сказал он, подойдя дня через два к изгороди. Повидимому, Оски считал мистера Бантинга человеком не слишком сообразительным.

— Посмотрите, какие у меня помидоры. Выглядят что-нибудь подобное? — такими словами он приветствовал мистера Бантинга в тот день. — Нет, вы только полюбуйтесь!

До сих пор мистер Бантинг всеми силами старался игнорировать помидоры Оски и теперь с большой неохотой обратил глаза в ту сторону. Его собственные тусклые, бесплодные ростки, казалось, захирели еще больше под взглядом эксперта.

— Там же нет солнца. Вам бы следовало посадить их на северной стороне.

— Они и так сидят дальше к северу, чем выги.

— Дело не в том, дальше или ближе, — сказал Оски, чувствуя необходимость дальнейших разъяснений. — При посадке помидоров нужно руководствоваться стрелками компаса.

— Премного благодарен. Уж как-нибудь обойдусь без компаса.

— Да разве они у вас так созреют? Вот, допустим, — продолжал Оски, — допустим, что мы стоим здесь. Значит, экватор будет в той стороне... Следовательно, сажать помидоры надо воц там.

— Экватор в той стороне? — удивленно воскликнул мистер Бантинг.

— Ну конечно.

— Я сажаю помидоры, при чем же тут экватор?

— Как при чем? Мы ведь в северном полушарии. А вы их посадили будто не в Англии живете, а в Австралии.

— Послушайте! — сказал мистер Бантинг, подходя ближе к изгороди и начиная горючиться. — Что вы тут мечтаете?

— Экватор, старина, экватор. — И вдруг его взяло

сомнение. — Ведь вы же знаете, что такое экватор? Воображаемая линия. Неужели вас в диколо этому не учили?

— Об экваторе я знаю не меньше вашего, а вот чтобы мне говорили, где он находится, да еще показывали: «вон, мол, там», — это я в первый раз слышу.

Где же он, но-вашему, на северном полюсе, что ли?

— А мне все равно, где он. Ну его к черту! Подавитесь вы своим экватором.

Оски с удивлением взглянул на него.

— Чего вы так разволновались? Я вам говорю, что помидоры у вас посажены не там, где надо. Да вы сами посмотрите. Даже завязи нет.

— Да что я, не могу купить помидоров, что ли?

— Купить? Э-эх! — воскликнул Оски и, бормоча что-то себе под нос, вернулся к своей капусте. Он был возмущен.

Но у мистера Бантинга немного отлегло от сердца после этой переделки. Она освежила его. Ухмыляясь, он вакурля трубку, отошел от искусственной каменной горки к цветочным бордюрам и осмотрел свои многолетники — те, которые уцелели. Он совсем не стремился непременно выискивать себе какую-нибудь работу, он попросту наслаждался своим садом. Что касается садоводства, так тут мистер Бантинг был фаталистом. Он не считал нужным волноваться из-за филлоксеры или засухи. Он сажал цветы и овощи с должным тщанием, а остальное предоставлял природе. Погода есть погода — для одного растения хороша, для другого нет; он принимал неудачи спокойно, полный той мудрости, которая превыше всякой техники. В прежние годы мистер Бантинг возился со своими посадками — опрыскивал их профилактическими химикатами, подкармливал патентованным удобрением. Часто бывало так, что те растения, которые он больше всего охаживал, увядали и гибли, а предоставленные самим себе разрастались, как крапива. Неизвестно, какие заключения делал из этого факта Оски; мистер же Бантинг видел в нем подтверждение своей жизненной философии: когда с растениями слишком даяччаться, им это не идет впрок, так же как и людям.

Они должны сами пустить корни поглубже в землю и

поднять листья повыше к солнцу. За жизнь надо бороться. То же самое делал и он, и это не повредило ему. Вот дождал до шестидесяти двух лет, обзавелся хорошим коттеджем, хорошим садом, и на счету в банке кое-что отложено.

«Ничего, живем помаленьку», — размышлял мистер Бантинг, с гордостью глядя на «Золотой дождь». Через два года страховые взносы будут погашены полностью, закладная выкуплена, и «Золотой дождь» перейдет в его безраздельную собственность. Прочный, основательно построенный домик. За него всегда дадут восемьсот пятьдесят фунтов, если надумаешь продавать. Конечно, продавать «Золотой дождь» он не собирается, но все-таки — восемьсот пятьдесят фунтов. На это можно прожить несколько лет, перетерпеть черные дни.

Он отмахнулся от этих неприятных мыслей.

Не может же человек, который начал рассылным и дослужился до заведующего отделом (думал он), потерпеть крах. Образования ему нехватает, это верно, но не будь у него способностей, он не достиг бы своего теперешнего положения при таком скромном начале. Дом, в котором он провел юность, был совсем непохож на «Золотой дождь». Кирпичная клетушка в Кемдентауне, вечные клубы пара от соседской стирки, жидкие тюлевые занавесочки, коврики, спятые из старых лоскутов. Его мать всегда ходила какая-то растерянная, словно недоумевая, что ей делать с таким количеством детей; отец — камен по профессии — исполнял скудные заработки продажей дров.

В этом доме мистеру Бантингу (часто с помощью ремня) прививали викторианские добродетели — бережливость и упорство. Он вспоминал об этом без недоброго чувства. Память родителей была для него священна. Но такно, как Вентнор, не склонны восхищаться человеком потому, что он справился с житейскими трудностями; они презирают тех, кому эти трудности выпадают на долю. Для Вентнора такой человек — существо «низшей породы», которое можно поминутно одергивать и ставить на место. Вот чему их учат в привилегированных учебных заведениях.

Этот высокомерно-жеманный голос, эта манера при-

творяться, будто он не понимает, что вы говорите, — стоит вам только неправильно произнести какое-нибудь слово, а потом вдруг догадывается... осенило! Эти неожиданные переходы от снисходительной улыбочки к повелительному тону — все это снова нахлынуло на мистера Бантинга, когда он стоял среди розовых кустов.

— Если б не дети, я бы и дня там не остался. Ни единого дня. Взял бы расчет. А ему такого бы наговорил! — бормотал мистер Бантинг. Но приходится думать о детях, о карьере сыповой, о закладной на «Золотой дождь», о страховке. Приходится думать обо всем том, что он любит и чем гордится, — о том, что сейчас держится исключительно милостью Вентнора. И если в одно прекрасное утро Вентнор вручит ему жалованье вперед за месяц и предупредит об увольнении...

— Ну к чему я об этом думаю! — беспомощно воскликнул мистер Бантинг и зашагал к дому.

Жена уже сошла вниз и собиралась мыть посуду на кухне. Увидев его, она улыбнулась, повернула к нему лицо, и они поцеловались. Когда детей поблизости не было, мистер и миссис Бантинг позволяли себе большую интимность отношений.

— Как я сладко вздремнула! Уж очень спать захотелось, даже посуду не убрала.

Он взял полотенце и стал вытирать тарелки. — Разве Джули не может этим заняться? Да и у Криса с Эрнестом тоже руки не отпадут.

— Я не хочу их утруждать, милый.

— Ничего кроме пользы от этого не будет, — горячо возразил мистер Бантинг. Давно зародившаяся мысль всплыла на поверхность и вылилась в такие слова:

— Право, мы с ними уж слишком няньчимся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бланк подходящего палата пришел с шестичасовой почтой. Все члены семьи видели это; каждый приготовился выслушать взволнованную и сбивчивую проповедь мистера Бантинга, в которой он будет изобличать расточительство домашних и излагать собственные свои

«соображения по поводу подоходного налога». Он считал, что вся система налоговых сборов построена, по видимому, по принципу выжимания соков, главным образом, из плательщиков, сходных по своему положению с мистером Бантингом. Вскрывая эти конверты, он всякий раз свирепо бормотал какие-то проклятия.

Мистер Бантинг сел к столу и начал заполнять бланк, смутно надеясь, что результаты подсчета будут более или менее в его пользу. Но он сразу же сделал одно крайне неприятное открытие: льготу на Джули требовать уже нельзя, так как ей теперь больше шестнадцати лет. Он сердито заерзал на стуле.

— Опять ты волнуешься из-за этих налогов, — сказала миссис Бантинг, не отрываясь от потопавшего белья. Она спровадила детей в гостиную, откуда теперь доносились экспериментальные пассажи Эрнеста, пробующего свои силы на этюдах.

— Неужто он ни на минуту не может прекратить это бредячие? — разразился мистер Бантинг, устремив яростный взгляд на перегородку. Он трижды подсчитывал цифровой столбик, и неожиданная шеноньевская трель трижды сбивала его со счета.

Если Джули действительно больше шестнадцати лет, то сумма обложения сразу же подскочит на пятьдесят фунтов. Запрошенная по этому поводу миссис Бантинг подтвердила возраст Джули (мистер Бантинг прекрасно знал его и сам, но ему хотелось, чтобы другие тоже осознали, с какими трудностями приходится сталкиваться при заполнении бланка подоходного налога). Миссис Бантинг с предельной точностью установила дату, указала час и даже минуты рождения Джули и на некоторое время увела мужа в прошлое к воспоминаемым об этом тревожном дне. Но самый факт был установлен твердо: Джули исполнилось семнадцать лет, и она уже не могла служить козырем в руках мистера Бантинга при его сношениях с министром финансов Великобритании. Надо заметить, что с той же почтой — эта несправедливость сильно кольнула мистера Бантинга — пришло и очередное письмо мисс Морган-Деля, написанное на элегантно шероховатой бумаге с перошным обрезом. В верху страницы стояли слова: «Илата за

семестра, а в постскрипуме перечислялись дополнительные детали школьной формы и другие вещи, которыми мисс Бантинг должна обзавестись к предстоящему учебному году.

— Меня возмущает не плата, — но вполне правдиво заявил мистер Бантинг, — а все эти ленточки на пазамы, спортивные кофточки и хоккейные клюшки. Какое это имеет отношение к урокам?

— Ну как же, милый. В хороших школах все одевается одинаково.

— А по-моему, это выкачивание из нас денег, и больше ничего. — Он посмотрел на записанный бланк. Раздражение сделало свое дело — некоторые цифры были написаны неразборчиво и с излишним нажимом пера. Ничего, разберется, им за это деньги платят!

— Как я в этом году внесу подоходный налог — просто не знаю! — сказал мистер Бантинг. — Расходы по дому колоссальные. Мотовето, желая сэкономить — этим они все страдают. Он открыл папку со счетами и, бросив взгляд на ее содержание, воскликнул таким испуганным голосом, словно наткнулся на спящую кобру: — Господи Боже! И это только за последний квартал?

Мисс Бантинг спокойно подтвердила его догадку.

— Ну, знаете! — сказал он и с растерянным видом возвратился на длину счетов; он словно оцепенел от ужаса.

Все счета мистер Бантинг сам, собственноручно, складывал в папку, и все же, изыскивая их оттуда, он каждый раз изумлялся их количеству. У него, вероятно, возникало подозрение, что счета каким-то путем размножаются в папке. На некоторые он взирал удивленными и полными недоумения глазами. — Виски? Разве я покупал бутылку виски? — и после долгих размышлений смутно припоминал, что такой факт действительно имел место. Но все же некоторая доля сомнения в нем оставалась. — Но знаю, может быть! — восклицал он.

Мистер Бантинг рассматривал счет за электрическое освещение, и чело его все больше омрачалось. Согласно новому тарифу эта статья расхода должна была бы уменьшиться. А получилось наоборот: счет значительно возрос.

— Три фунта десять шиллингов за электричество!

Каким же это образом? Да когда Эриест готовился к экзаменам, и то было меньше!

— Право, не знаю, милый.

— Это кто-нибудь из детей. Да, и я догадываюсь кто, — конечно, Джули!

Взволнованный, он встал из-за стола, вспомнив, как однажды вечером, когда он курил на дужайке перед дном последнюю трубку на ночь, в спальне Джули вспыхнул подозрительно яркий свет. Он хотел тут же расследовать это дело, но Джули уже раздевалась. Мистер Баптинг редко бывал у нее в спальне. К мальчикам он заходил когда угодно, предварительно постучавшись. Но Джули выросла и становилась, что называется, девицей с претензиями. За последнее время ему не раз случалось наблюдать, что как только на лестнице раздавались чьи-нибудь шаги, дверь в комнату Джули, — даже если бывала приоткрыта всего на какой-нибудь дюйм, — захлопывалась с демонстративным стуком, властно утверждавшим святость женского уединения. Это бессмысленное хлопанье дверью возбуждало гнев в мистере Баптинге. Скромность — вещь хорошая, он сам стоит за скромность, но срываться с места и хлопать дверью только потому, что отец поднимается по лестнице, — в этом было что-то оскорбительное. Он все собирался напомнить Джули, что не так давно отец каждую пятницу собственноручно купал ее по вечерам в цинковой ванночке.

Мистер Баптинг быстро поднялся по лестнице, распахнул дверь в комнату Джули и сразу окунулся в атмосферу, насыщенную сильным запахом косметики. Он нацупал выключатель и зажег свет.

Комнату залило мягким голубоватым сиянием.

— Ах ты!.. Лампочка дневного света! Вот дрянь девочка! Ввернула такую штуку и хоть бы слово кому сказала! — Мистер Баптинг вынул лампочку и обследовал ее в желтоватом свете на площадке лестницы. Восемьдесят ватт! Кровь бросилась ему в голову. Он чуть было не швырнул лампочку об пол, но во-время сообразился. Такая штука стоит по меньшей мере три шиллинга шесть пенсов.

— Вот, полюбуйся! — сказал он, входя со своей

добычей к миссис Бэнтинг. — Восемьдесят ватт! Мы с тобой ложимся спать при сорокаваттной, почему же она этого не может?

— Ей хотелось такую лампочку, которая дает натуральный свет. Это у них теперь модно.

— Натуральный свет! — сухо сказал мистер Бэнтинг. — Судя по тому, как там разит пудрой и помадой, он ей меньше всего нужен. Господи боже, это еще что?

Он взял в руки следующий счет и строго воззрился на него.

— Свитер и фланелевые брюки — два фунта пять шиллингов. Тоже наша покупка?

— Это Эрнесту, — пояснила миссис Бэнтинг, ничуть не смущаясь недоумевающим тоном мужа. — Когда он вступил в члены клуба, ему пришлось купить себе такие же костюмы, как и у других молодых людей.

— Пришлось! — с раздражением повторил мистер Бэнтинг. — Пришлось! Слишком уж часто у нас в семье слышно: «Пришлось купить это, пришлось купить то». Значит, так: модные брюки ему, а счет мне? Наш Эрнест, — продолжал мистер Бэнтинг, — живет так, будто у него сотни три в год дохода, а сам получает... сколько он получает, Мэри?

— Он дает мне двадцать пять шиллингов в неделю.

— Так ты не знаешь, сколько он получает?

Миссис Бэнтинг с невозмутимым видом перекусила нитку. — Точно не знаю, милый.

— Ну, тогда я сам постараюсь узнать. Я поговорю с Эрнестом, — и мистер Бэнтинг решительно отложил счет в сторону. — Но вижу я, чтобы мы с тобой богатели, старушка, — задумчиво проговорил он. — Да и вряд ли это когда будет. Бьемся, как рыба об лед.

— Такова жизнь, Джордж.

— Да... если обзаведешься семьей. А я, — он вздохнул, — я вот уже пятнадцать лет говорю, что тебе надо купить меховое пальто.

— Мне это как-то не подходит, Джордж.

— Хорошо, что ты так думаешь.

Его взор снова упал на лампочку дневного света. После стольких трудов ему не хотелось двигаться, но нужно было принять какие-то меры; этого требовал

отцовский долг. Он попробовал разжечь в себе угасшее негодование. Лампочка в восемьдесят ватт горит уже которую неделю: можно биться об заклад, что по небрежности ее оставляют невыключенной на целые часы, когда Джули уходит в кино. У них у всех такая маперя — оставлять свет. Сколько раз ему приходилось отрываться от вчерней газеты, идти в холл или на лестницу, выключать ненужное освещение и спрашивать, как они, собственно, думают: это «Золотой дождь» или площадь Пикадилли?

— Слушайте, — начал он, входя в гостиную, — кто из вас так роскошествует с электричеством?

Во взглядах, которыми его встретили, читалась весьма слабо завуалированная насмешка. Проповедь о мотиве являлась неизбежным следствием единоборства мистера Бантинга со счетами, и за последние полчаса в гостиной с минуты на минуту ожидали его появления. Но какой текст положит он в основу своей проповеди, этого никто не мог предвидеть заранее. На сей раз, очевидно, будет об электричестве. Ну что ж, пожалуйста. Все трое усадились поудобнее и приготовились выслушать гневную речь. Эрнест повернулся на табурете лицом к отцу, сложил руки на груди и опустил глаза долу. Крис склонил голову от книги и ждал, держа палец на том месте, где его прервали. Но Джули вдруг ни с того, ни с сего закатилась и была вынуждена прибегнуть к помощи носового платка. — Подавилась конфетой, — пояснила она захихикав.

— С каким электричеством? — ангельски повинным голосом спросил Крис, а у Джули затряслись плечи от смеха.

Ах, так! Значит, они принимают все за шутку?

— Кто ввернул эту лампочку в комнату Джули?

— Крис, — не задумываясь, с чисто женским коварством передала Джули брата. — С той малюсенькой, которая у меня была раньше, я ничего не видела.

— Двадцать пять ватт, — подтвердил Крис.

— А вы знаете, что по сравнению с прошлым кварталом счет подскочил на одиннадцать фунтов восемь пенсов?

Молчание. Таких ужасных последствий, повидному, никто из них не предвидел. — Так вот, да будет вам

известно, — сказал мистер Бантинг. — Одинадцать фунтов восемь пенсов, — и помахал счетом.

— Слушай, папа, — рассудительно начал Эрнест, — если мы будем платить не по счетчику, а с точки...

— Мы будем платить только по счетчику, — перебил его мистер Бантинг. — Надо немного сократить. Нам всем. Приучайтесь гасить за собой свет. Кажется, это не труднее, чем зажигать.

Никто не стал оспаривать эту истину. В гостиной воцарилось тягостное молчание — очевидно, знак согласия.

— И вот еще что: тут у меня есть счет за твои костюмы, Эрнест. Два фунта пять шиллингов. Для чего такая трата? Только для того, чтобы играть в какую-то игру. Если уж ты решил фразить, тогда проси прибавки в своей стипендии.

— Стипендия, папа, — осторожно исправил его Крис. — Да это, кстати, совсем и не сти...

— Хорошо, — к своему жалованью. Сколько ты получаешь?

Эрнест вспыхнул. — Я даю маме все, что могу. Мне платят сто фунтов и будут прибавлять до двухсот — по десять фунтов ежегодно. К тому времени мне исполнится двадцать девять лет. — Он говорил с горечью.

— Я только хотел узнать, — примирительным тоном сказал мистер Бантинг. — Нам надо как-то сократить расходы. Счета приходят огромные, просто огромные. Придется малость урезать себя. Втянуть рожки, как сказано у поэта. Попятно? — Он вовсе не собирался закончить на такой жалостливой ноте. Он хотел говорить строго, властно, но, сам того не замечая, сбавил тон и под конец решил, что так, по-дружески, будет лучше.

Эрнест и Крис кивнули головой в знак согласия. Опыто поняли его. Но Джули, считавшая разговоры о деньгах признаком дурного тона, была запята складыванием разрезной картинки.

— Сколько ты заплатила за эту штуку? — спросил ее мистер Бантинг, постаравшись вложить в свой вопрос всю проницательность, на которую он только был способен.

— Один шиллинг шесть пенсов, — нежным голоском ответила Джули, не прерывая своего запятия.

— Выброшенные деньги. На мой взгляд, совершенно бессмысленная игра! — И с сокружительным сарказмом: — Разве только для малышек годится.

— Куда же мне сунуть этот красный кусочек? — размышляла Джули вслух. — Ты что, папа, говоришь?

— Ничего! — рявкнул мистер Бантинг на прощанье.

— Ну, все им сказал, — доложил он, вернувшись к жене. — Хотя вряд ли это на них подействует. Джули, так та прямо просится, чтобы ее отшлепали. Неужели она не может помочь тебе с починкой? Чем она занята? Складывает какие-то картиночки?

— Свои вещи она теперь сама чинит, Джордж.

— И вообще, почему дети так мало помогают по дому? Впрочем, что удивительного? Ждут, когда эдаких все будет сделано. Мы бились, мы берегли каждый пенни, чтобы дать им образование, устроить их на работу, воспитать как следует. А теперь, когда просишь их сократить расходы, они поворачиваются к тебе спиной и над тобой же смеются.

— Ну, что ты, милый! Они никогда этого не делают. Но разве молодежь понимает, каких денег стоит содержать целый дом?

Мистер Бантинг в раздумьи набивал трубку. Нескучно, она права; во всяком случае от нынешнего поколения этого ждать нечего. Его детство прошло совсем по-другому. Ему-то было хорошо известно, каких трудов стоило родителям не допустить судебного пристава в кирпичную клетушку в Кэмдентауне. Он не помнил такого времени, даже в самом раннем детстве, когда не требовалось бы его участия в этой борьбе. Каких только он дел не переделывал в вечерние часы после школы! То рассыльным, то газетчиком, то подручным на дровяном складе. Бывала и черная работа, о которую Крис и Эрнест и руки бы марать не захотели. Да, в те дни он не упускал ни одного случая заработать лишний пенни. И что получилось в результате? Получился человек закаленный, независимый, сумевший преуспеть в жизни.

Но теперь все стало совсем по-другому. Отсутствие инициативы у молодежи подчас повергало в уныние даже «Сирену». Взять хотя бы его собственных детей: они воспитывались в искусственно благополучной атмосфере. Точно

тепличные растения. Им не надо было прилагать какие-то особенные усилия, чтобы поглубже пустить корни в землю и повыше поднимать листья к солнцу. Ветер пухляк никогда не веял им в лицо. А предположим — и призрак Вейгнера снова омрачил думы мистера Бантинга — предположим, что наступит такое время, когда им придется самим постоять за себя. Мистер Бантинг не мог даже вообразить, чтобы Крис и Эрнест пробивали себе дорогу в жизни, как это делал он. Что касается выпосливости, то молодому поколению далеко до стариков. У них опустятся руки, они растеряются. Что тогда с ними будет?

Мистер Бантинг риксовал себе самую мрачную перспективу и затруднялся ответить на этот вопрос.

— Как мы будем жить, если со мной что-нибудь случится на работе, просто не знаю, — сказал он вслух.

— А что может случиться, Джордж?

Он решился кое на что намекнуть ей: — Ну, например, если меня уволят.

— Да, будет тебе, — невозмутимым тоном ответил миссис Бантинг.

— Нет, Мэри, я говорю совершенно серьезно. Ведь тогда наше положение несколько изменится, верно?

— Ну, еще бы. — Она вдруг отскочила от своего шитья и посмотрела на мужа.

— Джордж, почему ты вдруг заговорила об этом? Ведь у Брокли все попрежнему, да?

— Да.

— Тогда откуда у тебя такие мысли?

— Да просто настроение такое, хочется поразмыслить. Знаешь — старею. Шестидесят два года.

На несколько минут в комнате воцарилась тишина. Он чувствовал на себе испытующий взгляд жены. А потом у нее вырвалось только одно слово: — Джордж!

Он поднял голову, и сердце у него дрогнуло. — Мэри, успокойся, да что с тобой?

— Джордж, скажи мне — ты болен?

— Да нет, конечно!

— Но что случилось?

— Ничего. Просто я задумался.

— Если б ты заболел, ты не стал бы скрывать это от меня?

— Конечно, нет. — Пришлось успокоительно поклонать ее по плечу. — Ничего, ничего, но расстраивайся.

— Как ты меня пугал!

— Я совершенно здоров, — решительно заявил мистер Баттинг. — Мне просто захотелось обдумать все как следует — тут и счета, и складная, и то, что сыновья ничего не зарабатывают. Ведь все это лежит на мне. Как на том великане, который держал на своих плечах весь мир. Помнишь? Атлас, на обложку учебника. Так что, если со мной сейчас что-нибудь приключится, это будет очень некстати.

— Пока ты с нами, — весьма практически заметила миссис Баттинг, — мы как-нибудь выкрутимся. Всегда ведь выкручивались.

Стоя у камина, веселый огонек которого приятно пригревал ему ноги, мистер Баттинг, исполненный супружеской нежности, расчувствовался и решил заменить свои пессимистические взгляды на будущее более оптимистическими. В самом деле, счета не так уж страшные, за предыдущие кварталы набиралось не меньше. Небольшая головомойка — вещь вполне законная, когда хочешь внушить детям необходимость жить более экономно. Он только этого и требует — разумной экономии. Не мелочности и не скупящничества, как им кажется, а разумного расходования средств до тех пор, пока обстоятельства не изменятся к лучшему. Правда, у Брокли дела его идут не совсем ладно. Надо объясниться с Вентуром. А если с Вентуром все уладится, тогда можно жить спокойно и ждать, когда сыновья начнут зарабатывать побольше и станут на ноги. Сейчас вся беда в том, что он расклеился. Нервы. Пострадавшие нервы; в «Домашнем лекарстве» они так и нарисованы — болтаются лохмотьями. Сейчас хорошо бы пропустить стаканчик. Отчасти это, конечно, роскошь — двенадцать шиллингов шесть пенсов бутылке, но лучшего подкрепительного не сыщешь. Сотрудник «Сирены» по медицинским вопросам утверждал, что стаканчик виски не может навредить человеку, которому уже перешло за сорок, и мистер Баттинг с особым вниманием отнесся к этим его словам. Вино и виски, он всякий раз говорил миссис Баттинг, что чувствует себя значительно лучше. Оно «подбадривает» его и, повидимо-

му, служит хорошим средством против разжижения желудочного сока.

— В кино? — спросил мистер Бантинг Креса и Эрнеста, которые появились в пальто и шляках. Элегантные молодые люди, заботятся о своей внешности.

— Не забудьте потушить свет в гостиной.

— Там Джули, папа.

Тихо шапая что-то, он вошел в гостиную. Джули уже бросила складывать картинку и, сидя с погами на кушетке, читала журнал в яркой глянцевитой обложке — один из тех, к которым мистер Бантинг относился неодобрительно, так как они посвящали свои страницы частной жизни кинозвезд.

— Хэлло, папочка, — улыбнулась ему Джули. — Но смешай мою картинку. Я уже сколько времени над ней бьюсь. Ужасно трудная.

Понюхивая трубку, мистер Бантинг бросил небрежный взгляд на не сложенную до конца картинку. На ней изображалась процессия лорд-мэра — не современная процессия, которую он считал убожеством, а живописное полнокровное зрелище времен его безрадостного детства. Солдаты в довоенных красных мундирах, выложенные перламутром портшезы, щеголи во фраках и торжественный красноречивый лорд-мэр, подобающей ему важности и тучности.

И вдруг мистер Бантинг рассмеялся: — Ну-ка, Джули, поди сюда на минутку. Красный кусочек — это поке лорд-мэра. — Он приладил его на соответствующее место.

— Ой, папа, какой ты молодец!

— Теперь нужно бакенбарды, белые бакенбарды. Сейчас найдем. Давай переложим на стол.

— Хочешь, я включу камин?

— Нет, милочка, в столовой уже горит. Два каминка сразу не стоит. Не забывай про счета.

— Правильно, — послушно сказала Джули, поднесла ему спичку и заставила его несколько раз прыгнуть трубкой. В ней словно всплыла презренная ребяческая нежность к отцу.

— Папочка, — сказала вдруг Джули. — можно мне поехать в субботу на экскурсию со школой?

— Экскурсию? — повторил он. В сердце его закралось подозрение, что все эти нежности Джули объясняются

меркантильными соображениями, но он отогнал от себя такую черпую мысль.

— Да, в Виндзор. Мэвис тоже собьрается. Почти все идут. Мисс Морган-Делл достала разрешение, и мы будем осматривать всякую всячину. Ужасно интересно. И всего семь шиллингов шесть пенсов.

Мистер Бантинг вынул губы.

— Ну, там будут еще кое-какие расходы, например, чай. Ах, папочка! — и ее мягкие руки нежно обвились вокруг шеи мистера Бантинга. — Как мне хочется поехать!

— Там видно будет.

— Но в понедельник надо уже внести мисс Морган-Делл все деньги. Папочка, ну позволь!

Рука мистера Бантинга как-то сама собой полезла в карман и начала исследовать его содержимое. В кармане были обнаружены несколько шиллингов, полкроны (или это пенни?) и мелочь, которую, честно говоря, следовало бы вернуть миссис Бантинг. Эти небольшие личные сбережения откладывались им для себя и были предназначены на покупку бутылки «Принца Чарли».

Однако, подчиняясь той власти, которую женщины имеют над мужчинами еще с тех давних пор, когда дешевыми знаками служили морские раковины, мистер Бантинг неохотно вытащил руку из кармана и пересчитал монеты.

— Девять шиллингов и четыре пенса. Все, что у меня есть.

Оба они помолчали несколько минут.

— На, дочка, возьми, — со вздохом сказал он. — Когда же и веселиться, как не в твои годы.

— Папочка, ты ангел! — вскрикнула Джули и расплывалась его с совершенно необычной горячностью. А потом вдруг вырвалась из отцовских объятий... Секунда — и со шага допелесилась уже с лестницы. Мистер Бантинг усаживал какую-то возню паверху. Джули пошла по своей спальне, открывала и закрывала ящики, потом что-то стукнуло, паверное, сбросила туфли с ног.

«Что она такое придумала?» — недоумевал мистер Бантинг. Он встал и пошел ей навстречу, когда она уже сбежала вниз по лестнице. Может быть, купила ему

какой-нибудь маленький подарочек, как это бывало раньше?

— Побегу сказать Мэвн! — крикнула Джули, на секунду высунув из-за двери свое горящее оживленным личико. — До свидания, папа!

Он слышал, как она сбегала на дорожку, стукнула каблуком... Исчезла! Ему понадобилось несколько минут, чтобы осознать этот факт. Сцапала деньги, и след ее простыл! А теперь мчится по улице, а об отце и думать забыла.

Во второй раз за этот день мистер Бантинг стоял в гостиной, подавленный чувством одиночества. Он все еще ощущал теплое, мягкое личико Джули у своей щеки и ее руки, нежно обвивавшиеся вокруг шеи.

Все его поклупили, бросили. Детям он совсем не нужен. Они видят в нем добытчика, и только. Как человек он для них не существует. Но все же это его дети, и стоит им только поманять отца лаской, и он уже растаял, а потом будет терзаться, понимая, что любит их больше, чем они его. «Неужели все дети такие?» — думал мистер Бантинг. Неужели всем отцам приходится испытывать то же самое? Как бы ты ни старался для своих детей, все равно — лучшее, что есть у них в жизни, проходит где-то в стороне от тебя.

Стоя перед каминном и покачиваясь с носка на каблук, мистер Бантинг замечал, как его размышления приобретают все болящую и болящую глубину. Такое настроение он принимал исключительно нервам. Он попробовал отогнать от себя эти мысли. Откуда в нем такая подозрительность? Но факт оставался фактом: Джули, что называется, выудила у него десять миллионов четыре пенса, так как она прекрасно знает, что он всегда готов ее побаловать, и пользуется этим. Таких особ еще называют интересалками. А теперь она, паверное, идет и не парадует своей удаче.

У мистера Бантинга бывали минуты, когда он считал себя слишком уж податливым человеком.

— А, да что там! — сказал он, отгоня прочь это мало приятное предположение и вознаграждая себя мыслями о собственной щедрости. — Пускай ее! Когда же и веселиться, как по в ее годы.

— Ты один, Джордж? — окликнула его миссис Бантинг из другой комнаты. — Иди сюда, поддержи мне шерсть.

— Иду, — сказал он, но задержался у буфета, чтобы захватить с собой бутылку «Прияца Чарли». Бутылка была почти пустая. Тем не менее, мистер Бантинг, все еще не теряя надежды, поднял ее и поглядел на свет.

— Все?

— Все, — мрачно ответил мистер Бантинг. Он знал это и раньше, все глядя, но все же тешил себя надеждой, что ошибался. Он поставил пустую бутылку на стол, чувствуя, что эта пустота символическая. Это напомнило ему одно стихотворение, которое любил цитировать Кордер: что-то насчет пустого стакана. А у него не только стакан пуст, а и бутылка тоже пуста — это похуже, чем у Омара Хайяма. Тем более, что надежды на следующую совершенно неожиданно отделились на весьма неопределенное время.

— Купи себе другую, Джордж.

— Да нет, ласажно, — сказал мистер Бантинг. Ведь обходился же он раньше без виски. Пожалуй, теперь опять придется кое в чем себе отказывать. Им всем придется во многом себе отказывать, если со службой дело обернется плохо. И на мгновение перед ним снова вырос Вентнор.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Даже в году от рождества Христова тысяча девятьсот тридцать шестом торговая фирма Брокли попрежнему оставалась солидной старомодной фирмой: все дело велось в духе ее основателя, Джона Брокли. Старик Джон был теперь на небесах, но в кабинете директора висел его портрет — старик с восторженскими бачками сурово глядя на посетителей из-под нависших лохматых бровей. Всего полгода назад под этим портретом сидел сам старик Джон, хотя ему было уже около восьмидесяти лет. Это был настоящий англичанин старого закала, тор: по убеждениям, изыскательный, уважаемый всеми и презираемый всякиме новшества. Он ни за что на свете не стал бы

устраивать распродажу остатков или рекламировать дешевые товары. Рекламу он вообще не одобрял и считал ее распространение верным признаком того, что коммерция утрачивает свое былое достоинство. Он терпеть не мог социалистов, безалкогольные напитки и товары массового производства.

Если вы покупали у Брокли хотя бы такой пустяк, как медный винтик, то это был очень прочный винтик, со стандартной нарезкой, рассчитанной на долгую службу. Сегодня вы его ввинчивали на место, а через двадцать лет могли вывинтить и опять пустить в дело. Если вы покупали у них садовую косилку, то это была добротная косилка на шарикоподшипниках, которую вам продавали с ручательством, что она не сломается и не износится вонюки веков. Липолеум от Брокли был настоящий липолеум, как следует быть, проштампованный насквозь, с клеймом, с гарантией — вечная вещь. Нигде нельзя было найти таких чемоданов, как у Брокли, кожаных чемоданов сверхъестественной прочности, изготовленных по специальному заказу; чемоданы других фирм не в состоянии были конкурировать с ними на дальних расстояниях; чемоданы Брокли упорно сопротивлялись солнцу, морозу, морской воде и варварскому обращению носильщиков. Правда, эти чемоданы были очень дороги. С дивана, купленного у Брокли, можно было сорвать всю обивку, но и ободранный он мог, не стыдясь, выставить напоказ прочную основу из добротного, выдержанного дерева. Что бы вы ни спросили у Брокли, вам всегда показывали только самое лучшее. Продавец обращал ваше внимание на штамп: «По заказу фирмы Брокли», стоявший на каждой вещи. Он даже заходил настолько далеко, что рекомендовал вам купить эту вещь. А впрочем, как хотите, — наше дело обеспечить качество.

Если же вы искали какую-нибудь мелочь вроде шестипенсовой лопатки для перекапывания земли в цветочных горшках и ящиках на подоконнике и спрашивали что-нибудь подешевле, не первого сорта, фирма Брокли, к сожалению, ничего не могла вам предложить. Вы чувствовали, что эти слова — «не первого сорта» — покрывали и оштрафовали настороженно притихнуть все здание.

«Вы ошибаетесь, сэр, — казалось, говорил вам прода-

вещ. — Это фирма Брокли. Но Билсон, и не Отилсон, и не какой-нибудь шестипесовый базар. Мы не сомневаемся, что эти учреждения тоже полезны в своем роде. Возможно, что в другом магазине вы найдете какое-нибудь подобие лопатки, изготовленное не из шлифованной стали, а неизвестно из чего, если уж вам пришла охота покупать такую дрянь. Но мы такими вещами не торгуем и никогда не торговали».

После смерти старика Джона молодой Брокли — ему было за сорок, но его так называли в отличие от отца — принял бразды правления ния. скорее, ему волей-неволей пришлось взять их в руки. В изнеженные, белые руки, умело и любовно наклеивавшие родные марки в альбомы, но не привыкшие к обращению с более грубым товаром. Молодой Брокли всю жизнь страдал оттого, что отец у него был человек кромвелеской складки. Никому из служащих и в голову не приходило советоваться о чем бы то ни было с молодым Брокли: ни один коммивояжер не считал нужным обращаться к нему со своими предложениями. Если кто-нибудь случайно заходил к молодому Брокли, он поспешно направлял посетителя к старику Джону и скрывался к себе в кабинет. Там, в комнате, убранной с чисто жерским вкусом, он делал записи в конторских книгах своим толстым, как паутина, почерком, отягчико зная, что отец презирает его и смотрит на него как на пустое место.

Старик Джон умер скоропостижно. Смерть постигла его за письменным столом. Первым обнаружил это молодой Брокли и был так потрясен, что ему понадобилось на целый месяц уехать за границу для укрепления расшатанных нервов. Странствуя по Европе, осматривая дворцы и собирая марки, — он специально заезжал в Румынию за марками нового выпуска, — он вяло раздумывал о том, что делается в фирме без него, и о том, что ожидает ее в будущем. По вечерам, сидя за бутылкой вина, он размышлял с тоскливым выражением в мягких карих глазах. «Пожалуй, надо будет пригласить директора, — решил он, наконец. — Да, конечно, директора». А может быть, эту мысль подсказала ему жена. Как бы там ни было, после многих бессонных ночей, проведенных в отелях разных стран Европы, он вернулся в Англию и

там на выставку в Институте рекламы повстречался с Вентнором.

Вентнор сразу произвел на него сильное впечатление. Вот человек неисчерпаемой энергии и непоколебимой самоуверенности, человек с передовыми взглядами и даже с дипломом, удостоверявшим его глубокие познания по части рекламы и коммерции. Молодому Брокли его лицо показалось спасительным маяком. Бросив в огонь уже приготовленное для отсылки в газету и весьма обдуманно составленное объявление — как его пугала одна мысль о разговорах с кандидатами! — он пригласил на ватапное место Вентнора и сразу почувствовал, что его нервы успокаиваются.

И вот Вентнор сидит в кресле старика Джона, и старик Джон взирает на него с портрета сверху вниз. Когда кого-нибудь из служащих фирмы критиковали за нерасторопность, Джон отвечал обычно: — Не беда, что он нерасторопен. Зато это честный человек. Нам чересчур бойких не требуется! — А Вентнор цепил бойкость превыше всего. Он и сам был из бойких. В нем была именно та новизна, в которой нуждалась фирма, и теперь он намеревался повести дело по новому курсу. Какая может быть прибыль от товаров, которым нет износа?

А новый курс требовал новых людей. Продавцы! Во всей фирме не было ни одного настоящего продавца. Были только люди, которые снимали товар с полок и подавали его покупателю через прилавок, а то и выпускали этого самого покупателя из магазина с пустыми руками. Если товар высокого качества залеживался на полках, они не делали никаких усилий, чтобы «воздействовать на потребителя», и даже не имели понятия о том, что такой метод воздействия существует. С этими людьми нечего было и думать о том, чтобы увеличить оборот капитала. А Вентнор горячо желал увеличить оборот. По этому пункту он заключил очень выгодное соглашение с молодым Брокли, который смелел в делах очень мало, меньше даже, чем предполагал Вентнор.

В понедельник утром мистер Вантинг направился к магазину Брокли с чувством боксера, которому предстоит выдержать еще один трудный раунд. Тем не менее, уже один вид универсального магазина Брокли, этого прочно-

го, солидного и столь знакомого здания, несколько подболрнул его. У него была эта способность — вдруг успокаиваться и крепнуть духом. Отвечая мимоходом на сылавшиеся со всех сторон приветствия, он напоминал себе, что занимает в этом маленьком мире постоянное, ответственное и весьма почетное место.

Он проследовал в свои собственные владения, где его встретили знакомые запахи смазочного масла и черного лака. За исключением большой вывески «Отдел розничной продажи», по мнению мистера Бантинга, совершенно вры повешенной Вентнором, здесь все оставалось попрежнему. В огромной номенклатуре товаров не было ни одного, который он не мог бы сразу отыскать. Он мог сказать вам, где этот товар выделяется, во что обходится фабриканту и по какой цене продается, оптом и в розницу. Во всем, что касалось металлоизделий, инструментов и переносных печей, его невозможно было провести. Он знал, каков должен быть стандарт этих изделий и в чем возможно надувательство. Там, где дело касалось мастерства, у него был на редкость зоркий глаз.

— Поплите за Бантингом, — говаривал старик Джон, когда возникали сомнения, — Бантинг знает в этом толк.

Отдел скобяных изделий помещался на первом этаже, в одной половине просторного зала; другая половина была отведена под ковры и линолеум. Этим отделом заведывал Кордер, большой приятель мистера Бантинга. В огромном окне, выходившем на улицу, был выставлен ассортимент самых разнородных инструментов и скобяных товаров.

Эта «выставка», если употребить выражение, которое на языке Вентнора имело особый смысл, не вполне ясный мистеру Бантингу, выполняла только одну функцию, притом самую элементарную. В окне были разложены скобяные изделия; это значило, что здесь находится отдел скобяных изделий — и только. Мистер Бантинг редко обращал внимание на эту витрину. Много лет подряд товар в ней располагался по следующему принципу: печи — на заднем плане, кухонная посуда — на переднем, садовые инструменты — по углам, а остальное — в промежутках. Как только мистер Бантинг

замечал крохотный клочок свободного места, куда можно было пристроить хотя бы щипчики, он давал ученику щипчики, и тот лез с ними в витрину.

Теперь витрина стала самым уязвимым местом мистера Бантинга. В первый же раз, как только Вентнор увидел эту витрину, он позвал мистера Бантинга на улицу. — Милый мой, посмотрите, что это такое? — Мистер Бантинг смотрел как пельзя внимательнее, но не видел ничего особенного, кроме слегка запотевшего стекла.

— Витрина, Бантинг, — наставительно произнес Вентнор, — это ваша визитная карточка, которую вы представляете публике.

«Да он прямо рехнулся, — подумал мистер Бантинг. — Кому же не известно, что в холодную погоду стекла потеют? От сгущения водяных паров. Неужели он даже про водяные пары ничего не слыхивал?»

В одном углу отдела скобяных изделий был отгорожен маленький пыльный чуланчик, который мистер Бантинг называл своим кабинетом. Выдвинув чуть-чуть нижний ящик стола и встав на него, он мог окинуть взглядом все отделение. Малейшая суэта или подозрительная тишина — и голова мистера Бантинга словно на пружине поднималась над перегородкой, а затем и сам он бурей вылетал из кабинета. За последние годы мистер Бантинг все чаще искал убежища в своем кабинете. Там можно было отдохнуть, когда болели ноги или начинались спазмы в желудке, те самые спазмы, которые заставили его купить «Домашнего лекаря». Здесь же он почитывал «Сирену», но слух у него был тонок, и подчиненные никогда не заставляли его иначе, как углубленным в товарные книги, что было вполне законным. Приходилось окликать его дважды — настолько он бывал поглощен этим делом.

Падая рабочий пиджак из альпага, мистер Бантинг стал на ящик и, приподнявшись над перегородкой, окинул взором своих подчиненных. Да, все на местах и все в порядке. Старший помощник Сэингер почтительно приветствовал его: — С добрым утром, сэр, — и начал подгонять остальных. — Крыса этакая, — пробормотал мистер Бантинг, опускаясь до нормального уровня. Что-то в этом прилизанном Сэингере и его прилизанных мане-

рах глубоко возмущало мистера Бантинга. Уж слишком усердно кланяется и лебезит, слишком старателен, а вместе с тем в его бесцветных глазах все время усмешечка и тайное неодобрение. Впрочем, чего другого можно ждать от человека, получившего воспитание в такой сомнительной фирме, как Билсон?

Над перегородкой показалась пара глаз, очень живых и темных, и с ироническим выражением воззрелась на мистера Бантинга. Приятного тембра бас приветствовал его:

— День добрый, мой Георг. Скажи мне, почему лицо твое так бледно? И почему так быстро увяли розы на щечках твоих?

Не дожидаясь ответа на это замечательное обращение (которое было принято мистером Бантингом за поэтическую цитату). Джо Кордер зашел за перегородку, уселся на высокий отполированный долговременным употреблением табурет и начал болтать ногой. У него было насмешливое выражение глаз, а лицо то собиралось в складки, когда он искал меткого слова, то снова распускалось, точно резанное. Природа, поваривал он, предназначала ему быть оксфордским профессором, а судьба заставила продавать ковры.

Мистер Бантинг преклонялся перед Кордером, человеком гибкого ума, неизменно паходчивым, неизменно веселым, никогда по терявшим присутствия духа. Немного сумасброд, быть может, зато верный друг в беде. Он помог мистеру Бантингу набраться мужества для предстоящей встречи с Вентнором, который самому Джо Кордеру, повидному, не внушал никакого страха. Удивительное дело, как Кордер умел отвечать Вентнору, — очень вежливо, слегка язвительно, и при этом так, что Вентнору было решительно нечем крыть.

— Иными словами, — перефразировал Кордер. — что омрачило твое чело?

— Получил сегодня утром новую роспись обложения.

— Господи! Стоит ли беспокоиться из-за палатов? Это ведь неизбежно.

— Как же не беспокоиться? Ведь платить-то надо? Хорошо провел воскресенье, Джо?

Тут его ухо уловило звук приближающихся шагов и

резкий голос. — Выметайся, Джо, — прошептал он, — Вентнор идет!

Вентнор застал мистера Бантинга за подведением итогов в товарной книге и с минуту молча наблюдал за ним.

— Что здесь погадобилось Кордеру? Нечего сказать, хороший пример вы подаете служащим. Занимаетесь болтовней в служебное время.

— Он приходил по делу...

— Впрочем, это неважно. Объять у вас товар не выставлен как следует. Это не витрина, а чорт знает что. Неужели нельзя подобрать что-нибудь к текущему сезону?

— Какие же могут быть сезоны для скобяных товаров, сэр?

— Что вы меня спрашиваете? Вы заведуете отделом, а не я. Если вам ничего не приходит в голову, пускай Слингер попробует что-нибудь придумать. Он, кажется, не лишен сообразительности.

«Вот как, не лишен?» — подумал мистер Бантинг.

— А теперь пройдемся по отделу, — и Вентнор пошел вперед, размахивая какими-то бумагами.

— Наши товары слишком дороги, — заявил он, переходя от прилавка к прилавку и что-то отмечая у себя в книжке.

— Что вы, сэр!

— Да, слишком дороги.

Он нагнулся над выстроенными в ряд весами, показав мистеру Бантингу обтянутое элегантными брюками сидалище, и мистера Бантинга вдруг охватило непреодолимое желание плусть его ногой в зад.

— Вот хоть это: весы «Экспельснор». У Кромптона они стоят вдвое дешевле.

— Простите, сэр, но такие весы. У нас весы на агатовых подшипниках, с медными чапками, на бронзовом цехоле, — перечислял он технические детали. — Это вечная вещь.

— Кому это пужно, чтобы они были вечные? Другие могут продавать дешевые весы, а почему мы не можем?

— Хороших дешевых весов вообще не существует, — возразил мистер Бантинг. — Весы должны быть надежные.

Слинггер, делая вид, что вытирает пыль, подобрался к ним поближе и кашлянул, чтобы показать, что он тут и тоже хочет принять участие в разговоре.

— Если позволите сказать, сэр, у Билсона мы продавали очень хорошие дешёвые кухонные весы немецкого производства.

— Не хуже этих?

— Пичуть по хуже, сэр. — Перехватив грозный взгляд мистера Бантинга, он добавил: — То есть по виду, сэр.

— Раскупались хорошо?

— Да, сэр.

— Я полагаю, у вас часто спрашивают дешёвые весы, Слинггер?

— Очень часто, сэр. Не правда ли, мистер Бантинг?

Мистер Бантинг окинул его яростным взглядом. Кивком головы он указал Слинггеру на прилавок ножового отделения. — Покупатель! — сказал он. Слинггер покалбался секунду-другую и отступил.

— Нам следует использовать опыт Слинггера, — заключил Вентнор беседу. — Мы ставим себе слишком узкие рамки. Сейчас огромный спрос на дешёвые товары.

— Как всегда, — лаконически ответил мистер Бантинг.

«Опыт Слинггера! Боже ты мой!» — подумал он. Возвращаясь к теме весов, он пустился в самое подробное техническое описание. Пружинные весы, весы с пашками, потеря упругости, прочность пружины, прочность подшипников, влияние пыли на дешёвые сорта весов, но Вентнор углубился в бумагу, делая вид, что не слышит.

— Хорошо, хорошо, — прервал он Бантинга. — Мы здесь не на лекции, — и отошел к другому прилавку. Садовые инструменты. Он оглядел ассортимент, вздохнул, по промолчал. Его влекла к себе кухонная посуда. Он безалаберным взглядом уставился на вавилонскую башню, кастрюль и горшков.

— Неужели нельзя придать всему этому более привлекательный вид?

— Более привлекательный вид? — Мистер Бантинг застыл на месте от изумления. Что он думает — тут цветочная выставка, что ли?

Вентнор ждал ответа, но с таким видом, как будто он опустил монету в автомат и теперь убедился, что автомат безнадежно испорчен.

— Ну что ж, идите, работайте, — сказал он, пожав плечами. — Надо нам снизить цены. У нас самый дорогой магазин во всем Лондоне.

— По качеству товара цены не так высоки, сэр. Этот товар создал фирме имя. Качество, сэр. Фирма Брокли.

— Вани правда... Брокли и есть, — сказал Вентнор и посмотрел на Бантинга, словно договаривая: «И ты тоже стопроцентный Брокли».

Бантинг вернулся в свой закуток. Опять все не так. Весь товар выставлен не так, как надо. Не «интересно», не «привлекательно». Значит, если товар с виду непривлекателен, так его нужно замаскировывать, превращать во что-то другое. Нет, железо есть железо, тут уж ничего нельзя сделать. А если Джордж Бантинг ничего не может сделать, то не может и Слингер и даже сам Вентнор.

В его ушах звучало еще и нечто другое: ну что ж, идите, работайте. Так ли сказал Вентнор? Он не добавил «пока что»? Нет, нет, он этого не сказал, мистер Бантинг хорошо слышал.

Намазанная бриллиантами голова Слингера высунулась из-за перегородки. — Кажется, мистер Вентнор сказал, чтобы я убрал заново витрину?

— Нет, он этого не говорил!

В бесцветных глазах мелькнуло упрямое выражение: — Мне как будто послышалось.

— Знаете что, Слингер, — сказал мистер Бантинг очень твердо, — вы что-то уж слишком заважничали. Знайте свое место: пока вы еще не заведуете отделом, да и сдвигать вы будете задвигать.

— Не буду, сэр? — отозвался Слингер. Именно так, с вопросительной интонацией в голосе.

— Диаграмма сбыта, сэр, — вдруг послышался фальшет младшего клерка. — Мистер Вентнор просил все сообщения излагать письменно.

Мистер Бантинг понимающе кивнул. Оставшись один,

он озабоченно нахмурил брови, разглядывая длинные столбцы цифр. Кроме них, там была еще волнистая линия, которая, как он теперь знал, именовалась «статистической кривой». Она показывала соотношение между сбытом за прошлый месяц и сбытом за тот же месяц прошлого года. Внизу листа были примечания и вопросы, и все произведение было подписано: «С. Б. Вентнор».

Сбыт в отделе железо-скобяных изделий повысился на два процента. Два процента! Он воспрянул духом, его лицо просияло. Как это вышло, он и сам не знал. А все-таки повысился. Это доказывает, что в отделе все обстоит благополучно. В отделе ковров и линолеума сбыт понизился на десять процентов, и против этой цифры стояло примечание: «Второе последовательное понижение! Выяснить причину!» — подчеркнутое резкой чертой.

«Бедняга Кордер! — подумал мистер Бантинг, по ему тут же пришло в голову, что никто не сможет лучше Кордера объяснить необъяснимое. А все-таки снижение порядочное — на десять процентов. Значит, между их отделами двенадцать процентов разницы. От этой разницы один только вред деловому человеку. Двенадцать процентов разницы. «Да еще, чего доброго, Вентнор зажулил у меня процент-другой», — подумал он.

Следующая страница была озаглавлена: «Предстоящее оживление торговли в отделах». Памятуя о достижениях своего отдела, мистер Бантинг начал ее читать, даже не без некоторого самодовольства.

Но такого благодушия ему хватило только на вступительный абзац. Советание заведующих отделами у мистера Вентнора в шесть часов вечера. — Почему именно в шесть? — спросил себя мистер Бантинг, слегка выпячивая нижнюю губу. — А потому, что Вентнору желательно, чтобы ты опоздал на поезд. К шести часам заведующие отделами благоволят подготовить свои предложения по части снижения цен, обновления ассортимента и текстов для новых плакатов.

Он беспокойно заерзал на стуле. Плакаты? Неужели он обязан придумывать тексты для плакатов? Насчет железо-скобяных товаров?

«Желал бы я знать, что ему понадобится в следующий раз?» — в возмущении подумал мистер Бантинг.

Но если дружно заведующие могут придумывать тексты, то почему же он не может. Ощушая прилив вдохновения, он взял лист бумаги, окунул перо в чернила и написал: «Новые тексты для плакатов».

Засим последовал период напряженной работы мысли, поисков чего-нибудь оригинального и блестящего, а тем временем чернила сохли на перо и приходилось снова и снова макать его в черпильницу.

— Должно придуматься само собой, — пробормотал он после долгой паузы. Вдохновение! Надо подождать, пока магические слова сами возникнут в голове, и тут сразу наброситься на них и поймать, как ловят бабочку сачком. Лучше всего запяться этим попозже вечером, когда все домашние лягут спать, решил он в конце концов. Позже, когда оба приятеля сидели за завтраком в кафе Мак-Эндрю, Кордер вытащил из кармана диаграмму сбыта. Он прочел ее вслух, усиленно гримасничая и комментируя чтение насмешливыми восклицаниями.

— Что ты думаешь об этой страшной из затасканных штампов и отглаженных существительных?

— У меня повышение на два процента.

Кордер пренебрежительно махнул рукой. — Отважись ты со своими процентами, — сказал он. — Нет, что ты об этом думаешь? Выдал я канцелярский жаргон, но это положительно зенит, вершина из вершин. Второе последовательное снижение! Чорт его дерн, мы ведь совсем недавно выполнили оптовый заказ на ковры для целой гостиницы. Что он думает, это каждый день бывает, что ли? Выяснить причину! Ну, уж я позабочусь, чтоб он ничего не выяснил!

— Можешь ты сочинять тексты для плакатов, Джо?

— Насчет Вентнора — могу. Даже в стихах! Я их читаю жене на сон грядущий.

— В жизни не видал ни одного плаката насчет железно-скобяных изделий! — сказал мистер Бантинг, словно подыскивая доказательства, что такой вещи в природе не существует.

— Должно быть, Вентнор сам ничего не может выдумать, вот и извалил это дело на нас. Я тебе лучше продекламирую стишок про Вентнора, — и Кордер начал декламировать выголоса и маршевым, в такт размахивая

напиресой, а мистер Бантинг, наклонившись вперед, старался не пропустить самого смешного.

— Четверть третьего, мистер Кордер, — напомнила официантка.

Они со вздохом поднялись из-за стола.

— Опять я к вам, ковры и быстрые дорожки, из облоочки грубой извлеку вас, чтобы продать не меньше, чем за прошлый год!

— Добрый старый Шекспир, — сказал мистер Бантинг. Они вошли в магазин вместе.

Первое, что увидел мистер Бантинг, был дурхшлаг, обыкновенный эмалированный дурхшлаг, который держал в грязных руках мальчик, числившийся посыльным для всего отдела. Глаза мистера Бантинга приковались к этому предмету.

— Дай-ка мне эту штуку, — приказал он и, вертя дурхшлаг в лухлых руках, исследовал его внимательно и всесторонне, поджав губы. В конце концов он ловко стукнул им об угол прилавка. Осколок слишком блестящей эмали отлетел и упал на пол.

— Откуда это у тебя?

— Мистер Слингер дал, сэр.

— Слингер! — Мистер Бантинг насторожился, и его усы зашевелились. Схватив дурхшлаг, словно ручную гранату, которую надлежало метнуть в ненавистного обладателя этого ненавистного имени, он направился на склад.

Слингер распаковывал ящик с эмалированной посудой, в котором лежали такие же дурхшлагы. На ящике был наклеен ярлык: «Чехословакия». Мистер Бантинг сразу же опешил, чего стоит содержание ящика.

— Это что такое, Слингер?

— То есть что, сэр?

— Вот это, — мистер Бантинг сделал широкий жест. — Это не наш товар.

— Простите, сэр, а я думаю, что наш, — ответил Слингер с язвительной вежливостью.

— А я вам говорю — не наш, — возразил мистер Бантинг, почувывая дерзость в слингеровском «простите».

— Посмотрите! — он поднес дурхилаг к самому носу Слингера. Слингер посмотрел, но промолчал.

— Ничего не видите?

— Нет, но вижу, — с вызовом ответил Слингер.

Мистер Бантинг окинул его презрительным взглядом.

— Где уж вам увидеть! — и он бросил дурхилаг в раскрытый ящик. — Форма для пудинга! — заметил он с убийственным сарказмом, беря в руки другой образец чехословацкого производства. — Кастрюля! Посмотрите, что это за кастрюля, Слингер! И тут ничего не видите? Как это попало к вам?

— Вероятно, потому, что адресовано нашей фирме.

— Едва ли. Скорее найдем старому жулику Балсону.

Слингер подошел к ящику, содрал ярлык и молча подал его мистеру Бантингу.

Да, ярлык был несомненно адресован фирме Брокли: Чехословакия, фабрика эмалированной посуды. Мистер Бантинг сразу упал духом.

— Ну, ну! — пролепетал он. — Кто бы мог подумать?

Значит, Вейгнор заказал этот товар, не достойный фирмы Брокли, не сказал ни слова заведующему отделом, даже не показав образчиков мистеру Бантингу, знатоку этого дела. Прodelал все это за его спиной, обошел его, поставил в неловкое положение перед подчиненным.

— Тут сказано Брокли, не правда ли, сэр? Конечно, я могу снова запаковать.

— Запакуете, когда я скажу! — сурово прервал его мистер Бантинг. — Ступайте в магазин!

Мистер Бантинг окинул взглядом посуду, в беспорядке расставленную на полу. Никогда в жизни он не торговал такой дрянью. Ему стало противно.

— Мерзость! — пробормотал он, — просто мерзость! Ни формы, ни отделки, эмаль наляпана кое-как, бугрится.

Ему противен был даже блеск этой эмали; он подумал о том, как она обезобразит полки с прекрасной бирмингемской посудой.

О, черт! Стыдно даже и предлагать такую дрянь покупателю.

И вдруг, схватив то, что стояло поближе, он реши-

тельно зашагав по центральной лестнице к кабинету Вентнора и громко постучал в дверь.

— Да? — холодно сказала Вентнор.

Мистер Бантинг поставил на стол дурхлаг и кастрюлю. Он сам слышал свое учащенное дыхание.

— Такой товар для нас не годится, сэр!

— Для кого не годится?

— Для нас, сэр!

— Для нас? — повторил Вентнор, вопросительно глядя на Бантинга. — Для нас? Простите, я вас не понимаю.

— Плохой товар, сэр!

Вентнор тщательно промакнул написанное. — Вот как! Уберите это отсюда, и чтоб было продано!

— Вы не хотите меня понять, сэр, — и мистер Бантинг перевернул кастрюлю кверху дном, показав то, что его особенно угнетало. — Тут стоят штажи: «По заказу фирмы Брокли». Мы не можем торговать таким товаром.

— То есть вы не можете? — спросил Вентнор с неожиданной резкостью.

Красный сигнал! Мистер Бантинг отшатнулся, словно очутившись на краю пропасти. Вентнор ждал, не сорвется ли он, не скажет ли что-нибудь необдуманное, и, вероятно, готов был подтолкнуть его к краю этой пропасти.

— Я имел в виду... — смущенно забормотал мистер Бантинг. — Я хотел только указать...

— Если вы не желаете торговать этим товаром, то я не пужно. Найдется сколько угодно энергичных молодых людей. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да, сэр (очень слабым голосом).

— Ах, понимаете? Отлично! Теперь ступайте, и чтоб это было продано. Я занят.

Мистер Бантинг, весь бледный и дрожащий, плюхнулся на стул в своем кабинете. Дурхлаг и кастрюля маячили перед ним, словно сквозь туман. Чуть не уволился! Ему казалось, что он видит направленное на него дуло револьвера. Теперь Вентнор все время будет грозить ему этим бандитским оружием.

В конце концов он только выполнил свой долг. Старик Джон еще поблагодарил бы его за это. — Песира-

вселяиво! — с жаром воскликнул мистер Бантинг. — Честное слово, хотелось бы мне...

Голова Слингера высулась из-за перегородки. Мистер Бантинг шумно высморкался, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы. — Да? — сказал он. — Вы что-то, кажется, сказали?

— Лирик, сэр. Распоковывать его или нет?

— Можете располагывать, — отозвался мистер Бантинг но возможности безразличным тоном и со смутным, но тяжелым предчувствием посмотрел вслед Слингеру, скрывающемуся в дверях кладовой. Даже спина Слингера выражала торжество.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В одном пункте дети мистера Бантинга проявляли полное единодушие, которое, по правде сказать, было бы более уместно проявить в чем-нибудь другом: они находили бережливость мистера Бантинга смешной и неприятной. Он затрачивал пропасть труда ради совершенно ничтожной выгоды. Каждый ящик, который попадал в дом, он немедленно раскалывал на дрова; он терпеливо распутывал и сохранял каждый обрывок веревки; он свертывал бумажные жгуты и прикуривал от камня ради экономии спичек и во всех имеющихся в доме топках укладывал лишний ряд кирпичей, чтобы лучше сохранялось тепло. Он даже следил за тем, чтобы газовый кран никогда не открывали больше, чем на три четверти. Такое сконидомство можно было, конечно, объяснить привычками, приобретенными мистером Бантингом в тяжело дни юности, о которой его детям так часто и так издослдиво напоминалось, но, по их мнению, с этим давно пора было покончить.

А что, собственно, выгадывал мистер Бантинг своей беспрестанной возней с электричеством, дровами и спичками? «Всего (по словам Криса) каких-нибудь два пенса». Дети мистера Бантинга постыдились бы признаться, какое презренное скряжничество царит у них в доме. Это была мрачная тайна коттеджа «Золотой дождь».

Мистер Бантинг упорно отказывался установить в

спальных электрические лампы (хотя Крис мог устроить это со скидкой через своего приятеля Ролло); он не пожелал поставить телефон и не проявлял ни малейшего интереса к радио. Подобные усовершенствования, да и многие другие, известные Крису как специалисту в этой области, были необходимой принадлежностью любой английской квартиры двадцатого века. И любой отец семейства вводил эти новшества в своем доме как нечто само собой разумеющееся, — даже проделывал это с некоторым энтузиазмом. Мистер Бантинг, однако, не испытывал ни малейшего энтузиазма при мысли о современных усовершенствованиях, которые, по его мнению, только поощряли лень и расточительность.

Когда режим экономии становился окончательно непоносимым, дети мистера Бантинга созывали негласный митинг протеста.

Один вопрос особенно занимал их всех: сколько у мистера Бантинга денег? Все сходилось на том, что их было гораздо больше, чем он пытался изобразить. Однако, вопреки их единодушной уверенности в беспомощности мелочной экономии, все они были твердо убеждены в том, что мистер Бантинг именно при помощи этой самой мелочливой экономии успел скопить солидную сумму, обогащаясь таким образом за счет вынужденного самопожертвования всех членов семейства.

Затем был еще один пункт: наследство тети Эппи. Бедняжка умерла два года назад, оставив своему брату, Джорджу Бантингу, все свое движимое и недвижимое имущество. Это событие было отмечено затасанным волнением мистера Бантинга, которое он старательно скрывал от своих домашних. Но израсходовал ли он хотя бы ничтожную часть этого щедрого дара небес, разумеется, которого продолжали оставаться тайной? Крис желал знать, есть ли какие-нибудь указания на то, что мистер Бантинг хоть неслышательно истратил из этих денег, — ну хоть сигару себе купил, что ли. А уж что касается автомо-

В гараже Ролло, сообщил Крис своим слушателям, стоит сейчас — если, конечно, кто-нибудь уже не перехватил его — автомобиль, и это сущая находка для того, кто хочет купить поддержанную машину. Он осматривал его

сегодня вместе с Ролло и папел, что это прекрасная машина. Кузов, правда, немножко облупился, зато что касается основных частей (а именно на это и следует прежде всего обращать внимание), то никакой другой машине не уступит. Мотор работает бесперебойно — ничуть не хуже ролл-ройса, шасси, коробки скоростей превосходны. Словом, это такая машина, что если бы за нее можно было отдать все, что только есть у Криса, он сделал бы это без малейших колебаний.

Видно было, что Крис с такой же неохотой расставался с этим автомобилем в гараже Ролло, с какой араб прощается со своим скакуном.

А мистер Бантинг вполне мог бы купить его... При мысли об этом Крис сгорал от зависти, выходил из себя; он чувствовал, что имеет дело с каким-то совершенно патологическим упрямством. Его родной отец может в любую минуту пойти в гараж к Ролло и сказать: «О'кей, я беру этот «Восток» в двенадцать лошадиных сил». Но разве он это сделает? Разве сделает? — вопрошал Крис с таким сарказмом, что вопрос звучал чисто риторически. А если даже мистер Бантинг и поддастся на уговоры, на это уйдет столько времени, что автомобиль успеют продать какому-нибудь более предприимчивому человеку. Нет, уж если вам представляется возможность купить хорошую поддержанную машину, хватайтесь за нее обеими руками.

— Подумайте, как было бы хорошо для мамы, если бы у нас был автомобиль. Она ведь сейчас почти никуда не выходит. Но ему, конечно, плевать. Он думает только о том, как бы побольше сэкономить.

— И что он будет делать с такой кучей денег? — спросила Джули. Слова «с такой кучей денег» прозвучали так, что ее отец подскочил бы как ужаленный, доведись ему их услышать.

— За последнее время он стал еще скунее, — мрачно заметил Крис.

— Я только что хотела это сказать.

По мнению Эрнеста, мистер Бантинг был не столько скуп, сколько педальювиден. Вся его политика по отношению к семье была попросту проявлением близорукости. Вместо того чтобы потратить лишнюю сотню фунтов и

дать детям возможность сделать приличную карьеру, он сунул их в первую попавшуюся контору, предпочитая, видимо, оставить им несколько сотен в наследство. А потратить он эти деньги на них сейчас, им бы и наследство не понадобилось.

В других семьях отцы обладают более здравым взглядом на вещи. Он, Эрнест, был просто поражен, когда некоторые из его товарищей, готовившиеся сделать блестящую карьеру, познакомили его со своими отцами. Все эти отцы — самые обыкновенные люди; у одних небольшие лавки, другие где-то служат, и всем им далеко до мистера Бантинга, заведующего отделом универсального магазина Брокли. Однако они понимают, что нужно дать сыновьям возможность выйти в люди. Они не хуже самого Эрнеста, не хуже всякого человека, обладающего хоть крупицей здравого смысла, понимают, что дать сыну возможность зарабатывать, ну, скажем, тысячу фунтов в год, значит чрезвычайно выгодно поместить капитал. Совершенно ясно, что это самое выгодное помещение капитала, какое можно себе представить. И все же — и тут Эрнест красноречиво пожал плечами — их отец не в состоянии это понять.

— Да, ты прав, — согласился Крис, но без особого энтузиазма, так как эти рассуждения напомнили ему о неприятной перспективе приближающихся экзаменов по банковскому делу, а Джули сказала: — Ты считаешь, что он должен был бы послать нас учиться? Из Паусоншикарно проводит время в своем колледже. Почти никакой зубрежки.

— Не пужно забывать, что в некоторых отношениях он совсем не плохой старикан, — изрек Крис после паузы. — Я не думаю, чтобы он сознательно желал нам зла.

— А я думаю, — сказал Эрнест веско, как и подобало старшему брату, — что он даже не понимает, что делает нам зло. У него это вроде... вроде навязчивой идеи.

— Да что ты Эрнест! — воскликнула Джули, и ее глаза расширились от ужаса.

Но к субботе настроение мистера Бантинга заметно улучшилось. Отчасти просто потому, что настала суббота, но больше всего потому, что Вентнор на целую неделю покинул торговый дом Брокли, отправившись в по-

сздку по центральным графствам в поисках новых кленцов. Выйдя из ванны в весьма жизнерадостном настроении, мистер Бантинг облачился в штаны-гольф кирпичного цвета и, весело шагая, спустился с лестницы. Один человек, с которым он разговорился в поезде, обещал дать ему отводки замечательного и очень редкого ползучего растения, вывезенного им из Бретани. Этим растением были увиты стены пансиона, в котором он там жил, и оно носило какое-то совершенно неудобовразимое название; мистер Бантинг с грехом пополам, по слуху, записал его в своем блокноте. Мистер Бантинг намеревался посадить его в таком месте, чтобы оно каждый день неминуемо попадалось на глаза Оски. Раскрыв блокнот и освежив в памяти название растения, он нахлобучил садовую шапку и, прихватив мотыгу, служившую ему не столько необходимым орудием, сколько некоей обязательной бутафорией, вышел в залитый солнцем сад.

Красным глазом он заметил, что где-то на заднем плане маячит Эрнест с листком бумаги в руках. Повидимому, он намеревался ему что-то сообщить. Чудно, подумал мистер Бантинг, стоит отцу захотеть хоть немного побыть с детьми, и тотчас окажется, что им некогда, что они с кем-то уже условились, а если отцу хочется, как, например, сейчас, спокойно выкурить трубку наедине с самим собой, тут-то и начинают увиваться вокруг тебя эти нежданные просители. Вот они, прелести семейной жизни! И мистер Бантинг, сделав вид, что не замечает Эрнеста, с притворным увлечением занялся своими питомцами.

В руках у Эрнеста был некий документ, который он составил несколько недель назад и хранит в ящике своего туалетного стола под застилавшей его дно газетой. Это был плод честолюбивых мечтаний под громким названием «Проект Карьеры». Слова Эрнеста о мудрых отцах, вкладывающих капитал в будущую карьеру своих сыновей, но были результатом вдохновения. Это был давно и всесторонне продуманный план. Вот уже несколько месяцев, как Эрнест попыт, что ему нечего делать в канцелярии городского управления; перебирая в уме другие, более солидные, профессии, он решил, что ему

следует стать бухгалтером. Он не мог объяснить, почему его мысли устремились именно в этом направлении, но он был совершенно убежден, что это как раз то, что ему нужно. Долго дремавшее честолюбие пробудилось, наконец, и жгло его душу. Он станет бухгалтером.

В этом документе с деловитостью, которая сама уже свидетельствовала о его особой пригодности для бухгалтерского дела, он перечислял все, что требовалось для достижения намеченной им цели. Это было сделано с крайней добросовестностью: все мельчайшие издержки были точно подсчитаны; три основных леги отмечены красными чернилами — испытания предварительные, испытания промежуточные, испытания заключительные; при каждом из этих событий была проставлена соответствующая дата. В примечании указывались колоссальные оклады, получаемые дипломированными бухгалтерами.

Уже не раз доставал он свой проект, чтобы показать отцу. Уже не раз прятал его обратно в ящик стола под газету. Требовалось немало мужества, чтобы предъявить подобный документ человеку, поднимавшему шум из-за каждого лишнего пенса в счете за электричество. Самый вид проекта — измятые, потертые края, выплывшие чернила — был живым укором Эрнесту за его малодушие и нерешительность. Он старался укрепить свой дух, перечитывая проспект «Старейшей школы бухгалтеров». Эта книжица начиналась отеческим наставлением, в котором глава школы, прежде чем перейти к изложению своего метода заочного обучения бухгалтерскому делу, обращался с призывом к юным честолюбцам. Это вдохновляющее предисловие ставило перед Эрнестом вопрос, готов ли он отринуть преходящие улады юности ради карьеры зрелого мужа. Наделен ли он подлинным честолюбием? Готов ли он к труду? Верит ли он в себя? На все эти вопросы Эрнест без колебаний давал утвердительный ответ. Он, по правде говоря, был бы рад, если бы от мистера Бантинга можно было ждать вопросов хотя бы наполовину столь же разумных.

Чтение этой книжицы всякий раз окрыляло Эрнеста и снова вливало в него бодрость; но стоило ему обратиться к своему «Проекту Карьеры», и он чувствовал, как мужество покидает его и все надежды рассыпаются

прахом. Общая сумма издержек была чудовищно велика, а годы обучения представлялись целой вечностью. И затем еще залог — что-то от ста до трехсот фунтов. Чем больше Эрнест жужчал проект, тем более утопический характер он приобретал; самая мысль предложить его отцу начинала казаться чистейшим безумием. И все же... и все же... Что такое, в сущности, сто или двести фунтов, когда на карту поставлена вся будущность! Предварительные расходы были ничтожны по сравнению с наградой, которая ждала его в случае успеха.

Размышляя таким образом, он сидел на кровати, чувствуя то прилив решимости, то упадок духа. Наконец, взглянув на свою неподдающуюся никакому сокращению смету, он сжал кулаки и подумал: «Сейчас или никогда! Я должен на него пасесть».

Самое важное — выбрать подходящий момент. Это было делом столь же щекотливым, как предложение руки и сердца. Однако все предзнаменования, казалось, сулили Эрнесту удачу. Мистер Бэнтинг сегодня, повидимому, не страдал расстройством пищеварения и был в прекрасном расположении духа. Он падал штаты-гольф и свою пеленую садовую панаму; он разговаривал с этим дураком Оски, а это всегда наводняло его сознанием своего умственного превосходства. Действуя тактично и не слишком паседая на него, можно было, пожалуй, привести его в то податливое настроение, — посещавшее его весьма редко, — когда он под влиянием отеческих чувств принимал опростительные решения.

«А потом пусть себе ворчит сколько душе угодно», — подумал Эрнест.

Итак, Эрнест, собравшись с духом, бледный и полный решимости, спустился с лестницы; заглядывая в застекленную дверь и стараясь остаться незамеченным, он ждал, когда наступит подходящий психологический момент. Некоторое время он исподтишка выслеживал мистера Бэнтинга. То судорожно вытаскивал из кармана свой «Проект Карьеры», то пряча его обратно, он тише тпгнался за своей дичью из комнаты в комнату, припужденный довольствоваться зрелищем пропорно удаляющихся от него клетчатых чулок мистера Бэнтинга. Дело в том, что обсуждение такого вопроса требовало уединения

и тишины, и потому из всех комнат коттеджа «Золотой дождь» подходящей была только гостиная. Но когда Эрнест настиг своего отца в гостиной, там сидела Джули, углубившись в изучение проспекта школы танцев. Возможно, что мистер Бантинг тоже заметил этот проспект. В таком случае его бегство в сад было стратегическим маневром.

— Слушай-ка, Джули, тебе не хочется пройтись?

— Нет.

— Ну, противная! — воскликнул Эрнест.

— Сам противный, — ответствовала Джули, усаживаясь поплотнее на диван. — Не хочу ли я пройтись! Как вам нравится такая наглость!

— Ладно, заткнись!

— И не подумаю.

Эрнест хлопнул дверью и, переключав в столовую, с растерянным видом остановился у каминя.

— Что случилось, Эрнест? — спросила миссис Бантинг. — Что ты все бродишь взад и вперед?

— Я хочу поговорить с папой. Знаешь, мама, о моей... моей карьере.

Он подошел к застекленной двери в сад и распахнул ее. Мистер Бантинг разговаривал с Оски, объясняя ему, что собирается посадить в саду *Gargia elliptica* — свое любимое растение.

— Растет в Бретани.

— Растет где угодно, — возразил Оски. — Ничего в нем нет особенного. Где вы хотите его посадить?

— Где?... Да где-нибудь тут.

— Но примется на этой почве. Слишком глиниста.

— Вы в этом уверены? — спросил мистер Бантинг. — Потому что, видите ли, это растение как раз любит глинистую почву.

«Они этак до ночи проболтают, — подумал Эрнест. — Какая пошлая болтовня... а тут у человека репашется вопрос всей его будущности». Он направился к ним.

— Папа, я хочу попросить у тебя совета.

Мистер Бантинг обернулся, радуясь возможности прервать свой поединок с Оски. Кроме того, ему было приятно услышать от Эрнеста столь необычную просьбу. На минуту он даже усомнился, так ли он расслышал. —

Я всегда готов дать совет любому из вас, Эрнест. Ты же знаешь. А в чем дело? Что-нибудь серьезное?

— Да, очень. — Эрнест извлек из кармана большой лист бумаги. — Я хочу знать, что ты на это скажешь.

Мистер Бантинг взял проект и принялся его рассматривать, причем на его лице с каждой минутой все сильней отражалось недоумение.

— Пои́мваю, — произнес он, наконец. — Нечто вроде сметы. Пожалуй, надо очки надеть.

Очки прошли в дом. Мистер Бантинг сел на стул, снова развернул проект и в течение нескольких минут внимательно его изучал. — Очень хорошо продумано, — сказал он, наконец.

— У тебя в Сити, наверное, есть знакомые бухгалтеры, папа?

— Сколько угодно. Они приходят к нам проверять книги. Я хорошо с ними знаком. Это имеет какое-нибудь отношение к бухгалтерии? — Он пробежал глазами столбцы цифр и проверил итог. — Как будто все правильно, — объявил он.

— Видишь ли, папа, — начал Эрнест, — если кто-нибудь хочет сделаться бухгалтером, он должен заключить контракт, верно?

— Разумеется. Точно так же, как стряпчий, как... ну, словом, есть сотни профессий, которые требуют контракта.

— Затем нужно внести залог?

— Ты, я вижу, хорошо в этом разбираешься.

— После этого ты начинаешь получать небольшое жалованье.

— Совершенно правильно.

— Так вот, видишь ли, здесь подсчитано, сколько все это будет стоить. Мне бы хотелось знать, находишь ли ты это разумным планом? Считаешь ли ты, что это стоящее дело?

— Да, пожалуй. Конечно, нужно еще выдержать испытания. Но, мне кажется, это довольно разумный план. Кто думает этим заняться, Эрнест? Кто-нибудь из твоих товарищей?

Спазма сдвинула Эрнесту горло. — Нет, — начал он чуть слышно. — Пои́маешь... я думал, что если тебе,

папа, поправится эта мысль... — Он замолчал, заметив, что отец вдруг пасторежился.

— Ну, что все это значит? — строго спросил мистер Бантинг. — В чем дело?

Голос Эрнеста с каждым словом звучал все тише и тише.

— Я думал, может быть, мне этим заняться.

— Тебе? — воскликнула мистер Бантинг. — Тебе?.. Да ты рехнулся, что ли!

— Ты сам только что сказал, что это разумный план.

— Разумный для того, кому это по средствам. Но, черт побери... — он замолчал, внезапно потеряв дар речи. — Знаешь, — произнес он, наконец, — в жизни своей... Это ты ко мне с этим обращаешься?

— Ты можешь это сделать.

— Что?..

— Ты можешь это сделать, — повторял Эрнест твердо.

Мистер Бантинг уставился на него. — Вот что, — начал он предостерегающим тоном. — Брось эти выдумки. Если ты воображаешь, что я поддамся на такую чепуху, так не па такового попал. Выкинь это из головы.

— Это не чепуха — ты сам сказал. Твои деньги не пропадут. Посмотри, сколько я могу заработать.

— Сколько он может заработать! — повторял мистер Бантинг ядовито. — Сколько он может заработать! Ты что же, думаешь, я могу потратить на тебя все свои сбережения? Ради чего, по-твоему, я работаю, как вол, и выбиваюсь из сил?

— Не знаю. Ради чего?

Тут последние остатки самообладания покинули мистера Бантинга. Он вскочил со стула, он начал размахивать руками, он повысил голос: — Ради того, чтобы отдохнуть, познать хоть немного тихо и спокойно. Вот ради чего я работаю! — загремел он. — Я дал тебе возможность выйти в люди? Дал? Я в твоём возрасте воруял ящики на складе за десять пиллингов в неделю. Но эта штука, — и он презрительно хлопнул ладонью по «Проекту Карьеры», — это... это.. я не знаю, что это такое.

— Это вполне разумный проект, — сказал Эрнест с

горечью, — для всякого другого. Только не для твоего сына. Конечно, он слишком хорош для меня. Слишком дорого стоит.

— Ну, довольно, Эрнест.

— Ты, значит, даже подумать не хочешь?

— О чем тут еще думать? Двести фунтов залога!

— Очень хорошо. Теперь мне все ясно. Если ты воображаешь, что я всю жизнь буду торчать в этой конторе и возиться с изношенной машинкой и копировальной бумагой, так ты очень ошибаешься. Не буду! Слышишь? Не буду!

Это было совершенно неожиданным ультиматумом. Какие, собственно, у Эрнеста были основания предъявлять отцу ультиматумы, он и сам не знал. Но он отбросил всякую осмотрительность, всякую дипломатию, при помощи которой собирался вынудить у отца великодушное согласие. Он ждал, что этот разговор изменит всю его жизнь, раскроет перед ним все двери, даст ему цель, ради которой стоит работать. А вместо этого они с отцом стояли друг против друга, как враги, обмениваясь угрозами и ультиматумами. От этой мысли слезы выступили у него на глазах. Как слепой, вышел он в переднюю, ощупью разыскав свою шляпу, и, спотыкаясь, выбрался на улицу.

Когда он проходил мимо окна, лицо у него было расстроенное и жалкое.

— А, чорт бы побрал все на свете! — пробормотал мистер Бантинг. Сердце у него заколотилось. Он приложил руку к жилету. Неужто сердце шалит? — подумал он. Нужно будет заглянуть в раздел «Сердце» в «Домашнем лекаре». Впрочем, ему надевать, ему теперь на все наплевать. Исчезло его светлое, праздничное настроение, вокруг был мрак, и он чувствовал себя глубоко несчастным. Он поднял «Проект Карьеры», туго посмотрел на него, бросил обратно на стол, вздохнул и закричал:

— Мэри, войди сюда на минутку.

— Ради бога, что случилось? — воскликнула миссис Бантинг, появляясь в дверях и на ходу вытирая руки передником. — Неужели из-за нового костюма?

Он вопросительно посмотрел на нее, почуввав в ее словах намек на какое-то новое сумасбродство, совершенно-

ное за его спиной, но у него не было сил расследовать это сейчас.

— Взгляни-ка, — сказал он, положив перед ней «Проект Карьеры». — После всего, что мы сделали для Эрнеста, — дали ему образование, устроили на хорошее место, — он хочет теперь стать дипломированным бухгалтером и требует, чтобы я внес за него залог.

— Наверно, он, бедняжка, думает, что это интереснее, чем работа клерка.

— Дело не в том, что ему интересно. Посмотри, по сколько это нам обойдется. Вот — по его собственным подсчетам. А выйдет еще дороже. За кого он меня принимает — за Ротшильда, что ли?

— Вот из-за чего вы тут шумели.

— Кто шумел? — возразил мистер Баятинг раздраженно. — Это он не умеет себя вести.

Миссис Баятинг смотрела на проект; но это не был, как мог заметить мистер Баятинг, трезвый, аналитический взгляд. Мистер Баятинг сомневался, чтобы смысл документа был для нее ясен. Она рассматривала его любовно и с восхищением, как мать, всегда готовая изумляться необыкновенным способностям своего замечательного сына. Красиво выписанные цифры и аккуратно подчеркнутые черным и красным итоги приводили ее в восхищение, и она думала о том, каких трудов это стоило Эрнесту и какой он способный мальчик.

— Бедняжка, — пробормотала она. — Как это на него похоже. Сколько труда он на это положил. Уж он всегда так, что бы ни делал.

— На это нужно отдать все, что у нас есть, до последнего пенса... или почти все... А мы еще не знаем, сколько нам самим может понадобиться... С тех пор как умер мистер Брокли, в магазине все пошло кривь и вкось. У меня уже не раз были неприятности. Кроме шуток, Мэри, меня мороз по коже подирает, когда я подумаю, что может случиться.

Дверь распахнулась настежь, и на пороге появился Эрнест, — волосы его были растрепаны, лицо бледно, глаза неестественно блестели.

Неужто он ходил по улицам в таком виде?

— Я забыл тебе сказать, — выпалил он. — Я верну

тебе все, что ты на меня затратишь. Все до последнего пенса. С процентами. Готов дать письменное обязательство по всей форме.

— Эрнест! — горестно воскликнула миссис Бантинг.
Эрнест всхлипнул.

— Да не расстраивайся ты так, голубчик. Поговори спокойно с палой обо всем.

— Что толку говорить! — воскликнул Эрнест и, унава диван, разразился рыданиями.

Сопровождаемый этими душераздирающими звуками, мистер Бантинг тихонько вышел из комнаты.

Он бессильно опустился на нарочито деревенского вида самодельную садовую скамейку, которая когда-то казалось ему завершающим штрихом в художественном убранстве его сада, и отдался во власть противоречивых чувств. Неужели его семья никогда не будет довольна? При воспоминании о том, как рос он сам, он казался себе воплощенной щедростью. В первые счастливые дни отцовства он мечтал дать своим детям все, чего он сам был лишен: домашний уют, образование, приличные, «чистые» профессии. Он видел себя на склоне лет окруженным нежными заботами благодарной и счастливой семьи. Уважения, немножко любви — больше он ничего не просил. А вместо того, — и при этой мысли мистер Бантинг явственно ощутил, что у него повышается кровяное давление, — вместо того вышло так, что худших мотов, сумасбродов и эгоистов, чем его дети, не найдешь во всем Билворте. А отчего? Да оттого, что по глупой доброте сердца он так их избаловал, что они воображали, будто могут иметь все, чего ни попросят.

Сейчас он немного осадил мистера Эрнеста. И посидит теперь здесь, изгнанный из своей собственной гостиной, а там, в коттедже «Золотой дождь», который он и купил-то за безумную цену только ради детей, его жена втихомолку утешает Эрнеста, легковверным материнским сердцем вынимая его жалобы.

Мистер Бантинг сидел на своей нарочито деревенской садовой скамейке в своих коричневых штанах-гольф и чулках в клетку и чувствовал, что к горлу у него подступает комок, а глаза как-то странно жжет и щиплет.

— А, пропади все провадом! — проворчал он, вы-

сморкался и сделал вид, что не замечает Оски, поджидавшего его у ограды, чтобы продолжить диспут о пригодности тяжелой, глинистой почвы для *Garriga elliptica*.

Тут мистер Бантинг заметил на земле конверт, видимо, выпавший у него из кармана, когда он доставал платок. Содержание конверта было ему и так хорошо известно. Но сейчас, еще пуще растравляя себе душу, он снова открыл конверт и еще раз удостоверился в том, что должен внести килвортскому налоговому управлению девять фунтов десять шиллингов налога. Управление требовало — на этот раз в форме официального уведомления — немедленной уплаты этой суммы. Шесть фунтов десять шиллингов лежали в ящике туалетного стола, три фунта он дополнит из жалованья, которое получит по чеку в конце месяца — вот как мистер Бантинг намеревался разрешить эту проблему, именно так, а не иначе; а управление пусть себе требует и грозит сколько ему угодно. Из того же месячного жалованья нужно сделать очередной взнос по закладной, — эти платежи, к счастью, подходили уже к концу, — а также оплатить совершенно непредвиденные счета за липолсум в ванной комнате, за пальто для Джули и за новый кухонный буфет, без которого, как недавно выяснилось, невозможно обойтись. По правде говоря, количество непредвиденных расходов, из месяца в месяц параставших в домашнем бюджете, было наиболее поразительной особенностью хозяйства Бантингов.

А что будет, если он перестанет получать свои ежемесячные чеки? Это будет, если Вентнор... Но при одной мысли об этом он вздрагивал, как от прикосновения к раскаленному железу. Стоило Вентнору завладеть его мыслями, и он терял последнее мужество. Он должен гнать от себя мысли о Вентноре. С тех пор как Вентнор три дня назад с шиком укатил в своем элегантном сером джипузице, мистер Бантинг ни разу не вспоминал о нем. В первый раз за последние недели он забыл о существовании Вентнора. И теперь ему казалось, что, перестав тревожиться из-за него, он как бы пренебрег каким-то слящениым ритуалом и тем навлек на себя беду.

И все же он не станет о нем думать. Благодаря

наследству тети Эвни он немного припас на черный день. На худой конец, он продаст «Золотой дождь», и поселится на Линкортском шоссе в одном из коттеджей, которые она ему оставила.

Мистер Бантинг вспомнил, какое горькое разочарование испытал он при виде этих коттеджей, когда в один из субботних вечеров отправился взглянуть на них. Четыре крошечных ветхих домика и участок болотистой земли, сданной в аренду желчному неудачливому огороднику. Мистер Бантинг приберегал эти коттеджи как последнее прибежище на случай, если грянет гром. Как-никак это крыша над головой, и очаг, и земля, которую можно обрабатывать; он будет вести суровую трудовую жизнь, но прожить все-таки будет можно. Ничего не поделаешь, приходится считаться и с такой перспективой.

Такие мысли проносились в уме мистера Бантинга, пока он уныло сидел на садовой скамейке. Но никто из членов его семьи не понимал его, никто не хотел понять. Он должен думать о будущем, должен строить планы и заботиться о своей семье, даже если его семья мало заботится о нем. Вот что значит быть отцом.

— Папа, чай пить! — крикнула Джули, прервав его размышления.

Все сидели за столом, как пришибленные. Эрнест был все еще бледен, молчалив и очень вежлив с отцом. Все были очень вежливы с мистером Бантингом, словно пытались умиловать беспричинно разгневанное божество. Мистеру Бантингу было же по себе. Он сидел среди общего натянутого молчания, и в душе его поднимался протест, ему хотелось сказать им, что он совсем не такой, как они думают. Внезапно он с особенной силой почувствовал, как бесконечно, как мучительно они ему дороги. Он жаждал прервать это механическое наполнение желудков, открыть им свою душу, сказать им: я хочу только одного — чтобы всем было хорошо. Но он, опять же, не мог этого сделать. Он сидел за столом такой же подавленный и молчаливый, как и они, и, выпив чай, торопливо проскользнул в гостиную и укрылся за вечерней газетой. Очень трудно объяснить кому-нибудь свои чувства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Но Крис отличался неунывающим характером, как это свойственно молодым людям, целиком поглощенным своими личными делами, и поэтому, несмотря на подавленное настроение, царившее за чаем, час спустя он с грохотом подкатил к воротам в автомобиле. Конечно, это была уже не та замечательная машина, о которой он рассказывал; тот уникальный экземпляр безвозвратно погиб на Епплворт-хилле, под водительством юного Ролло, и Крис подозревал, что причиной гибели был лопнувший цилиндр. Новый автомобиль был гораздо более внушительным, лучше сохранившимся, более быстроходным и вообще несравненно более роскошным экипажем. Это был, как говорил Крис с благоговейной дрожью в голосе, двенадцатисильный «грандикс». Общее с прежним фаворитом Криса у него было только одно — оба продавались феноменально дешево.

Автомобили для Криса были тем же, чем для Эрнеста Шопен. Автомобильные журналы служили ему прибежищем, где он искал спасения. А спасения он искал преимущественно от занятий банковским делом и, в частности, от назойливых мыслей о предстоящем экзамене по этому предмету. Он видел неотвратимое, как сама судьба, приближение рокового утра, когда ему ролей-певолей придется предстать перед экзаминаторами и подвергнуться испытаниям по теории и практике банковского дела, по вопросам процентов, учета векселей, валюты, курса и прочих затхлых, абстрактных понятий. Ни об одном из этих предметов у него не было сколько-нибудь ясного представления. Его невезество было столь явным, что не могло укрыться от постороннего взора даже из той скромной должности, которую он занимал в банке Барклэй. Управляющий отделом, мистер Освальд Лик, бледный, толстый, костлявый и совершенно лысый человек, дал Крису понять, что он наблюдает за ним, и это предостережение прозвучало весьма многозначительно. Повидимому, мысль о Крисе беспрестанно посещала его среди его личных и служебных забот, так как он раза два пригрозил Крису, что подвергнет его устному экзамену по книге Бенкхилла «Банковское дело в Англии».

Все предвестия и предзнаменования не судили ничего хорошего, и прочность взаимоотношений Криса с банком Барклэй казалась довольно сомнительной.

Каждый раз, встречаясь взглядом с мистером Ликом, Крис чувствовал, что приближается день расплаты. Порой что-то похожее на совесть дремотно шевелилось в его душе, побуждая его взяться за книгу. Тогда он извлекал из ящика стола свои учебники и принимался за них с отчаянной решимостью проглотить их как можно быстрее — одним глотком, как глотают касторку. Но с первой же страницы, при первом столкновении с тем особым складом ума, которым отличаются составители учебников по банковскому делу, в нем поднимался протест. Его охватывала досада, он даже начинал отпугивать саркастические замечания вслух. Он останавливался, изо всех сил стараясь сосредоточиться, и снова пускался в путь, пробираясь через бесплодную пустыню банксиаловских параграфов в поисках живительного источника, именусемого логическим смыслом. Но ему никак не удавалось обнаружить его.

А ведь есть люди, которые занимаются этой белибердой, хотя никто их не заставляет. Трудно поверить, но Крис встречал таких людей. — Послушай, — сказал он однажды Берту Ролло и прочитал ему несколько особо заковыристых абзацев, — видел ты что-нибудь подобное?

— По-моему, это просто бред, — заявил Ролло.

То ли дело техника! Всякая техническая кляга, которая попала Крису в руки, сразу возбуждала в нем острый интерес. Палироса гасла, он сбрасывал подушки на пол и вытягивался на диване. Все окружающее переставало существовать. В технических книгах были чертежи, здесь вы имели дело с металлами, с газами, с электрическим током, словом, с реальными явлениями, подчинявшимися здравой логике — законам причины и следствия. Больше того, в технике вы постоянно сталкивались с актуальными проблемами, проблемы, для которых способный человек, — он сам, например, или Ролло, — мог найти решение. Здесь, насколько Крис мог судить, перед вами открывались неограниченные возможности.

В частной мастерской Ролло-младшего, позади гаража,

шла настоящая серьезная работа; это было возможно только потому, что старик Ролло был необыкновенный отец, вызывавший восхищение Криса тем, что так в чем-то походил на мистера Бантинга.

Как только Крис вошел в гараж и вдохнул волнующий запах бензина, шин и целлюлозы, он тотчас заметил «грандикс». Левая бровь у него поползла вверх, и он обратил внимание Ролло на эту, как он выразился, «славную штучку».

— Машина — о'кей, — отвечал Ролло, который до такой степени преклонялся перед всем американским, что даже выражаться старался как можно американстее.

Они подняли капот радиатора, испытующим оком заглянули в механизм и несколько раз повторили: «Шикарно!» Потом завели мотор и с сосредоточенным видом специалистов по сердечным болезням стали прислушиваться к бешеному грандикского сердца.

— Ну, что ж, работает ровно, — объявил Ролло.

— Красавец!

— Верно, дружище. Валяй, если хочешь, попробуй, как она на ходу.

— Можно?!

— Понятно, можно. Я договорился со стариком.

Завладев таким образом «грандиксом» и подкатив на нем к коттеджу «Золотой дождь», Крис несколько раз включил и выключил мотор просто ради удовольствия лишний раз почувствовать под ногой живой послушный механизм, и, выйдя из машины, предложил своему отцу осмотреть ее.

Желая проявить дружелюбие и отзывчивость после тяжелой сцены с Эрнестом, мистер Бантинг направился к воротам.

— Я взял машину часа на два, хочешь прокатиться, папа?

Мистер Бантинг подумал о своих коттеджах и картофельном поле. — Успеем мы добраться до Линнорта?

— На такой-то машине? Да это сущие пустяки.

— Ну, ладно, я сейчас. — После чего последовали громкие возгласы с требованием пальто, кашеи и подушки, чтобы положить ее на сиденье.

— Да зачем тебе все это? — возражал Крис. — Это же внизу.

— Не желаю дрожать от холода всю дорогу, — ответил мистер Бантинг.

После недолгой возни с неподатливой ручкой двери мистер Бантинг влез в машину. Миссис Бантинг и Джули вышли к воротам.

— Готово, — сказал мистер Бантинг, и Крис нажал на стартер.

Машина бесно рванулась вперед и остановилась, снова рванулась и снова остановилась. На мгновение Крис растерялся. Он уже чувствовал, что в душу отца закрадывается сомнение.

— Сейчас я покручу ручку, — сказал он небрежно. — А ты, папа, потяни вот за это, а тут нажми ногой.

Получив эти инструкции, мистер Бантинг стал тянуть и нажимать что было мочи. Мотор раза два злобно фыркнул Крису в лицо, потом послышался глухой рев, и шасси угрожающе дрогнуло. Глаза мистера Бантинга испуганно вопрошали: что делать дальше? Крис вскочил в машину и усмирил «грандпкс», после чего рев перешел в мирное урчание.

— Готово, — сказал Крис с детской веселостью. Лицо его было несколько краснее обычного.

— Надеюсь, машина в порядке?

— Первоклассная машина. Ей только нужно при-
выкнуть.

Собрав всю свою решимость, мистер Бантинг ухватился обеими руками за сиденье и стал глядеть вперед на дорогу. Он и не подозревал, что Крис умеет управлять автомобилем, и на душе у него было далеко не спокойно.

— Хорошо идет, правда?

— Да, сейчас как будто ничего.

— Шикарная машина. Двенадцатисильный «грандпкс».

Мистер Бантинг изумился: — Двенадцать лошадиных сил? Неужели?

— Вот я ее сейчас разгону, — сказал Крис и, прибавив ходу, резво промчался мимо двух медленно громылавших по шоссе грузовиков. — Замечательно послушная машина, папа.

Мистер Бантинг уже немного пришел в себя. Он раз-

мотал кашне и, заметив небольшую полочку, положил на нее перчатки. Затем его внимание привлекла выдвигающаяся пепельница; ему пришло в голову, что он может покурить. Истратив понапрасну несколько спичек, так как он ни на секунду не отрывал глаз от опасных поворотов дороги, он в конце концов раскурил трубку.

— Ничего машина, а, Кристофер?

— Роскошная машина.

— Ролло не берут с тебя за прокат?

— Конечно, нет.

— Ну, значит, все в порядке, — сказал мистер Бантинг, чувствуя, что теперь ничто не мешает ему наслаждаться прогулкой.

Машина нырнула под густой лиственный свод и вынырнула опять навстречу теплым лучам солнца. Дорога поднялась на холм, и свежий ароматный ветер повесил им в лицо. Потом она отлого спустилась вниз к приютившейся у подножия холма деревушке. Живые изгороди были усыпаны цветами шиповника и вьюнка; коровы дремали в тени густых вязов; от палатавшего временами ветра серебристая рябь пробегала по траве. «Очень живописно», — подумал мистер Бантинг, обозревая растянувшийся перед ним пейзаж взглядом будущего сельского жителя, заранее решившего примириться со своей судьбой. Если он потеряет работу у Брокли, ему придется поселиться здесь, в одном из липпортских коттеджей. Придется продать «Золотой дождь» и выкупить закладную. Бессспорно, это поражение, но надо подготовиться ко всему, нужно уметь заглядывать вперед; и если уж так суждено, — стойко встретить все невзгоды.

Ведь многие даже предпочитают жить в деревне. Сам мистер Бантинг имел о деревенской жизни довольно смутное представление. Он был городской житель, лондонец, типичный горожанин. Ребенком он узнал из книжек и календарей с картинками, что где-то далеко-далеко за Кэмдентауном есть страна голубых небес и зеленых полей, обильно усеянная ветряными мельницами и густо заселенная резвыми агнятами, — счастливый мир, вечно залитый золотыми лучами солнца и ниспадающий дождем. Но ему так и не пришлось побывать там, пока он не стал взрослым. Принимая участие в пикниках, он при-

шел к убеждению, что прелести деревни непомерно преувеличены — это прескучное место, кишашее отвратительными насекомыми. Но то были всего-навсего пикники; сейчас он готов был поверить, что совсем поселиться в деревне, может быть, даже довольно приятно. Окружавший его пейзаж и в самом деле начинал слегка смахивать на аляповатые картинки, запечатлевшиеся в его памяти с детства. Люди здесь, несомненно, вели очень простой образ жизни. Жизнь их текла неторопливо и, как ему казалось, была проще, свободней и в известном смысле романтичней. Размышления мистера Бадтинга были, разумеется, очень наивны даже для горожанина; он рисовал себе румяных фермеров, распивающих эль в старой харчевне, пахарей, шагающих, посвистывая, за плугом, веселые сенокосы и сборы урожая.

Он уже видел себя окрепшим, загорелым, мирно покуривающим трубку в садике перед коттеджем, в лучах заходящего солнца. Он посадит в саду все эти славные деревенские цветы — лаванду, пастурции и огромные подсолнечники. Он вырастит горошек и бобы и будет есть их свежими и сочными прямо с грядки.

Можно даже развести свиней.

Простая, скромная, независимая жизнь. Чего ради трепетал он перед Белтнором? Совсем это не нужно. Немного мужества, немного отречения — и он избавится от всех неприятностей.

Правда, надо подумать об Эрлесте и Крисе, об их службе в Билворте. И Джули. Это осложняет дело. Если бы мальчики уже стали на ноги! Как всегда, планы мистера Бадтинга разбивались об этот подводный риф.

— Что это дребезжит? Ты не замечаешь? — спросил он, потеряв надежду, что Крис сам обратит внимание на этот подозрительный звук.

— Да нет, папа, просто плохая дорога. Трехпенсовая каучуковая втулка — и все в порядке. Ну, как? Правится тебе?

— Правится. Остановись-ка около этих коттеджей.

Удивленный Крис затормозил. Мистер Баддинг вышел из машины. — Хочу немножко пройтись, — сказал он в ответ на вопросительный взгляд Криса. — Ты покатайся пока один.

— Ладно, папа. Не одолжишь ли ты мне полкроны на бензин?

Вручив требуемую сумму и посмотрев вслед рванувшемуся вперед «грапдиксу», мистер Бантинг перевел взгляд на коттеджи, будущий свой приют и воплощение своих новых идеалов. Он старался подавить разочарование, охватившее его при взгляде на эту недавно доставшуюся ему собственность. По правде говоря, коттеджи больше всего походили на ящики, и вид у них был довольно городской. Это были совсем голые и очень мрачные строения. Кустик ампельсиса или завиток плюща, или какое-нибудь другое декоративное растение, рекомендуемое сельскохозяйственными преysкурантами, значительно смягчили бы их внешний облик. Но это были простые кирпичные дома с тифферными крышами, выстроенные в двух милях от Линнорта на плоском, голым участке, у края унылого шоссе. Вокруг на редкость безрадостный пейзаж — ни деревушки, ни придорожной харчевни, ни живописной рощицы. Мистер Бантинг не мог понять, почему эти коттеджи нужно было построить именно здесь. Должно быть, решил он, из каких-то таинственных сельскохозяйственных соображений. Позади коттеджей расстилалось поле, засаженное картофелем; среди поля виднелась мрачная фигура неудачливого огородника в позе, напоминавшей мистеру Бантингу Оски. За полем на месте идиллической деревушки, рисовавшейся мистеру Бантингу в его мечтах, желтела глинистая проселочная дорога. Мистер Бантинг — в клетчатых чулках и штанах-гольф коричневого цвета — стоял у края дороги, являя собой странную и необычную для здешних мест фигуру; он всеми силами старался не дать идеалу потускнеть, однако уже готовился подвергнуть его значительному видоизменению.

Нужно будет соединить два коттеджа в один, сделать окна фонарем, залить дорожки асфальтом и оштукатурить стены. Озабоченный предстоящими расходами, он внимательно рассматривал коттеджи, и ему показалось, что кто-то, спрятавшись за занавеской, украдкой наблюдает за ним из окна. Он уже собирался было обследовать внутренность коттеджей в связи с намеченной им перестройкой, но это настойчивое наблюдение исподтишка на-

помпало ему о 'некоей переписке по вопросу о кухонной плитке, которой он до сих пор не уделял еще достаточного внимания.

Он свернул на глинистую тропинку и, стараясь не испачкать свои клетчатые чулки, направился к просвету в живой изгороди, откуда он мог все осмотреть, не опасаясь, что в нем сразу признают хозяина. Какие-то деревенские сараи, кое-как сколоченные из досок, беспорядочно загромождали участки. А сами участки! Заброшенные грядки с прелой капустой, буйные заросли одичавшего ревеня. Кучи мусора. Первое столкновение с практической стороной жизни в «Жасминовых коттеджах» — и мечты мистера Бантинга о сельской идиллии разом поблекли.

Забраться в такую дыру! Нет, это просто невозможно вообразить. Разве только нужда заставит. Прибежище на крайний случай.

— Ну, что ж, придется привыкать, — пробормотал он, выбираясь обратно на шоссе. Он видел, что его появление взволновало умы всех обитателей этого богом забытого уголка. Огородник бросил работу и уставился на него, как будто сию минуту припомнить, где он его раньше видел. Двое каких-то людей вышли из дома и стояли, рассматривая унылую флору своих заросших сорняками грядок и время от времени поглядывая в его сторону; они видимо, мало-помалу приходили к убеждению, что это «сам».

— Послушайте, мистер!

Мистер Бантинг сделал вид, что занят своей трубкой, в то же время пытливо озирая окрестность, не покажется ли где-нибудь «грандикс». К воспоминанию о кухонной плитке присоединились мысли о протекающих крышах и прогнивших полах.

— Послушайте, вы не мистер Бантинг?

Мистер Бантинг притворился глухим и с видом задумого натуралиста углубился в созерцание летящих над ним скворцов. Ему хотелось убраться куда-нибудь подальше от этих коттеджей, бежать отсюда, как из зачумленного места, раз и навсегда изгнать из своей памяти самое воспоминание о них.

Но вот, наконец, подкатил «грандикс», и Крис пустился в объяснения: ближайшая близкая подонка

оказалась в нескольких милях отсюда, и ему нужно было еще запастись маслом, а потом он останавливался, чтобы закрепить стулки.

— Опа идет теперь в сто раз лучше, — заявил он.

Мистер Бантинг влез в машину и сидел, стараясь не глядеть по сторонам. Видя все это, обитатели коттеджей пришли к заключению, что мистер Бантинг собирается отбыть, но не трогались с места, считая, должно быть, невозможным задерживать столь роскошный экипаж разговорами о худых крышах и угольных сараях. «Грандикс» сделал скачок вперед и так круто остановился, что мистер Бантинг чуть не свернул себе шею.

— Легче, легче! — взмолился он, вытаскивая из рта едва не проглоченную трубку.

— Немного засадет, — объясняя Крис. — Обыкновенное дело.

Мистер Бантинг опасливо присел на сиденье, чувствуя себя, как на электрическом стуле. В это время проезжавший мимо автомобиль остановился и загородил им дорогу, а водитель, вывернув шею, словно любопытствующий лебедь, выглянул из кабины. В чем-то, повидимому, удостоверившись, он вышел из машины и направился прямо к «грандиксу».

— Прошу прощения, но вы ли владелец этого участка?

Мистер Бантинг признался, что он, и сразу занял оборонительную позицию.

— Подумайте, какая удача! — воскликнул повопребывший, оказавшийся чрезвычайно вертлявым человечком с целым арсеналом карандашей в жилетном кармане. — Я чуть было не проехал мимо, но вдруг заметил ваш автомобиль и подумал: держу пари, что этот джептльмен — мистер, мистер... ах ты, господи, я же отлично знаю вашу...

— Бантинг.

— Ну, конечно, мистер Бантинг. Очень рад познакомиться с вами, мистер Бантинг. Меня зовут Доукис, — и он изящным жестом протянул ему карточку. — Постройки, контракты — все, что вам потребуется. Управляющий коттеджами, — теми, что выше по шоссе. Вы, наверное, мимо них проезжали. А вы, я вижу, совершаете прогулку. Прелестный лямузипчик.

Его глаза выпуклые и быстрые, казалось оценивали мистера Бантинга, оценивали его автомобиль, его штаны-гольф — все, вплоть до ногтей на его пальцах. Он производил впечатление человека, который с одного взгляда умел оценить всех и вся и, видимо, этим гордяся.

Мистер Бантинг, все еще чувствуя некоторое замешательство, признался, что так оно и есть, что он действительно совершает прогулку в своем прелестном джипчике.

— «Грандикс», — пояснил он. — Двадцатисильный.

— Да, вижу, вижу. Это хорошие машины.

— Очень хорошие, — сказал мистер Бантинг и уже собирался упомянуть о жидкостных тормозах.

Доукис поставил ногу на подножку и принял чрезвычайно небрежный вид.

— Не думаете продать ваш участок? Разумеется, — продолжал он поспешно, — он не представляет сейчас большой ценности. Глухое место, будет таким еще годы. Но вам, конечно, — он дал понять, что знает положение мистера Бантинга и сочувствует ему, — поскольку вы живете в Лондоне, земельная собственность ни на чорта, извините меня, не нужна. Так что, если вы хотите от нее отделаться, я мог бы, пожалуй, это устроить. Я ничего не обещаю, но попробовать можно. — Он замолчал и, уставившись на мистера Бантинга, с таким напряженным вниманием следил, как тот реагирует на его слова, что казалось, ни одно движение на лице его собеседника не могло от него ускользнуть.

— Вы хотите купить землю?

— Весь участок, — поправил мистер Доукис.

Мистер Бантинг пасторожился. — Коттеджи я не продаю.

— Но мне нужна придорожная полоса. Участок ничего не стоит без придорожной полосы, — заявил Доукис таким тоном, словно мистер Бантинг старался его одурачить. — Вы согласны со мной? — обратился он к посредничеству Криса.

— Я, пожалуй, продам землю, — нерешительно сказал мистер Бантинг.

Заметив, что земля в этих местах не стоит и шиллинга за ярд, так как Линнорт развивается в противо-

положном направлении, Доукинс достал портсигар, предложил Крису папиросу и закурил сам, проделав все это со свойственной ему стремительностью движений.

— Вы, значит, хотите продать землю?

— Может быть, и продал бы, — ответил мистер Бантинг, твердо решив не попадать впросак.

— Послушайте, сэр. Четыре сотни за весь участок. Что вы скажете? Это хорошая цена. Вам никто столько не даст.

— Коттеджи я не продаю, — повторил мистер Бантинг упрямо.

Доукинс взглянул на мистера Бантинга, как бы оценивая его заново, и, казалось, обнаружил в нем нечто, ускользнувшее от него при первом осмотре.

— Если такова ваша точка зрения, — заявил он, — то нам с вами не о чем разговаривать. До свиданья, — и он с необыкновенной поспешностью зашагал к машине, словно хотел как можно скорей наверстать потерянное время, а мистер Бантинг смотрел ему вслед, испытывая смутное чувство недовольства от сознания, что чем-то его обидел.

Но не прошло и минуты, как Доукинс вернулся. — Послушайте, сэр. Мы встречаемся с вами не часто. Четыреста пятьдесят — земля, коттеджи, — все огулом подходит вам?

— Коттеджи я не продаю, — повторил мистер Бантинг твердо, повысив голос и всем своим видом показывая, что начинает сердиться. — Я ведь уже сказал вам.

— Вы еще подумайте. Вот моя карточка. Утро вечера мудренее, сообщите мне, когда надумаете.

— Послушай, папа, — заметил Крис, когда Доукинс удалился. — Это твои дома?

Мистер Бантинг утвердительно хмыкнул.

— И земля тоже?

— Много ли тут земли.

— Должно быть, это и есть наследство тети Эппи, — сказал Крис с таким видом, словно он разгадал, наконец, давно всех мучившую тайну.

— Занимайся-ка лучше своим делом, — стрезал мистер Бантинг. — Поехали.

«Грандикс» остановился перед коттеджем «Золотой дождь».

— Как тебе правится машина, папа? — спросил Крис.

— Неплохая машина. Спасибо, Кристофер, славно прокатились.

— А знаешь, она стоит всего-навсего двадцать пять фунтов.

— В самом деле? Так дешево?

— Думаю даже, что мистер Ролло отдаст ее за двадцать паличнымп.

— Да неужели? Ну, ступай поужинай, да отведи машину в гараж.

Но у Криса явно было что-то на уме. Он никак не мог оторваться от «грандикса». Он пробормотал что-то о прекрасном состоянии шин и необычайно малом расходе горючего. — Это замечательная машина, — без конца повторял он, — замечательная машина.

Ему так не хотелось с ней расставаться, что отец взглянул на него с подозрением.

— Ступай-ка домой, — сказал он резко. — Становится сыро, — и повернулся, собираясь войти в дом.

— Передать что-нибудь мистеру Ролло, папа?

— Насчет чего?

— Возьмем мы автомобиль?

Увы! Оправдались подозрения, которые мистер Бантинг все время старался отогнать от себя как недостойные. Слово шинпы, возникшее опи в его сердце. Он был оскорблен и разочарован. Чтобы Крис, именно Крис, так беззащитно обнаружил корыстные побуждения!

— Так вот почему ты пригласил меня покататься! — сказал он с упреком. — Не потому, что тебе хотелось доставить мне удовольствие. О, нет! Не потому, что тебе приятно было провести со мной время. Просто ты хотел умаслить меня, чтобы я купил машину.

— Вовсе нет, папа. Но ты только подумай, ведь как дешево!

— Дешево! — вскричал мистер Бантинг, которого это слово задело за живое. — Ты думаешь, я могу выбросить двадцать фунтов на покупку машины? А затем понадобится еще гараж, потом разрешение и бог знает, что

еще. И все для того, чтобы иметь эту старую колымагу!

— Что ты говоришь, папа? Это же «грандике»!

— Двадцать пять фунтов! — не слушая его, бушевал мистер Бантинг, и в его устах эта сумма превращалась в астрономическую цифру. — Подумать только! Что, мне пекуда девать двадцать пять фунтов, кроме как на покупку автомобилей у мистера Ролло? Отведи машину назад и скажи мистеру Ролло, пускай сам на ней ездит. И будь добр больше не притаскивать сюда всякие дурацкие машины, пока тебя об этом не попросят.

Он зашагал к дому и увидел, что при его приближении Эрнест и Джули поспешно покинули свой наблюдательный пост у окна гостиной. На лицах у них был написан вопрос: «Чего это он опять разбушевался?» и короткая покорность воле тирана.

Он подумал, что, пожалуй, чересчур погорячился, показал себя в явном свете. Так всегда бывает, когда человека одолевают заботы, — всегда говоришь не то, что думаешь. Они с Крисом неплохо ладили до этой минуты.

— Хорошо прогулялся, Джордж? — спросила миссис Бантинг сладким голосом. Эрнест на несколько дюймов пододвинул к нему стул, а Джули провожала:

— Хэлло, палка-ворчун!

Он опять возвращался в ту же атмосферу взаимного непонимания, которую оставил час назад. Ничто, казалось, не в силах было разрушить стену между ними, помочь семье увидеть его таким, каким он себя чувствовал — измученным, обремененным заботами, но с нежным, любящим сердцем.

Крис тем временем поставил «грандике» в гараж и унылым жестом дал понять молодому Ролло, что дело безнадежно провалилось.

— Что ты говоришь! Какую же еще машину ему пужно? Должно быть, он порядочный скряга, а?

— Не знаю, что он такое, — ответил Крис мрачно, но в глубине души он думал, что его старик просто какой-то чудак. Ему дают четыреста пятьдесят фунтов, и он не желает их брать. А в то же время не может раскошиться на каких-то двадцать пять фунтов, даже не двадцать пять, а двадцать, и, главное, за что, — за

«грандиоз»! Не человек, а загадка! Потому что в конце концов, — это Крис готов был великодушно признать, — отец у него совсем не дурак.

«Хотел бы я знать, что у него на уме!» — мысленно воскликнула Крис и глубоко задумалась.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Встреча с Доукинсом, естественно, привела мистера Бантинга к выводу, что если ему без всяких стараний с его стороны была предложена сумма в четыреста пятьдесят фунтов, то, значит, он легко может получить и больше. Он написал письма земельным агентам, в частности некоему Хаулану, у которого была контора на Главной улице в Линнпорте, предлагая свою землю для продажи. Агенты ответили в оптимистическом тоне, обычном для эпистолярного стиля земельных агентов, и великодушно заверили мистера Бантинга, что покупатель для него будет найден без промедления. Их уверенность очень его ободряла.

У него появилась привычка производить вычисления на полях «Сирены», приняв за основу четыреста пятьдесят фунтов, предложенные ему Доукинсом; он оплачивал полностью всю закладную и помещал x фунтов в ценные бумаги, руководствуясь при их выборе биржевыми отчетами на последней странице газеты. Упомянутые x фунтов были переменной величиной, колебавшейся в зависимости от настроения мистера Бантинга, однако даже в самые оптимистические минуты он никак не предполагал, что этот x может означать для него полную независимость.

А кроме того, покупатель, с такой уверенностью обещанный земельными агентами, пока что не появлялся.

За этим последовал период, в течение которого мистер Бантинг вел оживленную переписку с десятком земельных агентов, причем ответы последних с каждым разом становились все короче и приобретали довольно кислый тон. Они заявляли, например, что его земля, — самый обремененный сельскохозяйственный участок, из чего можно было понять, что сельскохозяйственные участки вообще не представ-

злют для них никакого интереса. Повидимому, строительные участки были одно, а земельные — нечто, совершенно другое. Мистер Бантинг до сих пор думал, что строить можно на любой земле, за исключением болота. Он не имел ни малейшего понятия о том, сколько может стоить один акр земельного участка, и даже не представлял себе, как этот самый акр выглядит. Но тем не менее он упорно противился всем попыткам сбить цену. Он решил лично повидаться с агентами.

Его первый и, как судьба было угодно, последний визит был к мистеру Хаулэшу, которого он нашел в его конторе — маленьком кирпичном домике на Главной улице. Хаулэш оказался болезненным на вид человеком, со впалыми щеками; при первом взгляде на него у вас возникало впечатление, что этого человека преследуют несчастья. Он с некоторым трудом припоминал, кто такой мистер Бантинг.

Когда мистер Бантинг упоминал об их переписке, а также о существовании песчаниковых «Жасминовых коттеджей» и картофельного поля, Хаулэш признался, что в то время как других клиентов он без всяких затруднений избавляет от их недвижимости, благодаря чему его дело, кстати сказать, находится в самом цветущем состоянии, с участком мистера Бантинга он по каким-то необъяснимым причинам совершенно бессилен что-либо сделать. Он сам поражен этой неудачей. Просто невозможно сдвинуть с места это во всех отношениях недвижимое дело. Повидимому, мистер Хаулэш впервые за свою многолетнюю практику сталкивался с подобным случаем.

— А если бы вам все же удалось найти покупателя, сколько, по-вашему, можно получить?

Хаулэш затруднялся сказать что-нибудь определенное. Может так случиться, что мистеру Бантингу выгодно будет продать, но может случиться и так, что ему выгоднее будет воздержаться. Ввиду чрезвычайно быстрого роста некоторых поселков в этой местности сейчас особенно трудно определить реальную и, если ему будет позволено так выразиться, потенциальную ценность импортных участков.

Мистер Бантинг кивком дал понять, что это слово доступно его пониманию.

— У вас были какие-нибудь предложения, мистер Бантинг?

Мистер Бантинг упомянул о Доукнисе. Это имя произвело сильное впечатление на агента.

— Какой Доукнис, не из городского управления?

— Подрядчик; предложил мне четыреста пятьдесят.

— Чорт возьми, неужели! — воскликнул Хаулэш. — Это очень интересно. Потому что вообще-то считается, что в эту сторону Линпорт не будет развешаться, а Доукнис — председатель Дорожного комитета, а также заместитель председателя Комитета городского благоустройства. — Хаулэш, казалось, был очень возмущен тем, что Доукнис занимает эти почетные должности.

— Вот как? — сказал мистер Бантинг, не понимая, какое отношение это имеет к его делу.

— Здесь что-то кроется, — сказал Хаулэш, положив на кончик языка таблетку висмута и задумчиво ее посасывая. Он встал и, подойдя к карте Линпорта, начал водить по ней указательным пальцем, сунув другую руку в карман и побрякивая мелочью. Его нахмуренные брови свидетельствовали о том, что мозг мистера Хаулэша усиленно работает в интересах мистера Бантинга. Внезапно Хаулэш обернулся.

— Я раскусил, в чем тут дело! Это старый проект дороги.

Он уставился на мистера Бантинга, ожидая, что тот проявит хоть какие-нибудь признаки понимания. — Ну да, вы, конечно, не в курсе дела. Вы ведь сами не живете в этой проклятой дыре. Этот проект дороги уже много лет лежит в городском управлении. Даже в то время, когда я еще был членом городского управления — а я был бы им и по сей день, если бы не эта свинья Доукнис, — даже тогда этот проект не раз ставляя на обсуждение и опять клали под сукно. Ручаюсь, что областное управление нажимает на них; и министерство, возможно, тоже. В таком случае, им придется теперь за него взяться. С открытием дороги эта часть города расцветет. Предполагалось даже разбить там парк и построить аэропорт. И он предложил вам четыреста пятьдесят? Вот жулик! Вы со своим участком попали в самую точку. Можете тысячу фунтов получить.

Мистер Бантинг обернулся так стремительно, точно что-то прожужжало у него под самым ухом.

— Как вы сказали? — с трудом выдал он. — Тысячу?

— Если мои предположения оправдаются.

— Вы это серьезно?

— Конечно, — заявил Хауэлл. Он заговорил скороговоркой, для большей убедительности постукивая пальцем по карте. До мистера Бантинга долетали слова, проливавшие некоторый свет на старинную распрю, существовавшую между Хауэллом и Доукисом, и подтверждавшие, что он попал как раз на того человека, который ему пужен.

— Что же теперь надо делать?

— Прежде всего выяснить, правы ли мои предположения.

— А как это сделать?

— Есть способы. Предоставьте это мне. Но имейте в виду: я требую монопольных прав! — он выился взглядом к мистеру Бантингу. — Никаких других агентов.

— Понятно.

— Вы согласны?

— От всей души, — сердечно заверил его мистер Бантинг.

— Значит, решено, — удовлетворенно промолвил Хауэлл. Держа пресс-папье наготове, он с заметным удовольствием следил, как его клиент подписывает официальную доверенность. — Положитесь во всем на меня, — заключил он.

Возвращаясь домой после этого знаменательного свидания, мистер Бантинг чувствовал такой прилив жизненных сил, что они рвались из него наружу, как пар из парового котла; к тому времени, как он добрался до коттеджа «Золотой дождь», он был уже на волосок от срыва. Чуть не вприпрыжку побегал он ай своих коротких ножках по тропинке к дому, повозился с дверным запором, думаясь, правда ли добродушно, и с шумом ввалился в переднюю. Тут он вспомнил о детях и о необходимости сдерживать свои чувства; дети могли быть дома.

Они и были дома — все трое. Эрнест, Крис и Джули — и сидели у камина. При его появлении они обер-

нулся и, как по команде, воззрился на него с таким удивленным видом, словно заметил что-то совершенно необычное в его паружности. Воцарилась напряженная тишина, как всегда при внезапно оборвавшемся разговоре. Мистер Бантинг посмотрел на себя в зеркало, но оно не дало ему никаких объяснений. Правда, щёки его немного покраснелись, должно быть, оттого, что он слишком быстро шел в гору, да на голове он обнаружил шляпу, которую позабыл снять. Прижав самый небрежный вид и что-то напевая, он прошёл на кухню и, остановившись в дверях и помолчав немного, чтобы овладеть голосом, позвал жену:

— Мэри, войди-ка сюда на минутку!

Он плотно притворил за ней дверь.

— Тысячу фунтов самое меньшее — вот что говорит Хауэлл. — объявил он в заключение, наложив жёпе дело, и упругой, энергичной походкой принялся ходить из угла в угол по выложенному плитками полу. — Тысячу фунтов! — восклицал он снова и снова и, как бы нечаянно схватив с буфета сладкий пирожок, отправил его в рот; пережевывая сочные куски теста с вареньем, он принялся добавлять к своему рассказу некоторые красочные подробности.

— Как это будет чудесно, правда, Джо? Мы заживем припеваючи.

Он подумал, что се следует предостеречь. — Подожди. Еще неизвестно, выгорит ли. Только не говори им, — он кивнул в сторону гостиной. — Они сейчас же бог знает что придумают.

— Но ведь это все-таки будет перемена в нашей жизни? Для всех нас?

— Ну, еще бы! Как ты думаешь, не сбегать ли мне за бутылочкой «Принца Чарльза»? А тебе прихватю портера. Отпразднуем.

— Не стоит тратить на портера.

— Нет уж, извини, старушка, сегодня ты получишь бутылочку «Гинесс», — величественно объявил он. — Сжимает красные кровавые шарики. Ты что-то бледна последнее время. Только, смотри, им, — он жестом дал понять, что имеет в виду детей, — им ни слова.

В этот вечер они засиделись у камина, причем виски

и бутылка «Гинесс» на столько перед камином придали их беседе оттенок пиришества.

Как только эта сделка осуществится, он выложит Вентнору все, что он о нем думает, все начистоту и обильно о своем уходе. Он долго смаковал эту сцену, на все лады разыгрывая ее в своем воображении. Если бы только мальчики зарабатывали побольше! Одна-два лишних фунта в неделю — и совсем другое было бы дело. Он бы тогда ни от кого не зависел. А так придется, пожалуй, попрежнему гнуть спину и терпеть Вентнора и Слингера, — и все только потому, что Крис и Эрнест не желают интересоваться своей работой.

— Вот если бы Хаулэшу удалось поднять цену до полутора тысяч, — бормотал он. — Он ловкий парень. Энергичный.

— Вот увидишь, у тебя теперь и в магазине все наладится. — сказала миссис Бантинг. — Теперь тебе во всем пачнет везти. Лучшее всего, знаешь что? Продолжай работать, как раньше. Теперь все будет хорошо, Джордж, голубчик. — Она подняла стакан и блаженно хихиканула.

— Я хочу уйти на покой, Мэри, — солидно сказал мистер Бантинг. — Довольно я поработал. Хочу сидеть дома и заниматься своим садом. Ну, там, тебе немножко помочь по хозяйству. Может быть, даже в гольф поиграть. Мне ведь нехватает только клюшек: штаны у меня уже есть.

Затем он перешел к делам: — Если придет письмо из Линпорта, ты его распечатай. Теперь его можно ждать со дня на день. Если это будет запрос о продаже, закажи междугородный разговор и позвони мне в магазин.

— Голубчик Джо! Разве нельзя подождать, пока ты приедешь домой?

— Может потребоваться срочный ответ. Дело серьезное. — Затем последовал довольно продолжительный экскурс в технику телефонных переговоров. — Помни же, — добавил он, — ни слова детям.

Мысль о тысяче фунтов, которая, как магна небесная, могла свалиться на него с каждой почтой, очень поддерживала мистера Бантинга во всех неприятностях, упорно преследовавших его последнее время.

Главной и непосредственной причиной этих неприят-

постей был его непокорный, густо напомуженный и с каждым днем все более ненавистный помощник — Слинггер.

Слинггер, тщась окончательно оболетить Вентнора, с каждым днем все больше и больше становился воплощением приказчиных добродетелей. Излучая самодовольство всем своим существом, — отчего мистера Бантинга просто тошнило, — он стремительно превращался в образцового приказчика. Он являлся в магазин ни свет ни заря и покидал его позже всех и с видимой неохотой; все свое время и самого себя он отдавал фирме Брокли со страстью и самозабвением фанатика. Он довел до пределов мастерства свой природный талант обращать на себя внимание усердием и расторопностью. Стоило Вентнору войти в отдел, и Слинггер был уже тут как тут. Он сразу бросался в глаза — озабоченная фигура в белой куртке, буквально разрывающаяся из части. Но все же не настолько, чтобы не уделить минутки осведомиться у Вентнора, одобряет ли он его деятельность, и выслушать это одобрение с сосредоточенным и глубокомысленным видом человека, который старается запомнить каждую мелочь или сделать какое-нибудь оригинальное предложение, свидетельствующее о том, что, чем бы он ни занимался — сидел ли в кино, катал ли в колясочке своего младенца, лежал ли в постели, — мысли его неизменно были заняты одним — заботами о благосостоянии фирмы Брокли. При этом он обычно выражался так:

— Я сделал все, как вы предлагали, сэр. Это замечательная идея, сэр. Замечательная, сэр. — От беспрестанного повторения словечка «сэр» от него все время исходил какой-то свист и шипение.

«Как сифон с содовой водой, — думал мистер Бантинг, мрачно взвзвывая на эти «обезьяньи ужимки». — Ведь вот подлиза!» Его поражало, как Вентнор мог терпеть подобную угодливость.

— Проклятая болонка! — бормотал мистер Бантинг, выглядывая из-за перегородки и загораясь гневом. — С какой стати Вентнор разговаривает с ним? Кажется, я здесь заведующий, а не Слинггер.

В нем медленно зрело решение.

«Слинггер опять начал забываться. Надо его осадить». Поскольку долг и внутренняя потребность для

мистера Бантинга сивались в этом вопросе косячно, он решил произвести «осаживание» как можно основательнее и при первом же удобном случае.

— Какого ты мнения о Слингере? — спросил он Кордера за завтраком. — Я его просто не выпью.

— Слингер? — повторил Кордер и в поисках точного определения устремил взгляд на таявший в воздухе дымок папирасы. — Из гадов всех, кишящих на земле, нет также Слингера.

Это изречение показалось мистеру Бантингу необыкновенно метким и остроумным. Он повторил его несколько раз, он смаковал его. — Здорово сказано. Джо. А главное — пё в бровь, а прямо в глаз.

— Опасный человек.

— Кто? Слингер? — Мистер Бантинг досадливо отмахнулся, не желая даже слушать подобную пеленость.

— Опасный человек, — повторил Кордер и нахмурился самым свирепым образом, пытаясь припять своему лицу грозное выражение. — Имей в виду, — продолжал он выжидая, — это — змеиное яйцо, из него может вылупиться... как ты думаешь, что, Джордж? — Он остановился, держа чашку в руке и ожидая ответа.

— Понятия не имею.

— Дорогой мой Бантинг! — Кордер поставил на стол недопитую чашку. — Это одно из тех склизких пресмыкающихся, которые пролезают в каждую щель. Кроме того, он мерзкий ябеда. Чуть что, бежит к Вентнору. Наростит тебе, где только может. Стараются показать, что лучше тебя сумел бы заведывать отделом. Короче говоря, это змеиный. Убей его в зародыше.

— Ты думаешь, он хочет сесть на мое место? — Мистер Бантинг недоверчиво посмотрел на Кордера. Чтобы бюлеоновский приказчик заведывал отделом у Брокля! Конечно, когда он сам уйдет... — Я еще не ушел.

— Пока нет.

И вдруг, словно откровению свыше, мистера Бантинга осенило. Последнее время он не раз с удивлением замечал, что у него в отделе «что-то творится». Приказчики, казалось, все время лад кем-то подшучивали; мистер Бантинг знал по опыту, что на это не следует обращать внимания. Он слышал приглушенный шепот, мгновенно

смерзавшийся неестественной тишиной, как только он вылезал из своего закутка; он видел лица, с которых тотчас сползала улыбка, стоило ему выглянуть из-за перегородки. Теперь он понял — предметом шуток был он сам. Весь отдел с интересом наблюдал, как Слингер крутит и вертит за его спиной, и все ждали, когда он обратит на это внимание и задаст ему перцу.

«Чорт возьми, — думал он. — Я ему покажу! Я раздаю эту гадилу». Ему вспомнились неоднократные попытки Слингера превзойти свою власть, вспомнилась плохо скрытая наглость Слингера, все возрастающее самомнение Слингера, короче говоря, вся эта «слингеровщина», и это еще подлило масла в огонь и разожгло справедливый гнев мистера Бантинга. Среди всех этих воспоминаний было одно, особенно неотвязно его преследовавшее: Вентнор входит в отдел с пачкой бумаг в руке и говорит: — Мистер Слингер, будьте добры на минутку.

И все это он терпел! Дурак он был. Слепой дурак. Он даже покраснел, вспоминая об этом унижении.

— Надеюсь, я не пробудил в тебе мятежных чувств? Я рекомендую тебе соблюдать величайшую осторожность с этим ползучим гадом. Иди к нему с отравленным цветком, а не с дубинкой, Джордж.

— Я сначала поднесу ему цветок, а потом огорошу дубинкой. Ты не думай, что я не заметил его проносок, Джо. Я все время подстерегал его, хотел напасть на него врасплох.

Вернувшись после этой беседы в свой отдел, мистер Бантинг тут же заметил, что ему представляется прекрасный случай для задуманного нападения. Взгромоздившись на самую верхушку лестницы, младший помощник разбрасывал что-то на покрытой пылью верхней полке, и для мистера Бантинга было полнейшей загадкой, что он мог там искать.

— Я ищу стальные полуторадюймовые задвижки. — разъярился младший помощник, задыхаясь от капли в облаке пыли.

— Напрасно ищете. У нас их нет.

— Мистер Слингер сказал, что, может быть, они здесь, сэр. Остатки старой партии.

— Вот как? — ядовито заметил мистер Бантинг. — Ну что ж, если найдете, пошлите их в Британский музей. За последние тридцать лет из стали не вырабатывалось никаких изделий размером меньше двух дюймов.

Можно было не сомневаться, что Слингер, торчавший за соседним прилавком, все прекрасно слышал, ибо его длинные уши покраснели. Доказав таким образом свое профессиональное превосходство, мистер Бантинг, пренебреженный самых воинственных намерений, продолжал осмотр отдела. Окинув помещение властным взглядом, он заметил, что мальчик-рассыльный старательно пачкает пожовый товар, выставленный под стеклом на прилавке, что само по себе не было предосудительным занятием, если бы только не указывало на постороннее вмешательство в дела мистера Бантинга.

— Кто распоряжлся спрятать все это с прилавка?

— Мистер Слингер, сэр.

— Ну, так положи-ка все это обратно и отправляйся на склад резать оберточную бумагу. И если в другой раз не будешь знать, что тебе делать, потрудись спросить меня. Меня, понятно? А не мистера Слингера.

Он направился дальше, чувствуя воцарившуюся вокруг выжидательную тишину — казалось, все сотрудники, затаив дыхание, наблюдают за ним и ждут, безмолвно ободряя его, чтобы он раздавил ненавистного Слингера. Волнение достигло предела, когда он позвал Слингера к себе за перегородку.

— В дальнейшем, Слингер, будьте любезны воздерживаться от каких бы то ни было распоряжений по отделу. Все распоряжения, какие нужно делать, делаю я. Понятно?

— Прошу прощения, — начал Слингер, подчеркивая приторно вежливую наглость, с которой он всегда произносил эти слова, — прошло десять минут после положенного на завтрак времени, а вас все не было. Я и дал мальчишке работу. Он болтался без дела.

— Вы хотите сказать, что я слишком долго завтракал, так, что ли?

— Я ничего не хочу сказать, мистер Бантинг. Просто констатирую факт. Но, конечно, если вы хотите, чтобы мальчишка целых десять минут плевал в потолок,

пожалуйста. Я за это не отвечаю. — И с этими словами Слингер неожиданно и очень поспешно удалился, довольный тем, что последнее слово осталось за ним.

Мистер Бантинг почувствовал себя, как кошка, у которой мышь ускользнула из-под носа.

Из-за перегородки до него донесся голос Слингера, учащенного мальчика-рассыльного тоном, в котором почти-тельность к пачальству сочеталась с демонстративной готовностью беспрекословно и буквально выполнять самые нелепые приказания.

— Нет, оставь все так, как есть. Ничего, что бесхорошо. Ступай на склад и режь бумагу, как велел мистер Бантинг. Ничего, что там сколько угодно уже нарезанной бумаги. Делай, как велит мистер Бантинг.

Прислушавшаяся к его словам, мистер Бантинг с горечью думал о том, что Англия стала чересчур цивилизованной страной, если даже такой гнусной твари, как Слингер, нельзя безнаказанно дать пинка в зад. Стоило вам только прикоснуться к нему пальцем, и он мог возбудить против вас «дело». Он мог притянуть вас к суду, втоптать в грязь, потребовать с вас в возмещение ущерба совершенно несуразную сумму. Короче говоря, все это только доказывало полную непригодность дубинки. Что же касается отравленного цветка...

Некоторое время он сидел, размышляя над этой восхитительной метафорой, но без особой пользы. Хорошо Кордеру рекомендовать отравленные цветы, когда Слингер, повидимому, набрал их целый букет и уже дал ему почувствовать их запах своим замечанием о десятиминутном опоздании после завтрака. Об этом случае, соответственно его приукрашив, он мог плепнуть по уху Вентнору. А там найдется еще что-нибудь... Мистер Бантинг начинал менять свое мнение о Слингере. Этот человек, несомненно, обладал особыми качествами, — конечно, гнусными, но тем не менее с этими качествами необходимо было считаться, бороться против них и постараться их обезвредить.

Мистер Бантинг достал парочку каталогов, книгу заказов и нивеллярную книгу и разложил их на столе, рядом с прейскурантом и пачкой писем. В данную минуту у него не было особенной нужды в этих предметах.

по они должны были служить свидетельством его административного решения. В отношении Слэнгера необходимо принять какие-то меры — это было ясно. Но какие? Это, к сожалению, было далеко не так ясно. Мистер Бантинг сунул кончик карандаша в рот и нахмурил брови.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Несколько часов спустя мистер Бантинг устало возвращается по склону Кэмберлендского холма; он вернулся в коттедж «Золотой дождь» позже обычного. На буфете лежала книга в желтой суперобложке: «Основы счетоводства». Заметив ее, мистер Бантинг что-то проворчал себе под нос. Да, обитателям коттеджа «Золотой дождь» скоро на практике придется познакомиться с кое-какими основами счетоводства. Впрочем, это его не волновало. У него уже больше не было сил волноваться.

— Что случилось, папочка?

— Устал, детка. Тяжелый был день.

— У тебя и правда усталый вид, — озабоченно проговорила миссис Бантинг, разливая чай; это было сказано таким тоном, словно она столкнулась с совершенно необъяснимым явлением. — Это, наверное, от погоды. — Мистер Бантинг возмущился. Ей кажется странным, им всем кажется странным, даже просто невероятным, что кто-нибудь, работая у Брокли, может чувствовать себя усталым.

— Чей это тут учебник по счетоводству? Твой, Эрнест?

— Мой, мама.

— Купил?

— Да.

За столом воцарилось настороженное молчание; все ждали, что он станет углублять эту тему. Но он сунул в рот ломтик поджаренного хлеба и предпочел углубиться в свои мысли. Семейство поняло, что на него опять «что-то нашло», и миссис Бантинг, явно стараясь его умиловить, встала из-за стола и протянула ему тарелку с его любимыми ватрушками. Такие бестактные попытки задобрить его всегда раздражали мистера Бантинга. Что

он — избалованный ребенок, что ли, которому приходится потакать? Он деловой человек, но уши заваленный работой, на нем лежит ответственность, о которой они тоже понятия не имеют. И он устал, устал, и голова у него болит. Убегать бы куда-нибудь от этой болтовни: в теплице и кино, посидеть совсем одному и отдохнуть. Он угрюмо оттолкнул тарелку с ватрушками, наспех проглотил вторую чашку чая и, выйдя в гостиную, закурил трубку.

— Джордж! — раздался кроткий голос жены.

Он стремительно обернулся, и в голове у него произошло: господи, когда же его оставят в покое!

— Джордж, — повторила миссис Бантинг, понизив голос до таинственного шепота, к которому супруги обычно прибегают при обсуждении семейных дел. Она осторожно прикрыла дверь, что еще больше усилило таинственность момента, и подошла к нему поближе.

— Ну, в чем дело?

— Письмо. Нет, не из Линпорта. Мне не хотелось беспокоить тебя до чая. Это местное письмо, и на конверте надпись: «Лично».

Тон, каким она говорила, встревожил мистера Бантинга. Предчувствие беды усилилось. Он взял письмо — толстый белый конверт из превосходной бумаги, адресованный «эсквайру» Бантону, и притом, как сказала его жена, «лично». Для мистера Бантинга было не совсем обычным делом получать корреспонденцию, столь явно по предназначавшуюся для посторонних глаз.

Он вскрыл конверт и увидел итали банка Барклэй.

«Сэр,

Я огорчен необходимостью писать Вам о Вашем сыне Кристофере. К несчастью, обстоятельства вынуждают меня к этому. Как Вам известно, он позорно провалился (уже в третий раз) на предварительных испытаниях по банковскому делу. Я ничего дурного не могу сказать о поведении Вашего сына, но мне кажется, что он совершенно не подходит для занятий банковским делом. Ваш сын не проявляет никакого интереса к работе и ни малейшего желания совершенствоваться в своей специальности, хотя вполне возможно, что в какой-либо другой области он мог бы оказать большие успехи. Мне кажется,

что в интересах Вашего сына Вам следовало бы подыскать ему другое место. Я надеюсь, Вы поймете необходимость сделать из этого письма соответствующие выводы.

Уважающий вас Освальд Лик (управляющий)».

Мистер Бартинг прочел письмо до конца, затем медленно перечитал его снова. Он сам был удивлен тем, как спокойно он к нему отнесся. Письмо не пробудило в нем гнева — для этого он слишком устал, — он только смутно почувствовал, что злая судьба нарочно избрала его мишенью для своих ударов. Он вспомнил красное, смущенное лицо Криса за столом и что Крис тотчас же после обеда убежал из дому. Он протянул письмо жене.

— Ты знала, что Крис в третий раз провалился на экзамене?

— Да, Джордж, я знала, что он провалился.

— Да, но в третий раз! Провалился позвольте... смотри, что тут написано — окончательно провалился. После всего, что мы сделали, чтобы поставить его на ноги. Знаешь, старуха, это не пустяки.

— Я ужасно огорчена, Джордж, голубчик.

Он встал со стула и зашагал по комнате; потом остановился и посмотрел на нее с обидой и упреком. — Мэри, зачем ты все от меня скрываешь? Зачем?

— Джордж, дорогой... — Она нервно сжимала пальцы. — Я так надеялась, я даже молилась, чтобы он выдержал на этот раз, и тогда тебя не пришлось бы даже тревожить. Потому я и не сказала тебе.

— Ладно, — сказал он ворчливо. — Не расстраивайся. Принеси мне пальто и шляпу.

— Что ты хочешь делать?

— Хочу повидать этого Лика. Ты видишь, что он пишет: «Сделать соответствующие выводы». Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что Криса выгонят. Нечего сказать, хорошая рекомендация для другого банка.

— Ты пойдешь к нему домой — на Бленхейм Кресцент? — с благоговейным трепетом спросила она.

— Бленхейм Кресцентом меня не запугаешь, — ответил он, суетливо собираясь в дорогу и снова ставоваясь

самим собой. — Скорее чистый воротничок и мои воскресные башмаки. Это дело нельзя откладывать.

Итак, мистер Бантинг, усталый и подавленный, но в своем новом пальто и котелке, не без волнения позволив у двери дома мистера Лика и был допущен в гостиную этого джентльмена. Это была большая, просторная, приветливая комната, и вид ее сейчас же заставил мистера Бантинга оценить богатые возможности банковской карьеры. На всем лежал отпечаток утонченной роскоши, все говорило о высоком жизненном уровне, несравненно более высоком, чем уровень жизни в Кэمبرлендском поселке. Все это восхищало мистера Бантинга, но вместе с тем и слегка его подавляло. Почему эта комната произвела на него такое впечатление, он и сам не мог понять. Даже ковры не просто устилали пол, а, казалось, были разбросаны как попало, даже диваны не были чинно расставлены вдоль стен, а стояли как-то наискось. Как ни странно, но это ему почему-то понравилось. На стенах — хотя и не в таких хороших рамках, как у него дома, — висели не литографии, а настоящие картины. Как специалист он сразу оценил каминные трубы. Медь, добротный материал, настоящее старое английское изделие, стоит по меньшей мере...

— А, мистер Бантинг!

Мистер Лик, высокий, тощий, в светлокоричневой домашней куртке, скользнул в комнату, распространяя вокруг себя легкий аромат турецкого табака, и быстро с головы до ног окинул взглядом своего посетителя, словно колодку цифр, быть может, не совсем правильно подсчитанных. С этим человеком, должно быть, нелегко работать, подумал мистер Бантинг. У него было даже какое-то отдаленное сходство с Велтнором, и это помогло мистеру Бантингу особенно горячо выступить на защиту Криса.

— Конечно, — уронил мистер Лик, пока мистер Бантинг распространялся по поводу простительного, по его мнению, легкомыслия молодости. — Да, конечно, конечно, — повторил он, время от времени с удивительной точностью стряхивая пепел паниросы в самый центр Фарфоровой пепельницы. — Разумеется!

Когда мистер Бантинг начал уже безнадежно повто-

ряться, мистер Лик вынул из внутреннего кармана куртки черный сафьяновый бумажник, достал оттуда листочек бумаги, холемым указательным пальцем разгладил на нем все складки и протянул его мистеру Бантингу для ознакомления.

— Вот на что ваш сын тратит служебное время и — я позволю себе добавить — служебную бумагу, мистер Бантинг. Это отнюдь не первый образчик, обнаруженный мною. Можете вы тут хоть что-нибудь понять, найти какой-то смысл, какую-то целесообразность?

Мистер Бантинг внимательно и досконально обследовал представленный ему документ. Это был чертеж, технический чертеж, очень аккуратно исполненный, точно рассчитанный и снабженный цифровыми выкладками. Но он ровным счетом ничего не говорил уму мистера Бантинга. (На самом деле это был чертеж последней модели автоматического автомобильного тормоза системы Ролло-Бантинг.)

— Абракадабра, не так ли?

Мистер Бантинг сам не знал, следует ли ему приять или отвергнуть это определение, но постарался удержать его в памяти, с тем чтобы справиться на этот счет в толковом словаре.

— Пожалуй, в какой-то мере... — отважился он, наболев.

— Видите ли, — пояснил мистер Лик, чувствуя необходимость начать с азов и изложить основы своей жизненной философии, — мы хотим, чтобы молодые люди, служащие в нашем банке, изучали банковское дело. Не химию, не агротехнику, не учение Афанасия Александрийского. Просто банковское дело, мистер Бантинг. Это наша специальность. И тут есть над чем потрудиться молодому человеку, даже если он не будет отвлекаться посторонними предметами. А моя обязанность как управляющего следить за тем, чтобы они действительно его изучали.

— Конечно, конечно, — с готовностью согласился мистер Бантинг. — Вполне вас понимаю. Я сам заведу отделом. Да, да, в магазине Брокли, в Сити. Разумеется, вы должны поддерживать дисциплину. Это ваша прямая обязанность. Но все же в таком случае, как с моим сыном, отцовское слово, во-время сказанное отцовское

слово... — его просительный взгляд был устремлен на лицо мистера Лика.

И было что-то в тревожной пыливости этого взгляда, что заставило мистера Лика невольно отвести глаза в сторону.

— Конечно, я вполне согласен с вами относительно этого, сэр, — и мистер Бантинг постучал по чертежу своими короткими толстыми пальцами. — Разумеется, это абаркадabra. Не может быть никакого сомнения. Я сам теперь это вижу. И кроме того, он не должен был записываться этим из службы. Но все же, с другой стороны... — Мистер Бантинг судорожно проглотил слюну. — Видите ли, сэр, он меня очень беспокоит. Я ничего не жалел для моих мальчиков, и если вы уволите его... — взгляд мистера Бантинга был прикован к лицу управляющего. — Разрешите, я поговорю с ним, сэр. Я чувствую, я уверен, что когда поговорю с ним, когда я скажу ему... — Он запылся, запутавшись в бессмысленном повторении одних и тех же слов; он невольно наклонился вперед, он смотрел на мистера Лика глазами бессловесного животного, в голосе его звучала мольба, в каждой минутой он становился все более и более жалким и беспомощно павшим.

Внезапно мистер Лик, чувствуя себя не в силах противиться этим мольбам, встал и положил руку на плечо мистера Бантинга.

— И вижу, для вас это очень серьезный вопрос. Вы, кажется, очень расстроены.

«Ужасно!» — чуть не сорвалось с губ мистера Бантинга, но он сдержался и только кивнул в ответ.

— У меня и без того немало забот, сэр.

— Да, — произнес мистер Лик глубокомысленно, — у каждого из нас есть свои заботы. Я уж совсем было решил уволить вашего сына, а теперь... — он устремил на мистера Бантинга задумчивый взгляд.

— Дайте еще ему попробовать, сэр.

Лик глубоко вздохнул. — Хорошо, мистер Бантинг, пусть будет по-вашему. Правда, это против моих принципов, но я согласен еще раз дать вашему сыну возможность исправиться. Но это в последний раз. Имейте в виду.

Мистер Бантинг почувствовал, что холодная и костлявая, руку, которую он схватил, ответила ему крепким, дружелюбным рукопожатием.

«Неплохой человек, честное слово, — подумал он, закрывая за собой калитку. — Нужно только уметь подойти к нему».

Усталый, но торжествующий, взобрался он, уже во второй раз за этот вечер, вверх по холму и вышел на Кэмберленд-авеню. Устроители Кэмберлендского поселка всегда подчеркивали преимущества жизни на холме, но мистер Бантинг с каждым днем все меньше и меньше склонен был с ними соглашаться. Вид запущенного, неподстриженного газона в саду заставил мистера Бантинга почувствовать, как бесконечно он устал. Он всегда любил подстригать свой газон, любил позвякивание косилки и запах свежего сена, всегда связанные с этим занятием. Но только не сегодня, нет. Пусть его газон — позорище для Кэмберленд-авеню, но он не в состоянии припнуться сейчас за работу. Почему это никому из мальчиков никогда даже в голову не приходит подстричь газон, подумал он; и затем с возрастающим возмущением: почему им вообще никогда не приходится в голову поработать немощко в саду? Дела там сколько угодно, а они и пальцем не шевельнут. Ему уже начала надоедать эта вечная возня с садом по придется заняться им. Ему, а не сыновьям! О, нет! Они для этого слишком важные. Они будут прогуливаться по саду, когда он приведет его в порядок, покуривать папироски и ронять покровительственным тоном: «А ты тут немало потрудился, папочка».

Он устало опустился на самодельную скамью и по какой-то ассоциации вспомнил о палате. Слава богу, он уилатил его пакопец, — девять фундов десять шиллингов! — а через два месяца снова придет повестка. Ему вдруг бросилось в глаза, что дом следовало бы покрасить. Окинув его критическим оком, он увидел, что краска совсем облупилась. Удивительное дело, живешь и не замечаешь, что делается вокруг тебя, а потом в один прекрасный день оглянешься, — и все вдруг так и ползет тебе в глаза.

Миссис Бантинг увидела его в окно и поманила к себе.

Она гладила белье, и он с досадой подумал: вечно-то она за работой. Он никогда не видел, чтобы Джули что-нибудь гладила, если не считать каких-то прозрачных тряпок, которые она загоразживала от него с недавно появившимся у нее таким идиотски стыдливым видом, словно ни один мужчина на свете никогда не видел дамских панталон.

— Ну как, говорил ты с ним, Джордж? Все сошло благополучно? — Можно было подумать, что он только что побывал на приеме в Букингемском дворце.

— Конечно, все в порядке. Знаешь, Мэри, банковская служба — очень нехитрое дело. Ты бы видела, какая у этого Лика гостиная. Он прекрасно живет. Вот по этой дорожке Крису, и надо идти — выдержать испытания и получить должность управляющего. Я хочу с ним поговорить. Дома он?

— Нет, милый. Один Эрнест дома.

— Это-то я слышу, — едко заметил мистер Бантинг. Медленные, торжественные звуки рояля, извлекаемые чьими-то проникновенными пальцами, плыли по комнатам; меланхолические аккорды следовали один за другим, сливаясь в погребальную мелодию, от которой мистера Бантинга мороз подирал по коже.

— Опять он играет эту гадость!

— Господи, Джордж, да ведь это «Лунная соната».

— А мне все равно, что это такое. Мне она до смерти надоела. Не может он сыграть что-нибудь повеселее?

— Господи, Джордж, — взмолилась миссис Бантинг, — ведь это Бетховен!

— Ну и пусть! Все равно дрянь. Почему бы ему не сыграть «Диллю лагуны»? Я купил рояль не для того, чтобы меня каждый вечер выживали сонатами из дому.

— Он только что сел за рояль, милый. Он так много занимается.

— Чем это он занимается? Бухгалтерией, надо полагать. — Он придал этому слову чрезвычайно ядовитый оттенок. — Бухгалтерия! Далась ему эта бухгалтерия. Я ведь сказал, что это не для него.

— Знаешь, Джордж милый, я все время думаю об этом. Что если мне продать мои табачные акции?

— Что? — мистер Бантинг, усевшийся было на стул, так и подскочил.

— Они поднялись почти вдвое с тех пор, как я их купила, так что я могу внести за Эрнеста залог, и у меня еще останется... Да нет, Джордж, ты выслушай.

Надо признаться, она его просто поразила. Она уже все обдумала: без каких новых покупок она может обойтись, какие старые вещи можно подштопать. Казалось, она совершенно не замечала, что ее одежда и так уж вся в штопках, не замечала, что ее ботинки прохудились, кофточка износилась, что руки у нее опухли от стирки, которой она занималась сама, чтобы сэкономить на прачке. В первый раз за все эти месяцы мистер Бантинг с любопытством взглянул на свою жену. Пожилая, увядающая женщина, близоруко прищурившись, мысливо, даже тревожно всматривалась в него сквозь сгустившийся сумрак. На мгновение перед ним возник образ живого, веселого создания с пухлыми губами, в украшенной цветами шляпке — образ, навеки утраченный, от которого сохранился лишь мягкий, кроткий голос, утешивший его, что какие бы жертвы ни пришлось им принести, ничто не нарушит его личного комфорта.

«Зачем она так говорит?» — думал он. Ее слова резали его, как ножом.

— Послушай, старушка. Я не меньше твоего хочу добра Эрнесту. Но чьи же можем... — Он хотел сказать: «позволить себе», но что-то удержало его; быть может, он почувствовал, что эти слова слишком легко слетают у него с языка.

Получив обещание, что она ничего не предпримет, по советувавшимся с ним, мистер Бантинг вышел в сад и, вдыхая аромат сирени, облокотился о садовую изгородь. Этот сладкий, нежный запах почему-то бередел ему душу. Он чувствовал себя бесконечно одиноким. Из окна доносились звуки «Лунной сонаты», — бурные и стремительные пассажи второй части. Обогнув дом, мистер Бантинг прошел до конца газона и остановился там в сгустившихся сумерках.

Тяжелые капли росы лежали на траве, густой запах левкоев плыл в теплом вечернем воздухе. Мистер Бан-

тинг глубоко вздохнул. Он чувствовал красоту ночи, но не мог наслаждаться ею; она наполняла его невыносимой тоской, она излевалась над ним, шепча: «Отдохни, отдохни...» Но отдыха не было.

Мысли теснились у него в голове — клубок мучительных воспоминаний и еще более мучительных предчувствий.

Эрис! Сколько денег потратил он на Криса! Дал ему хорошее образование, подыскал приличную службу и никогда не спрашивал с чего ли одного пенса за содержание. А Крису на это наплевать, он ничего не ценит, даже работать как следует не хочет! Чертит на службу какие-то idiotские чертежи, да еще ухитрился попасть с ними на глаза старому Лику. Надо поговорить с Крисом. Мистер Бантинг вздохнул и глубоко задумался. Пожалуй, если позвать к его чувству, обратиться к нему как к товарищу, как мужчине к мужчине... Мысли беспорядочно пропосылись у него в голове. Через минуту он уже думал о том, что бесполезно звать к Крису, бесполезно звать к кому-либо из них.

И вдруг он отчетливо понял, что, как бы он ни боролся, его дело у Бюкли безнадежно проиграно, Вентнор все равно его выживет. Скоро, очень скоро, быть может, не пройдет и недели, и он услышит слова, которые положат конец его трудовой жизни. Ибо ему стукнуло шестьдесят лет, и он всю жизнь прослужил в одной фирме, ни для какой другой работы он не годится. Вентнор может, так сказать, вычеркнуть его из книги жизни. И это несчастие заслоняло все остальное. Грудь мистера Бантинга издымалась от расправивших его чувств. Если он потеряет работу, что тогда с ним будет? Что будет?

А жена хочет продать свои табачные акции и вышвырнуть эти деньги на прихоти Эриста.

Так стоял он в своем саду, залитом светом поднимающейся луны, — маленький толстый человечек, сбитый с толку, встревоженный и невыразимо несчастный, бессомненное человеческое существо, изливавшее свою душевную муку в печелюраздельных восклицаниях и бессвязной брани.

Острый, как игла, луч света пробежал по газону

соседнего сада; Оски с электрическим фонариком охотился за улитками. Мистер Бантинг слышал, как он раздвигает канустные листья и хрипло ругается, расправляясь с улитками. Чуть слышимое «чорт бы побрал этого Бантинга, — не сад, а мусорная яма!» донеслось до его слуха. Стоит взглянуть за ограду и задать какой-нибудь вопрос, и выслушаешь целую лекцию об образе жизни и привычках улиток. Но мистер Бантинг чувствовал, что он даже и это не в состоянии сделать, не в состоянии даже немного подразнить Оски.

Словно измерив до дна всю глубину своих несчастий, мистер Бантинг медленно повернулся, побрел по газону и скрылся в доме.

Миссис Бантинг спускала на окнах шторы.

— Дети ушли?

— Ушли, дружок.

Он чувствовал на себе ее взгляд. Наступило долгое, тягостное молчание. Затем она спросила, и ее вопрос прозвучал так, словно она давно его обдумывала:

— Джордж, что с тобой творится последнее время? Уж не болен ли ты?

— Да нет.

Она подошла к нему ближе; голос ее звучал нежно:

— Джордж, что с тобой? Ты что-то скрываешь. Ты ничего не ешь, не спишь по ночам. Что случилось? Скажи мне, голубчик.

Значит, она все-таки заметила. От близости другой человеческой души лед в его собственной душе растаял; лицо его судорожно сморщилось, рука неуклюже полезла в карман за платком, и слеза, скатившись по небритой щеке, повисла на кончике усов и упала.

— Я расстроен. Мэри. Давно уже расстроен. На работе у меня неладно.

— Расскажи мне, голубчик. Расскажи все.

Они усадились рядышком на старом диване, не зажигая света; она просунула свою руку под его большую ладонь, и ее пальцы все крепче и крепче сжимали его руку, по мере того как он выкладывал ей все: про Вестнора, про Слингера — все. И в эту ночь мистер Бантинг спал спокойно.

Разговор Криса с отцом имел одно очень важное последствие: объяснялось таинственное исчезновение чертежа автомобильного тормоза системы Ролло-Бантинг. Эта пропажа вызвала в свое время немало мучительных догадок. Чертеж могли похитить с целью продать его лорду Пеффилду (предположили Ролло) или случайно передать вместе с другими бумагами директору банка, чего тайне опасался Крис. Теперь все тревоги рассеялись, и истина раскрылась. Лик отдал чертеж мистеру Бантингу, и мистер Бантинг торжественно его уничтожил. Это, конечно, было досадно, особенно если принять во внимание, что на чертеже был увековечен тормоз новой конструкции, а Крис не мог теперь вспомнить некоторые существенные детали. Как заявил Ролло-младший, их изобретение было настоящим золотым дном, и употребить подобную драгоценность на раскуривание трубки было в достаточной мере несообразно.

Ошибако даже сам Ролло-младший забросил теперь тормоз. Модель ржавела среди других недоделанных созданий молодого техника под его верстаком. Это была, как он говорил, «одна из тех идей, которые так, между прочим, приходят в голову». Сейчас он был занят производством усовершенствованного стеклоочистителя, а Крис изучал балковское дело.

Каждый вечер, усевшись у себя в комнате за старый скрипящий стол, Крис с великой неохотой погружался в «Практическое руководство по банковскому делу в Англии» сочинения Теофилуса Уокера, на редкость тупого человека. Уокер, повидимому, написал свое руководство с единственной целью сделать его как можно менее удобопонятным. Он явно принадлежал именно к этой категории составителей учебников. Его объяснения были то невразумительно лаконичны, то невразумительно пространны: он заполнял целые страницы непонятными ссылками, забываясь все выше и выше по иерархической лестнице балковских авторитетов, отчего в конце концов пропадало всякое желание следовать за ним, голова начинала кружиться и уж заходил за разум. И все это было невыразимо скучно, от начала до конца проникнуто нарочитой, педантичной, усыпляющей скукой.

И все же ради отца Крис готов был сразиться даже с

Теофилом Уокером. Старик упрашивал его с таким волнением, что это просто невозможно было выдержать. Он просил и просил, а Крис стоял, переминаясь с ноги на ногу, чувствуя, как ладони у него становятся влажными. Этот разговор все же повлиял на него, и с того времени он взялся за Теофила Уокера. Но когда под окном появлялся Ролло-младший на своем форде и начинал давать гудки, они действовали на Криса, как призывные звуки рога, доносившиеся из волшебной страны.

Ролло садился на кровать и смотрел на своего друга задумчивым соболезвующим взглядом человека, пришедшего навестить узника в одиночной камере. Иногда он сам на минуту заглядывал в Уокера; при этом его брови сдвигались все больше и больше, затем он превращивал книгу, рассматривал корешок с таким видом, точно хотел убедиться в том, что это действительно книга, предназначенная для чтения, и бормотал: — Кому пужна эта чепуха? — Кму просто не верилось, что можно печатать подобный вздор.

— Крис, отец позволил мне взять старое шасси, чтобы собрать гонимую машину.

— Не может быть!

— Я тебе говорю.

Крис с такой завистью посмотрел на Ролло, что тому стало жаль друга, и, ласково потрепав его по плечу, он сказал:

— Ну, уж ладно! Я не буду начинать сборку, пока ты не разделаешься с этой белибердой. А как насчет перерыва?

— Не могу. Надо нажимать.

— Ладно, приятель! — Ролло-младший удалился. Крис некоторое время прислушивался к фырканью мотора на Кэмберленд-авеню, потом, вздохнув, опять взялся за графитного мистера Уокера.

Эриест тоже трудился: он сидел в гостиной и изучал бухгалтерию. На столе перед ним была разложена внушительная коллекция книг и тетрадей. Его склоненная над книгами голова, которую мистер Бантинг заметил через окно, казалась, говорила: «Смотри, как упорно пду я к намеченной цели». На что мистер Бантинг отвечал *softly* *voce*, но очень решительно: «Валяйте, валяйте, молодой

человек, по платить двести фунтов залога я не намерев»..

Бухгалтерия увлекла Эрпеста. Эта наука оказалась гораздо обширней, чем он думал раньше, но это открытие не только не испугало, а скорее даже обрадовало его. При мысли о том, что всякому заурядному человеку этот предмет показался бы скучным и трудным, в нем крепла уверенность, что сам он человек далеко не заурядный. Он чувствовал, что сам он в какой-то мере исключение, и строил самые честолюбивые планы, как и полагалось исключительному человеку. Сначала он овладеет основами бухгалтерской науки, а затем, забрасывая свою сеть все дальние и дальние, захватит все смежные вспомогательные предметы. Он накупит еще много книг. И будет работать. Как он будет работать!

Мысли, подобные этим, нередко заставляли его погружаться в мечты над раскрытой книгой, и тогда он подолгу сидел, строя планы и рисуя узоры на промокательной бумаге. Он называл это «накапливаемое вдохновение». Этот метод рекомендовался учебником психологии.

Если бы только он мог подписать контракт с одной из вестэндских фирм и засесть за подготовку к экзаменам! Людей, овладевших первой ступенью сложной бухгалтерской науки, вероятно, ждут отличные должности, заманчивые должности: вы сидите в роскошной, похожей на дворец, частной конторе и принимаете «ответственные решения». Так, по крайней мере, изображалась профессия бухгалтера в проспектах Старейшей Школы.

Он мечтательно поднял глаза, и тут звук косялки привлек его внимание. Рисовавшаяся его взору картина сердечных рукопожатий, которыми он обменивался с директорами фирмы, выражая им благодарность за щедрую прибавку жалованья, бесследно исчезла. Из роскошных палат, солданных его воображением, он низригнулся в упылую гостиную коттеджа «Золотой дождь». Косялка, казалось, настойчиво требовала, чтобы к ней прислушались. Она, жужжа, поползла по узкой полоске дёрна, остановилась, крикнула и, жужжа, поползла обратно. В время каждой паузы мистер Бантинг, задыхаясь, издавая: «Уф!» и затем, подвигаясь вперед, пытая и падавая пот-

ные щеки, проходил мимо окна, новизнному, увлеченный своей косилкой, как ребенок заводным паровозом. Только и знает, что свой газон подстригать! — подумал Эрнест. — Неужто он не может хоть на минуту оставить его в покое? Или он думает, что человек может заниматься изучением столь трудного предмета, как бухгалтерское дело, когда под окном поднимают такую возню? Впрочем, его отец вовсе не заинтересовался в том, чтобы он занимался. Он хочет, чтобы Эрнест ползал по цветочной клумбе, выпалывая крестовник, или укатывал катком дорожки, словом, чтобы он делал «что-нибудь полезное». Не дальше чем вчера он буквально так и выразился. Уже по этому можно судить, как ограничен, как безнадежно узок его кругозор.

Эрнест раздраженно оттолкнул от себя книги. Где уж тут сосредоточиться! Есть ли в Англии хоть один одушевленный столь же благородным честолюбием юноша, которому приходилось бы преодолевать такие дурацкие препятствия? Просить о чем-нибудь мать теперь тоже совершенно бесполезно. За последнее время с ней произошла какая-то необъяснимая перемена. Эрнест склонялся к мысли (так же как Брис и Джули), что миссис Балтинг заразилась от своего мужа горячкой бережливости и притом в исключительно тяжелой форме. Что же касается уплаты за него залога...

В последние дни стало ясно, что она не собирается это делать. Стоило Эрнесту упомянуть о табачных акциях, и она смущалась, краснела, всячески уклонялась от ответа. А ведь это была ее мысль — продать акции. Сначала она покупала ему учебники и письменные принадлежности, а теперь и знать больше ничего не хочет. Это возмутительно, это просто нечестно, думал Эрнест, поманить человека, заставить его зубрить так, как это делает Эрнест, а затем бросить его на произвол судьбы.

Гнетущее чувство, что его обманя, предали и обрекли на неудачу, охватило Эрнеста. Ему никогда не удастся пробить себе дорогу, никогда, ничего и стараться. Он может лезть из кожи, убивать на зубрежку все свое свободное время, а в результате по шагу не сдвинется с места, — как стучал до сих пор на пишущей машинке в Килвортском городском управлении, так и будет стучать

до конца жизни. Если бы он был такой, как все, то уж куда ни шло, он бы тогда и относился ко всему иначе. Но если ты от природы честолюбив, неглуп, и наделен незаурядными способностями...

Жужжание косилки, наконец, прекратилось: Эрнест мог теперь возобновить свои запятия. Но он этого не сделал. Он так глубоко погрузился в уныние, что сидел, барабанив пальцами по столу, бесцельно перелистывая страницы учебника и думал о том, что сегодня нет уж никакого смысла продолжать работу. Если занимаешься чем-нибудь, требующим напряженного внимания, и тебя прерывают, чрезвычайно трудно снова войти в колею. Конечно, отец и понятия об этом не имеет: ему ведь никогда не приходится так напрягать внимание.

Почти все вечера оканчивались у Эрнеста подобным угасанием пыла. Скоро он все это бросит. Он всеми силами этому противился, но знал, что так будет. Периоды напряженной работы чередовались у него с состоянием, когда он, по выражению мистера Бантинга, «сложился по дому, как лунатик». Как ни сильно прегидли мистеру Бантингу занятия Эрнеста бухгалтерией, еще сильней, повидимому, претило ему это лунатическое состояние. Сам он в молодости никогда не сложился без дела. Всегда находил он, к чему приложить руки, и весь отдавался работе... И вот в результате... Слушая его, Эрнест изо всех сил стискивал зубы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сколько не ломал голову мистер Бантинг, как ему поступить со Слингером, самое большее, до чего он додумался, это что Слингера надо разорвать на части, растоптать, стереть с лица земли. Нетрудно было определить, что надо сделать со Слингером; для этого мистер Бантинг находил уйму выражений, преимущественно кровьюжанных. Трудно было оторваться от этих заманчивых картин и перейти к решению более спокойной проблемы, как это осуществить.

Прежде всего необходимо положить конец всем этим «прошу прощения» и паглым замечаниям, которые Слин-

гер норовит ввернуть сквозь щелку притворяемой за собой двери. Сляпгера падо припереть к стенке, призвать к ответу и заставить хранить почтительное молчание, пока ему не будет разрешено удалиться. Можно предъявить ему ультиматум: либо, мол, делайте то-то и то-то, либо ступайте на все четыре стороны; не вредно бы намекнуть на испытательный срок — пусть чувствует, что его судьба висит на волоске. Одно было ясно: экзекуцию следует произвести спокойно и с достоинством. Не горячиться, не выходить из себя: спокойствие, олимпийское спокойствие — вот что должно быть лозунгом мистера Бантинга.

С такими мыслями он отправился на рекогносцировку по отделу, — здесь о чем-то спросил, там что-то ответил, одному разъяснил, другого пожурил, — и пошел дальше, повсюду на пути своего следования повышая активность своих подчиненных. За последнее время он редко проделывал такую административные обходы, особенно во второй половине дня. Молочную пудинги у Мак-Эндрю располагали к послеобеденной летаргии.

«Должно быть, слишком много углеводов, — размышлял мистер Бантинг. — Надо будет впредь от них воздерживаться».

Мистер Бантинг продолжал обход отдела. Следуя по своей орбите, он увидел неблескляющую за перегородкой витрины непавистивую черную прилизанную голову. Его взору предстала также гора различных товаров, разбросанных в беспорядке, словно во время веселой уборки магазина, и фигуры рассыльных и младшего помощника, старательно вытаскивавших и передвигавших вещи под руководством Сляпгера.

«Что за чорт! Да они никак меняют витрину! Без моего приказа, даже не спросив меня. А, чтоб их!» — Мистер Бантинг весь ошетинился и заспешил к витрине, но тут же, вспомнив о необходимости сохранять достоинство и хладнокровие, снова умерил шаг.

Внешне спокойный, но тяжело дыша, он намеренно осторожливо приблизился к витрине и, заглянув за перегородку, спросил:

— Могу я узнать, если это не слишком нескромный вопрос со стороны заведующего отделом, кто велел нам заняться этой витриной?

Слинггер круто обернулся, пораженный мягким тоном, каким были произнесены эти слова.

— Могу я узнать? — повторил мистер Бантинг и, так как Слинггер молчал, присовокупил: — Может быть, вы предпочитаете дать мне объяснение в моем кабинете? — Младшему помощнику он сказал: — Поставьте все на место.

Младший помощник в нерешительности посмотрел на Слинггера, к которому уже возвращалась его обличная самоуверенность. Рассыльный, сугубо веснучатый представитель лондонской молодежи, ухмылялся во весь рот.

— С вашего позволения...

— Положите обратно, — приказал мистер Бантинг. — Все вещи до единой. А вы... — соответствующий эпитет был проглочен с почеловеческим усилием воли, — следуйте за мной.

Он двинулся вперед, сопровождаемый оробевшим Слинггером, по длинному проходу между двумя рядами прилавков, и каждый приказчик при их приближении делал вид, что он занят своим товаром, и каждый приказчик за их спиной подмигивал другому приказчику. А тех, кто, как на грех, были в это время заняты с покупателями, охватило такое беспокойство, что они мгновенно утратили все недавно усвоенные ими вензельские методы различной торговли.

— Итак, — начал мистер Бантинг сурово, — извольте объяснить ваше поведение.

— А что тут, собственно, объяснять? Витрину нужно убрать, верно? Впрочем, если вас, мистер Бантинг, она удовлетворяет в таком виде, мне-то что. Я за нее не отвечаю.

— Если вы не отвечаете, зачем же вы даёте распоряжения?

Никакого ответа. А выражение лица, — для которого в воинском уставе имеется очень точное определение: открытое неповиновение.

— Я уже предупреждал вас, Слинггер, и сейчас предупреждаю в последний раз. Вы слишком много себе позволяете, слишком много на себя берете. Знайте свое место. А не то вылетите вон. Понятно?

— Вот как? — Надо было слышать этот наглый

топ! — Если вы будете так со мной разговаривать, я пойду к мистеру Вентнору.

— Вы пойдете к Вентнору?

— Я сказал: к мистеру Вентнору, — повторил Слингер, улычая мистера Бантинга в оскорблении величества.

— Вы и так слишком часто ходите к Вентнору. Советую вам это прекратить. Ничего вы этим не добьетесь.

— Вы так думаете?

— Добьетесь только, что вас уволят.

Молчание. Улыбка расплывается все шире. Улыбка явно высокомерного свойства. Чем дольше мистер Бантинг ее наблюдает, тем сильнее клокочет в нем гнев, тем свирепей шуршит он своими бумагами.

— Если вы будете грозить мне, я сейчас же пойду к мистеру Вентнору.

Тут самообладание окончательно покинуло мистера Бантинга. Меньше всего на свете хотел он, чтобы Вентнор вмешивался в эту историю: единственно правильной политикой было запугать Слингера так, чтобы он поджал хвост. Но есть вещи, которых не в силах вынести ни один мало-мальски уважающий себя человек.

— Ну, так ступайте к нему... Вы думаете, я очень испугался. Ступайте! Дорогу вы хорошо знаете.

Еще по договорив до конца, он уже пожалел об этих словах. Это был вызов, а люди, которым бросаешь вызов, способны на что угодно. Послать Слингера, распутывавшегося и велеречивого, изливать свои горести перед благосклонным к нему Вентнором было самоубийственной глупостью. Внезапно, но, как всегда, слишком поздно прозрев, он понял, что дал Слингеру в руки не меньший «козырь», чем если бы применил к нему физическое воздействие. Теперь Слингер получил тактическое преимущество: первое слово скажет он. И он не премияет этим воспользоваться. Его подзадорили бросить бомбу, и он ее бросит. Вот он решительно направился к двери и распахнул ее пастежь.

Катастрофа, приближение которой мистер Бантинг чувствовал уже несколько месяцев, надвинулась — грозная, неотвратимая. Сердце у него упало. Но он подумал: «Все равно, рано или поздно, этим бы кончилось», — и приготовился стойко встретить беду.

Но Слингс в дверях остановился, повернул голову — он явно колебался; и эта секунда колебания оказалась для него роковой. Он стоял неподвижно, держась за дверную ручку, и задор его угасал на глазах. Нижняя губа его слегка задрожала, щеки побледнели. Душа мистера Бантинга, ушедшая было в пятки, радостно вернулась на место, а сердце забилось спокойно и ровно.

Он понял, что стремительно распахнутая дверь — всего лишь театральная жест. Он настолько осмелел, что позволил себе поиздеваться: — Что же вы, ступайте, доложите Вентнору.

— Да, пойду и скажу.

— Ну, так ступайте. Чего же вы здесь торчите? Отправляйтесь.

— Будьте спокойны, я ему все скажу, — отвечал Слингс, не двигаясь с места. — Все как есть выложу.

Мистер Бантинг нашел уместным перейти теперь к отеческому тону. — Ступайте-ка вы за своей прилавок, — посоветовал он, — и постарайтесь вести себя прилично. Вам не мешает ознакомиться с размерами стальных и медных задвижек. Вам приходилось слышать о змеиных яйцах?

Слингс в недоумении склонил голову пабок.

— Вам, должно быть, неизвестно, что змеи кладут яйца? А из яиц вылупливаются змееныши. Так вот у вас, Слингс, слишком много змеиных повадок. А мы же собираемся разводить змей в нашем отделе. — И, взяв в руки преискурант, мистер Бантинг углубился в него, давая понять, что аудиссия окончена.

— А как быть с витриной?

— Я скажу вам, когда пойду пужным.

— Что ж, если она вас удовлетворяет, мистер Бантинг, — и он вышел. Возможно, что он при этом и хлопнул дверью — чуть-чуть; мистер Бантинг не мог сказать с уверенностью.

Оставшись один, мистер Бантинг отложил преискурант и предался отдохновению, наслаждаясь своей победой. Он восстановил свой авторитет, оказался хозяином положения и теперь ему до смерти хотелось курить. Но в магазине Бродвей единственным местом, где он мог это сделать, была уборная, а мистер Бантинг последнее

время поспешно освобождался от всяких привычек, которые могли быть поставлены ему в вину.

К тому же ему нужно было составить доклад для Вентнора, а эти литературные упражнения поглощали массу времени и терпения и несообразно большое количество бумаги. Этому докладу еще неделю назад полагалось занять место в вентноровской папке с делами, но он еще до сих пор преследовал своего автора, снова и снова возвращаясь к нему с пометками на полях: «Недостаточно детально» или: «Старайтесь быть кратким», что, по мнению мистера Бантинга, явно противоречило одно другому. Самая удачная фраза мистера Бантинга была подчеркнута синим карандашом и украшена несколькими расклицательными знаками без всякого видимого основания.

Вот почему он с особым усердием взялся сейчас за предстоящий ему литературный труд. Заглавие «Доклад касательно недостатков в уоткинских печах» он вывел с горделивым чувством человека, восстановившего свой престиж; внезапно над самым его ухом прозвучал резкий окрик Вентнора:

— Почему витрина не убрана, Бантинг?

— Сейчас займусь этим, сэр.

— Почему это до сих пор не сделано?

— И только что собирался заняться витриной, — миролюбиво ответил мистер Бантинг. — Был очень занят.

Вентнор раздраженно махнул рукой: — Я распорядился, чтобы сделали новую выставку, и, насколько я понял, вы исполнили мое распоряжение.

Мистер Бантинг быстро взглянул на него. Некий намек, заключенный в этих словах, заставил его приготовиться к защите.

— В первый раз слышу о новой выставке, — ответил он твердо.

— Господи Иисусе, вот человек! Разве вам не передали? Но могу же я бегать к вам с каждым пустяком. Я обо всем договорился со Слинтером.

— С вашего позволения, сэр, — этот оборот речи казался мистеру Бантингу весьма эффективным, и он произнес его с должным ударением, — этот отдел пверен мне, а не Слинтеру. И мне ничего не известно о новой

выставке. Если вы что-нибудь и сказали Слингеру, он оставил это при себе.

— Мне кажется, — заметил Вентнор, разглядывая мистера Бантинга с таким же неторопливым любопытством, с каким мистер Бантинг разглядывал букашек у себя в саду, — мне кажется, в этом отделе что-то неладно. Нет должной работы, нет единоподушья. Какая, скажите на милость, могла быть у Слингера нная причина не сообщать вам о своем проекте ловой выставки, как не боязнь встретить неодобрение с вашей стороны? Потому-то он и пришел со своими планами ко мне. Может быть, это и не по правилам, но вполне объяснимо. Очень жаль, что вы не можете сработаться со своими сотрудниками.

— А что это за проект Слингера? — вопрос звучал весьма прощически.

— О, ничего потрясающего. Никто на это и не рассчитывает. Просто он сделал эскиз витрины, небольшая кухонька, обставленная разными изделиями, включая кое-какие пошлости, которые мы продаем со скидкой. Это будет несколько лучше того, чем вы до сих пор угощали публику. Вот список предметов, которые ему нужны. Он сам присмотрит за перестановкой витрины, поскольку это его идея.

Слингер уже «присматривал», внося временную дезорганизацию в работу отдела. Мальчик-рассыльный и младший помощник возобновили свою возню в витрине. сторож подавал через перегородку броклиевскую машинку «Чудо» для отжимания белья; еще один юнец путешествовал от прилавка к прилавку, собирая горшки, сковородки и ножи всевозможных фасонов и мешая всем и каждому заниматься своим делом.

«Закрыл бы совсем магазин для публики, и дело с концом», — цинично думал мистер Бантинг, созерцая эту кипучую деятельность. Он пытался поймать взгляд Слингера, чтобы посулить ему справедливое возмездие, но Слингер, казалось, совершенно не замечал ни метительных намерений мистера Бантинга, ни даже его присутствия. Он ревностно надзирал за устройством витрины, щуря взглядом во все стороны, только не в сторону мистера Бантинга. *

Какой-то сердитый джентльмен, судя по дожидавшийся

у прилавка, несколько раз громко постучал по нему зонтиком, бросая вокруг себя возмущенные взгляды. Секунду мистер Бантинг колебался, не призвать ли ему Слингера к исполнению его прямых обязанностей, но осторожность восторжествовала, и мистер Бантинг, смирив свою гордость, с наигранной приветливостью обслужил покупателя сам. Но в сердце его бушевала черная ярость.

Бантинг стоит за слингеровским прилавком, а Слингер распоряжается чуть ли не всем персоналом. Было что-то пророческое в этом обмене ролями: каждый мог без труда разгадать тайный смысл этой сцены. Когда покупатель ушел, мистер Бантинг, подняв глаза, перехватил взгляд Слингера, украдкой следившего за ним из-за перегородки. На лице его была самодовольная, злорадная улыбочка, явно не предназначенная для взоров мистера Бантинга, ибо Слингер поспешно отвернулся, как только заметил, что тот на него смотрит. В мистере Бантинге словно какую-то кнопку нажали, и его взорвало, как бочку с порохом.

Он быстро зашагал к витрине, и вид у него был столь свирепый, что даже веснушчатый, рассылный вытаращил на него глаза.

— Слингер, ступайте ко мне в кабинет, — приказал он.

— Вы же знаете, что я получил распоряжение...

— Мое распоряжение вы слышали? В кабинет! — рявкнул мистер Бантинг и угрожающим жестом распахнул дверь в перегородке. Казалось, еще секунда, и он вломится в витрину и с позором вытащит оттуда Слингера. Проворно прыгнув под простертую руку своего начальника, Слингер торопливо зашагал к закутку, преследуемый по пятам мистером Бантингом.

— Послушайте, вы, низкая тварь! Почему вы не сказали мне, что получили от Вентнора распоряжение?

— А вы же меня не спрашивали.

— Какого чорта буду я вас спрашивать? Вам же дело сказать мне. Почему вы не сказали? Я вас спрашиваю? — загремел мистер Бантинг, стукнув кулаком по столу. Затем, угрожающе понизив голос: — Берегитесь, Слингер! Я вижу, куда вы гнете. Берегитесь. Предупреждаю вас.

— Да что это вы все грозитесь? И я не позволяю обзывать меня тварью.

— Кто обозвал вас тварью?

— Вы.

— Обозвал вас тварью? — недоверчиво переспросил мистер Баттинг.

— Ну да. И я этого не позволяю.

— Я вам скажу, что вы такое, если уж на то пошло, — сказал мистер Баттинг и, тщательно подобрав слова, пустил имп в противника, точно это был смертоносный снаряд: — Вы гад, ползущий по земле. Вот вы кто, Слинггер, — ползучий гад.

От этих эпитетов Слинггер потерял дар речи. Грудь его вздымалась, адамово яблоко дрожало, и мистер Баттинг, чутьем поняв, что всякая новая хула, добавляемая к этому шедевр, могла бы только ослабить эффект, открыл дверь и, легонько подтолкнув Слинггера, выпроводил его из закутка. При этом он увидел Вентура, стоявшего у перегородки в позе человека, к чему-то прислушивающегося.

Секунду он еще лелеял тщетную надежду, что Вентур только что появился здесь и ничего не слышал. Он открыл прейскурант, придал лицу сосредоточенное выражение и, цепенея от страха, смотрел на открывавшуюся дверь.

У Вентура был вид сыщика, только что завладевшего цепнейшей уликой.

— Я спрашивал его, почему он ни слова не сказал мне о вашем распоряжении, — поспешил разъяснить мистер Баттинг.

— Я не слышал, чтобы вы о чем-нибудь спрашивали. Все, что я слышал, — это грубую, непристойнейшую брань. Вы понимаете, что так продолжаться не может?

— Я вынужден был сделать ему выговор, сэр. Уж очень он стал пронырлив.

— Что-о? Как вы сказали?

— Нахамил, сэр.

Вентур медленно оглядел мистера Баттинга, словно перед ним был какой-то старый, залежавшийся товар.

— Вы давно служите в нашей фирме, Баттинг, и мне не хотелось бы прибегать к крайним мерам. По

если вы будете оскорблять и запугивать всякого подающего надежды молодого человека, взгляды которого не совпадают с вашими, я вынужден буду серьезно задуматься над вашим положением. Вы меня понимаете?

— Да, сэр. — Он еле-еле выдавил это из себя. Губы у него пересошли, сердце бешено колотилось. Возмущение, протест поднимался в его душе — протест против этого оскорбления, против несправедливости и нечестной игры, против поругания всех смутных, но дорогих его сердцу идеалов.

— Боюсь, Бантинг, что я не могу этого так оставить. Мне придется поговорить о вас с мистером Брокли.

Мистер Бантинг почувствовал малодушное желание унизительно попросить Вентюра сжаться под ним. Но он сидел не шевелясь и упрямо молчал.

— Вы, падеюсь, попили?

— Понял, сэр.

Стук захлопнувшейся за Вентюром двери донесся до него как будто откуда-то издалека.

Несколько минут он просидел за столом совершенно подавленный. Господи! Скорей бы это кончилось! Умереть бы, что ли! В чем его вина? Ни в чем. Единственное его преступление — старость: ему стукнуло шестьдесят два года, и его хотят сдать в архив.

На мгновение жалость к самому себе вялой затуманила ему взор.

А надо продолжать обход, выдерживать любопытные взгляды приказчиков. Он критически оглядел себя в зеркало и вышел из закутка. В дверях он столкнулся с курьером из конторы.

— Вам телеграмма, сэр.

Мистер Бантинг вскрыл телеграмму и прочел:

«Телеграмма подписанная Хаулэш Линпорт предлагает только землю 1000 одну тысячу советует согласиться телеграфируй немедленно мамы нет появлять невозможно Эрнест».

— Эрнест! А, черт бы побрал все на свете! — воскликнул мистер Бантинг и, стукнув кулаком по столу, с досадой уставился на подиум.

Но мгновение спустя мысль об этой второстепенной неудаче уже исчезла из его сознания. Он пересчитал теле-

грамму и почувствовал, как ширится, переполняясь радостью, его сердце, словно живительный родник забил в его груди. Он схватил котелок, обеими руками нахлобучил его на голову и, задыхаясь, бросился со всех ног к выходной двери. На пороге он остановился и повелительным движением указательного пальца поминал к себе Слигера.

— Присмотрите тут пока, щенок, — приказал он.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тысяча фунтов! Сердце мистера Бантинга весело плясало, словно под перезвон рождественских колоколов. Он сообщил о своей удаче Кордеру, он прокричал радостную весть на ухо старому глухому швейцару и едва не поддался соблазну возбудить зависть самого распроклятого Слигера. Но он тут же обуздал себя, ибо принадлежал к числу людей, для которых сомневаться в своем счастье так же естественно, как ласточкам прилетать по весне.

Десятью раз за этот день удалялся он к себе в закуток, перечитывал телеграмму Эрнеста и снова и снова удостоверился в том, что это не галлюцинация, что так действительно все так и написано. В поезде, возвращаясь домой, он перечитывал ее снова и, поднимаясь в фору к Кэмберленд-авеню, ощупывал жилетный карман, куда он ее спрятал. Она все еще была здесь, как багмачок Золушки — живое свидетельство, что все это не сон. Все же он не успокоится, пока не увидит настоящую телеграмму от Хаулэша. Телеграмма — дело каверзное. Какая-нибудь ошибка меняет весь смысл. Но он слышал, что за несколько пенсов можно получить на почте копию.

«Тысяча фунтов! Как обещал. Молодчина Хаулэш, — думал мистер Бантинг. — Энергичный».

Эрнест, Крис и Джули собрались в гостиной, чтобы устроить ему торжественную встречу. Как только мистер Бантинг появился в дверях, раздались приветственные возгласы. Он сразу почувствовал, что дети рассматривают эту тысячу фунтов, как некий дар небес, предназначенный для всего семейства. Они от души поздравляли

его, не скрывая своего изумления. Кто такой Хаулэн? Послал ли мистер Баиттинг ему телеграмму? Принял ли мистер Баиттинг его предложение?.. Целый зал вопросов.

Но это проявление интереса к его делам не обмануло мистера Баиттинга; он понимал, что этот интерес вызван исключительно меркантильными соображениями. Самые фантастические планы, вероятно, уже родились у них в голове, и промах миссис Баиттинг, прозевавшей телеграмму, с каждой минутой казался ему все более прискорбным. «Можно подумать, что это их тысяча фунтов, а не моя», — возмущенно подумал он и с непроницаемым видом дипломата сел на стул, согнулся в три погибели и заглянул распухшимися глазами; восторженный гул поемного затих.

Затем Эрнест начал сызнова, более осторожно:

— Ты получил мою телеграмму, папа?

— Получил.

— И сначала никак не мог понять, в чем дело. Я совсем забыл, что у тети Энни была какая-то собственность в Линпорте. Вот это ты, должно быть, и продаешь?

— Возможно.

— А-а, папочка, — воскликнула Джули, — так вот почему ты все время выбегал встречать почтальона! Крис говорил, что это, наверное, насчет линпортских домов, но нам и не спилось, что ты получишь тысячу фунтов, — и она нестерпимо стиснула его в объятиях, что он стойчески перенес, придерживая за задник уже наполненную надстую домашнюю туфлю.

— Спасибо, — сказал он, получив свободу действий и закончив процесс обувания.

— Папка, дорогуша! — воскликнула Джули, решив во что бы то ни стало добиться ответа. — Ну скажи, ты рад?

— Вот получу деньги, тогда и буду радоваться. Пока еще ничего нет. Одна телеграмма.

— Очень важно, — разъяснил Эрнест, — получить задаток. Сделка считается совершеннейшей при любом размере задатка, но обычно принято давать десять процентов. После этого нотариус составляет купчую.

— Хаулэншу, вероятно, это известно, — сухо заметил мистер Баиттинг. — Будем мы сегодня чай пить или нет?

Показав таким образом, что он желает переместить тему разговора, мистер Бантинг сел за стол. Дети его тоже усадились, обменявшись взглядами более красноречивыми, чем слова. На их условном языке эти взгляды обозначали: «Безнадежен! Тысяча фунтов, и хоть бы улыбнулся. Просто невероятно». Он даже сосиски ел без всякого удовольствия, сердито разрывая их на куски с таким видом, словно его поражало, почему на его тарелку неизменно попадают самые толстокожие экземпляры. Между тем миссис Бантинг едва заметным движением бровей умоляла младшее поколение оставить его в покое.

После ужина на кухне она сделала попытку развесянить его:

— Подумай, Джордж, как это чудесно! Как ты мечтал, так и вышло.

— Жаль только, что телеграмма попала в руки Эрнесту.

— Меня не было дома, ну, а раз пришла телеграмма, он, понятно, вскрыл ее. В конце концов, рано или поздно, а пришлось бы им сказать.

Мистер Бантинг что-то хмыкнул себе под нос, подтверждая роковую неизбежность этого несчастья.

— Ты вот говорил, что хочешь на покой, Джордж, я все думала об этом. Тысяча фунтов, конечно, большие деньги, но я не знаю, как мы даже и теперь обойдемся без твоего жалованья.

— Не знаешь? — мистер Бантинг произнес это тоном вопроса, но, по правде говоря, он и сам не знал. Разве только, если продать «Золотой дождь». За последние дни он уже обдумал свое финансовое положение: он прикидывал и так, и этак, на все лады. Он составлял смету за сметой, сляпав наперекор неумолимой арифметики добиться более благоприятных итогов. Но стоило только взяться за карандаш и бумагу, и тысяча фунтов уже переставала быть той магической суммой, какой она рисовалась ему в воображении. Он был потрясен ничтожностью суммы дохода, на которую он, даже теперь, мог рассчитывать.

К этой жалкой цифре он прибавлял свое жалованье. В итоге — благосостояние. Он вычитал жалованье, снова тщательно проверял цифры, но они были непо-

колеблемы, как гренадеры. Эта смета, как и вообще все сметы, когда-либо составлявшиеся мистером Бантингом, всеми своими цифрами кричала об одном: будь на одной стороне баланса чуть-чуть больше, а на другой чуть-чуть меньше, и мистер Бантинг мог бы спокойно и с полным удовольствием наслаждаться жизнью. Если бы Хаулэш, например, поторговался нежового и выжал еще, ну, скажем, пятьсот фунтов. Просто удивительно, какую брешь можно заполнить лишними пятьюстами фунтов. Но Хаулэш прислал свою стремительную телеграмму, и он послал Хаулэшу свой стремительный ответ, и сделка была совершена, как он видел теперь, без надлежащего размышления. Он просто выбежал, как шальной, из магазина и очертя голову телеграфировал согласие.

«Поторопился», — говорил он себе.

— Как-нибудь наскребли бы на жизнь, если б только мальчики побольше зарабатывали, — сказал он, неуверенно взглянув на жену.

Слишком продолжительная пауза была ответом на эту робко высказанную надежду: его слова затерялись в пустыне молчания.

Миссис Бантинг устанавливала тарелки на супничной доске с сосредоточенным видом, свидетельствовавшим о том, что ею владеет какая-то безрассудная идея, которую она готовится преподнести ему я, конечно, в самый неподходящий момент.

— Боюсь, что мальчиков не радует их работа, — говорила она, наконец. — Трудно ждать, чтобы они чего-нибудь добились, если работа им не по душе.

— Чем плохо их работа? Они оба на хорошей службе. Когда мне было столько лет, как сейчас Эрлесту...

— Я знаю, Джордж. Но жизнь теперь совсем не та. Мы должны сделать для них все, что только в наших силах.

— А разве я этого не делаю?

Он ждал подтверждения. Его не последовало. В полном молчании она аккуратно поставила тарелки на место, отжала полотенце и повесила его на веревку над плитой. Она оттораживалась от него и от его взгляда на вещи; даже в ее обращении к нему затылка была какая-то враждебность.

— Глупо бросать работу у Брокли, Джордж. Если уж у тебя там не наладится, ты мог бы уйти в будущем году, когда выплатишь страховые.

Не в будущем году, а через два года, но он не стал поправлять ее. А хотя бы и через двадцать лет — им все равно, тяни свою ляжку. Не радует работа! А его-то работа радует, что ли? Уж и радость! Одно горе, и она это прекрасно знает. Сколько раз он рассказывал ей о Веллноре и Слингере, ясней ясного, кажется, описывал все оскорбления, какие он должен сносить, в мельчайших подробностях изображал все возмутительные сцены, и что же — никакого сочувствия. Но стоит Крису или Эрнесту пожаловаться на что-нибудь...

— Обидели их, да? — проворчал он и, расстроенный, несчастный, побрел в сад. Он испытывал глубокую горечь. Это чувство за последнее время стало преобладающим в его душе, он страдал от незаслуженных обид, от недостатка сочувствия, а больше всего от одиночества. Было что-то зловещее в этом одиночестве, которым он томился здесь, в собственном саду, рядом с своими детьми и женой, и домом, и всем, что ему дорого. Противоречивые чувства владели им; и на мгновенье горе сломало его. Он наклонился над грядкой сеянцев, чтобы скрыть лицо, и, ничего не видя от слез, наугад выдернул пучок сорной травы. — Что я, по-ихнему, бестушевственный чурбан что ли! — пробормотал он хрипло.

Жизнь, — думал мистер Бантинг, нагнувшись над грядкой и теская стебелек крестовника в своих коротких толстых пальцах, — горькое нитье. Сколько бы человек ни мечтал, ни трудился, ни надеялся, стоит ему только добиться чего-нибудь, и все оборачивается так, что остается одна горечь. Брак, семья, достаток — ничего в жизни не сбывается так, как этого ждешь. Вот он продал свою липпортскую землю — к бюджету неожиданно прибавилась тысяча фунтов. Он должен бы ликовать, он должен был прыгать от радости, а он никогда еще, кажется, не чувствовал себя таким несчастным.

Как будто я сам хочу бросить работу. Я боюсь, что мне там не удержаться, вот в чем дело. Неужто она этого не понимает?

Нет, она думает только об одном, и он знает, о чем.

Эриестова бухгалтерия. Теперь они могут внести залог и содержать его три года, пока он будет работать задаром. А затем придет очередь Криса. Ему не нравится работать в банке — значит, пужко будет внести залог, чтобы он мог заниматься чем-нибудь более увлекательным. А Джулия — ну, ола, конечно, захочет в колледж. У них же есть тысяча фунтов! Никто не думает о том, чтобы сберечь эти деньги или выгодно поместить их. Истратить! Пустить на ветер! Вот о чем они мечтают. А когда деньги разойдутся и они получают, наконец, возможность начать свои головокружительные карьеры, тогда им, наверно, опять захочется чего-нибудь другого. Но для него уже будет поздно. Тогда уж не взбунтуешься против Слишгера, и от Вентнора ему уж не уйти. Сейчас деньги есть, а истратят их — и конец. Как тогда бороться? Ничего не останется, как спосать издевательства до конца своих дней.

Господи! От этого можно с ума сойти. Возмущение душило его. Ему хотелось пойти в дом, стукнуть кулаком по кухонному столу, закричать, заявить ей, что он этого не потерпит. Но это ни к чему! Уж если миссис Баунтинг заберет себе что в голову, никакая сила на свете этого из нее не выпшибет: ни критки, ни уговоры, ни угрозы, ни просьбы, никакие человеческие слова здесь не помогут. На нее словно глухота нападает и полная печувствительность к доводам рассудка. И когда вы истощите весь свой запас аргументов, она кротко, но упрямо начнет опять все сначала и повторит слово в слово все, что говорила раньше.

— Не потерплю! — бормотал он свирено. — Не желаю! С трудом поборов волнение, он побрел дальше меж кустами роз, наклоняясь порой, чтобы понюхать цветы, старался не думать о будущем. Когда-то на всех этих кустах он повесил дощечки с надписями, но он уже давно перезабыв все названия. Поважно, он не Оски, он способен любоваться розой, не зная, как этот вид называется. Он осмотрел цветы на искусственном пригорке; ему вспомнилось, как он устраивал его вскоре после покупки дома, а Эриест, ковыляя на коротких ножках, бежал за ним по пятам, старался помогать ему и засыпая вопросами. Этот «альпийский сад» был его гордостью: аубреция,

очиток острый, ладанник и... ну, словом, гибель всякой всячины — всего и не упомнишь. Садоводство — интересная штука, нужно только иметь время и — уж если заниматься им как следует — оранжерею. Он всегда мечтал об оранжерее. Оски, тот уже обзавелся ею, вон он и сейчас торчит там, усердно выпалывает что-то, и его знакомый зад лютвенно виден сквозь стекло. Оски, по убеждению мистера Бантинга, по понятиям прелести подлинного любительства: он превращал садоводство в тяжелый труд. Ну, а мистер Бантинг занимался своим садом с беспечностью истинного дилетанта. Все, что он желал, — это мирно жить на пенсию и иметь оранжерею, а к практическим результатам своего садоводства он отпослался бы философски.

Его мысли любовно задержались на этом проекте; вот, наконец, цель, которая находится в пределах досягаемости, — «Сада солнечный покой». Это он слышал от Кордера, а может быть, прочел в календаре. Красивые слова; стихи, должно быть. Он страстно желал, он жаждал другой жизни, без торопливого бритья по утрам, без вечной спешки на поезд 8.15, без надоевшего запаха черного лака и металла, без прейскурантов, без докладов Вейтнору, без Вейтнора и без Слингера. Не торопясь, позавтракать утром, помочь миссис Бантинг убрать посуду и, надев старую шапку с дырками на макушке, выйти в сад. Утром, по дороге на станцию, он с завистью глядел на каждого человека в пальто и с лейкой в руке.

— Нужно выколоть маргаритки, — сказал Оски, появляясь у ограды и пробуждая мистера Бантинга от задумчивости.

— Зачем?

— Нельзя, чтобы среди газона росли маргаритки.

— Дело вкуса, Оски. Я вот, например, люблю, чтобы были маргаритки.

— Где? В газоне? — спросил Оски с легкой прощелкой.

— Ну, я, конечно, срезаю их косилкой.

— От этого только мало. Нужно специальный истребитель.

Он принялся объяснять процесс истребления маргариток. Вооружившись каким-нибудь острым орудием и густо пахнущим порошком, вы подходите к маргариткам

я хладнокровно, методически убиваете их одну за другой. Мистера Бантинга это возмутило.

— Не стану я записывать убийством маргариток. Это же цветы.

— Не место им в газоне. Оп у вас весь цестрит маргаритками. А то и клевером.

— Ну, и что ж тут плохого? И против лютиков ничего не имею.

— Я у вас даже чертополох видел, — сказал Оски, отбросив всякую вежливость.

— Пусть хоть весь побелеет от маргариток, — сказал мистер Бантинг, пропуская чертополох мимо ушей. — Это красиво, по-моему.

— От вас ко мне семена заносит ветром, вот что, — сказал Оски и, вместо того чтобы скромно удалиться, продолжал стоять, облокотившись о забор, неторопливо, критическим оком разглядывая сад мистера Бантинга, словно женщина, ищущая блох в чужой постели. Мистер Бантинг с беспокойством ждал, что Оски сейчас заговорит о тыквах. В гигантскую тыкву мистера Оски была воткнута игла, а к игле привязана шерстяная нитка, конец которой плавал в миске с водой. — Капиллярное притяжение, — заметил мистер Оски в порядке научного пояснения и этим диловитным терминном положил начало жестокой лингвистической схватке, в которой на стороне мистера Бантинга фигурировали некие «капитуляры», перемежаясь с запальчивыми угрозами, что он-де не позволит стропить из него дурака, и с заявлениями, что тыква должна быть похожа на тыкву, а не на аэростат.

Мистер Бантинг улыбнулся при воспоминании о том, как он тогда сразил Оски, и Джули, приближавшаяся к нему по газону, прикинула эту улыбку на свой счет, расценив ее как счастливое предзнаменование и знак приветствия. Мистеру Бантингу бросилось в глаза, что на Джули прелестное платье с воздушными оборочками вокруг шеи и кистей рук; чулки на стройных ногах шелковисто поблескивали, а волосы лежали волнами, чего мистер Бантинг до сей поры никогда не замечал. Ему попадобилась целая минута, чтобы догадаться, что эти волны — не натуральное явление, а плод парикмахерского искусства.

— Правится тебе мое новое платье, папочка?

— Хорошее платье. Очень тебе идет. («Новое платье!» — подумал он. Интересно, уплатил ли уже за него по счету или нет? По счетам, пожалуй, не разберешь, то ли это платье, или другое.) Она отвела его в сторону и сказала:

— Папочка, милый! Ты теперь позволяешь мне поступить в школу танцев, да?

Высвободив свою руку, к которой она, ластясь, крепко, прижалась, мистер Бантинг ответил: — В первый раз об этом слышу.

— Ну, как же так? Какой ты глупый, папка! Я показывала тебе объявление еще месяц назад. Это страшно дешево.

Он весьма скептически отнесся к этому сообщению и с явной неохотой взял в руки глянцевою вняточку, которую она ему протянула. Его внимание привлекла изображенная на обложке весьма скудно одетая девица, скачущая по пляжу в лучах, повидимому, восходящего солнца, размахивая куском шифона. Под рисунком он увидел надпись: «Ритмопластика».

— Так, так, — сказал он, сосредоточенно вглядываясь в загадочное слово. Внутри книжочки он увидел фотографии молодых особ женского пола в гимнастических позах, что пролило некоторый свет на содержание этого труда. — Что-то вроде шведской гимнастики?

— Ох, папочка, какой ты чудак! Это «Здоровье и Красота». Осанка, походка и всякое такое. Чем греки занимались.

— Какие греки — древние? — спросил он, вспомнив вереницу белых фигур, виденных им в Британском музее.

— Ну, конечно. Папочка, миленький! Хильда Бартон будет учиться, и Этель Кей, и... ну, словом, все. Даже Мэгги Калверт, и та.

Мистер Бантинг не знал, кто такая Мэгги Калверт, но сделал вывод, что, повидимому, это существо низшего порядка, которому вообще мало что доступно. Он уловил намек на то, что уж если мэтин отец может себе это позволить, то он и подавно.

— Н-да, — произнес он, обследуя книжечку в поисках графы, обозначенной словом «плата». По изысканию оформления этой книжки он сразу догадался, что во

глазо Карендипиской академии тайна: стоят люди, которые всякое упоминание о деньгах считают вульгарным и о плато за обучение могут говорить только вскользь. Изловив, наконец, эту увертливую графу, мистер Бантинг оттопырил губы. Он подумал, что Джули, благодарением богу, вполне достаточно наделена здоровьем и осязкой и не нуждается ни в какой ритмопластике.

— Подожди, детка, пока закончится дело с продажей.

— Но занятия начинаются на будущей неделе. И одна-единственная из всех наших девочек не попаду туда. Папочка, миленький, обещай!

Встретив ее молящий взгляд и любуясь вечувствительным и чарам розовых платков, мистер Бантинг поустоял. — Ну, ладно, посмотрим... — начал он.

— Папочка, ты ангел! — Она вознаградила его поцелуем. — Смотри же, ты обещал.

Оставшись один, мистер Бантинг проследовал к своей излюбленной скамейке и закурил трубку. Еще два дня до уик-энда, думал он. Уик-энд — в этом был сейчас весь смысл его существования; он считая дни до конца недели, и жизнь на покой рисовалась ему как непрерывная ночь суббот и воскресений.

Пока мистер Бантинг сидел на садовой скамейке, настроение его поднялось, магазин Брокли остался где-то далеко позади, и он почувствовал, что снова становится самим собой. «Сада солнечный покой», — мысленно продекламировал он, задумчиво попыхивая трубкой; или, как частенько цитирует Бордер: «Сад сияет, та-та-та-та, сад цветущий — божий рай». Довко они закручивают, эти поэты, подумал он.

Увидев в окне гостинной Эрнеста, он помахивал ему к себе...

— Скажи, Эрнест, сколько времени понадобится на окончательное оформление купчей?

Этот вопрос, повидимому, обнаружил пробел в познаниях Эрнеста. Из его слов можно было понять только, что все зависит от обстоятельств.

— Мне казалось, что ты как раз это изучаешь.

— Ну да, — кровь мгновенно прилила к его лицу. — Но, видишь ли, продажа недвижимости, строго говоря, не входит в компетенцию бухгалтера. Это относится к передаче имущества.

— А-а! — сказал мистер Бантинг, после чего последовала пауза, во время которой он подумал: «Чем меньше разговоров о бухгалтерии, тем лучше».

— В купчей крепости должен быть обозначен срок. Через несколько дней тебе должны прислать ее на подпись.

— Понимаю. Запомню. Спасибо, Эрнест. — сказал мистер Бантинг, давая понять, что аудиенция закончена.

Эрнест, однако, не пожелал понять намека. Он решил, что вопрос отца — это прелюдия к более серьезным переговорам. Отец вызвал его в сад, заговорил о его занятиях бухгалтерией и о продаже недвижимости. Быть может, эти деньги в конце концов все уладят? Почему же тогда он ничего не говорит? Волнение Эрнеста дошло до предела, стоять так перед отцом было глупо, и он внезапно уселся на самодельную скамью рядом с мистером Бантингом и с натянутым видом закурил папиросу. Но он все еще чего-то ждал, нервничая и заражая своим волнением отца, который из всех сил старался придумать какую-нибудь тему для разговора, не имеющую отношения к спорам о карьере.

— Ты бы как-нибудь подвязал эту рыбешку, Эрнест.

— Непременно, папа. Я думаю, сделка через три самое большее, продажа будет закончена.

— Надо надеяться.

Они молча курили. Мистеру Бантингу показалось, что его жена выглядывает в окно из-за занавески. Он нервно взглянул на Эрнеста — тот сидел неподвижно, напряженно глядя перед собой; он ждал, явно ждал, что вот сейчас с ним заговорят или что заговорит он сам. Изведя три лишние спички на свою трубку, мистер Бантинг неожиданно спросил:

— Слышал ты когда-нибудь о капиллярном присасывании, Эрнест? Капиллярная, понимаешь? Не имеет никакого отношения к капитуляции. Капиллярное присасывание?

При этом вопросе Эрнест вздрогнул и очнулся. — Я знаю про капиллярность, — неуверенно пробормотал он после паузы.

— Нет, не то, — капиллярное присасывание. Вода поднимается по шерстяной нитке.

— А это, по-моему, называется адсорбция.

— И так и знал, что он все врет. Это капиллярное присасывание выдумал наш Оски, он так тыкву вырашивает. Я сказал ему, что капилляр — это кровяной сосуд. Кто же этого не знает!

— Собственно, это значит «волосяный». От латинского *capillus*, то есть волос.

— Да нет же, Эрнест, причем тут волос? Это кровяной сосуд. Я смотрел в «Домашнем лекаре».

— Ну, конечно, капилляр — это кровяной сосуд, папа, но вместе с тем и все, что похоже на волос.

— И шерстяная нитка, значит, тоже?

Ответа не последовало; Эрнеста загнали в тупик.

— Тогда, может быть, Оски и прав, — разочарованно сказал мистер Бантинг. — Шерсть ведь тоже вроде волос, верно? Я хочу сказать, что у овец волос нет. У них шерсть вместо волос.

— Вечно этот Оски спорит, — проворчал мистер Бантинг, зажигая еще одну сигарку. — И все-то он знает. Ясное дело, это адсорбция. Тебе лучше знать, тебе этому учили. Ну, пойдем ужинать. Не позабудь про рябину.

— Нет, не забуду, — заверил его Эрнест, по голосу его звучал глухо.

Миссис Бантинг, поджидавшая их, распахнула перед ними дверь. Она встретила их слишком саяющей улыбкой. — Приятно побеседовали? — спросила она сладким голосом и бросила на сына вопросительный взгляд (не укрывшийся от мистера Бантинга).

— Очень приятно побеседовали, а теперь собираемся так же приятно поужинать, — бодро ответил мистер Бантинг, всем своим видом показывая, что он не желает ничего замечать.

Эрнест покачал головой: — Ничего не вышло. Даже Джули, валявшиеся на диванах с журналами в руках, выйдя, действительно привстали.

— Ну, как, уломал его?

Эрнест покачал головой: — Ничего не вышло. Даже заигнаться не дал.

— Что это с ним? — спросил Брис. — Что он собирается делать с такой кучей денег?

— Копить будет, должно быть, — ответил Эрнест. — Запишет их на книжку и будет получать по два процента годовых. Годову даю на отсечение, ни одного пенса не истратит ни па нас, ни па маму. Даже на себя и то не истратит.

— А мне он обещал заплатить в школу ритмопластики.

— Что-о?

Оба брата уставились на Джули. Удивление сменилось завистью, потом возмущением против такой несправедливости, затем гневом и, наконец, уверенностью, что мистер Баппинг рехнулся основательнее, чем они думали.

— Ну и ну! — воскликнул Эрнест.

— А почему бы и нет? — спросила Джули.

— Да что такое ритмопластика по сравнению с карьерой мужчины? — спросил Эрнест. — Пустая трата времени.

— Много ты понимаешь.

— Это все потому, что ты девочка. — глубокомысленно разъясняя Крис. — Он всегда делает для тебя больше, чем для нас. Ну, а по что ему это обойдется?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответила Джули надменню.

— Ритмопластика! — язвительно повторил Эрнест. — Ручаюсь, что он даже не знает, что это за штука. Кстати, что это такое?

— Искусство задирання ног, — ответил Крис. — Довольно любознательное зрелище. Знаешь, Эрнест, это в общем хороший признак. Если старик раскошелится для Джули, ему придется раскошелиться и для нас. Так или иначе, я покончил со своими банковскими делами. Старого чорта Теофируса я отправил сегодня утром па чердак, и надеюсь, что его там съедят мыши. Теперь я прикипаюсь за технику, настоящую научную технику.

Он извлек из кармана несколько довольно помятых и засаленных бумажек. — У мистера Ролло есть приятель, который может устроить меня учеником на авиационный завод. Мне пужно только внести залог и пройти заочный курс, о котором вот тут написано, после чего я стану авиаконструктором. Может быть, даже в министерстве авиации буду работать. Послушай, что тут сказано:

«С каждым годом нужда в квалифицированных техниках возрастает. Ни одна область не представляет такого широкого поля деятельности для молодых людей, чувствующих склонность к техническим наукам».

— Да, вот это его заинтересует. Ты уже показывала ему?

— Покажу, как только совершится эта продажа. В конце концов для залога мне нужно всего каких-нибудь сто фунтов.

— Ужипать, — возвестила миссис Бантинг.

Они двинулись в столовую, уже тонущую в сумерках, и уселись за стол в полном молчании, что, как было известно мистеру Бантингу, свидетельствовало о том, что закончившемся обсуждении его особы. Миссис Бантинг спросила:

— Зажечь свет, Джордж?

— Нет, по-моему, рано... И так все видно.

Эрнест, Крис и Джули переглянулись. Джули принялась водить носом чуть не по самой скатерти, делая вид, что никак не может найти свою чашку. Крис ухмылялся, но Эрнест выпалил, потеряв терпение:

— Право же, это переходит все границы. Если бы мы платили по счетчику...

— Довольно, — прервал его мистер Бантинг. — Если уж в летнее время мы не можем сэкономить немного на свете, так зимой и подавно не сэкономим.

— Но ведь если бы мы платили...

— Оставь свои советы при себе, Эрнест. Будешь сам платить за свет — тогда жги, сколько влезет. Очень жаль, что при всей своей учепости ты никак не можешь добиться прибавки жалованья и не помогаешь мне спланировать кое-какие счета.

— Что это за скардинчество, — проворчал Эрнест. — Просто не видишь, что в рот кладешь.

— Замолчишь ты, наконец! — затрепет мистер Бантинг. Он окинул стол воинственным взглядом. Тотчас воцарилось молчание. Выпек и пожар застыли в воздухе, и в этой неестественной тишине миссис Бантинг чуть слышно проленетала:

— Джордж, прошу тебя!

— Да что это с вами со всеми? Перешептываются,

перемигиваются, посягают с какими-то планами, а на меня как на дурака смотрят!

Эрнест отодвинул тарелку, с парочным спокойствием поставил стул к стене и вышел из комнаты. У мистера Бантинга от изумления язык отнялся. Он споткнулся на полуслове, гневная речь его прервалась, и наступила тишина. Миссис Бантинг, наклонившись над столом, заглянула в оставленную Эрнестом чашку и прошептала: — Даже какао не допил! — Легкое позвякивание посуды о тарелки возобновилось, но никто не проронил ни слова.

Мистер Бантинг поймал себя на том, что прислушивается к звукам, доносившимся из соседней комнаты. Эрнест уже ушел из дома, он был в гостиной. Вот он поднял крышку рояля, вот опустил ее снова. Должно быть, слишком темно, не видно нот. Мистер Бантинг вдруг заметил, что в комнате темней, чем ему казалось. Но правде говоря, уже совсем стемнело. В эту пору всегда так; а когда садился за стол, было еще совсем светло.

— Я никого не хотел обидеть, — начал мистер Бантинг, — но Эрнест вечно лезет со своими замечаниями.

Никто не ответил. Джули донела какао и встала из-за стола. Проходя мимо мистера Бантинга, она вдруг поцеловала его в щеку.

— Ты старый медведь, панка. Настоящий посорог, вот ты кто.

Он быстро повернулся к ней — ему очень хотелось заглядеть свою резкость:

— Скажи Эрнесту, чтобы зажег свет, если хочет поиграть на рояле. Пусть сыграет «Лунную сонату».

Мистер Бантинг остался наедине с женой. Он встал и зажег свет. Они посмотрели друг на друга, и ему стало совестно.

— Боюсь, что эти деньги не принесут нам счастья, Джордж, — сказала миссис Бантинг, унося грязную посуду в кухню.

Из всех вздорных ханжеских выдумок, которыми идеалисты, пасторы и календары с изречениями на каждый день мучают простых смертных, самой глупой и самой

вредной была, по мнению мистера Бантинга, проповедь о том, что деньги приносят людям несчастье. Он этому не верил. И он не верил также, чтобы люди, распространявшие этот вздор, сами в него верили. Деньги делают человека счастливее: это ясно каждому здравомыслящему человеку.

Он готов был признать, что ожидание тысячи фунтов стерлингов пагубно повлияло на состояние умов в коттедже «Золотой дождь», но это произошло только потому, что домохозяды мистера Бантинга были лишены здравого смысла. Слишком уже много было разговоров, волнений, таинственности. С каждой утренней почтой на имя кого-нибудь из младших Бантингов прибывали объемистые пакеты — каталоги, проспекты и прочая ерунда. Миссис Бантинг со дня на день все больше погружалась в задумчивость, нервы самого мистера Бантинга были напряжены до предела, и весь дом превратился в гнездо раздора.

И все это с тех пор, как на горизонте появилась эта несчастная тысяча фунтов. В сущности, и тысячи-то не получится. Комиссионные Хаулэшу — огромная сумма, — затем всякие налоги, которые он по оплошности забыл включить в свою приходо-расходную смету. Это снова спутало все его расчеты.

Оставалось только ждать, пока закончится продажа. Дети, так те даже не скрывали, что только и ждут этого события. Об этом совершенно открыто было заявлено за столом и потом весьма поспешно повторялось еще не раз, словно импортские участки не были его личным достоянием, а неким кушем, совокупно сорванным его домохозядами на скачках. Миссис Бантинг ждала, когда она сможет осуществить свой план превращения Эрнеста в дипломированного бухгалтера; Джули ждала, когда к своим занятиям танцами она сможет присоединить овладение драматическим искусством, а Крис, повидимому, находился в стадии беспрерывной переписки с каким-то заокеанским университетом. Количество дешевых поддержанных автомобилей, появившихся за последнее время в гараже Ролло, стояло на грани фантастики. Мечты о покупке машины неожиданно начали казаться куда более реальными, чем месяц назад. За последнее

время неудобства, создаваемые отсутствием телефона, становились все ощутимее, тем более что все Джулины подружки обзавелись телефонами.

— Мне кажется, — задумчиво произнес Крис во время одного из очередных совещаний в гостиной, — он рассматривает эти деньги как свою личную собственность. И мы, по его мнению, тут ни при чем.

— Как так, его собственные дети — и ни при чем! — подоумеваяще отозвалась Джули.

— Да, в каком-то смысле именно так, — ответил Крис, стараясь изъясняться как можно понятнее. — А в каком-то смысле совсем наоборот. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Ничего не понимаю. Для чего же тогда дети, если не для того, чтобы все для них делать? Будь у меня дети, будь у меня их даже двадцать штук...

— Вон куда хватила! — прыснул Крис. — Смотри, тебя еще и замуж-то никто не возьмет.

— Все дело в том, — начал излагать свою точку зрения Эрнест, — что у отца неправильный взгляд на вещи. Он положит эти деньги на книжку из двух процентов годовых, а гораздо рациональнее было бы вложить их в будущность своих детей.

Он сделал паузу, заметив, что аудитория со вниманием прислушивается к его словам.

— Лучшее помещение капитала — это мозг его детей, это их способность добиться успеха в свободно избранной каждым из них сфере деятельности.

— Вот, вот, и я так думаю, — подтвердил Крис, на которого эти слова произвели большое впечатление. — В свободно избранной им сфере. Словом, ты хочешь сказать, что каждый должен заниматься тем, что ему по душе, а не банковской премудростью.

— Я готов выдать ему расписку, что обязуюсь вернуть все до последнего пенса, пусть только он даст мне ссуду, чтобы я мог стать дипломированным бухгалтером. Но если мама продаст свои табачные акции, ему совсем не придется на меня тратить.

— А как же расчет моей карьеры? — спросил Крис, прекрасно зная, что этих табачных акций не так уж много. — Я тоже хочу выйти в люди.

— Н я! — сказала Джули.

— В этом мире, — саргонциозно ответил Эрнест, — чтобы достигнуть такой цели, нужно за нее бороться. Н я к этому готов.

— Вот несело-то будет! — воскликнула Джули. Но у Эрнеста был чрезвычайно решительный вид.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Наконец продажа состоялась. В этот вечер мистер Бантинг должен был по дороге домой побывать у нотариуса. Поэтому после семейного чаепития посуду со стола убрали и постелили самую лучшую парадную скатерть, а на кухне готовились специальные блюда в виде миндального мороженого и омлета, издававшего несма соблазнительный запах. Хотя миссис Бантинг была не совсем уверена в уместности этого пиришества, все же она решила, что такой случай должен быть как-то отмечен. Она была в слегка приподнятом настроении, и все семейство было в приподнятом настроении; ее опасения уменьшились бы наполовину, если бы дети согласились уйти из дому, как она им советовала.

— Четверть седьмого, — сказал Эрнест, взглянув на часы. — Сейчас уже, наверное, все закончено. Подписано, скреплено печатью и вручено.

Для Эрнеста приблизилась решительная минута. Если отец, благополучно положив в банк нежданно-негаданно свалившуюся на него тысячу фунтов, попросту ему откажется помочь ему стать бухгалтером, он возненавидит его на всю жизнь. Он уже чувствовал, как эта мена-висть выпускает первые побеги, словно ядовитое растение, обвившееся вокруг его сердца. Что творится с ним последнее время? Он сам не понимал. Он все больше ожесточался и замыкался в себе, он ненавидел себя за те слова, что порой срывались у него с языка, и еще сильнее за другие, более жестокие, но невысказанные. После таких вспышек его мучили угрызения совести. Ему страстно хотелось пойти к отцу и сказать: «Поверь, папа, я ведь совсем не такой. Все дело в том, что я хочу что-то делать, хочу стать кем-то».

Сейчас вся его судьба была поставлена на карту.

Крис, розовощекий и веселый, сидел на диване, читая проспекты заочной школы, изрядно замусоленные после их обследования Ролло-младшим. Последний, кстати, их одобрил, заявив, что это вполне надежное дело; да и плата была всего-навсего пятнадцать фунтов. Это совсем не так уж много, совсем не то, что у Эрнеста, и тут нет никакой спешки; Крис все это объяснит старику, только бы выбрать подходящий момент. Пока нужно одно: поскорее устроиться в авиационно-конструкторское бюро, и благополучно развязаться с банком до экзаменов.

— Не забывай, — сказал он Джули, — ты уже выудила у него денешки на свою ритмопластику.

— Ну так что?

— А то, что не лезь и оставь, наконец, отца в покое, попрошайка.

— Крис!.. — возглас миссис Бантинг.

— Ручаюсь, что она придумала новую глупость и будет приставать с ней к отцу. Мы с Эрнестом хотим добиться карьеры.

— «Добиться карьеры», — фыркнула Джули. — Не удивительно, что ты провалился на экзаменах. Не умешь даже выразиться правильно.

— Господи, хоть бы вы все ушли куда-нибудь, — сказала миссис Бантинг в отчаянии. — Он только расстроится, когда увидит, что вы тут сидите и ждете. Именно это его всегда сердит. Ему все кажется, что вы только и думаете, как бы у него что-нибудь выпросить.

— Мне не нужно от него ни единого пенса, — объявил Эрнест. — Я прошу только ссуду.

— Потерпи поженого, голубчик.

— Я уже достаточно терпел. Больше не могу позволять себе эту роскошь. Мне не девятнадцать лет, как Криссу. Мне двадцать два года. Я и так уже ото всех отстал. Еще год-два, и мне вообще уже поздно будет за что-либо приниматься. — И он снова зашагал из угла в угол.

Шаги по дорожке, ключ поворачивается в замке. Мистер Бантинг вошел в комнату. По виду у него отнюдь не такой, какой должен быть у человека, получившего

тысячу фунтов, и это тотчас отмечено всеми; скорее можно предположить, что он только что распростился с этой суммой. Войдя в комнату, он не издал радостного взгласа, но приветствовал их торжествующей улыбкой. Нет, мистер Бантинг тяжело вздохнул, вешая шляпу, и, обернувшись к ним лицом, остановился с таким страшным, затравленным видом, словно он побывал в руках пестано. Мать, правда, говорила как-то, что ему очень туго приходится у Брокли, и они охотно верили, что это так, но, даже делая скидку на это, все же... все же не мог он разве проявить хоть чуточку радости при подобных исключительных обстоятельствах, ну хоть улыбнулся бы или сказал что-нибудь приятное. Да вымолвил бы, наконец, хоть слово.

Нет, он отстегнул воротничок, усталым движением, поглядя, надел его на бронзовую Психею и опустился на стул все с тем же видом мученика. Он даже не заметил, что специально для него сервирован чай. Он смотрел мимо стола в окно.

— Ты не подвязал эту рабинку, Эрнест?

Эрнест вздрогнул.

— Прости, пожалуйста, папа. Я сейчас пойду и подвяжу.

— Я подвяжу, — сказал Брис. — Где взять эту штуку, папа, чем подвязывают?

— Можете не утруждать себя, — успокоил их мистер Бантинг. — Я сделаю сам. По крайней мере буду знать, что сделано.

Миссис Бантинг метнула на Эрнеста предостерегающий взгляд за спиной своего супруга. Затем, поворотившись к нему, улыбнулась и спросила с самым непринужденным видом:

— Заходил ты к нотариусу, дружок?

— Заходил.

— Ну как, все в порядке?

— Да.

Мистер Бантинг помешал ложечкой чай и оглядел стол с видом человека, страдающего от несварения желудка. Он, повидимому, был недоволен купальнями, стоявшими перед ним. Он понюхал омлет и отодвинул тарелку в сторону, миндальное пирожное не пробудило в

нем никакого восторга. Так как кроме хлеба с маслом на столе больше ничего не было, он отрезал кусочек хлеба, но, как видно, только потому, что надо же было что-нибудь съесть.

— Джордж, ты что ж, не будешь есть омлет?

— Не хочется мне сейчас омлетов.

— Ну, а чего бы тебе хотелось?

— Ничего, вот чаю, — и он начал большими глотками отхлебывать чай. — Накрой-ка это миской, — сказал он, передавая тарелку с омлетом. — Останется на завтрак.

Бэптинги-младшие были опарашены; они переглянулись, они удивленно подняли брови, они пожали плечами, они безмолвно предлагали друг другу полюбоваться этим диким зрелищем. Прячет недоенный омлет! Помешался он, что ли, или нарочно корчит из себя скрягу, чтобы они не вздумали его о чем-нибудь просить? Щеки Эрнеста пылали от негодования, Джули хихикала, а Крис взирал на отца в полном недоумении.

Да, все-таки отец какой-то чудак, никуда от этого не денешься. У него явный заскок, какой-то комплекс. В груди Бэптингов-младших поднималась буря протеста. Почему он этого не может, того не может? Словом, почему он не может быть рассудительным, почему он не может быть, как все люди, как все другие отцы?

И вдруг он обернулся к ним. — Ну, чего вы все ждете?

Никто не ответил; все смущенно глядели на него.

— Чего вы ждете, я вас спрашиваю?

Столь решительное проявление родительского авторитета заставило их приземиться. Затем Эрнест вспомнил о взятой на себя роли предводителя восстания.

— Если ты в самом деле хочешь знать...

— Нет, нет, Эрнест; только не сейчас, — быстро прервала его миссис Бэптинг.

— Нет, пусть сейчас. Выкладывай. Опять бухгалтерия, так, что ли? Ты хочешь быть бухгалтером? Так, да? Ну? — повторял мистер Бэптинг, раздражаясь все больше и больше.

— Да, совершенно верно.

— Прекрасно, так ты им не будешь, — объявил ми-

стер Бантинг, и самый топ его говорил без слов: «Решено — и баста».

— Ты хоть бы выслушал Эрнеста, милый.

— Надоело мне слушать всякий вздор об этой бухгалтерии.

— Да почему же, Джордж? Почему ты против? Ты ведь хочешь, чтобы мальчики вышли в люди?

— Давно уже этого жду. Только пока что-то ничего не вижу. Да и не особенно надеюсь увидеть. Вот посмотри на Криса. Что это торчит у тебя из кармана, Крис?

— Курс по авиастроению.

— Ну вот, пожалуйста, — сказал мистер Бантинг. — А он работает в банке.

— Вот в этом-то и все дело! — воскликнул Эрнест. — Никто из нас не выбрал себе профессии. Я хочу заниматься бухгалтерией. Я чувствую к этому склонность. Это мое призвание. Почему бы мне не попытаться счастья?

— Потому, — ответил мистер Бантинг, отчеканивая каждое слово, — что нам это не по карману.

Все дружно ахнули от возмущения.

— Нет, нам это по карману, — заявил Эрнест. — Я уже все подсчитал.

— О господи! Сил моих больше нет, — пробормотал мистер Бантинг, оттолкнув от себя чашку и растерянно озираясь.

— Вот послушай, папа. Тысячу фунтов ты получаешь за лондонские участки, да у тебя остается еще арендная плата с коттеджей. Затем твоё жалованье, табачные акции и то, что у тебя есть в государственных процентных бумагах. Теперь, если ты выдатишь оставшиеся двести фунтов по закладной... — Спокойно, уверенно Эрнест приводил цифру за цифрой, ярким светом своей молодой учёности озаряя финансовые дела мистера Бантинга. А мистер Бантинг сидел, пригвожденный к месту столь беспримерной пагостью сына. Он слушал Эрнеста, и глаза его темнели, щеки принимали пунцовый оттенок, и взрыв, казалось, был неминуем. Но взрыва не последовало. Измученный, опустошенный, уставший до предела от жизни, от своей семьи, мистер Бантинг ждал, когда Эрнест кончит свой доклад; затем он сказал:

— Ну, ты кончил? Все подсчитал и пересчитал?

— Мне кажется, ты мог бы хоть подумать над этим.

— Я уже сказал: нам это не по карману.

Для Эрнеста, как и для всех остальных, стало ясно, что отец уперся на своем и никакая сила не сдвинет его с места. Он отказывался рассуждать здраво или прислушиваться к здравым доводам. Он огорождался со всех сторон и отражал все нападения, туго, как затверженный урок, повторяя одно и то же.

— Право же, Джордж! — запротестовала миссис Бантинг, давая понять, что даже с ее точки зрения он немного хватил через край.

— Ах, ты просто скуп! — разбушевался Эрнест. — Ты не хочешь ничего для нас сделать. Я прошу не только для себя. Для Криса тоже. Но тебе совершенно наплевать, если мы так и проторчим всю жизнь на этой убогой работе с этим убогим жалованьем. Ты вечно твердишь о том, как тебе трудно сводить концы с концами, а сам зарабатываешь куда больше, чем сможем мы когда-нибудь зарабатывать там, куда ты нас запихнул.

Красный, разгоряченный, он, наконец, умолк, а мистер Бантинг, чуть побледнев, спокойно слушал его выкрики, и рядом с несдержанной запальчивостью Эрнеста это спокойствие и выдержка мистера Бантинга особенно бросались в глаза, придавая ему какой-то оттенок благородства, которого до той поры никто в нем не замечал. Он молча сидел за столом, к жалету у него прилипли крошки, и когда он заговорил, в голосе его не слышно было гнева.

— Совсем не в этом дело, Эрнест. Ты вот говоришь, что у нас есть то и у нас есть это и еще мой триста двадцать в год. Ну, так у нас их больше нет. С Брокли все покончено. Сегодня меня рассчитали.

И в мгновенно воцарившейся тишине мистер Бантинг наклонился вперед, опершись руками о колени, голова его упала на грудь, и по телу его прошла дрожь. Дети услышали какой-то прислушенный звук — не то вздох, не то всхлипывание, — звук, который совершенно переносимо было слышать. Крупная слеза упала на пол между его ног.

Потрясенные, не проорав ни слова, Эрнест, Крис и Джули торопливо вышли из комнаты.

В два часа ночи мистер Бантинг сел на постели, возникнув из своих «обившихся» простынь, как Венера из пены морской. О сие нечего и думать. Он вглядывался в темные углы комнаты, как в погруженный во мрак зрительный зал. Утренняя сцена с Вентнором в который уже раз сызнова разыгрывалась в его воображении. Сцены, собственно, никакой не было — именно поэтому мистера Бантинга так и корчило при одном воспоминании. Все произошло очень быстро и как-то невзначай, а главное, без его участия: сам он играл в этом эпизоде совершенно пассивную роль.

Обычная утренняя ауденция была окончена, и мистер Бантинг уже собирался удалиться, когда голос Вентнора остановил его у самого порога, он уже взялся было за ручку двери.

— Кстати, Бантинг, — небрежно произнес этот голос, — с послезавтрашнего дня мы больше не нуждаемся в ваших услугах.

Мистер Бантинг обернулся, блззоруко вглядываясь в говорившего. Да нет, не может быть, таким небрежным тоном говорят только о каких-нибудь ничеге не значащих, будничных пустяках. Конечно, он ослышался, чего-то не понял.

— Как вы сказали, сэр?

Теперь голос резал его слух, как скрип ножа по тарелке.

— С послезавтрашнего дня вы нам больше не нужны. Я предупредил кассира.

Вентнор с самым демонстративным видом обратился к своим бумагам. Он, казалось, совершенно не замечал ни растерянного взгляда мистера Бантинга, ни его назойливого торчания у дверей. Мистеру Бантингу вдруг показалось, что он неожиданно превратился в пустое место. В горле у него запершило, он откашлялся и произнес:

— Слушаю, сэр.

Сила привычки принудила его к этому. Теперь он уже был за дверью. Позвольте, что Вентнор сказал? Не нуждаются в его услугах. Не может быть! Мистер Бантинг остановился посреди коридора. Вернуться? Переспросить?

Все же поги коо-как донесли его до двери и вниз по лестнице. Ничего не соображая, как слепой, добрал он через отдел к своему закутку и, опустившись на стул, сразу весь обмяк. Беспорядочно проносившиеся в его голове мысли постепенно начали оформляться, приобретать некоторую последовательность.

«Вы нам больше не нужны...» — Он вдруг понял, наконец; эти слова, как волна прибоя, обрушились на его мозг.

— «Уволен»! — Это было словно весть о чей-то внезапной смерти, рассудок не принимал ее. И все же это свершилось. Вот так — мимоходом, без всяких видимых оснований, даже без всяких объяснений. Мистер Бантинг встал со стула и зашагал по крохотному пространству своего закутка. «Он не смеет это сделать», — возмущенно стучало в его мозгу. И все же он это сделал — не поднимая шума, легко, уверенно, спокойно. Вот, значит, как получают расчет. Точно ему показали, как ловко и искусно можно вешать людей.

— Слушай, Кордер! — крикнул он, привалясь в отдел ковров, чтобы поделиться с другом этой ужасной новостью. — Меня уволили.

Кордер, скатывавший зеленую дорожку, прервав свое занятие, медленно выпрямился и без труда прочитал на лице мистера Бантинга следы пережитого им потрясения.

— Вот что! — проговорил он, наконец, негромко.

— Да, да, вот сию минуту. Послезавтра могу убраться на все четыре стороны. — Он умоляюще посмотрел на Кордера. — Что же мне делать, Джо?

— Вонтор! — негромко произнес Кордер, обращаясь не столько к мистору Бантингу, сколько к зеленому рулону дорожки. — О негодяй, проклятый негодяй! Что ж теперь делать? Юппы с мужичками стоят уж вровель. Я очень огорчен, Джордж. — Он крепко стиснул руку своего приятеля.

Тут чувства, распиравшие мистера Бантинга, вырвались наружу. Верхняя часть его жилетки начала бурно вздыматься и опускаться, лицо сморщилось, и все черты расплылись, как растаявший воск.

Кордер провел его в свой кабинет и притворил дверь.

Но вот он появился снова с красными, опухшими глазами, — любопытное зрелище для окружающих. В уборной он умылся и побыл еще некоторое время в полном одиночестве, пока, как ему казалось, все следы волнения не исчезли с его лица. Так протекли самые горестные минуты его жизни.

Теперь он лежал в постели. Лежал и, не отрываясь, глядел в темноту, а воображение снова разворачивало перед ним картину за картиной, разукрашивая их все новыми трагическими подробностями. Время от времени рука жены тесней обвивала его плечи.

Он откашлялся и заговорил.

— Нужно будет завтра же приняться за дело — переконать газон.

— Зачем, Джордж, голубчик?

— Насажать овощей. Картошки. Чтоб было что есть.

— Да мы и так не умрем с голоду.

Его поразила эта удивительная бесечность. — Нужно подумать о детях. Как мы сведем концы с концами?

— Ничего, проживем.

— Тебе легко говорить — «проживем», — возразил он с оттенком раздражения. — Но как?

— Спи, милый. Старайся не думать.

— Нет, ты скажи, как? — настаивал он. — Я должен думать. Мы не можем полагаться на мальчишек. Они, видно, ничего не в состоянии заработать. Никакой-то в них энергии, никакой предприимчивости. Я просто не знаю, что будет. — И он беспокойно ворочался в постели, переворачиваясь с боку на бок и проклиная вполголоса все время сбывавшиеся простыни.

— Можно бы открыть небольшую торговлю скобяным товаром, — проговорил он вдруг, раскрывая ход своих мыслей.

Досада на себя за проявленное малодушие снова начала его терзать. Все слова, которые он мог бы сказать и не сказал, назойливо вертелись в его мозгу. Он сжал кулаки, все тело его напряглось.

— Чорт возьми! Хотел бы я...

— Тихо, тихо, милый. Не мучь себя понапрасну. Постарайся уснуть.

Мистер Бантинг испустил утомленный вздох и нехотя

откинулся на подушках. Успнуть! Смешно... Как может он уснуть! Но разве ей или вообще кому-нибудь это втолкуешь? Он одинок, совершенно одинок.

— Атлас! — пробормотал он. — Титаны терпеливости принимают удары, что назначены слабейшим. Титаны терпеливости. В самую точку; нельзя выразиться точнее. Ах, Кордер знает, он все понимает, Кордер. — И, с печалью думая о Джо Кордере, мистер Бантинг, наконец, крепко уснул.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИСТЕР БАНТИНГ В РОЛИ ЗРИТЕЛЯ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Было что-то сугубо английское в том, как семейство Бантингов встретило разразившуюся катастрофу, хотя сам мистер Бантинг приписывал это просто недостатку здравого смысла. Прежде всего они, повидимому, толком даже не понимали, что их действительно постигло несчастье, и во всяком случае не были им чересчур подавлены. На следующее утро все (за исключением самого мистера Бантинга) с обычным благодушием усадились за стол, разговоры велись о чем угодно, только не об этом неожиданном повороте фортуны. Такие единодушные усилия игнорировать неприятную действительность были, по мнению мистера Бантинга, совершенно неуместны. Столь же неуместной казалась ему и царившая за столом веселость; все это заставило мистера Бантинга сомневаться, обладают ли его дети достаточными умственными способностями, чтобы оценить серьезность положения. Только трагически неумолимый ход событий, которые — он ясно это видел — надвигались на них черной тучей, мог открыть им глаза.

Все же он нашел нужным обратиться к своим сыновьям с небольшой речью о необходимости улучшить свое служебное положение. Это, сказал он, очень существенно, абсолютно необходимо и должно быть сделано во что бы то ни стало. В ответ они понимающе кивнули, повидимому, проникшись сознанием, что этим действительно следует заняться.

Когда они ушли на работу, мистер Бантинг с сосредоточенным видом ноги, приступающего к процессу само-

углубления, пришлось обдумывать свое отчаянное положение. Его раздумья были, однако, прерваны в самой ранней стадии возгласом миссис Баггинс, хлопотавшей по хозяйству:

— Ну что пользы так упивать, Джордж? Все равно ничего не поделаешь. — И она посоветовала ему «немного прибодриться».

Он громко рассмеялся.

— «Прибодриться»! Когда все это на нас падается!

Что именно «все это», он и сам точно не знал. Воображение рисовало ему мелодраматические картины бедности: потухший очаг, пустую кладовку, комнаты, из которых вынесена вся мебель. Он видел все это и пропитался смутным страхом перед грозящими лишениями и позором и перед последующей окончательной нищетой. Сколько раз приходилось ему видеть, как подобные несчастия обрушивались на голову когда-то состоятельных людей. В эти первые дни после своего увольнения он был словно загипнотизирован страхом и не мог лаять в себе мужества обуздать его и спокойно обдумать свое положение.

Только железным усилием воли удалось ему заставить себя выйти из дома и предстать перед населением поселка в новом для себя качестве праздного человека. Он заранее чувствовал ужасную awkwardness при одной мысли о предстоящих встречах. Но обстоятельства сложились так, что ему не пришлось рассказывать никаких небывд. Сосед-полковник, увидев его на улице, перебежал через дорогу, чтобы позвать ему руку и поздравить с заслуженным отдыхом. — Ваша жена сообщила мне. Теперь мы сажаем розы и читаем Омар Хайяма? Лучший удел человека! — Миссис Оски тоже поздравила его: он правильно сделал, что послушался совета своей супруги. Настор остановил его и заметил что-то насчет «бремени и тягот нашей жизни». Все это было очень неожиданно, и он не был уверен, что его ответы всегда попадали в точку, но во всяком случае это было приятно — при условии, конечно, что он сумеет и дальше выдержать марку.

В первые недели его праздного существования очень много времени у него ушло на то, чтобы освоиться со своим положением и предугадать час, когда должна бу-

долг состояться его решительная схватка с судьбой. Его стол подрывлен счетами, банковскими книжками, пачками акций и приходе-расходными сметами. Закладная была выкуплена, платить за Джули в школу больше не требовалось, и вопрос о дорогостоящих карьерах тоже, наконец, отпал. Денег, вырученные им за продажу земли, он положил на книжку из четырехпроцентов годовых, и у него еще оставалась арендная плата за коттеджи. Подоходный налог платить не придется, за дом тоже. Платить ничего не надо, кроме обычного налога на недвижимость. Когда он несколько прояснившимся взором окинул эту картину, она совершенно неожиданно показалась ему в общем не столь уж мрачной. Его дела были значительно лучше, чем он предполагал. Правда, до той поры, пока сыновья станут на ноги, все время будет происходить небольшая утечка капитала, но, как бы то ни было, мистер Балтинг видел, что он может выдержать дантильскую осаду.

Было бы несправедливо утверждать, что мистер Балтинг был огорчен этим открытием, но оно его слегка удивило. Не раз замечал он с некоторой гордостью, что в самых важных житейских вопросах он обычно оказывался прав. Уже много лет подряд он твердил, что находится на краю банкротства. Вначале он говорил так из педагогических соображений, но затем столько раз это повторял, что и сам тому поверил. Непривычная мысль о том, что он является, в скромном масштабе, человеком обеспеченным и может делать, что ему угодно, — если не считать его обязанностей перед сыновьями, — первое время никак не укладывалась у него в голове. Но ведь вот цифры. Он позвал миссис Балтинг, и она подтверждала их правильность. Она и сама пришла к сходным выводам, произведя такие же вычисления в уме. Они про- живут.

— Да, но только-только, — сказал он, вспомнив про неотвратимую утечку капитала. — Теперь дело за мальчиками. Неужто они не могут хоть немного встряхнуться? Что, у них совсем нет самолюбия, что ли?

— Я уверена, что они постараются, милый.

— Посмотрим, — заметил мистер Балтинг не слишком оптимистическим тоном.

Так-то вот, подводя время от времени итог домашних приходов и расходов, мистер Бантинг понемногу воспрянул духом, и, пока дни текли за днями, в его духовном облике произошла перемена — из уволенного служащего он превратился в удалившегося на покой бизнесмена. Настор был прав — он долго нес тяготы и бремя жизни и заслужил отдых и покой. Осенью его частенько можно было видеть в саду — загорелого толстенького человечка в одной жилетке и продырявленной садовой папаве, причем особенным не занятого. Необходимости превращать газон в картофельное поле так и не возникло; у газона урвали только весьма скромную полоску земли как опытное поле для выращивания грибов. На самодельной скамейке, придавленный сверху камнем, обычно лежал очередной номер «Любителя-садовода», а фигура мистера Бантинга, вооруженного садовыми ножницами (не фирмы Брокли, но тем не менее превосходного качества), виднелась около розовых кустов, которые аккуратно подрезались согласно указаниям вышеупомянутого авторитетного периодического издания. Мысли о палого и домашних расходах, правда, порой проносились в его мозгу, как скворцы, случайно залетевшие в амбар, чтобы тотчас оттуда выпорхнуть, но больше всего его одолевала забота, как поить Оски в разведении гибридов. От вопроса о том, как свести концы с концами, он мало-помалу отстранялся, решив, что это касается прежде всего его сыновей и в особенности Эрнеста. С течением времени он усвоил роль иронически настроенного зрителя, который наблюдает, как хлопочут его дети, воображающие, что они лучше сумеют устроить свои дела, чем он когда-то сумел это сделать для них. Ну, что же, на здоровье, пусть продолжают в том же духе.

Итак, вообразите себе мистера Бантинга, когда он, решив, что оставшиеся розовые кусты могут и подождать, и удобно развалившись на садовой скамейке под недавно сооруженным самодельным папесом, вытирает выступившие на лбу капельки пота. Он выкурит трубочку, приятно вздремнет, а там, глядишь, подождет четырехчасовый чай — весьма приятное нововведение последних дней. Но вот сверху, из окна джулиной спальни, нарушая его дремоту, доносится металлическое

«Клик-клик», перемежаясь с глубокомысленными паузами и прерывистым треском знопочка: Джули упражняется на ливнушей машинке, которую Крис раздобыл для нее из роуловского гаража. Время от времени мистер Бантинг слышит, как каретка с треском проскакивает до конца строки и там безнадежно застревает. Этот дефект проистекал от того, что машинка в свое время была оборудована специальным глушителем системы Ролло-Бантинг, за счет удаления некоторых существенных частей механизма. Мистер Бантинг беспокойно ерзает на скамейке. Немыслимо ни спать, ни думать, ни даже покурить с приятностью, когда у тебя над головой устраивают такой содом. А сейчас еще Джули крикнет ему, чтобы он поднялся наверх, прихватив с собой отвертку.

— Слушай, — воззвал он к миссис Бантинг, появляясь у кухонного окна. — не можешь ли ты сказать Джули, чтобы она прекратила этот адский грохот?

— Она же готовится поступить в контору, Джордж. Ей необходимо практиковаться.

На это трудно было что-нибудь возразить.

— Удивительное дело, вечно-то она подгадывает так, чтоб помешать мне соснуть после обеда, — ворчит он.

Разве от них дождешься хоть капельки внимания к человеку, который так долго нес тяготы и бремя жизни.

Для Эрнеста, принужденного внезапно отказаться от надежд на приличную карьеру и заняться низменным делом выколачивания лишнего фунта в неделю (к чему отец неустанно его поуждал), наступили дни тяжких разочарований. Все, с такой любовью выпошенные им жизненные теории, разом рухнули.

Так, к примеру, он был страстным почитателем бродяжков, кратко озаглавленных «Успех». Он верил в практическое применение законов психологии и в пластичность внешних обстоятельств жизни. Чтобы добиться успеха, вы должны отчетливо вообразить себя поживающим плоды этого успеха, вы должны утверждать себя, должны верить в силу своей воли.

Эрнест верил, верил со страстью. Он считал, что обладает пезаурядной силой воли. Он утверждал парой, что

излучает успех, и старался внушить себе уверенность в своих силах, принимая уверенную осанку и решительное выражение лица. На сон грядущий он всякий раз известным образом настраивал свое подсознание так, чтобы и во сне продолжалось совершенствование его духа, каждая клеточка его мозга была пронизана непреклонным стремлением во что бы то ни стало добиться успеха на бухгалтерском поприще.

Ведь так хорошо все складывалось! Продажа линнортовских участков, остаток в восемьдесят фунтов после уплаты по закладной и так удачно сделанное им открытие «Старейшей школы бухгалтеров» — почему происходят подобные благоприятные стечения обстоятельств? В таких случаях обычно говорят о совпадениях, но ведь никаких совпадений не существует. Мысль воздействует на события. В позитивном мышлении есть магнетизм, который все подчиняет воле мыслителя.

И вдруг внешние обстоятельства упрямо и грубо выли из повиновения и опрокинули все теории прикладной психологии. Мистера Бантинга выгнали со службы, и семья оказалась в довольно затруднительном положении. Вопреки всем психологическим закликаниям шансы Эрнеста стать дипломированным бухгалтером сразу свелись к нулю.

Но он не был обескуражен. Правда, от бухгалтерии пришлось отказаться, но другие пути были открыты для него. Иной раз возникающие на первых порах препятствия только подстегивают предприимчивых людей, заставляя их с тем большей энергией добиваться успеха собственными силами. Брошюры, озаглавленные «Успех» (а надо сказать, что Эрнест не совсем от них отсекся), были полны подобных примеров: люди начинали с пустяков, используя потребность в каком-либо самом обыденном предмете, и сколачивали капитал тем, что поставляли этот предмет публичке. Состояния наживались самыми неожиданными способами: торговлей открытками, разведением бабочек, выращиванием сортового клевера, поставкой конторских полотенец, — ну, словом, на тысячу ладов. Даже здесь, в Килворте, имелось предприятие по снабжению ресторанов чищенным картофелем. Непочатый край прибыльных запятых.

К своему безграничному удивлению, Эрнест был не в силах ни одного для себя придумать.

Он составил письменный перечень своих талантов, но всегда «лучше умел думать на бумаге». Получилось следующее: он знает стенографию, умеет печатать на машинке, обладает хорошим почерком и может вести счетные книги. Умеет еще играть на рояле. Вот и все, и сколько он ни просматривал составленный им список, он ничего не мог к нему прибавить. Разумеется, в нем таились еще не раскрытые возможности; в их существовании он был глубоко убежден. При благоприятных обстоятельствах и известной свободе действий эти скрытые в нем качества могут проявиться. Но пока что ни один человек в мире, за исключением его самого, не подозревал об их существовании. Пишущая машинка, стенография, рояль — ну кого этим удивить!

Вот если бы ему посчастливилось попасться на глаза какому-нибудь принципиальному дельцу, человеку с положением, который ищет высокоодаренного юншу, чтобы приблизить его к себе в качестве доверенного лица. Эрнест был убежден, что существуют десятки и сотни крупных коммерсантов, которые, мысленно перебирая свой штат, — как сделал бы он сам, будь он крупным коммерсантом, — ищут молодого человека именно такого типа, как Эрнест, ищут и не могут найти. Вот почему в газетах так много пишут о том, что современная молодежь ни на что не годна. Но, предположим, Эрнест добьется свидания с таким дельцом; произведет на него благоприятное впечатление. Делец подумает: «Способный юноша, этот Бантинг. У него просто не было случая проявить себя». И, положившись на свою интуицию, даст ему эту возможность, и Эрнест проявит себя так, что превзойдет самые смелые ожидания. Такие случаи бывают, почему бы нет? Эрнест не видел никаких причин, почему бы этому не случиться.

И все же ничего пока не случалось; быть может, потому, что Эрнест не применял своих теорий на практике и не добивался свиданий с принципиальными дельцами, а вместо того проводил время в бесплодных и все более отчаянных попытках найти себе хоть какое-нибудь применение и почему-то ничего не мог найти. Он

читал объявления в газетах о различных вакансиях, но там требовались специальности, в которых он был несведущ; кроме того, наперед нельзя было знать, приведет это к чему-нибудь путному или нет. «Должно же найтись для меня какое-нибудь дело, — думал он. — Ведь мне это дозарезу нужно!» И он хмурил брови и думал, думал. Но ничего не находилось, решительно ничего, чем бы он мог заняться, чтобы помочь семье в тяжелую минуту.

Тогда его охватило отчаяние, он, распростившись со своими тщеславными надеждами, он ударился в другую крайность — впал в болезненное самоуничтожение. Он — неудачник, растяпа, ничтожная козявка. Контора городского управления — вот его лужаца, и в ней он будет барахтаться всю жизнь. Сможет только по временам высовывать оттуда нос и взирать на мир, где орудуют предприимчивые и волшебные молодые люди, поглощенные собой и своими делами. Молодые коммерсанты, архитекторы, поставщики, земельные агенты, люди, знакомые ему со школьной скамьи, никогда не отличавшиеся особым умом, но наделенные той напористой предприимчивостью, которой, он начинал это понимать, ему самому, к сожалению, так не доставало.

«Если бы отец помог мне начать, — размышлял он, и тут же себя одергивал: — Нет, теперь я должен действовать на свой страх и риск».

Результатом всех этих напряженных дум было нечто не слишком грандиозное, а именно объявление в «Килвортской газете», что Джордж Бантинг из коттеджа «Золотой дождь» проверяет торговые книги и составляет расчеты подоходного налога. Он показал его отцу и объяснил, что пришлось употребить «Джордж» вместо «Эрнест», так как Килвортское городское управление не одобряет, когда служащие занимаются побочным заработком, в особенности если они отбивают хлеб у членов управления.

Лицо мистера Бантинга сморщилось, словно ему супули в рот ломтик лимона.

— Опять бухгалтерия. Эрнест? Ты все еще носишься со своей бухгалтерией! Ты бы лучше занимался как следует своим делом и старался выдвинуться на работе.

— Я стараюсь найти какую-нибудь дополнительную

работу, чтобы нам было легче, — разъяснил Эрнест, уязвленный тем, как мало оценили его старания. — А у нас на службе прибавля ждать нечего.

— Ну, когда им попадается хороший работник, они и платят ему как следует, это везде так.

— Вовсе нет. Мы все на твердой ставке. Дойдешь до известной цифры, и дальше ни с места.

Но мистер Бантинг не жемал даже слушать такие неправдоподобные объяснения.

— Есть же у них управляющие, как во всяком предприятии. В каждой конторе, в каждом отделе должен быть управляющий. Ты ведь не станешь меня уверять, что в городском управлении все занимают одинаковые должности?

— Нет, конечно.

— Ну вот тебе и возможность. Чудно! Как это ты не видишь. Налегай на работу, налегай! Я знаю, Эрнест, это нелегко. Я сам через это прошел.

— Я уж и так налегаю, папа.

— Помни, что сказал поэт, — заметил мистер Бантинг, ухватив за хвост пиджак, промелькнувшую в его уме. — Великих удел достигать до вершин, но путь к ним проложат они все один. Их думы в заоблачных высях парят, пока их безвольные спутники спят».

— Я хочу только подбодрить тебя, — сказал он, встретив изумленный взгляд Эрнеста. — Нужно же что-то сделать, чтоб мы не завязли в долгах. И как можно скорее.

Из этого разговора Эрнест вынес убеждение, что в иных случаях его отец может быть самым тупоголовым человеком во всем Соединенном королевстве.

Но он твердо решил, что должен что-то предпринять. Когда-нибудь, как-нибудь он еще покажет себя. И, главное, будет действовать на свой страх и риск. Эта проверка торговых книг, которую он придумал, — это просто так, пока нет ничего лучшего. Потом, о, потом он займется другими, действительно серьезными вещами.

Крис стоял в нижнем перед туалетным столиком и энергично приглаживал шесткой волосы. Он знаком предложил Эрнесту притворять плотнее дверь.

— Послунай, Эрнест.

— Пу?

— Завтра утром у нас поднимется буча.

Эрнест, занятый расстегиванием жилетки, вопросительно вскинул глаза на брата.

— Я покончил с банком, — заявил Крис с таким возбужденным видом, словно хотел сообщить, что он его ограбил.

— Что?

— С банком Барклэй все покончено. Получил работу в гараже у Ролло. Для начала лишние десять шиллингов в неделю.

— Ты бросил банк? — Эрнест был ошеломлен.

— Чу да. Отец же сказал, что мы должны двигаться вперед, верно? Вот я и двинулся.

Эрнест заметил, что он взирает на своего младнего брата с чувством, похожим на восхищение. Быть может, Крис совершил непростительную глупость, но он, без сомнения, был одним из тех предприимчивых и волевых людей, которым Эрнест так завидовал.

Мистер Бантинг после завтрака просматривал «Сирену» и не сразу понял, что его ставят в известность о свершившемся факте. Ему показалось, что с ним просто советуются.

— Но я уже ушел оттуда.

— То есть как?

— Да так, ушел, и все, — сказал Крис. — Бросил банк.

Прошло несколько секунд, прежде чем мистер Бантинг уяснил себе, что его сын действительно сделал то, о чем он говорит, — не посоветовавшись, не спросив разрешения, даже не предупредив его, бросил банк Барклэя и сегодня утром уже приступает к работе в ролловском гараже.

Как только эта ошеломляющая мысль проникла в его сознание, наступила короткая, но ужасная пауза, во время которой лицо мистера Бантинга медленно багровело. Когда дар речи перешел к нему, его первые слова были столь образны, что миссис Бантинг пришлось напомнить о присутствии дочери.

Усилив воли он заставил себя говорить более связно: — Ты бросил хорошее место... погубил свое будущее?.. И все лишь ради того, чтобы торчать у бензиновой колонки? Одурач ты, что ли? И после всего, что я для тебя сделал! Какого чорта, спрашивается, я платил за тебя в школу?

— Но я буду обучаться технике, папа, и зарабатывать липких десять шиллингов в неделю.

— Технике!.. Накачивать шины и лепить заплатки — вот и вся твоя техника.

— Но послушай, папа, ты же сам всегда говорил, что мы должны быть более предприимчивыми.

Мистер Бантинг, все время шагавший из угла в угол, даже остановился. Он впери в Криса такой изумленный и пристальный взор, словно только сейчас новояд, какого, прости господи, болвана произвел он на свет.

— Ты что ж воображаешь, что проявил предприимчивость?

— Конечно. А разве нет?

Мистер Бантинг воздел руки к небу. — Хороша предприимчивость! Отказался от прекрасной карьеры...

— Ну, а избранная мной сфера, профессия инженера — чем плохая карьера?

Неожиданно промелькнувшая в словах Криса рифма, да еще в такой сугубо напряженный момент, рассмешила Джули; она прыснула, но тут же осеклась. Мать испуганно шикнула на нее. Мистер Бантинг бросил полозрительный взгляд в их сторону и вернулся к прежней теме.

— Бела, Крис, в том, — торжественно произнес он, — что у тебя нет никакого понимания... нет понимания... этого... ну, одним словом, у тебя нет понимания. Ты предпочитаешь возиться с автомобильными моторами, лишь бы не утруждать себя экзаменами. Тебя это тешит, сегодня это твой любимый конек. ну, а что будет завтра — об этом ты и не думаешь. Но помани мое слово: Цемезида тебя постигнет, и тогда ты сам поймешь, каким ты был ослом. Рабочий в гараже! После всего, что я для него сделал! — повторял он слова и слова. Он был не на шутку расстроен.

— Но теперь уж все кончено, папа, — сказал Крис, несколько смущенный вопиющим отцом. — Старый Лик

не возьмет меня обратно в банк. К тому же я уже купил комбинезон.

— *Fait accompli*¹, — вставил Эрнест.

— Пожалуйста, не остро, — свирено огрызнулся мистер Бантинг. — Все вы воображаете, что пивесть как умны и лучшие всех все знаете. Ну и живите, как хотите. — И, проворчав, что жизнь скоро их кое-чему научит, мистер Бантинг развернул, наконец, газету, не столько, впрочем, чтобы ее читать, сколько для того, чтобы под этим прикрытием продолжать свою воркотню.

— Не понимаю я отца, — задумчиво промолвил Крис вечером. — Сам вечно твердит, что мы должны двигаться вперед, а когда что-нибудь для этого сделаешь, начинает корчить из себя обиженного.

Но в гараже Ролло Крис был по-настоящему счастлив. Этот гараж был его излюбленным местом отдыха. Входить или выходить из мастерской гаража не как случайный посетитель, а как лицо, причисленное к штату и наделенное различными правами и привилегиями, вплоть до права управлять машинами, — большего он и не требовал от жизни. Теперь он носил синий комбинезон, и из кармана у него торчал гаечный ключ. Целыми днями он вдыхал запах машинного масла, резины и целлюлозы — специфический запах гаража, оценить который может только подлинный энтузиаст-автомобилист.

Гараж Ролло назывался «Первый килвортский гараж». При нем имелся огромный выставочный зал, где стояли новые автомобили — чудесные, ослепительно отполированные, безупречные со всех точек зрения. При одном взгляде на них Криса охватывал экстаз, как верующего при созерцании божества. В этих сказочных чудовищах дремали силы, которые можно было пробудить к жизни одним прикосновением пальцев, и тогда, послушные, бездумные, неутомимые, они помчат вас хоть на край света. Пределом мечтаний было иметь свой собственный «тозер-райт» стоимостью в 1000 гиней. На худой конец можно было бы обойтись и «бентли» или большим «райли». Да, по правде говоря, Крис был бы в восторге, имея он даже второсортный фордик или вообще любую работаю-

---

¹ Совершившийся факт (ф р а н ц.).

ную на бензине и способную к передвижению автоколымагу. Созерцая автомобили, стоявшие в выставочном зале, он испытывал священный трепет перед теми сверхчеловеческими умами, которые могли измыслить подобные чудеса. — Чорт возьми! — бормотал он в благоговейном восторге. — Красавцы!

В мастерской стояли старые, замызганные машины, в той или иной степени разобранные и распотрошенные. Самые сокровенные их части, известные до сих пор только по описаниям и чертежам, открывались его жадному взору. Здесь вы заглядывали в путо машины снизу вверх, словно из колодца. Машины висели над вами, поднятые для обозрения со всех сторон. Вас окружали станки, электросварочные агрегаты, промыватели, различные механизмы и инструменты в безграничном многообразии.

С таким местом службы, как гараж Ролло, банк Баркдэй не мог, конечно, идти ни в какое сравнение, ибо, как хорошо известно, в банке вообще нет никаких машин, если не считать за таковые пишущие и копирующие машинки. В гараже главенствовал неторопливый и всевидящий, облаченный в твидовый костюм мистер Ролло — существо спокойное, терпеливое и рассудительное. Если вы сообщали ему о каких-либо поломках или других убытках, он не вскакивал с места, как безумный, и не начинал бегать по гаражу с воплями, что его разоряют, как сделал бы мистер Бэнтинг; нет, он только кивал и спокойно продолжал заниматься своим делом. Если ему говорили, что он заключил выгодную сделку, он не проявлял неумеренного восторга, не пытался вынуть из кармана, что он гений деловой изворотливости; он так же невозмутимо кивал и, как ни в чем не бывало, продолжал заниматься своим делом. Поистине это был поразительный человек. Он был наделен самообладанием и чувством меры и умел воспринимать жизнь с безмятежным спокойствием. Крис восхищался им превыше всех других людей в мире и твердо решил взять его себе за образец. В частности, он очень завидовал способности мистера Ролло целый день курить, по выпуская изо рта толстую чужую сигару.

Его поражало, что Берт не находил ничего примечательного в своем отце и считал даже, что в некоторых

отношениях ему далеко до мистера Бантинга. Берт весьма неприступно позволял себе критиковать его деловые приемы.

— Уж очень он косящий человек, — заметил как-то Берт. — Не понимает до сих пор, как в нашем деле важна реклама.

— Какая реклама, Берт?

— Ну что ты, не знаешь, какая бывает реклама? Методы высокого давления. Здоровый, крепкий напор. Как у американцев. Всякий понимает, что в наше время нельзя вести ни одного дела без рекламы.

— Но мне кажется, у вас дело идет совсем неплохо.

— Да поди ты к черту, американцы просто подняли бы нас насмех с нашей выставкой. Перцу в ней нет, вот что. Даже ни одной световой рекламы! А говорить с ним — только зря время тратить. Ни за что не признается, что дело идет не так, как надо. Ничем не интересуется, кроме своего крикета.

Ролло-младший был не более высокого мнения и об остальных членах своей семьи. Взять хотя бы его сестру. Крис отнюдь не принадлежал к разряду дамских угодников, готовых бегать за каждой юбкой, но сестра Берта Ролло, вне всяких сомнений, была девочка хоть куда. Крис чувствовал, что он никогда не забудет свою первую встречу с ней, — в его жизни это было событие. Как-то утром — он уже несколько недель работал тогда у Ролло — он зашел в выставочный зал посмотреть только что полученную «лагодну» и неожиданно натолкнулся на незнакомую девушку. Прежде всего он заметил, что эта девушка выглядела, как настоящая кинозвезда. Любая королева карнавала показалась бы рядом с ней просто гусыней. У нее были ослепительно желтые волосы и сверкающие шелком ноги, и она вытирала тряпкой «лагодну» с небрежно-аристократическим видом. Крис наблюдал за ней с таким напряженным вниманием, что даже забыл полюбоваться на чудесный обтекаемый радиатор «лагоды». Девушка поставила стройную ногу на подножку и, тряхнув локонами, продолжала грациозно начищать машину. Крису было ясно, что она совершенно не замечает его присутствия.

— Послушай, — взволнованно прошептал он, схватив за рукав проходившего мимо Ролло-младшего, — это кто такая?

Берт посмотрел в указанном направлении. Его взгляд был устремлен через самое дальнее окно на улицу. Прошло некоторое время, пока он уразумел, наконец, куда смотрит Крис. Тогда он перевел взгляд на более близкие предметы.

— Ах, это! — воскликнул он. — Да это наша девочка.

— Как? Твоя сестра?

Берт утвердительно кивнул. От него по укрылся странный взгляд, которым Крис смотрел на его сестру. Это его смутило, так как он всегда остро чувствовал недостатки своих родственников; он послешил предупредить неизбежную, как ему показалось, критику по ее адресу:

— Не обращай на нее внимания, — сказал он пзвняющим тоном. — Она у нас немножко того...

Крис же сразу освоился с мыслью, что эта ослепительная красавица — сестра Берта, о которой он знал только то, что она учится где-то в городе и живет в школьном пансионе. Крис привык думать, что отсутствующая сестра Ролло-младшего была существом низшего порядка и не шла ни в какое сравнение с другими девушками. Он даже немного жалел Берта, которому так не повезло с сестрой, хотя, если уж на то пошло, то и ему по поводу Джули не было оснований особенно задирать нос. Сейчас Крис пытался выяснить, нет ли у Берта еще другой сестры или это та самая и есть, только в паружности ее почему-то произошла чудесная перемена. Да, это она и есть, единственная сестра Берта, возвратившаяся домой из пансиона.

Невольно возникала мысль, что в некоторых отношениях Ролло-младший явно туповат.

— Да, реклама, — продолжал между тем Берт. — Нужно шагать в ногу с веком. Если бы я заправлял всей этой лавочкой, хо-хо!..

И Берт с жаром начал рассказывать, как он к чорту разломал бы этот курятник и какой бы он отстроил новый гараж, весь сплошь в электрической рекламе,

залитый ослепительными огнями, точ-в-точь, как тот лосанжелосский, которым он любовался на обложке журнала.

— Я бы все здесь перетряхнул. Все бы повернул по-новому. Тебе бы, конечно, поручил всякие там гроссбухи, ведь ты все же, как-никак, работал в банке. Мне самому исохота с ними возиться, а нашей девчонке тогда не справиться.

— Ты имеешь в виду свою сестру? — Крис постарался придать вопросу как можно более небрежный оттенок.

— Угу. Сейчас она этим занимается.

Крис решил, что ему представляется удобный случай удовлетворить свое любопытство.

— Кстати, как ее зовут, Берт?

— Бого? Ее? — Натужившись, сдвигнув брови, Ролло-младший отвиливал гайку. На мгновение эта операция поглотила все его внимание. — Будь она проклята, эта резьба в левую сторону. Ну-ка, будь другом, капни мне сюда немножко керосину.

Крис капнул и ждал, когда же Ролло-младший ответит на заданный ему вопрос. Но, повидимому, он совершенно улетучился у него из памяти, и Крис не знал, как ему слова об этом заговорить, не уронив своего мужского достоинства. Это было глупо, Крис сам это чувствовал, и в душе ему было даже стыдно, но он испытывал непомерное, ничем не объяснимое желание во что бы то ни стало узнать ее имя. С того самого дня он непрестанно думал об этом. В конце концов у нее могло быть самое заурядное, а то и вовсе безобразное имя, что-нибудь вроде Клары или Роды. Впрочем, какое это имеет для него значение?

— Вот где можно денежки лопатой отгребать, — продолжал молодой Ролло, — это если изобрести какое-нибудь новое приспособление. Вроде, например, щетка от голнца. Тот, кто его выдумал, здорово набил себе карманы. А ведь знаешь, я сам об этом думал. Честное слово, еще за год до того, как его пустили в ход. Я как раз лежал в это время с ангиной. Только я тогда не занялся этим как следует.

Он задумался над упущенной возможностью.

— А я хотел бы заняться продажей автомобилей, — сказал Крис.

— Вот еще одна область, в которой мы здесь безобразно отстаем, — сказал Ролло-младший, откладывая в сторону гаечный ключ. — Это наше английское «хотите — берите, хотите — нет» ни к чорту не годится. Американцы, так те торговлю превратили в науку. У них даже специальные колледжи есть. Ты думаешь, в американском гараже могло бы стоять столько непроданных машин? Нет, сэр, уж там что-нибудь да придумали бы. Но старик ни бельмеса не смыслил в научных методах торговли. Он думает, что тот, кому нужна машина, сам за ней придет, а ему надо только сидеть и дожидаться.

Он сообщил об этом Крису как о предельной глупости, как о каком-то беспримерном недомыслии. Крис поддакнул, хотя он не совсем понимал, что же другое надо делать мистеру Ролло.

— Но послушай, Берт, ведь если человеку не нужна машина...

— Ага, в этом-то все и дело! Ты должен сделать так, чтобы она стала ему нужна. Ты должен заставить его купить.

— Да как же ты его заставишь, если он не хочет?

— Вот об этом самом я тебе и толкую. В этом и состоит искусство торговли. Чорт, неужели ты не понимаешь, Крис? Всякий дурак сумеет продать машину тому, кто хочет ее купить. Нет, ты сумеешь продать независимо от того, хотят ее покупать или нет. В этом-то вся штука.

Он взъерошил волосы, сидясь выразиться как можно ясней.

— Американский агент по продаже — я говорю о настоящем, сто процентном знатоке своего дела — не беспокоится о том, хотят покупать его товар или нет. Даже наоборот, если покупатели хотят купить, так ему уже скучно иметь с ними дело, и он поскорей заканчивает с ними сделку. Он хочет заставить их хотеть. Тогда он берет их приступом и продает им свой товар.

— А я не понимаю, как он это делает?

Ролло-младший взглянул на него, начиная терять терпение.

— Так ведь об этом же я тебе и толкую. На то он и есть настоящий торговый агент. В этом и заключается искусство торговли. Я дам тебе почитать одну книжку. Она тебя кое-чему научит.

— Мне кажется, я мог бы продавать машины, — сказал Крис и погрузился в размышления. Агенты получают жалованье и комиссионные. По словам Бerta, они зарабатывают сказочные суммы, особенно в Америке.

— Я думаю, что нужно понимать толк в автомобилях. И в людях, — продолжал Крис, подводя итог своим размышлениям.

— Разумеется, — нетерпеливо подтвердил Ролло-младший. — Но нужно еще овладеть искусством торговли.

В этот вечер, уходя дочей, Крис пахнул себе все карманы рекламными брошюрками различных автомобильных фирм. Он прихватил также с собой «Искусство торговли» Гомера Цейса (цена 50 центов) — превосходнейшую книгу, если не считать некоторой похватки страниц, израсходованных мистером Ролло на прикуривание вместо спичек. Крис взялся за изучение этой литературы с несколько смутными для него самого намерениями. Вернее даже, он вообще не рассматривал это как «изучение», во всяком случае не в том смысле, какой имеет это слово в применении к трудам Теофилауса Уокера. Будь это иначе, он, конечно, быстро бы сдался. А так ему было очень интересно знакомиться с различными особенностями автомобильных марок и узнавать, за что именно дерут с вас лишнее. Агент должен, конечно, знать все эти штуки, и Криса немалогоу все больше увлекала идея сделаться агентом по продаже автомобилей.

Каждый вечер он усаживался в гостиную, обложившись автомобильными прейскурантами. Подойдя к нему, вы могли услышать невинное однотонное бормотанье: «Модель с четырьмя дверцами — на семь фунтов дороже. Цвета — черный, серый или красновато-коричневый. Четырехцилиндровый или». Он твердил все это снова, и снова, и снова, с таким же упорством, как Эрнест

когда-то свои гаммы. И когда мистер Бантинг, несколько утомленный после проведенного в саду дня, входил в комнату, располагая с приятностью почитать «Стар», его встречало это монотонное, упрямое повторение автомобильных терминов. Он шужно шелестел газетой и выгибался из-за нее, чтобы показать, что ему мешают.

— Что это ты там бормочешь, Крис? — не выдержал он, наконец.

— Я изучаю методы торговли, папа.

— Изучаешь... что ты изучаешь? Я думал, ты собираешься стать инженером.

— И я собираюсь, — весело ответил Крис.

— Ты не пробыл еще и месяца на этой работе, — сказал мистер Бантинг истерично, — а уже придумал что-то новое.

— Да вовсе нет, папа. Это же автомобильное торговое дело.

Мистер Бантинг легонько стукнул кулаком по столу.

— Это ничего не меняет. Инженерное дело — это одно, а торговля совершенно другое. Неужели ты не можешь на чем-нибудь остановиться?

— Ах, папа, ты не понимаешь.

— Очень возможно, — ответил мистер Бантинг мрачно. — Но я понимаю, что если человек бросается от одного дела к другому, из него никогда не выйдет толку. Впрочем, ты, конечно, все сам лучше знаешь, поэтому продолжай, пожалуйста, изучай. Методы торговли! — произнес он язвительно и опять взялся за газету. Все чаще и чаще он теперь занимал позицию человека, который демонстративно снимает с себя всякую ответственность за поступки своих детей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Прошло несколько недель мучительных раздумий, хлопот с объявлениями в газетах, не приносящих никакого результата, и вдруг на Хай-стрит перед Эрнестом предстала удача и, как водится, предстала внезапно и в самом неожиданном облике. Посланцем ее оказался

бледный молодой человек в мажортоше с поднятым для лучшей элегантности воротником и в полосатых брюках, купленных, как нетрудно было догадаться, еще к свадьбе. В его паружности — в круглом, мягко очерченном лице и пухлых розовых губах — было что-то женственное, однако взгляд у него был очень смысленный, — и держался он с большим самообладанием. Эрнесту казалось, что этого молодого человека он уже где-то видел, но где именно и при каких обстоятельствах, он не мог вспомнить.

— Если не ошибаюсь, вы как-то выступали на концерте в городском управлении? — осведомился незнакомец.

Эрнест подтвердил этот факт и, приняв предложенную ему папиросу, тем самым очутился в плену у своего собеседника. — Значит, я не ошибся, — сказал тот, услужливо зажигая спичку и поднося ее Эрнесту. Убедившись, что после такой любезности с его стороны добыча никуда не убежит, он объявил: «Я Артур Уилсон» — таким тоном, словно это было по меньшей мере «я Хор-Белиша», и выдержал паузу, видимо, уверенный, что его немедленно узнают. Не дождавшись желаемой реакции, он пояснил: — Рыжик Уилсон из «Гармонической пятерки», — и протянул визитную карточку в подтверждение своих слов, в которых, впрочем, Эрнест не усмотрел ничего неправдоподобного.

— Ищу пианиста. Мой постоянный лежит в больнице. Так что это только на время. Вас не заинтересует? — И он уставился на Эрнеста во все глаза.

— То есть как? — начал Эрнест, не сразу осознавший всю чудовищность такого предложения. — Вы приглашаете меня играть в вашем джаз-банде?

Уилсон, повидимому, не заметил ни возрастающего удивления, с которым произносилась эта фраза, ни того обстоятельства, что Эрнест был погрешен его дерзостью.

— В этом сезоне больше в ходу блюзы, чем настоящая джазовая музыка, — сказал он с точностью профессионала. — У нас в репертуаре, конечно, есть всякая, и с перцем и без него. Мы на все вкусы потрафляем.

Эрнеста передернуло от такого жаргона.

— Боюсь, что это не мой жанр. Я предпочитаю классиков, а джаз не очень люблю. — Он хотел сказать: «Джаз я презираю», но удержался из вежливости.

— Ну, уж если вы классиков играете, так тут и подавно справитесь, — сказал Уилсон. — Тут вся соль в том, чтобы уловить ритм.

— Но и совсем не играю джазовую музыку, — сказал Эрнест, словно провозглашая некий моральный принцип. — Мои любимые композиторы — Бетховен, Бах. В виде исключения — Кольридж-Тэйлор. — Он не хотел показаться снобом.

— Будете получать пятнадцать шиллингов за вечер, — продолжал Уилсон, направляя его внимание на более существенную сторону вопроса. — Два вечера в неделю в течение сезона. Иногда будет и три. Кроме того, полагается ужин.

От тринадцати шиллингов до двух фунтов в неделю. Несмотря на верность искусству и высоким идеалам, Эрнест немедленно произвел этот подсчет. В городском управлении он получал два фунта за целую неделю нудной, утомительной работы. Этот джаз сразу удвоит его доходы. Ему никогда не приходило в голову, что можно так легко зарабатывать деньги.

— Приходите на репетицию, попробуйте. Мы народ неплохой.

— Не знаю, смогу ли я.

— А что вам мешает?

Эрнест затруднился ответить на этот вопрос. Ему казалось, что Уилсон сочтет его непетистельность просто глупой.

— Я вам сообщу, если надумаю.

Отделавшись от этого навязчивого юнота, он обсудит все спокойно и не торопясь. Два фунта пять шиллингов в неделю — это большой соблазн, но дело идет о принципе. Эрнест не лицемерил. Он ненавидел джаз, считая, что такая музыка действует на психику развращающе, и охотно проголосовал бы за изгнание его из программ Британской радиовещательной корпорации. Он часто распространялся на эту тему даже на службе, всякий раз

отпуская какие-нибудь саркастические замечания по поводу джазовой музыки. А теперь его приглашают пианистом в джаз-банд. Играть при публике. Публично отречься от своих идеалов. Потом не оберешься всяких разговоров.

— Я подумаю, — сказал он, растерявшись от наплыва всех этих мыслей. Но другая половина его мозга горела: стоит ли придавать этому такое значение? Он будет играть на танцевальных вечерах, только и всего. Ничего ужасного тут нет. Будет зарабатывать деньги. Его осыплют золотом. Прежние планы, пошлостью, неосуществимы; на одни объявления ухлопано семь шиллингов.

— Но мне нужно подыскать кого-нибудь сегодня же. Время не терпит. Мы должны играть в пятницу.

Эрнест еще миг колебался на краю пропасти, но такая реальность, как ближайшая пятница, заставила его ринуться в бездну. — Хорошо, приду. Попробую. Посмотрим, как получится.

И у него сразу отлегло от сердца. Он принял определенное решение, а это всегда было для него самое трудное. И он продолжал путь в приподнятом настроении духа. Первые пятнадцать шиллингов — дело верное, и, может быть, на следующей неделе он получит еще столько же. Дома эти деньги будут не лишние; пригодятся в хозяйстве. Это соображение хотя и несколько запоздалое, облагородило его поступок, навело на него глянец жертвенности. Он артист, но ради семьи он готов поступиться своими принципами, готов играть эту трескучую дребедень на потребу толпы. Так было и с Шубертом; что именно было с Шубертом, он не помнил, но что-то в этом роде было, когда тот жил в Вене.

Одно только его утешало: насколько он помнил, «Гармоническая пятерка» выступала во фраках. Показаться Килворту в костюме румынского цыгана было бы выше его сил.

Поблизившись без всякой на то необходимости и облачившись в выходной костюм, Эрнест явился на квартиру к Уилсону, готовясь к предстоящему посвящению в тайны ритма. В том мире, в который он теперь вступал,

считалось аксиомой, что ритм присущ только популярной музыке. Обитатели этого мира признавали, что синкопы — изобретение Генделя (или кого-то в этом роде), но Гендель то ли не сумел оценить их в должной мере, то ли по скудости воображения испугался того огонька, который есть в синкопированной ритмике. Поэтому ни одна его вещь не может быть причислена к разряду тех, которые теперь именуются босвиками.

Хотя Рыжик Уилсон был одних лет с Эрнестом, но он уже успел обзавестись женой, ребенком и, будучи дирижером «Гармонической пятерки», пользовался некоторой известностью в Булворте. На ближайших к его жилищу улицах и особенно в соседних домах он слыл нарушителем общественной тишины и спокойствия, а репетиции «Гармонической пятерки» вызвали ярость окружающих, выливавшуюся в мстительные постукивания в стену, постоянные перебранки у дверей и бесконечные потоки писем от адвокатов. Уилсон по-своему тоже был мучеником искусства. Но и он, и миссис Уилсон относились к этим неприятностям легко и считали свою теперешнюю местопребывание всего лишь временной остановкой на пути Рыжика к богатству.

Репетиции происходили в душевной маленькой гостиной с цветастыми обоями и купленной в рассрочку мебелью, уже успевшей потерять свой первоначальный глянец. По стенам на ярких ленточках висела целая коллекция кукол — размаляванных женских фигурок почти без всякого одевания; такими сувенирами торгуют все киоски в увеселительных садах и парках. Вкусы миссис Уилсон сказывались и в безделушках от Булворта и в пестрых лентах, которыми были перевязаны занавески. На каминной доске стояли портреты Генри Холла и Джека Пэйпа, а между ними портрет самого Рыжика — все трое были сняты за дирижерскими пультами. Фотография Рыжика свидетельствовала о том, что у него выработан индивидуальный стиль дирижирования. Поты лежали в гостиной повсюду: на стульях, на рояле, на полу, и когда Эрнест вошел, Рыжик с удрученным видом ворошил все эти груды в поисках оркестровой партиты, которой, как водится, в самую нужную минуту не оказалось на месте.

— А вот и наш новый приятель, — сказал Рыжик, прерывая упражнения своих музыкантов. — Эрн Баттинг.

Его слова вызвали самый дружественный отклик:

— Пожалуйста к нам, пожалуйста!

— Очень приятно.

— Здравствуйте, Эрн.

Музыканты «Гармонической пятерки» расположились полукругом вокруг камина, приспособив первые попавшиеся предметы в качестве сидений. Эти трое молодых людей — Чэд Драйвер, Бек Уилсон и Док Питерс — по виду могли быть чем угодно, начиная с водопроводчиков и кончая приказчиками из бакалейной лавки. В них была та лихость, которая считается необходимой для представителей эстрады. Следовательно, и ему придется теперь называться Эрн. Пюпитры мешали свободно двигаться по комнате, и знакомство было сочтено законченным.

— Здравствуйте, — сказал Эрнест. Он робел, стеснялся; он залился на себя, зная, что краснеет, и от одной этой мысли заливался краской по самую шею. Дотронувшись до кончика носа платком, он неуклюжим движением спрятал его обратно в карман. Совершенно ясно, что его здесь сочтут круглым дураком.

— Суньте куда-нибудь пальто и шляпу, — сказал Уилсон. — Сейчас мы начнем. — Он rozdal партии. — Это повинка, друзья. Фокстрот «Луна Аризопы». Испробуем его завтра у Хэррьерса. Эрн, вы следите за мной в зеркало. А ты, Чэд, ще очень усердствуй на своем барабане. Соседи опять жаловались.

— Есть, сэр.

— Берите табуретку, Эрн. Приготовился, Док? Ну, дружно! Пошли!

Волны джаза подхватили Эрнеста. Тут не было ни вступительных тактов для разгона, ни робкого касания холодной воды кончиками пальцев. Пришлось сразу вниз головой броситься в бурное море. Несколько секунд беспомощного барахтанья, и Эрнест, потонув в оглушительном реве саксофона, сбился с такта и замолчал.

Рыжик остановил музыкантов.

— Простите, пожалуйста, — извинился Эрнест, весь побатровев.

— Ничего, ничего. Вы только акцентлируйте послышнее и не обращайтесь внимания на подсчитанные знаки. Это для ления. Танцующим нужен четкий ритм — раз-два. Попытайтесь? Ну, вот. Шпарьте, друзья!

Четкий ритм, мерное движение. Эрнест всеми силами старался не сплеховать. Это всего-навсего джаз, но он докажет им, что может играть и такую музыку. Он держал ритм, держал самую основу его, проскакивая паузы. знаки поворота, *ritardando* и *accelerando*, круша их, словно танком, и, наконец, автоматическая точность движения захватила его и грубо подчинила своей власти. С точки зрения искусства это было варварство, но такая музыка въедалась в мозг и проникала в кровь, словно сильное возбуждающее средство. Эрнест именно поэтому так восставал против нее.

Рыжик Уилсон работал над своим оркестром с большим упорством. Вскоре он сбросил с себя пиджак. Достаточно было малейшей пачеткости, и его смычок уже стучал по каминной доске, требуя остановки.

— Одна такая нота — и конечно, танцующие собоют-ся с ритма. Ну, еще разок. Пошли — раз-два...

— У вас неплохо получается, Эрнест, — сказал он в одну из пауз. — Только не жалейте вы клавиши! Шпарьте по ним сильнее. И берите октавы не мизинчиком, а средним пальцем. Громче, громче!

И вдруг глаза у него загорелись. — Громче, громче, — повторил он вполголоса, околдованный ритмом этих слов. Он застыл на месте, словно в экстазе. — Ну, друзья, кажется, нашел!

— Простите... — начал было Эрнест.

— Тсс! — Рыжик знаком остановил его. Он беззвучно шевелил губами, устремив взор в пространство. — Получается, друзья! — раздался через секунду его взволнованный голос. — Слушайте! Как вам это понравится?

И, покачиваясь из стороны в сторону, Рыжик произнес параспев:

Громче, громче, мистер Джаз,
Пусть сильнее ронкошет бас!
Слышно, браво, слышно...

— Ну, как? — он с надеждой обвел всех глазами.

— Недурно, — отозвался Док Питерс после паузы, которая затянулась на секунду больше, чем следовало. Бек Уилсон тоже признал, что «задумано неплохо».

— Эрн, пустите меня к роллю, — сказал Рыжик и начал импровизировать. Такие перерывы репетиций были здесь в порядке вещей.

— Пет, не годится, — сказал Рыжик, пробуя подобрать мелодию. — Слишком похоже на «Леди Банжо». Чорт, ведь только что было в голове — чудесный мотивчик!

— Может быть, так? — сказал Бек Уилсон и извлек на пробу несколько нот из своего саксофона. Рыжик покачал головой. Эрнест понял, что он не любитель чужих идей.

— Слишком монотонно. В такой шутке должен быть огонек. Ничего, я потом вспомню, — и он записал слова в блокнот, всегда лежавший под руками на предмет запечатления вдохновенных порывов.

Мечтой Рыжика, как вскоре узнал Эрнест, было создание боевика. Всем членам «Гармонической пятерки» хотелось создать боевик, но Рыжику больше всех. В сущности говоря, это было его главной заботой. Днем он подвизался в качестве электромонтера в одной фирме, где не благоволил к тем служащим, которые занимались до поздней ночи посторонними делами и были склонны к урезыванию утренних часов своей основной работы. Создание боевика было единственным способом вырваться из-под этой тирании. Боевики писали люди самых разнообразных профессий: полусманы, священники, бармены, адвокаты. Стоит только написать боевик, и перед вами откроются врата к богатству. А дальше вы вступите в тот мир, где издатели, граммофонные компании, кинофирмы и Британская радиовещательная корпорация толпой окружают вас, наперебой предлагая крупные контракты. Вся загвоздка в том, что заранее никогда не угадаешь, какая вещь станет боевиком, а какая нет. Этого не могут сказать даже музыкальные издатели. Вот почему, пояснил Рыжик, они отвергают столько хороших рукописей.

Спустя несколько часов Эрнест вышел на вольный

воздух, в прохладу темной улицы; он был весь в поту, в ушах у него все еще стоял грохот. Какая дребедень! Какая безобразная какофония! А отделаться от нее невозможно. Она отдается во всем теле и не хочет затихнуть. Он брел вверх по Кэмберленд-авеню, чувствуя, как его ноги сами отбивают такт по тротуару, а в усталом мозгу не умолкают рев саксофона и барабанная дробь.

Вернувшись домой в «Золотой дождь», он развернул захваченные с собой ноты. Хотя проба сошла сравнительно удачно, поупражняться все-таки не мешает. А какие диковинные названия у этой чепухи! Достаточно одних заголовков, чтобы отпугнуть всякого человека со вкусом: «Мэри в сквере», «Я жду тебя, бэби». Если раньше на глаза ему попадалась такая, с позволения сказать, музыкальная продукция, он брал ее двумя пальчиками, прежде чем сесть за рояль, и откладывал подальше, точно в ней была какая-то зараза. Теперь уже в гостях такой изысканной безгливостью не щеголяешь. Да, это самые настоящие боевики. Рыжик Уилсон уверял его, что такие штучки приносят авторам горы денег.

Пальцы Эрнеста легли на клавиши. Он сам не знал, что играет, кажется, это был Шопен. Мелодия чистая, как лунный свет, освежающая, как дождь. Он играл до тех пор, пока память не изменила ему. Потом задумался. «Побольше огонька, огонька!» — требовал Рыжик. Если Эрнест хочет заработать пятнадцать шиллингов, придется дать им этот огонек. Он взял первую уилсоновскую тетрадку, раскрыл ее и, вспомнив наставления своего нового шефа, решительно двинулся в бой.

— Славная вещичка, Эрнест, — сказал мистер Бантинг, покосившись свое кресло ради такого красивого мотива. — Очень славная. Что это?

— «Луна Аризоны».

— Песенка? — спросил мистер Бантинг, с интересом заглядывая ему через плечо. — Я так и думал, что не соната. Ну-ка, сыграй еще разок.

«Аризона, твоя луна (пом, пом) чародейства и та-ай-и-и пол-на-а», — сыграл Эрнест. Мистер Бантинг вынул трубку изо рта, откашлялся и начал подпевать с хрипотцой. — Недурненькая вещица, мелодичная.

— Это фокстрот. Я поступил в джаз-банд. Пятнадцать пиллингов в вечер. — Возвестив о своем самопожертвовании, Эрнест ждал, что отец оценит это и проникнется к нему благодарностью.

— А вот Генри Ходл. Эту песенку я слышал по радио. Ну-ка, Эрнест, изобрази.

Эрнест бросил свирепый взгляд па ноты. Разве отец по понимает, как ему тяжело играть в джаз-банде, как ему неизвестна эта музыка? Зачем он так говорит? Хоть бы капля благодарности! Неужели у него такое убогое воображение?

Повидимому, воображению у мистера Бантинга было действительно убогое. Он рылся в нотах, словно маленький мальчик, с увлечением разглядывающий подарок ко дню рождения.

— Почему ты никогда не покусаешь таких нот? Сыграй вот этот припев. Какие там слова?

Эрнест заиграл. Он играл с остервенением, с пепла-вистью. И чем больше он непавидел, тем сильнее ударял по клавишам, а чем сильнее он ударял, тем лучше у него получалось.

— Пятнадцать пиллингов в вечер, — сказал отец. — Подумать только! И за что!

Шел первый час ночи, бал в клубе «Бэдмингтон» был в самом разгаре. Эрнест и его товарищи по «Гармонической пятерке» восседали на эстраде в ярком электрическом свете. Эрнест сидел бледный, вся «Гармоническая пятерка» сидела бледная, и виной этому был отчасти прожектор, заливавший их белыми лучами, отчасти же то обстоятельство, что колотить по клавишам, шипкать на скрипке и трубить в саксофон в течение четырех часов — занятие изнурительное, особенно если приходится потеть в крахмальной рубашке. Эрнест уже дошел до той стадии утомления, когда человеку не остается ничего другого, как подбадривать себя мыслью, что надо как-то «вытерпеть» оставшиеся полтора часа.

В зале наступило минутное затишье; теперь можно курить папиросу и посмотреть на толпу. Эрнест уже не смущался, сидя на эстраде на виду у всех; в его

взгляде чувствовалось равнодушие профессионала, для которого все эти балы не развлечение, а работа, и только. Танцующие покидали середину зала после очередного фокстрота и жались к стенам, точно листья, развеянные порывом ветра. Посредине очистилось свободное пространство, и здесь наощенный паркет отсвечивал, словно зеркало. В наступившей вдруг тишине чувствовалось, что скука вот-вот полоснет эту толпу своим лезвием. Когда делать перерывы в танцах и на сколько времени — это, так говаривал Рыжик, требует знания дела, и Эрнест лишний раз убеждался, что Рыжик много чего знает. Но достаточно было одной-единственной поты, и публика снова вставала с мест, забывая о духоте и усталости. Головы поднимались выше, зенки проглатывались, отяжелевшие ноги двигались сами собой. Как марионетки! Музыка властвовала над ними, увлекала их, и, задыхающихся, рассаживала по стульям. Температура в зале держалась выше семидесяти, клубя дыма висели фесто-намп, стены влажно блестели. Все ждали, когда Рыжик возобновит эту оргию грохота и движения. На несколько миль в окружности почтенные граждане, погруженные в сон, лежали распростерты на кроватях, уткнувшись носом в подушки, а молодежь, которой завтра придется стоять с поющими ногами за прилавками и зевать над коптерскими кнѳигами, шумно веселилась в этом залитом огнями зале. Девушки блистали перламелтом, они кокетливо поглядывали на своих партнеров или склонялись друг к дружке головками, поверая свои секреты. Молодые люди чувствовали себя весьма стесненно в смокинг-ах, порой им удавалось забыть о том, до какой степени они элегантны, и тогда они держались свободнее, по все вместе больше всего напоминало пародию на великосвет-ский бал. В общем менианское заведение, этот клуб! Завтра играть у церемонных «Старых грамматиков», а на следующей неделе, может быть, совсем в другой части поселка, в каком-нибудь маленьком зале, где публика редет себя запросто. Делз «Гармонической пятерки» пля блестяще. Эрнест ничего не имел бы против, если бы наступило некоторое затишье. Все-таки трудно работать в такие поздние часы — слишком много курить, не выпинаешься как следует.

По платят хорошо. Он уже заработал... сколько? Эрнест занялся подсчетом.

— Быстрый фокус «Голубые глаза», — объявил Рыжик. Словно оборвав перед собой ленточку старта, они ринулись вперед, подхваченные ритмом. Но Эрнест продолжал думать. Когда играешь такую чепуху, мысль и глаза в этом не участвуют, они сами по себе. Время от времени его пальцы сильнее ударяли по клавишам — это должно было служить предостережением Беку, чтобы тот не заглушал рояль своим саксофоном. Бек любил подшутить; если Эрнест оглядывался, он, обычно сидевший с физиономией бесстрастной, как бламанже, вдруг подмигивал ему. За сегодняшний вечер получил гиней, мысленно подсчитал Эрнест, у «Старых грамматиков» — двадцать пять шиллингов. На прошлой неделе он дал матери два фунта. К концу сезона... И вдруг размышления Эрнеста оборвались. Он опять пробежал глазами по обращенным к эстраде лицам, отыскивая то, которое прервало его мысли.

Эви Стэг! Вот она сидит справа, в каких-нибудь пятнадцати шагах и, чуть наклонив лоб, внимательно смотрит на него. Неудивительно! Разве можно сразу поверить, что пианист в джаз-банде Рыжика Уилсона не кто иной, как Эрнест Балтинг. Она сама играет — поклонница Дебюсси. Они познакомились на балу в городском управлении и весь вечер проговорили о современных композиторах. Эви Стэг пришла на бал со своей подружкой, знакомой одного клерка из городского управления, и, когда Эрнеста подвели к пей, она сидела одна, без партнера. Это было несколько месяцев назад, а в те времена он любил блеснуть остроумием пасчет джаз-оркестров и «Генри Холла, заполнившего собой все радиопрограммы». Музыкальное месиво, вот как это называется. Да, он помнил свои слова. Меткое определение, почерпнутое им из одной статьи. Эви, поверное, подумала, что оно принадлежит ему. А теперь он как ни в чем не бывало сидит на ярком свету и преподносит публике это самое месиво. И даже с некоторым азартом. Вот почему Эви Стэг морщит лоб и с недоумением поглядывает на него.

Эрнест улыбнулся. И она сейчас же ответила ему

дружеской улыбкой. Он понимал, какую у нее глаза, — лучистые, зеленовато-карие. На такую глаза невольно обратишь внимание. Сегодня на Эви было яркое платье в мелких цветочках — она была такая маленькая, аккуратнейшая, веселая. Ему вдруг пришло в голову, что Эви Стэг одна из тех девушек, красоту которых тем лучше оцениваешь, чем чаще их видишь.

Теперь она уже знает, что это он, а не его двойник. Смешно ей... или противно? Вероятно, ни то и ни другое. Игра в джаз-банде ему самому уже не казалась таким позором, как раньше. Он уже не боялся, что это притупит его восприимчивость к хорошей музыке. Все дело в том, чтобы избежать одной роковой ошибки: нельзя считать искусством то, что к искусству не имеет ни малейшего отношения. Получив какую-нибудь новинку, «Гармоническая пятерка» сплось и рядом приходила от нее в восторг и принимала на веру все, что о ней говорили ее восприимчивки, утверждавшие, что этот сногсшибательный шедевр не имеет себе равных. Эрнест не восторгался вместе с ними; он просто признавал, что такие вещи бывают одни хуже, другие лучше, но все они, вместе взятые, дешева — вульгартовский бриллиант. Да и трудно было вдаваться в рассуждения о музыкальной этике после того, как ты четыре часа подряд дубасил по роялю. Спал хватало только на то, чтобы добраться до дому по темным безлюдным улицам и сразу завалиться в постель. Он закрывал глаза и тут же просыпался от трескотни будильника.

Городское управление, репетиции, дансинги и постель. Такова была орбита, в которой вращался Эрнест, и в течение нескольких недель он не находил в себе достаточно энергии, чтобы выйти за ее пределы. Он так уставал, что ему было не до развлечений, не до книг, не до раздумий о будущем. Он бред глубоким туннелем, почти не надеясь выбраться когда-нибудь на поверхность. Жизнь можно было бы устроить гораздо лучше; ведь его таланты зарыты в землю и покрываются плесенью. Но он уже не видел в этом ничего трагического.

Больше всего Эрнеста мучило чувство невыразимого

одиночества. Он перестал встречаться с прежними друзьями и даже не занимался спортом в свободные дни. За последние недели ему буквально не с кем было поговорить. А тут вдруг судьба послала ему Эви Стэг, девушку, насколько он помнил, самую обыкновенную, но славную и простую, но какую-нибудь фокстротную куколку.

Когда танцы кончились, Эрнест подождал ее у выхода, и она вскоре появилась в светлорыжем пальто и шляпе. Несколько месяцев назад у него нехватало бы смелости даже на такой скромный поступок. Страдая болезненным самолюбием, Эрнест был твердо убежден, что все проявляют самый горячий интерес к каждому его шагу, каждому движению. Раньше ему потребовалось бы несколько дней, чтобы набраться мужества и предложить девушке свое общество. А теперь он легко решился на это, и все вышло просто и естественно.

— Позвать такса?

— Нет, не надо. Я с удовольствием прогуляюсь.

Они спустились по ярко освещенной лестнице и вышли на темную дорогу. Первые минуты оба молчали. Потом она сказала:

— По-моему, джазовая музыка не совсем ваш стиль. А вам она нравится?

— Не слишком.

— Тогда почему?..

— Мой отец остался без работы. Приходится помогать.

— Понимаю, — тихо сказала она.

Он был рад, что так откровенно сказал ей все. Она снова подглядела на него глаза, заблестевшие при свете уличного фонаря.

— Вы, наверное, ужасно устаете, а это нехорошо.

— Нет, ничего, пока что держусь.

Они снова замолчали. — Как это грустно, — вдруг сказала она.

Его растрогали не самые слова, а то, как они были сказаны. Он взял ее за руку. Какая она маленькая! А рука нежная, тонкая, точно птичья лапка. Он взглянул на ее лицо: правильный точеный носик, округлый

подбородок, энергичная, но мягкая линия рта. На такую девушку можно положиться.

— Расскажите мне о себе, — попросил он. — Что вы делаете? И часто об этом думал.

— Я работаю фармацевтом у доктора Эрла. Кроме того, веду у него запись больных и секретарствую.

Он сам не знал, почему его удивил такой ответ. Ему никогда не приходило в голову, что у этой девушки есть определенная специальность. Фармацевт. Ведь это — химия, наука очень сложная. Да, у нее хорошая работа, гораздо лучше, чем у него.

— Вам, наверное, пришлось сдать экзамен на фармацевта?

— Да, экзамен обязателен.

Он заинтересовался еще больше: — А ваши родители не здесь?

Нет, они живут в Линкольншире, и, как он понял из ее слов, в самом глухом его уголке. Надо доехать до Линкольна, пересесть на местный поезд, который идет в Бартоп-Ферри, потом автобусом до Солтмарша, а оттуда еще пешком. Ему представилась деревушка, затерянная среди болот и окаймленная со всех сторон морскими полями, над которыми гуляет ветер. Ни библиотек, ни лекций, ни концертов — никаких развлечений. Казалось бы, между этим мирком и кабинетом доктора Эрла в Кларворте лежит непроходимая пропасть. И там, на уединенной ферме, она жила с отцом и с братьями — количество их ему так и не удалось выяснить — и веда все хозяйство. Ходила за курами, возилась в молочной, продавала масло и не переставала мечтать о том, как бы вырваться из мертвящей скуки тамонинских болот. Эта жизнь была так непохожа на все то, что знал Эрнест, так противоречила его представлению об Эви Стэг, что ему казалось, будто она рассказывает о какой-то другой планете. Но она действительно жила там, действительно делала все это и в конце концов добилась свободы. Она работала и в Ирландия и в Уэльсе и даже успела побывать на Пейлоне, когда служила на океанском пароходе. Все это казалось Эрнесту каким-то чудом. Его пальцы сильнее сжали ее тонкую кисть. Такая хрупкая, а сколько в ней упорства, в этой девушке! Он восхищался ею.

— Как же вы всего этого достигли? — Эрнест словно спрашивал: «В чем секрет успеха?» — поверив вдруг, что таким секретом можно поделиться.

Она засмеялась: — Да так, решила, начала копить деньги, но побоялась рискнуть. Дома все были против.

— Нет, вы молодец, честное слово, молодец! — сказал он и потом надолго замолчал. Значит, надо просто решиться и действовать. Никаких мечтаний и упражнений в прикладной психологии, никаких извергов и тонкостей. Это только я один такой, думал Эрнест. Взять хотя бы товарищей по школе, Криса, вот эту девушку... Совсем другие люди.

Она остановилась у большого, огороженного изгородью, дома. Эрнест поднял голову, разглядывая темный фасад. — Вот вы где живете? Кажется, хороший дом.

— Он разбит на отдельные квартиры. У меня комната и кухня. Спасибо, что проводили. — Она протянула руку. Ее живые темные глаза смотрели ему прямо в лицо. — Вам нужно подлечиться.

— Я прекрасно себя чувствую. Это в вас профессионал заговорил.

Они рассмеялись. Ему не хотелось отпускать ее. Он припомнил вечер в городском управлении — как он держался по отношению к ней? Должно быть, покровительственно. Эдаким заносчивым молодым джентльменом. Не дай бог, она приняла все это за чистую монету. Какой он был осел тогда, какой невероятный осел!

— Послушайте, — отважился Эрнест. — давайте как-нибудь встретимся. Пойдем в театр или в кино.

— Если вы хотите.

— Я очень хочу. Можно позволить вам? Ведь я наперед никогда не знаю, когда у меня будет свободный вечер.

— Хорошо, звоните. Спокойной ночи.

Он дождался, когда темный дом поглотил ее, увидел, как в первом этаже вспыхнул свет и в ярко-желтом квадрате промелькнула светлорыжая шляпа, потом окно задернулось шторами. Он повернулся и пошел домой. Он посвистывал на ходу, шагая широко и свободно. Чувство одиночества исчезло, и на сердце у него, впервые за много месяцев, было легко.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мистер Бантинг не совсем одобрял Эрнеста за то, что он подвизается в качестве пианиста в джаз-банде, но лучше уж пропадать из дому по вечерам, чем киснуть в гостиниой или играть какие-то этюды и сонаты вместо настоящей «залихватской» музыки. Да, пусть играет в джаз-банде, лишь бы не прикрывался именем отца, выдавая себя за бухгалтера. Все эти объявления в газете привели только к тому, что мистер Бантинг здорово опростоволосился в разговоре с соседом мистером Оски. Оски вдруг возмечел желание узнать, какая сумма налога причитается с его сестры, имевшей капиталовложения в Канаде. До сих пор мистер Бантинг думал, что такое лихоимство, как взимание подоходного налога, практикуется только на Британских островах. Он очень удивился, узнав, что канадцы тоже платят подоходный налог, а высказывать свое удивление не следовало, ибо Оски нашел бы это несколько странным для консультанта по таким вопросам. Когда объявление исчезло со страниц газеты, мистер Бантинг облегченно вздохнул.

Но игра в джаз-банде, даже по пятнадцати шиллингов за вечер, занятие мало солидное; карьеры на этом себе не сделаешь. Кроме того, такое времяпрепровождение ассоциировалось у мистера Бантинга с тем, что ему приходилось слышать о «почвой жизни».

— Как бы это не повредило твоему продвижению по службе, — заметил он однажды. — Ведь в конце концов у тебя есть перспективы выдвинуться.

— Уж и «перспективы», нечего сказать, — презрительно фыркнул Эрнест.

Мистер Бантинг обижено покосился на сына. Он не любил, когда на его слова фыркали, не любил, когда молодые люди пренебрежительно отзывались о своей работе. И то и другое стало уж слишком частым явлением. Всею виной дух времени; на терпеливый, упорный труд молодежь смотрит как на что-то отжившее, не современное. Давать им советы бесполезно; они сами все знают и поступают по-своему. Откуда у них столько самоуверенности? Крис каждое утро отправляется на работу в своем комбинезоне с таким важным видом, словно Ролло

без него пропадет. Эрнест приходит с талчулок в три часа ночи во фраке и весь следующий день демонстративно зекает, чтобы и другие не забывали, как он трудится. И оба вполне удовлетворены такой убогой работой. Чем удовлетворены — тем, что зашла втупик? Они ничего не видят дальше своего носа. Баловаться с автомобилями и проводить ночи в веселых даусингах, конечно, проще, чем упорно трудиться на службе в серьезном, солидном учреждении, но ведь такая чепуха ничего не даст в будущем. Об этом он готов твердить ежедневно. Им надо держаться за постоянную работу — «держаться крючками стальными», как сказано у поэта, и тогда все было бы хорошо.

Но Крис и Эрнест придерживались на этот счет другого мнения и полагали, что их дела идут неплохо. Впервые в жизни они чувствовали себя независимыми в материальном отношении. Больше того, им удалось даже внести свою лепту в семейную казну. Таким образом тяжелое бремя облегчилось на две соломки и не переломило верблюду спину. Мистер Бантинг уже не был похож на собаку, сныскивающую пропитание только в собственном хвосте. Бюджет удалось сбалансировать. Временно — он старательно подчеркивал это слово — семья Бантингов держалась на поверхности. Ему оставалось только указывать на свою непричастность к легкомысленному поступку сыновей, одним махом похеривших такие надежные карьеры.

Мало-помалу он становился на позицию полнейшего фатализма: сыновья могут делать все что угодно — это его не касается. Они знают точку зрения отца, им советовали, как сделать лучше, их корили, предостерегали, увещевали — и все это они пропускали мимо ушей, словно он говорил для собственного удовольствия. — Ну, конечно, где уж мне! Разве я что-нибудь понимаю! — такими словами обычно заканчивал мистер Бантинг, полагая, что всякому понятна заключенная в них пропья. Но Крис и Эрнест, повидимому, принимали это как чисто-сердечное признание отца в своей несостоятельности. Ну, что же, пусть; это его мало трогало; он был человеком материально независимым, он пребывал, так сказать, на покое и посвящал свободное время изучению

журнала «Садовод-любитель», рассчитывая когда-нибудь опекачить Оску своими знаниями, почерпнутыми из отдела «Ответы на вопросы читателей».

Если не считать того, что авторитет его был несколько поколеблен, жизнь складывалась довольно приятно. Дешевенький будильник уже не поднимал его своим безжалостным звоном. Он слышал, как Крис уходит из дому в половине восьмого, и поворачивался на другой бок, наслаждаясь возможностью поспать часок-другой. Джули подавала ему в кровать чашку чая. Он спускался вниз как раз к тому времени, когда Эрнест уходил в городское управление. Потом не спеша завтракал, приткнув к чайнику «Сирену». «Сирена» прочитывалась от доски до доски, включая и финансовый отдел, в котором его интересовали сведения о ценных бумагах. Что ни этой страсти было вполне подходящим занятием для оставившего службу бизнесмена, а посему мистер Бантинг культивировал в себе эту привычку и читал финансовый отдел, может быть, не очень в нем разбираясь, но зато с большим интересом и вниманием. Он подумывал, не продать ли консоли и покупить ли акции Объединенного треста.

— Прежде чем решать, посоветуйся с Эрнестом, — твердым голосом сказала ему миссис Бантинг.

— Посоветуйся с Эрнестом! — фыркнул он. Этого еще не доставало. Чего от него хотят — чтобы он бегал с каждым вопросом к детям?

— Гм! — хмыкнул он, глядя поверх газеты и уже слегка опечалившись. — Ты думаешь, я сам ничего не понимаю?

К сожалению, похоже было на то, что именно так думает и жена, и Эрнест, и все остальные.

— Посоветуйся с Эрнестом! — пробормотал он несколько раз подряд весьма насмешливым тоном, с загадочной усмешкой на устах. Эта усмешка должна была показать миссис Бантинг, что у него имеются свои собственные соображения на сей счет — сокровенные, глубокие и ей недоступные.

Однажды вечером Крис опять прикатил на машине. Мистер Бантинг, сажавший, стоя на коленях, тюльпаны в луковички, узнал об этом по оглушительному грохоту и треску, которые угрожающим crescendo надвигались

на него с тыла. Он с испугом поднял голову и увидел капот сильно подержанной машины, осторожно пролезавшей в раскрытые мастерские ворота. Там она остановилась, словно напуганная его свирепым взглядом, и судорожно зафыркала, выпуская сзади клубы дыма. Потом — мистер Бантинг не поверил своим глазам при виде такого святотатства — двинулась вперед. Одно ее колесо шло по асфальтовой дорожке, другое припало только что подстриженный и укатанный газон. Перед мысленным взором оцепеневшего мистера Бантинга проносились видения поверженных наземь палаток, изувеченных кустов и бордюров. Он побагровел от ярости, но не двинулся с места. Машина остановилась в трех футах от недавно посаженного «золотого дождя» (мистер Бантинг уже считал его погибшим), и из нее вышел Крис.

Мистер Бантинг взял совок в клумбу, решительным движением подвинул на лоб свою садовую панаму и шагнул к сыну, уверенный, что тот убоятся его грозного взгляда. Но Крис весело встретил отца! Он был доволен тем, что так ловко провела машину.

— Скажи, пожалуйста, Крис, что это такое?

— Восьмисильный «конвэй», — сказал Крис, истолковывая отцовскую горячность как проявление вполне естественной любознательности. — Всего пять лет на ходу и в полном порядке, — он любовно изгладил капот, словно породистого коня.

Мистер Бантинг смерил машину презрительным взглядом. Следов разрушения позади нее не было заметно, колеса на целый ярд не доходили до его обожаемых тюльпанов. Секунду он подыскивал, что бы такое сказать, чтобы поразить Криса на месте. Правда, машина уже в саду. Теперь поздно говорить, что он этого не допустит. Она уже здесь. Как жаль, что он был далеко от ворот, когда она въезжала!

— Разве можно въезжать сюда на машине, Крис! — все-таки сказал он. — Такая неосторожность безпаказанно не проходит.

— Ничего, здесь места хватит. Это только так кажется, что машина не пройдет, а потом отлично проходит. Ну-с, как она вам нравится?

Мистеру Бантингу она явно не нравилась. Он осмотрел

ою сзади и спереди, выискивая, к чему бы придраться. Даже марки не видно. Его всегда удивляло, как это некоторые ухитряются с такой легкостью отличать одну марку от другой.

— Какая это машина, как ты сказал?

— Восемисильный «копвэй». Одна из самых популярных моделей легковой машины. Расход горючего — галлон на сорок миль. Налог — шесть фунтов. Теперь попрошу вас сесть за руль.

— Это еще зачем?

— Чтобы оценить прекрасную видимость дороги. Сиденья, как сами можете убедиться, выдвижные. — Он показал это. — Сидишь, как в кресле.

— Печего мне туда залезать, я и так все вижу.

— Механизм управления «копвэй», — продолжал Крис, и мистер Бантинг уловил в его голосе какую-то подозрительную четкость: Крис слышал словами, точно лектор, — механизм управления — сама простота. Вследствие этого править им гораздо легче, чем какой-либо другой машиной. Благодаря синхронизирующему сцеплению второй и третьей скоростей переключение происходит бесшумно. Вот стартер. Прошу нажать эту кнопку.

В ответ на это предложение мистер Бантинг, совершенно сбитый с толку, нагнулся и нажал кнопку. — Эй, эй, она поехала! — крикнул он, отскакивая назад. — Крис, останови ее. Еще неопытны!

— Ничего, ничего, она не на скорости. «Копвэй» славится тем, что легко берет с места, — продолжал Крис, выключая зажигание. (Он обращался с машиной с исключительным мастерством). — Обивка ставится синяя или серая, в зависимости от окраски кузова. Теперь будьте любезны сесть.

— Да слушай...

— Ну, папа, что тебе стоит?

— Ладно, ладно, уж если тебе так хочется, — сказал мистер Бантинг и забрался в машину. Он чувствовал, что едет себя неподобающим образом, но ему никогда в жизни не приходилось сидеть на шоферском месте. Циферблаты и всякие другие приборы на переднем щитке заинтриговали его. Сидя за рулем, он чувствовал себя необычайно солидным и важным.

— А где гудок? — спросил он, тщетно отыскивая глазами рожок с резиновой грушей.

— Вот, пожалуйста. Электрический.

Мистер Бантинг пажал кнопку. — Хорошо гудит. Это сразу услышишь. Гм, электрический! — Это произвело на него сильное впечатление.

— Гидравлические тормоза. Все модели снабжены световыми сигналами. Прошу обратить внимание на прекрасные часы с светящимся циферблатом.

— Не вижу. Где они, Крис?

— Часов нет. Я их снял и продал за пять шиллингов. Синхронизированного сцепления на этой модели тоже нет.

Отец уставился на Криса и долго не сводил с него глаз.

— Какой же смысл говорить «посмотрите на часы», когда никаких часов нет? Что это, милые шуточки?

— Я практикуюсь. Это работа с покупателем. Ну как, получается?

— Практикуешься на мне? — Мистер Бантинг усмотрел в этом явное неуважение к отцу.

— Постой, папа. Скажи мне теперь, что ты чувствовал — заинтересовал я тебя, пробудил в тебе желание приобрести машину? Ведь в этом все дело.

— Я не глухой, слышал, что ты говорил.

— Нет, папа, неужели ты не понимаешь, как для меня важно продать несколько машин? Тогда можно будет просить комиссионные. Ролло нужен новый торговый агент. Теперешний — тряпка, никуда не годится. Он старик — ему уже за пятьдесят перевалило.

Мистер Бантинг поморщился.

— С другой стороны, — продолжал Крис, стараясь быть беспристрастным, — меня могут съесть мелкососом. Я и на самом деле выгляжу мальчишкой. В том-то все и горе. Может быть, усы отпустить?

Немало мужества требовалось, чтобы выговорить это, но Крис остался доволен собой — все получилось очень естественно. Вырабатывание усов задача нелегкая, и ему хотелось прощупать мнение людей посторонних. Хуже всего тот переходный период, когда вместо усов ни то ни се, и ты становишься предметом всеобщего и поот-

важного внимания и должен всякому разъяснять свои намерения. Тем не менее каждый обладатель усов как-то преодолевает эти трудности и мало-помалу причаст. окружающих к своей изменившейся наружности. Мистер Бантинг сам носил усы, и в данном случае Крис обращался к нему за моральной поддержкой.

— Я думаю, что усы мне помогут. Вид будет посолднее.

— Экономия времени — не надо бриться по утрам. В этом все наше преимущество. А постареть ты еще успеешь. И знаешь что, отведи-ка ты эту машину в гараж Ролло, пока не испортил.

— А я ее купил.

Мистер Бантинг остановился, как вкопанный. Громоздкий звук, вырвавшийся из его уст, должен был означать вопрос.

— Я купил ее, — повторил Крис. И, точно этого было недостаточно, добавил: — Она теперь ваша.

— Ты что же... на самом деле купил? — Это не укладывалось у него в голову.

— Да. Я теперь работаю сверхурочно, буду постепенно выплачивать.

Мистер Бантинг растерянно смотрел на сына. Непостижимое существо! Их разделяли необъятные ширь пространства и времени.

— Ну что ты тут поделасшь! — воскликнул он. — Я бьюсь, как рыба об лед, чтобы сомья не погубла, а он не дал нам еще концы с концами свести и — смотрите, пожалуйста — купил и машину в кредит. Мы не лорды и не миллионеры, Крис. Мы обыкновенные люди.

— Да я расплачусь за нее, а леспой продам и наживу на этом. Кроме того я хочу, чтобы ты научился править.

— Я — править? — У мистера Бантинга была привычка машинально повторять чужие слова, и сейчас он делал то же самое со все возрастающим нетерпением в голосе. То, что сказал Крис, не сразу дошло до его сознания, а когда, наконец, дошло, в глубине его существа зародилось не лишнее приятности волнение, которое пришлось немедленно подавить.

— Садись, я тебя поучу.

Мистер Бантинг замотал головой, борясь с искушения-

ем. — Я по одобряю этой покупки. Ты даже денег не заплатил, а что если поломаешь? Необдуманный поступок, Кристофер.

Тем не менее он смотрел на машину уже по-новому. Он обошел ее, стараясь ничем не выдать своего интереса, и убедился при ближайшем рассмотрении, что машина совсем приличная. И верх у нее настоящий, не какой-нибудь там брезентовый. Это ему очень понравилось — так гораздо шикарнее. Эмаль во многих местах облупилась, но это дело поправимое. Надо попросить Кордера, чтобы прислал от Брокли баночку «Пянтго». Вот поферское место и разные приборы из переднего щитка. Сидишь там, как машинист, берешься то за один рычаг, то за другой и мчишься вперед. А сколько раз бывало так, что мистер Бантинг плелся по пыльной дороге, с завистью поглядывая на состоятельных людей, которые обгоняли его на собственных машинах.

— А трудно выучиться?

— Проще простого. Сейчас я тебе все объясню.

— Да я собственно не собираюсь учиться, — сказал мистер Бантинг. — Но если уж тебе так хочется, то покажи в общих чертах.

А вечером он сидел в своем кресле в гостиной и с задумчивым видом осторожно постукивал по ковру сначала левой ногой, потом правой.левой — газ, правой — тормоз. Кнопка гудка на руле. Мысленно он проехал от «Золотого дождя» по Камберленд-авеню (раскладываясь с опешеленным Оски) и под сдержанный басок гудка свернул на Килворт-роуд. Если впереди на дороге что-нибудь покажется, — правой ногой на тормоз. Нет ничего проще.

— Я, кажется, понял, Крис, — сказал он. — А сколько сейчас плохих шоферов! Сами не знают, что делают.

Машину осматривали все члены семьи: Джули — с восторгом, миссис Бантинг — недоверчиво поджав губы, а Эрлест, остановившийся при виде ее в воротах, — с чувством, похожим на зависть к младшему брату, который так явно опережал его во всем.

— Крис, ты меня научишь править? — ворковала Джули.

— Сначала папу.

Мистер Бантинг бросил исподтишка взгляд на жену.

— Бряд ли папа захочет учиться управлять машиной, — спокойно и твердо сказала она.

— Ну, мама!

— Пусть этим занимаются те, кто помоложе. Но им тоже не следует забывать об осторожности, — добавила она, и мистер Бантинг сразу помрачнел.

— А ты подумай, как ему будет удобно ездить самому в Липпорт за арендной платой.

— Это, пожалуй, верно, — сказал мистер Бантинг, уступая такому неотразимому аргументу.

— Он и тебя будет катать, мама.

— Чтобы отец катал меня? Нет, покорно благодарю!

— Но восьмидесятилетний «конвэй»... — не отступал Крис.

— Бряд ли папа захочет возиться с машиной. Не такие его годы. Это слишком опасно.

Мистер Бантинг вскипел: «Неужели она думает, что у меня нехватит мозгов управлять машиной?» — и решил отстоять свои права. Так началось его обучение.

Ее звали Мовика. Когда мистер Ролло обращался к ней своим звучным голосом, придававшим мелодичность каждому произнесенному им слову, Крис всякий раз настораживался и в конце сделал это открытие. Мопика! Ему доставляло удовольствие повторять ее имя вслух и чувствовать его сладость на языке. Как-то раз, в минуту задумчивости, часто нападавшей на него за последнее время, Крис начертил это имя грязным пальцем на капоте машины, которую ему поручили вычистить, — начертил тщательно для того, чтобы полюбоваться его красотой. Он тут же опомнился и поспешно стер написанное, похолодев от ужаса при мысли, что кто-нибудь из служащих гаража мог оказаться невольным свидетелем его временного умопомешательства. Но нет, все механики были заняты своими делами. Крис облегченно вздохнул. Однако, вернувшись к своей работе, он вдруг обнаружил, что слово все еще видно. Там, где лакированная отсвечивала в лучах солнца, на виду у всех красовались маслянистые буквы: «М О Н П К А». Перепуганный

Крис схватил смоченную в керосине тряпку, сильными размашистыми движениями руки стер написанное и заново начистил капот. Но до самого конца работы он то и дело осматривал нос машины под разными углами. И все равно у него не было уверенности, что дождь не обнаружит «Моннику» и что в один прекрасный день его безумный поступок не станет предметом насмешек для всего мира. Этот случай действовал на Криса отрезвляюще: он понял, что любовь вещь опасная.

Хотя с ним она держалась крайне заносчиво и высокомерно, то дразня его, то обдавая таким холодом, что он робел и терялся в ее присутствии, тем не менее он заметил, что при появлении отца все эти замашки исчезали бесследно, уступая место почтительности и беспрекословному повиновению. Эти быстрые переходы от высокомерия к скромности многое ему открыли. И насколько легче ему стало переносить ее тон презрительного превосходства с тех пор, как он понял, что это всего лишь защитная окраска. Его уже не пугали ни горделивые взгляды, ни взмахи ресниц — мэлера, неряшты (как уверял Ролло-младший) у Марсен Дитрих. Ах, если б только Моника знала! Ведь она куда красивее самой Марсен. Уж брови-то во всяком случае лучшие. И Ролло-младший и сам Крис были согласны в том, что Марсен Дитрих — ломака, но что касается Моникки, то она была ломакой только в глазах своего брата.

Когда она появилась однажды в мастерской и потребовала немедленно дать ей расписание дежурств, Берт Ролло сказал:

— Слыхал, Крис? «Немедленно!» Вот нахальство!

— Ей, паверно, пужно выписывать ведомость на жалование, — ответил Крис, якобы по столько в ее защиту, сколько в интересах истины.

— Подумаешь, какая деловая особа. Сама только романы читает. У нее в конторе всегда припрятана какая-нибудь книжонка под подушкой на стуле. Зазналась, больше ничего. — И Берт начал приводить другие примеры ее зазнайства, с которым ему приходилось сталкиваться и дома, приоткрывая перед Крисом пленительную картину домашнего быта семейства Ролло. Ни одному биографу не удавалось так увлекать читателей рассказами

о проступках великих мира сего, как увлекал Криса Берт Ролло болтовней о многообразных проступках своей сестры. Какой он счастливый, этот Берт! Живет в одном доме с богиней, сидит с ней за одним столом, поднимается по одной лестнице, когда они вечером расходятся по спальням. И хоть бы он понимал свое счастье. Так нет же, ссорится с ней, только и всего! У этого человека нет ни капли здравого смысла, он грубиян, и к тому же слеп на оба глаза. Ему, например, ничего не стоит произвести налет на ее комнату, попользоваться там всякими сокровищами и отправиться на свидание с другими девушками. Как-то раз он явился в мастерскую с флаконом духов и порекомендовал их Крису как великолепную замену бриллиантин.

— Это я у нашей девочки спер, — сказал он. — Попробуй, намажь волосы.

Крис с таким благоговением взял у него флакон, словно это была священная реликвия. Флакон с туалетного столика! На этикетке было написано: «Роса Аравии». Не забыть бы это название, пока они не познакомятся поближе. Он капнул на ладонь и, проводя ею по волосам, выпустил на свободу волны того самого аромата, который задевал струны его сердца, когда она проходила мимо.

— Погоди, — спохватился Крис, — это мы зря, а вдруг она рассердится?

— Ты только бутылку не запачкай, тогда она не догадается. Думаешь, это покупные? Как бы не так! Наверное, образец.

Крис собрал расписания дежурств и повес их в контору. На взгляд Берта, Ролло Крис слишком охотно соглашался быть на побегушках и не понимал, что стоит только человеку ступить на этот путь, и ему уж и минуты свободной не оставят. Памятуя о собственном опыте, Берт давно от чистого сердца предостерегал его, и все возрастающее количество поручений, которыми Мопика заваливала Криса, только подтверждало его пророчества. Но, насколько он мог видеть, все эти предостережения не приносили ни малейшей пользы. Однако Берт видел не так уж много и даже в этом темном не отдавал себе ясного отчета. Визиты Криса в контору

приурочивались к тому времени, когда мистера Ролло там не было; предлоги для таких визитов отличались крайним разнообразием и делали честь его изобретательности. Но цель их была одна: уговорить Моника пойти с ним в кино. Он добивался своего с железной настойчивостью и, улыбаясь, смотрел на недоуменно поднятые брови, выслушивал ледяные ответы, гневные ответы, мирился и с отсутствием всяких ответов, ибо Крис по-прежнему не имел понятия о том, что такое комплекс неполноценности. Она отклоняла его приглашения с одинаковой твердостью — сначала просто так, без всяких оснований, потом стала говорить, что ей не хочется, потом, что она уже приглашена в другое место, а теперь мотивировала свой отказ тем, что у Криса есть другая девушка. Она сама видела, как он с ней разговаривал, на ней была красная шляпа. Моника проявляла большой интерес к этой обладательнице красной шляпы. И Крис мало-помалу приходил к убеждению, что дело подвигается.

Чтобы завоевать такую девушку, как Моника, надо положить немало трудов. Он знал это, он почерпнул много ценных сведений о женщинах из рассказов Ролло, у которого было нечто подобное с одной официанткой от Байонса. Шикарная штучка! Ролло-младший знал великое множество таких шикарных штучек. Обладеть можно! Он показывал Крису их фотографии. Все романы с этими очаровательными созданиями проходили через одни и те же стадии: поездки на автомобилях, танцы, посещение дорогих ресторанов, просаживание заработка в любовном угаре. Но все эти романы, пачканные так увлекательно, приходили к одному и тому же концу. Рано или поздно в каждой розе обнаруживались шипы, и куда девалось тогда то абсолютное совершенство, которое видел в ней Берт Ролло! Все они, как одна, пытались или перевоспитывать его, или поведовать им, или превращать его в свою безраздельную собственность. Недоразумения, ссоры, пронужденные свидания, полные упреков письма, а затем после взаимных обвинений, на которые уходил целый вечер, наступал разрыв. Сколько велось таких следствий над трупами любви, пока Ролло и Крис разбирали какую-нибудь заднюю ось! Что он сказал, и что она сказала, и как ему было хорошо из-

вестно, что девчонка лжет, а этого он ни за что не потерпит. Нет, не па такового напали! Берта Ролло не проведешь. Теперь с жепципами покончено.

И Крис убеждался в необходимости скрывать от Берта свои чувства. Даже не анализируя их как следует, он понимал, что одного писания ее имени на капотах машины недостаточно, — нужно что-то более существенное. Мечтой Криса было заинтересовать собой мистера Ролло. Сейчас он только один из его механиков, к тому же самый молодой и самый неопытный. Крис считал вполне возможным, что мистер Ролло даже ни разу не подумал о нем. Он хотел проявить ту высшую степень расторопности и инициативы, которая сразу поднимала бы его над людьми, отличавшимися только знанием своего дела и больше ничем; и он хотел добиться этого каким-нибудь особенно эффектным способом. Если б, например, ему удалось найти покупателей на два-три новых «конвэя», которыми забит весь гараж, или хотя бы сбыть с рук несколько подержанных. Не проходило и дня, чтобы мистер Ролло не останавливался в раздумьи перед рядами этих подержанных машин. Мистер Ролло не принадлежал к числу людей, выставляющих напоказ свои чувства, но по тому, как он смотрел на эти машины, по тому, как он забывал попыхивать сигарой, Крис догадывался, что они порядком ему надоели и что мысленно он посылает их к черту.

На таком материале постоянный продавец и должен показать свое искусство, а старик Резерфорд хоть бы одну сбаврил!

Крис твердо усвоил себе ту истину, что торговля есть искусство. Не совсем такое, каким его изображает Гомер Цейс из Нью-Йорка (считавший, что продавец должен быть чем-то вроде гипнотизера), но все же искусство. Но во-время сказанное слово, слишком большой нажим на покупателя или недостаточное внимание к нему — и конечно, он пойдет домой додумывать. И если вы увидите его еще раз, то в девяти случаях из десяти он будет ехать в машине, купленной в другом месте.

Старик Резерфорд, конечно, не имеет ни малейшего представления об искусстве торговли. Слушая его разговоры с покупателями, Крис переминался с ноги на по-

гу, кусал губы, и в нем поднималось то знакомое чувство бессильной ярости, которое он испытывал, когда их школьная команда промазывала легкий мяч. Конечно, Резерфорд не получал никаких комиссионных, ему и в голову не пришло бы их требовать. А Крис потребует. Вот, честное слово, возьмет и потребует. Надо продать одну-две машины, тогда можно будет постучать в хозяйскую дверь и спросить: а как насчет монеты? Повышенные оклады для комиссионные, а может быть и то и другое. Во всяком случае, какая-нибудь прибавка. А тогда он начнет откладывать и в конце концов откроет собственный гараж на какой-нибудь дороге, где через некоторое время можно будет расширить дело. Моника (надо надеяться) будет работать в конторе. Так рвалось будущее практически мыслящему Крису, и в качестве первого шага на этом пути он решил заняться в свободное время продажей машин.

Не успела «Килвортская газета» сообщить, что контролеру городского управления отпущены средства на покупку автомобилей, как Крис явился на квартиру к этому джентльмену, отрекомендовавшись представителем мистера Ролло, и предложил ему большой выбор новых и подержанных машин. Когда викарий схватил бронхит, возвращаясь из церкви под проливным дождем, Крис, как бывший хорист, навестил больного, преподнес ему фунт випограда и сказал, что, будь у викария маленький «моррис» (в гараже Ролло такую машину можно купить за бесценок), ему не пришлось бы так мучиться, как он мучается сейчас. Чуть ли не первым посетителем капитана королевского флота Гарстага (в отставке), прибывшего в Килворт из Сингапура, был Кристофер Бантинг, горевший желанием предоставить капитану наилучшее средство передвижения для знакомства с красотами родины.

Крис был счастлив; он напевал и у себя наверху и в гостинице, он насвистывал по утрам, поднимаясь с кровати, он улыбался всему божьему свету. У него была интересная работа, и он был влюблен. Правда, ни одной машины еще не удалось продать, но за это дело не станет. Он продаст десятки, сотни машин. И собственную мастерскую он откроет, не дожидаясь, пока ему стукнет тридцать лет.

В порыве откровенности Крис поделился своими мечтами с Эрнестом. Он подробно рассказал ему, во что обойдется оборудование мастерской, на какие доходы можно будет рассчитывать, как сочитать работу мастерской с прокатом грузовых машин. По его словам, собственный гараж — это неслыханный источник радостей и доходов, источник счастья. Эрнесту, который слушал Криса, сидя на кровати, эти мечты казались страшными. Уже очень они были скромные, ограниченные. У него и раньше не укладывалось в голове, как это люди могут так увлечься машинами. Однако увлекаются. Он вдруг подумал, что у Криса есть сходство с лордом Нэффилдом — то же добродушное, но решительное выражение лица. Энтузиаст хоть и узкого, во своего дела.

— Ты у нас будешь когда-нибудь миллионером, Крис.

— Нет, где там! Просто обыкновенным бизнесменом. Собственное дело — это единственный способ прилично зарабатывать. Уилсон твой тоже, паверно, зашибает деньги. Удивляюсь, почему ты не организуешь собственный джаз.

— Я?!

— Крал бы прибыль себе в карман, вместо того чтобы работать на других. Почему нет?

Эрнест мог бы привести десятки доводов против такой затеи. Он ненавидел джаз-банды острой ненавистью человека, который сыт ими по горло. А вот Крис решил, что зарабатывать деньги нужно, и он не позволит ни одному «но» пустить корни в своем сознании. Крис не станет парализовать свою волю лишними раздумьями. Крис добьется успеха; он принадлежит к тому типу людей, которые именуются удачниками; это сквозит у него во всем. А вот он, Эрнест, — типичный неудачник; раньше он об этом не догадывался, а теперь все ясно. Себя не переделаешь. Некоторые люди обречены на вечные шеудачи, и вовсе не потому, что они дураки. Среди них попадаются и очень образованные, — они любят поэзию, разбираются в искусстве, в музыке, в философии. Но в житейском смысле — это неудачники.

Крис осмотрел свой только что выбритый подбородок, держа зеркало на расстоянии дюйма от лица, спял поджак, почистил его щеткой и снова надел.

— Слушай, Эрнест, можно мне надеть твой полосатый галстук?

— Пожалуйста. Зачем он тебе понадобился?

— Иду в кино с одной девушкой. Хозяйская дочка. Отец, конечно, ничего не знает. Волосы у меня не слишком отросли?

— Нет.

— Вот понюхай. «Роса Аравии». Это такие духи. Три шиллинга за флакон.

— Очень хорошие.

Эрнест проводил его взглядом. Он старался подавить в себе зависть к брату, но совсем отделаться от этого неприятного чувства он все же не мог. Крис был такой счастливый, такой уверенный в себе; уж он-то сумеет проложить себе дорогу. Может быть, человеку с его вкусами и легче найти для себя что-нибудь подходящее. Вот Эрнест так что-то ничего не может найти. Ну, ладно, танцевальный сезон подходит к концу; надо немного отдохнуть, а потом подумать, как действовать дальше. Правильно, так и сделаем.

— А, к черту! — сказал он, поднимаясь с кровати. Неужели у него комплекс неполноценности? Это совсем скверно; он читал об этом в книжках по психологии. Иногда его брало сомнение, полезно ли вообще читать такие книги.

Эрнест снял пиджак и достал из шкапа крахмальную рубашку. Сегодня играть в «Ассамблею», или клуб «Гольф», или «Ротари», или еще в каком-нибудь столь же упылом заведении. От восьми до двух — шесть часов потеть в грохоте, в табачном дыму и получить за это гиню.

«Собственный джаз-банд, — вспомнил Эрнест. — Да, только этого нехватало», — и надел фрак.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Каждую субботу, несмотря на резкий ветер и пасмурную зимнюю погоду, Эрнест и Эви Стэг отправлялись за город. Они презирали мотоциклистов, которые топали ногами от холода, сидя в автобусах, и зябли.

прячась за вспотевшими стеклами. Их путь пролегал тропинкой, ведущей через поле, между живыми изгородями; они шли быстрым шагом, согреваяшии кровь, и от свежего воздуха и быстрой ходьбы их щеки разгорались румянцем. Оживленное личико Эви улыбалось Эрнесту из-за мехового воротника, маленькая шапочка с кисточкой была надета набекрень, и даже самый разборчивый спутник нашел бы ее прехорошенькой.

Во время этих прогулок Эрнест обнаружил, что совсем не знает природы, как и многого другого. Он всегда считал, что любит природу, во-первых, потому, что признаться, что ты ее не любишь, значило причислить себя к филистерам, а во-вторых, потому, что он никогда не упускал случая остановиться перед кустом цветущего терновника и воскликнуть: «Как это красиво!» Но Эви родилась и выросла в деревне, и в простоте ее отношения к земле было что-то совсем новое для Эрнеста. Он только тогда по-настоящему видел зеленую изгородь или вспаханное поле, когда смотрел на них зоркими глазами Эви. До сих пор ему не удавалось разглядеть как следует корольку или землеройку — он думал, что землеройки встречаются очень редко. Он думал, что почти все живые существа, описанные у зоологов, встречаются редко, потому что во время прогулок почти никогда их не замечал. Теперь даже птички гнезда попадались гораздо чаще, — раньше он и не знал, что их так много. Эви показывала ему гнезда одно за другим — растрепанные ветром остатки их еще держались в гущине облетевших кустарников.

Первой его мыслью было достать какую-нибудь книгу о природе и прочесть ее, а потом он подумал: «Нет!» Он и без того слишком часто обращался к учебникам и забивал голову готовыми, заранее разжеванными сведениями. Теперь он хотел видеть все своими глазами и понимать.

В какой-нибудь деревенской чайной они пили чай. Эви разливала его и делала это так домашнему, что Эрнест таял от удовольствия; потом оба они обсуждали его будущее, и из этих обсуждений неизменно выходило, что Эрнест очень способный молодой человек, которому предстоит сделать блестящую карьеру.

Ей было как нельзя лучше известно его терпеливое положение, она знала, сколько он зарабатывает, знала, что видов на будущее у него нет почти никаких, что его честолюбивые замыслы непомерны и очень неопределены. Он воспарял ввысь, а она снова и снова низводила его к уровню действительности, к тому, что было практически осуществимо.

— Ты слишком умен для своей работы, — решительно говорила она.

— Если даже и так, то я, видно, не умею приложить свой ум к делу, — отвечал он, вспоминая, что очень многие в разное время говорили ему, что он умен. Может быть, что-нибудь в его наружности вводило их в заблуждение: форма головы, высокий лоб, мало ли что? — Иногда мне кажется, что я тупица.

— О нет! — энергично возражала она. — Тебя нужно было готовить к какой-нибудь интересной профессии. А раз тебя не готовили, нужно учиться самому. Знаешь, человек может сделать очень многое.

Во всем, что она говорила, он чувствовал тот же дух, каким был проникнут Крис и те молодые люди, которые в школе учились посредственно, а теперь мало-помалу добивались до ответственных постов; для человека, проникнутого этим духом, городское управление казалось, конечно, затхлым болотом. Правда, для того чтобы рискнуть, нужна смелость, с этим Эви соглашалась, она знала, что успеха нельзя было ждать сразу, но все-таки по ее мнению, ничего особенно трудного тут не было. Удалось же это очень многим людям, которых она знала еще в родной линкольнширской деревне, — они стали теперь дельцами, видными журналистами, завели табачные плантации в Родезии.

Для Эви все профессии были равны и на всех поприщах удача одинаково достижима. Нужно было только ловить удобный случай, где бы он ни подвернулся — в Южной Америке, на Флит-стрите, в Нью-Йорке, а не очень торговаться с фортуной.

От этих разговоров все закоулки в душе Эрнеста словно продувало холодным, неприятным сквозняком. В том мире, который он знал, писцы занимали место за

конторкой в двадцать лет и с тех пор уже не смела высунуть нос из своей раковины. А Эви требовала, чтобы он вышел из нее на неприветливую арену рабочего рынка. Его охватывали робость, страх, сомнения. Но это был единственный способ сохранить ее уважение, проще говоря, единственный способ удержать Эви.

— Мне кажется, — сказал он, обдумав ее слова, — раньше я боялся риска. Шел по проторенной дорожке. Но я на ней не останусь, Эви.

Он был полон решимости, он был твердо намерен не сдаваться и, выйдя на борьбу, проложить себе дорогу в мире.

Но для мистера Баптинга, который не мог пропихнуть в душу сына и видеть то, что там совершалось, Эрнест оставался все тем же безучастным ко всему юношей, который молча проглатывал свой обед и сидел потом в гостиной, не проявляя никаких признаков жизни, сплыв, словно флаг в безветренную погоду. Если вы с ним заговаривали, вы извлекали его из таких глубин задумчивости, что он не сразу мог ответить на вопрос; он слишком много курил, часто вздыхал, и притом так, что эти вздохи было слышны в соседней комнате.

«Что-то с ним неладно, — раздумывал мистер Баптинг. — Нервы, должно быть». — и он листал «Домашнего лекаря» в поисках тех симптомов, которые находил у Эрнеста, и попутно набирался всяких полезных медицинских сведений.

— Неврастения, — говорил он жене. — Вот что у него. В сущности говоря, первое истощение.

— Он несчастлив.

Мистер Баптинг отмахивался: — Просто распустился. Ему нужно взять себя в руки, — и, чтобы способствовать этому, он говорил с Эрнестом особенно жизнерадостным тоном, потирая руки и приятно улыбаясь. С неврастениями самое главное — не обращать внимания на их мелочность.

— Ну, как там у вас на службе, Эрнест?

Эрнест отвечал в том смысле, что на службе у них все обстоит напряженно.

— А расчет повышения что слышно?

Эрнест вяло улыбался.

— Младшему клерку прибавили сотню. А я с июня буду получать десять фунтов.

— Хорошая работа всегда вознаграждается в конце концов, мой мальчик. Придет и к тебе удача. Само собой так выйдет. Ты делай свое дело, не лови ворон и не надей духом. Знаешь: «Борец отважный стоек до конца». Да ты, должно быть, учил это в школе. Есть такие стихи. Или, может, читал когда-нибудь.

Как бы Эрнесту хотелось, чтоб отец попял в конце концов, что у него это не просто угрюмость, а напряженная работа мысли! Отнюдь не угнетенное пастрое-ние, а сосредоточенность на вопросах личной судьбы. Как заключенный сидит часами на одном и том же месте, пытаясь мысленно перелететь за ограду своей тюрьмы, так и Эрнест сидел, придумывая какой-нибудь выход из той тюрьмы, в которую он был заключен силою обстоятельств. Ему необходимо было выбраться на волю, в иной, более благополучный мир, где он мог бы добиться уважения и зажить нормальной жизнью: своим домом, с женой и детьми. К этому идеалу постоянно устремлялись его мысли. Он был настроен весьма решительно. Только бы подвернулся случай, и тогда Эви увидит, как храбро он за него уцепится.

И вдруг, не предупредив ни словом, Эви подвергла его испытанию.

В коротенькой записочке Эви постоянно требовала, чтобы он позвонил ей по дороге на службу.

— Только что умер один из пациентов доктора Эрла, — сообщила она. — Кажется, он работал в счетной конторе в Килворте.

— Ты хочешь сказать... — И вдруг его осенило. — Ты хочешь сказать, что это как раз подходящий для меня случай?

— Не мешает известить справки. Он работал у Дэнби на Силвер-стрит.

Эрнест попросил ее повторить фамилию. Его лоб озаченно сморщился: кажется, ему были наперечет известны все счетные конторы в Килворте.

— Ты говоришь: счетная контора?

— Да. Но они занимаются не только счетными операциями, у них, кажется, что-то вроде агентства. Посред-

ничество в разного рода сделках: по недвижимости, по страхованию и так далее.

Его удивила в пей эта чисто женская неопределенность.

— И хорошее место, как ты думаешь?

— Разузнать во всяком случае стоит. Почему бы тебе не позвонить туда и не условиться, что ты зайдешь? Ты был бы первым кандидатом на это место.

— Хорошо, я так и сделаю, — ответил Эрнест и повесил трубку. Как это хорошо, что он знаком с девушкой, которая работает у врача с большой практикой. Вероятно, за пределами конторы Дэнби никто еще не знает об открывшейся вакансии. Ясно, что сама судьба посылает ему этот случай.

Он вышел из телефонной будки с прояснившимся лицом. После долгих недель уныния даже только услышать о такой возможности — и то поднимает настроение. Вино надежды опынило его. Он думал было, что чувство неизбежности провала иногда его не покинет, а теперь оно исчезло во мгновение ока, оно казалось смешной, неразумной слабостью. Ведь это же хорошо известное психологам явление: тот, кто легко падает духом, легче других приспосабливается к переменам. Эрнесту помнилось, что он читал об этом.

И вот, проведя все утро в радостном ожидании, Эрнест отправился в обеденный перерыв на Силвер-стрит, на свидание с мистером Дэнби, с рассылным которого ему удалось поговорить по телефону. Мистер Дэнби, повидимому, всегда приносил обед с собой и съедал его в конторе. Страшная привычка, подумал Эрнест. Должно быть, сидит на диете. Во всяком случае, именно поэтому можно сходить к Дэнби во время перерыва, не отпрашиваясь у начальства. А сам он на этот раз может обойтись и без обеда. От такого воздержания он только чувствовал себя бодрее и предприимчивее.

Силвер-стрит была одной из десятка старых улиц деревни, разросшейся со временем и поселок Килворт. Эрнест помнил, что на этой улице мясные и овощные лавчонки выставляли свой товар на самом тротуаре и что плебейский запах жареной рыбы с картошкой наполнял ее по вечерам.

Кажется, там были склады (он плохо знал Силвер-

стриг); рабочие разгружали фургоны с мясом и уносили части красных разрубленных туш в недра холодильника. Едва ли на такой улице можно было найти хоть одну первоклассную контору. Да и вряд ли у мистера Дэбби имелся аттестат; в сущности, Эрнест понимал, что никакого аттестата у него быть не могло. В «Килвортском справочнике» такой конторы совсем не значилось. Открытие было не из приятных, но Эрнест не упал духом: но что бы то ни стало нужно добиться этой работы. Ни в коем случае нельзя отклоняться от цели — все-таки это выход.

Раньше, когда ему представлялся случай «прискнуть», пыл его остывал очень быстро, он чувствовал непобедимое отвращение ко всяким переменам. Это необходимо побороть. На этот раз никакого отвращения не должно быть. Так уговаривая сам себя, он подошел к конторе Дэбби и, взглянув на нее, немедленно почувствовал отвращение.

Два грязных окна выходили на улицу, между ними была дверь. Эрнест увидел ободранную деревянную лестницу, ведущую на второй этаж, запираемый, если судить по надписи на окнах, П. Коннером, агентом. На доске, привинченной к двери первого этажа, стояло: «Горэйс Дэбби, счетные операции», но без всяких дальнейших добавлений. Надпись, сделанные более крупными буквами, рекомендовали Горэйса Дэбби как агента по продаже недвижимости, берущего на себя управление именными, страхование, сбор арендной платы, заклад недвижимости. Все окно пестрело имен; создавалось впечатление, что как только для многогранной личности Дэбби открывалось новое поприще, он в ту же минуту заказывал новую надпись и пристраивал ее на окне. Он продавал недвижимость, передавал разного рода заповедия на ходу, составлял оппеч. Повидимому, он соглашался на все и готов был делать что угодно, только не мыть свои окна и не красить вывеску запово.

Эрнест был намерен твердым шагом войти в контору Дэбби и держать себя очень решительно и энергично, так, чтобы произвести впечатление бойкого, честолюбивого и весьма делового юноши. Но обзор окна и входа подорвал его решимость. Сравнительно с тем, о чем меч-

там Эрнест, это была коптора даже не второго разряда, а четвертого или десятого. Однако, раз уж он добрался до Силвер-стрит, надо было хоть зайти и справиться. Впрочем, надо ли? Цельзя же просто стоять вот так и заглядывать в окно, а вдруг выйдет сам Дэнби и, поймав его врасплох, спросит, не он ли тот мистер Бантинг, который недавно звонил ему?

Он медленно побрея прочь, обдумывая, как ему быть, и стараясь не наткнуться на лотки с товаром и детские колясочки, отмахиваясь от копченых селедок, которые продавцы совали ему чуть не под самый нос. Дойдя до конца улицы, он остановился, так ничего и не придумав: где уже тут думать, когда то и дело на что-нибудь натыкаешься. Он только перелес себя самого и все свои неразрешенные задачи подальше от копторы Дэнби и, закулив напиросу, окинул взглядом Силвер-стрит, мысленно вопрошая сам себя, почему судьба вечно подсовывает ему самые несъедобные плоды. Он смотрел перед собой, хмурил брови и морщил лоб, словно что-то напряженно обдумывая, но на самом деле ни о чем уже не думал, а только досадовал на Эви за то, что она так все преувеличила.

Молодой человек в элегантном костюме в светлую полоску остановился рядом с ним, взглянул на табличку с названием улицы и быстро запагал по Силвер-стрит. Энергичный, дьявольски самоуверенный молодой человек. Эрнест проводил его внимательным взглядом: почти одного возраста с ним, по всей вероятности, тоже клерк. В груди Эрнеста зашевелились недобрые предчувствия. «Неужели?.. О, черт!» — и Эрнест посмотрел ему вслед, слишком поздно осознав, что в этом деле возможна конкуренция. Если этот малый действительно собирается зайти к Дэнби, так он не будет околачиваться перед дверьми, а прямо налетит на Дэнби и уже не даст маху. Это сразу видно по походке, по тому, как он держит голову и плечи, по всему репительному. Он не из тех, что дают маху. А вдруг место достанется ему? И потом окажется, что это совсем не такое уж плохое место?

Эрнест повернулся и репительно запагал вслед за молодым человеком. Он перешел на ту сторону улицы.

чтобы обогнать своего соперника, не сводя глаз с конторы Дэнби, словно с лепточки у финиша. Он тоже не даст маху на этот раз. Он весь загорелся решимостью.

Даже когда молодой человек в полосатом костюме завернул в табачную лавочку, Эрнест не убавил шага. Теперь его лозунгом было: «Вперед, не отступать!» Он первым очутился у дверей конторы Дэнби, прошел в комнату прямо напротив, как предлагала указательная стрелка у входа, и перевел дыхание, только когда остановился перед испарянным, залитым чернилами прилавком.

Молодой человек в полосатом костюме миновал контору Дэнби и, насвистывая, пошел дальше своей дорогой. Эрнест подумал, что на этот раз он преувеличил опасность конкуренции. При ближайшем рассмотрении оказалось, что конкурент — самый обыкновенный малый, да еще весь в угрях.

Комната, в которую вошел Эрнест, была пуста, но из другой комнаты, рядом, доносилось звяканье стекла о стекло, свидетельствуя о присутствии человека. Он тихо-хонько постучал по прилавку и огляделся. Напротив него был старинного образца камин, в котором вехватало двух-трех изразцов; над камином запыленная реклама страхового общества «Перл» в черной рамке, повешенная, очевидно, лет тридцать тому назад. На стене — список домов, назначенных к продаже, напечатанный на машинке и кое-где исправленный от руки, а кроме того печатное объявление: «Килвортское акционерное общество по продаже угля. Заказы принимаются здесь».

Он постучал о прилавок погромче и кашлянул.

— Кто там? — отозвались из соседней комнаты. И потом, более петричливо: — Кто там?

— Мистер Дэнби?

— Пу, я здесь, — ответил голос, дверь приотворилась, и из-за нее выглянуло большое лицо, похожее на окорок. Увидев незнакомого человека, мистер Дэнби, челюсти которого усиленно работали, проглотил остатки бутерброда, вытер нижнюю часть лица большим платком и вышел в переднюю комнату. Не отрицая вполне возможности, что Эрнест явился в качестве клиента, он явно подозревал в нем коммивояжера с образцами лент для пишущей машинки.

— Я зашел справиться относительно вакансии в вашей конторе, сэр.

— А, вы насчет работы! — воскликнул Дэнби более свободным и естественным тоном — до сих пор он вел себя очень сдержанно. — Это вы звонили? Ваша фамилия?..

— Балтинг.

— Вот, вот, Балтинг. У меня записано. Ну, знаете ли, вы времени не теряли, а?

Эрнест приятно улыбнулся, давая этим понять, какой он энергичный юноша.

— Да, мне нужен человек. И в конторе и вне конторы — работа у нас разная. Если уж вы зашли, так надо на вас поглядеть как следует, — и, откинув прилавок, он пригласил Эрнеста войти. — Идите-ка сюда. Я тут как раз собрался перекусить. Да, старик Бакстер приказал долго жить — цирроз печени; это, знаете ли, у него от виски. От виски, а не от пива. Пиво никогда не повредит. Я за завтраком всегда пью вортингтоповское. Но люблю элешного. Пены уж очень много.

Он уселся на конторку, на которой стоял чемоданчик с бутербродами, бутылка пива и стакан. — Не возражаете? — спросил он, беря в руку бутерброд и сразу выкусывая из него широкий полукруг. — Где-нибудь работаете сейчас?

— В конторе городского управления.

Челюсти Дэнби на секунду перестали жевать. — Пожалуйста, вас не выгнали, а?

— Нет, что вы!

— И никаких у вас неприятностей нет?

— Никаких, сэр, уверю вас.

Мистер Дэнби поставил стакан на стол, вытер усы и пристально взглянул на Эрнеста, словно спрашивая: «Тогда за каким же чертом?..»

— Видите ли, сэр, — начал Эрнест, делая вид, что не замечает этого выразительного взгляда, — моя работа сейчас чисто механическая, по заведенному образцу. Это мне ничего не даст. Мне хотелось бы заниматься более живым делом.

— Вот как, — заметил Дэнби и с сомнением посмотрел на Эрнеста. — Ну что ж, — продолжал он после паузы.

видимо, на время отклонив дальнейшие размышления. — Мне нужен расторопный молодой человек, мастер на все руки: чтобы письма писал, — я хочу сказать — на машинке печатал, — и переговоры вел с клиентами. Это вы, надеюсь, можете?

— Да, сэр. Ведь вы требуете отчетность?

— Приходится иногда, книги, ну и еще там разное. Я ведь, в сущности, посредник. Ну, и с подходящим капиталом приходится иметь дело. Со сбором задолженности, арендной платы. В сущности говоря, — прибавил он, решившись быть откровенным, — мы тут за все беремся.

— Понимаю, — сказал Эрнест, по ему показалось, что он уловил еще и слова: «за все и за всех».

— Читать умеете?

— Я изучал счетоводство.

— Это хорошо. Я собирался дать объявлению в газеты, но, может, вы мне подойдете. Конечно, мне нужна аттестация. — Его глаза выпали в Эрнеста. — И не от пастора, а со службы. Об операциях с недвижимостью вы знаете что-нибудь?

— Кое-что знаю.

— А надо будет знать все, если хотите работать у меня. Ну да выучитесь.

— Да, конечно.

— Дайте-ка мне ваш адрес, — сказал Дэнби, отрывая клочок бумаги. — Нате, напишите сами, — и он внимательно рассмотрел написанное Эрнестом. — Пишете вы хорошо. У Бакстера был хороший почерк, я считал он был мастак, а вот грамотность хромала. Вам не родня тот Бантинг, что держал трактир «Борзая» в Кэмберуэлле?

Повидимому, мистер Дэнби отлично помнил кэмберуэллского Бантинга. — Удивительный человек — мог осушить одним духом кварту пива. Горло, что ли, у него так было устроено, только пиво лилось туда без всякой задержки. Точно вода из крана в раковину, — сообщал мистер Дэнби. — Даже глядеть было удивительно. Без передышки мог пить.

— Какие же, собственно говоря, у меня будут обязанности, сэр? — осведомился Эрнест, когда с кэмберуэллским Бантингом было покончено.

— Все придется делать. Показывать дома съёмщикам и покупателям, следить за сроками закладных, проверять работу сборщика арендной платы, ну, и по части рекламы тоже... Да мало ли еще что! В нашем деле звать не годится. В воскресенье пойдете с вашей девушкой гулять, глядите, нет ли поблизости продажных домов. Если есть, узнайте, кто хозяин, запишите для нас адрес. Надо уметь разговаривать с людьми, да глядите в оба, чтобы вас не надули. Особенно те жильцы, которые платят помесячно, и те клепсты, которые передают дело на ходу. И язык нужно держать за зубами, поняли?

— Да, конечно.

— За зубами, — повторил Дэнби, не спуская глаз с Эрнеста. — Не все выкладывайте, что вам известно.

— Да, да, конечно.

— Многому вам придется учиться, — в раздумьи заметил Дэнби. — Все-таки, может, вы и подойдете. Я вам напишу.

Эрнест вышел из конторы на свежий воздух с чувством несказанного облегчения. Ну и контора! Ну и дыра! Опять разочарование. Тем не менее Эрнест не чувствовал никакого разочарования, шагая по Силвер-стрит на службу, наоборот — огромное облегчение. Он сделал все, что мог, Павел справил: если бы место было хорошее, он бы за него с радостью ухватился. Но эта Силвер-стрит! Грязная берлога вместо конторы, безграмотный, палитый пивом Дэнби и его темные делишки! Реинительно неподходящее место.

Он вошел в здание городского управления, старательно вымыл руки и направился по коридору в канцелярию. Здание показалось ему великолепным, как дворец, необыкновенно внушительным. Стены в коридорах были украшены портретами мэров и других именитых граждан; обстановка прямо княжеская, умывальники и ватерклозеты — верх комфорта. Уже одно то, что вы здесь находились, придавало вам вес: постороннему человеку вы могли показаться очень важной особой. Он заметил, какие веселые лица были у его сослуживцев, шумной гурьбой входивших в подъезд. Ну да, ведь все они хорошо пообедали, все, кроме него, — ему пришлось обойтись без обеда. Он вдруг ощутил пустоту в желудке и даже легкую дурноту.

Но если хочешь сделать карьеру, надо быть готовым ко всяким жертвам.

Переписанные до половины протоколы дорожной комиссии лежали у него на столе — приятная, пестрая работа, которой должно хватить почти до конца рабочего дня; потом он займется картотекой, а там и домой, к чаю. С облегчением он вернулся от неприятных мыслей о Силвер-стрит к переписке разглагольствований дорожной комиссии, уделяя должное внимание полям и интервалам в тексте: «Слушали. Постановили: вымостить заново вышеупомянутые улицы за счет домовладений, прилегающих к мостовой».

Эрнест писал слова, по смысл этих слов почти по доходил до него. Он был в таком настроении, что мог бы даже дойти по вышеупомянутым улицам до своего дома, не заметив, что это те самые, которые перечислены в протоколе. Он опять вошел в колею, и облегчение, которое он при этом испытал, было настолько же глубоко, насколько бессознательно. Работали только глаз и рука, а дух бродил, где хотел, как овечка по зеленому луку. Эрнест считал, что многое обдумывает во время работы.

Предположим, он поступил бы к Дэнби, что он там будет делать? Водить покупателей и показывать им дома, составлять договоры по найму квартир, делать это самое «все». Нельзя сказать, чтобы старикашка выражался очень определенно. Может, это он нарочно? Да еще сказал: «Я вас возьму на испытание». На испытание! Эрнесту нужно постоянное место, такое же, с какого он уходит.

А вдруг через неделю-другую Дэнби решит, что он ему не подходит? Просто вышвырнет на улицу, и все тут. Бессовестный старый жулик, это и по роже видно.

Он постучал по зубам ручкой, глядя в пространство. Хорошо, что он не сразу согласился. С этим Дэнби надо держать ухо востро.

— Ну, Баптист, — прервал его старший клерк, залезнув ему через плечо, — мечтать здесь некогда. Работайте, работайте!

И некоторое время Эрнест ощущал взгляд начальства на своей согбенной спине.

Эви жала его на улице после окончания рабочего дня.

— Был ты у Дэнби?

— Да. Из-за этого обед пропустил. — Он ломал голову, как бы объяснить ей, что такое контора Дэнби. Он вовсе не нотариус. Скорее что-то вроде агента по недвижимости.

— Так это же очень хорошо! У отца доктора Эрла была как раз такая контора, он очень прилично зарабатывал. Оба сына у него врачи.

— Ну, значит, это было что-нибудь покрупнее. Ты ведь не знаешь Силвер-стрит, правда?

— Не знаю.

Он хотел рассказать про Силвер-стрит, но побоялся, что выйдет глупо и бабально. И потому заметил только: — Это довольно далеко, за Мертон-роуд.

— Если бы ты поработал несколько лет в таком агентстве, то мог бы открыть потом свое дело. Деньги нужно не так много. Главное — контора.

— И клиенты.

— Что ж, начинают всегда с малого, как ты думаешь?

«Не было никакой нужды делать это совершенно излишнее замечание таким раздраженным тоном», — подумал Эрнест. Конечно, начинают всегда с малого. Само собой разумеется. Может, и стоит взять это место, если благодаря ему удастся завязать знакомства, войти в курс дела и потом открыть свою контору... На минуту эта перспектива показалась ему заманчивой, как всякая новая перспектива. Собственная контора, живое дело, нового фасона письменный стол, телефон, один-два секретаря в приемной. Доска с надписью «Кабинет мистера Баттлсга — без доклада не входить» на дверях его комнаты, одним словом, все точь-в-точь, как изображено на проспектах заочных курсов коммерческой корреспонденции. Все это очень мило, когда у тебя уже есть свое собственное дело, но у Эрнеста пока что ничего не было, кроме надежд на вакансию у Дэнби, и контора Дэнби отчетливо возникла в его воображении во всех мало принятых подробностях.

— Как ты думаешь, он тебя возьмет?

— Он сказал, что найдет. — ответил Эрнест и откашлялся, готовясь преодолеть трудности предстоящего

объяснения. — Это, в сущности, не такое место, какого я ищу.

Он как будто дотронулся до устрицы, и она тотчас плотно захлопнула створки. Ему показалось, что Эви коротко вздохнула. Они шли теперь молча, и в этом молчании подразумевалось, что Эрнест сказал именно то, чего ждала от него Эви. Так она думала, что он ищет предлога увильнуть? Он копнул на нее сердитый взгляд: каждая черта упрямого личика выражала непреклонность, поведала ему «взять себя в руки», «сделать, наконец, что-нибудь». Прекрасно, но что именно? Нельзя ли высказаться несколько определеннее? Они шли все дальше и дальше, и Эви не проронила больше ни слова; она думает, конечно, что он лентяй, тряпка, разиня, не способный ни на что решиться. Известно уж, что она может о нем думать!

«К чорту все это! — взбунтовался он мысленно, совершенно забывая о том, что он сам выдумал ее мысл. — У меня у самого есть голова на плечах. Нет никакого смысла менять лучшую работу на худшую». Почему она не спросит его, что такое, собственно, эта контора Дэнби? Потому, отвечал себе Эрнест, что, по ее мнению, она все знает лучше всех. Женщины всегда так. Эрнест далеко не во всем был согласен с мистером Бактингом, но тут он певольно вспомнил одно его замечание, относившееся к матери, а именно, что с упрямой женщиной сам черт не слагит.

— Я тебе сообщу, если будут новости, — сказал Эрнест, когда они дошли до дверей доктора Эрла.

— Хорошо. — Она пристально взглянула на него. — Точно такого места, о каком ты мечтаешь, Эрнест, тебе никогда не получить. Мест на заказ не делают.

— Я и не жду, что для меня сделают. Я только хочу знать наперед, что поступил правильно.

— Не всегда легко это узнать, — не сдавалась Эви. — Впрочем, это твоё дело — репаться. Я совсем не требую, чтобы ты делал то, чего не хочешь.

— Послушай, Эви, я хочу только сделать так, чтобы нам с тобой было лучше. Ты мне веришь?

— Конечно, верю. Только...

— Что «только»?

— Нет, ничего! Делай, как тебе кажется лучше. — Эви ушла, оставив Эрнеста в мучительной переживости; никогда еще, кажется, он не чувствовал себя таким несчастным.

По дороге домой он несколько раз то хотел взять место у Дэнби, то решил отказаться от него, и какое бы решение он ни принимал, сейчас же в голову начинали лезть доводы против и выступали в борьбу с доводами за, так что под конец в голове у него стало гудеть, словно в вагоне дежурных. Самое лучшее, решил он в заключение, посидеть в гостиной и обдумать это дело за наиверсией. Можно написать на бумажке все доводы за и против, поджечь итог и после этого решить окончательно. Это будет всего лучше и всего разумнее, — и, вынеся такое решение, он веселее зашагал домой, а в прихожей на столике нашел письмо от Дэнби.

Его час тому назад принес рассылный. Дэнби, обдумав дело со всех сторон, предлагал Эрнесту поступить к нему на испытание, для начала на три фунта в неделю, а через полгода, если Дэнби останется им доволен, ему прибавят еще пять шиллингов. Дальнейшее будет зависеть от его стараний и способностей.

Не теряет времени, подумал Эрнест. Так, значит, он произвел благоприятное впечатление на Дэнби. Жалованье неплохое, больше того, которое он сейчас получает, и есть надежда на прибавку. Он сунул письмо в карман. Это ультиматум: надо решать теперь же.

К чаю дожидаясь только Эрнеста. Мистер Бэнтинг, стоя на коврике перед каминем, уже давно в остервенении поглядывал на стол. Он обратил внимание Эрнеста на часы.

— Ты что-то запоздал. Где ты пропадешь, Эрнест? И к обеду не приходил.

— Много дела. Пришлось кое-где побывать в обязательный перерыв.

— Так ведь городское управление не требует, чтобы ты оставался без обеда.

— А вот сегодня пришло.

— Значит, у вас что-то неладится с организацией дела. — вынес приговор мистер Бэнтинг. — Неувязка. Если ты работаешь сверхурочно, то они должны тебе

оплачивать эти часы. Столько дерут налогов, что могут себе это позволить.

— Но, папа, — высмалась Джули, — может быть, Эрнест просто начинает проявлять интерес к делу?

— Перестань, Джули, — остановила ее мать, и мистер Бантинг подозрительно покосился на дочь: уж не острить ли она издумала?

— Я для тебя сделала яичницу. Ведь ты не обедал, Эрнест. Криса мы дожидаться не будем.

— Ах, мама! — воскликнула Джули, сморщив нос. — Я тоже хочу яичницу.

— Говорят, в Германии яйца стоят восемь пенсов штука, — заметил мистер Бантинг. — И все Гитлер и это самое вооружение.

— Но, папа, разве для вооружения нужны яйца?

— Они их подвергают анализу. Извлекают из них разные вещества, нужные для производства бомб. Кажется, глицерин, что ли. Я читал в «Сиренсе». Этот Гитлер...

— Джордж, голубчик, не заводи ты все это сначала, — запротестовала миссис Бантинг.

— Я ничего и не завожу. Сказал просто, что в Германии яйца стоят восемь пенсов штука, потому что строй там по домовратический.

— Ну, а у нас в Килворте они стоят два пенса штука.

— Два пенса? Быть не может! Когда я был мальчишкой, на шиллинг давали полтора десятка, а бой — полпенса за штуку. А мы и такие редко ели. Большие сидели на хлебе с топленным салом. Никаких витаминов тогда не полагалось. А народ был покрепче пышешнего. Грудь — во! Плечи — во! Как пышки.

— А я люблю хлеб с топленным салом, — объявила Джули. — Мама нам никогда не дает.

— Вот жила бы ты в Германии, так и сала бы не видела, — заметил мистер Бантинг. — Динамит важнее сала, — так сказал Гитлер...

— Джордж, ради бога, оставь ты Гитлера в покое.

— Я ведь только рассказываю, что прочел в газете.

— Так перестань читать газеты. Тебе чего дать, Джули?

— Хлеба с топленным салом.

— Это уже дерзость, — сухо заметил мистер Бантинг.

— А я хочу хлеба с топленым салом, — повторила Джули, делая большие, невинные глаза. — Я хочу, чтоб у меня была грудь, как пышка.

— Джули! — воскликнула шокированная миссис Бантинг.

На секунду глаза мистера Бантинга сверкнули опасным огоньком. — Я совсем не то сказал. Ты отлично знаешь, что имеем.

Миссис Бантинг вздохнула. — Что такое со всеми вами творится? Неужели вы не можете даже чаю выпить спокойно, не заводя ссор?

Эрнест пожал плечами с видом покорности судьбе. Это не дом, а какой-то обезьянник. Его мучило подозрение, что Дэйви недаром потрунил предложить ему работу, что тут что-то нечисто. Да еще «на испытание» — и это тоже неладно.

— Ни минуты покоя, невозможно думать, — сказал он.

— А ты не думай, когда ешь. — сказал отец авторитетным тоном медицинского консультанта «Сирены». — Вредно влияет на пищеварение.

— Вот и Крис, — с облегчением провозгласила миссис Бантинг.

— Опоздал чуть ли не на час, — проворчал мистер Бантинг. — Что вы там делаете на службе, просто ума не приложу. Наверное, половину дня развлекаетесь.

— Здравствуй, отец. Опять завел свою музыку? — весело приветствовал его Крис.

Он придвинул себе стул и улыбнулся сестре.

— Здравствуй, мордашка!

— Здравствуй, олух!

— Ну, ну, — вмешался мистер Бантинг. — Потихше, дети!

— Тихше, Эрнест! — поддержал его Крис, употребляя иррием, именуемый в стилистике литотесом.

Эрнест вскочил с места. — Ей-богу, мне все это на первом действует. Прямо обезьянник какой-то!

— погоди минутку, Эрнест. Я тебе купил напирас.

— Это еще зачем? — спросил неблагодарный Эрнест. — Не мой день рождения и вообще не праздник.

— А отцу бутылку виски, матери домашние туфли и духи нашему розовому бутончику.

Семейство Бантингов смотрело на него в остолебенении.

— Что случилось? Выиграл, что ли?

— Ты говоришь виски? — спросил мистер Бантинг растерянно, но с проблеском надежды.

— Да, оно в прихожей.

— Как же так...

— Слушайте. — и Крис наклонился вперед, чтобы его речь прозвучала более внушительно. — Я продал машину. За четыре сотни фунтов, машину в двадцать пять лошадиных сил, одному флотскому капитану. Хозяин получил сегодня чек и уплатил мне комиссионные.

— Ах, чтоб тебя! — воскликнул мистер Бантинг, сясь представить себе это событие во всех подробностях. — Это что же, в свободное время, что ли?

— В свободное время. Потому и комиссионные. Конечно, пришлось все-таки попросить. Я сначала договорился с мистером Ролло насчет комиссионных, а потом уж передал ему заказ.

— Ну и прохода же ты! — воскликнул мистер Бантинг. — Впрочем, — тут же спохватился он, — в делах без этого нельзя.

— И, кажется, получу еще заказ на «кюяпэй». Да и еще паклевывается. Вот потому я решил отпраздновать, — скромно заключил Крис.

— Какие духи, Крис? Покажи мне.

— «Роса Аравии». Кажется, ничего себе. На коробке сказано «неотразимые духи». Тебе как раз это нужно.

— Крис, — сказал мистер Бантинг, делая вывод из события, — тебя надо поздравить с успехом. Да еще в свободное время. Вот это я называю инициативой. Ты в самом деле сначала потребовал комиссионных, а потом передал заказ твоему Ролло? По-наполеоновски!

— Я и прибавку получил. Поговорил с мистером Ролло. Старик ничего, понимать может. Я решил, что надо и вам сказать, — объяснил Крис свое повышенное настроение.

— Разумеется, надо, — согласился мистер Бантинг, раздумывая, удобно ли сейчас же откупорить виски, мо-

лет быть, жена не станет возражать ради такого случая.

Эрнест все сидел за столом, глядя на скатерть. Ему хотелось тоже принять участие в потоке поздравлений, но он не мог, слова застревали у него в гортани. Как он завидовал Крису, как он ему завидовал! Он думал, и это было похоже на молитву: «Не дай мне завидовать брату, но дай мне завидовать и питать к нему злобу», а лицо у него так горело, что даже глаза жгло.

Пожав ему локоть, Крис положила перед ним пачку сигарет. Эрнест поднял глаза. Нет, у Криса не заметно презрения к нему; он скорее сжимает на большую собаку, которая умильно смотрит на всех, новилывая хвостом, и удивляется, почему ее алансы принимают так холодно. Его эмоции слишком примитивны и он просто не способен кого-нибудь презирать или сравнивать с собой, или питать такие ядовитые мысли, какие разъедают сейчас душу Эрнеста. Глаза его на минуту заволочило туманом. Потом, чувствуя нечто вроде духовного переворота, он сказал:

— Пала, я решил уйти со службы.

Мистер Бантинг, развертывавший бутылку с виски, замер на месте. Однако он нашел в себе достаточно присутствия духа, чтобы твердой рукой поставить бутылку на стол и выпрямиться. — Что ты говоришь, Эрнест?

— Я решил уйти со службы.

— Уйти со... — Язык мистера Бантинга просто не мог выговорить таких слов. — Вот, — сказал он, отворяя дверцу буфета, — спрячем-ка это сюда. Боже мой! Уйти со службы! Зачем? Для чего? Да ты не можешь уйти, Эрнест.

— Могу и уйду, непременно. Мне там надоело. Никакого движения, почему учиться. Так что я нашел работу в конторе агента по недвижимости.

— Ты нашел работу? Уже?

— Да.

— Так это ты что же, приходящий домой и заявляешь, что нашел другую работу, не спросив даже моего совета? — спросил мистер Бантинг, переходя в наступление.

Эрнест несколько не испугался. — Вот именно.

— Я этого не потерплю, Эрнест. Не потерплю. Мне

было нелегко подыскать тебе хорошую, постоянную работу, с видами на будущее и пенсией, и я тебе не позволяю это бросить. Пояля?

— Ты мне не можешь запретить.

— О, черт! — загремел отец. — Не могу запретить! Да я...

— Джордж, успокойся ради бога, — остановила его жена. — Тебя удар хватит, если ты будешь так волноваться.

Да, она права, подумал он; голова у него слегка кружилась. Вот сейчас его хватит удар, и он эффектно покатится на ковер. Жертва сыновнего непослушания. От волнения это может случиться — половина тела будет парализована (в «Домашнем лекаре» это называется «аноплексия»). Ну что ж, так им и надо, и если б ему самому это ничем не грозило, он был бы даже рад такому мелодраматическому финалу. Осторожность, однако, заставила его сесть на диван, утереть лоб платком и тяжело перевести дыхание.

— Давай спокойно обсудим это, Эрнест, — предложил он.

И он прочел всю целую диссертацию об отрицательных сторонах работы в частных предприятиях. Живут эти предприятия недолго, хозяева успевают нажить капитал и поместить его в государственные бумаги. А затем разражается промышленный кризис, и лавочку прикрывают. Хозяева рассчитывают служащих и уезжают отдыхать на Ривьеру. Сколько людей знал мистер Бантинг в Сити, сколько таких людей, которых хозяева выбрасывали на улицу в возрасте сорока — пятидесяти лет, и они бивали пороги в разных конторах.

— А твоя работа, мой милый, — и тут мистер Бантинг, окунув свою кисть в розовую краску, принялся рисовать блестящие перспективы, открывающиеся перед Эрнестом. Он становился все красноречивее и красноречивее и сам чувствовал, что говорит прекрасно. Эрнест сидел, торжешно ожидая, пока иссякнет изливавшийся на него поток красноречия. Наконец мистер Бантинг умолк, исторпав весь материал, и, торжествуя, начал подводить итоги.

— Теперь ты видишь, какую глупость ты собираешься

сделать. Просто смешно слушать, — и он уничтожающе улыбнулся.

— Но разве я смогу платить матери столько, сколько плачу сейчас, когда сезон балов кончится? Мне придется подрабатывать.

— Послушай...

— Очень жаль, папа, но я уже решил. Я знаю сам, что для меня лучше.

Мистер Бантинг понял, наконец, что Эрнест похож на свою мать гораздо больше, чем казалось по внешнему виду, что и в нем живет то же тихое, почти восточное упорство. Объясняй, сколько хочешь, пускай в ход самые разумные доводы, — всякий непредубежденный человек непременно послушался бы. Но только не Эрнест и не его мамаша — у этих всякая мысль застревает в мозгу, как роиль в узких дверях.

— Тогда какой же смысл разговаривать? — заметил он. — Раз ты сам знаешь, что для тебя лучше.

Но он не был уверен, попал ли его сарказм в цель.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Осенью тихие дороги в окрестностях Килворта огласились шумом и фырканием небольшого синего «копьеца», угрожающе вилявшего из стороны в сторону. Правил им маленького роста и плотного сложения джентльмен, отчаянно цеплявшийся за баранку руля, словно за спасательный круг, а седоком был веселый, розовый юпопа, который, видимо, не так-то легко терял спокойствие духа. На каждом перекрестке машина останавливалась, как вкопанная, и звуки рожка оповещали о том, что мистер Бантинг намеревается завернуть за угол. Затем, если ответный сигнал не просил его обогнать, мистер Бантинг двигался вперед самым медленным ходом, предупредив затаившимся еще одним, последним, гудком. При этом он бешено махал рукой нетерпеливым водителям, пытавшимся обогнать его.

Он давал гудок перед каждым коттеджем, перед каждым поворотом, давал его, увидев велосипедиста, полисмена или хотя бы собаку, давал его просто так, чтобы прове-

рить на всякий случай, действует ли гудок. Из него вышел очень осторожный водитель.

— Надо чувствовать дорогу, — говорил он Крису, который играл при нем роль инструктора. По мнению мастера Бантинга, очень немногие из встречных водителей обладали этим чувством.

Он довольно скоро убедился, что нет и не может быть машины лучше «конвэя». Он много разглагольствовал о сравнительных достоинствах машин и, перелистыв прейскурант фирмы Конвэй, все чаще и чаще сыпал в разгоре техническими терминами. Всем своим друзьям он с большим жаром твердил о достоинствах «конвэя», особенно первых моделей. Есть, конечно, машины больших размеров, есть машины быстрее, роскошнее по отделке. Но лучше этой нет.

— Если вы собираетесь купить себе машину, Оски, — говорил он, отлично зная, что мистеру Оски это не по средствам, — то лучше «конвэя» вам не найти. Самая надежная марка. Три карданных вала, замечьте. Гидравлические тормоза. Вот я и решил, что пора нам обзавестись машиной — объяснял он, словно это было так просто — взял, пошел и купил мимоходом автомобиль.

— Зато теперь куда легче собирать деньги с жильцов.

Как только миссис Бантинг преодолела истинно пегасово недоверие к шоферским способностям мужа, — а это ей удалось далеко не сразу, хотя настойчивость превозмогает все, — Бантинги начали знакомиться с Англией. Они «выехали на большую дорогу», как выражался мистер Бантинг, сам не зная хорошенько, что он хочет этим сказать. Мистеру Бантингу, сидевшему за рулем, представлялось мало шансов познакомиться с Англией; он благодушно смотрел только прямо перед собой. Зато он внимательно слушал, как его жена описывает пейзаж, и одобрительно хмыкал. Чудесная страна, другой такой во всем мире нет, с глубоким убеждением уверял он миссис Бантинг, хотя никакой другой страны, кроме Франции, ему видеть не довелось, да и ту он видел в подозрительную трубу с борта фолкстонского парохода.

Остановиться можно было где и когда угодно. Эта иллюзия, питаемая всеми автомобилистами, — что они мо-

гут остановиться где и когда угодно, — влекла мистера Бантинга все дальше и дальше — так что он вообще редко где останавливался, а если и делал это, то не надолго — впереди ведь ждали другие места и, наверно, куда более живописные.

Представьте себе чету Бантингов, въезжающую на базарную площадь какого-нибудь тихого городка в Эссексе.

Подъехав почти вплотную к тому месту, где полагается останавливать машины, мистер Бантинг, облеченный в витаны-гольф, вылезает из «конвэя». Первым делом он ревизует шины, подталкивает автомобиль сзади, чтобы убедиться, что мотор выключен, затем идет осматривать город. Если поблизости есть скобяная лавка, он подходит к витрине и критически разглядывает ее. Но бог знает что, говорит он, они тут здорово отстали, и супруги идут дальше. Они осматривают рыночную площадь, церковь, лавки, по дороге покупают пару яблок, ибо мистер Бантинг верит в витамины. Немедленно за этим следует дискуссия, стоит ли тут поселиться, если дети будут устроены и родители захотят продать свою виллу. — Здесь жизнь, наверное, дешевле, чем в Килворте, — заключает мистер Бантинг. — Иначе и быть не может. — Им, конечно, попадается навстречу хорошенький деревянный домик, либо очень старый, либо совсем новенький, но непременно оригинальной архитектуры, похожий на домик с рождественской открытки, что очень нравится супругам. Жить в таком домике, должно быть, одно удовольствие. И, дав волю воображению, они возвращаются к своему «конвэю», где мистер Бантинг опять ревизует шины, и, усевшись на свое место, выезжает на дорогу задним ходом, а миссис Бантинг стоит на тротуаре и соглашается ехать только тогда, когда он уже отъехал на некоторое расстояние от остановки: совершенно не к чему устраивать потоку для зевак.

Счастливые это были дни; ничто не омрачало их, пока можно было разъезжать в «конвэе». А он служил им исправно и аккуратно отмеривал свои двадцать пять миль в час, причем мистер Бантинг пастороженным ухом ловил всякий подозрительный скрежет или шум в моторе. Он часто останавливал машину «для проверки», утверждая, что задняя ось не в порядке. По его мнению, задняя ось

была главной причиной неполадок в машине. — Смазывать надо получше. А многие об этом забывают, — и вооружившись отверткой, он поднимал доску под задним сиденьем; производя эту операцию, он чувствовал, что проникает в самую суть вещей.

— Нет, все-таки хорошо я сделал, что ушел от Брокли, — говорил он, сидя у дороги и жуя бутерброд. — Только вот дети меня беспокоят. Эрнест... — Воя вздыхал.

— Ну, что такое Эрнест?

— Что-то дело у него плохо ладится. А ведь очень неглуп. Иной раз мне кажется, что от ума человеку мало пользы.

— Ну, это уж пустяки, мой милый.

— Нет, я много раз об этом думал. Возьми хоть Джо Кордера. Ведь ума палата. — Тут мастер Бантинг поднимался на недостижимые высоты беспристрастия и великодушия. — Куда умнее меня. В профессора годится. А продает ковры у Брокли. Хотелось бы мне его повидать, он еще не знает, что я купил машину.

Он представил себе, что входит в свой бывший отдел, посвежевший, в новых штанах-гольф. Они там, пожалуй, думают, что он совсем опустился — работы найти не может и жить ему печем. Так он им покажет, что они ошиблись. Даже Бентнора он был бы неспрочь повидать. Он просто войдет в отдел железо-скобяных товаров счастливым, благополучным, и, встретив там Бентнора, улыбнется, как говорил Кордер, сардонической улыбкой. Он был уверен, что в сардонической улыбке сумеет выразить очень многое.

Это были самые счастливые дни в жизни мистера Бантинга, после того как он удалился на покой. Но когда в Килворте начались осенние дожди и «копэй» был убран на зиму в гараж, а сад стоял облетевший и мокрый, безделье стало ему в тягость. Ни дома, ни в саду делать было ничего, оставалось только читать «Сирену» да дремать перед камином, сонно поглядывая на сонно тикающие часы.

Иногда он вдруг пробуждался от дремоты и ревистоно изирался по сторонам, ниц, чем бы заняться. Он вскакивал, бежал на кухню и отжимал у миссис Бантинг нож в

корзинку с картофелем, говоря: — Ну, уж это я сделаю, — потом шел с ней вместе наверх убирать постели. Он и не подозревал, что миссис Бантинг так разборчива и придирается ко всякой мелочи, — и подушки он кладет не так, и одеяло спущено не настолько, насколько следует, словом, она ходила за ним по пятам и переделывала всю его работу с математической точностью.

По его мнению, это было совершенно лишнее и значило только, что она в грош не ставит его помощь. Но вот уборка как будто приходила к концу, поскольку это доступно было мужскому глазу и пониманию. — А не выпить ли нам чаю? — предлагал мистер Бантинг; он сам все приготовит, они вместе сядут перед каминном и выпьют по чашечке. Но миссис Бантинг оскорбляло уже одно предположение, будто у нее есть время расслаживаться среди дня у каминна и пить чай. У нее полны руки дела, полны руки! И недоверчивый муж мало-помалу убеждался, что она говорит сущую правду. Домашней работе просто конца и края нет, это совершенно то же самое, что возиться в саду. А кроме того, миссис Бантинг обладала удивительной способностью находить для себя дело. Не дню, так другое. Половину всего этого можно было не делать, во всяком случае спешить ей было некуда. Но она твердо верила, что все хозяйственные традиции должны соблюдаться неуклонно и во что бы то ни стало, и это вызывало в нем удивление, а подчас и бесило его. Еще больше его бесило, когда жена подходила к буфету, с которого он только что стер пыль, и отыскивала пыльные закоулки и выступы, а сверх того — следы его пальцев на зеркале. Тут он весьма кстати вспоминал, что все женщины любят разыгрывать мучениц, объявляя, что навсегда отстраняется от домашней работы и опять погружался в дремотную скуку.

По субботам, если погода разгуливалась, он беседовал через забор с мистером Оски, главным образом о международном положении. Жизнь на покое дала возможность мистеру Бантингу не думать о делах и на досуге более внимательно прочитывать газету, а потому международное положение волей неволей привлекло к себе его внимание. Он много думал на эту тему и считал ситуацию в Европе весьма серьезной, даже критической. Он целиком и пол-

ностью разделял воззрения «Сирены». — Посмотрите, что делается на Востоке, — говорил он мистеру Оски. — А положенно на Средиземном море? Назревает кризис, а правительство наше точно ослепло, ничего не видит.

Оски, для которого процесс, именуемый «очисткой грунта», был гораздо важнее международного положения, отказывался даже вникнуть в дело как следует.

— Осточертели мне эти кризисы, — отвечал он. — Сеять надо больше. Вот что нам в Англии требуется, — и он возвращался к участку, засаженному картофелем.

В свободное от этих важных размышлений время мистер Бантинг, порой загорааясь жаждой деятельности, возился в саду, если позволяла погода. Он чинил забор, чистил дорожки, обмазывал креозотом шпалеры. Все, что угодно, лишь бы убить время. Целое утро он приводил в порядок сарай, а когда привел, оказалось, что разницы даже не заметно. Досадно было то, что все эти занятия поглощали труд, как песок пустынь поглощают воду, а в конце концов даже нельзя разобрать, было ли тут что-нибудь сделано или нет. Скоро он дошел до того, что, принимаясь за дело, думал, нельзя ли как-нибудь обойтись без этого. Да и все эти дела яйца выеденного не стоят.

«Да, поторопился я уйти на покой, — невесело раздумывал он. — Эпиргии у меня еще много», — и его мысли возвращались к фирме Брокли, к уютному «закутку», к Кордери на высоком табурете, болтающему ногами и изрекающему шекспировские афоризмы. Теперь там Слинггер. Ну, Слинггеру Джо едва ли станет читать стихи. «Из гадюк всех, кишящих на земле», — что-нибудь в таком роде, это еще может быть. Нет, к Брокли он никогда не вернется; и сами они за ним по припляют. А больше деваться некуда. Первоклассный специалист по скобяным изделиям, и вот пропадает зря, со всем своим опытом. — Если бы я мог найти какое-нибудь место, — бормотал он с тоской. Атлас вздыхал о своей ноше.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МИСТЕР БАНТИНГ В РОЛИ ПРОВИДЕНИЯ

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Эрнест сидел за столиком, служившим ему у Дэнби вместо конторки, и проверял счета прачечной мистера Игла. Ему не часто приходилось «иметь дело с цифирью», как выразился Дэнби, он больше бегал по городу, чем сидел в конторе: разговаривал со съёмщиками, показывал покупателям продажные дома. Он уже полгода служил у Дэнби, и теперь убогая Силвер-стрит, когда он пробегал по ней, занятый каким-нибудь специальным делом, не производила на него такого тягостного впечатления, как раньше. Привычка стерла резкость контраста между его теперешним положением и тем, что сулили ему проспекты Старейшей школы бухгалтерии.

Но в данное время к его мыслям применялось негодование. Дэнби сегодня утром сообщил ему, и очень бесцеремонным тоном, что положение дела не допускает даже мысли о прибавке. Возражения Эрнеста были отпарированы еще более бесцеремонными намеками на возможность снижения оплаты, и «в самом непродолжительном времени. Служащих, знаете ли, сейчас можно найти сколько угодно, и очень толковых». Грубость была тут совершенно ни к чему, но Дэнби вчера хватил лишнее, и потому сегодня утром встал с левой ноги. Эрнест отлично понимал свое положение. Оно было именно таково, как и следовало ожидать, — Эрнест теперь всецело зависел от воли Дэнби. Вот что значило уйти из городского управления, вот что значило «рискнуть». Он чувствовал себя в положении мотылька, палевшего на свечку.

И все-таки он много кой-чего узнал в этой сомнительной конторе, где занимались всем, что только подвергивалось под руку, — много такого, с чем никогда бы не соприкоснулся в атмосфере высокой порядочности, царившей в канцелярии городского управления. Например, он узнал, как легко уговорить людей подписать «ваше обычное соглашение», не читая его, и в какое расстройство они приходят, прочитав его впоследствии. Он узнал, что шестипенсовая гербовая марка может сыграть роль липкой бумаги, на которую ловится беснечный клиент. Он привык слышать доносившиеся из-за перегородки раздраженные голоса клиентов, которые не понимали подобных тонкостей, а потому осыпали бранью мистера Дэнби, привык и к тому, что на его голову изливались остатки гнева, еще кипевшего в душе клиента, когда тот пулей вылетал из кабинета.

Виска и сигары не пероводились в кабинете Дэнби. Без них тут не заключалось ни одной сделки; и они были непременным угощением в те дни, когда там собирался кружок спекулянтов, его темных компаньонов. Как только истекал срок чьей-нибудь закладной или являлась возможность оттягать какую-нибудь лавчонку у ее законного арендатора, призвать какого-нибудь мелкого человечка или пожириться на общественный счет, в кабинет Дэнби немедленно слетались эти корипуны. Сидя за тонкой деревянной перегородкой, Эрнест прислушивался к происходившему в кабинете вавилонскому столпотворению, к спорам и ругани; потом разногласия улаживались, слышался смех и звон стаканов, после чего красный, охрипший Дэнби выбегал из кабинета и минут десять оживленно беседовал по телефону, обмениваясь с кем-то информацией сугубо частного характера; такой разговор стоило послушать.

Коммиссионные от обманутого продавца (злосчастного клиента конторы Дэнби), причитающаяся доля добычи от шайки темных дельцов, споспешников Дэнби, коммиссионные от покупателя, следуемые по договору. — вот каким способом Дэнби ухитрялся сдирать по три пикюры с одного вола.

Много способствовала просвещению Эрнеста еще и привычка Дэнби сыпать для его пазюдация афоризмами

на деловые темы, как сыплют добавочный корм плохому растущему цыпленку. Любимым его изречением было: «За стенами конторы о делах — молчок!» Он повторял это раз сорок на день, особенно если на мази была какая-нибудь сделка, к которой это изречение могло быть с пользой применено. Обычно лицо Эрнеста не выражало никакого сочувствия, и Дэнби иной раз как-то странно на него поглядывал, словно задавал себе вопрос, уж не взял ли он в клерки безнадежного тупицу. Он считал Эрнеста «святошей» и однажды даже спросил, не методист ли он. Дэнби питал особую антипатию к методистам.

Отчетность по прачечной мистера Игла являла собой крайне неутешительное зрелище. Дело и всегда было небольшое, а теперь быстро катилось под гору и грозило своему владельцу банкротством. Эрнесту было очень жалко мистера Игла — старик ему нравился. Он иногда бывал по-стариковски упрям, но все-таки характеризовать его можно было только устаревшим словом «джентльмен»: он одевался несколько старомодно, но очень тщательно, был всегда и со всеми безукоризненно вежлив и выслушивал вас с таким вниманием, с каким слушают только советы врача. Он, так же как и Эрнест, любил симфоническую музыку и нередко засиживался в приемной, скрестив на ручке зонтика узловатые руки и беседуя с Эрнестом на печальную тему о том, как изменился мир. — Помню, когда подоходный налог повысился с восьми пенсов до десяти, мой отец сказал, что Англия погибла, — с грустью вспоминал он. — А теперь налог дошел до пяти шиллингов.

Воплея Дэнби и нагнулся над плечом Эрнеста — от него разлило вино.

— Ну, как идут дела у старика?

— По-моему, в убыток. А ведь заказов очень много.

— Из ума выжил. Ну, на кой черт ему прачечная? Ведь ему уж под семьдесят. А продать ее нельзя?

— Не выйдет, пожалуй: дело совсем разваливается.

Дэнби задумался. — Если ему нужны деньги, пусть продаст свои два дома на Милтон-стрит. Пятьсот фунтов дать можно.

— Не знаю, захочет ли он продать.

— Нет никакого смысла дожидаться, пока их опишут за долги. Лучше уж пусть кто-нибудь купит их по дешевке, раз старику все равно вылетать в трубу. Спро-
сите-ка его. Скажите, что у нас как раз есть поку-
патель.

— Пятьсот фунтов? — спросил Эрнест довольно кис-
лым тоном.

— Хватит и этого, если деньги нужны дозарезу. Вот что я вам скажу, Бантинг: пора уж вам знать, что мы тут продаем дома не для того, чтоб домохозяева на этом наживались. Понятно?

— Да, сэр.

— Ну, так отправляйтесь к нему с кншгами, когда проверите отчетность, и скажите, как я вам велел.

— Слушаю, сэр, — ответила Эрнест, правильно истол-
ковав недовольный взгляд Дэнби. Он давно знал, что новый хозяин отнюдь не считает его ценным приобре-
тением.

Чуть ли не в первый раз Эрнесту захотелось дове-
риться отцу, спросить его совета относительно самых
важных в жизни вопросов. Ему хотелось бы поговорить
с ним на такую старомодную тему, как честность в де-
лах. Иногда ему казалось, что этой честности вообще не
существует, есть только «закон». И Дэнби сильно побаи-
вался «закона», хотя и делал вид, что его презирает.
Многие сделки, в которых Эрнесту приходилось приши-
мать участие, тяготили его, боязнь увольнения тяготила
его, а всего больше тяготило его это дело с Иглом, кото-
рое усложнялось еще и личной симпатией к старику. Од-
нако он не решался посоветоваться с отцом. В последнее
время мистер Бантинг, если у него просили совета, вел
себя довольно странно. Советовать он, конечно, совето-
вал, но каким-то в высшей степени ироническим тоном;
он задавал сам себе риторические вопросы и сам же от-
вечал на них и неизменно заканчивал эти монологи
такими словами: — Вот, может быть, Крис или Эрнест
что-нибудь вам посоветуют, а мне где уж. — Такое косвен-
ное неодобрение семейных дел, очевидно, казалось ему
весьма остроумным.

В этот вечер Эрнест вернулся домой, раздраемый со-
мнениями по поводу предстоящего визита к мистеру

Иглу. Он надеялся застать отца одного и в хорошем настроении и обстоятельно поговорить с ним обо всем, что так тяготило его совесть.

В гостиной перед радиоприемником он застал Джули с блокнотом и карандашом в руках. Она практиковалась в стенографии и записывала беседу о ловле котиков. Мистеру Бантингу было очень приятно, что хоть один член его семейства проявляет интерес к такому делу, которое и он одобрял; поэтому всем остальным запрещалось разговаривать в это время. Он внимательно смотрел, как ее карандаш скользит по бумаге, буквально зачарованный его быстротой. Правда, потом оказывалось, что она почти ничего не может прочесть по своей записи, но мистеру Бантингу было известно, что в стенографии самое важное — не отставать от оратора.

Тем временем Эрнест и Крис пили чай в вынужденном молчании, зато усиленно гремели чашками, пока, наконец, Крис не взорвался:

— Что ж нам, так и сидеть, точно приговоренным к смерти, каждый раз когда по радио передают беседу? Какая эгоистка эта Джули!

— Ну, ну! — вступился за нее мистер Бантинг.

— Да что это, в самом деле, даже и поговорить нельзя, когда приходишь домой после работы! Надо же хоть немножко развлечься.

— Если тебе так необходимо развлечение, — дерзко ответила Джули, — можешь пойти наверх и полюбоваться на портрет прекрасной Моника Ролло. Это тебе развлечет.

Крис не знал, как ему отнестись к слову «развлечение». — Уж во всяком случае она гораздо красивее тебя!

— Так, по-твоему, Моника Ролло красавица? — насмешливо спросила Джули.

— А по-твоему? — Крис был изумлен; он даже растерялся.

— Что у вас там такое? — вмешался мистер Бантинг. — О чем спор?

— О возлюбленной Криса.

Мистер Бантинг фыркнул. — Возлюбленная! Это в его-то возрасте! Чепуха, больше ничего. Эрнест, и тот еще не помышляет ни о каких возлюбленных.

Наступило многозначительное молчание, весьма смутившее старшего из молодых Бантингов.

— Так у тебя нет милой, Эрнест? — невозмутимо допрашивала Джули. — Бедный Эрнест, у него нет милой.

— Господи, вот язва! — беспомощно воскликнул Крис.

— А эта новая девушка в приемной доктора Эрла очень недурна. Правда, у нее не такие длинные ресницы, как у твоей божественной Моники, зато волосы не крашеные.

— Может быть, ты помолчишь немножко? — предложил Эрнест краснея. — Я все-таки надеялся, что в монitore у адвоката тебя хоть приучат к корректности.

— Корректность! — Мистер Бантинг с радостью ухватился за это слово, которое часто попадалось ему на глаза в печати, но которым ему до сих пор не приходилось пользоваться. — Если хотите знать мое мнение, так всем вам нехватает именно корректности. Вас, конечно, мое мнение не интересует, я всего-навсего ваш отец, — газета зашуршала, из-за нее послышались фырканье и сопение и слово «корректность», произнесенное несколько раз подряд.

Эрнест вздохнул. Через несколько минут он надел шляпу и вышел. Нечего было и думать обращаться к отцу с вопросом о том, как ему вести себя у Дэнби, да и с какими бы то ни было вопросами.

На следующий день он пошел к мистеру Иглу, захватив с собой конторские книги, чувствуя себя мытарем, еще не окончательно погрязшим в грехах. Несмотря на стесненные обстоятельства, старый джентльмен жил на довольно широкую ногу в собственной вилле посреди большого сада. Горничная в наkolке проводила Эрнеста в просторную комнату с высоким потолком, обставленную тяжелой, солидной мебелью в стиле девяностых годов. На стенах он заметил две-три хорошие картины, но особенно привлек внимание Эрнеста большой концертный рояль посередине комнаты, отливавший темным блеском, — такой рояль, к какому Эрнесту до сих пор не приходилось притрагиваться.

— Ну, каков ваш приговор, Бантинг? Велики ли убытки? — спросил мистер Игл, входя в комнату.

Эрнест подробно изложил дело. Он говорил по чистей

совести, ничего не скрывая, и подтверждал цифрами свои слова. Он сознался, что не знает, во сколько именно должно обходиться содержание прачечной, но что накладные расходы показались ему непомерно высокими.

— Оборудование устарело, вот где причина. Вечные поломки.

— Так сместите его.

— Не могу. Весь капитал в прачечной. Нет свободных денег.

Эрнест понял, что пора приступить к делу.

— У вас есть два дома на Милтон-стрит. Вы могли бы их продать.

— Это шерио. Как вы думаете, сколько за них дадут?

— Мы постараемся продать как можно дороже. — Эрнест почувствовал, что краснеет. — Не дешевле, чем по пятьсот фунтов каждый.

— Ну, это меня не устроит. Слишком мало. Придется нажимать на своих работников, пусть принимают.

Эрнест встал со стула. И, вдруг осмелев, сказал:

— У вас прекрасный инструмент, сэр.

— Стейнвей. Вы ведь играете, Балтинг? Я сам прежде играл. Теперь где уж! — он показал распухшие «уставы».

— Да, играю немного.

— Так сыграйте сейчас. Покажите-ка мне ваше умение. Только не джаз, пожалуйста.

— Шопена?

— Нет, это слишком женственно... Что-нибудь сильное, мужественное, Бетховена, например.

Эрнест сел за рояль, чувствуя, что у него никогда еще не было ни такого требовательного слушателя, ни такого чудесного инструмента. Он играл хорошо, наслаждаясь удивительным тоном и послушностью рояля и чувствуя, что один внимательный слушатель может заменить собой целую аудиторию. Кончив играть, он тихо обернулся к мистеру Иглу, думая, что тот задремал, так беспечно он сидел за спиной Эрнеста.

Глаза старика блеснули, встретившись с глазами Эрнеста. — Мой мальчик, у вас прекрасное туше. Если вам не скучно провести вечер со стариком, при-

ходите сюда и играйте мне Бетховена и Баха, я буду просто счастлив. Вам это не будет трудно?

— Я буду очень рад, мистер Нгл.

— В самом деле? Отлично. Теперь насчет этих домов. — Он задумчиво посмотрел на Эрнеста. — Мне хочется, чтобы вы сами их для меня продали. Постарайтесь, чтобы нам дали хорошую цену.

Что-то в его тоне встреврило Эрнеста. В его голосе слышались умоляющие нотки, видно, старику приходится очень туго. Эрнесту хотелось посоветовать ему обратиться в другое агентство, сказать, что Дэнби собирается подешевко спустить его дома своим приятелям, что все это будет подстроено. Но это значило бы выдать своего патрона. А не сказать — значило предать старика. Как бы он ни поступил, все равно он окажется виноват. Кроме того, если Дэнби догадается, а на этот счет он необыкновенно догадлив, то выкинет Эрнеста на улицу.

Возвращаясь в контору, он еще раз обсудил эту сделку со всех сторон. Что он идеалист, ему известно. Этого уж не переделаешь, ничем из него не вытравить этой закваски. Интересно, как отнесется его отец к тому, что сын будет уволен за твердость своих принципов. Люди очень много говорят о принципах, но, как он замечал, больше те люди, которые заставляют действовать других на основании этих самых принципов, а сами всегда готовы на компромисс, если дело идет о хлебе с маслом для них лично. Инстинкт подсказал ему, что дома терновый венец мученика не будет иметь никакого успеха.

Он прошел в кабинет к Дэнби и доложил, что ему поручено продать дома на Милтон-стрит.

— За сколько?

— За шестьсот пятьдесят каждый.

Дэнби ухмыльнулся. — Однако он оптимист, я вижу. Нет, Балтинг, на продаже домов вам не нажить капитала.

Вечером Эрнест рассказал кое-что Эви, не все конечно, но достаточно для того, чтобы она поняла, что творится у Дэнби, и так, чтобы она не упрекала себя за то, что уговорила его поступить туда.

— Теперь он не хочет давать мне прибавки. А как же мы проживем, если я не буду откладывать?

— Милый, в конце концов ты непременно добьешься

успеха. Я в этом не сомневаюсь. А что сейчас плохо — не беда. Через это все проходят.

— Да, я тоже так думаю, — устало ответил Эрнест. — Но мне нужно уходить от Дэнби, и как можно скорей.

Он опять начал просматривать в газетах объявления, писать письма, дожидаться ответа, а главное, старался, чтобы дома ничего не заметили. Никак нельзя было допустить, чтобы домашние поняли, какого он дал маху, бросив старую службу.

Крис сидел в спальне за шатким столиком, за которым в менее счастливые дни он преодолевал премудрость, заключающуюся в руководстве Теофилуса Уокера, и писал письмо своей Монике. Ее карточка, в рамке от Вулворта, смотрела на него с каминной доски. Она красовалась там уже около месяца в качестве предупреждения миссис Бантинг, что ей предстоит обзавестись невесткой. Он не отличался скрытностью Эрнеста, который хранил карточку Эви в ящике туалетного стола, под галстуками. До сих пор нельзя было понять, заметила ли миссис Бантинг карточку Моникки, и это удивляло Криса, который был убежден, что девушку такой замечательной красоты просто невозможно не заметить.

Письмо подвигалось медленно. Нествердое знание орфографии сильно мешало свободному полету мысли, необходимому для создания тех идеальных любовных писем, которые Моника желала получать от своего возлюбленного. Тщательно проверяя еще раз, не осталось ли там орфографических или грамматических ошибок, — не то Моника, чего доброго, потеряет к нему уважение, — Крис положил письмо в карман комбинезона, чтобы завтра утром Ролло-младший мог передать его сестре.

Берт Ролло никак не мог понять, с чего это Крис последнее время принялся писать письма, — ему это казалось совершенно пустым занятием. Сказать по правде, и сам Крис этого как следует не понимал: идея переписки принадлежала Монике. Насколько ему было известно, так уж заведено, чтобы молодые люди писали письма своим девушкам, и раз это нужно, то и он готов

писать письма, хотя здравая критика Берта встречала в нём сочувствие.

— Если тебе надо ей что-нибудь сказать, так почему же не поговорить в конторе? Все равно она ни черта не делает.

И вдруг с надеждой: — А может, вы поссорились?

— И не думали.

— Ну да мне-то что, передать я ей передам. Только я думаю, ты просто одурел.

— А мне наплевать, что ты думаешь, — отрезал Крис.

Крис теперь находил, что жизнь — дело нелегкое. Десятый месяц он служит у Ролло, а все ещё на должности простого механика. Вначале путь его был усыпан розами, впереди мерещилось повышение за повышением. Потом вдруг застопорилось, и путь этот стал тернистым. Вот уже несколько недель, как он не продал ни одной машины; все свободное время он посвящал Монике. Для того чтобы заработать комиссионные, надо было отказаться от общества Моника, а комиссионных он добивался исключительно для того, чтобы иметь возможность всегда наслаждаться ее обществом. Крису не сразу удалось ясно сформулировать это положение: тут был какой-то лодкох, получался заколдованный круг. Единственным возможным выходом, с точки зрения Криса, было получить место старика Резерфорда, продавца машин в гараже, который тоже, в сущности, не продал ни одной машины, по крайней мере так считал Крис. То есть, конечно, он продавал машины тем покупателям, которые приходили и спрашивали их, но Крис не считал это настоящей продажей.

— Нам бы надо открыть автомобильную школу, Берт, — сказал он. — Название такое: «Килвортская школа автомобилизма». Дать объявление: «Готовы к экзаменам на водителя».

— Да, это мысль, — согласился Ролло-младший, который всегда был рад случаю положить инструменты и переоденуть минутой-другую. — Тут есть и еще один плюс: будем катать хороших дамочек.

— А вдруг подвернутся какие-нибудь старые ведьмы? Для них надо бы женщину-инструктора. Моника подошла бы на это место.

Берт замотал головой. — Нет, куда ей. Тут надо такую женщину, понимаешь ли, с шиком. Я одну подходящую знаю, факт. — И возможная перспектива такого оживления рабочих часов на некоторое время заняла его воображение.

Пора положить этому конец, подумал Крис. — Послунай, Берт, что ты вечно придираешься к Монике? Не мешает тебе знать, что мы с ней собираемся жениться.

— Как? — переспросил Ролло-младший, всем своим лицом выражая сильнейшее изумление. — Жениться? Ты? На ней? Не может быть, ты шутишь?

— Я говорю правду и очень желал бы, чтоб ты оставил Моника в покое. Это не по-товарищески.

Берт силился постигнуть непостижимое.

— Жениться? На ней? А что говорит родитель?

— Он еще ничего не знает, осел ты этак! Знаешь один ты, и это пока секрет, помни. Само собой, что это еще нескоро. Потому-то мне и нужны деньги.

— Да, — сказал Берт, — понятное дело. — И все-таки он не мог себе представить, как это Крис будет обзаводиться, например, мебелью; все это вообще казалось ему чудным, прямо-таки невероятным.

— Ну, это твое дело, — заметил он, наконец. — Женись, если хочешь. Человек волен поступать, как ему угодно; на то у нас и свободная страна. Только ты меня прямо убил, ей-богу.

Однако после этого он постарался взглянуть на свою сестру с новой точки зрения. Вполне объективно, как будто это была не его сестра, а чья-нибудь чужая. И он пришел к выводу, что если не очень придирается и не вспоминать, какая она бывает с мокрыми волосами, после того как вымоет голову, то она ничего себе. Он поспешил поделиться этим открытием с Крисом, приводя для иллюстрации разные примеры. Так он рассказал, что недавно проезжал по Главной улице и вдруг заметил издали интересную девушку, а когда поравнялся и замедлил ход, чтобы, как водится, разглядеть ее хорошенько, оказалось, что это Моника. Этот случай произвел на него сильное впечатление, — он сообщил об этом Крису движимый самыми лучшими побуждениями.

— Ей-богу, я даже было подумал, что это Молли Филлипс.

Крис посмотрел на него ледяным взглядом. — Молли Филлипс! Неужели ты мог принять Моника за такую девушку, как Молли Филлипс?

— Честное слово, припаял. Без всяких шуток.

— Молли Филлипс, — презрительно повторил Крис. — Ну, и вкус у тебя, знаешь ли.

— Ну да. Я как раз се думал пригласить в инструкторы.

— А, провалился ты! — проворчал Крис и с удвоенной энергией принялся за ненадотливый болт, точно это была вселенная, так упорно сопротивлявшаяся ему. Пока он простой механик, ему ничего и надеяться жениться на хозяйской дочке. Сначала надо получить повышение. Но мистер Ролло, повидному, отнюдь не собирался сажать его на место старого Резерфорда. И потому его план усиленного нажима на покупателей машин пока что висел в воздухе. — «У отца это вроде паутины, а тут пужен сачок для ловли бабочек», — так выражался на этот счет Ролло-младший. Предложение открыть школу автомобильного спорта тоже не произвело особенного впечатления на старика. Он просто указал сыну на вывеску: «Мы вас научим править машиной», которая пятнадцать лет висела в гараже и явно нуждалась в ремонте. Борт сообщил, что старик никак не хочет понять, что школа автомобильного спорта — совсем другое дело; ему кажется, что на вывеске это самое и сказано. А про элегантную инструкцию и слушать не захотел.

— Да и Монике это тоже не очень-то понравилось.

— Значит, надо придумать что-нибудь другое, — мрачно заметил Крис.

— А какой смысл придумывать, если родителя все равно никак не расшевелишь? Вот если бы изобрести что-нибудь...

— Нет уж, только не изобретать. Это у нас не выйдет.

— Почему же?

— Не знаю, — сказал Крис. — Не выйдет, и все тут.

— Послушай, Крис. У меня есть одна идея. Нельзя ли мотором надувать шины, а?

— Нет, это не годится, — сказал Крис. — Того и глядя нияны запынут. — Он погрузился в самые безнадежные размышления.

Да, иной раз трудно приходится, когда ты влюблен. Не удивительно, что одни в таких случаях начинают писать стихи, а другие травятся газом. Наверно, тоже из-за денежных затруднений.

В конце концов его размышления свелись к следующему: без капитала все равно ничего не выйдет. Эрнест не просто нытик, как Крис полагал до сих пор; оказывается, он прав. Без денег ты как без рук; а с деньгами можешь сделать все, что тебе угодно: и завести свой гараж, где ты будешь сам себе голова, и даже жепиться.

Эрнест вошел в комнату мистера Дэнби с разобранной почтой.

— Паникелся покупатель на дома мистера Игла. Предлагает почти что его цену. Сообщить ему по телефону?

Лицо Дэнби выразило не совсем приятное удивление. — Еще чего! — проворчал он. — А ну, дайте-ка сюда письмо!

Он прочел письмо вслух недовольным голосом, сопровождая чтение комментариями относительно того, сколько развелось в Килворте ослов, которые садур/суются, куда их не просят.

— Ладно. Я сам этим займусь. А вы оставьте Игла в покое, понятно? Я с ним поговорю сам. — И он предостерегающе взглянул на Эрнеста.

Скоро Дэнби взялся за телефонную трубку, и Эрнест соединил его с городом. Помер был не Игла, а одного из приятелей Дэнби, спекулянта, и нетрудно было догадаться, о чем у них будет разговор. Впрочем, Дэнби голоса не понижал, так что и догадываться не пришлось. Из-за перегородки Эрнест расслышал такие слова:

— Нанимите предложение и попляйте его с рассыль-шам. Да поживее. Пометьте его вчерашним днем или раньше.

И тут в душе Эрнеста началась борьба.

Конечно, мистер Игл ему не друг и не брат — симпатичный старый джентльмен, которому он играет Бетхо-

веза и Баха в те вечера, когда Эви занята, — ничего больше. Приятные вечера — хорошая музыка, интересная беседа, у Игла Эрнест выкурива свою первую сигару. Но все-таки Игл в его жизни — всего-навсего припева, а Дэнби — хлеб насущный.

Кроме того, такие дела, наверно, обделываются каждый день. Почему Эрнест знает, может быть, это даже принято в известных кругах; конечно, это не вполне законно, но в общем на такие комбинации, кажется, смотрят сквозь пальцы. В конце концов, дело есть дело, не так ли? По крайней мере Дэнби всегда это говорит.

Но Эрнеста не удовлетворяли эти доводы; не успокаивала его и мысль, что Игл может ведь и не соглашаться на предложение, раз оно ему не подходит. Он вздыхал, вертелся на табурете и всем своим поведением очень напоминал мистера Бантинга. Никакая казуистика не выдерживала натиска совести, оцетинившейся, словно еж. Если называть вещи своими именами, так это мошенничество, и он, Эрнест, принимает в нем участие.

«Боже ты мой, да лучше флипы мести или получать пособие по безработице, — думал он. — Какое мне дело, что скажет отец или кто угодно? Не желаю, и все тут».

Рассыльный прислонил велосипед к дверям и вошел в комнату. Письмо мистеру Дэнби. Срочное. Оп у себя? — Пройдите к нему, — сказал Эрнест.

Давешнее письмо с предложением купить дома Игла Дэнби оставил у себя, но Эрнест запомнил фамилию отправителя. Сямкокс — хорошо, что фамилия не совсем обычная. Едва ли в Килворте или еще где-нибудь так уже много Сямкоков. Он раскрыл телефонную книжку и начал искать, водя пальцем по строчкам. Ему смутно припоминался и адрес, указанный в письме. И вдруг палец его остановился. — Ага, вот! — пробормотал он полголоса, выпятив адрес из бумажку и подбавля ее в карман.

Зазвонил телефон Дэнби.

— Позовите Иглу и попросите его зайти. Впрочем, нет, соедините меня с ним. Я сам с ним поговорю.

«Вот как!» — подумал Эрнест, угрюмо усмехаясь новому доказательству того, что Дэнби ему не доверяет.

— Сейчас придет, — сказал Дэнби, вешая трубку. — Вы никуда сейчас не уходите, Бантинг?

— Нет, и если я вам понадоблюсь, так я тут, сэр, — ответил Эрнест, но, к сожалению, Дэнби не оценил его проныи.

Скоро подъехал на такси мистер Игл. Он прошел по коридору, постучивая тростью, и задержался перед дверью Эрнеста. — Что это за спешка такая с продажей. Бантинг? Мне это не совсем нравится.

Широкое, красное лицо Дэнби вынырнуло из-за плеча старика. — Пожалуйста, пройдите ко мне, сэр. Прощу вас.

— А вам пора идти насчет арендной платы, Бантинг, — сказал он Эрнесту, выразительно ткнув пальцем в дверь за спиной мистера Игла.

Эрнест надея пальто и шляпу, машинально повидуясь этому жесту. Он пошел было к выходу, но на пороге остановился, помедлил и вернулся к камину. Некоторое время он стоял в раздумьи, нахмурившись, поджав губы. Видно, Дэнби только что получил новое предложение от своих спекулянтов, вот это, с рассмыслим. Насчет Симкокса он и не заикнется — тот предлагает больше, — а завтра Эрнест напишет Симкоксу письмо и выразит сожалению по поводу того, что оба дома на Милтон-стрит уже проданы, но что есть другие продажные дома, список которых прилагается. Как часто приходилось Эрнесту писать такие письма, и до самого последнего времени он не видел в этом ровню ничего подозрительного. До сих пор он был очень наивен. Зато теперь он не наивен и не боится Дэнби, а если на то пошло, то и работу не боится потерять. Он снял шляпу и пальто и решительно уселся за стол.

Дэнби вышел вместе с Иглом из кабинета, и Эрнест слышал, как он уговаривал клиента:

— Я вам советую в ваших же интересах, дорогой мой. Большие вам никто не даст. В том районе тяжело продать дом. Подпочвенный слой — глина, вы же знаете. Многие покупатели и слышать не хотят о Милтон-стрит. Боятся, что из-за сырости дома простоят недолго.

Мистер Игл застегнул пальто доверху. — Я вам сообщу свое решение, — сказал он сухо. — До свидания.

В окно Эрнест видел, как он шел по мостовой к поджидавшему его такси, видел, с каким трудом он садился в него. От резкого ветра лицо старика побледнело, он выглядел совсем дряхлым и беспомощным.

Дэнби ушел к себе, хлопнув дверью. При этом звуке что-то словно вскипело в душе Эрнеста и переплыло через край. Он выбежал на улицу, задержал такси и, просунув голову в окошко, задыхаясь, спросил:

— Сколько, он сказал, вам предлагают, сэр?

Игл ответил сколько.

— Вранье, сэр. Дают больше, только он задержал письмо у себя. Не соглашайтесь.

Глаза Игла сверкнули. — И так и знал, что дело нечисто.

— Я к вам зайду вечером, сэр.

— Пожалуйста! — сказал Игл, и его сухие пальцы недовольно сжали руку Эрнеста.

— Вы славный малый, Бантныг. Честный. Благодарю вас.

Такси отъехало. Эрнест взбежал по ступенькам, вошел к себе в комнату за пальто и шляпой и столкнулся с Дэнби лицом к лицу.

Дэнби задыхался от ярости. — Что вы говорили этому старому идиоту?

— Я спрашивал его насчет конторских книг.

— Врете, черт вас дери! — закричал Дэнби и сжал рукав Эрнеста в своем волосатом кулаке. С минуту они с вызовом смотрели друг другу прямо в глаза. Потом Эрнест стряхнул руку Дэнби со своего рукава и так толкнул его, что он отлетел к перегородке.

Ему пришло в голову, что дела теперь уже не поправимы, — место потеряно.

— Но трудитесь увольнять меня, мистер Дэнби. Я ухожу сам.

— И слава богу! Жалованья вы не получите. Слышали? — заорал он, — Не получите!

Эрнест побледнел от гнева. Решительным движением он поставил кассу на стол между собой и Дэнби и твердо взглянул ему в глаза.

— Вот как, не получу? — сказал он со злобщей мягкостью в голосе и отпер ящик. Дэнби молча смотрел

на него — его испугал этот приступ ярости у обычно тихого Эрнеста.

Эрнест хладнокровно отсчитал, сколько ему следовало, взял свою страховую карточку и вышел.

Так за полгода он прошел путь от канцелярии городского управления, через контору агента по продаже недвижимости к месту помощника заведующего прачечной, которая находилась при последнем издыхании. Игла предоставила ему это место, пока он не подыщет себе другого или пока прачечная не закроется.

Но он так вырос за последнее время, что сообщил об этом Эви скорее радостно, чем с огорчением. В его рассказе была некоторая доля грусти, но был и юмор, и частично доля этого юмора была направлена по его собственному адресу. На будущее он взирал с легким зерапом — и это было ново для него.

Быть может, Эви поняла, что видит перед собой нового человека, отчасти созданного ее руками. Она дала ему понять, что гордится им.

— Ты мне напоминаешь цыплят, которых я видела в инкубаторе, Эрнест. Они долбят и долбят скорлупу, а протолбив, силятся вылезти на волю и не могут. А потом вдруг сразу выпрыгивают из скорлупы. И тогда они становятся свободными, совсем другими существами. Вот что ты мне напомнил.

Эрнест в изумлении смотрел на нее.

— При чем же тут цыплята? — спросил он озадаченный.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Приблизительно в это же время мистер Балттип осуществил давно желаемую мечту: нанес визит фирме Брокли Первоначально он намеревался лихо подкатить на собственной машине к главному подъезду, но чем ближе к Сити, тем движение становилось все затруднительнее, и в Ильфорде он, наконец, решил поставить машину в гараж и доехать до места на автобусе. И все же его прибытие не лишено было некоторого блеска — на нем красовались новые коричневые штаны-гольф, тирольская шляпа с перышком, кроме того, он курил сигару, купленную специально для этого случая в лавочке на углу.

Даже без машины невозможно было усомниться в том, что он процветает.

С каким волнением он толкнул вращающуюся дверь, вошел под давно знакомый кров и вдохнул давно знакомые запахи! Черный лак и скипидар волновали его сердце сильнее, чем аромат лилий.

А вот и Кордер, который ни капельки не изменился; все такой же худой, с выбритым до синевы подбородком и подвижным, словно гуттаперчевым, лицом; он чему-то поучает своего помощника в столь красноречивых выражениях, что сам Квядтилиан ахнул бы от изумления. Обернувшись, он увидел Бантинга, и лицо его сперва растянлось, выражая крайнее изумление, потом сморщилось в приветственную улыбку.

— Не Бантинга ль я вижу пред собой? — воскликнул он и заагала навстречу ему через свернутые в трубку дорожки и куски линолеума, роняя по их адресу: — Прочь, ненавистные поддельные ковры! — Он то пожимал руку мистера Бантинга, то похлопывал его по плечу, то игриво тыкал костлявым пальцем в живот. Он немедленно понес какую-то чепуху вроде: «Привет тебе, ты светлый дух, ще птица», и «На смену тьме и льдам идет, алая, лето», и хотя мистер Бантинг понимал, что это всего-навсего стихи, он так растрогался этим искроиним изъяснением дружбы, что должен был вынуть сигару изо рта и несколько раз подряд шумно высморкаться — только после этого он несколько успокоился.

Потом они пошли в кафе Мак-Эндрю (Кордер, махнув на все рукой, ушел, никому не сказавшись, и даже особенно настаивал на этом), и там Кордер вывел официанта из полуполуденной дремоты, проскалдивав во весь голос: — Вы, черные, полуполуденные ведьмы, какое здесь творит колдовство? — По мнению мистера Бантинга, он, пожалуй, хватил через край — ведь они всего-навсего пользовались короткой передышкой между обедом и пятичасовым чаем. Все официантки помнили мистера Бантинга, они бросились к нему, они манеребой хлопотали о чае, одна даже погладила его по голове, так что он опять расчувствовался. Он и понятия не имел, что его здесь так любят. «Видно я и в самом деле по такой уже плохой человек», — подумал он.

Потом они с Кордером пили чай и сплетничали самым невозвратительным образом. Кордер то наклонялся к нему и шептал на ухо, то откидывался назад для усиления эффекта и жестикулировал папирской. У Брокли были большие перемены, совершенно непредвиденные. Вентнор ушел, Слингер ушел, — и оба не просто ушли, а с треском. Обнаружены злоупотребления. Мистер Бантинг наторожил уши.

— Феноменальные, — сказал Кордер.

— Не может быть! — отозвался мистер Бантинг, мысленно отмечая этот непонятный, но чрезвычайно красивый эпитет; и пожелал узнать, что же все-таки случилось с Вентнором и Слингером.

— С замкнутой чистой совестью устали они исчезли с глаз, — отвечал Кордер и, подумав, пояснил: — В тартарары. — Ничего более определенного мистер Бантинг от него не добился. В магазине, по словам Кордера, появились новые лица. Фирма Брокли теперь входила в торговое объединение и, сколько можно было судить по изложению Кордера, пересыпанному цветными красноречия, вернулась к старому и опять держала курс на высокое качество товаров, плюс некоторая реорганизация методов.

Потом он повел мистера Бантинга, еще не перескакившего всех повестей и размышлявшего главным образом о судьбе Вентнора и Слингера, в отдел скобяных товаров и представил новому заведующему, суховатому джентльмену из Манчестера, довольно любезному и, кажется, деловому. На него, впрочем, знакомство с мистером Бантингом, как ни странно, не произвело большого впечатления.

— Теперь у нас все делается так, как принято в Манчестере, — сообщил ему потом Кордер. — Они там, в Манчестере, знают, как надо.

На минуту перехватив нить разговора, мистер Бантинг успел все-таки сказать Кордеру, что приехал в город на собственной машине марки «конвэй», и если Кордер собирается обзавестись надежной машиной, так лучше этой ему не пайти; сообщил кстати, что сыновья у него на хорошей дороге и что он вообще живет хорошо и чувствует себя отлично, потому что на почь обязательно

припимает от печени щепотку соды в стакане горячей воды и рекомендует Кордону делать то же в качестве профилактической меры. Наконец, и очень неохотно, он расстался с Кордоном и фирмой Брокли.

Это был один из счастливейших дней его жизни, особенно когда он вспоминал про Слингера и Вентнора. Куда же они все-таки девались? В тартарары? Гм... За такие дела полагалось бы попасть в кутузку. Странно все-таки. Не забыть бы справиться об этих тартарарах в толковом словаре.

Он зашел в гараж за машиной и скоро затарахтел, направляясь к северу, в Линпорт, где ему надо было получить с жильцов арендную плату.

Он всегда чувствовал себя особенно независимо, когда сидел в движущейся машине. Кабинка из стекла и металла отделяла его от всего остального мира, и, сидя за рулем, он, точно на корабле или на самолете, мужественно боролся с ветром и дождем. И машина полагась славная. Дорогой он часто об этом думал. Иногда, поддавшись духу авантюризма, он позволял себе увеличить скорость до сорока километров. На этой скорости он даже самые крутые подъемы одолевал без труда.

И вот как раз в такую минуту, когда гордость собственника громко всего заговорила в нем, мотор вдруг заглох. Каждому такие минуты известны по опыту. Машина шла прекрасно и как раз поравнялась с коттеджами, — он ушел всего на четверть часа, а вернувшись, обнаружил, что она заупрямилась и отказывается двинуться с места. Он нажимал на стартер, пробовал заводить мотор от руки, потел и пылся. И никаких результатов — короткая сердитая вспышка в моторе, потом упорное молчание. Мистер Бантинг чувствовал, что он становится смелым. Он знал, что такие доки, как его сын Крис, приподняли бы капот, что-то с чем-то соединили бы или даже просто стукнули по мотору кулаком и он бы сразу заработал и больше не доставлял бы никаких хлопот. А если заехать в гараж, с него сдерут пять пиллингов, да еще посмеются над простачком. Кстати и гаража поблизости не было; кажется, до гаража надо было проехать несколько миль.

«Не позволить ли Крису?» — подумал он, вспомнив, что видел телефонную будку у дороги. Еще не так поздно,

может, удастся застать Криса на работе. И, позвонив в гараж Ролло, он сдвинул машину к краю дороги и закурил трубку, делая вид, будто остановился тут просто для того, чтобы отдохнуть и поразмяться. Его больше колола собственная беспомощность при всякого рода технических неполадках.

Скоро прибыл и Крис в «конвэе», несколько более внушительных размеров. Он вихрем вылетел из-за поворота и, поравнявшись с мистером Баптингом, затормозил с такой лихостью, что на это стоило полюбоваться. Рядом с ним сидела девушка, или, как сказал бы мистер Баптинг, «молодая особа», с очень розовыми щеками, одетая по последней моде, в крошечной шляпке набекрень, которая по прикрывала ее желтых волос, а скорее выстав-ляла их напоказ.

— Это Молика, папа, — сказал Крис, как будто одного этого было вполне достаточно. — Мы как раз собирались прокатиться, когда ты позвонил. В двадцать минут доехали. Недурно, как по-твоему?

Мистер Баптинг и Молика глядели друг на друга с нескрываемым интересом. Он был слегка смущен, она — плчуть. Надо было бы приподнять шляпу, но с этим он уже опоздал — получится глупо. Вместо этого он вынул трубку изо рта и сказал, хотя это замечание и было совершенно лишним:

— С машиной что-то не в порядке.

— Крис это мигом наладит, — уверила его Молика как будто Крис был ее протеже, а не родной сын мистера Баптинга.

— Эх, папа! Да у тебя горючее все вышло.

— Да что ты! — воскликнул мистер Баптинг, неволь но краснея. Не зная, что машина остановилась оттого, что вышло горючее, значит просто-напросто отрекомендовать себя ослом. Неужели Крис не мог сказать это потише, по конфузу его перед девушкой?

— Быть не может! — запротестовал он.

— Да уж верно. Я съезжу в ближайший гараж, привезу.

— Не понимаю, как это произошло, — обратился мистер Баптинг к Молике, когда Крис уехал. — Должно быть, так протекает.

— Ну, это со всяким может случиться.

— Неужели?

— Ну еще бы! Со мной тоже не раз бывало. Счетчик неверно показывает уровень.

— Утечка, может быть?

— Нет, просто показывает неверно.

В общем она, кажется, неглупая девушка, подумал мистер Бантинг.

— Я так рада, что познакомилась с вами, мистер Бантинг. Я много слышала про вас от Криса.

— Да? — сказал он, чувствуя себя по совсем ловко.

— А вот я про вас ничего не слышал.

— Крис за мной ухаживает, — папино сообщила она, как будто говоря: «Падеюсь, что я вам нравлюсь».

Потом она достала из сумочки портсигар. — А папиросы вы курите, мистер Бантинг?

Когда Крис вернулся, они беседовали самым дружеским образом.

— Три мили до заправочной станции, — сказал Крис, — да и какая там станция, смотреть жалко. А движение по дороге большое, ты обратила внимание, детка? Надо будет как-нибудь проверить в субботу.

— Это зачем?

— По-моему, тут самое место для гаража. Это папины коттеджи. Их можно снести и построить заправочную станцию.

— Как снести коттеджи? — эхом отозвался мистер Бантинг. — Мои коттеджи! — До чего нахальная нянчис пошла молодежь. — А ты знаешь, что я с них получаю фунт в неделю?

— Ну, по сравнению с тем, что может дать гараж, это кот заплакал. Неужели ты не можешь попятить? Вот проведут еще поперечное шоссе, а ты уж тут как тут, как раз на перекрестке.

— Отлично понимаю, — возразил мистер Бантинг. — И понимаю еще кое-что. — Не так-то дешево обойдется снести коттеджи, построить гараж, оборудовать его, — да мало ли еще что. Где же мальчишке девятнадцать лет все это знать.

Но все его возражения летели мимо их ушей, как стайка лирических воробьев. Он пришел в себя, только

услышав, что между ними идет вполголоса совершенно частный разговор.

— Ну как ты, деточка, согласилась бы жить здесь? спрашивал Крис.

Мопика посмотрела на удручающе ровную, совершенно голую, без единого дерева местность, обсеянную нескладными коттеджами, и мистер Баптинг изумился, как у Криса хватило духу задать такой вопрос.

— Это был бы просто рай! — блаженно вздохнула Мопика.

Мистеру Баптингу начинало казаться — и это было так странно, что он доверил свою мысль только жене, и то по секрету — что мальчики за последнее время образумились. Доказательством этой желанной, хотя и запоздалой перемены было то, что они начали прислушиваться к его словам с уважением и даже иногда спрашивать совета.

Оба всерьез принялись за дело. Эрнест работал с раннего утра до позднего вечера, творя решив поставить прачечную мистера Игла на ноги; Крис никогда не упускал случая поработать сверхурочно, а в свободное время, если только представлялась возможность, упрежнялся в искусстве продавать машины со всем рвением апостола, проповедующего новое евангелие.

Эрнест, которому пришлось разбираться в технических подробностях водоснабжения, неожиданно открыл, что его отец прекрасно осведомлен во всем, что касается водопроводных труб, муфт, фланцев и манометров. Они подолгу беседовали, и мистер Баптинг изумлялся невероятным пробегам в образовании сына. Он, например, не знал, что такое цинк — чистый металл или сплав, и что будет стоить дешевле — арматура из бронзы или из латуни. Чему их там учат в школе, когда они даже таких простых вещей не знают?

Эрнест не мог решить сам, во что должен обойтись капитальный ремонт водопровода в прачечной, поэтому мистеру Баптингу пришлось лично присесть в прачечную и осмотреть все из места. Он нашел, что оборудование не соответствует спецификации, а накладные

расходы просто чудовищны. Последовал крупный разговор с рабочими и со старшим водопроводчиком, потом вызван был по телефону самый главный водопроводчик, и тут начался жаркий технический спор, причем мистер Бантинг держался все более и более авторитетно и на ходу сурово тыкал зонтиком то в одно, то в другое место, приговаривая иронически: — Это, по-вашему, свиной бысшего качества? Ну, нет, вы меня не проведете!

Самый главный водопроводчик быстро капитулировал, и престиж мистера Бантинга поднялся чуть ли не до небес.

Крис произвел учет движения по Линнпортекой дороге. Из своих наблюдений он сделал вывод, грешивший некоторой туманностью, а именно: если здесь будет останавливаться x процентов всех машин, проходящих по дороге, и каждой потребуется в среднем y галлонов горючего, это уже может послужить базисом для постройки гаража.

— А если есть базис, то можно строить, не так ли, папа?

— Вообще говоря, да, — согласился мистер Бантинг, для которого всякие кривы были загадкой, а слово «базис» надо было еще искать в толковом словаре. — Это дело необходимо как следует обсудить, со всех сторон.

Слово «базис» пустил в ход мистер Ролло, который просмотрел составленный Крисом учетный лист движения и задал ряд вопросов, показывавших, что старик кое-что смыслит в деле. Потом надо было дать ему время на размышление, и он как будто размышлял, хотя, по словам Бerta, с родителем никогда нельзя знать наверное. Иной раз кажется, что он погружен в сложнейшие соображения, а на самом деле думает всего-навсего о том, не размоют ли дожди лужайку для крикета.

Но как-то утром, за завтраком, он отрывочными фразами сообщил сыну, что «случайно» побывал в Линнпорте и видел коттеджи и новую дорогу. Так же «случайно» он повидал городского архитектора и справился, нет ли каких новых строительных ограничений в связи с планировкой города. Наводя справки настел домол под видом будущего покупателя и получив таким образом доступ к планам городского строительства, он попутно

выяснил, какого типа дома предполагается строить в этой местности и при многих ли отведена площадь под гараж.

У Ролло-младшего из этих отрывочных сообщений сложилась такая картина, что родитель довольно долго стоялся по Липпорту, не выказывая при этом особой расторопности, но исподволь разузнавая обо всем косвенными методами, напоминавшими некоторые подвиги Шерлока Холмса. Берт был вынужден сознаться, что родитель показал себя отнюдь не дураком.

— По-моему, он собирается открыть филиал «Гаража Ролло» в Липпорте.

Крис посмотрел на него. — В самом лучшем случае мы можем пригласить твоего папашу в компаньоны. На равных с нами правах.

— Как, как, повтори?

— В компаньоны! — торжественно повторил Крис. — Ролло и Байтинг. Земля-то ведь наша, неужели непонятно? Попролам, если желаете?

— Ты хочешь сказать?.. — Берт даже положил на место гаечный ключ. — Ох ты, теперь понимаю! У нас будет настоящее, нервоклассное дело. Отделения везде! Быстрое обслуживание! Элегантные таксы! — Фантазия молодого Ролло расправила крылья и, оторвавшись от земли, воспарила в эмпирей. — Никола автомобилизма и все такое прочее. Да что может быть лучше!

— Давай все-таки придерживаться фактов, — останавливал его Крис. — Ничего подобного у нас не будет. По крайней мере сначала. Прежде всего надо пачать, а пот как?

— В том-то и дело, — согласился Ролло-младший и сдвинул брови, готовясь к усиленной работе мысли. — А твой родитель что говорит, Крис?

— Все ворчит и говорит, что другое дело, кабы гараж был уже выстроен, а так как его нет, то ну о чем и разговаривать.

— И больше ничего?

— Ничего, разве только, что самые хитрые планы мышей и людей удаchi не знают.

— Мышей? — изумился Ролло-младший. — Скажи, от не рехнулся?

Проект гаража так часто подсовывался мистеру Бэп-

слово, не поговорив со мной, так мы упустим случай, какого больше уже не представится.

— Сядь и расскажи мне, в чем дело, милый. Только не полнуйся. — И она опять принялась за питье.

Они сидели перед камином, придвинувшись друг к другу, и беседовали шепотом, когда вбежал мистер Бантинг, весь сияя от сознания важности происходящего, и потребовав виски.

— А, Эрнест! Ну, как дела?

— Папа, — сказал Эрнест вскакивая. — Послушай. Мне нужно кое о чем...

Мистер Бантинг поднял руку. — После, Эрнест. Дай самые лучшие стаканы, Мэри. У нас тут мистер Ролло, Эрнест. Удивительно приятный человек. — Подняв бутылку, он поглядел на свет, сколько в ней осталось виски.

— По это же очень важно...

— Ничего, можно подождать. Я занят, видишь? Дела.

И он шумно умчался. Миссис Бантинг в раздумьи вернулась из кухни.

— Сомьсот фунгов, Эрнест. Уж очень много денег. Возьми мои табачные акции, бог с ними, только бы не новая закладная!

Эрнест в отчаянии махнул рукой. Он видел, что борется один против всех, без всякой поддержки. Он не мог знать, как страшно звучит слово «закладная» в ушах женщины, которая слышала его ежедневно в течение многих-многих лет.

Когда Крис вернулся домой, глазам его представилось зрелище, которое он запомнил на всю жизнь. Мистер Ролло и отец сидели за столом с сигарами во рту, щедро подливая друг другу виски. Мистер Бантинг был очень польщен посещением такого видного человека; он сиял и становился все разговорчивее и разговорчивее; он старался дать понять мистеру Ролло, что он тоже капиталист и ищет подходящего «выхода» (как выразился мистер Ролло) для своего капитала. Он соглашался с мистером Ролло, что всего благоразумнее доверять здравому смыслу молодежи и как можно раньше предоставлять ей самостоятельность в делах. Не распространяясь подробно о

дровяном складе в Кэмдентауне, он намекнул, что и сам он с юных лет вел очень ответственное дело, и благотворные результаты такой ответственности налицо, в том комфорте, который его окружает.

Сдвинув свои кресла поближе, они закурили еще по сигаре и приступили к тому, что мистер Ролло называл довольно замысловато «экспериментальным проектом». «Чтобы быть более конкретными», — сказал он. Мистер Бантинг показал свой план — он по был уверен, можно ли назвать его «экспериментальным», но показал его не без гордости, объяснив попутно, что чутье делового человека все время подсказывало ему, какой это будет со временем ценный участок. И потому он его не продал, несмотря на самые выгодные предложения. За сорок лет в Сити можно кое-чему научиться, намекнул он скромно.

Мысль о квартирах в верхнем этаже произвела впечатление на мистера Ролло.

— Со временем очень подойдет для молодых людей, — сухо заметил он, и Крис покраснел до корней волос, хотя это замечание можно было истолковать в самом общем смысле.

Позже, когда мистер Бантинг лег в постель и открывающее действие старого виски уступило место сомнениям, трудности будущего встали перед ним стеной, отбрасывая на него свою мрачную тень. Эти трудности представились ему сейчас с необычайной четкостью.

Он перестанет получать арендную плату с коттеджей — фунт в неделю. До тех пор, пока гараж не отстроят, он не будет получать ровно ничего, хуже, чем ничего, ему придется вынуть несколько сотен из надежного строительного предприятия и вложить их в дело, которое, в сущности, является просто ловлей проезжих на большой дороге. Все это похоже на сомнительную спекуляцию.

Мистер Бантинг перевернулся на спину и постарался припомнить, как далеко он зашел с этим рискованным проектом.

— Разумеется, риск есть, — припоминая он слова, сказанные спокойным голосом мистера Ролло, а он на это (довольно глупо, как теперь ему казалось) только отмахнулся, держа сигару в руке. — Хочешь доходов — не страшись расходов, — сказал он и сослался на Гепри

Форда. Хотя при чем тут был Генри Форд, он уже не мог вспомнить. Словом, держался так, будто сам черт ему не брат.

А ведь напоминание о риске должно было его образумить. Он тревожно заворочался и сказал жене:

— Боюсь, не поторопился ли я с этим гаражом, Мэри. Лучше бы дать эти деньги Эрнесту, пускай бы учился бухгалтерии, как ты думаешь?

— Когда мы помогаем малюпкам, мы самим себе помогаем, — утешила его миссис Бантинг.

— Это верно. Но я хотел бы знать мнение Эрнеста. Он бы мог сказать, есть в этом плане практический смысл или нет.

— У Эрнеста есть свой план.

— Ну, еще бы, — ответил он сонным голосом и приотворился, будто засыпает. Планами он сейчас был сыт по горло.

Она толкнула его локтем. — Джордж, я хочу тебе сказать, ведь это насчет прачечной.

Окончательно разбуженный этим точком, мистер Бантинг сел в кровати.

— Опять закладывать дом! Я и без того теряю фунт в неделю на этой затее Криса! Он, видно, думает, что я совсем из ума выжили!

Его тревожило подозрение, что если Эрнест так думает, то он, того и гляди, окажется прав.

— А если это окупится?

— Если, если! — прервал он жену. — А на что мы будем жить до тех пор? Годы пройдут, пока мы вернем эти деньги. А скорее всего совсем не вернем, все ухнет к черту.

Спор на этом не кончился.

— Я отдаю свои табачные акции Эрнесту, — объявила она решительно. — Если ты помогаешь одному, я помогу другому.

— Хорошо тебе говорить, — возразил ей мистер Бантинг и погрузился в размышления, нескончаемые и несвязные. В ходе которых он вел воображаемый спор с Крисом, с Эрнестом, с мистером Ролло, и их воображаемые неразумные отводы так разволновали его, что у него заболела голова и мысль работала, как динамо. Тем временем жена

безмятежно спала, — он даже позавидовал ей в том, что она ничего не смыслит в делах. Погасли уличные фонари, часы в прихожей затикали громко, и мистер Бантинг очень удивился, когда они пробили три.

Три часа почти! Четыре часа, как он лежит и спит сам с собой, а к чему пришел? Ровно ни к чему.

Безнадежное чувство — обычное при бессоннице, — что заснуть уже не удастся, а вставать слишком рано, овладело им. Он лежал без движения, тупо глядя в потолок.

Мистеру Бантингу и самому было не вполне ясно, как и когда он дал согласие переговорить со всеми теми специалистами по разным отраслям техники, которые являлись к нему в ближайшие несколько недель. Однако всеми подразумевалось, что он дал это согласие — сначала выслушивая, что ему говорили, а потом проявляя слишком уж очевидный интерес к делу. Приходил к нему и архитектор, выказавший весьма лестное внимание к его плану гаража и даже захвативший этот план с собой. Приходил и инженер из Лондона, появившийся в доме совершенно неожиданно и затеявший разговор о водонепроницаемых слоях и о том, что на глубине трехсот футов вода будет наверняка. Приходили мистер Игл и мистер Ролло, разные эксперты-строители и стряпчий. Все это происходило не по желанию мистера Бантинга, а как бы само собой и цпо дальше своим чередом, невзирая на все его протесты. Его точно уносил поток деловых разговоров и обсуждений, не считаясь ни с его волей, ни с доводами разума — его брали пряступом лошесные джентльмены-специалисты с мягкими манерами и медовыми речами.

— Весь план чисто экспериментальный, — беспрестанно напоминал он всем этим людям (он разыскал-таки в словаре это полезное слово). — Пока только экспериментальный — ничего больше. — Надо было вести себя как можно осторожнее и осмотрительнее. — Паподобие змеи! — бормотал он про себя.

И все-таки было очень приятно сидеть в гостиной мистера Игла и быть центром всеобщего внимания, потом, выпив хересу, отправляться во двор прачечной и там

определять точное место для колодца, заглядывая в представляемую инженером светотопню. Ему было приятно слушать почтительные разъяснения инженера, — по крайней мере видно, что тот с ним считается как с деловым человеком. Приятно было, что прачки смотрели на него с любопытством и, как выяснилось из случайно услышанного им замечания, думали, что он «собирается купить праечную». Он даже слегка позировав и с понимающим видом кивал инженеру, говорившему что-то такое насчет альбуминового аммиака. Он даже отвечал что-то еще совсем определенное, но в утвердительном смысле, и ему и инженеру-водопроводчику, но природная осторожность заставляла его время от времени повторять, что все это только экспериментально, — они понимают, что он хочет этим сказать. И с каждым днем его все больше одолевали сомнения, понимают ли они его.

Сыграв роль капиталиста, он возвращался домой и там переживал неизбежную реакцию. Он сидел перед каминем и сиделся привести в порядок свои впечатления. Им овладевало странное чувство, что он потерял всякую власть над событиями и даже над собственными речами и поступками. Ловкие люди толкали его в разные стороны, а он только делал вид, будто может финансировать всякого рода проекты. Под конец он не на шутку испугался, что дело зашло так далеко, отступать уже было поздно, но идти вперед тоже было нельзя.

Не торопясь, взяв карандаш и блокнот, со свойственной ему методичностью, он подсчитал все расходы. Оба плана были практически осуществимы и даже выгодны — в этом он убедился, взглянув на дело вполне трезво. Для его сыпоев в них заключалось прочное основание будущей жизни и полезной работы, которая могла привести к обеспеченности, — не скоро, но постепенно, со временем, быть может, когда его самого уже не будет в живых.

Все это опять сводилось к давно знакомой теме. Жертвовать собой. Давать и давать, не только деньги, но и моральную поддержку, и советы, и все, что у тебя есть. Возделывать виноградник, с тем чтобы плоды его доставлялись детям. Вот что значит быть отцом.

Мистер Балтинг почти с радостью взвалил на себя старую ношу Атласа и нашел, что она ему уже не по силам.

— Вот что получается, Мэри, — объяснял он жене свои подсчеты. — Поступления уменьшаются, а платежи растут. Что же выходит? Между ними разрыв, пустота, зияющая бездна. И, надо сказать, очень не маленькая.

— Я знаю, милый, — сказала она, глядя его поредевшие волосы. — Я так и знала, что нам это не под силу. Ты сделал все, что мог, как и всегда делал. А больше ничего нельзя придумать?

— Ровню ничего. — Он обернулся к жене. — Послушай, плакать тут не о чем, Мэри. Ничего не поделаешь.

— Я плачу оттого, что ты такой добрый, — к его изумлению пролетела миссис Бантинг и выбежала из комнаты.

Он долго смотрел на захлопнувшуюся за ней дверь.

— Переутомилась, — поставил он, наконец, диагноз. — И нервы, я думаю. Надо бы полечиться фосфором.

Тем не менее ему стало ясно, что все эти планы надо бросить. Очень заманчиво, что и говорить, думал он, разглядывая документы, прежде чем убрать их.

Все в доме погрузилось в уныние, уныние банкротства, и впервые экономические мероприятия мистера Бантинга вызвали не только сочувствие — почти благоговение. Он был теперь Чемберленом под Годесбергом — твердым и хитроумным полководцем, который даже в такой ситуации мог найти какую-нибудь крайнюю меру. Замечено было, что он стал больше курить, гуляя по саду или в урюмой задумчивости стоя перед каминем, — и никто, даже шепотом, не смел прервать его размышления.

Очень спокойно, но с откровенностью, характерной для нового порядка вещей, он объяснил сыновьям свое финансовое положение. Он попросил Эрнеста проверить его расчеты. Потеря дохода с коттеджей и акций, платежи по будущей закладной, еженедельный прожиточный минимум для всей семьи — ножницы явно не сходились. Так это или не так?

Даже оптимизм Эрнеста не устоял перед объяснениями отца. Как выразился мистер Бантинг, им всем надо жить. Это было совершенно неоспоримо.

— Не о чем и говорить, папа. Тебе это не под силу. Большая заслуга с твоей стороны, что ты все это обдумал.

— И я так считаю, — вставил Крис.

— Спасибо, — ответил мистер Бантинг, чувствуя себя не совсем ловко; создалась какая-то такая атмосфера, что Джули чего доброго могла провозгласить трехкратное «ура» в его честь. — Так значит всею коней: и прочной, и гаражу?

— Похоже на то, — согласился Эрнест, а вслед за ним и Крис.

— Это значит, что вы должны попрежнему заниматься своим делом, упустив случай, какого вам, быть может, никогда уже не представится. Только из-за того, что нам неоткуда взять денег и перебиться, пока не начнут поступать дивиденды.

— Пожалуй, что да, — сказал Эрнест. — Все сводится к этому.

Мистер Бантинг встал и, подойдя к камину, обвел всех детей истинно отеческим взглядом.

— Вот в этом ты и ошибаешься, Эрнест. Нет у вас, у молодежи, настоящей стальной хватки.

Они вопросительно взглянули на него.

— Теперь-то и пужно проявить инициативу, — сказал он. — В делах людских пора приходит, — звучно задекламировал мистер Бантинг, безбожно перевирая текст, — когда прилив несет людей навстречу счастью. Но пропусти прилив — и будешь целый век сидеть на отмелях в нужде и горе.

— Есть такие стихи, — объяснил он, — и больше они ничего не могли добиться. С некоторым проблеском надежды в душе они отправились наверх спать.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

На следующий день обеденный перерыв застал мистера Бантинга в кафе Мак-Эндрью; он сидел напротив Кордера, наклонившись вперед, и что-то с жаром объяснял, а тот слушал внимательно и сочувственно.

— Ты стар, ты очень стар, — размышлял вслух Кордер. — И опасаясь я, ты не в своем уме.

— Мне всего шестьдесят три года или около того. За мной опыт всей жизни. Должна же для меня найтись какая-нибудь работа у Брокли.

— Такой, какая у тебя была, не найдется. Гордость надо будет спрятать в карман.

— Гордость! — воскликнул мистер Бантинг. — Да у меня ее вовсе нет. Ведь я это для мальчиков делаю, не так ли? Мне все равно, какая будет работа, лишь бы дали три фунта в неделю. Временно, понимаешь ли.

— Понимаю, — сказал Кордер и задумался. — Если хочешь, я поговорю с новым заведующим, — сказал он, изнесясь.

— Спасибо, Джо. Только ты прямо приступай к делу и не вдавайся в красноречие.

Он вернулся в магазин, и мистер Бантинг засел в каморке, в отделе ковров и линолеума, а Кордер поднялся наверх. Из закутка Кордера мистеру Бантингу виден был его прежний отдел, где работали его подчиненные. Дженнингс из Манчестера тоже был там, спокойный и авторитетный, одним выраженным лицом уже внушавший уважение. Небось, удивляются, зачем он пришел. Ну, скоро узнают, в чем дело. В нем зашевелились опасения непредвиденных, но теперь очевидных последствий того, что гордость спрятана им в карман. Может, скоро придется возить вагонетку по отделу, принимать приказы от бывших своих подчиненных прямо стоять у входа в форме рассыльного. «Ну, это уж слишком», — подумал он, кусая ус. Однако придется и это стерпеть.

— Ты делу оказал услуги, и это признают они, — проментал Кордер, подтачивая его вперед. — Ни слова больше!

Мистер Бантинг подумал, что без слов тут, пожалуй, не обойдешься, но безропотно пошел за Кордером наверх, ощущая прилив волнения и надежды. Перед дверью кабинета, где в былые времена сидел Вентнор, он остановился. Сердце у него стучало, как молот.

— Минутку, Джо.

— Ну, что еще такое?

— Лестница. Надо же дух перевести. Запыхался немножко.

На самом деле он пытался овладеть собой.

«Мальчики, — подумал он, — ну, вперед на приступ!»

Опять он увидел ястребиное лицо старика Джона Брокли в строгой рамке над камином. Под портретом

сидел лысоватый джентльмен, в черном сюртуке, очень подтянутый и деловитый.

— Я о вас слышал, мистер Бантинг. Так как вы долго у нас служили, я хочу для вас что-нибудь подыскать. Нам нужны люди в кладовой, ваш опыт там может пригодиться.

— Я в этом уверен, сэр.

— Три с половиной фунта вас устроят?

— Да, сэр. Видите ли, сэр, — и мистер Бантинг пустился в объяснения. Ему казалось очень важным толковать новому заведующему, почему он вернулся на службу. Это не совсем обыкновенный случай: его сыновья...

Лысоватый джентльмен дотронулся до звонка: — Вы можете приступить к работе с понедельника?

— А? Да, могу, сэр.

— Значит, решено. Всего хорошего, мистер Бантинг.

Вышел служащий, и мистера Бантинга увел, так и не дав ему досказать. Эти современные дельцы вечно заняты, им всегда некогда. Это не то что Джон Брокли. Он слегка даже обиделся на такое обращение. Но только сначала. Постепенно, со все возрастающим волнением, он почувствовал, что дело выгорело. Он отстоял крепость.

Дома к чаю было мидальное пирожное, по особому рецепту сделанный омлет и все прочее, как полагается. Дух веселья овладел всем домом. — дух, который, по мнению мистера Бантинга, впрочем, не возражавшего против веселья, свидетельствовал о явном непонимании того, что борьба еще только начинается и до конца очень далеко.

Он дал всем немного успокоиться, потом обратился к своим семейным самым диктаторским тоном:

— Теперь нам надо глядеть в оба, — предостерег он. — Если вам для ваших проектов нужны деньги, так извольте быть поэкономнее. Обходиться без сильных ламп, без двух каминов и так далее. Появили?

— Да, папа.

— А вам, мальчики, надо приналечь на работу. Не выбирать больше и не мешать, И, пожалуйста, Эрнест, никаких джаз-бандов.

— Хорошо, папа.

— Все наше время будет занято, — в раздумьи произнес мистер Бантинг, — все время.

В этот вечер он обошел все спальни, вывернул все шестидесятисвечовые лампочки, купленные Эрнстом, и ввернул старые сорокасвечовые. Его престиж был восстановлен.

А теперь посмотрим на мистера Бантинга через год с лишним после этих событий. Гараж Ролло-Бантинг мало-помалу начинает давать доход; с прачечной он получает десять процентов прибыли. Сыновья настояли на том, чтобы миссис Бантинг наняла пощенную работницу, но сам мистер Бантинг все еще у Брокли — работает в кладовой. Он стал там положительно незаменим. Правление советуется с ним по всякому поводу. Даже этот, из Манчестера, иногда спрашивает его совета.

Мы видим, как он, облокотясь на забор, беседует с Оски, который парезает букет роз для мисс Бантинг. Выращивание роз, как Оски только что ему сообщил, есть искусство. У одних розы растут, а у других не растут. Это искусство.

— Ваша правда, — говорит мистер Бантинг, который согласен назвать его хоть колдовством, лишь бы Оски бесплатно снабжал его розами. Теперь он очень редко работает в саду. Он часто сидит на скамейке и думает о садоводстве или, скорее, о том, не нанять ли ему садовника. Ему трудно нагибаться — спина стала болеть куда больше, чем в старое время, и колени не гнутся. Особенно трудно, когда идешь в гору. А в «Домашнем лекаре» ничего на этот счет не сказано.

— Увянь, прекрасная роза, — бормочет он, нюхая поднесенный ему букет.

— Чего? — говорит Оски, подозревая его в неблагодарности. С недавних пор ему стало приходить в голову, что Бантинг иногда как будто прохаживается на его счет. — Если она вам не нравится, Бантинг...

— Нравятся, нравятся, Оски, это есть такие стихи, — кротко говорит мистер Бантинг.

— «Увянь, прекрасная роза» — стихи? — презрительно возражает Оски. — Чуждые стихи, на мой взгляд. Ни

рифмы, ничего. Вы бы лучше спасибо сказали. С меня бы и довольно.

— Спасибо, — говорит мистер Бантинг самым ласковым голосом. — Только это проза, Оски.

Он оставляет соседа слегка уязвленным и песет розы в дом. Когда он по-настоящему уйдет на покой, он тоже будет растить розы, много роз всяких сортов. Заведет оранжерею и садовника. Да и мало ли еще что.

Он садится в кресло и сразу принимает самую удобную позу. Никогда раньше кресла не казались ему такими удобными, должно быть, они, как скрипки, с годами становятся лучше. Набив трубку, он опять откладывает в сторону, стараясь вспомнить, о чем же это он думал. Что-то надо было сделать или сказать — не припомнив, что именно. Ну, потом само собой всплывет.

Он задремал, и вдруг шаги разбудили его.

Перед ним стояла Джули, в шляпе и пальто, видимо, собираясь уходить.

— Здравствуй, папочка, — сказала она и, видя, что отец один, подошла поближе и прижалась щекой к его лицу. — Папочка, по одолжишь ли ты мне пять шиллингов до жалованья? Я видела очень милую шляпку. Это в последний раз, дорогой папочка.

— Посмотрим, — ответил мистер Бантинг, роясь в жилетном кармане с той же напускной серьезностью, с какой, бывало, искал медную монетку для Джули, когда она была ребенком. Но у него оказалось всего четыре шиллинга шесть пенсов. И с некоторым опозданием — теперь с ним это бывало сплошь и рядом — он припомнил, что эти деньги отложены им на бутылку виски.

— Больше у меня нет, — сказал он с грустью, и они оба замолчали.

Вдруг Джули раскаялась. — Не паю, папа. Я не знала, что ты без денег. Это по тебе важно.

Она собралась уходить, но он удержал ее за руку и почти судорожно вложил деньги ей в ладонь.

— Ничего, детка, возьми. В подарок, поняла? — Он посмотрел в милое юное личико, в ясные глаза. — Уходишь? Смотри, будь осторожна, детка, — заботливо сказал он. — Ты у меня быстро растешь. Почти уж совсем взрослая женщина.

В прихожей она обернулась и еще раз посмотрела на отца. В нем было что-то новое, чего она до сих пор не замечала, — лицо какое-то серое и движения медленные, и весь он такой усталый. Он сидел, уйдя в свои мысли, слепой и глухой ко всему окружающему, точно позабыв про нее.

И вдруг она ясно увидела, что ее отец стареет.

Она тихонько вернулась, обняла его за шею, прижалась теплыми губами к его щеке и нежно шепнула:

— Папочка, милый, я так тебя люблю!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МИСТЕР БАНТИНГ В ДНИ ВОЙНЫ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Мистер Бантинг стоял в затемненной кухне на коленях перед шкафчиком с обувью; сверху на него падал свет лампочки в синем колпаке. Его поза не отличалась особым достоинством, но мистер Бантинг не считался с этим, когда перед ним вставали такие неотложные задачи, как, например, сейчас. Нагнувшись над шкафчиком и быстро окидывая взглядом его содержимое, он производил обследование, имевшее непосредственную связь с проблемой липших расходов.

Подобные обследования в раньше были самым заурядным явлением в коттедже «Золотой дождь», но теперь мистер Бантинг видел в них свой прямой гражданский долг в трудные дни войны. Как правило, они совпадали у него с очередными приступами расстройства желудка. Попав под власть гастрического демона, мистер Бантинг терял спокойствие и начинал рыскать по всему дому. Рыскать долго и далеко ему не приходилось, — природный инстинкт сразу же наводил его на свежие следы того чудовищного расточительства, которое он считал наиболее возмутительным пороком своих домочадцев.

На сей раз по одной из тех несчастных случайностей, которые так часто потрясали основы семейного мира в коттедже «Золотой дождь», мистер Бантинг натолкнулся на пару туфель, принадлежащих Джули и сношеных до такой степени, что их уже нельзя было чинить. А всему виной лень и неряшество — не постаралась вовремя отнести сапожнику! Теперь только в утиль годятся. Страна вела войну, и мистер Бантинг поднимал всю важ-

ность сбора утиля. Но он не соглашался считать утилем то, что хотя бы в какой-то мере могло послужить ему самому. От туфлей Джули он перешел к осмотру башмаков Эрнеста и Криса, а потом занялся методическим и настойчивым, — ибо настойчивость была одной из самых характерных его черт, — обследованием всей имеющейся в доме обуви. В конце концов он добрался до шкафчика в кухне.

Стоя на кафельном полу, весь красный от натури и волнения, мистер Бантинг извлек из шкафчика груду старых, давно преданных забвению туфель и башмаков и обнаружил среди них только одну пару должным образом подшитую и заплатанную — свою собственную. Больше всего его возмутило то обстоятельство, что, по-видимому, один он получал пользу и достоинство каучуковых подошв фирмы Бэкстер.

Мистер Бантинг знал, что, настаивая на необходимости разумной экономии, он подвергает себя осуждению со стороны своих домашних. Она догадывался, что осуждают его и сейчас — в эту самую минуту. Джули, нитаявшая последнее время исключительно орехами и фруктами, пришла в кухню за яблоком, которое по таинственным законам диететики, ей надо было вкушать между семью и восемью часами вечера. Она заметила, что отец стоит на коленях, окруженный со всех сторон изношенной, потерявшей всякий вид обувью, и с демонстративной беспечностью начала напевать какой-то мотивчик, действующий на мозг занятого человека, точно пазойливое жужжание мухи. Она, как ни в чем не бывало, весело спросила его:

— Хэлло, папка! Ты что-нибудь ищешь? — Потом перешагнула через эти недостойные ее внимания предметы и удалилась, неся яблоко на тарелке. Один этот факт, что ей требуется тарелка и нож, чтобы съесть яблоко, свидетельствовал о претензиях, совершенно неуместных в теперешние суровые времена.

Когда дверь за Джули закрылась, мистер Бантинг поднял голову, прислушиваясь к тому, что говорится за этой закрытой дверью, и полагаясь, главным образом, на свое воображение. И воображение не замедлило подсказать ему насмешливые комментарии, которыми сопровождалось

все допросы об отцовских «чуждачествах». Губы мистера Бантинга выпягивались, усы встали щетинкой, как это всегда у него бывало в минуты гнева. Потом он кое-как сгреб обувь, швырнул ее обратно в шкафчик и встал с пола, потирая колени. Они побаливали и разгибались с трудом; всегда надо становиться на подстилку, подумал он. Есть, кажется, такая болезнь, которой страдают, главным образом, горничные, забывающие принимать эту меру предосторожности.

Поглощенный своими мыслями, мистер Бантинг размешивал в чайной чашке питьевую соду. «Дети, думал он, не отдают себе отчета в том, что сейчас война. Подобные неприятные вещи проходят мимо их сознания, а радостные события, как например, наследство, полученное после тети Энни, вызывают немедленный отклик. В те дни в доме не смолкали голоса, все старались перекроить жизнь на более широкую ногу. Но когда прозвучал боевой призыв... Увы! Достаточно им услышать самые слова «боевой призыв» — и они уж дальше и слушать не желают».

Один мистер Бантинг внимательно знакомился с брошюрами по противовоздушной обороне и подчеркивал в них самое важное. Один мистер Бантинг каждый вечер проверял затемненное я, прежде чем лечь спать, собирал все противопогазы и вешал их в холле, чтобы не искать в случае нужды. Правда, до сего времени в Англии было сброшено очень мало бомб, а в Килворте так ни одной. И о том, чтобы где-либо в Европе сбрасывали химические бомбы, тоже ничего не было слышно. По словам Эрнеста, они были запрещены Гаагской конференцией. Но эти рассуждения не могли усыпить подозрений мистера Бантинга, — он не доверял противнику. Если правительство дает вам противопогаз, значит, вы должны держать эту вещь там, где вы ее можете сразу найти в случае необходимости, а если такой необходимости пока что не возникает, то время от времени осматривайте противопогаз и аккуратно протирайте стекла. И мистер Бантинг делал это — один за всех. А что он получал в награду за свои старания? Печальное словечко «надоеда» выпорхнуло из-за двери и донеслось до его покрасневших ушей как раз в ту минуту, когда он на-

девал спящий колпак на лестничную лампочку. Мистер Бантинг вздрогнул от неожиданности и обиделся. Так обиделся, что не захотел даже отчитать Джули, которая возмущала его своей вульгарностью. Но жена он потом все-таки пожаловался.

— Пало же кому-то этим запяться. — сказал он.

— Я знаю, голубчик. Но она устала от постоянных напоминаний о войне. — Подобные ответы заставляли мистера Бантинга вздыхать так глубоко, что даже со стороны было видно, как у него вздымается и опускается грудь под бременем невысказанных чувств.

Никому не приходит в голову, как сам он устает от всех этих дополнительных забот, которые навалились в дни войны на каждого главу семейства. Заполнение продовольственных карточек и бланков на удостоверения личности, заявки на топливо, паклеванные бумажных целосок на стекла. А они, видите ли, устают только от одних разговоров на эти темы.

Мистеру Бантингу не раз приходилось слышать, особенно от Эрнеста, что проявляемый им интерес к войне и то омолаживающее действие, которое она на него оказала, явились результатом его неожиданного повышения по службе. Война губительно отразилась на делах прачечной, где работал Эрнест, на делах гаража, который Крис держал вместо с Бертом Голло, и ни с того, ни с сего наградила мистера Бантинга повышением по службе и финансовым благополучием. Вот почему, говорит Эрнест, отец так ясно отдает себе отчет в том, что сейчас война.

Когда она началась, мистер Бантинг работал в магазине Брокли на складе. Его дети почему-то представляли себе, что он ходит там в белом халате, как у бакалейщиков, и — тут воображение почти отказывалось служить им — катает по подвалу маленькую тележку, похожую на багажную. Кроме того — и это было уже гораздо правдоподобнее — отец властвует в подвале папским юношей по имени Чарли, в душу коего старается заронить хотя бы искру честолюбия. Но никто из его домочадцев — так порой размышлял мистер Бантинг, — решительно никто не хочет понять, каково ему входить в торговый дом Брокли через заднюю дверь, спускаться вниз по ступенькам в подвал и надевать комбинезон, —

и это после того, как он в течение двенадцати пяти лет входил с главного входа и усаживался за стол в своем собственном кабинете. Бывали дни, когда он по забывчивости направлялся прямо к враждующимся дверям железнодорожного отдела или, увлекшись разговором с Кордером по дороге из кафе Мак-Эндрю, вспоминал о своем «лишнем сана», как выражался его приятель, только уже боясь в помешение магазина.

Вырочем, он и не ждал от своих домочадцев, чтобы они представляли себе, какие мысли и чувства рождались в нем в такие минуты. Это неизбежно сопряжено со всякой жертвой, — со не понимают и не ценят, как она того заслуживает.

Когда угрюмый Холройд, нынешний заведующий скобяным отделом, спускался на склад или призывал мистера Бантинга к себе для дачи распоряжений, тот с тоской сравнивал свое настоящее положение с прежним и потом долго шпатель в подвале из угла в угол, негромким, задумчивым пошныстыванием разгоняя тоску.

Но с начала войны мистер Бантинг, реагировавший на вещи большей частью совсем не так, как от него ждали, заметно прибодрился. — Меня работа ждет, Мэри! — говорил он во время торопливых утренних сборов перед уходом из дому. Он знал, что у него есть свой уголок в подвале, своя работа, знал, что есть и его доля участия в делах торгового дома Брокли. Он чувствовал себя гораздо лучше, чем в дни своего так называемого отдыха, ибо мистер Бантинг был человек по-старомодному верный. Он принадлежал Брокли душой и телом, он гордился своими связями с этой почтенной фирмой не меньше, чем Тибальт своей принадлежностью к роду Капулетти!

Первый намек на повышение был услышан мистером Бантингом в ту минуту, когда он сидел на складе и мысленно прикидывал, как бы так разместить тяжелые товары, чтобы они могли послужить прикрытием во время взрывов вражеских бомб. С первых же дней войны мистер Бантинг много раздумывал над способами, с помощью которых можно было бы перехитрить Гитлера. Услышав позати себя нечто вроде вступительных тактов в оперной арии, он обернулся и увидел Кордера, стояв-

шего на нижней ступеньке подвальной лестницы в сверхобычно театральной позе.

— Я принес тебе хорошие вести! — провозгласил Кордер. — Еще немного, и ты перестанешь быть троглодитом.

Мистер Бантинг недоумевающе посмотрел на него, ожидая пояснения этого странного слова.

— Как выяснилось, узурпатор Холройд пребывал в чине офицера территориальных войск. Он вернулся в свой полк.

— Призвали?

— Вот именно. Джордж, твое прежнее место свободно.

Сердце у мистера Бантинга екнуло, как у молодой девушки.

— Это официально?

— Да. И вот я решил заглянуть к старику и напомнить ему, что здесь, во чреве земли, влачит жалкие дни Джордж Бантинг, жертва черствости людской.

— Знает он, что я здесь? Что я раньше работал в железо-скобяном, — он знает, — задумчиво сказал мистер Бантинг, терзаемый опасением, что кладовщики — это нечто вроде кузнециков, мгновенно исчезающих из поля зрения начальства. — Их оно забывает гораздо скорее, чем какого-нибудь заведующего отделом.

— Пойду напомню ему, — сказал Кордер удаляясь. — Положись во всем на меня.

Мистер Бантинг с сомнением посмотрел ему вслед, колеблясь между надеждой и страхом. Кордер замечательный малый, второго такого не сыщешь, но он ничего не может рассказывать просто, без околичностей; чуть что, ударяется в поэзию. Если он начнет говорить про забытых миром троглодитов, то мистер Бикертон поймет из всего этого, вероятно, не больше, чем понял сам мистер Бантинг.

Испытывая муки подсудимого, который знает, что суд удалился на совещание, мистер Бантинг сел на ящик и стал ждать приговора. Мыслей у него не было — одни ощущения. Он решительно стирал соблазнительные картины, которые рисовала ему надежда: старый закуток, длинные прилавки магазина, он сам, прочно стоящий у власти. Его мучила неприятная сухость в горле, настоль-

живо напоминающая о трубочке, курение которой было запрещено здесь. Он встал с ящика, зажег газовую конфорку и налил из-под крана воды в чайник.

Пока вода закипала, мистер Бантинг разглядывал свое лицо и фигуру в крохотном зеркальце. Поправил галстук, почистил лапки пиджака и посмотрел себе прямо в глаза. Другому об этом, конечно, никому не скажешь, но в глубине души мистер Бантинг считал себя молодым хоть куда. Конечно, в нем нет шика и блеска (мистер Бантинг гордился тем, что не переоценивает себя), но он истинный англичанин — здравомыслящий, практичный, стойкий и всегда — за исключением сегодняшнего дня — чисто выбритый.

Услышав шаги на лестнице, он потушил газ и с большим проворством, не производя ни малейшего шума, что свидетельствовало о солидной практике в подобного рода делах, спрятал чайник за пустой ящик, который с этой целью и был здесь поставлен.

— Вас просит мистер Бикертон, — чиркнул рассыльный, спустившись ровно настолько, насколько это было необходимо. Мистер Бантинг важно кивнул, посмотрев на него поверх толстой инвентарной книги.

Выждав несколько минут, чтобы произвести впечатление человека занятого, он явился в кабинет директора. Фотография старого Джона Брокли все еще висела над камин. Если не считать Кордера и его самого, вряд ли кто здесь помнил основателя торгового дома Брокли вот таким, каким он был изображен на этом портрете. Вспыльчивый, добрый, строгий и веселый. Мистер Бантинг не знал, кто другой был бы способен проворачивать столько всяких дел, и при том без малейшей суеты. Теперь таких больше не встретишь.

Мистер Бикертон быстро писал что-то; его розовая лысина поблескивала под лампой с зеленым абажуром. Он бросил взгляд в сторону, посмотрел на записку в блокноте, потом на мистера Бантинга, словно это была вторая записка в образе человеческого, и мысленно связал их между собой.

— Я прошу вас взять на себя заведывание отделом мистера Холройда на время его отсутствия, — быстро проговорил он.

— Слушаю, сэр. Счень буду рад.

— Постарайтесь, чтобы все было так же, как при мистере Холройде. — продолжал мистер Бикертон, задумчиво глядя на мистера Бантинга своими большими, ясными глазами. — Это, конечно, временно. Жалованье будете получать соответственно должности.

— Благодарю вас, сэр, — сказал мистер Бантинг. Благодарность его была велика, и он чувствовал, что этих слов недостаточно; надо как-то подчеркнуть ее... Надо еще что-то сказать... И, не находя подходящих выражений для своих чувств, он стоял с сияющей физиономией, преисполненный твердой решимости оправдать оказанное ему доверие.

Однако директор, видимо, считал, что интервью закончено. Не такое сейчас время, чтобы разводить церемонии. Ну, понятно, он ведь не знает, что мистер Бантинг в течение двадцати пяти лет заведывал тем самым отделом, который именуется сейчас отделом Холройда; он не знает, что мистер Бантинг поступил в универсальный магазин Брокли еще мальчишкой, что он свой человек здесь, а не какой-нибудь чужак, которого ничто не привязывает к Брокли, кроме заработка.

Не мешало бы показать ему свое развитие, то, что поднимает его над общим уровнем служащих.

— Я часто думаю, сэр, не устроить ли нам бомбоубежище в подвале?

— Бомбоубежище? — с удивлением повторил мистер Бикертон. — Это зачем же?

— На случай... э-э... воздушных налетов, сэр.

— Вы что, боитесь, мистер Бантинг? — Вопрос прозвучал несколько прощитесь.

Мистер Бантинг считал себя выше подозрения в трусости. — Я просто думал, что об этом не мешает напомнить.

— Я не потерплю, чтобы мои служащие заранее тряслись от страха перед налетами. — заявил мистер Бикертон, и его глаза сверкнули синим оглыком, что случалось с ним не часто. Желая смягчить суровость своих слов, он улыбнулся мимолетной улыбкой, потом отпустил мистера Бантинга, показав пером в сторону двери.

Мистеру Бантингу было чрезвычайно приятно вырваться

ся из мрачной полутьмы склада на капитанский мостик своего прежнего отдела, но он думал, что остальные слушающие отнесутся к этому как к очередной передвигке, вызванной военным временем. Он был намерен держаться по-деловому. Но, войдя в свой прежний отдел, он сразу почувствовал на себе словно свет прожектора. Кордер уже успел побывать здесь с новостями и подготовил ему встречу. Проходя мимо прилавков, мистер Бантинг со всех сторон слышал приветственные слова, пожимая протянутые ему руки. Он шествовал по длинному залу и всюду его встречали сердечные улыбки и поздравления, в искренности которых не приходилось сомневаться; его мягкое сердце совсем растаяло. Он никогда бы не поверил раньше, что прежние сослуживцы так обрадуются ему. Ах! Если бы Крис и Эрнест могли видеть эту сцену! Они поняли бы тогда, что их мнение об отце совсем не соответствует тому, что думают о нем люди солидные, считающие его в высшей степени достойной личностью.

Но, по здравом рассуждении, мистер Бантинг решил, что единственный вывод, который сыновья сделают из всего этого, будет таков: наперное, Холройд порядочная дрянь, и работать с ним было нелегко.

Совершив короткий предварительный обход отдела, мистер Бантинг удалился в закуток и принялся переделывать здесь все по-своему. Он содрал с перегородки почтовую открытку с видом на ворота Рочдэйльского парка (одно из сокровищ Холройда), и в эту минуту в закуток появился старик Тернер, которому хотелось сказать мистеру Бантингу несколько словечек наедине. Старик Тернер — его называли так уже давно, хотя он был моложе мистера Бантинга, — обычно таился в тени, на заднем плане отдела, там, где продавались печи и трубы. У него были водянистые серые глаза и тонкий голос теплого тембра, обработанный, повидному, в церковном хоре. Старик Тернер отличался строгой принципиальностью и напоминал об этом чаще, чем его сослуживцы считали нужным. Он сразу же пояснял, что цель его посещения заключается в том, чтобы успокоить мистера Бантинга.

— Вы не подумайте, мистер Бантинг, что я вам завидую. Об этом не может быть и речи. Вас поставили во

главе отдела, и вы можете рассчитывать на мою помощь. Все, что вам нужно — пожалуйста, я всегда готов исполнить, на этот счет не сомневайтесь.

Подкрепив свои слова серьезным взглядом водянистых глаз и крепко пожав мистеру Бантингу руку холодными пальцами, Тернер повернулся к выходу, и мистер Бантинг с удивлением смотрел на его удаляющуюся спину.

«Завидую!.. Не сомневайтесь!» Он отказывался что-либо понимать. Потом постепенно прозрел и понял истинный смысл этого невероятного по своей смехотворности заявления. Мистер Бантинг готов был вскочить с табуретки и бежать к Кордеру, чтобы поскорее рассказать ему этот анекдот. Старая черепаша Тернер вообразил, что заведующим пазначат его, а Джорджа Бантинга забудут в погале! Вот как можно ошибаться в людях! Всю жизнь считаешь человека более или менее рассудительным, а на поверку он выходит осел ослом.

Как бы то ни было, перевод в отдел — хоть и временный — состоялся. Мистер Бантинг уселся на табурет в своем прежнем закутке с твердым решением продолжать работу методами Холройда, если уж мистер Бикертон настаивает на этом, но внести в них кое-какие исправления.

В тот вечер, прежде чем приступить к часничью, мистер Бантинг объявил о своем понижении, стоя на самой середине каминного коврика, служившего ему домашней трибуной, и стал ждать оваций. Но оваций не последовало. Молодые Бантинги были слегка ошарашены, как это часто с ними случалось, когда события выдвигали их отца на первое место. Гараж Криса находился при последнем издыхании, прачечная Эрлеста еле сводила концы с концами, а мистеру Бантингу буря была шипочем, — его звезда шла к зениту.

За столом воцарилось молчание, и эта пауза была настолько неестественна, что у мистера Бантинга появилось такое чувство, будто он бросил в пруд камень, который исчез в воде без брызг, без единого всплеска.

Первым пришел в себя Крис. — Здорово! Поздравляю, папа! — а Эрлест, не поднимая головы от чашки, смущенно пробормотал, что он очень рад.

— Да, вернулся назад, на старое место, — бодро про-

должал мистер Бэлтинг: — И, надо сказать, что сейчас самое время, принимая во внимание ваши дела. Ну, как у вас сегодня в гараже, Крис?

— И фунта не заработали. Бензина не достанешь.

— А в других гаражах бензина сколько угодно. По знаю, Крис, о чем вы там думаете! — сказал мистер Бэлтинг и удалился на кухню, где он всегда совершал свои омовения, предпочитая ее ванной. До чайного стола, за которым хмуро обсуждались некоторые обстоятельства, связанные с этой переменной, донеслись вслески в раковине вперемежку с пением.

— Вот, Крис, что делает война, — сказал Эрнест. — Паши с тобой карьеры полетели вверх тормашками, а так же, как отец, урывают себе лакомый кусочек. А ведь ответственность за эту войну несем не мы, а люди его поколения. — Он отрезал себе ломтик кекса с такой гримасой, словно предвидел заранее, что тмин в нем переложено.

Эрнест ощущал войну прежде всего как помеху, запутавшую дела прачечной Игл и К^о. Они были достаточно запутаны и раньше. Человеку постороннему показалось бы невероятным, что такое маленькое предприятие способно так запутать свои дела. Заведывание прачечной было отнюдь не спенкуррой для Эрнеста, которому приходилось иметь дело с престарелым и осторожным мистером Бгллом, поставившим против всяких повешеств, с мрачным механиком, то и дело требовавшим ремонта, с текучестью рабочей силы и жалобами клиентов. Эрнест был уверен, что другим людям, зарабатывающим тысячи в год, не приходится разрешать и десятой доли тех проблем, с которыми он сталкивается ежедневно. И Эрнеста подбадривала, главным образом, та мысль, что немногие из его сверстников справились бы с такой работой.

Затруднения мирного времени были сущим пустяком по сравнению с теми, которые возникли в дни войны. Теперь в часы бодрствования Эрнест все свои мысли отдавал прачечной, а ложась в постель, нередко поручал своему подсознанию и во сне продолжать разрешение этих проблем. Иной раз он так глубоко задумывался, что Крис спрашивал его, что, собственно, случилось, не пропал ли у какой-нибудь девушки штанишки в стирке?

— Воображаю, сколько рацей придется выслушать на тему о том, что никто другой, как он, поддерживает огонь в семейном очаге. — продолжал Эрнест, глядя на дверь в кухню. — А к чему это приведет, тоже известно.

— К разумной экономии, — сказала Джули, которая умела передразнивать других людей и не всегда держала этот дар про себя.

— Но если твоя прачечная заглохнет, отцу от этого тоже не поздоровится? — спросил Крис. — Ведь он заложил дом ради тебя.

— Знаю, — сказал Эрнест; это было его больное место.

— Выходит, нам надо только радоваться, что он опять на прежней работе.

— И это знаю, — сказал Эрнест. — Но меня удручает... несправедливость. Труднись, строишь планы, хочешь принести какую-то пользу, и вдруг начинается никому не нужная войпа, которая всей тяжестью падает на наше поколение.

— Вот, вот! То же самое я говорила Мэвис, — сказала Джули, восхищаясь способностью Эрнеста выражать свои мысли такими закругленными фразами.

Миссис Бантинг вошла в столовую с блюдом горячих, только что снятых с плиты сосисок. Следом за ней, поводя носом в предвкушении этого аппетитного блюда, появился и мистер Бантинг, докрасна натерший себе лицо полотенцем.

— Вот это я люблю, — сказал он, садясь за стол. — Что может быть лучше жареных сосисок! Удивляюсь, почему ты так редко их подаешь.

— Потому что они вредны для твоего желудка, Джордж.

— Неправда, — сказал мистер Бантинг, пронзая вилкой две самых больших сосиски. — Во всяком случае... ради такого дня можно.

Он начал пространно излагать свою беседу с мистером Бикертоном. Он был очень счастлив, очень доволен собой и не удержался, чтобы не вывести в конце неизбежную мораль: в дни нужды положитесь на людей надежных, испытанных.

— Конечно, ответственности на мне будет гораздо

большо, — сказав мистер Бантинг, опасаясь, как бы домашние не подумали, что его новая должность окажется легкой. — Мы получили много всякого оборудования для противовоздушной обороны.

— Папа, неужели палеты все-таки будут?

— Будут ли, нет ли, не знаю, но оборудование получено. Совки для зажигательных бомб, пожарные насосы, щипцы, портативные сирены, — да много всего!

— По-моему, это неправильно, — вмешался в разговор Эрнест, — частные фирмы не должны наживаться на таких вещах, даже если они будут предметами первой необходимости. Сейчас стоит только развернуть газету, и моментально натыкаешься на рекламы всех этих военных товаров. Такое жульничество пойдет!

— Ничего подобного, — возразил мистер Бантинг. — Это вполне логично.

— Конечно, логично, — поддержала его Джули. — Логичнее ничего быть не может.

Мистер Бантинг бросил на нее косой взгляд, а к каменным физиономиям сыновей приглядываясь повнимательнее.

— Не понимаю, — сказал он, — почему это у нас всегда так получается? Стоит только завести серьезный разговор, и вы сразу начинаете зубоскалить, как ослы какие-то. Если твоя прачечная отказывается работать на военные нужды, Эрнест, то неудивительно, что тебе приходится самому сбавлять себе жалованье.

Дав всем понять, что на этом спор заканчивается, мистер Бантинг встал из-за стола, растегнул верхнюю пуговицу на брюках и, облегчив себя таким образом, уселся в кресло у камина.

Он сидел там, дочитывая «Сирену» и то и дело поднося к трубке зажженные бумажные жгутики. Крис и Эрнест, наверное, ушли куда-нибудь или сидят в гостиной вместе с Джули; во всяком случае сейчас ему никто не мешает. В столовой воцарилось молчание. В этой блаженной тишине миссис Бантинг разбирала постиранное и пошитое белье. Он любил смотреть, как жена работает по хозяйству. Она знала до последней пятки каждую пару носков, каждую фуфайку, каждый носовой платок, она раскладывала все эти вещи на отдельные

вучки, соответственно их владельцам, словно карты в кассинсе. Сосредоточенный вид, с которым миссис Бантинг занималась даже самыми несложными хозяйственными делами, забавлял мистера Бантинга и напоял его сердце горделивой пежностью. В такие минуты его чувства вскипали, и он давал ей неожиданный шуточный шлепок.

Наблюдать за женой вот так, как сейчас, было все равно, что незаметно подглядывать за ней, когда она бывала одна. Словно он сидел в магазине за несколько миль от дома, а она здесь. Поглощенная своими делами, миссис Бантинг жила и работала в этом маленьком домашнем мирке, где не было места ни вражде, ни жестокости и куда доходили только слабые отголоски событий внешнего мира.

Такие комнаты, думал мистер Бантинг, такие женщины, как Мэри, были и в тех городах и селах Польши, на крыши которых вдруг, внезапно-негалантно посыпались бомбы. Мистер Бантинг имел весьма приблизительное понятие о взрывах бомб, но сейчас он представлял себе, как это было бы здесь, в коттедже «Золотой дождь»: громовой удар, вспышка огня, и потом нечто страшное в клубах дыма и пыли. Такие вещи случались и продолжают случаться даже сейчас. «Сирена» добросовестно сообщала о них, часто иллюстрируя свои сообщения фотоснимками. Мистер Бантинг мало-помалу привык к этим фото, на которых изображались дома, разрушенные бомбами, развороченные, непрястопо выставившие напоказ свои внутренности; многие из них были вполне почтенные, приличные дома, вроде его коттеджа.

Сделав над собой усилие, мистер Бантинг отогнал эти непрошеные мысли и картины. Откуда они приходили, он и сам не знал. Они возникали в мозгу без всякого повода, заставляя думать, что тут работает какой-то глубокий первобытный инстинкт, что это — предвестия и предостережения, одним словом, все то, во что здравомыслящий человек не должен верить. Надо гнать их прочь.

А может быть, — знакомые ощущения уже напоминали ему об этом, — может быть, тут просто-напросто сказываются не усвоенные желудком сосиски?

— Приму-ка я содовую таблетку, — сказал он, доста-

пая это сладобье с каминной полки. «Домашний лекарь» ничего не говорил о содовых таблетках, хотя и предостерегал от неумеренного потребления двууглекислой соды.

— А какой тебе дадут оклад, Джордж, прежний?

— Да, — сказал он и добавил с педантической точностью: — Не знаю только, с какого дня, с сегодняшнего или завтрашнего. Надо будет спросить Кордера.

— Я очень рада, что ты уйдешь из этого подвала, там нездоровый воздух. Да у тебя уже сегодня вид гораздо лучше.

— И чувствую я себя лучше, — сказал он. Но причиной такой праздничной бодрости было не только физическое раскрепощение от подвала, — его мысли и дух тоже почувствовали свободу.

— И все-таки, несмотря ни на что, — искренно сказал мистер Баптинг, — мне хочется, чтобы немцев разбили и чтобы Холройд вернулся. Я очень рад, что выбрался из подвала, но, если меня опять туда загонят, я несколько не огорчусь. Конечно, если в таком переводе будет необходимость. Но немцев надо вздуть как следует.

Он стоял на коврике перед камином, широко расставив ноги, подпыхивал трубкой и думал о Гитлере и о том, до какой степени этот Гитлер не понимает духа страны, против которой он повел войну.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Холодное молчание, наступившее вслед за тем, как мистер Баптинг объявил о своем повышении по службе, красноречиво говорило о том, что его дети сразу же представили себе тяжелые последствия этого факта. Сама по себе такая перемена была парую семью; застой в делах у Криса и Эрнеста делал ее как нельзя более своевременной. Но этот факт нельзя было рассматривать в отрыве от всего остального вследствие некоторых недостатков, присущих характеру мистера Баптинга. С тех пор как они себя помнили, отец выносил из своих плечей все бремя материальных тягот, но уже зато требовал, как чего-то само собой разумеющегося, диктаторской власти над домашними,

Правда, сыновья великодушно признавали, что мистер Бантинг помог им встать на ноги, вложив некоторый капитал в прачечную и переделав свои линпортские коттеджи в гараж. В простоте душевной на первых порах они готовы были видеть в его помощи зарю новой эры. Но свет этой зари был какой-то неверный, призрачный. Дети все чаще и чаще говорили на своих совещаниях (ибо рассуждать следует здраво, не вдаваясь в сентиментальность), что мистер Бантинг не стал бы брать под свою опеку эти предприятия, по будь у него твердой веры в их прибыльность. И действительно, интерес отца к прачечной и к гаражу то возрастал, то падал в зависимости от степени их доходности. В конечном же счете его негласное участие в делах сыновей приводило к усилению его деспотической власти над их юными жизнями, душевными, увь, той свободы, которая принадлежала им по праву.

Мистер Бантинг мог теперь возмущаться дороговизной обстановки в кабинете Эрнеста и указывать Крису на всю нелепость выбрасывания денег на рекламу. Стоило выйти какой-нибудь замужке в делах, и мистер Бантинг давал понять, что избежать ее было бы нетрудно, если бы только догадались во-время спросить у отца совета.

Изнемогая под тяжестью рабского ярма, дети частенько думали: а не таятся ли за простодушием отца прозорливость, превышающая даже их собственную? Или (спрашивали они после некоторого размышления) случайное стечение обстоятельств придаст его поступкам кажущуюся дальновидность, которой он на самом деле обладать не может? Взять хотя бы это случайное повышение в должности. Оно вызвано войной, их затруднения тоже вызваны войной. При чем же тут выдержка, решительность и все другие викторианские добродетели, излюбленные мистером Бантингом? Факты говорили сами за себя, но мистер Бантинг истолковывал их по-своему.

Он все чаще становился на коврики перед каминном и позванивал мелочью в карманах, выбирая для этого такие минуты, когда Эрнест пытался сосредоточиться, и вид у него был довольный, сияющий, как у человека, который благополучно выбрался на берег и недоумевает, почему другие все еще барахтаются в волнах. Он постоянно

учил сыновей: не падайте духом перед трудностями, больше инициативы, надо ополчиться против моря бед и за свое держаться крючьями стальными, как сказал поэт. Если прачечная и гараж не приносят доходов, надо вспомнить одно верное средство, рецепт которого известен старшему поколению: впрягитесь в работу, не жалея сил.

Произнеся подобные тирады, мистер Бантинг подразумевал, что если эти трудности все-таки не будут преодолены, то исключительно из-за нежелания следовать его советам. Значит, не впряглись в работу или впряглись, но недостаточно или не так, как впрягся бы сам мистер Бантинг, вернее, не так, как он впрягался в молодости. Никто не мог пожаловаться, что мистер Бантинг скучается повторять свои наставления.

Он опять стал самым собой, как трогательно уверяла их миссис Бантинг. Крис же задумчиво замечал однажды, что если его дела не поправятся, он не сможет выходить из дому до тех пор, пока отец не купит ему новые подтяжки, ибо страсть мистера Бантинга к разумной экономии вспыхнула с новой силой и была поставлена теперь на службу империи. Всем, кто разжигал камин, напоминалось, что грузовики пужны теперь для военных целей, а не для доставки угля, каждый недоеденный кусочек становился темой для лекции об исключительной важности экономии места на кораблях торгового флота. Терпеливое время требует от нас самоограничения и напряжения всех сил. Что же касается трудностей, то они есть и у фирмы Брокли, но фирма Брокли старается преодолеть их, прилагает к этому все силы и действует с такой энергией, какая другим и не снилась.

В промежутках между этими лекциями мистер Бантинг ходил по дому, жуя что-то себе под нос, точно пчела, и слегка дивился своему извлечению от гастрита. Вероятно, это чисто первое. Причины психологического порядка. Он открывал «Домашний лекарь» и листал его страницы, тихо посвящая.

Эрнесту пришлось однажды целый вечер слушать это посвящение. Он сидел за столом в гостиной и выписывал своим четким почерком цифры, подсчитывая, по что обойдется прачечной затемнение, в зависимости от того, какой полипы брать материал. Этот непривык-

тельный расход сердца Эрнеста, но всякая возня с цифрами доставляла ему удовольствие, и он производил подсчеты с обычной своей аккуратностью — до последнего пенни. Позади цифр, в глубине его сознания, бродили обрывки каких-то мыслей, но так бывало с ним и за роелем. На затемнение верхнего света — новинки, введенной в прачечной с целью экономии электричества, — уйдет несколько лишних фунтов. Мистер Игл, с самого начала восставший против верхнего света, не преминул подчеркнуть этот факт, что, по мнению Эрнеста, было неблагородно. Откровенно говоря, в словах мистера Игла слышалась даже ирония, словно ему было смешно наблюдать, как еще одна замечательная идея Эрнеста обернулась против него. До сих пор прачечная обходилась без верхнего света, и нововведение Эрнеста не пошло ей впрок, — доказательство было налицо.

Эти трудности и многие другие были следствием войны. Будь они следствием усилий всей нации, направленных на осуществление тех простых мер, которые улучшают жизнь, Эрнест первый согласился бы ради этого на любую жертву. Но сейчас все уходило в какую-то прорву, хуже, чем в прорву, — вся лихорадочная деятельность, которую он наблюдал вокруг себя, носила разрушительный характер. Каждая бомба обходится, наверное, в сотни фунтов, а нанесенный ею ущерб исчисляется тысячами. Во всей Европе, где так велика нужда в лучших больницах, лучших жилищах и в научно-исследовательских лабораториях, люди заняты производством бомб. Бомбы сбрасывают на больницы и лаборатории. Если патриотизм требует этого, Эрнест не желает иметь с ним ничего общего.

Подобные мысли никогда не тревожили Криса, вечно поглощенного личными делами. В данный момент он изучал по последнему номеру журнала «Полет» хвостовое оперение у бомбардировщика типа «Блэксейм». Бегло проглядев заметку на эту тему, Крис обратился к фото, на котором была изображена внутренность кабина истребителя типа «Харрикейн», и сразу же весь загорялся. «Вот, значит, где ты сидишь!» Когда-то он с восторгом созерцал истребительный штурманский прибор какого-нибудь рола-ройса, но теперь какие уж там рола-ройсы.

Крис давно перестал читать автомобильные журналы, теперь он таскал домой только литературу по воздухоплаванию. У него в спальне валялись груды журналов «Аэроплан», «Полет» и «Аэроавтика», которые он ни в коем случае не согласился бы сдать в утиль на пользу государству. Авиация поглощала все мысли Криса. Его мать больше всего опасалась, что они с Роллом-младшим соорудят собственными силами аэроплан и пустятся на нем в какую-нибудь смертоубийственную авантюру. Но отец критиковал его более последовательно. Когда Крис служил в банке Барклэй, его интересовали одни автомобили, теперь же, работая в гараже, он интересуется самолетами. Повидимому, отвлечь его от изучения самолетов можно только таким путем: устроить на какой-нибудь завод, где их делают.

Внимание Криса, устремленное на «Харрикейн», отвлекалось лишь непрерывной возней с трубкой. Это была его первая трубка-бульдог, короткая, массивная; курить такую было бы в самый раз человеку лет пятидесяти. Крис пробовал держать ее сначала в правом углу рта, потом передвигал влево, потом на середину. Ему и в голову не приходило, что искусство курения трубки сопряжено с такими трудностями, главную из которых составляло поддержание в ней огня. Несколько раз он был вынужден бросать «Полет» и в течение по крайней мере полминуты энергично пыhtеть трубкой, после чего голова у него слегка кружилась, а в горле появлялось такое ощущение, словно там была содрана вся кожа. Крис уже начинал думать, что выбрал неподходящий сорт табака.

— Сколько ты спичек пажог! — сказала Джули, глядя на пепельницу. — Дай-ка я их выкину, пока папа не пришел.

— Это не его спички.

— Ты забываешь, что страна ведет войну, н...

Эта цитата из мистера Бантинга была оборвана на полуслове Эрнестом, который зашуршал газетными листами, напоминая, что он занят серьезной умственной работой.

— Откуда у тебя трубка? — прошептала Джули. — Божественная Мопика подарила?

— Да, — сдержанно ответил Крис.

— Божественная хочет, чтобы ее Кристофер был настоящим мужчиной?

— Да. Отстапы!

— А, чорт! — не выдержал Эрнест.

Джули удивленно подняла брови: — Что случилось?

— Разве тут можно сосредоточиться, когда вы болтаете, как сороки, и несете всякую чепуху! — и, собрав бумаги, Эрнест стал совать их в холщевую папку весьма делового вида. Эрнест сам удивился своему сварливому тону, уж очень это не соответствовало всему ходу его размышлений. И в голову ему снова пришла мысль, которая всегда заставляла его проныччески улыбаться. Все его силы, все время и таланты уходят на прачечную. Сама по себе прачечная не такое уж плохое дело. Эрнест с удовольствием налаживал ее работу, но она была слишком маленькая и с каждым утром казалась ему все меньше и скромнее; там вовсе не требовались его выдающиеся способности. На то, что есть в жизни интересного, приходилось уделять крохи времени и сил, оставшиеся от прачечной. А за последние дни, с горечью думал он, пробегая глазами свои бумаги, этих крох стало еще меньше.

Иногда жизнь казалась Эрнесту совершенно бесперспективной. Война оставила в ней только тяжелый, утомительный труд. Мыслишь, работаешь, строишь какие-то планы, но не для того, чтобы создать что-то лучшее; а на потребу шайке вандалов, сговорившихся уничтожить все самое дорогое сердцу человека.

Блуждая в лабиринте таких размышлений, Эрнест порой одергивал себя, вспоминал прочитанные книги по психологии и думал: «Что это со мной? Просто рассеяние мыслей или это голос подсознательного?» Предаваться пустым мечтаниям, значит терять контроль над своим мыслительным аппаратом, а Эрнест весьма старательно контролировал его и достиг в этом искусстве большого совершенства; во всяком случае все подконтрольное он мог проделать без запинок. На время вопрос о том, что же собственно с ним происходит, заслонил все остальные вопросы, но они не замедлили вернуться, попрежнему неразрешенные и не поддающиеся разрешению. Появляемому, не со всякой жизненной проблемой

можно было справиться при помощи четко работающего мыслительного аппарата. Эрнест услышал стук кухонной двери и шаги мистера Бантинга, который проверял затемнение с улицы и, паверпое, окидывал критическим оком не только свой дом, но и соседние. Все стало каким-то переальным в эти дни: улицы темные, пустые, разве только проедет на велосипеде дежурный из штаба противовоздушной обороны в стальном шлеме и с противогазом через плечо — тоже призрак. Лучи прожекторов, таинственно спущенные по небу, и радио в домах, вкрадчиво повествующие о злой фантазмагории, разыгравшейся в мире. Люди превратились в беспомощных автоматы, двигающиеся по воле обезумевших хозяев.

Эрнест подошел к роялю и открыл крышку.

В каждой стране есть люди, которые делают бомбы и мины. Но люди, которые пишут музыку, там тоже найдутся. Эрнест часто утешал свое опечаленное сердце этой мыслью.

— Недурненький мотив, — сказал мистер Бантинг, входя в гостиную. — Я еще с улицы услышал. Что это — новельное?

— Да, это музыка Отто Рейнбергера, немецкого композитора. Ты, паверпое, пазовешь его гупном.

— Непременно пазову, — сказала Джули. — Так и влюпула бы ему в физиономию.

— Довольно, Джули, довольно; — мистер Бантинг хоть и остановил ее, но все же счел замечание Эрнеста излишним, чтобы не сказать больше.

— Если твой Отто сочиняет хорошую музыку, это еще не значит, что Гитлер должен повелевать нами, — сказал Крис. — Ты слишком уж поспылся со всеми этими иностранцами. Поужеля какой-нибудь человек по фамилии, ну, скажем, Паркинсон, не может сочинять такую же хорошую музыку, как твой Бетховен?

— Не знаю. Что-то не сочиняют. Сопаты Паркинсона. Какой ужас!

Начался спор о сопатах Паркинсона, который с каждой минутой становился все жарче, отвлеченнее и непонятнее для мистера Бантинга. Он поворачивал голову то к одну, то другую сторону, следя за спорщиками, но так ничего и не узнал про Паркинсона, — но узнал даже,

существует ли такой человек, или это миф. Мистер Бантинг был согласен с Крисом, что Эрнест не стал бы ни покупать, ни играть, ни слушать сонаты, сочиненные человеком по фамилии Паркинсон, но в остальном этот спор казался ему глупым и беспольным.

— Можешь говорить все что угодно, — заявил Эрнест, — по немцы великий народ и как музыканты не имеют себе равных.

— Я бы этого не сказал, — вмешался в спор мистер Бантинг. — И музыка у них бывает дрянная. Например, Бах... фуги эти самые. А то эти дурацкие фантасишки — этюды...

— Это Шопена. Он, кстати сказать, поляк.

Мистер Бантинг пощадил Шопена и снова накиннулся на Баха. — Не понимаю, Эрнест, почему ты играешь эти фуги? Неужели у нас нет своей, английской музыки?

— Искусство, — провозгласил Эрнест, — не знает национальных рубежей. — А Джули вдруг добавила, подзуживая спорщиков: — Как сказал поэт.

— Я не понимаю твоего отношения к Германии, — продолжал мистер Бантинг. — Можно подумать, что в тебе нет патриотизма.

— Может быть, и нет.

Мистер Бантинг возмущился до глубины души; он даже слегка покраснел. — Вот уж не думал, что придется мне когда-нибудь услышать от сына такие слова. Ты это серьезно?

— Я своим умом живу.

— А при Гитлере ты бы этого не мог.

— И при Гитлере и при ком угодно. Я, конечно, не хочу, чтобы у нас здесь был гитлеровский режим. Я верю в демократию.

— А-а! — с облегчением сказал мистер Бантинг, решив, что в словах Эрнеста о патриотизме таился какой-то иной смысл, доступный пониманию только «высокообразных». Для него же, как человека практического, вопрос стоял иначе: британская империя против гуннов. Мистер Бантинг вспомнил последнюю войну, и многое, что лежало погребенным в его памяти, снова воскресло: «Лузитания», немецкие зверства в Бельгии, вытягивание из населения денег на военные нужды и жульнически

махинации, в которых все эти деньги пропали. Эрнест многого не знает; он слишком молод.

По тут Эрнест прервал его размышления. Оказалось, что он знал очень много о той войне и ее последствиях. Он знал гораздо больше отца и вполне мог переспорить его.

— Если бы мы отнеслись к немцам справедливо...

Мистер Бантинг вскричал. Собственно говоря, он кипел уже давно, но до сих пор ему удавалось сдерживать себя, а сейчас он ощутил потребность дать, наконец, выход своему негодованию.

— Отнеслись справедливо? А они бы к нам как отнеслись? Да их совсем надо было придушить!

— Bravo, bravo! — воскликнул Крис, оказывая неожиданную поддержку отцу, что пришлось бы тому гораздо более по душе, если бы Крис тут же не добавил: — Просто не дождусь, когда меня возьмут в армию!

— Прекрасно, — сказал Эрнест. — Но вот увидите: когда эта бойня и разрушение кончатся, мы опять сидим с немцами за один стол и будем сообща налаживать жизнь. И если опять будет заключен несправедливый мир, начнется еще одна война и следом за ней другая, и так до бесконечности.

— Пока что мы их не победили, — весьма практически заметил Крис. — Подожди, die Luftwaffe еще даст о себе знать.

— Побьем, побьем, да еще как, — сказал мистер Бантинг, учуяв в словах Криса пораженческие настроения. Сыновья раздражали его, и Крис, пожалуй, даже больше, чем Эрнест, потому что он вечно совался с этой Luftwaffe. Мистеру Бантингу не сразу удалось выяснить, что это страшное слово значит всего-навсего «германские воздушные силы». Так почему не говорить именно так или еще лучше: «воздушные силы гуннов», если уж выражаться точно?

Мистер Бантинг чувствовал, что из всех обитателей «Золотого дождя» единственный, кто действительно хочет побить немцев, это он сам, и только он занимает здесь твердую и смелую позицию, как и подобает нетипному Джон Булю. К войне надо относиться так же, как и ко всему остальному, говорил он сыновьям; хочешь выйти победителем, впрягись в шее, не жалея сил.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Когда в следующую субботу мистер Бантинг поднимался вверх по Кэмберленд-авеню, из его фибрового чемоданчика чуть слышно доносился звон стеклянной посуды. Источником этого звона, весьма музыкального, особенно на слух мистера Бантинга, были две бутылки «припца Чарли». Две бутылки! Вот уж сколько времени у мистера Бантинга не было в доме ни одной, но сегодня он впервые получил жалование заведующего железо-скобяным отделом.

Мистер Бантинг пил виски исключительно с лечебными целями, имея в виду свой желудок. Виски обладало то ли слабительными свойствами, то ли уменьшало выделение газов; откровенно говоря, точно он не помнил, но «Домашний лекарь» высказывался в пользу этого напитка, предостерегая, однако, против злоупотребления им; что, конечно, не относилось к мистеру Бантингу. Его беспокоила вторая бутылка, приобретение которой граничило с расточительством. Впрочем, она была куплена потому, что мистер Бантинг опасался неминуемого введения военного бюджета. Министр финансов уже не раз опережал его в этой области, повышая налог на виски, когда, казалось, повышать было уже некуда. Таким образом, покупая вторую бутылку, мистер Бантинг руководствовался принципами экономии. Однако вдаваться в подобные объяснения дома было бы рискованно, — их могут встретить скептически, и, что еще хуже, дети способны воспользоваться этим случаем и пакуить себе дребедени, на которую министр финансов и не подумает повышать налог. Разумнее всего будет спрятать вторую бутылку в шкаф в спальне — для гостей.

Мистер Бантинг поднимался в гору медленней обычного; от спешки его удерживал легкий звон, доносившийся из чемоданчика. Кроме того, знакомая дорога так менялась теперь день ото дня, что тут было на что посмотреть. Мешки с песком вокруг телефонной будки, мешки с песком вокруг поста воздушного наблюдения, мешки с песком в окнах. Широкая белая полоса вдоль тротуара и вокруг каждого дерева. Получалось довольно красиво, — так, вероятно, делают на континенте. То тут, то там земляные щели в садах или пустой дом с заколоченными

окнами. Все это было в новинку мистеру Бантингу, потому что на неделе он возвращался домой поздно, в первобытной тьме, освещая дорогу фонариком. Поравнявшись с почтовым ящиком, он бросил на него недоверчивый взгляд, старался запечатлеть в памяти его местоположение, чтобы не патыкаться впотьмах на этот предмет, ибо несчастные случаи на затемненных улицах уже бывали.

Мистера Бантинга радовали даже эти скромные признаки серьезного отношения к войне. С тех пор как он развернул утром «Сирену», туман сомнений просочился во все закоулки его мозга, и мысли у него весь день были мрачные. Мистер Бантинг безоговорочно, со всей присущей ему наивностью, веровал в «Сирену», но он никак не мог понять, почему сегодня она рисовала в самых розовых красках легкий путь к победе, а на следующий день погружалась в уныние. В сегодняшнем номере специальный корреспондент дал крайне безрадостную картину событий в европейском дипломатическом мире. Эта перемена тона была просто удручающей. Мистер Бантинг всегда с нетерпением ждал субботнего подвала дипломатического обозревателя «Сирены»; обычно они были написаны в бодрых тонах и приправлены весьма приятными для читателя намеками, суть коих сводилась к следующему: то, что расценивается как промахи англичан, на самом деле есть не что иное, как с большим искусством замаскированные образцы дипломатической дальновидности, а кажущаяся бездеятельность правительства, — всего лишь ширма, под прикрытием которой делаются хитрейшие закулисные ходы. Еженедельное чтение этих статей убеждало вас в том, что Гитлера водят за нос. Но страшные откровения сегодняшнего номера «Сирены» были равносильны признанию, что ловушка захлопнулась, но попался в нее не Гитлер, а лорд Галифакс. Дальновидный обозреватель, писания которого наводили вас на мысль, что он запросто входит в кабинеты военных министров всех стран Европы, с прискорбием признавался, что видел не дальше своего носа.

Мистер Бантинг понял, что дипломатический обозреватель такой же человек, как и он сам, и потому способен ошибаться.

«Осложнений не миновать», — думал он, решительными шагами поднимаясь в гору. Обычно всякого рода осложнения не приносили англичанам особого вреда. В глубине души мистер Бантинг был уверен, что Англия только выигрывает от них. Тем не менее он вздохнул.

Мистер Бантинг осторожно переделал чемоданчик из правой руки в левую. Кожаный ремешок, охранявший его драгоценное содержимое, был взят у старика Тернера. В ответ на просьбу мистера Бантинга этот убежденный трезвенник широко открыл свои водянистые глаза и неодобрительно посмотрел на бутылки «принца Чарли», стоявшие в закуске на столе. Тернер, видимо, пришел к выводу, что мистер Бантинг со все возрастающей скоростью катится по наклонной плоскости, а сам он поощряет пороки и способствует гибели этого отпетого человека. Мистер Бантинг даже боялся, не отберет ли у него Тернер свой ремешок, ведь он был из тех людей, которые, узнав, что чемодан раскрылся и бутылки разбились, увидели бы в этом перст божий.

За последнее время его отношения со стариком Тернером заметно испортились. Тернер клал товары не в те ящики, в которые следовало, путал адреса на заказах и вообще был чересчур суетлив и забывчив. Мало того, мистер Бантинг уже не раз видел, как Тернер выбегал тайком на улицу купить четырехчасовой выпуск «Стандарта» и возвращался с весьма искусно запрятанной под пиджак газетой. Такие поступки были нарушением дисциплины, а за дисциплиной мистер Бантинг следил теперь очень строго. Он даже частенько подумывал, не слишком ли дружеский и теплый прием оказали ему подчиненные, не было ли в этом намек на его благодушие и расхлябанность? Холодной нельзя было упрекнуть в благодушии, он отличался педантичностью и обычно хранил угрюмое молчание, лишь изредка нарушая его резким, парализующим слух, как терка, голосом. И теперь мистер Бантинг по несколько раз в день выдвигал нижний ящик стола у себя в закуске, осторожно становился на него и обзирал все помещенные отсюда из конца в конец. Этот маневр, который приказчики в былые дни импели: «ревка выросла», выполнялся теперь с такой же бесшумностью и незамет-

ностью, с какой выдвигается перископ на поверхность моря. Едва войдя в закуток, мистер Бэнтинг тотчас же вырастал над перегородкой, уловляя нарушителей служебного долга с помощью этого нового тактического приема.

«Какое счастье, что есть на свете унк-энды», — думал он, открывая зеленую с белым калитку «Золотого дождя». Субботнее возвращение домой было для него, как и встарь, лучшей минутой за всю неделю; он радовался, словно капитан океанского парохода, когда тот пришвартовывается к пристани после долгого плавания. Крис и Эрнест являлись домой с одинаково будничными физиономиями — что в субботу, что в понедельник, но мистер Бэнтинг входил в коттедж, мурлыкая что-то себе под нос и громко и весело здороваясь со всеми; глядя на него, никто бы не подумал, что он виделся с семьей не дальше как сегодня утром, за завтраком.

— Вот и мы, — возвестил он, забежав на кухню поздороваться с женой. — Все дома? Прекрасно. Сейчас, только воротничок сниму, — и привел свои слова в исполнение, не замечая негодующе поджатых губ Джули, которая теперь часто подумывала, как же это будет, если она когда-нибудь станет невестой и ей придется приучать жениха к простецким замалшкам папашки.

— Пирог с кроликом! — воскликнул Бэнтинг, ловко подцепляя на вилку кусок мастерски испеченного пирога. Как только в тесте показались поддающиеся опознаванию части кроличьего скелетика, Джули вся передернулась.

— Фу! Дохлый кролик. Какая гадость!

Мистер Бэнтинг повернулся к лей, словно громом пораженный.

— А что такое? Пирог как пирог...

— Она заделалась вегетарианкой, — пояснил Крис. — Собираюсь начать в конторе у своего начальника.

— Как это гнусно — убивать животных! — сказала Джули. — Мы лишаем жизни несчастных, ни в чем неповинных кроликов только ради еды. Кто нам дал такое право?

Мистер Бэнтинг замер с вилкой в руке, глядя во все глаза на дочь. Это что-то новое. А она, выразив протест,

сидела теперь вся розовая, в ореоле морального подвига. Повидимому, Джули не отвечает от братьев. Вместо того чтобы умирать с годами, дети так забивают себе голову всякой чепухой, что теряют последнюю способность рассуждать здраво и логично.

— Разрежь пирог, Джордж, — сказала миссис Бантинг.

— Сейчас разрежу, можете не сомневаться.

Его возмутило, что ему отказывают в гуманности только на том основании, что он ест пирог с начинкой из кролика. Мистер Бантинг был человек очень добрый. Сколько пауков он спас из ванны и выпустил на волю за окошко. Но он считал, что между кроликом, скачущим по килвортскому лесу, и кроликом, запеченным в пирог, нет ничего общего. Пирог есть пирог, одна из самых вкусных вещей на свете.

— Не думайся пирогом, Джордж. Ты же плохо перевариваешь сладкое тесто.

— Ладно уж, ладно, — довольно резко ответил мистер Бантинг. Он сердился, если ему мешали наслаждаться любимыми блюдами, а миссис Бантинг только это и делала. Когда на обед была курица, никому и в голову не приходило, что слабый желудок отца дает ему право на большую часть грудки.

— Как дела, Крис? Получили бланки? — спросил он.

— Нет еще, но я заполнил бланк заявки.

— Заполнил бланк. Это уже достижение.

— Без этого все равно не обойдешься.

— Правительство ни о чем другом, кроме бланков, не думает, — сказал Эрнест. — Бюрократизм, и больше ничего. Бланк-то заполнишь, а они его затеряют.

— В Германии, наверно, еще хуже, — сказал мистер Бантинг с обычным для него патриотизмом. — А что ест Джули?

— Орехи.

— Очень подходяще, — сказал Крис. — Орехи — дурочкины потехи.

Мистер Бантинг посмотрел на тарелку Джули. Действительно, орехи, причем рубленые и поджаренные, вроде тефтелей. Хотя это, конечно, дурацкие причуды, но на вид кушанье получилось довольно аппетитное. Он никогда не думал, что орехи можно есть жареными.

— Сюда бы еще подливки, недурно и сбитые сливки и запить рюмочкой наливки, — задумчиво проговорил он.

Джуди вдруг фыркнула: — Ой, папа! Какие ты смешные вещи говоришь!

Мистер Бантинг уставился на Джуди, потом на всех остальных. Что тут смешного? Он часто говорил действительно смешные вещи, и намеренно, но они не производили на них ни малейшего впечатления. А стоит только сказать самую простую фразу... И, не желая даже обращать внимания на этих психопатов, он спросил:

— Мама, а какой сегодня пудинг?

— Рисовый. Джуди приготовила.

— Какой ужас! — воскликнул Крис, откинувшись на спинку стула, а Эрнест сказал: — Ну, теперь у нас у всех желудки расстроятся.

— Довольно, довольно, — строго остановил их мистер Бантинг. — Просто удивляюсь, почему вы всегда ссоритесь между собой? Надо же Джуди когда-нибудь научиться стрелять. Знали бы вы, что мы ели в ту войну.

— В ту самую, которая должна была положить конец войнам, — насмешливо вставил Эрнест.

— Слушай, Эрнест...

— Я вас очень прошу: довольно говорить о войне, — вмешалась миссис Бантинг, к великому облегчению мистера Бантинга, который хоть и собирался возразить Эрнесту, но не знал, как это у него получится. Он выковырял пудинг ложкой и выкроил себе порцию из самой середины.

— Очень жаль, что у нас нет мира в семье, особенно сейчас, в военное время. Никто не знает, что еще с нами со всем будет.

— Правильно, Джордж, — искренно поддержала мужа миссис Бантинг, что доставило ему большое удовольствие. А если бы она оказывала ему такую поддержку почаще, было бы еще приятнее.

За послеобеденной чашкой чая мистер Бантинг вдруг вспомнил, что «Золотому дождю» пора взяться за лопату и тем самым приблизить день победы над врагом. Авторы статей по вопросам садоводства и огородничества утверждали, что почву надо подготовить именно сейчас, согласно всем законам агротехники. (Мистер Бантинг

долго разыскивал это слово в своем толковом словаре.) Его старые башмаки, стоявшие в кухонном шкафчике и обреченные мысленно на утиль, еще отлично послужат ему в саду. Это была утешительная мысль, и мистер Бантинг надевал их, словно воин, пренебрегающий чресла мечом, который вскорости раскроит череп Гитлеру. Но он же сразу принялся за работу. Сначала надо было составить план действий; как только перед ним встала проблема непосредственной работы с лопатой, его мысли обратились к Эрнесту и Крису. А вот разбить грядки, это он может сделать сам.

Саду мистера Бантинга пришлось многое претерпеть на своем веку, но он так и не покорился. Мистер Бантинг считал, что садоводство это его прихоть, так сказать, его конек, и то увлекался садом, то совсем его забрасывал, в зависимости от расположения духа. Такой метод неплох, если вашим коньком является собирание марок или астрономия, но применять его к садоводству не рекомендуется. В противоположность мистеру Бантингу природа не собиралась забрасывать его сад. Сорняки произрастали там в огромном количестве, их семена относил ветром в сад Оски, и между соседями возникали недоразумения.

В данный момент Оски пестовал по своему саду с мотыгой в руках, держа ее, точно винтовку с примкнутым штыком. Стоило какой-нибудь непрошенной былинке выдать нечаянно свое присутствие, и мотыга Оски моментально вырывала ее с корнем. Его движения были стремительны, словно он метал копье вслед движущейся цели. Кроме сорняков, Оски столь же яростно воевал с различными вредителями, а они, как и следовало ожидать, невозбранно плодились в саду мистера Бантинга, являясь справедливой карой за его нерадивость. Предполагалось, что эти насекомые, коим не удавалось скрыться от глаз Оски, пропикают в его сад через изгородь и сразу же набрасываются на овощи. Оски раздвигался с ними так же стремительно, как и с сорняками, но проявлял при этом еще большую злобу, памятуя об их происхождении. Сад Оски был наилучшим подделанным участком на много миль в округности, и его хозяин гордился этим. Цветущий, чисто выколотый, он

служил блестящим доказательством той истины, что при надлежащем умении и прилежании можно превратить в жизнь все посулы, которые мы читаем на пакетах с семенами.

— Думаете рыть щель? — заинтересовался Оски, наблюдая некоторое время, как мистер Бантинг ходит по саду и производит какой-то обмер.

— Хочу посадить побольше овощей. Интенсивная культура. Надо помогать стране.

— А я бы на вашем месте вырыл щель, — сказал Оски, словно стараясь направить устремления мистера Бантинга в более доступную тому область.

— Это зачем же? Неужели вы думаете, что немцы прилетят в Килворт?

— С них станется. Щели роются глубиной в шесть футов, с перекрытием, сверху еще слой земли в восемнадцать дюймов. Сверху можно посадить тыкву.

— Да нет, не стоит, — сказал мистер Бантинг, считавший, что щель только испортит ему сад. Но говорить об этом Оски было нельзя, и он придумал другое объяснение.

— Я читал в газете, что одно городское управление ввело налог на щели. Наших килвортских умников тоже на это хватит. Им только бы придаться к чему-нибудь.

— А все-таки щель вырыть нужно, — повторял Оски, верный своему обычному методу в споре, который заключался в неоднократном возвращении к первоначальному тезису. — Страшны не столько бомбы, Бантинг, сколько осколки снарядов эк-эк¹. Что взлетело вверх, то упадет вниз. Вы знаете, с какой скоростью осколок снаряда пролетает четыре мили?

— Нет. С какой? А что такое эк-эк?

— Вот видите. Вы ничего не знаете, а уж готовы спорить. Послушайте моего совета: рыйте щель и обратите особое внимание на перекрытие.

Мистер Бантинг смотрел, как Оски вышел из сада и направился дежурить на пост противовоздушной обороны. «Вот бедняга, — подумал он, — забил себе голову всякой

¹ Эк-эк — зенитные орудия.

техникой». Оски имел обыкновение поглядывать через садовую изгородь, точно нацист через пограничную линию, за которой начиналась не дававшая ему покоя беспечная и свободная жизнь соседней территории. Он постоянно прерывал мистера Бантинга, заставлявшего какую-нибудь работу в саду, и говорил, что наука и время года требуют сейчас производства совсем других работ, — как правило, такого характера, о которых мистер Бантинг даже не помышлял. Оски старательно, по всем правилам научного садоводства, подстриг бы обе яблони, росшие в саду «Золотого дождя», не подозревая, что цветы, а не плоды самое главное для мистера Бантинга. Особая прелесть сада мистера Бантинга, где иной раз сажали лук, а вырастал парик, была совершенно недоступна Оски, все мысли которого вращались вокруг фосфатов. Этот человек был настолько лишен поэтической жиаки, что называл крепкий шалфей *aquilegia*.

И все-таки, если в соседнем саду не было видно сухопарного, вечного чем-то занятого Оски, там чего-то не хватало. Впервые за время войны мистер Бантинг понял, что начальнику местной противовоздушной обороны Оски, наверное, тяжело отрываться от своего сада в субботу и воскресенье. — «Правда, все! мы должны идти на жертвы», — подумал мистер Бантинг. Ему не хотелось чувствовать себя обязанным Оски. Он не считал его таким уж ярым патриотом. Восьма возможно, что Оски пошел в противовоздушную оборону просто из личной неприязни к Гитлеру, основанной, как можно было понять из его слов, главным образом на том, что ему не нравилась физиономия фюрера. Впрочем, ему, вероятно, было приятно приобретать новые технические сведения и затем уже в качестве лица официального складом напязывать их другим — вот как с этой целью. Совсем еще недавно, вспоминая свой прежний военный опыт, Оски утверждал, что самое безопасное место во время бомбежек — воронка от первой сброшенной бомбы. В одно и то же место два раза никогда не попадает, потому что аэроплан (потерялся разяснить Оски) — предмет движущийся.

Сидя у камина вечером, мистер Бантинг снова вспомнил о щели. Рытье щели обойдется фунтов в двадцать,

не меньше. Стоит только сказать об этом домашним, и они немедленно потребуют, чтобы щель была вырыта. Эрнест будет распристращаться о ее значении с психологической точки зрения. Можно привести много доводов в пользу щели (потому-то мистер Бантинг и не заводил об этом разговора), но самый веский аргумент против нее заключается в том, что она вряд ли попадобится. Может быть, на Килворте не упадет ни одной бомбы, а если и упадет, то не в их районе, и даже если бомбы будут сброшены на Кэмберленд-авеню, то разве исключена возможность, что дом останется цел, а пострадает именно щель? Все это было очень сложно и неопределенно, за исключением одного факта: двадцать фунтов оставались двадцатью фунтами, а при наличии таких строителей, как в Килворте, эта сумма могла возрасти и до двадцати пяти.

Так размышлял мистер Бантинг, дожидаясь последних известий. В «Стандарте» ничего нового по сравнению с утренней «Сиреной» не было. Ни одной ссылки на разоблачения дипломатического обозревателя, которые так изволновали мистера Бантинга, что в вечерней газете он прежде всего пробежал глазами заголовки, ожидая дальнейших сенсаций. Уверившись, что империи не грозит непосредственная опасность, мистер Бантинг закурил трубку. Последнее время он производил в этой области кое-какие эксперименты. Долгие годы мистер Бантинг курил только «Райскую смесь». Он начал покупать этот сорт еще тогда, когда «Райская смесь» стоила восемнадцать пенсов, выдержал постепенное увеличение налога до шиллинга с лишним и не отступился от нее, когда цена была повышена еще на несколько пенсов. Но платить за «Райскую смесь» шиллинг десять пенсов он не собирался. Ни один министр финансов не заставит Джорджа Бантинга платить за табак такую цену. И он начал пробовать другие, более дешевые сорта, наполняя «Золотой дождь» клубами завоющего дыма, который, по словам его домашних, въедался в занавески и превращал дом в настоящий трактир. Некоторые из этих табачков были действительно вкусные, и мистер Бантинг дарил их... но только женщинам.

— Покупал бы ты свой прежний табак, Джордж, —

сказала ему как-то жена. — Тот, что ты сейчас куришь, просто ужасен.

— И не намерен платить за него шиллинг десять пенсов. А это во всяком случае лучше, чем лопух, который курят пемцы.

— А я думал, что это и есть лопух, — равнодушным голосом сказал Эрнест, не отрывая глаз от книги. По-видимому, это была шутка. Эрнест не улыбался, когда говорил что-нибудь смешное; и вообще улыбка у него была быстрая, мимолетная. Крис сидел с ногами на кушетке, почти спрятавшись за номером «Аэроплана», и все больше и больше хмурил брови, погружаясь в дебри технических статей, которые, видимо, были выше его понимания. Джули сидела на табуретке, устремляя свое внимание попеременно то на посок цвета хаки, то на руководство по вязанию подобных вещей, и то и дело распускала связавшее, ворча на путающуюся нить. Все молчали, занятые каждый своим делом. Субботний вечер в дни войны! Раньше мистер Бантинг часто рисовал мысленно такие картины: вся семья в сборе, никто из детей не убежал в кино на какую-нибудь глупейшую картину. Когда свели затемнение, он воображал, что вот теперь вечера у них будут веселые и счастливые, — все дома, все собрались у камина, как в доброе старое время. А вместо этого они сидят каждый сам по себе, и всех одолевает скука. Да просиди он тут хоть неделю подряд, никому даже в голову не придет заговорить с ним.

— Ну что ж! — вздохнул он и несколько оживился, решив затемнить окна в спальнях и произвести обследование противогозов.

Противогаз Криса был обнаружен под кухонным столом, вместе с его же башмаками, причем один башмак лежал на противогазе. Его макинтош висел на вешалке криво, шляпа торчала на ручке отцовского зонтика. Даже здесь вид у нее был лихой, подстать хозяину. Со вздохом мистер Бантинг привел все это в порядок. Так он ушел еще несколько минут.

На пороге гостиной его приветствовала проверка времени по радио. Он остановился, с легким волнением ожидая голоса диктора.

«На западном фронте без перемен».

«А, черт! — выругался он мысленно. — Так мы никогда не выиграем войну. Чего они ждут? Принимались бы за этих мерзавцев как следует».

— Папа, выключи. Опять то же самое.

Мистер Бантинг сел в кресло. Он любил слушать последние известия. Если самому не послушать, толку никогда не добьешься; миссис Бантинг так все перебирала, что оставалось только удивляться. По радио он все-таки выключил. Скука военного времени снова спустилась на коттедж «Золотой дождь».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Воскресенье сулило Крису приятную встречу с Бертом Ролло, приехавшим первый раз в отпуск. Крис привел свой «ковчег» из гаража еще до завтрака и с такой поспешностью лакинулся на еду, что мистер Бантинг прочел ему длинную отеческую нотацию на тему о необходимости тщательно пережевывать пищу. Мистер Бантинг не мог установить причины плохой работы своего желудка, что же касается желудков других людей, то тут все было для него ясно. Крис слушал отца добродушно, но пропуская все его слова мимо ушей, и когда остальные члены семьи только добрались до грейков с вареньем, он уже мчался в Линпорт, где находился гараж «Обслуживаем без задержки».

На это предприятие следовало смотреть глазами верующего, который способен увидеть будущий могучий дуб в крохотном жолуде. В нем была заключена бездна возможностей. Поселок Линпорт рос, и гараж должен был расти вместе с ним, извлекая пищу из этой плодородной почвы. В настоящее время гараж «Обслуживаем без задержки» занимал три стареньких перестроенных коттеджа, полученных мистером Бантингом в наследство от сестры, и в архитектурном отношении выглядел довольно непримечательно. Но этот недостаток был замаскирован изобилием хлестких реклам в американском стиле. Берт, преклонявшийся перед всем американским, время от времени добавлял к ним новые; он старался всеми способами придать делу широкий размах.

Автомобилист, остановивший машину у этого гаража, неизбежно проникался уважением к его образцовой работе. В этом и заключалась основная задача гаража — производить впечатление на клиента. В придачу к бензину он получал листок с разъяснением целей, которые ставит себе гараж «Обслуживаем без задержки». Потом ему проверяли давление воздуха в шинах, уровень масла, уточняли маршрут, по которому клиент следовал, и под конец привлекали его внимание ко всем подозрительным звукам в моторе. Клиент уезжал с полной уверенностью, что он имел дело с первоклассными специалистами.

В последние дни перед войной Крис предпочитал общество Бerta Ролло и гараж всем другим развлечениям в мире, если не считать свиданий с сестрой Ролло, Моникой, с которой он был в некотором роде обручен. И даже этим удовольствием он готов был пожертвовать, если бы ради него пришлось отказаться от обслуживания клиентов, чья машина нуждалась в ремонте. В гараже всегда находилась работа, всегда было, о чем поговорить и подумать. Гараж принадлежал им двоим, это была их забота, средоточие их жизни. Но война все изменила, она лишила смысла все их старания.

В последнее время выдавались такие дни, когда Крису совсем нечего было делать, и он сидел сложа руки или читал, или проводил долгие часы в беспечных размышлениях. С тех пор как Берт ушел в армию, в гараже стало как-то пусто. Он стоял на перекрестке дорог, за милю от Ливингтона, на самом выгодном месте в смысле автомобильного движения, если, конечно, таковое было; но, с тех пор как движение частных машин почти прекратилось, здесь стало пустынно и безлюдно. Клиентов приходилось дожидаться часами; тишина, ни единого звука, кроме грохота пропосывшихся мимо грузовиков или гула самолета в таком же пустынном небе. Заслышав этот звук, Крис выходил на середину дороги, щурился на солнце, стараясь угадать, какая это машина, и с волнением долго провожал ее глазами, пока она не превращалась в черную точку, сливавшуюся с синевой горизонта.

Сентиментальная мысль устроить встречу в гараже «Обслуживаем без задержки» принадлежала Берту Ролло. Крис не имел привычки анализировать свои ощущение-

ния, но сегодня он чувствовал, что это путешествие в Линнпорт доставляет ему большее удовольствие, чем многие предыдущие. Настроению поднималось у него с каждой милей, и, когда впереди замаячили разноцветные рекламы, он нажал педаль акселератора и дал гудок, словно возвещая о том, что это едет сам Джон Пил, король охоты. Он подкатил к гаражу, затормозив с шиком на полном ходу, и вылез из машины, солидно поныхивая своей коротенькой трубкой.

Вот он Берт — в хаки! Ему показалось, что Берт вырост, загорел и стал еще самоувереннее. Он приобрел военную выправку.

— Ах, ты! — крикнул Берт, с братской нежностью оглядывая Криса с ног до головы (включая и трубку). Наступила короткая неловкая пауза, оба боялись выдать свои чувства. Взрослые заполнили бы со рукопожатием, но Берт и Крис еще не прошли тот этап, когда при встречах угощают друг друга шутивыми шлепками по различным частям тела. Поэтому первые несколько секунд бий стояли смущенных, и Крис воспользовался этим, чтобы разжечь трубку. Потом он отпер гараж, пригласив Берта войти туда и вдохнуть всей грудью его знакомые запахи.

— А... а... — приговаривал явно взволнованный воспоминаниями Берт, обходя мастерскую, склад, оглядывая и пол, и потолки, и каждый верстак. И вдруг, прервав поток своих вопросов и ответов Криса, он показал на пачку у себя на рукаве.

— Видал? Ефрейтор Ролло. Со вчерашнего дня. Еще два таких, и я сержант. Я уже водитель танка.

Крис был удивлен и даже почувствовал зависть. Он сказал недоумевающим тоном: — А я думал, ты работаешь по ремонту.

— Дудки-с. Я на коммисии сразу заявил: «Маршировать не желаю и в кавалерию тоже не пойду. Подавайте мне танк».

Зависть снова шевельнулась в душе Криса, но это чувство было так чуждо его натуре, что оно всыхнуло только на секунду и сейчас же угасло. Тем не менее мысль о том, что вот Берт разъезжает в танке, а он, Крис, накачивает бензин в грузовички каких-то булочни-

ков, была мучительна. Ореол, окружавший когда-то гараж, еще больше потускнел.

— Эх, — сказал Берт, — хотел бы я покатать тебя в своем «Парциссе»! После танка управлять легковой — это просто детские игрушки. На танке, — знаешь, как? Никаких тебе препятствий. Я пролезал сквозь стены, — замети: сквозь стены! — сквозь изгороди, через канавы, сквозь горящий дом. Фью! О многом пришлось забыть с тех пор, как я сел в танк. Тут надо закалиться. Да-а, тебе бы понравилось. К сожалению, взять тебя я не могу, ведь ты интатский.

Крыс чуть покраснел.

— Как вспомнишь, какой скандал поднимают подлимены из-за царянины на уличном фопаре, — задумчиво проговорил Берт, — так просто себе не веришь.

Они подошли к его прежнему рабочему месту, и Берт посмотрел на свой верстак, словно это была школьная парта; сходство нарушалось только портретной галлерсой, украшавшей выбеленную стену. Это были все приятельницы Берта Ролло, а размеры и пестрота коллекции свидетельствовали не только о его влюбчивости, но и многообразии вкуса. Часто бывало так, что, сидя за работой у себя в уголке, он вдруг впервые замечал какую-нибудь черточку в лице той или другой прелестницы, какое-нибудь явное указание на дурной характер или заносчивость, от которых ему приходилось страдать и которые способствовали приближению разрыва. И он снимал фотографию со стены, пристально ее разглядывал, дивясь своей прежней слепоте, и бросал в печь. Но грустный взгляд Берта говорил сейчас, что среди всех этих почти забытых лиц одно-два оставляли раны у него в сердце. В данный момент он больше всего жалел, что ни один из этих девушек не видит его в пилотке и с эфрейторской нашивкой.

— А как у тебя дела с нашей девочкой? Попробуй?

— Да.

— Чудесно, — сказал Берт, впрочем, не очень искренно. Разговаривая с Крисом, он все время прятался краем уха, не едет ли Мойика в их семейной машине. Этого бы еще не доставало! Довольно и того, что раньше

она вечно крутилась около него и Криса. Крис каким-то таинственным образом безошибочно отягчал звук ее машины от всех других и, преспокойно отложив гаечный ключ, спешил ей навстречу. Берту приходилось смиренно ждать Криса с незаконченной работой и видеть, как сестрица выходит из машины, поворачивает голову то направо, то налево (чтобы показать профиль) и улыбается точно па сцене, так что поневоле за нее краснеешь. Берта удивляло, что Крис, неглупый парень и лучший механик в здешних местах, не понимает, что все это сплошное кривлянье, и не хочет понять, даже когда ему по-дружески указывают на это. Не он первый оказывался слепым по отношению к сестре Берта, что никто не заходил так далеко, — ведь Крис купил ей кольцо, аметистовое кольцо, и она открыто носит его, будто бы потому, что аметист — ее камень, соответствующий месяцу ее рождения, а на самом деле это подарок жениха, стоивший двенадцать шиллингов шесть пенсов. Берт Ролло никогда не стал бы ухлопывать такие деньги на пустяки. Он тогда сказал Крису, что в году есть еще одиннадцать месяцев и на каждый приходится рождение какой-нибудь красотки.

— Если б ты не послушался ее и пошел в территориальные войска, — сказал он скорее с сожалением, чем осудительно, — были бы мы с тобой таксистами.

— Откуда я знал, что будет война? Почему твой отец не хочет перевести сюда Резерфорда? Мой год скоро призовут. Я вовсе не желаю, чтобы меня сунули куда-нибудь в первую попавшуюся часть.

— От моего папашки толку сейчас не добьешься, — сказал Берт. — Он и дела-то совсем забросил, а в голову только одно — гражданская оборона. Их там целая компания собралась — все его приятели по клубу, — а что они делают? Торчат целый день в полицейском отделении и учатся метать дротик. Он и старика Резерфорда завербовал санитаром. Всех вербует направо-налево, даже мать в покои не оставил. Я рад-радеешник, что не тут, а в армии.

Крис цахмурился, обдумывая это новое обстоятельство. Он восхищался мистером Ролло; гараж «Обслуживаем без задержки» был обязан ему своим зарождением не меньше.

чем мистеру Бантингу. Даже сейчас он существовал как филиал большого гаража Ролло в Килворте. Подыхивая черной сигарой, мистер Ролло постоянно повторял Крису, что липпортский гараж должен продолжать работу и при одном компаньоне, если другой ушел в армию. О соответствующих изменениях будем думать потом. Когда же к нему обращались с расспросами об этих соответствующих изменениях, он отрывался от воображаемого и весьма успешного метания дротика в различные предметы, изменившиеся в конторе, и рассеянно, но терпеливо смотрел вопрошающему прямо в лицо. Мистер Ролло был ярким спортсменом и часто производил манипуляции спортивного характера тростью, линейкой или тем, что в данный момент находилось под рукой, с поразительной четкостью ударяя по воображаемым мячам и загоняя их в воображаемые лунки. Он так увлекался этим, что иногда его приходилось окликать дважды, чтобы вернуть к действительности. Зато он никогда не сердился.

Крис, восхищавшийся прежде невозмутимостью мистера Ролло, теперь понял, что с ним труднее иметь дело, чем даже с отцом. А все-таки твердая воля есть не у одного только Монтегью Ролло, в Килворте найдутся люди, которых ему не переупрямить.

— Ты ему вот что скажи, — начал Крис и сразу стал похож на мистера Бантинга в самом его неподатливом настроении, — если он не займется гаражом в самом ближайшем времени, я этот гараж закрою и только меня и видели. После войны опять начнем. Но тогда, думаю, все будет по-другому.

— Конечно, по-другому, — охотно согласился Берт. — Слушай, а что если я к вам заеду сегодня? Твои еще не видели меня в форме. Ну, скажем, к чаю? — Берт явно считал, что доставит этим огромное удовольствие семейству Бантингов, и отказываться от такого великодушного предложения было невозможно.

В назначенное время он появился на Кэмберленд-авеню в огромной машине мистера Ролло, цуголепатый, подтянутый, и подъехал к «Золотому дождю» как раз в ту минуту, когда Джули возвращалась домой с воскресной

прогуляли в обществе Мэвис. Увидев у зеленой с белым калитки великолепную машину, за рулем которой сидел воспитанный, Джули почувствовала сердцебиение и прибавила шагу, ибо «корстон-дэвид-24» — одно из самых внушительных созданий человеческого гения, особенно на взгляд обладателей дешевого «конвэй». Джули приближалась к нему с душевным трепетом.

До того как Бантинг купили «конвэй», все марки автомобилей казались им более или менее одинаковыми; важно иметь хоть какую-нибудь машину. Вначале «конвэй» был полон очарования для его владельцев. Но вскоре они научились делать сравнения, и «конвэй» стал казаться им устаревшим. Достаточно было одного взгляда на его капот, чтобы убедиться, что ему лет семь по крайней мере; крылья у него тоже были погнуты, так как мистер Бантинг не всегда удачно делал развороты. Джули, переживавшая это острее всех, стыдилась, если ее видели в машине вблизи дома. Но такая, как у мистера Ролло! Она остановилась, глядя на «корстон-дэвид» с завистью и восхищением.

— Ой! — Джули подошла поближе и заглянула внутрь. Она немного наклонилась вперед, распространяя вокруг себя аромат духов.

— Сколько она делает миль, Берт?

Польщенный Берт признался, что при умелом обращении «корстон-дэвид» может показать довольно приличную скорость.

В голосе Джули зазвучали замскивающие нотки: — Слушай, Берт, поучи меня править.

— Да как же это можно, детка? До семнадцати лет разрешения не дают.

И вдруг от нее повеяло холодом, наступила напряженная пауза. Берт понял, что сказал что-то не то. На щеках Джули вспыхнули два ярких пятна, она смерила его уничтожающим взглядом. Этот взгляд должен был внушить Берту, что на него смотрят презрительно и с недостижимой высоты.

— То есть как так до семнадцати лет? Мне уже семнадцать. Исполнится в январе. Будьте любезны это запомнить, Герберт!

Несмотря на свой богатый опыт с женщинами, Берт

немедленно скис; он даже слегка покраснел. Ему никогда еще не приходилось наблюдать такой молниеносный переход от заискивания к враждебности. И Гербертом его никто не называл с тех пор, как он окончил школу.

— Ну, ладно, ладно, — миролюбиво сказал он и посмотрел на нее внимательнее. Шелковые чулки, туфли на высоких каблуках, чудом державшаяся на голове шляпа с перышком. И это Джули Бантинг! Только теперь он ее как следует разглядел. Берт вспомнил, что в последний раз, когда он ее видел, она была в форме, которую носили школьницы мисс Морган-Делл, — длинноногая девочка в черных чулках, полосатой спортивной курточке и соломенной шляпе, и больше ничего. На какие превращения способны женщины, это просто уму непостижимо!

— Да я бы с удовольствием, — сказала он, идя следом за ней к дому и громко топая башмаками по асфальтовой дорожке. — Только когда? У меня всего два дня отпуска.

Никакого ответа. Они подошли к двери, Джули не постучала, но взялась за ручку, — она стояла поодаль и ждала, постукивая каблучком.

— Может быть, вы будете так добры?... — насмешливо сказала Джули, давая этим понять, что перед дамой следует открывать дверь даже ее собственного дома. Красный, как рак, Берт исполнил этот обряд, спрашивая мысленно, откуда она набралась таких великосветских замашек. «Наверное, романов читалась», — решил он.

С чувством облегчения пропустив ее вперед и шагая сзади, Берт напомнил себе, что он как-никак солдат, а солдаты — народ храбрый.

Войдя в дом, он снова обрел самоуверенность, которой природа столь щедро его наделила. Он вспомнил о своем мундире и пашивке. Мистер Бантинг вышел ему навстречу с протянутой рукой — а это было большой честью — и, повидимому, собирался принять его, как равного.

— Я слышал, тебя повысили в чине, — сказал мистер Бантинг; он одобрял преуспевающих молодых людей. — За ступенькой ступенька, как сказал поэт.

— Берт, наверное, хочет чаю, — перебила его мисс Бантинг, которая не могла видеть равнодушной юной леди в хак и обязательно должна была пригласить их

Она накормила не одного солдата в прошлую войну и считала, что долг каждой женщины пичкать их до отвала, когда они приезжают в отпуск. Еда у нее была уже приготовлена, а при первых звуках голоса Берта она заварила и чай. Можно было подумать, что Берт прибыл сюда из осажденной крепости.

— Я уверена, что в армии вас кормят плохо, — сказала миссис Бантинг, приглашая его к столу.

— Суровый образ жизни весьма полезен, — заявил мистер Бантинг и добавил: — Если желудок в порядке.

Мистер Бантинг смотрел на Берта, сидевшего напротив, и перед ним вставали былые годы. В ту войну он жил в Рэмдентауне, и вокруг этого самого стола, который тогда стоял в тамбурной их квартирке и, когда его раздвигали, загораживал всю столовую, мистеру Бантингу часто случалось видеть юношей в хaki, славных ребят со свежим загаром, приобретенным в лагере, рассказывающих всякие интересные истории с непривычным уху провинциальным выговором. Он приводил домой солдат и моряков, встреченных на улице или на вокзале в комнате для ожидающих, которым в чужом городе некуда было деваться. Все садились ужинать, разговаривали, пели. Какое это были прекрасные дружеские вечера! Он помнил лица и помнил имена, но часто одно не связывалось с другим. Фронтальная молодежь той войны! Многих вот уже двадцать лет как нет в живых. Их фотографии находишь между страницами старых книг и в других самых неожиданных местах, и с карточки на тебя вдруг глядит улыбающееся, знакомое когда-то лицо, и ты стараешься вспомнить, кто это и что с ним случилось потом, и некоторым отвечаешь улыбкой и взглядом, который говорит: «Тебя не забыли».

Когда мистер Бантинг смотрел на Берта, у него было такое чувство, словно это вернулся один из тех, юных и улыбающихся, как встарь.

— Рад тебя видеть, Берт. Очень рад. Ешь побольше, не стесняйся. Джуль, положи ему пончик. Обрати внимание. — на на маргарите.

— Да... танки, — начал он. — Теперь, пахотное, на усовершенствовались.

— Ну, еще бы, — сказал Берт и пустился объяснять,

что может сделать танк, в частности, что может сделать «Нарцисс» при умелом обращении с ним. Не все можно рассказывать про танки, это военная тайна, и ее нельзя разглашать даже в «Золотом дожде». Однако после всех его рассказов оставалось только предположить, что несомыслимое стоит на грани чуда.

— Ты и в отпуск на нем приехал? — кротко спросила Джули.

— Джули, Джули, — остановила ее миссис Бантинг, а Крис посоветовал приятелю не обращать внимания на сестру. Мистер Бантинг заметил, что вышла какая-то неловкость, но смысл быстрых и невнятных реплик, которыми обменялись присутствующие, ускользал от него, и он вопросительно посмотрел на жену, но не получил от нее никаких разъяснений.

— А почему все-таки «Нарцисс»? Этого я не могу понять, — спросил Эрнест, которому претила кровожадность Берта.

— Лучше бы назвать его «Мститель» или «Страшилище», — сказала Джули. — Или «Скорпион». Одним словом, какое-нибудь имя со значением.

— «Страшилище» — самое подходящее для танка, — сказал Эрнест.

— Только не «Скорпион», — возразил мистер Бантинг. — Это название паяльной лампы. Но «Нарцисс» слишком поэтично.

Началось импровизированное состязание на лучшее имя для танка. Результаты были не блестящи, но все согласилось на том, что любое из предложенных имен лучше «Нарцисса».

Берт прыгнул. — Да мне просто ничего другого в голову не пришло. Вспомнил одну старую отцовскую машину, вот и назвал.

— Какое это имеет значение? Важно, что Берт вернулся в своем танке домой жив и здоров, — сказала миссис Бантинг. — А все остальное — пустяки.

— Правильно! — поддержал ее мистер Бантинг. — И раз уж Берт приехал в отпуск, давайте проведем вечер вместе и повеселимся. Эрнест поиграет нам, а мы споем. Ну как, Эрнест? Только не этюды и не сонаты. Что-нибудь веселенькое.

Мистер Бантинг встал и направился в гостиную; ему хотелось, чтобы они смеялись, веселились, а не спорили о всяких пустяках. Странное дело, думал он, о чем бы ни говорили в «Золотом дожде», непременно кончатся спором.

— Пу-с, — сказал он, поднимая крышку рояля, — сейчас Джули нам споет. Спой ту песенку, что вас учили в школе. «У девушки косы...» — помнишь? Там есть недурные местечки.

— Папочка, у нас лет этих нет.

— Э-э! — разочарованно протянул он. — Чего нам нехватает, так это альбома со старинными песенками. Почему ты не купишь, Эрнест?

— Я сыграю все, что тебе угодно, — предложил Эрнест, не проявляя, впрочем, особого желания воскрешать веселье старомодных гостинных, любезное сердцу мистера Бантинга по воспоминаниям юности. Эрнест скептически относился к такого рода развлечениям, но не хотел отставать от других. Жаль только, что отец не замечает общего чувства неловкости.

— Очень мило с твоей стороны, — сказал мистер Бантинг. Он разохотился спеть что-нибудь и уже пробовал голос в самом низком регистре. Разве теперь услышишь «Сельского кузнеца»? Даже по радио никогда не передают, а этим юнцам «Сельский кузнец», наверное, покажется старомодным. А песенка прекрасная, и в свои холостые годы он с успехом исполнял ее на любительских концертах.

— Что такое? — спросил вдруг мистер Бантинг, наклоняясь в сторону Криса. — Должен встретиться с кем-то? Какже у Берта могут быть встречи в воскресенье? Ему надо веселиться.

— Да нет, папа, это не деловая встреча. Он уговорился с одной девушкой.

— А-а, — сказал мистер Бантинг, вытаращив глаза. По Крис сидел как ни в чем не бывало, то же самое и Берт; смутился один мистер Бантинг. Хуже того, он очутился в глупом положении — ему как-то не пришло в голову, что этот веселый вечер никому не нужен.

— Берт мог бы привести свою барышню сюда. Мы были бы очень рады ей.

— Да это не его барышня. Просто мы решили провести вечер вместе. Ты, папа, не будешь в обиде?

— Конечно, нет. Я только хотел... так это... — Он заппнулся. Он чувствовал себя обиженным.

— Вот и хорошо. А то мы уже уговорились.

— Ничего, Крис, пожалуйста. Идите, и желаю веселиться.

— До свидания, Берт! — крикнула Джули. — Всего хорошего, если не увидимся до отъезда.

Она проводила их до дверей и помахала Берту на прощанье. Хотя Джули и старалась держаться высокомерно, но, судя по всему, она не была нечувствительна к очарованию военной формы. Эта Джули, конечно, совсем еще девочка, но тем не менее Берт козырнул ей, чтобы ее потешить, — ну точь-в-точь так же, как мог бы позарить ей мешочек леденцов, будь она на годок-другой моложе... А мордочка у нее, надо сказать, прехорошенькая.

— Слушай, что я тебе скажу, только помалкивай, — сказал он Крису, когда они мчались по шоссе в огромном лимузине, — мою часть отправляют в Норвегию. Половину уже отправили. Высыдем ботам по первое число.

— В Норвегию! — воскликнул Крис. Сердце ему заболело зависть. Он покосился на Берта, которому предстояло столько увлекательного, и вздохнул тяжело, как вздыхает юность, закованная в цепи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эрнест сидел в полутемной гостиной и играл на рояле. Он вернулся домой утомленный и расстроенный неприятностями, крупными и мелкими: хмуростью хмурого инженера, застоєм в делах, вздорожанием мыла, войной и нудностью жизни вообще. Он подошел к роялю, словно к алтарю, лица у него утешенныя. Его пальцы бегали по клавишам, а мысли вертелись все вокруг одного и того же.

При всей душевной мягкости Эрнеста в нем была какая-то стальная пружинка, которую сам он называл силой воли, а отец — попросту упрямством. Пресса, пра-

выгнать, близкие и друзья могли придерживаться единого мнения по какому-нибудь вопросу, но если Эрнест думал иначе, он упорно отстаивал свои принципы и не считал нужным молчать об этом. Его совесть подавала голос кстати и некстати, и Эрнест был уверен, что это голос не только совести, но и рассудка. Вот почему он чувствовал себя таким одиноким в этом охватившем войной мире, с которым ему никак не удавалось спеться. Эрнест был против этой войны, против всех войн, он считал войну безумием, которому следовало бы исчезнуть с лица земли тысячу лет назад.

Слишком свободное высказывание своих взглядов привело его сегодня в прачечной к словесной дуэли с кистером Иглом. Мистер Игл пережил на своем веку много войн; в бурской он участвовал сам, и она была еще свежа в его памяти. Он помнил даже более ранние кампании — против зулусов, дервишей и разных других врагов Британской империи. Война не представляла для него ничего нового, и поднимать из-за нее шум не стоило, ибо она неизбежна и будет врываться в человеческую судьбу вплоть до пришествия тысячелетнего царства. Новой была для мистера Игла только точка зрения Эрнеста — эта готовность воздействовать на врага методами убеждения, вместо того чтобы поддевать его из штыка. Мистер Игл считал пацифистов людьми, лишенными мужества и потому заслуживавшими презрения.

— Вы, дружок, можете не беспокоиться. Вам не придется идти на войну, — сказал он не без яда. — Вы защищены.

Вспомнив этот намек, Эрнест вспыхнул. Он был освобожден от военной службы не из-за своих убеждений, а потому, что мистер Игл выхлопотал на него броню как на руководящего работника прачечной. Но меньшинству всегда приходится терпеть несправедливые наказания. На самом деле Игл боится, что, если взгляды Эрнеста станут широко известны в Гилворте, то прачечная потерпит убытки. Все другие убытки, вызванные войной, мистер Игл был готов принимать стоически. «Этого требует родина».

Ничто не вызывало у Эрнеста такого раздражения, как подобные взгляды. В этом мире, который становится все

более тесным, пора уже было отрешиться от узких границ своей родины и начать думать о федерации стран.

Эрнест говорил со знанием дела. Он посещал лекции, подобрал целую библиотечку политической литературы. У него писалась даже «Майн кампф», и он осиял в ней столько же, сколько и большинство других читателей, — немногим больше половины; впрочем, он намеревался дочитать ее до конца — когда-нибудь. Дайте ему возможность свободно высказаться, и его логика убедит всех.

Эрнест знал о несправедливости Версаля, знал, что приход нацистов к власти в Германии вполне объясним. Он знал также, какую долю ответственности несет Англия за крах Лиги наций. Но, забывшая иногда немцев, она не чувствовала при этом, что изменяет Англии. Эрнест считал, что обвинения в неloyальности ему могут предъявлять только самые косные реакционеры; надо смотреть правду в глаза. Причины войны коренятся в отживший свой век национальной верности, — так же как и родовая месть коренится в верности семейной. Теперь нужна верность всеобъемлющая, не считающаяся с границами государств и объединяющая все человечество в единое братство.

За эту идею, за мир без рубежей, управляемый одной огромной человеческой семьей, Эрнест цеплялся с таким упорством, которое ничто не могло поколебать, но он знал, что осуществит эту идею не сила оружия. Новый мировой порядок родится только в том случае, если будем сохранять веру в него: и пробуждать эту веру и в других людях, и родится он, быть может, через много-много лет, через много поколений в медленном ходе человеческого прогресса. В осуществлении своей мечты Эрнест никогда не сомневался и завидовал тем людям, которые увидят претворение ее в жизнь.

А теперь эта мечта была словно пламя свечи на бурном ветру.

Людей губит то, что они не умеют думать. Они принимают войну как стихийное бедствие, наподобие землетрясения, и не понимают, что это такой же результат человеческой оплошности, как и железнодорожная катастрофа. Такую отвагу и преданность своей стране, как в дни войны, не часто встретишь в мирное время.

Готовность к жертвам, которая сейчас охватила людей, могла бы ввести человечество сразу в золотой век, если бы ее правильно использовать. А какими легковверными все стали — рады повторять любой слух.

Довольно прочесть передовые в таких газетах, как «Сирена», чтобы понять всю меру людского легковверия. Всех немцев «Сирена» изображала кровожадными варварами, за исключением тех случаев, когда нужно было представить их одураченными овцами. Гитлер хитер, как барышник, бесчестен; основа его политики — ложь и надувательство. Такие утверждения заставляли Эрнеста широко раскрывать глаза, он терял последнюю веру в способность людей рассуждать здраво. Правда, эти утверждения подкреплялись фактами, но Эрнест не был склонен безоговорочно верить всем газетным сообщениям. Гитлер — глава одной из самых великих наций, ею избранный и одобренный; он несет ответственность за миллионы человеческих жизней, за счастье своих соотечественников. Эрнест не допускал даже мысли, что человек, стоящий так высоко, может оказаться лжецом и прохвостом.

Одн за роялем в темной гостиной и машинально пробогая пальцами по клавишам, Эрнест раздумывал о путаных судьбах этого мира, свихнувшегося мира, давно знакомого с горем, расколенного на куски, из-за которых дерутся между собой ограниченные, несговорчивые люди. Они важно сидят за круглым столом, эти люди, и нет у них более веского довода в спорах, чем готовы к взлету бомбардировщики. Таковы лидеры Европы двадцатого века, а пройдет тысяча лет, и их действия, их политические взгляды будут казаться пошлостями. Да, мир надо переустроить, и размышление о том, как это сделать, было любимым занятием Эрнеста, но он, по крайней мере, понимал, что такая задача потребует от человека максимума бескорыстия и душевной чистоты. В худшем случае можно положиться на человеческий инстинкт, который хоть и медленно, но приведет к цели, если ему не создавать помех. Но сейчас намятые за деньги пропагандисты оплетают весь мир ложью, и отзвуки их голосов слышатся повсюду.

На этом бурлящем фоне Эрнест видел свою жизнь —

еме заметную точку на огромном полотне. И все же — это человеческая жизнь! Разве тот, кто пренебрегает своими правами, может уважать права других людей? Но точка остается точкой, он всего-навсего пылинка в солнечном луче, и поддержки себе надо искать только в тайниках ума и сердца, — искать и не находить.

Минуту Эрнест сидел, прислушиваясь к своим путанным грустным мыслям, тонущим в звуках, которые его пальцы извлекали из рояля, скользя по клавишам, словно по воде. Рояль старенький, разбитый; когда они с Эви поженились, — у них будет «Миссен». Эта статья расхода была уже внесена в бюджет идеального дома, который существовал пока только в записной книжке Эрнеста. «Миссен» стоял там рядом с кафельным каминном, грифами, американскими шкафами для книг и многими другими вещами, «свидетельствующими о хорошем вкусе козлов. Время от времени Эрнесту приходили в голову новые мысли относительно устройства идеального жилища, он тут же закреплял их в записной книжке, в которой под конец вырос солидный список домашнего инвентаря самого высшего качества. Раньше, в свободные минуты, он постоянно брался за свою записную книжку и делал там пометки остро отточенным карандашом. Но теперь ему не хотелось заглядывать в нее. С тех пор как началась война, заветная книжка, как и многое другое, потеряла для него непосредственный интерес.

Тем не менее идеальный дом так ясно стоял перед мысленным взором Эрнеста, что в мечтах он часто приходил туда, бродил из комнаты в комнату, пил чай с Эви за столиком с выгнутыми ножками при свете свечей, отдыхая там от несовершенств «Золотого дождя». Несколько месяцев тому назад Эрнест был так полон этим, что мог бы составить пособие для молодоженов по устройству и меблировке дома и прочим хозяйственным вопросам, встающим перед каждой молодой чтой. Но теперь он больше думал о самой Эви, к которой так рвалось его сердце, о смуглой, ласковой Эви, знавшей каждую его мысль, каждый порыв души.

Ведь, может быть, ему не дожидаться конца войны, не дожидаться свадьбы; может быть, впереди ничего не будет. Люди его возраста ближе к могиле, чем старики.

А по ту сторону их ждет забвение, в черной пасти которого уже исчезли в прошлую войну миллионы жизней. Таких, как он, тысячи, и война вычеркнет эти тысячи из списка живых, словно они никогда и не рождались на свет, никогда не тешили себя мечтами, желаниями и надеждами, так похожими на его собственные.

С тяжелым вздохом Эрнест прогнал от себя эти мысли. Он почувствовал, как в нем загорается холодный гнев, на который способны люди хоть и эгоцентричные, но мыслящие, те, кто считают себя скорее зрителями, чем участниками затеянной в мире сумасшедшей игры. Погружаясь в эти размышления, точно в бездну, а когда достигнешь самого дна, тебя вдруг выносит на поверхность. Тут, видно, действует какой-то закон компенсации, думал он, нечто вроде эмоционального очищения. Блэйк говорит об этом в своих «Психологических этюдах». Во всяком случае он чувствует себя гораздо свежее после таких раздумий, — с обновленным духовным апетитом. Вот теперь надо поиграть!

Он спокойно зажег свет в полной уверенности, что о затемнении позаботится кто-то другой.

Эрнест снова сел за рояль и в этой привычной для него позе стал, сам того не подозревая, самым обычным молодым человеком. Отважившись на приступ 48-й фуги Баха, он с одинаковой легкостью отбросил от себя и деловые заботы и тревоги о судьбах мира. Он с подъемом одолевал самые трудные пассажи и чувствовал, что играет хорошо. Ему было приятно сидеть в гостинице одному, но если бы его игру могла слушать публика, он не отказался бы от этого. Иногда он воображал, что его слушают, чувствовал напряженную тишину за спиной, потом короткую паузу и за ней бурю аплодисментов. Часто эти мечты казались ему пустым тщеславием, но, с другой стороны, они вдохновляли его, и в такие минуты он играл особенно хорошо.

Эрнесту не приходило в голову, что у него есть аудитория — в столовой, в кресле у камина, аудитория, состоящая из одного человека, того самого, который купил ему рояль и частенько сожалел об этом, не обладая тем утонченным вкусом, каким Эрнест падала своя воображаемая аудитория.

Мистер Бантинг слушал Эрнеста уже добрых полчаса с тем вынужденным вниманием, которое человек поневоле уделяет неприятным, раздражающим слух звукам. Потеряв надежду сосредоточиться на чтении газеты, он стал гадать, какое классическое произведение играет Эрнест, — точь-в-точь как Оски старался опознать садового вредителя, чтобы с тем большим основанием обрушить на него свою ненависть. Для сонаты это недостаточно торжественно, в этюдах больше фальтифлюшек. Прислушиваясь к тому, как пальцы Эрнеста деляют по клавишам, точно догоняя один другой, мистер Бантинг склонялся к мысли, что это fuga. Никакой другой образец серьезной музыки не вызывал у него такого отвращения, и он применял это название ко всем без разбора классическим произведениям, с особым же удовольствием к тем, которые казались ему самыми мерзкими.

Мистер Бантинг опустил газету, уставился на стену гостиной, откуда исходили эти проклятые звуки, и скорчил гримасу. «Почему Эрнест никогда не вспомнит те вещицы, которые играла «Гармоническая пятерка»? — удивлялся он. — Правда, джаз не сравнится с хорошей старинной музыкой, но все же это куда лучше fug».

— Fugi! — сердито сказал он вслух. — Мало нам приходится терпеть во время войны, а тут еще fugи слушай.

Ни жена, ни дочь не ответили ему. Джули сидела за столом в круге света, падавшего из-под плотного абажура, и писала письмо. Губы у нее были сжаты, голова склонена набок, и глядя на то, с каким старанием она выводила заглавные буквы, трудно было поверить, что за ее обучение заплачены большие деньги.

Миссис Бантинг делала что-то с обрывками цветной шерсти, лежавшей в ее рабочей корзинке, — что именно, он не мог понять. Она рассматривала каждый узелок со свойственной ей хозяйственностью и уделяла мужу не больше внимания, чем Джули.

Что касается Криса, то его еще не было дома: тщательность, с которой он занялся делом уходом своими зубами, прической, башмаками и галстуком, свидетельствовала о том, что ему предстоит свидание с Моникой Ромло. О развитии этого романа мистер Бантинг проводил

каким-то шлюхом; тот же пух говорил ему, что он должен притвориться, будто ничего не знает об этих делах и думает, что Моника приходит в «Золотой дождь» просто как сестра Берта Ролло и знакомая всей семьи. Что ж, прекрасно! Улыбки по поводу отцовской слезоты (их он тоже замечал) были ничто по сравнению с теми, которые появлялись на его устах, когда домашние на него не глядели.

Покуда мистер Балтинг предавался подобным размышлениям, fuga кончилась. Наступила короткая тишина, и он снова занялся газетой. Но не надолго. Несколько аккордов, таких мрачных, что они были способны заморозить улыбки на устах всех герлс Конкрейна, и Эрнест принялся за Бетховена. Этот композитор пользовался особой антипатией мистера Балтинга. Он считал его самой мрачной личностью из всех, кто когда-либо садился за рояль. Играя Бетховена, Эрнест словно исторгая душу у инструмента. Он гремел, нагромождая аккорды, словно выскиывая среди тех, которые еще пребывали в блаженном небытии, самые мучительные, и потом переходил на тягучее адажио, давая запыхавшемуся Бетховену несколько минут передышки, прежде чем грянуть новую серию режущих ухо звуков.

— Прелесть, что за музыка! — сказал мистер Балтинг, выведенный, наконец, из терпения. Но его никто не слышал.

Весь трудный день он ждал этих вечерних часов у каминна, и вот они пришли, а он сидит одинокий. Никто с ним не разговаривает: он точно какой-то автомат, который загребает деньги и приходит домой только переодеться. Читать ему не дают, его попытки затеять разговор не поддерживают. И мистер Балтинг вынул из кармана пухлую записную книжку с пометками по отделу, которая служила ему последним прибежищем в борьбе со скукой. Он раскрыл ее, и тотчас на пол подстелки бумажки. Он читал их с большим вниманием и одну за другой бросал в камин. Это были записи расценок по системе Холройда, в которой мистер Балтинг так до сих пор и не разобрался. Считая, повидимому, торговлю железо-скобяными товарами делом не достаточно сложным, Холройд содействовал ее усложнению путём введения

каких-то каббалистических знаков, вроде арифметической стенографии. Мистер Бантинг уже не первый раз принимался разбирать эти знаки, подходя, впрочем, к делу не как добросовестный исследователь, а скорее как предубежденный критик, сразу же задающий вопрос, на который никто не может ему ответить, а именно: на кой чорт все это нужно?

Быстро воспользовавшись одной из пауз Эрнеста, мистер Бантинг включил радио. Это был стратегический ход — стремительный захват некокупированной территории тишины. Из радиоприемника выплыли три молодых женских голоса, живописно именовавшие себя «вокальным джазом», должно быть, для того, чтобы легче всучить этот номер Британской радиовещательной корпорации. Голоса были резкие, слишком резкие и молодые для таких нескромных любовных песен, которые не могли идти ни в какое сравнение со старинной «Жизнелостью». Но мистер Бантинг не выключал радио, пользуясь им как заградительным огнем против фуг и показывая этим свое право развлекаться в своем доме по собственному усмотрению.

Пока Эрнест играл, Джули, глухая ко всем посторонним звукам, была занята своим письмом, но теперь она подняла голову и протестующе посмотрела на отца.

— Ой, папа, выключи. Я же пишу.

— Ну и ладно.

Джули положила перо, тряхнула волосами, испустила глубокий вздох, окунула перо в чернильницу и снова прижалась к письму, всем видом показывая, что ее литературным наклонностям на каждом шагу чинят препятствия.

— Мама, скажи, чтобы он выключил.

Миссис Бантинг прислушалась к «Трех сестер» и удивилась, «почему таким особам разрешают выступать по радио».

— Подожди, Джордж, скоро будут последние известия, — сказала она.

Мистер Бантинг с ливной досадой повернул розетку. Он знал, что если он попробует переключиться на другую станцию, его немедленно обвинят в том, что он опять мудрит с приемником.

Что за уныние и скука царят в этом безрадостном мире, как сказал поэт! Скука одолевает и дома и на людях, в газетах ничего нового. А выглянешь за дверь — и мороз подирает по коже: ни огонька, города будто и нет, кругом темно и пустынно, как на болоте. Страшное ощущение — знаешь, что тысячи и тысячи жилищ, ярко освещенных изнутри, притаились в этой первобытной тьме и ждут чего-то, словно целый мир зарылся в землю. Входишь к себе в дом, в душную наглухо закрытую комнату, а газеты и радио до одури надоедают тебе бесконечным повторением имени «Гитлер». Сидишь всеми забытый, а покоя нет как нет. Тишину и покой крушат фугами и сонатами.

А еще говорят, что война протянется три года.

«Что ж как-нибудь выдержим, — подумал мистер Бантинг. — Надо выдержать. Нам хватит на дольше, чем их». Он удивился, почему немцы не восстанут против Гитлера и не покончат с этой войной. Уже сколько лет все пишут, что в Германия вот-вот вспыхнет революция. Видно, у немцев кишка тонка.

На асфальтовой дорожке послышались шаги и неслышание Криса, а через секунду в дверях появился и он сам, веселый, румяный, всегда милый отцовскому сердцу. У Криса даже волосы были веселые, они вставали густой светлой копной, когда он снимал шляпу, олицетворяя собой живучесть его патуры. Вот уж кого не назовешь «высоколобым». Ни зазнайства, ни вричул. Завтра ложилась на его плечи легкая, как тень.

— Ну как, Крис, немцы не летают?

— Немцы? Да что ты, мама, конечно, нет.

Можно было с уверенностью сказать, что, расставшись с Моникой, Крис думал о чем угодно, только не о немецких бомбардировщиках. Он вошел, как всегда, чистенький, прифранченный, и оглядел всех с обманчиво невинной улыбкой. Проходя мимо стола, он вдруг продекламировал:

— Дорогой Билл!

— Свинья! — вскрикнула Джули и накрыла письмо промокашкой.

— Кто это — дорогой Билл? Мы его знаем?

Джули, вся красная, смотрела на него, вытаращив

глаза, и чувствовала, что отец так и подался вперед всем телом.

— Это одинокий солдат, если уж тебе угодно знать.

— Какой же он одинокий, в армии? Там таких еще миллионы. Папиросы ему посылаешь?

— Может, и посылаю!

— Эх ты, дурочка, одинокие солдатики только потому тебе и пишут. Они любят пожить на шармака. Ты бы видела, какие папиросы получает Берт.

— Подумаешь, твой Берт Ролло!

— Берт наречь что надо.

— Что это за выражения, Крис? «На шармака», «что надо», — мягко запротестовал мистер Бантинг. — Какой-то барбаризм.

— Безусловно барбаризм, — охотно поддержала его Джули. Миссис Бантинг со свойственной ей находчивостью сообразила, что подошло время последних известий, и включила радио. Мистер Бантинг повернулся к приемнику. Ничего нового, конечно, не будет, но все-таки...

— Позовите Эрнеста, может быть, он хочет послушать, — сказал он вполголоса.

При первых же словах диктора мистер Бантинг изменился в лице. Он молча посмотрел на жену, на Криса, даже на Джули. Они стояли у приемника настороженные, застывшие. Со все возрастающим волнением, которое отнюдь не умерялось бесстрастным голосом диктора, они выслушали все до конца в стойческом молчании. Потом мистер Бантинг решительным движением повернул розетку.

— Значит, наших выставили из Норвегии. Тут что-то плохо. Ведь они только-только туда прибыли! — Вид у него был крайне серьезный.

— Берт туда уехал? — спросила Криса Джули.

— Да. А откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Не правится мне это, — сказал мистер Бантинг, заняв место на ковре у камина и отстав в сторону всякие личные соображения. — Совсем не правится. Тут что-то прощали.

Впервые с самого начала войны они видели его таким озабоченным.

— Сейчас будем ужинать, — деловито сказала миссис Бантинг.

Обычно в таких случаях мистер Бантинг справлялся, нет ли к ужину чего-нибудь вкусенького, но сейчас ему было не до этого. Он поплелся за женой на кухню и принялся неуклюже помогать ей. Уже по одному этому можно было судить о его смятении.

И вдруг в этой тишине, полной ощущения беды, раздался стук в дверь. Не обычный сдержанный стук, а грохот, разнесшийся по всему дому; так могло стучать только лицо, облеченное властью. Все замерли на месте и, зажав дыхание, смотрели на дверь; только когда грохот повторился с новой силой, Крис громко спросил: — Что такое? В чем дело? — Всем почудилось, что между этим стуком и катастрофой в Норвегии существует какая-то зловещая связь.

В дверях, поблескивая в лучшем свете стальным полом, стоял Оски.

— У вас просвечивает, — кратко сказал он.

Это было уже слишком. Оттолкнув жену в сторону, мистер Бантинг стал на пороге своего дома; он стоял там, готовый защищать его от всех вторжений.

— Просвечивает в кухне, — официальным тоном сказал Оски.

Не промолвив ни слова, мистер Бантинг первым сошел со ступенек, как был, в домашних туфлях, и завернул за угол дома. Он твердо верил, что нигде ничего не просвечивает; готов был поручиться за это. Но, став там, куда его поставил Оски, он увидел еле заметную желтую полоску с правой стороны окна. Обычно занавеска придерживалась в этом месте банкой из-под мыльной стружки. Теперь все ясно: кто-то сдвинул банку, — и вот вам, пожалуйста, явился Оски. Тем не менее мистер Бантинг уставился на окно и спросил: — Где просвечивает?

— Да вон где! Вон прямо перед вами. Обпаруживает расположение вашего дома.

Счет был еле заметен, но мистер Бантинг признал справедливость претензий Оски. Пытно так не следил за светомаскировкой, как он сам. И все-таки ему не хотелось сдаваться. Он только что перенес тяжелый удар, а

когда его что-нибудь выводило из равновесия, в нем вслывало упрямство. Кроме того, система дежурств по противовоздушной обороне не нравилась ему тем, что давала всякому Оски право совать нос в ваши дела и говорить с вами официальным тоном. С человеком посторонним он сразу бы пошел на уступки, но Оски был его ближайший сосед.

— Скажите, пожалуйста! А! для чего им нужно знать расположение моего дома?

— Наблюдения, — ответил Оски и добавил в виде пояснения: — Вычисляют курс.

— Ага! Значит, они выглянут из самолета и скажут: — Вот это, наверно, «Золотой...»

— Я спорить не собираюсь. Говорите прямо: вы потушите свет?

И свет потух. Какое-то третье, мирно настроенное лицо, — возможно, прислушивавшаяся к их разговору миссис Бантинг — во-время повернуло выключатель.

— Спокойной ночи, — сказал Оски, нарушив враждебное молчание. Его тяжелые ноги, словно заковавшиеся в громоздкие башмаки, зашагали прочь в темноту.

Мистер Бантинг хотел знать только одно: кто сдвинул с места банку из-под мышьной стружки? Но он не стал спрашивать об этом. Он вернулся домой взбудораженный. Кроме того, ему начинало казаться, что банку печально переставил он сам, когда хлопотал на кухне, помогая жене.

— Кого он из себя корчит? — ворчал мистер Бантинг. — Напаяли старую жестянку на голову... Наверно, и спит в ней. Удивляюсь, как это он еще светлячкам не велит погасить свои фонарики.

Лучшие блестящие остроумия приходили мистеру Бантингу в голову, увы, слишком поздно, но он в течение нескольких минут отшлифовывал свой ответ Оски, словно разящую стрелу со светляком вместо наконечника.

— Где Эрнест? — буркнул он, садясь за стол. — Почему ему всегда нужны особые приглашения?

Эрнест сидел в темной гостиной. Он потушил свет, когда мистер Бантинг открыл входную дверь, и, прислушиваясь к спору, чувствовал, как по ногам у него

гуляет сквозняк, — в гостиную дохнуло суровым ветром внешнего мира. За последние полчаса Эрнест забыл о войне, но потушенный свет и умолкший рояль снова вернули ее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Усаживаясь утром на табурет у себя в закутке, мистер Бантинг почувствовал, как у него ломит спину и ноги, и понял, что это последствия рытья щели. Общее повествование не миновало и «Золотой дождь»: щель имелась теперь и на его лужайке; на ее сооружение почти целиком ушло несколько последних уик-эндов. Освободившись от услуг некоего субъекта, самонадеянно, но без достаточных оснований говорившего про себя, что он человек рабочий, мистер Бантинг решил приняться за дело собственноручно. К работе он приступил, но без особого усердия, и, глядя на его потуги, Эрнест с Крисом сочли моральным долгом прийти на помощь отцу.

Сооружение щели было закончено, главным образом, благодаря практической сметке и физической выносливости Криса. Он выказал гораздо больше конструкторских способностей, чем Эрнест. Несмотря на свое явное умственное превосходство, Эрнест был не в состоянии уяснить себе самые простые приемы обращения с лопатой и даже не умел закатать рукава так, чтобы они не спускались каждую минуту. В конце концов его роль свелась к подаванию инструментов и досок.

Когда все было закончено и Крис с мистером Бантингом в изнеможении развалились в креслах, Эрнест ушел в гостиную и занялся счетами, принесенными из прачечной. Он не сказал ни слова про эти счета и предпочел торчать без всякой пользы у щели, то и дело засучивая рукава. «Вот он всегда так, — с раздражением думал мистер Бантинг. — Неужто его не освободили бы от работы? Но Эрнест, успокоив свою совесть, сидел за столом в гостиной до тех пор, пока все счета не были закончены, и вышел к ужину такой бледный и утомленный, что мистер Бантинг оглядел его с тревогой.

Зато на следующее утро Эрнест, конечно, не испыты-

вал ломоты ни в спине, ни в ногах, не то, что его отец, не пожалевший сил для общего дела. С трудом усевшись на табурет, мистер Бантинг прежде всего приколот на перегородку новую карту военных действий. В деревянной обшивке под слоем краски выделялись кое-где старые следы от кнопок. Мастер Бантинг внимательно и с большим интересом осмотрел эти дырочки: должно быть, остались от карты прошлой войны. Названия на новой были хорошо знакомы ему — Аррас, Камбрэ, Инр; они говорили о грязи, крови, промокших насквозь человеческих телах, о том, что, как ему думалось, не будет уделом новых поколений. И опять знакомая страна на карте и стоят в ней те же захватчики. Названия, давно похорошевшие в памяти, оживали одно за другим: даже неизвестные деревушки, и те знакомы — Лу, Позьер, Булькур. Прочитавшь их имена, и словно вызываешь из небытия тени преданной забвению армии.

Станный народ немцы, думал он. Очень страшный. Не сидится им у себя дома. Европе знакомы эти несметные полчища обутых в сапоги солдат, колонны которых тянулись по прямым дорогам континента, расплзались серо-зеленой плесенью по мирным полям и единственно мыслимом для них обрамлении обгорелых и разрушенных жилищ, с омерзительной деловитостью запечатлевших на официальных фотоснимках германских «побед». Такими знает их теперешнее поколение, знало и предыдущее и даже то, которое было до него. А зачем это нужно? Какой в этом смысл? — Убей меня бог, не понимаю, — вздохнул мистер Бантинг.

В самом центре карты проходила линия Мажино, о которой он столько знал по статьям и фотографиям. На сей раз немцам пришлось иметь дело не со старинными фортами и паспех вырытыми окопами. Теперь им так легко не пройти. Правда, они обзавелись линией Зигфрида — вот тут, чуть ниже его большого пальца, скопированной с линии Мажино. Она сооружалась по плану самого Гитлера, а теперь вся затоплена водой; немецкие солдаты ищут там по колено в грязи. Вспоминая об этом, мистер Бантинг охотно мирился даже с проливным дождем.

Но сегодня ему было не по себе. Ломота в теле поме-

пала ему уснуть, и всю ночь в его мозгу один за другим вставали вопросы стратегического порядка. Мистер Баптинг уделял очень много внимания стратегии; карта военных действий была куплена, с тем чтобы изучить норвежскую операцию. Он часто изобретал различные способы скорейшего разгрома немцев союзниками, способы, которые, повидному, не приходили в голову генеральному штабу. Некоторые из этих планов были настолько просты и разумны, что мистер Баптинг хватался за «Сирену» в надежде отыскать в ней хоть какой-нибудь намек на то, что припятие правительством меры соответствуют его мыслям. Ничего такого не обнаружив, он растерянно говорил: — Не понимаю, о чем наши думают? — и ворчливо добавлял что-то насчет питомцев привилегированных школ. А бывало, что, лежа без сна, он мысленно подсылал подводные лодки к вражескому флоту; эти полные хитрости и даже коварства стратегические ходы были, повидному, недоступны пониманию честных, по туноватым моряков из адмиралтейства. Ночная тишина и чувство одиночества сообщали ему и без того дурным предчувствиям зловещую реальность. Он ворочался с боку на бок и приходил к убеждению, что надо немедленно обратиться с письмом к правительству и указать ему, где таится опасность.

Сегодня утром все его мысли были заняты неудачей в Норвегии. Эта неудача тревожила и удручала мистера Баптинга. Официальные сообщения были скупы и осторожны, но, по словам Криса, Ролло-младший даже не успел высадиться в Норвегии и вернулся в Шотландию, повидному, вместе со своим танком. Эти частные сведения проливали весьма неприятный свет на норвежский инцидент.

Что касается Джо Кордера, то тревожные заголовки в газетах, повидному, не могли нарушить его спокойного и даже радостного настроения. Глаза у него все так же поблескивали, взгляд был такой же острый, жесткая такая же оживленная. Он остановился в дверях закутка, улыбнулся, скорчил гримасу и осведомился, чем так опечален его меланхолический друг.

— Что бедности твоей причина — усталость или же-
лудка несваренье?

— Падоело! — неожиданно вырвалось у мистера Бантинга. — Как ты провел уик-энд?

Уик-энд у Кордера выдался неудачный, но из его рассказа трудно было понять, в чем собственно заключалась эта неудача. В субботу он купил книжку какого-то Геррика, старую, затрепанную, и по дороге домой потерял ее. Эта книжонка так занимала воображение Кордера и огорчение по поводу ее потери настолько затмевало в нем интерес к постигшей страну беде, что он провел остаток уик-энда в поисках ее на разных складах пропавших вещей. В то же время он не скрывал, что книга стояла ему всего-навсего девять пенсов.

Мистер Бантинг еле дослушал рассказ Кордера об этом ничтожном событии и так и не понял, в чем тут соль.

— Конечно, если ты ее еще не читал...

— Не читал? Геррика не читал? Святители небесные! Да у меня есть полное собрание ценой в полтиннен! Но это не одно и то же.

— Конечно, — сказал мистер Бантинг, интересуясь мнением Кордера о Норвегии, а не о Геррике. Какой такой Геррик? Ему никогда не приходилось о нем слышать. Из всей этой истории он понял только одно очевидно, потерялась не дешевая книжка, а дорогая, Кордер просто перепутал цены, что весьма непохвально для человека его профессии и может привести ко всякого рода неприятностям в отделе ковров и линолеума.

— Да-а, ты не библиофил, Джордж!

— Ты мне столько всяких прозвищ давал, Джо, — вздохнул мистер Бантинг, — одним больше, одним меньше — не стесняйся.

Кордер, видимо, тоже, не отдавал себе отчета в том, что сейчас идет война. Его занимали книги, да все какие-то несуразные. Благодушие! Вся страна этим страдает, в том числе правительство и газеты. Англия, видите ли, всегда пачкается неудачно. Нашли, чем гордиться! Хороший старт так же важен на войне, как и на скачках.

— А работа остается работой, — с чувством благодарности пробормотал мистер Бантинг. Работа приносила ему огромное удовлетворение. По крайней мере не ду-

масишь о том, чего нельзя исправить. В конце концов чем может помочь стране человек его возраста? Стараться, чтобы работа спорилась, приглядывать за своим железоскобяным отделом, другими словами, самому обслуживать покупателей, упаковывать товары — заколачивать ящики и выполнять много всяких других дел, которые обычно не вменяются в обязанность занесующим, вплоть до обметания пыли. — Ничего не поделасишь, вся молодежь сейчас на войне.

Подбодрив себя такими размышлениями, он заглянул через перегородку, проверяя, все ли на местах, все ли заняты делом, и уделяя особое внимание старику Тернеру в дальнем углу. В данную минуту Тернер с беспомощным видом стоял над грудой оконной арматуры. Мистер Бантинг наблюдал за ним, и взгляд у него становился все более и более суровым. — Опять неправильно раскладывает, — пробормотал он. — Раскладывает неправильно, — и слез с ящика, грозно ворча и отфыркиваясь. Тернер всю свою жизнь работал в железоскобяном отделе, но тем не менее ему до сих пор не было известно, что существуют три вида оконных шпингалетов. Тернер знал только крапы для горячей воды; вся его жизнь прошла среди этих крапов, а он был настолько нелюбопытен, что ни разу не поинтересовался, чем торгуют за соседним прилавком. Когда мистер Бантинг попросил его принести фунта полтора обойных (что было обычным обозначением для мелких гвоздей), Тернер вымучил на него глаза, точно мальчишка-ученик, впервые попавший в магазин.

— Я немного расстроен, — дрожащим голосом сказал Тернер в ответ на выговор. — Сегодня сообщения в газетах очень плохие.

— Мы все расстроены. Но отсюда не следует, что железные шпингалеты надо валить в одну кучу с медными.

— Вывод, мистер Бантинг, но мы давно ничего не получали от сына. Он у нас на эсминце.

— А! — сказал мистер Бантинг. Он только что собирался запретить Тернеру бегать за газетами среди дня, но, услышав, что у него сын на эсминце, решил промолчать, по крайней мере на сей раз. Вместо этого он

взялся за беспорядочную груду оконной арматуры и с подчеркнуто терпеливым видом начал разбирать ее: вот эти шпингалеты — для рам, открывающихся внутрь, сюда, эти — для рам, открывающихся наружу, туда, а эти, патентованные, и туда и сюда.

— Теперь поняли?

— Понял, мистер Бантинг, — смиренно ответил Тернер.

«Жалкое, немощное создание, — думал мистер Бантинг, — быстро катится под гору. Его и жалость и невольно раздражаешь. Такой уж это человек».

И, словно подтверждая мысли мистера Бантинга, Тернер сразу же воспользовался проявленной им мягкостью:

— Хочу поговорить с вами о наших окнах, мистер Бантинг. Не знаю, как вы на это смотрите. Мое место рядом с большим окном. А вдруг бомба...

— Бомба? Пока что их еще не сбрасывают. Боятся, как бы мы тем же самым не ответили.

В глазах Тернера блеснул слабый огонек надежды. Ему так хотелось, чтобы его успокоили. — Нет, вы правда так думаете?

— Может быть уверены. Да и зачем им бросать бомбы именно сюда? Других мест, что ли, нет?

— Это верно, — охотно согласился Тернер, точно находя в словах мистера Бантинга подтверждение собственным мыслям. — И, главное, насчет осколков стекла. Иной раз стоишь у окна, ну, знаете, и нервничаешь. — Тернер говорил об этом, как о чем-то совершенно理所当然ном, чему мистер Бантинг ни за что не поверил бы, если бы не услышал из собственных уст Тернера.

— Вот когда они доберутся сюда, тогда и будет нервничать, — сказал ему мистер Бантинг. — Еще успеете. А пока что займитесь оконной арматурой.

Вот бедняга, думал он, верпувшись в закуток в несколько лучшем расположении духа. Существует два типа людей, глядя на которых приободряешься в военное время: первые — паникеры; стараешься их успокоить и сам успокаиваешься; вторые — твердые, выдержанные люди, вроде мистера Бикертона; от этих сам набираешься мужества. Мистер Бикертон упоминал о войне только в связи с торговлей и даже в этих случаях го-

вория о ней самым деловым тоном, отводя ей не больше места, чем следовало, и не давая ей заслонять все остальное. Он не выказывал по отношению к ней никаких чувств — ни тревоги, ни благодушия. Мистер Бантинг считал весьма вероятным, что его начальник вообще не способен на какие-либо чувства. Небольшого роста, коренастый, быстрый в движениях, суровый, лисппа поблескивает как будто добродушно, а взгляд острый, пронзительный. Властный взгляд — сразу тебя выхватит из самого дальнего уголка. Такого человека, как мистер Бикертон, невозможно представить себе покоренным, побежденным или даже запуганным. Его взгляд, вся его внешность не допускали подобных мыслей.

— Горьким взором нас сковал, — говорил Кордер, который почему-то называл мистера Бикертонна старым моряком, что казалось мистеру Бантингу маловероятным предположением. Мистер Бантинг хоть и побаивался директора, но после своих коротких встреч с ним всегда чувствовал себя прибодренным.

Последние дни мистер Бантинг то и дело вынимал на работе часы и вздыхал, сетуя на медленную поступь времени. Такого застоя в торговле не было со времен первого послевоенного кризиса. Часто он сидел у себя в закутке и от печего делать чертил карапдашом на полях прейскюрантов, прислушиваясь к шагам за перегородкой, и если шаги были мистера Бикертонна, быстро переворачивал страницу и углублялся в содержание следующей. Время от времени он выплывал из закутка отдать кое-какие распоряжения, нужные и ненужные, с единственной целью пробудить свой отдел от самой настоящей спячки. Это было все равно, что разбалтывать веткой поду в гниющей луже. Общая вялость оседала здесь, точно легкий слой пыли, весь отдел зевал. И он ничего не мог с этим поделать.

Скучный день разбообразился только завтраком в кафе Мак-Эндрью, где мистер Бантинг встречался с Кордером. Изучение меню, выбор блюд, газета Кордера, монтированная последние известия согласно своим собственным понятиям о степени их важности, что придавало им элемент новизны. А беседа с Кордером! Они рисовали на меню свои стратегические планы, и зеленая авторучка Кордера

то и дело совалась вперед, уточняя географию мистера Бантинга. Кордер объяснял ему правильную тактику, пользуясь для этого графичками с уксусом, персичками, ножами и вилками, расставленными в боевом порядке вдоль края стола, изображавшего береговую линию, и поведительным взмахом руки отсылал обратно официантку, если та в решающую минуту подходила к их столу за уксусом. Наряду с этими серьезными вопросами речь заходила и о будущем огороде Кордера, и мистер Бантинг наставлял его в планировке участка и уходе за овощами. В этих беседах мистер Бантинг с удовольствием выступал в роли эксперта, ибо Кордер никогда не занимался огородничеством и сейчас начинал это дело, руководствуясь исключительно патристическими чувствами. Он признавался, что садик у него запущенный — одни лишь плевелы и тернии. Мистер Бантинг рекомендовал дважды перекапывать грядки. — Агротехника! — говорил он. — Серьезная штука.

Они с неохотой уходили из этого оазиса среди унылой пустыни дня и возвращались к скуке магазина. Когда пыль с безупречно чистых полок была стерта, оберточная бумага нарезана и все, что можно сделать, по несколько раз сделано и переделано близкими к бунту служащими, мистер Бантинг, считая свой отдел вполне подготовленным к любому наплыву покупателей, буде таковые появятся, скрывался в своем закутке. При каждом появлении мистера Бикертона он вскакивал с места с такой поспешностью, которая, — он сам это чувствовал, — должна была казаться подозрительной. Как это ни странно, но мистер Бикертон был попрежнему деятелем и полон всяких планов. Последний его план состоял в расширении оптовой торговли путем поставки местным властям противопожарного оборудования. И он советовался с мистером Бантингом о деталях напорных насосов, о брандспойтах, шлангах, муфтах, наконечниках, а лучше мистера Бантинга никто не мог бы ответить на все эти вопросы. Он наслаждался такими беседами, и они подкрепляли его уверенность в том, что в случае сокращения персонала, расчет получит кто угодно, только не он.

По словам мистера Бикертона, спрос мирного времени исчез, а спрос военного времени еще не появился. Он

прекрасно знает, что теперешняя переходная полоса доставляет мистеру Бантингу много неприятных минут. Иольщенный заключающейся в этих словах похвалой его усердно, мистер Бантинг ухитрился ввернуть в монолог директора словечко «фаза», полагая, что подобное доказательство его эрудиции еще больше поднимет его в глазах начальства.

После таких дней он возвращался домой в самом унылом расположении духа. Его беспокоила война, его беспокоили дела фирмы, его одолевали сомнения в политической прозорливости некоторых членов кабинета. Но, какая бы тяжесть ни лежала на его душе, подходя к дому, он старался стряхнуть подавленность. Мистер Бантинг считал это своим долгом. Остановившись в темноте у калитки, он смотрел на неясные контуры дома. Этот дом был олицетворением всего, чем он обладал, всего, что он любил, всего, что подвергалось сейчас опасности. Действительно ли их жизнь находилась под угрозой, в какой степени, мистер Бантинг не знал, но теперь этой угрозы падала на него, когда он подходил к единственному месту в мире, которое он мог познать своим, к месту, где сосредоточивались все скромные надежды, вся его жизнь. Пути мира стали неисходными, и чем все это кончится — неизвестно. Никто сейчас не властен над событиями. Мистер Бантинг слишком хорошо понимал это.

И он стоял у калитки, призывая к себе мужество и ту веселость, которая есть знамя мужества: пожилей, отнюдь не героического вида англичанин в котелке и в поношенном синем костюме с фибровым чемоданчиком и помятым зонтиком в руках.

Он не первый раз проходил через испытания. Их было много и раньше — болезни, потеря близких, финансовые беды, безработица, гибель всех надежд, возложенных на сыновей. Были и другие кризисы: — скрытые от всех битвы с самим собой в глубинах ума и сердца. И все это он вытерпел и преодолел, и так будет и впредь. Даже если на них упадет бомба, они выкарабкаются из-под обломков и начнут жизнь где-нибудь в другом месте, если, конечно, останутся живы. А если нет, значит, конец. Может быть, они даже еще почувствуют этого. Сей-

час важно одно: не падать духом и жить, как всегда, изо дня в день, не опуская рук и не ослабляя хватки.

Мистер Бантинг не переоценивал своих умственных способностей и даже своего мужества. Но он непоколебимо верил в свою способность выдерживать до конца и не ослабить хватку.

Он появился на пороге «Золотого дождя», неловко выставляя напоказ деланное оживление и не умея ни по-настоящему проявить, ни совсем спрятать свои неподдельные чувства. Иной раз его оживление грапчило чуть ли не с игривостью. И по этому признаку миссис Бантинг определяла самые его тяжелые дни.

Стоя у камина, здороваясь с семьей, так словно они не виделись, по крайней мере, неделю и не забывая поглядывать на чайный стол, мистер Бантинг улаживал себя мыслью, что у жизни есть не одни темные стороны. Он пересчитал ее благодеяния. У него прекрасная жена, трое способных детей, хорошо обкуренная трубка, две бутылки «Принца Чарли» и свое место у камелька. Судя по всему что пишут в газетах, у Гитлера нет ни одного из этих благ, а ведь они — лучшее, что может дать жизнь, ради них только мистер Бантинг и работает.

Включив после чая радио, он сделал одно немаловажное открытие: дурные вести кажутся не такими уж страшными, когда слышишь их вторично. В первый раз они буквально сбивают с ног, а потом приходишь в себя и восстанавливаешь равновесие. Во всяком случае это так, если человек обладает британской твердостью духа. В благодушных англичан, вероятно, что-то есть, Кордер прав. Защитная броня для нервов, профилактика... Он еще не успел посмотреть это слово, но ему было понятно, что Кордер имел в виду. Надежный панцирь, с которым не страшны никакие беды... угрозы все развеет ветром, как у Брута.

Он пробежал глазами столбцы объявлений о найме, подыскивая что-нибудь подходящее для Джули, вегетарианствующий пачальник, которой ушел в армию артиллеристом. Трудно будет вегетарианцу в армии, подумал он; впрочем, мало надеяться, что ему там выразят мозги. Его взор остановился на более или менее подходящей вакансии у инспектора продовольственного снабжения —

тридцать пять шиллингов в неделю и возможность убедиться собственными глазами, что только немногие люди считают ниже своего достоинства получать карточки на бекон.

Джули сидела за столом и писала очередное заявление с просьбой принять ее на работу. Крис читал «Аэроплан». Когда к нему обращались, он рассеянно хмыкал в ответ, не поднимая глаз от этого увлекательного журнала. Война сильно упростила жизнь — увидев Криса, мистер Бантинг сразу сделал вывод, что Моллика сегодня дежурит в штабе противовоздушной обороны, куда ее завербовал мистер Ролло. Мистер Бантинг был бы, пожалуй, доволен, если б Крис помешаннее читал об авиации; война интересовала его только с этой стороны. После отъезда Берта Ролло с Крисом что-то случилось, он все время напряженно думал о чем-то; это чувствовалось и в странной молчаливости, которая напала на него после чтения газет, и в еще более страшных высказываниях по поводу войны. Иной раз в его словах даже слышались намеки на то, что отец не понимает серьезности положения.

— Их надо оставить, папа, во что бы то ни стало, — говорил он. Дальше этого утверждения Крис пошел, но повторял его часто, словно призывая мистера Бантинга стать на его точку зрения.

— Знаю, что папа. Но как?

— В воздухе.

— Правильно, им надо там всыпать, по...

— Папа, никаких «по». Их нужно бить в воздухе. А если мы этого не сделаем, они прилетят сюда и в таких вот местах, как Килворт, камня на камне не оставят.

— И зачем только изобрели эти аэропланы. Мерзость какая! — Мистеру Бантингу стоило лишь подумать о том, что кто-то летает — даже не он сам, а кто-то другой, — и его сразу же начинало потащивать от страха. В полетах ему чудилось что-то противоестественное, какое-то вторжение в запретную стихию. Сколько ни привыкай к этому, сколько ни вдальблизай себе, что тут все основано на науке, все равно, риск остается риском. Человек всерьез свою жизнь машине и взмывает ввысь, в неизведанные пространства, откуда малейшая неполадка

механизма может низринуть его головокружительной спиралью назад на землю.

— Об этом теперь поздно говорить. Изобрел, — ничего не поделасшь, и у Гитлера их куда больше, чем у нас.

Тут Джули испустила театральный вздох, откинулась на спинку стула и стала ждать, когда тишина воцарится снова. Она не раз давала понять, что ее многочисленные заявления не приносят никаких результатов, потому что ей не дают ни секунды покоя в то время, когда она их пишет.

Мистер Бантинг сочувственно заглянул Джули через плечо. Ему не хотелось продолжать разговор об аэропланах, о бомбах и мощи пресловутой Luftwaffe.

— Какую тебе дали рекомендацию? — спросил он и вложил этот документ с чувством величайшего удовлетворения. — Прекрасная рекомендация, давно таких не видел, — сказал он, перечитывая во второй раз самые лестные фразы. — Это лучше, чем у Эрнеста. Посмотри, Крис.

Джули выхватила у него рекомендацию. — Пала, не показывай ему. Он только издеваться будет.

— Честное слово не буду. Ну, дай.

— Про первую ты сказал, что она похожа на эпиграф.

— На эпиграф, — поправил ее мистер Бантинг. — Эпиграф — это надпись на надгробном памятнике.

— Не хочешь, не надо, — сказал Крис. Он, по всем признакам, был в добродушном настроении и не собирался затевать споры. Видно, голова не тем занята, должно быть опять перебои с бензином. Если Джули поступит на работу, это будет все-таки помощь, а Крису надо что-то делать с гаражом. Так размышлял мистер Бантинг, и ему казалось, что Крис думает о том же. Поднимая время от времени глаза, он ловил на себе задумчивый взгляд сына.

И вдруг Крис спустил ноги с кушетки и сказал решительным тоном: — Я все уладил с мистером Ролло. Гаражом будет заведывать старик Резерфорд.

«Почему старик?» — подумал мистер Бантинг. Он очень не любил это слово. Резерфорду было всего пятьдесят шесть лет.

— Нельзя оставаться в стороне от войны, надо помочь.

— Правильно, Крис. Я видел в газете как раз то, что тебе нужно. На авиационном заводе требуются опытные механики. Подай заявление. Правда, тебе придется уйти из дому и жить при заводе. — Он задумался над этим препятствием.

— Строить самолеты? — Нет, это не по мне. Я сам хочу летать.

Какое-то ледяное острое медленно прошло сквозь сердце мистера Бантинга. Взгляд у Криса был попрежнему веселый, но очень твердый.

— Значит, ты будешь в воздушном флоте? — так и вскрикнула Джули.

Крис кивнул: — Думаю, что пилот из меня получится.

Мистер Бантинг сидел не шевелясь, молча, потрясенный до глубины души. Он колебался, не зная, чего требует от него долг. И в то же время он испытывал чувство гордости, мучительной, но огромной гордости.

Он видел, что его жена тоже смотрит на сына. Такое лицо он помнил у нее только в те годы, когда дети были еще малышами. Потом она встала и ушла на кухню.

— Гм! — как ни в чем не бывало буркнул мистер Бантинг, но он прислушивался к тому, что делается на кухне. Оттуда не доносилось ни звука, и все-таки он чувствовал, что жена неподвижно стоит там за дверью.

— А сразу в пилоты, наверно, попасть трудно?

— Начну простым стрелком.

— Ну, что ты, Крис, — запротестовала Джули, — лучше офицером.

— Пет, простым стрелком на самолете. Так уж я решил.

— У тебя будут петлички с крылышками? Вот замечательно!

Стараясь, чтобы никто не заметил его ухода, мистер Бантинг отправился на кухню. Жена стояла у раковины; их взгляды встретились, и он обнял ее за плечи. Судорожно глотнув, он прошептал: — Нельзя его удерживать, раз он считает, что это его долг.

— Да, — тихо сказала она, и хотя в ее голосе слы-

пались слезы, мистер Бэнтинг почувствовал облегчение. Боялся сказать было нечего.

— Не падо, чтобы он видел, как мы расстроены.

— Да, Джорджи. Если другие родители могут, то и мы можем.

— Да... верно. — Мистер Бэнтинг засуетился, собирая посуду и ужины. За кухонной дверью висел макинтош Криса с почти вывернутыми наизнанку рукавами. Он аккуратно расправил их и повесил макинтош на вешалку. Вид у макинтоша был бесчеловечный и добродушный, словно он перенял у своего хозяина самые его мысленные черты. Мистер Бэнтинг размышлял башмаки Криса, они были залепаны грязью, от которой портятся подошвы, если их не очищать скребком. Дети не следят за своей одеждой, им и в голову не придет надеть башмаки на колодки! Всеми этими делами приходилось заниматься мистеру Бэнтингу, но он не жаловался.

Ему казалось, что Крис не годится для службы в авиации, туда требуются отчаянные. А он мальчик спокойный, даже машину он то водит осторожно.

Вернувшись в столовую, мистер Бэнтинг сел за стол и не спеша набил и закурил трубку, прежде чем возобновить прерванный разговор.

— Я только не советую тебе торопиться, Кристофер. Сначала падо уладить все с мистером Ролло.

— Папа, да я уже подал заявление. И медицинскую комиссию прошел.

Мистер Бэнтинг предчувствовал это, хорошо зная характер Криса. И все же сознание совершившегося факта принесло ему только облегчение. Когда решение принято бесспорно, легче примириться с ним.

— Воображаю, с каким гордым видом будет шествовать божественная Мопика рядом со своим летчиком! — задумчиво сказала Джули, которая могла разделять жабу Криса только в качестве сестры.

— А ну, перестань, — огрызнулся Крис и, снова завалившись с ногами на кушетку, открыл «Аэроплан», а отец, сидевший у камина, смотрел на него, полный тревоги и гордости.

Позже вечером мистер Бэнтинг остался у каминного огня. Он сделал обход дома, проверяя, не просвечивают ли

окна в спальнях, и теперь ждал Эрнеста. Его трубка была набита табаком «Малк», который он теперь курил. Цела-всего-навсего шиллинг четыре пенса. («Всего-навсего! — подумал он. — Господи боже!») «Райской смеси», конечно, и в подметки не годится, но если привыкнуть, то курить можно. Мало-помалу его небо притерпится, как-нибудь привыкнет и пос миссис Бантинг. Женщина, за тридцать лет совместной жизни привыкшая связывать присутствие мужа с ароматом табака определенной марки, не сразу привыкнет к перемене.

Эрнест проводил вечер с Эви; теперь они встречались не часто. Как ассистентка доктора Эрла, Эви была завербована мистером Роуло на пункт первой помощи. Ее дежурства там, работа в приемной, долгие часы, которые Эрнест просиживал в прачечной, — все приводило к тому, что времени на встречи оставалось мало. Отец раздражался на Эрнеста гораздо больше, чем на Криса и Джули, и вместе с тем больше жалел его. Жизнь давалась Эрнесту нелегко, он слишком много думал, слишком много спорил с самим собой, слишком тосковал со своей совестью, слишком много копался в психологических тонкостях. «Жить легче, — думал мистер Бантинг, — если не задаваться высокими идеями и не устраивать трагедий по каждому так называемому принципиальному вопросу». Но Эрнест упрям; кто бы мог подумать, что молодой человек с такими нежными чертами лица и отнюдь не атлетического сложения способен так цепко держаться за свои идеи! Спорить с ним — лишняя трата времени, даже если только пытаешься убедить его, чтобы он больше издал себя. Бесполезно, все равно Эрнест выберет самый тернистый путь.

Эрнест бесшумно вошел в комнату, улыбающийся своей мимолетной улыбкой. Вид у него был усталый. Пока сын снимал башмаки, мистер Бантинг успел припестить из кухни ужин на подносе и разогрел какао. Не надо говорить ему про Криса. Фаскил оп, а то опять начнет раздумывать. Мальчику нужно прийти в себя, отдохнуть.

— Говорят, что ожидается вторжение немцев в Голландию, — вдруг сказал Эрнест.

Он впервые допускал такую возможность. Обычно от него можно было услышать, что у Германии с Голландией

пакт о непаминении, что Гитлер недавно подтвердил это. Для Эрнеста этим было сказано все, дальнейшие домыслы казались ему неуместными. На Гитлера возводят тяжкие обвинения, но Эрнест считал, что за его действиями стоят факты, которые многое объяснили бы, если бы их от нас не скрывали. Будучи человеком, поднявшимся из неизвестности, Гитлер вызывал к себе уважение Эрнеста. Но сегодня «Горизонт» писал о вторжении в Голландию как о чем-то вполне вероятном. То, что об этом заговорил «Горизонт», произвело на Эрнеста сильное впечатление. Прочтя такую статью в «Сирене», он отнесся бы к ней по-другому. «Горизонт» был его любимый еженедельник и вполне передовой. Если Гитлер нарушит свое слово, последствия будут губительны. Уверенность Эрнеста в том, что на фюрера постоянно клеветают, была несколько поколеблена.

— Папа, мы с Эви ходили смотреть квартиры.

Он поменял какао и взглянул на отца, боясь, что тот не сразу его поймет.

— Скоро опять будет призыв.

— Тебя не возьмут, Эрнест. Ты забронирован. Зачем торопиться?

Он понял, что его слова затронули в Эрнесте чувствительную струну — его принципиальность. — Другие пойдут, почему я должен увеличивать? Конечно, мне бы хотелось в нестроевые, санитаром или кем-нибудь в этом роде. Убивать я не способен.

Наступило молчание. Потом Эрнест сказал: — Мы с Эви решили пожениться.

— Так, — сказал мистер Бантинг, получая второй удар за этот вечер.

— Мы будем жить совсем рядом, по соседству, — продолжал Эрнест развивать свои планы. — Сдается квартирка — две комнаты и кухня. — Он вытащил записную книжку и подробно рассказал все: какая плата и сколько придется доплачивать за пользование плитой и счетчиком; его приверженный деталям ум ничего не упустил из виду, и теперь все это было представлено отцу на одобрение. Но мистер Бантинг плохо слушал его.

Оя часто подшучивал над идеальным домом Эрнеста, но сейчас во всем этом было что-то очень грустное и

трогательное. Прекрасные, юные мечты Эрнеста сжались до таких карликовых размеров, что вряд ли удовлетворили бы даже его отца.

— Ну, что ж, мы все желаем тебе счастья, сынок, — сказал он, кладя Эрнесту руку на плечо. — И тебе, и Эви. Она хорошая девушка, мы ее очень любим. А теперь ложись спать, забудь все свои заботы.

Мистер Бантинг сидел у камина, придвинув кресло к самой решетке, за которой тлели угасающие угли. Было поздно, но ему не хотелось спать. О многом надо было подумать, а мысли как-то разбегались. Он был скорее во власти чувств, чем мыслей. Он сидел, поставив ноги поближе к огню, слабые блики играли на его полных, чуть рыжеватых щеках, на потухшей трубке, которую держали короткие толстые пальцы. Семья разбредется. Он дождал до той минуты, которая была неизбежна с самого начала. Сыновья уходят из дома, скоро за ними последует и Джули, и он со своей Мэри останутся одни... старички у камина. Еще один этап жизненного пути пройден.

И все-таки как мало ему осталось от этих долгих лет семейной жизни: несколько ярких воспоминаний, выхваченных из груди утраченного, забытого.

Твои самые горячие надежды, как молодые деревца. Ты сажаешь такое деревцо в землю, заботливо поливаешь его, охаживаешь, оберегаешь от стужи. С возмужавшей ждешь первых цветов и как радуешься их предстать — точно это запясть миндаля весной. А на следующий день проходишь мимо и видишь, что лепестки уже усыпают землю.

Мистер Бантинг встал и выключил свет; последний уголек в камине мигнул и погас. Тяжело ступая по лестнице, он поднялся наверх, спать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В день свадьбы Эрнеста и Эви мистер Бантинг отпрашивается с работы. За последние недели торговля немного оживилась, и накануне этого дня он все подготовил с поменьшим старанием, чем перед уходом в ежегодный

отпуск. Один из продавцов должен был заменять его, и сейчас это обремененное столь высоким доверием лицо сидело в закутке и выслушивало от мистера Бантинга наставления, в которых предусматривались все возможные трудности. Кроме того, мистер Бантинг заготовил инструкции и в письменной форме, а в добавление к этому обратился к некоторым служащим устно, уделив особое внимание старику Тернеру. От делал все от него зависящее, чтобы фирма не пострадала от того, что предоставляла ему свободный день без вычета из жалования, кажется, первый за всю его долголетнюю службу.

Давая мистеру Бантингу согласие на однодневный отпуск, мистер Бикертон спросил, призван ли Эрнест.

— Нет, сэр, этот сын у меня не в армии, он забронирован. А вот младший учится в летной школе, — ответил мистер Бантинг и почувствовал, что мистер Бикертон сразу заинтересовался, поняв его отцовскую гордость, и проникся к нему еще большим уважением. Чрезвычайно приятно. Но еще приятнее был неожиданный подарок Кордера. Кордер никогда не видел ни Эрнеста, ни других детей мистера Бантинга; он знал их так, как мистер Бантинг знал Гамлета и Горацио — понаслышке. Но в этот день он появился в закутке со свертком, в котором, по его выражению, содержится ничтожный дар, — он ценен только тем, что с искренней любовью его к твоим ногам бросают, — и мистер Бантинг, конечно, поняв, что Кордер хочет поздравить Эрнеста, как поздравил бы его родной дядюшка. Позже, когда мистер Бантинг уже сидел в поезде, выяснилось, что в свертке было серебряное блюдо для закусок.

Свадьбу отпраздновали скромно. Родные Эви были далеко, и самым почетным гостем оказался Оскар, взявший на себя роль посаженного отца. Мистер Бантинг, не любивший больших сборищ, был всем этим очень доволен. Обрадовали его и настор, который, как оказалось, хорошо знал Эрнеста, и органист, повидимому, один из его друзей по музыкальной линии. Уважение, которое органист питал к Эрнесту, сразу бросилось мистеру Бантингу в глаза и просто поразило его, ибо органист был не какой-нибудь мальчишка и не длинноволосый фантазер, а весьма солидный человек его возраста, видимо, рас-

судительный и здравомыслящий. Мистер Бантинг гордился сыном в тот день.

Он сидел в церкви, круглолицый, запыхавшийся от волнения, чувствуя себя несколько стесненным в своем парадном костюме. Наверху играл орган, и казалось, что каждый камень старой церкви откликается на эту торжественную музыку. Липпортская церковь, говорят, стоит уже шесть веков; кажется, ее строили монахи. Ее сумрак куда внушительнее, чем современные фокусы с освещением. Он успокаивает, утешает и придает значительность всем жизненным событиям и всем мыслям, с которыми приходишь сюда. Эта тьма кажется тьмой былых столетий; вглядываясь в нее, словно видишь перед собой целые фигуры рыцарей, дам или даже тех самых монахов, которые построили этот собор. Они, как молчаливые свидетели прошлого, окружают тебя со всех сторон. Сколько супружеств было заключено здесь за долгие века, вот у этого камня перед алтарем, — скромных, нежных, верных и неверных, — их не сосчитать. Супружеские пары проходят перед твоим мысленным взором в причудливых одеяниях, бесконечной вереницей скрываются в веках, давно распростившиеся с жизнью, ставшие прахом и всеми забытые.

А, вот теперь Эрнест и Эви.

Они стоят у алтаря такие юные, не умудренные опытом, стоят на пороге жизни в самую ее значительную минуту. Юность Эрнеста ничем не скроешь, она как на ладони, и сейчас это самое трогательное в нем. Он казался совсем мальчиком по сравнению с него глаз отцу.

Наступила тишина; за церковными окнами шумели вязы. Все сидело молча. Это измерение жизни, в которое они вступили сейчас, было бесконечно далеко от повседневности, отхлынувшей от них, как морской отлив. Мысли и чувства этих минут казались страшными даже им самим. Трудно было поверить, что на расстоянии одного дня пути от этой обители мира бушует война, кровопролитная, непостижимая уму своей беспощадностью.

Опустошающий душу страх охватил мистера Бантинга. Он вспомнил сегодняшние известия. Немцы опрокинули французские укрепления; идет битва, «битва за прорыв». Развернув сегодня утром газету и увидев карту военных

действий, мистер Бантинг почувствовал ту дурноту, которая всегда охватывала его, когда он смотрел с большой высоты вниз и знал, что от гибели его отделяет один шаг.

Вот сейчас, в эту самую минуту, палят укрытые от врага пушки, танки с грохотом несутся по полям, пехота жмется к изгородям, прячется в опустевших домах. Там идут ожесточенные бои, а он сидит здесь, и ему не остается ничего другого, как ждать, надеяться и надеяться духом.

Грустные, тяжелые дни. По всей Европе новобранцы расстреляны у алтаря, не зная, доведется ли им когда-нибудь свидеться. Наверно, и в Германии так, даже в Германии, в этой стране изуверских доктрин. Мистер Бантинг считал вполне вероятным, что какой-нибудь немецкий отец, так же как и он, и с немаленькой тревогой в сердце, присутствует при подобной сцене.

Он глубоко вздохнул и заерзал на месте. Миссис Бантинг предостерегающе подтолкнула мужа локтем, уведомляя его этим, что она вздыхает и дрожит уже не первый раз. Да, не пристало предаваться таким мыслям на венчании.

Он вернулся к действительности, услышав голос пастора и почувствовав, что вокруг все засуетилось. Подружки невесты, Моника и Джули, стояли перед алтарем. Мистер Бантинг впервые видел их такими, как сейчас, без той колючей самоуверенности, которой в пани дни отличаются все молодецкие женщины. Сейчас она отлетела от них, может быть, не надолго; и, словно в награду за это, они будто помолодели и стали такие чистые, живые; они стояли перед алтарем, как две пробовшие маленькие девочки. Он перевел взгляд на Моннику. Она всегда казалась ему чуточку «кукольной»: все из места, волосок к волоску, каблук — выше пятки. А сейчас Моника стояла совсем тихо с букетом в руках, и в ее выразительных глазах отражался свет, льющийся из окон высоко над алтарем. Спору нет, она красавица, и человек посторонний вряд ли станет смотреть на Эви в ее присутствии. Но его глаза остановились на Монике и остановились на Эви с особенной нежностью. Эви обвивалась вокруг сердца не сном и мягко, словно нежные усики винограда, и оторвать ее

оттуда не было сил. И хотя мистер Бантинг всегда с восхищением смотрел на живописную Монику, душа его больше лежала к Эви.

Вот им надевают кольца: все взволнованы, у всех такое ощущение, что сейчас происходит самое важное; возглас пастора.

Потом вся торжественность исчезла, и орган грянул радостную песнь. Все встали. И вот в ризнице все покончено, сразу послышались разговоры, смех; вот они вышли на церковный двор и дальнюю, т. прозаический мир улицы. Перазбериха с такси, мистер Бантинг мечется взад и вперед, отдает противоречивые распоряжения, в руках у него цилиндр, полный конфетти, а на груди огромная пышная бутоньерка. Потом по мелькающим, словно в тумане, улицам, сидя чуть ли не на коленях друг у друга, домой, в «Золотой дождь», где миссис Оски уже приготовила завтрак в столовой, которая вдруг показалась тесной от такого количества людей, от шума — все говорят сразу, друг друга не слушают, а Эви и Эрнеста поздравляют так, словно они вышли с честью из какого-то тяжелого испытания.

— Единственное, о чем я жалею, — сказал мистер Бантинг, разрезая окорюк, — это о том, что с нами нет Криса.

— И Берта, — совершенно неожиданно вернула Джули.

— Да, и Берта. Как это я забыл?

Оски поддерживал эти сожаления, буркнув что-то нечленораздельное. Он был занят осмотром трех уголков сада Бантингов, которые раньше скрывала от него изгородь, и таким образом удовлетворял давно мучившее его любопытство. Вон там мальва, дикорастущая мальва, злобный сорняк, оставленный мистером Бантингом на бордюре, потому что ему нравился этот оттенок синего цвета. В глазах Оски поблескивал затаенный огонек, он, видимо, решил на время отложить насмешки и повеселиться вволю потом. Покончив с осмотром сада, он сел за стол с торжественной и важной миной. Во время ужина Оски держался с поистине словесной строгостью, проходя сквозь все перипетии этой церемонии, как броненосец на маневрах.

Освободившись от своего плена и положив на каждое колено по огромной рутище, он заявил, что сегодня поработал паславу и надеется, что Эрнесту никогда не придется поминать его за это лихом. Эти слова, услышанные Оски впервые от тестя в день его собственной свадьбы, были встречены обществом, как перл остроумия; Эви и Эрнест покраснели, а мистер Бантинг замер с ножом в руке, заинтересованный тем, как они это примут.

— Прекрасные помидоры, мистер Оски, — сказал он, отдавая должное огороднику.

— Это «алый шар», — поведал ему Оски. Он хотел было добавить кое-какие подробности об этом сорте помидор, но Эви предупредила его:

— А какие чудесные букеты! Вы не обидетесь, если я свой отнесу в госпиталь?

— Нет, что вы, мисс, то есть я хочу сказать — миссис, — и Оски густо покраснел от конфуза за свою ошибку.

— Мистер Оски, я и не подозревала, что вы такой остроумный! — воскликнула Джули и почувствовала, что Эрнест наступил ей под столом на ногу.

— Вот это ветчина! — сказал мистер Бантинг. — Голодающая Англия, а? Жаль, что Гоббелъс эту ветчину не видит. Тебе дать, Джули?

— Нет.

— Как? Даже ради такого дня?

— Оставь ее в покое, Джордж, — поспешила вмешаться миссис Бантинг.

Мистер Бантинг положил нож и вилку и потянулся за штопором. Он не хотел портить торжество разговорами о том, что ветчина — этодохлая свинья. Все это известно, но никто об этом не вспоминает во время еды, — во всяком случае люди умные не вспоминают.

После сладкого пили портвейн; он был признан великолепным — Уайнарт! Все оказалось прекрасными дегустаторами. Портвейн бывает иногда слишком крепкий, иногда переслащенный, а иногда от него болит голова. Но этот в самый раз. А что может быть лучше хорошего портвейна? Даже Оски улыбнулся. Он то и дело запускал палец под тесный стоячий воротничок и воело

одной из таких операций мистер Бантинг, наконец, понял, почему у Оски такой необычайный вид сегодня.

Мистер Бантинг встал, готовясь провозгласить тост за здоровье молодых. И, уже стоя, он почувствовал что-то неладное, какие-то странные ощущения в желудке, напоминающие морскую болезнь, но, как и подобало истому британцу, оставил их без внимания. Он кашлянул, мужественно прочищая горло.

— Сегодня у нас торжественный день. Весьма торжественный день. Праздник Гименей. — На всякий случай он поставил стакан на стол. Вкусных вещей, которых его желудок не переваривал, было съедено много, и мистеру Бантингу больше всего хотелось принять содовую таблетку, но сейчас не оставалось ничего другого, как одернуть жилет, и он одернул его подругнувшей рукой, словно показывая этим, что осложнения внутреннего порядка могут подождать. Короткая пауза была заполнена криками: «Браво! Браво! Тини!» — и миссис Оски прервала свои хлопоты, готовясь слушать продолжение тоста.

— Сердце возлюбленных стезя да будет легкой, без препон. — Заметив, что Оски уставился на него, как истукан, мистер Бантинг добавил: — Как сказал поэт.

Мы знаем, все знаем, каждый из вас знает... Мэрп, что это за безобразие? — спросил он с неожиданной вспышкой раздражения.

Заунывный вой, будто тысячи нити вдруг сорвались на всем ходу, заглушил его голос. Все замерло, вслушиваясь. — Что за ч... — начал мистер Бантинг.

— Спрессы! — вскрикнул Оски. — Воздушная тревога! — Он схватил свой шлем. — Все в убежище. Спокойно. Не волноваться.

— Ах, попались они мне... — начал мистер Бантинг, все еще стоя в ораторской позе.

— Докончите свою речь в шеля, — пререк его Оски. Тон у него был крайне официальный.

Они вышли в сад. Необходимость прервать свадебный завтрак вызвала всеобщее негодование. Миссис Бантинг сказала: — Как это похоже на немцев. — А Датули, глядя в облака, повторила: «У-у!» — яростно и кровожадно.

— Вы, барышни, идите ко мне в шель, — распорядил-

ся Оски. — Вот здесь можно пролезть. Не потопчите лук.

Спокойно и деловито Оски развел всех в предписанные по инструкции безопасные места. Мистер Бантинг даже находил его спокойствие и деловитость чрезвычайными. Оски явно испытывал удовольствие, впервые применяя на практике все то, что ему было известно об обязанностях начальника пункта противовоздушной обороны. Убедившись, что все рассажены по щелям, он обозрел небо, где еще не было видно ни одного самолета, и отправился на свой пост, уверенный, что ему удалось перехитрить противника.

Молодожены, мистер Бантинг и миссис Бантинг сидели все четверо в щели на скамейке в непривычной темноте и сырости. Они ело переводили дух, точно пассажиры, чуть не опоздавшие на поезд, который вот-вот тронется. Они прислушивались, смотрели на маленький кусочек неба, видневшийся в квадрате входного отверстия. Все перво ждали, что будет дальше.

— Трололиты, — пробормотал мистер Бантинг. — Вот мы кто — настоящие трололиты.

— Джордж! — вскрикнула миссис Бантинг, протестуя против употребления таких сомнительных словечек.

— А здесь неплохо. — весело сказал Эрнест.

— Свадьба все-таки состоялась, мистер Бантинг, — сказала Эви, — и даже позавтракать успели.

— Да, — рассеянно ответил он. Если бомба упадет в задний конец щели, им надо прыгнуть, а если в передний... Эти тактические соображения были прерваны мыслью о более неотложном деле. Мистер Бантинг встал, подошел к выходу, посмотрел направо, налево и прислушался. Секунду его глаза задержались на Эрнесте, точно он хотел обратиться к нему с какой-то просьбой. Потом решение было принято.

— И сейчас! — крикнул он и, выбравшись по ступенькам наружу, сразу почувствовал себя совершенно беззащитным и уязвимым. Он кинулся через лужайку к дому. Остановился у двери. В воздухе раздалось «пишш», и он втянул голову в плечи, но это был всего-навсего ветер, прошумевший в кустах «золотого дождя». Наверху попрежнему ни звука; если верить Оски, тревогу объявляют с пятиминутным запасом. Сердце у него

келотилось, во рту все пересохло. Он сполоснул чашку, вылил воды и пошел искать противогазы.

Их не было ни на вешалке, ни в столовой, ни на перилах. Он искал с лихорадочной поспешностью, шарил под пальто, под шлепами. Впервые с начала войны противогазы исчезли, и как раз тогда, когда в них могла оказаться надобность.

Он подавил в себе нарастающий страх и с минуту стоял не двигаясь. Когда от тебя зависят другие, надо как следует подумать. И вдруг он увидел их в открытую дверь гостиной.

Он вернулся в щель совсем обессиленный и, еще переводя дух, опустился на скамью.

Эрнест посмотрел на него и улыбнулся. «Может быть, я сделал глупость, — подумал мистер Бантинг, — перепугался, сам не зная чего». Пусть смеются, ему все равно. Противогазы-то здесь.

— Папа! — сказал Эрнест и сжал ему руку. Мистер Бантинг почувствовал, что его поступок, может быть, и рассмешил Эрнеста, но в то же время и растрогал.

Вдруг миссис Бантинг сказала: — Слушайте!

Слабый, хриловатый вначале, звук забирал все выше, становился громче и, наконец выравнялся на одной ноте, торжествующий, как трубный глас. Они переглянулись, словно обмениваясь друг у друга, так ли это.

— Орбой!

Они вышли из щели на воздух и солнечный свет. Джули и Моника махали им из соседнего сада, все смотрели на небо.

— Ложная тревога, — объявил мистер Бантинг. — Кто-то напугал. Ни одной бомбы не было.

И все же они понимали, что война еще на один шаг приблизилась к «Золотому дождю».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Как быстро трехкомнатная квартира может превратиться в идеальное семейное очаго, Эрнест узнал сейчас же после женитьбы. Неуютные комнаты, которые они осматривали вместе с Эви, были для нее только сырым

материалом. Ее воображение неустанно переделывало их по-своему, а Эрнест послушно выполнял замыслы своего архитектора.

За всю свою жизнь он ни разу не вбил гвоздя в стену и сначала не понимал необходимости подготовительных работ с буравчиком. Несообразительность в такого рода вещах часто заводила его в тупик, он делал промахи, за которые стореб бы от стыда, будь это при отце, а у себя дома это вызывало только веселый смех. В ободенный перерыв Эрнест ходил покупать инструменты, шурупы, гвозди и советовался с москательщиками насчет способов окраски полов, а по вечерам учился этому ремеслу на практике. Работа, которую прежде он считал грязной и потому предоставлял отцу, теперь казалась ему не лишней интереса. Она развивала некоторые умственные способности, как, например, способность логически мыслить, а умственное развитие всегда было главной заботой Эрнеста. Удивительно, что разумный человек может прибить вешалку для полотенца так, что потом нельзя открыть дверь, но он быстро научился сначала соображать и только после этого вколачивать гвозди. Часто ему казалось, что все в квартире уже доведено до пределов совершенства, но Эви, не давая ему отдохнуть, придумывала все новые и новые улучшения и задавала ему новую работу.

С веселыми занавесками на окнах и единственным дорогим украшением — постоянной гравюрой над каминном — просто, но со вкусом обставленная квартирка стала необыкновенно уютной. Хотя Эрнест и любил родной дом, но возвращение домой до сих пор не было для него главным событием дня. А войти в квартиру на Мартин-стрит и затворить за собой дверь уже само по себе было отдыхом для души.

У домашнего очага Эрнест чувствовал себя в тихой пристани, зато остальное время он проводил в обстановке, где все было ему враждебно.

Чем хуже шли дела прачечной, тем больше приходилось работать Эрнесту, и нередко эта работа бывала совершенно непродуктивна. Он организовал противовоздушную оборону, убежище, сложил мешки с песком, где полагалось, и подолгу беседовал с местным инспектором

насчет устройства в прачечной дегазационной камеры. Во всех этих собеседованиях он принимал участие только по необходимости, в глубине души считая газовые атаки и воздушные налеты чистойшей фантазией. Его настроение не улучшалось оттого, что при этих беседах присутствовал какой-нибудь офицер британской армии, чья форма бросалась в глаза, сверкая галунами, коропами и прочими украшениями. Эрнест питал инстинктивную неприязнь к форме и не понимал, как можно носить ее без смущения.

Вода офицеров по прачечной и объясняя им назначение той или иной машины, он постоянно слышал в ответ: «Понятно!» и «Совершенно точно!» — или, по крайней мере, эти слова запомнились ему больше, чем другие.

На той неделе Эрнест давал объяснения капитану Смитту, а на этой приходилось их повторять капитану Брауну (не имевшему никакого понятия о капитане Смите). Он водил этих туристов по прачечной с профессиональным терпением гйда из Вестминстерского аббатства. Ему хотелось только поскорее отделаться от них и вернуться к работе, которая все усложнилась и усложнялась. Достать материалы можно было только путем бесконечных хлопот, а когда речь шла о том, чтобы сохранить за прачечной работников, то и хлопоты не помогали.

В самый разгар делового дня машинистка, выглядывая из-за кучи неотправленных писем, объяснила ему, что записывается в сельскохозяйственный женский отряд.

— Зачем? — спросил он сухо.

— Я тоже хочу помогать родные.

— А здесь вы разве не помогаете?

— Нет, в военное время я не хочу оставаться на этой работе. Мне первый раз в жизни представляется случай пожить на ферме.

«Уговаривать ее нет смысла», — подумал Эрнест. Она работала хорошо, всегда начинала как раз те подробности, о которых он забывал, и зацепить ее будет трудно. Но ее потянуло к приключениям. У большинства людей, вступавших в армию, наблюдалась эта тага, и Эрнест их не осуждал. А ему это не суждено, он прикован к своей конторке.

Для сокращения рабочего дня он нередко завтракал

в прачечной бутербродами, уложенными в корзиночку вместе с запиской от Эви, которую он читал и перед завтраком, вместо аперитива, и после завтрака; на десерт. После этого он некоторое время читал книгу Отто Рейнбергера «Жизнь и музыка». Это была самая изумительная книга, какую он знал, переложенная в прозу одухотворяющей музыки Рейнбергера. Рейнбергер первый вывел это за пределы «прикладной психологии» и научил думать о душе. До сих пор Эрнест не мог без чувства неловкости думать или говорить о душе или даже слушать, как говорят другие. Об этом как-то не принято было говорить. А Рейнбергер писал о душе так же свободно и просто, как о разуме. У всего человечества — одна душа, писал он, и через нее общается с миром художник. Сущности того, что нам возвещает поэт, доступны только душе. Она не укладывается в слова и мысли; бессмертный дух человека узнает в ней вечное.

До сих пор Эрнест делил творчество на категории: творчество поэта, или художника, или музыканта; их отделила друг от друга техника ремесла. Теперь он понимал, что все они входят в одно братство, и с техникой это не имеет ничего общего. Они — посланцы незримого и живут только в тех душах, где находят отклик. Принадлежать к этому братству, значит быть свободным от бремени страхов, тяготящих материалистические умы. К чировой душе можно найти доступ молитвой или размышлением, через искусство, природу или красоту во всех ее формах. На каждом из этих путей растут свои цветы, и, не стремясь к будущему, не озираясь на прошлое, можно, идя по ним, жить в вечном «теперь» сохраняя неуязвимым свой венок.

Эрнест часто задумывался над книгой, чувствуя, что все его старые вехи сорваны и впереди смутно маячат новые. Многого он не понимал, со многим соглашался безусловно, даже в тех случаях, когда Рейнбергер не апеллировал к разуму. Но больше всего его радовал факт, второстепенный для учения Рейнбергера, чисто внешний. Эта книга пришла к нему из Германии, она написана немцем, ее читают в Германии. Там, как и здесь, есть люди, которым не чужда новая концепция жизни в лучшем и более свободном мире.

Но стоило закрыть такую книгу и развернуть газету, как сердце сжималось от сознания контраста между возможным и действительным. Никогда еще история человечества, думал Эрнест, не была запятнана такими чудовищными по своим масштабам и зверской злобе преступлениями. Вторжение в Норвегию пошатнуло его политические убеждения, обнажив последние глубины человеческой подлости. Цинические оправдания Берлина, казалось, исходили от каких-то низших существ, не достойных имени человека. Рейнбергер — немец, и эти, в мюнхенском погребке, тоже немцы, но соотечественники Рейнбергера слушают не его. Они заставляют умолкнуть все эти тихие, слабые голоса. Даже здесь, в Килворте, с его старинными церквями, образ мыслей, которого держался Эрнест, не встретил бы ничего, кроме открытой вражды.

Таков был фон его умственной жизни в те мрачные дни, когда германская армия пролагала себе кровавый путь через поля Франции и слово «вторжение», словно цитата из учебника истории, стало повторяться даже самыми трезвыми людьми. Эрнест не говорил о войне ни с кем, кроме Эви, но ее вера в бога была проста и наивна и не могла дать ему утешения.

Иногда по вечерам она торонила Эрнеста надеть шляпу и пальто, и они шли в «Золотой дождь» насладиться музыкой. Главный недостаток их квартиры заключался в том, что там не было рояля, да и поставить его было негде.

Мистер Бантинг всегда шумно приветствовал их, вскакивал с кресла, придерживая газету на животе, словно фарук, и изумленно восклицал: «Боже мой, Эрнест и Эви!» — как будто повстречал их на пляже в Брайтоне. Он вдруг становился необыкновенно деятелем, отодвигал стулья с дороги, словно без этого гости не могли пройти. Потом закидал газетный камин в гостиной, объясняя, что во-первых, «надо же иногда протапливать комнату», а во-вторых, что этот камин марки «Радант» был из бракованных. Достался ему почти даром и газ расходовал в самом изощренном количестве. Мистер Бантинг повторял все это при каждом удобном случае, трудно сказать для чего: для того ли, чтобы Эрнест не стеснялся, или чтобы оправдаться самому, ибо всем было известно, как

он много лет подряд восставал против всяких лишних расходов, связанных с тонкой каминной.

Эрнест садился за рояль, а мистер Бантинг уводил Эви в сад показывать ей новые посадки или отведенные для них места, причем просил ее не покупать салата, — его будет сколько угодно, когда он взойдет. Вски, у которого салат уже взошел (слишком рано, по мнению мистера Бантинга, просто чудо, что его не хватило морозом), выбрав самые лучшие экземпляры, как полаталось, выдерживал их с корнем, готовясь переждать пучок салата через забор. Он делал это из уважения к Эви, а также и для того, чтобы похвастать своим салатом перед мистером Бантингом и показать ему, как важно при посеве выбрать надлежащий сорт.

Мистер Бантинг ничего так не любил, как, забыв о войне, слушать беседу жены с невесткой о всяких переименованиях старья и кулинарных рецептах министерства продовольствия. Хорошо было сидеть вот так, покуривая, слушать эти разговоры и наслаждаться сознанием, что у тебя есть свой семейный очаг и жена, лучшая из всех жен на свете. Если есть в жизни что-нибудь лучшее этого, то мистер Бантинг очень желал бы знать, что именно. Надо полагать, эти фашисты тоже не бездомные — сидят же они где-нибудь, и очень жалко, что они не могут сидеть спокойно по домам, вместо того чтобы, палялив мушкет, маршировать по улицам, точно какие-то великовозрастные бой-скауты, и притом самого гнусного сорта. Жаль, что мало таких людей, как он, особенно из континента. Чем больше Бантингвез, тем меньше Гитлеров, — так полагал мистер Бантинг.

Эти размышления были прерваны Эрнестом, который, встав из-за рояля, угостил отца сигаретой. Мистер Бантинг только в этих случаях и курил сигареты и делал это очень неловко, рояля переложив на колени и то и дело повторяя: — Очень хорошо, Эрнест, — и мямлюком сиранивал, включая или газ.

Отношения между отцом и сыном теперь несколько изменились, — мистер Бантинг, повидимому, считался с тем, что Эрнест продвинулся выше по общественной лестнице.

— Что значит «сестра на три тонны», Эрнест? Как будто что-то такое насчет авиации?

Подумав, Эрнест сказал: — Кажется, это правильный способ посадки самолета. По-моему, так.

— Ну, значит, все в порядке. Крис пишет, что сел на три точки. А я, было, подумал, что это какой-нибудь новый трюк. Даже нарочно написал ему и справился. Он положил недокуренную сигарету в пепельницу и смахнул с губ прилипшие крошки табаку. Было ясно, что его сильно тревожили эти три точки, а теперь он успокоился. Не к чему выкидывать различные фокусы. Дело и без того опасное.

Несмотря на твердое намерение не разговаривать о войне, он неизменно спорачивал на эту тему. Ему хотелось, чтобы его успокоили, как ни пятаки были основания для такого успокоения. Эрнесту, который видел теперь отца не каждый день, он казался постаревшим, скрывающим тоску и тревогу за ланусным оживлением. «Сиренз» теперь не приносила успокоения мистеру Бантингу. Великие бедствия надвигаются на страну, и ничего хорошего не предвидится в будущем: мистеру Бантингу оно казалось мрачным, угрожающим.

— Не понимаю, как это немцы так продвинулись во Франции. Почему мы их не остановим? Мы же раньше всегда их задерживали. Что-то они уж очень близко, Эрнест. Если дойдут до Кале, плохо дело.

И все-таки мистер Бантинг не мог поверить, что немцы дойдут до Кале. На его карте это было даже и сейчас очень далеко от того места, где находились немцы.

— Что такое «блицкриг», Эрнест?

— Это значит «молниеносная война».

— Вот оно что. Странно, что это так называется. — И, удовлетворившись объяснением, он оставил эту тему.

Мистер Бантинг проводил гостей до двери, постоял на пороге, пока они еще скрылись в темноте, дождался, пока не шелкнет казетка.

— Я выкурю еще трубочку, Мэри, — сказал он жене. Этой последней трубочкой мирно заканчивался день мистера Бантинга. Иногда человеку хочется остаться одному, а другой раз ему нужно общество. А домашние этого не понимают, пристают в самую неподходящую минуту. Надел туфли, застрахованный от постороннего вмешательства, он пересматривал минувший день, а

иногда и месяцы и годы, оставшиеся позади, и это отвлекало его мысли от будущего.

Иногда патрулирующий самолет пролетал низко над городом, и мистер Бантинг прислушивался к возникавшему в отдалении гулу, к тому, как машина пролетала над домом, и вазочки на камине дрожали, точно от страха, к тому, как гул замирал в отдалении. Потом он притворял кухонную дверь и смотрел под косые лучи прожекторов, бесшумно подзавившие по небу в поисках насекомоподобного ускользнувшего от них мятышка.

«Может, и немец», — думал он. Эрнест говорил, что иногда они летают над Килвортом. Разведчики, так полагал Эрнест. А может, и маши, может, даже и Крис. Во всяком случае кто-то там есть, какой-нибудь молодой человек в мехах сидит в кабине, совершая фантастический полет между двумя мирами.

Иногда, сидя вот так перед камином, он вдруг пугался своего добровольного одиночества и спешил наверх, в уютную спальню, улежась рядом с женой. Некоторое время он тревожно прислушивался, ловя каждый звук и вороша отбывшие уже мысли этого дня, как собака ворочит лапы листья, прежде чем улежась. Гитлер, Риббентроп, Геринг, опять Гитлер — без конца, утомительно и надоедливо всплывали в мозгу эти имена. Где-то спали или бодрствовали сейчас эти бандиты, они жили, их можно было где-то видеть в этот самый час. Мистер Бантинг ворочался с боку на бок, твердо решив не думать больше о них. Он будет думать только о своих личных делах. Надо сосредоточиться. Вот, например, салат, отчего он до сих пор не взялся? Переложено удобрений, говорит Оски, а может быть, и наоборот, не положено. И, думая только о своей грядке с салатом, мистер Бантинг скоро уснул.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Каждое появление почтальона было теперь большим испытанием для мистера Бантинга, как для всякого человека, у которого сын служит в воздушном флоте, однако он совсем не был подготовлен к тому потрясе-

нию, какое испытал на следующее утро, прочтя правительственную инструкцию. В нем глубоко вкоренилось предубеждение против всяких официальных бумаг; они обычно бывали непонятны и всегда приходили некстати, словом, принадлежали к разряду мелких утренних неприятностей. Он всегда разрывал эти конверты с восклицанием: «Опять формалистика!» — и тут же отбрасывал их в сторону, считая, что они могут и подождать. Однако на этот раз инструкция была снабжена совершенно ошеломляющим заголовком: «В случае появления неприятеля».

Сначала мистер Бантинг нетерпеливо пробежал листок, затем уделка ему более пристальное внимание. Но листок не стал от этого осмысленней и доступней человеческому пониманию; он остался таким же официальным и невразумительным, как бланк подоходного налога. Мистер Бантинг подошел к окну и в полном молчании еще раз прочел его от начала до конца.

— Господи, это еще что! — воскликнула миссис Бантинг, когда он объяснил ей, в чем дело.

— Здесь сказано, что мы должны оставаться на местах.

— Как так? Если немцы придут?

— Да, тут так сказано. — Он не мог добавить к этому никаких пояснений. Это было слишком просто и поэтому совершенно непонятно. Предполагалось, как нечто вполне возможное, что немец-парашютист спускается прямо к вам в сад. Вы выглядываете в окно, видите этот нацистский авианард и не трогаетесь с места.

Мистеру Бантингу пришло в голову, что немцы могут помешать вам не трогаться с места. Что тогда делать? Прятаться в щель? При одной мысли об этом у него даже усы ошеломились. Отнюдь не британский образ действий.

Он вышел в сад, решив поговорить с Оски, и нашел его у капустных грядок. Ему показалось сначала, что Оски не читал еще правительственной инструкции, ибо он, как ни в чем не бывало поливал поздние сорта капусты из бочки с дождевой водой. Все движения Оски выдавали в нем специалиста; глядя на него, вы сразу понимали, что тут поливка производится с должной высоты и под должным углом, и вода разбрызгивается долж-

ным образом, а не просто по-любительски выливается, как и куда попало.

— Дождевая вода способствует росту корней. От нее почва не спекается, как от водопроводной. — Оски, видимо, считал, что мистер Бантинг подошел к забору с целью получить кое-какую полезную информацию и, опасаясь, как бы ограниченность его ума не послужила тому препятствием, добавил несколько пояснительных замечаний насчет того, что в дождевой воде больше естественных свойств, чем в воде, добываемой из артезианских колодцев Клявортской водопроводной компании.

— Вы тоже получили такую штуку сегодня? Как вы это понимаете?

- Оски мысленно сравнил бумагу в руке мистера Бантинга с другой, которую сам читал за завтраком, и пришел, что они ничем не отличаются друг от друга.

— Я только хотел бы попасть в отряд самообороны вместо противовоздушной. Я бы показал проклятым гуннам.

— Но что все-таки мы должны делать?

— То, что тут сказано. Оставаться на местах. Если только вы не состоите в гражданской обороне.

— Почему бы правительству не выдать нам по парочке ручных гранат?

— Потому что тогда вы превратитесь в флантерера¹.

— Не понимаю почему, — сказал мистер Бантинг, сделав паузу, в тишительной надежде получить какое-нибудь разъяснение этого слова. Он подозревал, что оно иностранное. Оски, должно быть, выудил его из газеты.

— Если хотите знать, то главная опасность для нашей страны — это «пятая колонна». Их здесь тысячи. В наше время никогда не знаешь, с кем ты разговариваешь.

За сим последовала небольшая пауза, во время которой взгляд мистера Бантинга стал вопрошающим и оскорбленным. Но тут Оски подошел поближе к забору и понизил голос до таинственного шопота. Мистер Бантинг понял, что оп-то. во всяком случае, вне подозрений.

— Тут у нас есть кое-кто, за кем не мешало бы следить. Старик Сандерс из «Манделая», например.

¹ Флантерер (франц.) — вольный стрелок.

— Полковник Сандерс! Да ведь он обучает добровольцев.

— А-а! — сказал Оски, — это и есть его хитрость. А куда он ездил отдыхать в прошлом году? Можете вы мне это сказать? — Убедившись, что мистер Бантинг сделать этого не может, он произнес уличающее слово: — В Мюнхен.

— Ну, нет, за полковника я ручаюсь, — твердо заявил мистер Бантинг — прекрасный человек. Он хотел было упомянуть о получении от полковника амнистии, но сообразил, что это, пожалуй, еще не доказательство.

— Если у него не все чисто, я бы его расстрелял, без суда и следствия. Вот что я бы с ним сделал. Я бы их всех перестрелял.

Первый раз в жизни видел мистер Бантинг, чтобы Оски интересовался войной или, во всяком случае, расстреливанием людей. Правда, он не раз заявлял, что считает такой конец единственно правильным для полковника Сандерса, получившего премии за свои огурцы, которых — Оски это знал и готов был подтвердить под присягой — Сандерс никоим образом не мог вырастить сам.

Нельзя сказать, чтобы этот разговор особенно помог мистеру Бантингу разрешить практические трудности, связанные с приказом оставаться на месте; на всякий случай он посоветовал жене еще раз повнимательней перечитать инструкцию.

Через три минуты, взбудораженный душой и телом, он уже шагнул на стацию в сопровождении Джули, работавшей теперь в бюро снабжения на Бардольфсгрин. Сегодня на шоссе было еще больше солдат, еще больше военных грузовиков, еще больше этих странного вида сооружений, которые, как он недавно узнал, назывались подвижными пулеметными установками. Это оживление на дорогах вселяло смешанное чувство тревоги и уверенности; если дела принимали серьезный оборот, то во всяком случае не забывались и нужные меры. На главном килвортовском перекрестке саперы строили блокгауз.

— Ну и дела, простн господи! — воскликнул мистер Бантинг, сдвинув назад котелок, отчего у него на лбу обнаружилась красная полоска, обозначающая обычное

местоположение этого предмета, и тут же подвинув его обратно.

— Мне очень хочется поступить во вспомогательный транспортный корпус, — сказала Джули.

— Ты сидишь в своем бюро, — ответил мистер Бантинг твердо. Он был против того, чтобы молодые девушки уходили из дому и жили в лагерях, по причинам, которые не считал уместным обсуждать с такой девчонкой, как Джули. Но правде говоря, ему не нравилась и ее служба в бюро снабжения, но там опасность была совсем другого рода: бюро помещалось рядом с заводом, изготовлявшим бомбы. Он очень встревожился, когда узнал об этом.

Однако магазин Брокли ждал его, тяжелый, массивный, на вид почти такой же, как в то утро, сорок пять лет тому назад, когда он пришел сюда просить место рассыльного. Окружающие здания изменились до полной неузнаваемости, но торговый дом Брокли претерпел лишь самые незначительные изменения. Он сохранил солидный, внушительный облик памятника викторианской эпохи, его фасад говорил о положительности, о прочности и о том, что фунт здесь всегда равен двадцати шиллингам. Однако под занавесом войны поматупулись старые традиции фирмы Брокли, требовавшие прежде всего высокого качества. И это наполнило грустью сердце мистера Бантинга. Прежнего качества товаров уже не вернешь. Оно уже после прошлой войны не вернулось. Часто ли попадает вам теперь в руки кусок настоящей южы? С той поры, когда он из мальчика на побегушках превратился в приказчика, товары с каждым днем становились все менее и менее добротными. Пышные молодые приказчики разинули бы рот от удивления, попадись им товар такого сорта, каким ему приходилось торговать в те годы.

Но Брокли все же попрежнему был Брокли — последний оплот старинных торговых традиций, хотя для людей, помпивших, как мистер Бантинг, прежние времена, качество стало попятием относительным.

Повидимому, все пассажиры в поезде, за исключением мистера Бантинга, состояли в той или иной добровольной организации. Большинство были членами отрядов граж-

данской обороны; они обучались стрельбе и бросанию ручных гранат и методически готовились к истреблению каждого немца, который вздумал бы ступить на английскую землю. В известном смысле они казались мистеру Бантингу даже более грозной силой, чем молодые солдаты; те беспечно шли в бой, выполняя приказ, но разве они знали по-настоящему, что такое родина, эти мальчишки? А эти пожилые люди с мрачной решимостью готовились защищать все то, что они любили и берегли всю жизнь, и они не отступят. Они будут убивать без пощады.

Но и они были молоды, по сравнению с мистером Бантингом, не старше пятидесяти лет. А ему перевалило за шестьдесят, и хотя мистер Ролло согласился записать его, но только как «резерв». Куда же ему еще записаться?

Да, это вопрос. Он задумался над пачкой пераспечатавшихся писем, и до его слуха допелось дребезжание дверной ручки его закутка, шуршание тряпки и чье-то мурлыканье — звуки, которые можно было объяснить лишь недавним вторжением в магазин Брокли жевачных машинок.

— Незачем защищать эту ручку, — сказал он, открывая дверь и адресуя свои слова к маленькой энергичной фигурке в чепце и фартуке, — совершенно ни к чему.

— Ничего, ничего, мистер Бантинг. Я люблю, чтобы вещи так и сверкали. Веселей глядеть.

Заметив удивление, явственно отразившееся на лице мистера Бантинга, когда она назвала его по имени, обладательница чепчика и фартука заявила тоном радостной доверчивости:

— Я миссис Масгрэйв. Мать Чарли, знаете?

— Вот как? — сказал мистер Бантинг, недоумевая, кто такой этот Чарли. Не тот ли Чарли из подвального склада? Мальчик, в котором он пытался пробудить честолюбие.

— Да, он самый. Он сейчас в армии.

— Вот как? — повторил мистер Бантинг и, давая понять, что занят, принялся распечатывать конверт. Он уже предчувствовал, что эта маленькая быстроглазая женщина будет теперь каждое утро диктовать его разговорами.

— Он служит в пехоте.

— Так, так. Только не трите большие ручки, ужасно гремит.

— Сейчас, одну минутку, — успокоила его миссис Масгрэйв, и ручка загремела еще пуще. Мистер Бантинг ждал, терпеливо снося и эту второстепенную неприятность, порожденную войной.

Когда уборщица ушла, он вздохнул и, высунув голову за перегородку, окинул взглядом свой отдел, подсчитывая личный состав. Да, народу осталось маловато, но старик Тернер был здесь. Тернер ожидал этих утренних переключек и, заметив устремленный на него взгляд начальника, торопился отвесить поуклюжий, заносчивый поклон. Он никогда не опаздывал на работу; это был один из широко рекламируемых им принципов — в положенный час являться, в положенный час уходить. Взгляд его водянистых глаз каждое утро напоминал мистеру Бантингу об этой его единственной неоспоримой заслуге.

Если торговля сейчас и начала оживать, все же она была сопряжена с большими трудностями. В первые месяцы войны было много товаров и никакого спроса, а теперь был спрос и не было товаров. Многие товары, типичные предметы мирного времени — мороженницы, жаровни для грибов, всякого рода глупейшие новинки, которые приходилось демонстрировать покупателям, — были теперь убраны, и, что скрывать, мистер Бантинг с великой радостью наблюдал их исчезновение. Но и другие, более существенные, предметы, необходимые при постройке домов, безнадежно залеживались; кронштейны, водопроводные трубы, все строительные материалы были теперь ни к чему, ибо постройка домов прекратилась. Только теперь стало очевидным, как много на свете ненужных вещей.

Но если вам требовался предмет первой необходимости, вы никак не могли его достать. Уюткинскую печь, например, нельзя было купить ни за какие деньги. Один клиент из Эдджина заказал уюткинские печи уже несколько недель назад и так часто напоминал об этом, что мистера Бантинга передергивало при одном взгляде на его письма.

Было время, когда при виде телеграммы у него замирало сердце, но теперь они приходили ежедневно. Его закуток сделался местом слияния двух потоков телеграфных сообщений: от заказчиков, требовавших товар, и от поставщиков, уверявших, что сдать товар невозможно. Мистер Бантинг был зажат между этими непримиримыми противоречиями. Он встречал каждую телеграмму гневными возгласами и таким свирепым взглядом, что любой мальчишка-рассылный, кроме рассыльного Бикертона, умер бы от страха.

Дни мистера Бантинга сложились из ряда мелких катастроф, которые он преодолевал путем срочных телефонных звонков и консультаций с директором, а также путем внезапных налетов и наскоков на персонал; эти вспышки активности сменялись периодами безделья, во время которых его приказчики обнаруживали явную склонность к расхлябанности. Никогда еще не приходилось ему иметь дело с таким жалким сбродом, как эти новые приказчики. Казалось, у них могло бы хватить соображения хоть на то, чтобы держать на прилавках кое-какие товары и делать вид, что они чем-то заняты, на случай, если заглянет мистер Бикертон. Заведующему отделом не совсем удобно давать своим подчиненным советы такого рода, но сам он, когда был приказчиком, поступал именно так. Но нет, где там: после того как они, подгоняемые мистером Бантингом, обливаясь потом, заканчивали упаковку и отправку срочного заказа, они тотчас делали передышку. Они делали ее совершенно открыто и недвусмысленно, как косцы, отдыхающие в жаркий полдень в тени изгороди. Когда голова мистера Бантинга появлялась над перегородкой, они смущенно выпрямлялись, всем своим видом давая понять, что им решительно ничего делать, — извечное заблуждение всех приказчиков скобяных отделов. Мистер Бантинг знал по опыту, что как раз в такие моменты следовало ожидать появления хозяина, чей взгляд тут же замечал какое-нибудь мелкое упущение. Так было при старом Джоне, так было и при мистере Бикертоне. А в те минуты, когда служащие брались за работу, начальство никогда не появлялось.

Мистер Бантинг был особенно суров по утрам и лишь слегка смягчался после завтрака. Правду сказать, он

сильно уставал, и пищеварение у него разладилось. Он все чаще и чаще прибегал к содовым лепешкам и прейскуранту, который был для него такой же маскировкой спящего безделья, как для сообразительного приказчика разложенные на прилавке товары. Перелистывая страницу за страницей, он давал отдых своим ногам и своей совести, ибо разве можно упрекнуть заведующего за то, что его подчиненные пользуются моментом, когда он занят исполнением своих прямых обязанностей.

В одну из таких минут он услышал легкие шаги и, приоткрыв дверь закутка, увидел пожилую леди. Иначе как «леди» ее назвать было нельзя — мистер Бантинг обладал тонким чутьем во всем, что касалось качества. У нее было маленькое мыловидное лицо и содеющие волосы; она растерянно остановилась в дверях и, увидев мистера Бантинга, сразу с тем безошибочным чутьем, которое подсказывает робким женщинам, у кого они найдут помощь, обратилась к нему.

— Не скажете ли вы мне, как пройти в кабинет к моему мужу?

Мистер Бантинг почтительно склонил голову.

— Я миссис Бикертон.

— Да, — произнес он, и на его лицо отразился живейший интерес; он преисполнился галантности: он не только укажет ей путь, он сам ее проводит. Но в эту высокоторжественную минуту с улицы в магазин вошел Тернер с номером «Стандарта», торчащим на четыре дюйма из-за отворота его пиджака. Он направился прямо к прилавку, с самым вызывающим видом по всю ширь разложил на нем газету и уткнулся в нее носом.

При виде такого вопиющего нарушения дисциплины, совершенного к тому же в столь неподходящий момент, мистер Бантинг рванулся было к Тернеру, но затем, передумав, направился вверх по лестнице. Но он был чрезвычайно озабочен. Ему не сразу удавалось справиться с дверными ручками. Он спотыкался о ступеньки и всем своим видом выдавал свое душевное волнение. Он приняв происшедший вблизи инцидент очень близко к сердцу: это компрометировало его как заведующего отделом, и хотя мистер Бантинг обычно не придавал большого значения своему высокому званию, но в известных случаях умел

поддержать свое достоинство. Кроме того, никогда нельзя знать, что может взбурить на ум женщине, не сочтет ли она супружеским долгом сообщить мужу о некоторых наблюдаемых ею фактах.

Когда он вернулся в отдел, челюсти у него были стиснуты, губы сжаты. Никогда, с тех пор как он заведует отделом, не случалось у него подобного, да еще в столь неудачный момент. Чтобы приказчик занимался чтением газет за прилавком, без всякого стеснения размахивая этой газетой на глазах у всех, из глаз у самого заведующего! Ну, он сам виноват. Сколько уже раз собирался он предостеречь Тернера, да все откладывал по слабости характера, — ему хотелось поднимать шум. Но теперь откладывать больше нельзя, ни на секунду. Он зашагал еще быстрее, словно спеша наверстать упущенное.

Вот он, Тернер, — так и прилип к развешенному на прилавке газетному листу, позабыв все на свете, кроме громких известий. Мистер Бантинг не подошел к нему, а ринулся на него, словно коршун на добычу. Он выхватил газету из рук Тернера и с пылающими щеками яростно смял ее, превратив в бесформенный комок.

Тернер устремил на него растерянный взгляд, как человек, крепко уснувший и грубо подвятый с постели; его водянистые глаза мигали, кадык дрожал. Но все это тигедушке не могло уже смягчить праведный гнев мистера Бантинга.

— Что это за безобразие! Рехнулись вы, что ли? Вы знаете, где вы находитесь?

Тернер не ответил, только отшатнулся, словно от невидимого удара, и ухватился за край прилавка, ища опоры.

— Не можете подождать со своей газетой, пока домой придете? — и все повышая голос: — Не можете, я вас спрашиваю?

Тернер молчал. Он смотрел на мистера Бантинга отсутствующим взглядом, словно видел его сквозь целую туману. Но мистер Бантинг видел его вполне отчетливо и не скрывал своего презрения.

— Какой вообще от вас толк? Вечно вы все путаете. Дела своего не знаете. А вот читать газеты... — Он снова повысил голос, взбешенный бессмысленным выражением лица Тернера: — Что вы, собственно, думаете, а?

Мистер Бантинг задыхался, но Тернер не отвечал ничего, во всяком случае ничего внятного, хотя губы его шевелились. Нагнувшись к нему, мистер Бантинг уловил только: «Бэджер».

— «Бэджер»? — воскликнул он к себе. — «Бэджер»? О чем вы говорите? Совсем спятили?

— Эсмисец «Бэджер», — хрипло повторял Тернер. — Па нем мой сын. Сегодня в газетах.

Мистер Бантинг застыл на месте; он чувствовал, как после пережитой всыпки кровь стучит у него в висках, казалось, среди полной тишины раздаются громкие удары по наковальне. На несколько секунд он точно опешил, затем слова увидел перед собой Тернера, увидел его бесцветные глаза, еще более водянистые, чем обычно, дрожащие губы, шевелившиеся беззвучно, как извивающаяся в воде рыба. Мистер Бантинг нагнулся, поднял с пола смятую газету и расправил ее на прилавке. Теперь ему было все равно, если кто это и увидит.

Тернер показал пальцем: — Вот посмотрите, мистер Бантинг. Судно затонуло, и...

Мистер Бантинг, ничего не видя, наклонился над газетой. Щеки у него пылали. Стыд, раскаяние, чувство содеянной несправедливости терзали его. Он не смел взглянуть Тернеру в лицо, да этого и не потребовалось, ибо секунду спустя он услышал, как Тернер, словно пустой мешок, свалился за прилавок.

Кто-то помог ему усадить Тернера на стул, после чего он послал рассыльного в кафе Мак-Эндрью за горячим чаем. Потом он еще несколько минут бесцельно торчал около приказчиков, хлопотавших вокруг бесчувственного Тернера.

Позже он сидел в своей закутке, чувствуя себя глубоко несчастным. Сколько раз смотрел он сквозь пальцы на разные беспорядки: то ему не хотелось поднимать шум, то казалось проще сделать вид, что он ничего не замечает, то находилась какая-нибудь другая, столь же малоуважительная причина. А вот сейчас, когда нужно было проявить снисходительность, он разорался и глерепелся, и — что тут скрывать — ему даже приятно было, что он мог покричать на Тернера, мог проявить свою власть, в то время как ему следовало бы просто выка-

зять немножко сердечной доброты. Мистер Бантинг мало что так ценит, как сердечную доброту; это лучше, чем остроумие и воспитанность и все остальное, приобретенное искусственным путем, — это неподдельное человеческое чувство, таящееся в глубине души. А ему-то этого основного, человеческого, и нехватало, да еще во время войны.

Напрасно другой половиной своего сознания он убеждал себя, что никак не мог знать, что написано в газете. Это не оправдание: он знал, что у Тернера сын на эсминце, и знал также, что Тернер один из тех, кого Кордер называет «нищими духом». Да, он знал достаточно, чтобы вести себя иначе.

Все эти беспорядочные мысли проносились в его мозгу, пока он, присмиривший и пристыженный, сидел, опершись локтями о письменный стол, покусывая костяшки пальцев, терзаемый угрызениями совести. Ибо он обладал чувствительной совестью и тем, что называется «принципами». Он не смог бы объяснить, в чем они заключались, но они вкоренились в нем глубоко и прочно.

Сидя так в своей закутке, он дал себе торжественную клятву никогда не забывать о том, что если люди ведут себя странно и доставляют нам неприятности, то, может быть, это потому, что они переживают личное горе, причиненное войной. Это безмолвное и неясно сформулированное решение приободрило его. — Устал — так вставай, — пробормотал он. — Побит — дерись лучше. Вот как нужно. Какой толк сидеть и терзаться? — Он взялся за свои бумаги.

Мистер Бекертон недавно распорядился произвести инвентаризацию, желая выяснить, в какой мере фирма может расширить свои ресурсы для выполнения заказов организаций противовоздушной обороны. Это распоряжение доставляло всем уйму хлопот, и притом совершенно лишних, по мнению мистера Бантинга. Инвентарь своего отдела он мог с таким же успехом проверить по отчетам. В душу его закрадывалось подозрение, что мистер Бекертон точно так же выискивает работу для заведующих, как те выискивают ее для приказчиков.

И вот он сидел, складывая бесконечные столбцы цифр, карабкаясь по ним, как камешник с грузом кирпичей,

но строительным лесам, чувствуя, что у него все сильнее кружится голова, но мере того как он забирается все выше. Он разложил перед собой листы с записью итогов, тщательно вписал полученные суммы в положенные графы, то и дело теряя промокашку, исчезавшую под грудой бумаг, и принялся сверять итоги; и всякий раз, как итоги не сходились, он сердито оцетинивался и с укором взирал на непокорные цифры, словно обвиняя их в том, что они самовольно покинули свои места. Нельзя сказать, чтобы эта работа была ему по душе, но она поглощала все его внимание и отвлекала от мыслей о Терпере.

Голос Кордера, спокойный и настойчивый, прозвучал внезапно над самым его ухом:

— Тревога, Джордж. Все ушли в подвал. А ты что ж, не слышал, что ли?

— Что такое? Тревога?

— Скорее в катакомбы, — сказал Кордер, знаком приглашая мистера Бантинга следовать за ним.

Мистер Бантинг вышел в опустевший отдел. Все приказчики уже спустились вниз; в отделе ковров тоже было пусто. Должно быть, кто-то заметил отсутствие мистера Бантинга, и Кордер вернулся за ним.

— Странно! Как это я ничего не слышал! — удивленно восклицал мистер Бантинг, спускаясь вслед за Кордером по лестнице. То, что он ухитрился проворовать спрену, занимало его сейчас больше всего.

Кордер искоса с улыбкой посмотрел на него. — Не слышно ничего в этих закутках, а?

— Должно быть, так, Джо. Я был очень занят.

Все были уже в подвале: заведующие отделами, приказчики — все, даже мистер и миссис Бикертон. При виде ее мистер Бантинг немного растерялся, но тут же вспомнил, что ему легко будет оправдаться: достаточно только рассказать мистеру Бикертону о сыне Терпера.

Вот они сидят — маленькая кучка смущенных людей, все чувствуют себя неловко, все говорят приглушенным голосом. Молодежь перешептывается в углу и потихоньку дурачится; мальчишка-рассыльный сосет перепачканные чернилами пальцы, пожилые люди степенно сидят на

ящиках с товарами. Миссис Бикертон сидит на стуле, — откуда он здесь взялся, мистер Бантинг не имел понятия, — а ее супруг стоит рядом, заложив руки за спину: вид у него озабоченный; видимо, он досадует на бессмысленную трату времени. «Разумеется, это досадная трата времени, — думает Бантинг. — Вся деловая жизнь города, вероятно, замерла».

— Это что ж, Джо, начинается пресловутый гитлеровский блинкрит, что ли?

— Да что-то ничего не слышно. Нет, стой, слышу, — и Кордер вытянул шею по направлению к окну над раковиной. Благословенны гудки сирен! Отбой!

Все гуськом поднялись по лестнице, мистер Бантинг встал с ящика с недовольным кряхтением. Неужто нельзя проверить как следует, прежде чем наводить на людей панику? Он сел за свой стол, привел в порядок бумаги и постарался привести в порядок и мысли.

Цифры стояли еще более неприступной стеной. Он двинулся на них в атаку и отступил, двинулся снова и, совсем спутавшись, отложил перо. Нет, ему их не одолеть.

Ему пришло в голову, что можно отпести все эти вычисления домой, к Эрнесту; тому никогда не надоело доказывать, что четыре и три в одном столбце совершенно то же самое, что пять и два в другом. Он неизменно получал удовлетворение, когда все именно так сходилось, как он ожидал. Да, Эрнест легко справился бы с этим, но унести с собой деловые бумаги не годится.

— А, черт бы побрал эту тревогу! — пробормотал мистер Бантинг. Она прервала его как раз на середине самой длинной колонки. Вот уж второй раз объявляют тревогу, и хоть бы одна бомба. «Нет уж, в следующий раз с места не сдвинусь, пока они не начнут падать», — подумал он упрямо.

Сейчас ему больше всего на свете хотелось покурить, но взгляд на часы убедил, что придется потерпеть еще полчаса. — Ну и денег! — пробормотал он. — Ну и денег! — Он сидел расстроенный и праздный, прислушиваясь к тиканью часов, приближавших час избавления.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Первое, что бросилось мистеру Бантингу в глаза, когда он в этот вечер открыл дверь в переднюю, были плетка и плащ, висевшие на вешалке. Крис неожиданно пришел в отпуск. Мистер Бантинг сразу разволновался. Позабыв оставить зонт и чемоданчик, он распахнул дверь в гостиную, и там на коврике перед камином стоял Крис. Другой Крис, подтянутый, возмужавший, но все такой же мальчик, каким был. На груди серебряные крылышки — эмблема британского воздушного флота.

Учащенно мигая, не то от яркого света, не то от пахлынувших на него чувств, мистер Бантинг подошел к сыну и, схватив его за руки powyше локтей, крепко их сжал. Это почти походило на объятие. Сердце его было переполнено: он промывчал что-то, откашивался и воскликнул: — Ну, Кристофер! Рад тебя видеть. Очень рад!

— И я по тебе соскучился, папа.

Мистер Бантинг отстранился немного, и Крис, улыбаясь, оглядел его с головы до ног. Мистер Бантинг не раз сомневался в привязанности своих детей, а вот сейчас он встретил такую простую и сердечную ласку, что больше и желать было нечего.

После первой стадии бессвязных приветственных восклицаний они сели рядом, и мистер Бантинг принялся рассматривать сына. Из кухни доносился оглушительный стук тарелок и сковородок, вызывавший в памяти торжественные семейные обеды в сочельник. Миссис Бантинг, хотя и застигнутая врасплох, старалась не ударить в грязь лицом. Мистер Бантинг и Крис, будучи выше этой жепской суетни, держались в стороне, предвкушая, однако, результаты этой усиленной деятельности. Ровно два дня в его распоряжении, сказал Крис. Выдержав все испытания и получив назначение в авиаотряд.

Мистер Бантинг смотрел на сына и думал о том, что проделал Крис за то время, пока они не виделись, сколько миль он отмерил по воздуху, бог знает как высоко над родной землей, в облаках, в бездушином голубом пространстве... и всякий раз благополучно возвращался вниз. Поразительная вещь, совершенно поразительная, хотя бы это повторялось изо дня в день. Мистеру Бантингу вспом-

нилось то время, когда быстрая езда на велосипеде казалась пределом безрассудной отваги.

Видно было, что для Криса полететь все равно, что поездка в «конвэс». Но мистер Бантинг не мог к этому так относиться. По правде говоря, он чувствовал огромное облегчение от сознания, что сейчас-то по крайней мере Крис находится на земле и в полной безопасности, а не где-то там наверху, в воздухе.

— Авиаотряд, говоришь? — переспросил он, не совсем понимая, что это такое.

— Ну да, и я ужасно рад, сказать по правде.

— Значит, все хорошо, — заметил мистер Бантинг с удовлетворением.

Из кухни выглянула Джули. — Ты, наверное, пойдешь с Моникой куда-нибудь сегодня вечером?

— Ты хочешь сказать «божественной» Моникой? — мягко спросил Крис.

Джули покраснела. — Да нет... Вы пойдете куда-нибудь?

— Ничего не выйдет. Моника вернется домой только завтра. Пришлось послать ей телеграмму.

— Я пойду с тобой, если хочешь.

— Никуда Крис не пойдет. Только приехал и уже идти.

— Мы только на минуту, паночка, к Мэвис. Нужно вернуть кнжку.

— Ты, кажется, собиралась идти за собакой, — сказал мистер Бантинг, озадаченный этой переменной плалов. — Вот уж целый месяц, как я только и слышу от тебя, что про черных шотландских терьеров. Ты же писала Бертю, чтобы он сообщил тебе адрес какого-то собачника.

— Вот как, ты писала Бертю? — спросил Крис. — Ну, знаешь, ему там во Франции есть о чем подумать; кроме твоих собак. Армия отступает со скоростью сорока миль в день.

— А он мне все-таки ответил. Но собака может подождать. Мы только на минуту зайдем к Мэвис.

— Однако хватило у тебя пахальствз писать Бертю, — повторил Крис, пораженный дерзостью своей сестры. — Если бы ты знала...

— Ладно, ладно, не ссорьтесь, — вмешался мистер

Бантинг, в ответ на что Крис и Джули разом обрушились на него, уверяя, что они и не думали ссориться: станут они ссориться, когда Крис приехал в отпуск! Они протестовали с таким жаром, что совсем оглушили мистера Бантинга. Когда они дали ему, наконец, возможность раскрыть рот, он заметил, что если собака может подождать, то и книжка наверное тоже; весь дом и так завален чужими книгами, сколько раз он им говорил, что книги надо вернуть.

— Ой, папочка! Ну, перестань ворчать! Ты испортишь весь отпуск Крису, — заявила, наконец, Джули, после чего мистер Бантинг сразу примолк и огорченно задумался. Уж он-то меньше всех — и это им хорошо известно — склонен портить людям настроение. Просто он пытался рассудить здраво. Но если Крису хочется идти к Мэвис, пусть идет. Это маленькое недоразумение расстроило мистера Бантинга.

Оставшись один, он направился к жене обсудить планы на вечер.

— Я, пожалуй, забегу к Эрнесту и Эви и пригласю их ужинать. Проведем вечерок все вместе.

Возвращаясь домой, он чувствовал страшную усталость, но сейчас ее как рукой сняло. Он взял фонарик и палку, чтобы не споткнуться где-нибудь на незнакомом тротуаре, и отправился на Мартин-страт.

Мистер Бантинг любил бывать там и частенько заходил потолковать с Эрнестом насчет войны. Он никогда не уходил от них, не подкрепившись глотком виски, ибо Эви свято верила в целебные свойства этого напитка, если его употреблять в подходящих случаях. По мнению Эви, разумное потребление виски отнюдь не являлось излишеством, а уж кому же лучше знать, как не ей, раз она работает фармацевтом у доктора. Эти ее слова, да и многие другие, не раз питировались им в коттедже «Золотой дождь», где господствовало мнение, что Эви его балует.

Эрнест вторично был забронирован, и это радовало мистера Бантинга: довольно и одного сына в армии, притом Эрнест уж наверняка попал бы в какую-нибудь беду. У Эрнеста были страшные взгляды, если подходить к ним с обычной меркой. Если он заберет себе в голову, что

что-нибудь дурно, ничто в мире не заставит его удержаться от критики. Он, образно выражаясь, один из тех людей, которые с радостью идут на расстрел во имя своих убеждений, ибо это наиболее красноречивый способ показать, как эти идеи им дороги. Эрнест не станет делать попыток освободиться от воинской повинности «по моральным убеждениям» — это было бы слишком легко. Он должен бороться и страдать за то, во что верил. Все же его взгляды на войну постепенно менялись. Мистер Бантинг не вполне ясно понимал происходившую в нем перемену, как, впрочем, не понимал ничего и в прежних идеях Эрнеста, за исключением того, что они были неосуществимы.

Эта неосуществимость его идеалов была основным предметом споров в маленькой квартирке Эрнеста.

— Сколько ты ни думай о коченеющих от стужи корепяниках, ты руку не удержишь на огне, — любил повторять мистер Бантинг, пытаясь цитировать Шекспира или еще кого-то из любимых поэтов Кордера. Нужно принимать жизнь такой, как она есть, и на этом и строить идеалы, а не обманывать себя, воображая, что ты можешь так сделать, чтобы весь мир подчинился твоим теориям. Если бы каждый верил в то, во что верит Эрнест, войн бы больше не было, с этим мистер Бантинг согласен, но в том-то и горе, что далеко не все в это верят. Прежде всего не верят немцы или, во всяком случае, пацисты. И с такими людьми нельзя миндальничать. Из своего личного опыта мистер Бантинг знал, что есть люди, убеждать которых в чем-нибудь — пустая трата времени.

— Треснул бы кто-нибудь как следует Гитлера по башке, когда он только начинал безобразничать на улицах, и не было бы никаких пацистов, — частенько повторял он. — Тогда, в самом начале, это было просто. А теперь для этого нужен миллион вооруженных людей.

Но сегодня вечером он не собирался спорить; прошло то время, когда война была отправным пунктом для всевозможных теоретических рассуждений. Даже Эрнест, видевший жизнь в каком-то таинственном мерцании, начинал тревожиться; обладая он способностью своего отца видеть вещи в трезвом, дневном свете, он тревожился бы

еще больше. Мистера Бантинга до мозга костей пронизывал страх, что вся британская армия попала во Францию в ловушку и его соотечественников бросает там либо поголовное истребление, либо капитуляция. Когда он, постукивая палкой по тротуару, медленно пробирался в темноте, лицо у него было испуганное, — дум он никому не показал бы такого лица. Беспрецедентное бедствие нависло над ними, неизбежное, неотвратимое. Дальше этого он ничего не видел.

Нужно было пойти спасение от этого кошмара. Ведь Крис приехал в отпуск! Позвонив, он стоял на ступеньках и, как актер перед выходом, старался согнать заботу со своего лица.

Эрнест и Эви сидели за чаем, маленькая дешевая лампа на столе уютно освещала комнату, разбрасывая пятна света и тени. Вечерняя газета, аккуратно сложенная, лежала на диване, крупные заголовки бросались в глаза. У себя дома Эрнест выглядел взрослее, солиднее. Мистер Бантинг мысленно представил его себе в сорок лет и старше. Каково-то тогда будет житье?

Усевшись в мягкое кресло, по правде говоря, не казавшееся ему таким уж мягким, ибо мистер Бантинг, с трудом привыкая к новым вещам, он выложил свои новости: приехал Крис, они ждут их к себе ужинать. Он даже предложит Эрнесту немножко поиграть им на рояле.

— Фуги? — спросил Эрнест, чуть-чуть улыбувшись.

— Я запасся резиновыми затычками для ушей. Надо было купить их десять лет назад; верно, Эви? Но теперь я глух ко всем немецким грохотам... и не только к налетам.

Он установил чайную чашку на колени. Но шутки скоро иссякли, и война незаметно прокралась в беседу.

— Этот твой любимый, который писал описи, как его... Отто, — ему же повезло, знаешь?

— Кто, Рейнбергер?

— Он самый. Есть в газетах.

Эрнест широко раскрытыми глазами уставился на отца; затем встал и взял в руки газету. Он перелистывал полосу за полосой, пробегая глазами по столбцам, и, наконец, замер над каким-то незаметным сообщением.

— Он умер. Через три недели после заключения в концентрационный лагерь Дахау.

Эрнест поднял глаза от газеты и увидел, что это сообщение ничего для них не значит.

— Через три недели, — повторил он как бы про себя. — Умер... через три недели.

Он снова сел. Газета упала на пол рядом со стулом. Он был потрясен. — Рейнбергер, — прошептал он. — Что они с ним сделали?

— Не принимай так близко к сердцу, милый. Ничего уж тут не поделаешь.

Эрнест посмотрел на пес. — Ах, Эви! Этот человек был надеждой Европы.

Мистер Бантинг обменялся с Эви взглядом и покачал головой. Он в эту минуту больше сочувствовал Эви, чем Эрнесту; он подошел к ней и погладил ее по плечу. — Пойдемте к нам. Позабудем про эту проклятую войну. Мне хочется доставить Крису удовольствие.

По дороге до Кэмберленд-авеню Эрнест не сказал почти ни слова. Рейнбергер, а не Крис, заполнял сейчас его мысли. Печально, что Эрнест так тяжело воспринимает жизнь и все же мучается из-за таких вещей, которые, по мнению мистера Бантинга, никак его не касаются. Вот хотя бы этот Рейнбергер — кто он такой? Гунн ока-занный, и ничего больше.

Должно быть, Эрнест ничего не может с собой поделать; нужно быть снисходительным. Мистер Бантинг вздохнул. Он уже получил сегодня хороший урок от Тернера.

Все же, как-никак, сегодня Крис приехал в отпуск, и такое настроение никому не годится. Придя домой, он приложил все усилия, чтобы разрядить атмосферу.

Крис и Джули были уже дома. Миссис Бантинг поставила ужин на поднос и поразила всех, заявив, что остальные ее дела могут и подождать. Это было неслыханной уступкой семейному торжеству. Мистер Бантинг с чрезвычайной галантностью и немалой суетой помог Эви снять пальто, с улыбкой заглядывая в зелено-карие глаза, которые с особой лаской лучились ему в ответ...

Потом Эрнест, страхнув с себя, наконец, меланхолично и вспомнив совет жены, сыграл несколько веселых вальсов на рояле, не забыв даже любимую отцом «Лилию

лагуны», а мистер Бантинг со стаканом портвейна в руке громко подхватил мелодию, исполнив первое за многие годы соло в семейном кругу.

Беседа тоже была оживленной, уверенность и бодрость Криса всех успокоили. Действующая армия, как видно, не пугалась газетных заголовков. Она была готова к бою и жаждала померяться силами с врагом. О воздушном флоте Крис говорил мало, но то, что он сказал, произвело огромное впечатление на мистера Бантинга. Это звучало так просто и деловито.

— Я слышал, — сказал мистер Бантинг, внося и свою лепту оптимизма, — что бомбы, которые гуппы сбрасывали в Скапа, помечены тридцать девятым годом. А наши бомбы, как говорят, тридцать второго года.

— Ты хочешь сказать, что они старые, папочка?

— Дело не в том, — и он объяснил им, в чем дело. Это совершенно ясно, хотя он сам тоже не сразу воцпал. У немцев, значит, мало бомб, раз они берут их прямо с завода. А мы напасли много, копили из года в год.

Это звучало отпадно — лишнее доказательство того, что англичане по такой уж медлительный народ, каким они иногда прикидываются. В те минуты, когда мистер Бантинг не осыпал насмешками правительство за его неповоротливость, он, усмехаясь про себя, думал, что тут, пожалуй, добрая половина притворства. Миссис Бантинг, со своей стороны, заметила, что было бы хорошо, если бы немцы совсем остались без бомб.

— А как на них помечают дату, папочка? — спросила Джули.

— Ставят штемпель, как на конвертах, — сказал Эрнест, и это замечание, хотя, быть может, и излишне саркастическое, все же показывало, что Эрнест снова стал самим собой.

Вечер закончился грандиозным ужином, причем на столе появились все любимые Крисом блюда, включавшие, по счастливой случайности, также все любимые кушанья самого мистера Бантинга. Несмотря на то, что от сверхсытного ужина все немного отяжелело, мистер Бантинг настойчиво подливал в стаканы портвейн до тех пор, пока в бутылке не осталось ни капли. — О, виноградный сок! — сказал он. Омар Хайям! Наполним чаши!

Долго помнил мистер Бантинг этот вечер, полный дружеских бесед и веселого смеха, словно похищенный у омраченных тревогой дней. Это был почти единственный по старинке проведенный вечер, какой он мог припомнить, за исключением рождественских вечеров. Отрадная минута, подаренная войной.

Он поднялся в комнату Криса пожелать ему доброй ночи и увидел, что тот сидит на постели, подтянув колени к подбородку, и беспеременно курит трубку.

— Иди, садись сюда, — приветствовал его Крис, не догадываясь, повидимому, о совершаемом им преступлении. Он похлопал рукой по одеялу. — Бери табачку и закуривай.

Мистер Бантинг уселся на кровати, чувствуя себя не совсем в своей тарелке. Сам он, ввиду торжественного случая, готов был посмотреть сквозь пальцы на курение в спальне, но как быть, если запах дыма достигнет чувствительного носа миссис Бантинг? Вся вина падет на него, а не на Криса, его сейчас же несправедливо обвинят в том, что это он его совратил. Сознавая чудовищность всего происходящего, он взял табак из кيسета Криса и пабыл трубку.

— Неплохой табачок, — заметил он. Даже не верится, что он сидит у Криса в спальне и курит его табак; три месяца назад это было бы просто невозможно. Удивительно, как война все меняет.

— Протяни ноги на стул и дай-ка мне поглядеть на тебя как следует. Ты себя представить не можешь, как мне хотелось попасть домой.

— Тебе нравится твоя служба, Крис?

— Еще бы! Это настоящая жизнь. Кстати... — и тут Крис сделал паузу и выкодотил пепел из трубки прямо в фарфоровую вазочку на туалетном столе. — Если я сковырнусь, ты получишь извещение из магазина, а не сюда. Незачем пугать маму.

— Хорошо. Будем надеяться, что этого не случится.

— Да я сказал просто так, на всякий случай.

— Понимаю.

Они курили, беседовали, иногда молчали; и все это время мистер Бантинг с нежностью смотрел на сына. Только один Крис из всех детей унаследовал круглые ще-

ки и серые глаза Бантингов. Эрнест и Джули были худощавы и темноволосы, очень впечатлительны, наделены живым воображением и склонны к различным фантазиям и причудам, о которых Крис никогда не помышлял. Он был так же далек от всяких психологизмов и прочих измов, как и его отец, но относился к ним более терпимо; у него были другие идеи, нежели у его отца, потому что он был моложе, но восприятие жизни у них было одинаковое. Остальные всегда с досадой слушали мистера Бантинга, а Крис принимал его слова без предубеждения и дружески поправлял его, как равный — равного. Они всегда хорошо ладили, и в детские годы Криса отец был самым близким его другом: они вместе ходили на футбольные матчи, и отец являлся для мальчика непревзойдаемым авторитетом во всех вопросах. То были счастливейшие дни отцовства; и если эти дни миновали, когда Крис подрос, разве не могут они вернуться? Эта ночная беседа в его спальне и запретное курение, придававшее ей легкий оттенок приключения, укрепляли близость между ними. Когда-нибудь война кончится, и у него будет родственная душа, дружественный спутник его старости.

Но за этими мыслями таилась все время еще одна: он хотел выразить ее Крису и не решался, боясь, как бы не вышло глупо, и поэтому держал ее про себя до последней минуты, пока не поднялся, чтобы уйти. В конце концов молодежь всегда одинакова, все забывает. Дружеский совет помешать не может.

— Я заметил одну особенность в катастрофах с самолетами, — сказал он самым небрежным тоном. — Чаще всего, как мне кажется, они происходят оттого, что у летчика глохнет мотор. Ты будь с этим поосторожнее, Крис, когда летаешь. Не давай своему мотору заглохнуть. — Он посмотрел на Криса, и в его взгляде отразилась боязнь показаться смелым и другая, более глубокая тревога.

— Буду помнить об этом, папа. Я совсем не хочу сломать себе шею. Я ведь должен думать о Монике.

— Разумеется, — согласился мистер Бантинг. Тем не менее это причинило ему боль. — Спокойной ночи, Кристофер.

Мистер Бантинг тщательно выколотил трубку в фарфо-

ровую вазочку. Скверная, неопытная привычка. Мэри подняла бы отчаянный шум; он сам был поражен своей дерзостью. Но Крису, конечно, все простится.

Он отворил дверь и прислушался: миссис Баттинг спала крепким сном. Он на пылочках вошел в спальню.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Такого чудесного лета, как это лето тысяча девятьсот сорокового года, мистер Баттинг положительно не мог припомнить. Поля вокруг Килворта расстилались за окном вагона такие зеленые и сочные, как никогда, и ветерок пробежал по ним легкой рябью. А живые изгороди в цвету! Лондон весь золотился от солнца, зеленые скверы на площадях были похожи на глубокие тенистые пруды, — они манили разомлевших от жары горожан оставить свои конторки и прилавки и снова стать детьми природы. Но мистер Баттинг бросал лишь рассеянный взгляд на всю эту красоту; она наполняла его сердце печалью, словно каждое дерево, каждый цветок, каждая щебечущая птичка были только эхом, только отголоском близящегося к крушению мира.

Все ближе и ближе громыхали тяжелые колеса немецкой военной машины, и казалось — ее не остановить. Неприступные твердыни прошлой войны уже падали. Одинадцать часов переправлялись из Дюнкерка войска — почти целая армия и с ней Берт Ролло. Его отец с поразительным бесстрашием рассказывал, что сын известил его о своем спасении двумя строчками на почтовой открытке. Когда Ролло-младший вернулся домой, он показался всем неестественно молчаливым и замкнутым. Мимолетно возникнув в памяти, Берт исчез из мыслей мистера Баттинга, — человеческая песчинка, затерявшаяся в коимаре этих дней, но все взоры были сейчас прикованы к Франции.

Все побережье этой несчастной страны от Ламанша до Атлантического океана, город за городом, занимал враг. Все, чего, по заверению авторитетных лиц, нельзя было допускать, произошло; и это было только началом. Франция изматалась; и не нашлось руки, достаточно крепкой,

голоса, достаточно твердого, чтобы поддержать ее. Вся Франция была в смятении, последние известия устаревали раньше, чем умолкал голос диктора.

Все эти события мистер Бантинг старался свести воедино и трезво обдумать. Фактам пужно смотреть в лицо, и он старался делать это с тем хладнокровием, которое помогает сохранять мужество до самой последней минуты, пока земля не разверзнется под ногами. Он думал о том, что есть же, наверно, какой-нибудь стратегический ход, при помощи которого можно ударить по слабому месту напрягающего все силы противника и отбросить его назад. Он придумывал тысячу всевозможных планов, согнувшись над картой, слегка выпятив нижнюю губу. Лишь об одном он никогда не думал, — о капитуляции, ибо он был не из тех людей, которые легко осваиваются с мыслью о поражении. Весть о капитуляции Франции была для него потрясением, равного которому он не переживал за всю свою жизнь. Он выслушал ее с таким замиранием сердца, что понял сам: это оставит на нем след до конца его дней.

Когда передача известий окончилась, он выключил радио и, оглушенный, остановился у окна, глядя в сад. Был тихий июньский вечер, в саду во всей своей красе благоухали розы, и над красными крышами и лесистыми холмами медленно спускалось солнце, точно ему было жаль покидать такую прекрасную страну. Но закат не вызвал в мистере Бантинге никаких мыслей; мозг его окаменел. Все, казалось, умерло в нем, и только сердце сжималось и расширялось, точно оно жило у него в груди независимой от него жизнью. Он взглянул на жену и дочь, как ни в чем не бывало пакрывавших на стол. Не понимают они, что ли? Неужели он один способен думать и чувствовать? Он сел с ними за стол, но есть не мог, зато многопил и сразу почувствовал слабость. Ему даже показалось, что он болен. Но он знал, что это не болезнь.

Поскоро покончив с ужином, он вышел в сад. Оски, присев на корточки около грядки с цветной капустой, обдерал гусеник. Тоже нашел чем заниматься в такую минуту! Однако вот он сидит, приподнимая лист за листом, и что-то ворчит себе под нос: то ли негодует на

гусениц за то, что их так много, то ли выражает разочарование по поводу того, что не может их найти. Он поднял глаза, видимо, отмечая присутствие мистера Бантинга, но лишь как явление второстепенной важности.

— Слышали новость, Оски? Французы нас подвели.

— Слышал. А меня это не удивляет. Французы чудной народ.

Мистер Бантинг уже не раз слышал от него о разных чудачествах французов. Оски имел случай близко их наблюдать, когда был в армии в прошлую войну. Его слушателям всегда рисовалась такая картина: Оски сидит в углу какого-нибудь эстампана, мрачно пьет вино и с презрением поглядывает на чуждую ему породу людей, из которых ни один не может идти в сравнение с его собственной высокоодаренной особой.

— Неуравновешенный народ, — сказал он, подводя итог своим умозаключениям. — Я слышал, что Абевиаль был занят шестью немецкими мотоциклистами. Большой город, не меньше Жилворта.

— Этого не может быть.

— Вы так думаете? — лаконически возразил Оски и, выпрямившись, оглядел свою калусту. Трудно было сказать, думал ли он о войне, или о своих пассажирах, или о том, как одно может повлиять на другое.

Потом он облокотился на забор и понизил голос до хриплого полупрошота. В сгущающихся сумерках он выглядел осунувшимся. «Мало спит, должно быть, — подумал мистер Бантинг, — все дежурит на посту противовоздушной обороны».

— Между нами говоря, друг, нам еще придется с ними повозиться. Фрицы умеют драться, когда у них много солдат да оружия. Это они любят. А когда приходится туго, они пасуют. Только пасовать-то им сейчас не перед чем.

Оски, повидимому, собирался уже повторять то же самое на другой лад, как он это всегда делал, будучи твердо убежден, что мистер Бантинг не в состоянии что-либо понять с первого раза.

— А что теперь будет, по-вашему?

— Гм! — протянул Оски и припался чистить скребком, временно сосредоточивая все свое внимание на

этом запятин. — Вот уж этого я вам сказать не могу. Но теперь мы, по крайней мере, знаем одно: рассчитывать нам не на кого, кроме как на самих себя.

Они еще постояли у забора, переговариваясь вполголоса. Мистеру Бантингу не хотелось уходить. Он открыл в Оски качества, которых раньше не замечал, — уравновешенность и спокойствие, проистекавшие не столько от его достоинств, сколько от недостатков, ибо Оски был упрям и лишен воображения; его ничем не проймешь.

— Война еще не кончена, нет, до конца далеко, что бы там ни воображал Гитлер, — сказал он. — В прошлый раз фрицы выдохлись у самого финиша. Надолго их нехватит. Самое главное — выдержать.

Эти слова мистер Бантинг повторял про себя, возвращаясь в дом по темному росистому газону. Он не мог определить, выражают ли они твердость или благодушие. Он еще не оправился от пережитого потрясения, его мучила неутолимая жажда узнать как можно больше. Повернув ручку приемника, он сразу услышал на редкость противный голос. Передача из Гамбурга. После первых же слов отгораживающие и что-то похожее на гнев сменили усталость и уныние: ему даже не верилось, чтобы официальные руководители Германии могли предполагать, что он способен поверить подобной вздорной болтовне. Старое-престарое вранье; он слышал все это еще в прошлую войну от кайзера. Ренегат у микрофона говорил слишком напыщенно, как плохой актер, не уверенный в себе: фальшивые интонации лишали его слова всякой силы. Мистер Бантинг слушал, наклонившись над приемником, и всем своим существом чувствовал, что с таким противником не может быть никаких компромиссов.

Он как-то притмирел в последующие дни, да в эти дни газеты могли отрезвить хоть кого. Но вместе с тем он стал спокойней. Если ты остался один, то можешь, по крайней мере, не опасаться больше обмана и предательства. Ведь самое страшное именно это. Что особенно злило мистера Бантинга — так это постоянное возвращение его мыслей к прошлой войне. Четыре года страданий, миллион убитых, а к чему? Чтобы победить

и обуздать этот самый народ, этих же немцев. А сейчас, через двадцать пять лет, они представляют даже большую опасность, чем раньше; задумали даже вторгнуться к нам, в Англию. Этот пункт всегда вызывал ослепленную горячность мистера Бантинга, он даже забывал о печальных событиях сегодняшнего дня и принимался раскапывать прошлое, требуя, чтобы ему объяснили, как можно было до этого допустить. — О чем же думали наши правители? Кое-кого пужно будет предать суду, когда все это кончится.

— Какая польза говорить об этом сейчас, папа? — возразил Эрнест. — Это только лишает мужества. Нужно думать о настоящем и о будущем.

— Я знаю, — отвечал мистер Бантинг. Он старался не думать о прошлой войне. Эта победа пошла прахом, и, по его мнению, главным образом, из-за людей с такими вот идеями, как у Эрнеста. Но этой мысли он не высказывал. Сейчас не время ссориться.

Он порешал от больших тем к более мелким. — Выпей виски, Эрнест, не оставляй же его напистам.

Если немцы высадятся в Эссексе, они будут в Килворте через два часа. Это казалось невероятным, но нужно было смотреть правде в глаза. А куда бы они ни приходили, всюду они мародерствовали и грабили; известное дело, настоящие гуппы; поэтому мистер Бантинг не собирался оставлять им ни виски, ни лиц, которые мистер Бантинг хранил в большом кувлине, вообще ничего, если только это не будет щедро посыпано мышьяком. Мысль мистера Бантинга работала неустанно, изобретая самые коварные методы борьбы; он готов был убивать немцев всеми доступными ему способами. Эрнест был убежден, что в случае вторжения мистер Бантинг непременно подведет себя под расстрел за какое-нибудь мелкое и бесполезное противодействие.

— В нашей стране есть что защищать, — заявил мистер Бантинг, выпив виски.

Поскольку Эрнест понимал, мистер Бантинг готов был прежде всего защищать свое личное достояние и то, что он довольно туманно называл своими «свободами». Это, конечно, немало, по мысли Эрнеста шла гораздо дальше. Для него война стала борьбой между двумя противополож-

ными миропорядками. Грабители государства не были тем рубежом, который разделял сторонников этих систем; в каждой стране можно было найти и тех и других. Это была гражданская война в человеческой семье. Она началась в Германии как гражданская война, война нацистского режима против либерализма, и сейчас это тоже была гражданская война. Она велась не за территорию, а за власть над судьбами людей; за власть выносить решение, получит ли такой Рейнбергер право открыто высказывать свои мысли, как свободный человек, или ему заткнут рот в концентрационном лагере. Не понимать это, значило отбросить главный побудитель к победе.

Но для всех, с кем бы он ни говорил, война означала только одно — убивать немцев.

У мистера Игла был очень простой рецепт победы: — Разбомбить мерзавцев. Вот как надо обращаться с гуннями. Увидите, они живо запицают. Разбомбить их! Разбомбить к черту!

Он постоянно проповедывал эту теорию в присутствии Эрнеста, потому что никак не мог простить ему его сумасбродных идей. Он считал Эрнеста размазней, немногим лучше тех, кто отказывается от военной службы по «моральным убеждениям».

Патриотизм Игла был старинного склада; прачечная была последним и самым скромным из его приключений. Эрнест знал, что Игл служил в Африке под началом Роберта, много путешествовал и в молодые годы вел очень бурный образ жизни. Игл побывал в самых отдаленных уголках земли, над которыми развевается флаг Соединенного королевства, и, всякий раз, когда ему приходилось иметь дело с проклятыми чужеземцами, — будь то желтые или черные, он умел заставить их уважать этот флаг. А тем, у кого пехватало духа постоять за свою родину, цела была грош, по его мнению, и они становились мишенью для его пасмешек.

Перед уходом домой он частенько заходил в кабинет Эрнеста, посиживал там на стуле, упираясь своими узловатыми руками в пабадашки палки, и с ехидным удовольствием наблюдал, как реагирует Эрнест на его замечания.

— Я видел сотни этих немцев, — говорил он, не обра-

иная внимавшая на то, что Эрнест, повидному, углублен в свои счета. — Это либо хвастливые забияки, либо трусы. Благодарение богу, у нас достаточно молодых людей, которые так и рвутся задать им перцу. Не будь их, вы бы не сидели здесь так спокойно.

— Так же, как и вы, — сказал Эрнест, не поднимая головы.

— Я? Мне, милый друг, стукнуло семьдесят шесть. Я отслужил свое пятьдесят лет назад. Что же я, по-вашему, должен сейчас делать?

— Не требовать от других, чтобы они делали то, чего вы сами не делаете. Меня хоть в этом нельзя обвинять.

— Ну, вы-то, конечно, не станете бомбить немцев.

— Не стану.

— Ну, еще бы! Пусть лучше приходят сюда и владеют нами. Если бы это случилось, вы бы живо переменяли свои взгляды.

Эрнест положил перо. Он немного побледнел; в остальном у него был вид человека, решившего, наконец, оторваться от дела и прогнать назойливую муху.

— Мои взгляды, мистер Игл, — мое личное дело и совершенно вас не касаются. Одно могу вам сказать: они не изменились, разве только в том смысле, что я сейчас еще больше убежден в своей правоте. А вам лучше всего освободить меня от работы.

— Что? Это почему?

— Вы, может быть, думаете, что мне приятно сидеть за конторкой в такое время? Есть тысячи вещей, которые я могу делать. Я могу пойти в армию санитаром. Или работать на тракторе. А я приковал к этой конторке, и это вы меня к ней приковали. Вы заброшировали меня, и только вы можете меня отпустить.

— Вы что, серьезно?

— Вполне. Будьте добры дать мне расчет.

Мистер Игл наклонился вперед, опираясь на палку. Повидному, этот серьезный молодой человек и в самом деле принял его слова чересчур всерьез: реакция получилась более бурной, чем он ожидал.

— Послушайте, Эрнест, вы же знаете, что я не могу вас отпустить. Разве может новый человек убраться здесь при таком старом оборудовании, как у нас? Все

полетит к чорту. А ваш отец, не забываяте, вложил сюда деньги.

— Мы сейчас говорим не о деньгах. Дадите вы мне расчет или нет?

— Не могу. Вы сами прекрасно знаете, что не могу. — Решительный вид Эрнеста совершенно его ошеломил. — Я просто хотел посмотреть, насколько вы тверды в ваших убеждениях.

Эрнест с минуту смотрел на него, не отрываясь; его темные глаза горели. — Ну, что ж, — сказал он негромко и задумчиво. — А теперь я хочу посмотреть, насколько вы тверды в ваших. Каков будет ваш ответ?

Мистер Игл поднялся, его подагрические суставы хрустнули. Он знал, как опасно чересчур раздражать таких людей, и начал отступление. — Я никак не пойму вас, Эрнест, — сказал он, делая первый шаг к примирению. — Вы прекрасно знаете, в каком состоянии дело, и только потому, что я сказал лишнее слово, вы сразу разобиделись и готовы все бросить. Что ж... — он умолял, видимо, предоставляя Эрнесту сделать из его слов такой вывод, какой ему будет приятен.

— Может быть, впоследствии вы поймете меня лучше.

— Ну, простите меня, старика. Оставим это.

— Я вас не об этом просил.

— Не получите вы расчета! — закричал мистер Игл, покраснев, как индюк. Но его гнев тут же испарился, словно даже эта вспышка была ему не по силам, и он продолжал жалобным тоном: — Неужели вы уйдете, Эрнест, и бросите меня одного? Посмотрите на мои руки. Да я карандаш держать не могу!

— Хорошо, — сказал Эрнест и снова обратился к своим бумагам.

Выйдя за дверь, мистер Игл выпул внушительных размеров платок и с облегчением высморкался. В течение нескольких дней после этого он жил в страхе, что вопрос будет поднят снова. Но Эрнест больше об этом не заговаривал. Он опять стал относиться к старику с прежним уважением и оказывать ему различные мелкие услуги, в которых тот так нуждался. Но с той поры мистер Игл соблюдал большую осторожность в своем обращении с Эрнестом.

Позади прачечной недавно была установлена огневая точка; прицельные щели пулеметов, словно злые глаза, смотрели на дорогу, позади торчал поднятый вверх ствол зенитного орудия. В свободные минуты, выглядывая из окна кабинета, Эрнест видел сияющие на солнце верхушки деревьев и под ними эти орудия разрушения, неустанный напѣв напѣвание о том, пронырски думал он, что мы живем в двадцатом столетии, работаем под вооруженной охраной как когда-то дикари во время сбора урожая. Вечерами он отправлялся на санитарный пункт ждать бомб, которые должны были обрушиться на Килворт. В этом отношении современный человек опередил своих диких предков — тем приходилось опасаться только стрел, которыми, как известно, орудуют лишь при свете дня.

В этих обязанностях самым неприятным для Эрнеста была напрасная трата времени. Это была трата жизни. После ужина он провожал Эви до коттеджа «Золотой дождь» и заходил за ней на обратном пути. В промежутке он сидел на пункте с другими добровольцами. Они курили, перекидывались отрывочными фразами или смотрели в окно на залитую солнцем улицу, короче говоря, болтались без дела, а именно этого Эрнест никогда делать не умел. Ему нужно было или упражняться на рояле, чтобы усовершенствовать свою технику, или почитать серьезную книгу, чтобы усовершенствовать свой ум, или обдумывать какое-нибудь усовершенствование прачечной, во всяком случае что-то делать.

Как-то раз к ним на пост поступил срочный вызов: где-то упала пальная бомба. Выйдя из санитарной махачи, Эрнест увидел пострадавший дом: с крыши его сорвало черепицу, засыпало ею всю улицу. Забор перед домом был совершенно разрушен, и все окна в доме разбиты вдребезги. Перешагнув через сорванную с петель дверь, Эрнест вошел в комнату и увидел человека, сидевшего посреди гостиной на раскладной койке, среди осыпавшейся штукатурки и осколков стекла, и дрожащего от испуга и боли. К своему изумлению, Эрнест заметил, что несколько не нервничает. Он хладнокровно перевязал своему пациенту поврежденную руку, проделав это с большим усердием, так как сразу почувствовал интерес к новой возложенной на него задаче. Больше всего он

был потрясен бессмысленностью этой бомбежки; он чувствовал себя актером, участвующим в каком-то грандиозном сумасшедшем спектакле.

Он знал, что Эли молится за него в такие минуты, молится о сохранении его жизни среди опасностей. Мысль, что она возносит такие молитвы каждый день, переполняла его нежностью, столь сильной, что у него щемило сердце. Для него ее вера была детски примитивной, одновременно и ниже и выше его. Он не верил, что бог захочет спасти одного из тысячи только потому, что за него молятся.

Последние дни Эви часто чувствовала себя усталой. По воскресеньям она вставала поздно и, лежа в постели, руководила хлопотами Эрнеста по хозяйству. Ей недоставало колокольного звона; она всегда говорила, что на Мартин-стрит колокола звучат так серебристо и звонко, совсем как в деревенской церкви. Их перезвон напоминал ей воскресные дни в маленькой деревушке, затерянной среди болотистых равнин, где она провела свое детство. Теперь нигде по всей Англии не услышишь колокольного звона.

— Да, дорогая, ты не услышишь его до конца войны. Разве только высадится парашютный десант.

— А что мы тогда должны делать?

Эрнест пожал плечами.

— Не знаю. Я только одного хотел бы: чтобы я в это время был здесь, а не в прачечной.

— Я не верю, что бог допустит такого злодея, как Гитлер, править миром. А ты веряшь?

Эрнест поставил поднос рядом с кроватью. — Нет, дорогая, не верю. — Но он сказал это так, словно успокаивал ребенка.

— Ты забыл молоко, Эрнест.

— Ах, черт! — воскликнул он и пошел на кухню. Он никак не мог понять, почему он дома так забывчив, а на службе все прекрасно помнит. Там он никогда ничего не забывал и очень удивлялся, замечая чужие промахи.

— И ложку, Эрнест.

— Да я положил ложку, я прекрасно помню, — сказал он, возвращаясь обратно и рассеянно глядя на поднос. Но ложки не оказалось.

Разыскивая молоко сначала в кладовке, потом на полках, потом на приступочке за дверью, Эрнест думал о несокрушимой вере своей жены в то, что бог не допустит зла. Эта вера была проста и бесхитростна, как вера ребенка в непогрешимость своего отца. Он никогда не смущал ее напоминанием о том зле, которое бог уже неоднократно допускал. Эви так безмятежно и терпеливо переносила все тяготы войны именно потому, что она верила, верила, что все в руке божьей. И божья воля в конце концов восторжествует. Эрнест никогда не употреблял таких выражений, но сейчас, когда он растерянно стоял посреди кухни, ему пришло в голову, что эти слова выражают и его веру. Правда и справедливость вечны, все дѣловое вечно. Дух всеобъемлющ, и он могущественнее материальных сил, одна простая песня может поднять больше армий, чем все разбойники мира в прошлом и настоящем. Эрнест твердо верил, что человеческие стремления к идеалу — самая несокрушимая сила в нашей жизни.

Он заметил, что стоит в кладовке; кажется, он что-то искал. — Молочку и молоко, — пробормотал он, сосредоточенно сдвинув брови, и тут же увидел и то и другое на сушильной доске, где он сам их оставил.

За последние месяцы он научился ценить субботние вечера и воскресные дни, и страсть отца к уик-эндам уже не казалась ему смешной. Ему очень нехватало рояля, но он мог сидеть с закрытыми глазами и мысленно играть бетховенские сонаты, исполняя их с таким совершенством, какого он никогда не достигал на деле, и слыша их так хорошо, как если бы он сидел за роялем. Кроме того, было еще радио, и если Эви была занята на кухне, он иногда в увлечении начинал размахивать руками, воображая, что дирижирует оркестром. Он слышал про какого-то русского музыканта, который проделывал то же самое перед граммофоном, только падеж предварительный фраз. Однажды Эрнест даже сбил абажур с лампы, подгоняя скрипки в заключительном *presto*. Эви опречетью прибежала из кухни и пролепетала: — Господи, Эрнест, как это случилось? — в ответ на это Эрнест растерянно уставился на жепу и медленно покраснел. Он только мало-помалу и с удивлением убеждался, что его

причуды каким-то загадочным образом делают его для нее еще милей.

Как-то раз, после дежурства, он зашел за Эви в «Золотой дождь» и застал там Ролло-младшего, который сидел, прямой, как палка, в кресле мистера Бантинга, видимо, чувствуя себя незваным гостем и ужасно стесняясь своих огромных солдатских сапог. Всякий раз, когда он замечал, что эти чудовища вылезают на ковер, он немедленно убирал их назад и размещал под креслом в самых разнообразных положениях. Щеки у него были еще красней, чем прежде, и он казался выше и плотней, он походил теперь на призванного в армию полисмена. Когда вошел Эрнест, он начал поспешно объяснять, что случайно оказался на Кэмберленд-авеню и решил «заглянуть». Он очень старался втолковать это Эрнесту, дабы тот не нашел странным его посещение; он успел уже несколько раз разъяснить это обстоятельство и мистеру Бантингу и Эви. Заметив, что накрывают к ужину, он сейчас же извлек из-под кресла свои сапоги и, тяжело переступая ими, выразил намерение «смотаться». Но его быстро убедили подсесть к столу.

Берт подтвердил, что он прибыл домой через Дюнкерк. Когда от него потребовали подробного отчета об этих событиях, он после некоторого размышления сказал, что это была довольно поганая штука. Война, повидимому, достигла той стадии, когда он перестал понимать ее. Его отправили в Норвегию, но он видел эту страну только сквозь пелену утреннего тумана, с борта транспортного корабля, на котором его вернули домой. Потом он был во Франции, откуда его еле-еле вывели под градом бомб. Все эти эвакуации ему вовсе не нравились; а хуже всего то, что пришлось бросить свой танк. Сейчас у него совсем нет танка, да их и вообще-то не видно.

— Значит, твой «Парцисс» достался немцам? — задумчиво произнес мистер Бантинг, прикидывая в уме, сколько денег налогоплательщиков было на него ухлопано.

— И-да! Три фрица с офицером забрались в него и дали ходу. Я сам видел, из-за яблонь выглядывал.

— Как, ты стоял и смотрел на них? — спросила Джули.

— Угу. И двадцати ярдов не сделали, как взлетели на воздух.

Миссис Бантинг замерла с чайником в руке. — Боже мой! Как ты счастливо отделался, Берт! — Ясно, он был на волосок от смерти. Семейство Бантингов взглянуло на него с пробудившимся интересом.

— Берт, ах ты мошенник! — воскликнула Джули. — Ручаюсь, что ты засунул туда танковзрыватель системы Ролло.

Лицо Берта просияло. — Угадала... — он хотел приобрести «малютку», но проглотил это наименование из уважения к миссис Бантинг.

— Ты думаешь, они высадятся у нас? — спросил мистер Бантинг самым небрежным тоном, на какой только был способен.

— Высадиться они, пожалуй, могут, — сказал Берт, сделав многозначительное ударение на первом слове. — А вот выбраться назад павряд ли. Тут мы их и прихлопнем.

— Может быть, ты и прав, — согласился мистер Бантинг. — Ну, хватит о войне. Поди-ка, Эрнест, поиграй немножко, а я тем временем паберу для Эви овецей.

И Берт остался наедине с Джули, выглядевшей сегодня очень неприступной. Он полез в карманы, вытащил оттуда бумажник и из бумажника извлек свою фотографию. Поглядев на нее еще раз, чтобы придать себе мужества, он не без гордости протянул ее Джули. — Посмотри. Спялся, когда получила вторую нашивку. Хорошо?

— Очень мило, — сказала Джули, искоса взглянув на снимок и продолжая вязать чулок.

Берт пододвинул карточку еще на дюйм ближе.

— Если хочешь, возьми ее.

— Большое спасибо, Берт, только хватит ли у тебя на всех?

Он посмотрел на нее с оттенком обиды, но обезоруживающий взгляд ее широко раскрытых глаз рассеял его подозрения. Она ничего плохого не хотела сказать: просто у нее такая манера, решил он.

— Ничего, можно ведь еще отпечатать.

— Ах, и в самом деле! — сказала она таким тоном,

словно сделала необыкновенное открытие. — Только не стоит из-за меня беспокоиться. Разве только у тебя останется лишняя...

— Вот эта у меня и оста... — Он не договорил. Нет, он явно не умеет подойти к ней, все время говорит не то, что нужно. Чтобы выйти из положения, он решил начать с другого конца. — Достала ты собаку у этого парня, про которого я тебе говорил?

— Нет еще. Успеется. — Джули не хотела говорить о собаке. Этот приятель Берта, собачник, был очень груб в своих объяснениях насчет причин, почему у него до сих пор нет щенков. О некоторых подробностях собачьей жизни, повидному, невозможно говорить, не выходя из рамок приличия.

— Жалко, что Криса нет, — вздохнул Берт. После этого разговор окончательно увял, и Джули полагала, что же по ее вине.

— Крис — молодчина. Летчиком заделался! На этот раз он меня обскакал. Я и не подумал об авиации, вбил себе в голову стать танкистом. — Он полагал, что Джули будет приятно поговорить о Крисе. Но она произнесла только: — Одна с нарядкой, другая так. — Услышав эти слова, он поднял голову и убедился, что они обращены не к нему. Она была полностью поглощена изданием.

Появился мистер Бантинг с отборнейшими огурцами и кочаном цветной капусты. Он сразу заинтересовался фотографией.

— Это ты там, Берт? — Он посмотрел на Берта, потом на фотографию, потом снова на Берта, критически сравнивая копию с оригиналом. — Хороший снимок! Ты тут, как живой, — вывел он свое заключение. — Поставим его на камин. А ты, Джули, купи к нему рамочку, когда пойдешь мимо Вулворта.

— Постараюсь не забыть, папа.

Берт поднялся. Ему не понравилось, что Джули взглянула на фотографию с таким удивлением, словно уже успела позабыть об ее существовании. Он жалел теперь, что не отдал ее Молли Филип вместо Бантингов. Ну, ладно, как-никак, она стоит на камине и выглядит совсем неплохо. Берт вынужден был это признать; и

нашивки заметны, но не слишком бросаются в глаза; в этом отношении всегда нужно быть очень осторожным.

— Ну, — сказал он перешептливо, переминаясь с ноги на ногу, но всем своим видом выражая намерение отправиться в путь.

— Всего хорошего, — сказал мистер Баптинг, распахивая дверь в переднюю и пожимая Берту руку, дабы помочь ему сдвинуться с места. — Очень рад был тебя повидать.

— До свидания, Берт! — сказала Джули мягко. Она задумчиво, но с явной симпатией смотрела на него. Ее глаза, казалось, сообщали ему некую тайну, но ключа к этой тайне у него не было. Он вообще не понимал ее, совсем не понимал: художественная натура, решил он в конце концов. Она сидела, с вязаньем в руках, тоненькая и миловидная, но вместе с тем какая-то далекая, словно он смотрел на нее, перевернув бинокль.

Когда Берт ушел, мистер Баптинг вздохнул с нескрываемым облегчением. Ему всегда казалось, что Розамунда заполняет собой всю комнату; в тому же у него нет ни капли такта: может проторчать тут всю ночь, держась за ручку двери, если его не вырывают.

— Ну, Эрнест, надо копаться музыку. Эви пора домой, — сказал он, взходя в гостиную. — Ты должен заботиться о своей хозяйшке. Кто знает, что нас всех ожидает впереди.

Они стояли в тускло освещенной передней, надевая пальто и шляпы, прощаясь. Никому из них не верилось, что над ними может свалиться беда, и все же смутное чувство тревоги охватывало их теперь при каждом расставании. Эрнест почувствовал, как рука его отдала, загромождая от постоянной возни с металлом, с необычной нежностью сжала его руку, и сердце у него защемило. Отец очень волновался за Криса, теперь уже летчика королевского воздушного флота, и за Джули, работавшую по соседству с военным заводом; Эрнест не раз замечал, как он сидит в задумчивости, рассеянно потягивая давно потухшую трубку. Беспокоится ли он за себя, этого никто не знал. В Килворте было сравнительно безопасно, но мистер Баптинг каждый день ездил в Сити, где можно было ожидать чего угодно.

Мистер Бантинг так долго ждал, когда же наконец пресловутый блэкбери, что в конце концов успокоился и решил, что это еще одна пустая угроза. Но наступило утро, когда, выглянув в поезде в окно, он громко вскрикнул, а все пассажиры повскакали с мест и бросились к окнам. Там, совсем рядом с полотном железной дороги, среди знакомого пагубождения лондонских крыш, зияла пустота; оголенные, вывороченные балки торчали в небо, стены обвалились, и среди груды кирпича и обломков дерева пассажиры увидели жалкие остатки того, что еще вчера было человеческим жилищем. Убранство комнат, уголки квартир, обычно скрытые от посторонних глаз, — все это было беспощадно обнажено. Над развалинами поднимался легкий дымок пожарниц, а дальше, на горизонте, небо завлакивали густые клубы дыма, причины которого не было видно. Поезд носся вперед, и эта картина олу-стошения быстро, как на экране, промелькнула перед их взором, но до конца пути мистер Бантинг не отходил от окна, с тревогой всматриваясь в даль. Но он нигде не заметил других разрушений, ни вдоль железнодорожного полотна, ни дальше, там, где башни и шпалы и фабричные трубы возвышались над морем крыш, простиравшихся до самого горизонта. Несколько успокоенный необъятными размерами Лондона, мистер Бантинг вышел из вагона с более легким сердцем.

Подойдя к торговому дому Брокли, он увидел, что в верхнем этаже разбито окно. «Вряд ли от бомбежки, должно быть, случайное совпадение», — подумал он. В начале улицы он заметил разбитую витрину и осколки стекла, уже сметенные в водосточный желоб, но вокруг магазина Брокли все окна были целы. Разбилось только одно окно, и он задумчиво всматривался в него, решив, наконец, что это окно стекольного отдела. Он обратился с расспросами к швейцару.

— Да, да, мистер Бантинг. Лопнуло сегодня ночью во время налета.

— Удивительная вещь! — заметил мистер Бантинг, изумляясь странному поведению бомб, которые разбивают дальние окна, не трогая тех, что поблизости. Действие

взрывной волны, должно быть. Он пошел прямо к Кордеру — поделиться новостями. В магазине Брокли окно разбито во время бомбежки!

— Окно! — насмешливо повторил Кордер. — Я прятался от бомб всю ночь напролет. В нашем конце города их сбросили целую тонну.

— Не может быть! — воскликнул мистер Бантинг, зная склонность Кордера к преувеличению. — Неужели, правда, тонну?

— Грохот войны всю ночь стоял в моих ушах. Но уподобился ли я тигру? Нет, Джордж, — кроту, кроту. Я зарылся в землю.

— Скверная штука эти взрывы, — заметил мистер Бантинг. «Нужно беречь уши, — подумал он, — пойти с собой затычки».

— Убило кого-нибудь?

Кордер кивнул. — Педаром их зовут гуинами.

Чувства, переполнявшие мистера Бантинга, когда он ехал в поезде, вырвались наружу.

— Мы должны дать им сдачи, Джо.

— Правильно, и помешать этим тварям врываться к нам. Мы должны бросить на них тучи истребителей. Схватиться с ними в голубом просторе.

— Да, да, — сказал мистер Бантинг и вспомнил, как он, бывало, стоял на пороге кухни, глядя на усыпанное звездами небо или на свинцовые тучи надвигающейся грозы, и думал о том, как жестоко посылать юношей, одних, в эту запутанную луной неизвестность. Но он сказал: — Правильно, Джо, мы должны это сделать. Другого пути нет.

Внезапно его охватил гнев, и он воскликнул: — Я бы уничтожил всю эту проклятую немецкую породу. Только я знаю, что устраивать войны и переворачивать все вверх дном. Сволочи!

— Верно! Верно! Мы все так думаем, — сказал Кордер тем успокаивающим тоном, к которому сам мистер Бантинг прибегал бесчисленное количество раз в разговорах с бесчисленным количеством людей с тех пор, как началась война. Певом и возмущением не поможешь. Нужно одно — держать себя в руках, не терять головы и делать свое дело.

Слушая рассказ Кордера о его почных похождениях, мистер Бантинг думал о том, что будет делать он, если попадет под бомбежку и вокруг него будут пасть мертвые и раненые, и дети звать на помощь из-под обломков. Однажды он видел автомобильную катастрофу: завернув за угол в своем «конкэе», он чуть не наехал на толпу, теснившуюся вокруг перевернутого автомобиля, возле которого стоял полицейский. На дороге виднелись длинные глубокие выбоины, и там, где они кончались, лежал сплюснутый велосипед, а рядом с ним на траве сидела женщина и плакала. Объезжая толпу, он увидел на обочине фигуру человека, лежащего на спине; лицо его было закрыто шляпой, ноги — они-то прежде всего и бросились в глаза мистеру Бантингу — вытянуты на дорогу. Человек лежал так неподвижно, что у мистера Бантинга волосы зашевелились на голове и по телу пробежала дрожь, от которой руль ходунгом заходил у него в руках. Он потом несколько дней не мог оправиться от потрясения. Но это были сущие пустяки по сравнению с воздушными налетами.

В районе Степня были сотни жертв; трупы забрасывало даже на церковные крыши. Мистеру Бантингу пришлось услышать много страшного. И наряду с этим ему рассказали поразительные вещи о поведении жителей этого района. На утро население Степня отнюдь не проявляло страха; настроение было гневное, вызывающее, даже бодрое — все что угодно, только не паническое. Эти люди, должно быть, из другого теста, чем он, думал мистер Бантинг; его поражало, что кто-нибудь может это выдержать.

— Ну ладно, — пробормотал он, отгоняя эти мысли и направляясь к своему закутку. Сколько ни думай, делу не поможешь, а работа не ждет. Истинное счастье — со всех точек зрения, — что дела фирмы поправляются. Чем меньше людей в отделе, тем легче находить для них работу. Нет худа без добра; вот так и надо смотреть на вещи — уметь во всем находить положительную сторону. Дома над ним смеялись, когда он преподносил им эти крупяны житейской мудрости, и спрашивали, не в отрывном ли календаре он их вычитал. В обычное время эти слова могут казаться

пустыми и избитыми, но только не сейчас, когда так тяжело. Не раз случалось ему, совсем было упав духом, находить утешение и поддержку в какой-нибудь прописной истине. В этом его преимущество перед «высокодобытymi».

Он устремлял внимание на пачку писем, полученных из главной конторы, и сразу же обрел новое подтверждение той истины, что без худа нет добра. Уоткинскию печи, заказанные много месяцев назад и с тех пор беспрестанно напоминавшие о себе потоком писем, получаемых от Мак-Колла из Эджина, наконец, были отправлены. Правда, только восемь, а не двенадцать (зачем Мак-Коллу понадобилось целых двенадцать штук, мистер Бантинг никак не мог себе представить, разве только, чтобы отопить весь Эджин); но восемь он получит все сразу в награду за свою настойчивость. Вот и работа для Терпера; надо полагать, он сумеет сосчитать до восьми, подумал мистер Бантинг, выходя в отдел, чтобы распорядиться.

Сегодня с утра в отделе царило необычное оживление. До мистера Бантинга донесли слова: — Слышал ли я? Осколки просветили у меня над самым ухом. Я был в каких-нибудь сорока шагах...

— Ну, довольно, довольно, — прервал разговор мистер Бантинг, хотя и сам был не прочь послушать. — Забудьте о немцах и займитесь делом. — Он сказал это строгим тоном, давая понять, что воздушные полеты просто случайность, о которой и говорить не стоит.

В это утро было довольно много заказов и непрерывный поток покупателей. В последнее время торговля шла почти нормально, и мистер Бантинг надеялся, что бликкриг ей не помешает. Удивительно, как иногда спрос возрастает, даже в такое время, как сейчас. Война войной, а люди все равно покупают вещи, если у них есть деньги. Не дальше как сегодня он продал набор металлических прутьев для лестничного ковра одной жепщине из той части города, где была бомбежка. Глушей нельзя было придумать покупки, и с минуту он смотрел на женщину в полном недоумении. Но он исполнил ее прихоть не без некоторого восхищения перед такой твердостью духа.

В перерыв он с Кордером взобрался на крышу магазина посмотреть на Сити. Кое-где еще подымался дым, но в остальном ничего не изменилось. Движение на улицах, толпы пешеходов — все было, как всегда. Гиганту был нанесен удар — сильный, но не настолько, чтобы он на нем сказался. Дальше к северу было большое зарево; по мнению Кордера, пожар был в стороне Моссли, по мистеру Баттингу мерещилось, что горит где-то возле Бардольфстрин, рядом с Джули и заводом, изготавливающим бомбы.

«Бомбы, вероятно, взрываются и при медленном нагревании, — думал он, — или даже от одной искры». Он слышал, что иногда бомбы взрываются через несколько часов после того, как бомбардировщик сбит.

— Теперь всем грозит опасность, Джо.

— Да, и помни мое слово, Джордж: это только цвсточки, прелюдия к драматическому действию. «Совершенно излишний пессимизм», — подумал мистер Баттинг.

Вернувшись в отдел, он подошел к одному из прилавчиков, укладывавшему оставшийся от продажи товар, и его взгляд упал на дешевые отвертки, остатки вентноровских изысканий в области новых методов торговли. «Made in Germany» — было выгравировано на стали. «Сталь!» — подумал он презрительно, взяв в руки отвертку и проводя ногтем по острю. Какой-то немец сработал эту штуку, потом пошел домой, надел коричневую рубашку, кричал: «Хайль Гитлер!» — и предавался своим дурацким мечтам о мировом господстве. А может быть, какой-нибудь порядочный немец. Мистер Баттинг некоторое время раздумывал о порядочном немце, но весьма недолго и без особой уверенности. Их сталь, их порядочность — все это подделка. Эзрац.

— Уберите это куда-нибудь подальше. Свяжите веревкой и сушите на верхнюю полку.

Такой вот товар очень любят всякие темные личности вроде Вентнора и воображают, что на нем может держаться торговля. Мистер Баттинг ничуть бы не удивился, если бы Вентнор оказался из «пятой колонны», это ласквозь испорченный человек. Единственным

воспоминанием о нем была паднись: «Отдел продажи», красовавшаяся у самого входа. Словно человек, войдя в магазин и увидев прилавки и полки с товарами, сам не сообразит, что здесь производится продажа. Была еще одна вентноровская паднись, которая всегда поражала мистера Бантинга своим исключительным индивидуизмом; он немедленно убрал ее, как только занял место Холройда, и выбросил в корзину с утилем. Эта дощечка с паднисью лезла в глаза покупателю, когда он выходил из магазина, и вопрошала, не забыл ли он чего-нибудь. Ну, что может быть глупее? Уж если человек что-нибудь забыл, так, значит, забыл; нечего и приставать к нему, думал мистер Бантинг.

Воспоминания о былых схватках с Вентнором пронеслись в его уме, пока он путешествовал от прилавка к прилавку, держа в руке дощечку, к которой бюлкнул был приколот список заказов. Время от времени он делал запись и проводил под каждой жирную черту. В глубине его сознания, как основная тема в музыкальном произведении, настойчиво повторялась мысль, что Вентнор исчез, а Джордж Бантинг остался. Основа космоса — моральное начало. Добродетель торжествует. Да, в жизни не все плохо, а самое лучшее то, что настоящий добротный материал в конце концов всегда возьмет свое. Качество режет все. Долото из дорогой шведской стали не залеживается на полке, покрываясь ржавчиной, оно остается добротным и надежным при любых обстоятельствах; оно придает уверенность руке мастера. Немецкая отвертка была для мистера Бантинга красноречивым доказательством; «заграничное» в его устах всегда было синонимом фальши.

Он был в прекрасном расположении духа, и даже желудок работал исправно; сегодня часы текли незаметно. Он всегда выговаривал своим молодым приказчикам, если видел, что они поглядывают на часы, и среди служащих существовало поверие, что в магазине Брокля ни один приказчик, который любит смотреть на часы, не становится заведующим отделом. Но, будучи сам заведующим, мистер Бантинг мог видеть часы сквозь щелку из своего закутка, куда он в настоящий момент и удалился, чтобы заняться разбором бумаг.

Холройд перевернул очень много бумаг мистера Бантинга, видимо, собравшись их сжечь, но, должно быть, постеснялся это сделать. Мастер Бантинг извлек из нижнего ящика несколько тетрадей своих старых дневников и перелистал их. В течение многих лет он прилежно вел дневник. Он не помнил, чтобы когда-нибудь перечитывал его потом, — главное удовольствие заключалось в самом процессе записей. А вот сейчас можно установить, что 1 мая 1920 года он посеял двухпенсовый пакетик салата, а 14 мая шел дождь и он забыл зонтик. Так, торжественно освежая в памяти все эти житейские мелочи, он перелистывал поблекшие странички, чтобы скоротать время и снова вдохнуть воздух тех дней, когда он был еще сравнительно молод. Больше всего интересовали мистера Бантинга записи, относящиеся к детям; одна запись, сделанная в 1923 году, особенно его растрогала, и он долго с волнением глядел на нее, перепоясая мысленно в те далекие времена.

«Купил Крису деревянную лошадку, 4 шил. 11 пенс.».

— Да, — пробормотал он и, вытащив из кармана платок, потер кончик носа. Ему пришла в голову мысль, не отнести ли дневник домой к Мэри. Крис был тогда совсем мальчиш, и мистер Бантинг видел мальчика перед собой, как живого. Деревянную лошадку! Теперь у него самолет!

— Телеграмма! — пискнул мальчишка-рассыльный, без стука входя прямо в закуток и, как всегда, тараща глаза с очень нахальным, по мнению мистера Бантинга, видом. Он уничтожающе посмотрел на мальчишку; он никогда не мог понять, была ли эта вечная улыбка природным недостатком или проявлением непочтительности.

— Так я и думал, — пробормотал он, читая телеграмму. Мак-Колл из Эдджина желал знать, когда, наконец, получит он свои печи и получит ли вообще. В эту минуту Терпер как раз упаковывал несчастные печи. Конечно, Мак-Колл из Эдджина не мог этого знать, но все же, по мнению мистера Бантинга, тон его телеграммы был слишком уж безапелляционен, далеко выходя за рамки неизбежной безапелляционности телеграфного стиля.

— Мистер Бикертон сказал, чтобы вы послали телеграмму, когда огоравите печи; только я не могу ее отнести, я сейчас занят, снимаю копии с писем.

Мистер Бантинг кивнул, не удостоив этого юнца чести слышать его голос, и большим пальцем указал ему на дверь.

Послушав карандаш, он принялся составлять ответ Мак-Коллу. Ему хотелось умиловить заказчика и вместе с тем слегка виравить ему мозги, но единственной телеграммой, которая удовлетворительно выполняла обе задачи и в то же время не была лишена всякого смысла, обошлась бы фирме Брокли по меньшей мере в три шиллинга. Так как привычка мистера Бантинга к экономии заставляла его так же ревниво относиться к служебным расходам, как к своим собственным, он составлял все новые и новые варианты, и каждый новый вариант правился ему еще меньше, чем предыдущий. Все же он продолжал делать замены и сокращения, чем дальше, тем все больше изумляясь, что такое простое дело оказалось столь трудным. Он был всецело поглощен этим занятием, как вдруг страшный грохот прокатился по всему зданию Брокли от подвала до чердака. Стол задрожал, табурет под мистером Бантингом заходил ходуном, и перегородка затрепетала, словно бумажная. Когда грохот затих, он услышал вой сирены и почти в ту же секунду еще два взрыва, которые потрясли здание с такой силой, что пол закачался у него под ногами.

Испуганный, он выскочил из-за перегородки и, озираясь по сторонам, устремился к подвалу. Все спешило туда же. Он слышал дробный стук каблучков по деревянной лестнице вверх и глухой топот шагов по каменных ступеньках подвала. Мистера Бантинга и самого подмывало пуститься бегом, но он удержался. Бомбы уже упали, значит, спешить нечего, это он понимал, тем не менее он совсем запыхался, когда добрался до подвала.

Тяжело опустившись на ящик, он поглядел на потолок. Конечно, в подвале безопасней, но тоже не совсем. Пряя прямом попадании здесь еще хуже. Завалит целой тонной обломков. Мистеру Бантингу было не по себе,

и он посмотрел на своих товарищей, стараясь скрыть страх.

— А сейчас что это за грохот, Джэ?

— Пушки — зенитная артиллерия. Над городом много самолетов. И наши, должно быть, тоже.

— Это хорошо! — одобрил он и подумал о Крисе. Ведь его отряд — один из тех, что защищают Лондон; очень возможно, что он сейчас там, наверху, в смертельной схватке с врагом, — своей первой схватке, быть может. Ничего ведь толком не знаешь; от этих мальчишек ничего не добьешься, они взяли себе за правило ни о чем не рассказывать.

Он мысленно подбадривал Криса, с гордостью перебирая в уме все его достоинства. У Криса есть голова на плечах, и выдержка есть, и присутствие духа. Если он сейчас там наверху, — мистер Бантинг отчетливо представлял его себе, улыбающегося, с нахмуренными бровями, целиком поглощенного своей трудной задачей. Крис всякое дело умеет доводить до конца, он будет терпеливо, настойчиво подкрадываться к намеченной им жертве и потом ринется на нее в подходящую минуту. Из-за облака, скорее всего, подумал мистер Бантинг. Как снес на голову.

— Хорошо! — повторил он, чувствуя, как бьется у него сердце. — Напи, я думаю, собьют их. Собьют их всех к чорту! Ого! Старый моряк и его супруга!

Мистер и миссис Бикертон спускались по лестнице так спокойно, как будто бомбардировщики уже улетели и опасность миновала. Директор исторично обвел всех присутствующих взглядом холодных голубых глаз и спросил.

— Господа заведующие отделами, все ваши служащие здесь?

Услышав со всех сторон успокоительные заверения, он сложил руки за спиной и остановился несколько поодаль с таким видом, словно пребывание в подвале хоть и роняло его достоинство, но отнюдь не могло заставить его позабыть о нем. Миссис Бикертон сидела на стуле, скрестив маленькие ножки на каменном полу, сложив на коленях затынутые в перчатки руки. Она все еще была хороша собой; даже когда губы не

улыбались, в глазах ее мелькала тень улыбки, словно все люди, с которыми она встречалась, были ей приятны. Так же, как ее супруг, она умела сохранить спокойствие и держалась очень непринужденно.

Минуты тянулись медленно, в напряженном молчании.

— Скоро будет отбой, — сказал кто-то; его голос нарушил тишину, до сих пор прерывавшуюся только проезжавшими машинами и плеском капель, падавших с краев. Мистер Байринг, успокоившись, не без скептической оглядки вокруг. Он почти два года проработал в этом подвале, и тогда он казался ему таким привычным, даже уютным. Сейчас это было тускло освещенное мрачное помещение с наутюженной по углам, заваленное как поцано товаром. Никакого порядка, подумал он. Его излюбленный уголок, где он делал свои записи и предавался запретному чаепитию, показался ему довольно грязным и еще на самом сквозняке — какое же сравнение с его закутком наверху. Просто удивительно, как он это выдержал! Два года! Как время летит! Внезапно послышалось близкое *crescendo* бомбы, затем мгновенное полной тишины и оглушительный взрыв. В подвале все зашевелилось, и кто-то пробормотал: — Где-то близко. — Вдруг мистер Бикертон быстро нагнулся к жене, которая, закрыв лицо руками, покачнулась и чуть не упала со стула. Он заботливо поддержал ее и приподнял ей голову.

— Ей, кажется, душно. Пельзя ли воды?

Тернер, сидевший рядом с раковиной, секунду колебался, затем встал, пошатываясь, и подставил старую чашку мистера Бантинга под кран. Но рука у него дрожала, и чашка колотилась о край с таким звуком, словно кто-то в лихорадке стучал зубами. От залпа зеленых орудий задребезжало окно.

— Чем это пахнет? Газ! — в панике закрыл Тернер, втягивая голову в плечи. По подвалу пробежал несдобрительный ропот, чувство гнева охватило всех вместе с тем чувством неуверенности. Тогда мистер Байринг поднялся со своего ящика.

— Это порох, эх вы... — Он с трудом подавил желание выругаться. — Сядьте, — приказал он строго и взял у Тернера из рук чашку. Внешне спокойно, хотя

сердце у него бешено билось, он открыл кран. Он решил, что рука его не будет дрожать, и она не дрожала. Он нацелил воды в чашку, направив на выполнение этой задачи все свои мысли и всю свою волю. Но, бросив взгляд в окно, увидел, как склад напротив распался на части у него на глазах. Передняя стена вся целиком взлетела на воздух и рассыпалась на кусочки, как игрушечный домик. Поднялось огромное облако дыма и пыли, сквозь которое мистер Бантинг увидел обломки, падавшие удивительно медленно и плавно. И, как бы откликаясь на этот взрыв, все здание Брокли дрогнуло и покачнулось словно под напором яростного ветра. Мистер Бантинг ждал, что окно сейчас разлетится и осколки засыплют ему лицо.

Но он все-таки добрался до миссис Бикертон с чашкой воды. Она уже приходила в себя. Он предупредительно повернул чашку, чтобы ей удобно было взяться за ручку.

— Простите, блюдечко разбили, — пояснил он.

Она отпила воды, поблагодарила его слабой улыбкой.

— Вот и хорошо, — сказал он почти отеческим тоном. — Совсем молодцом!

— Благодарю вас, — сказал Старый моряк, и в его голосе прозвучали знакомые мистеру Бантингу теплые нотки. Он взял пустую чашку из рук жены и, поглядев по сторонам, поставил ее на соседний ящик.

Тишина снова водворилась в подвале, и мистер Бикертон опять принял свою излюбленную позу — руки за спиной, глаза задумчиво устремлены в потолок; казалось, он прикидывал, выдержат ли балки. Снова послышался глухой удар, и куски штукатурки, как хлопья снега, посыпались с потолка, но это был отдаленный взрыв, и скоро пальба зениток прекратилась и гудение моторов затихло.

— 1-й и 2-й убийцы уходят за сцену, — пробормотал Кордер.

Но все продолжали сидеть, ежась от сырости подвала, беспокойно поглядывая на потолок и не зная, на что решиться, оставаться ли здесь или идти наверх. Но они так и не тронулись с места, пока, наконец, не прозвучал отбой, дерзкий и торжествующий, как звук рога, призывающий тех, кто остался в живых.

Все гурьбой поднялись наверх. Мистер Бэнтинг снова уселся за свой письменный стол, прочел телеграмму Мак-Коллу и нашел ее никуда не годной. Он отправился к Кордеру.

— Состряпай-ка это для меня, Джек. Голова сегодня не работает.

Двумя-тремя рсчерками своего зеленого вечного пера Кордер мгновенно обкорнал громоздкие фразы, и мистер Бэнтинг с неприятным восхищением прочитал то, что осталось в результате этой операции, ибо слово, как бы оно ни было длинно, все-таки по правилам почтово-телеграфного ведомства идет за одно слово и не может стоять больше одного пенни.

Он пошел посмотреть, как у Тернера идет дело с уналовкой, и нашел его в полном расстройстве и растерянности.

— Мне никак не отправить их сегодня, сэр.

У мистера Бэнтинга даже все мускулы напряглись при виде этого безнадёжного создания.

— Это почему?

— Посмотрите, сколько времени. Мы больше часа сидели в убежище.

— Печи будут отправлены сегодня, — возразил мистер Бэнтинг, призвав на помощь всю свою выдержку. — Я не уйду из магазина, и вы не уйдете, пока это не будет сделано. Восемь печей и все, что к ним полагается.

Он залагал дальше, вынятив нижнюю губу. Подумать только, — задержать отправку по милости проклятых гуннов. — Чорта с два! — пробормотал он.

Поздно вечером он отправил телеграмму, подкрепился чашкой крепкого чая у Мак-Эндрю и залагал по запыленным осколками стекла тротуарам кружным путем, мимо оцепленных улиц, торопясь на последний поезд.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Это были дни, когда мистер Бэнтинг каждое утро, подезжая к городу, высовывался из окна вагона и глядел на иссеченное лицо старого Лондона. Он знал его не хуже, чем свое собственное. Каждый коттедж и каж-

дый палисадник вдоль покотня, каждый склад и каждую фабрику, — он знал их все до мельчайших подробностей, до печных труб и садовых оград и занавесок на окнах. День за днем он пристально всматривался в знакомые здания и в общий облик города Лондона. В всякий раз, когда он замечал, что самые благородные здания еще стоят невредимо, у него легче становилось на душе, ибо для него не было на земле ничего равного Лондону. Он по променял бы на одной из его потемневших от копоти ист-эндских церковок на самые величественные храмы континента. В Лондоне было множество, различных зданий, которыми он гордился. Но он знал, что видит их сейчас, как уцелевших бойцов во время затишья между двумя битвами, и он смотрел на них с нежностью, ибо завтра их могло уже не быть.

Он глядел в ту сторону, где поднимались столбы дыма, стараясь угадать, что там подверглось разрушению: неповторимый исторический памятник или мирный жилой дом. Эти невзрачные домишки не могли назваться образцовыми жилищами, но они сохраняли свой особый колорит, свою прелесть, которой лишены новые стандартные поселки. Это был его Лондон, Лондон его детских лет. И, глядя на груды обломков, он думал о живших здесь семьях и об ужасах, перенесенных ими в эту ночь.

И все же Лондон был огромен, настолько огромен, что его нельзя было разрушить; в сущности, он почти не изменился — это был выносливый город.

Но когда, выйдя из посада, он шел по направлению к магазину Брокли, он видел все с близкого расстояния, чувствовал жар догорающих пожарниц и вздрагивал, заметив, что какое-нибудь знакомое здание исчезло навеки. Он шел по обломкам, спотыкаясь о пожарные шланги, обходя края воронок, пробираясь сквозь толпу перепачканных сажей и кровью пожарных, шел к месту своей работы, занятый своими мыслями. Встречались ему на его пути и страшные картины, — он скорее угадывал их, чем видел, — куски брезента, покрывающие то, что было когда-то человеком. Однажды он заметил женский докол, выбившийся из-под грубого савана и весело развевавшийся по ветру. Он закурил губу и отвернулся.

Сбылись все предсказания, которые они слышали в течение многих лет, все предсказания, которым никто не верил; страшный кошмар стал явью. И сквозь этот кошмар шел мистер Бантинг заниматься продажей железо-скобяных изделий, один из миллионов маленьких людей, которых Гитлер не сумел понять шел, накапливая в себе мужественный, упорный гнев и решимость человека, который видит перед собой день грядущего возмездия. Скорбь и жалость питали это медленно разгоравшееся в нем пламя, и для выражения того, что назревало в нем, мистер Бантинг не находил слов.

Эго жева и Эрнест окружали его особыми заботами в эти дни. Миссис Бантинг была бы рада, если бы он ушел с работы и оставался дома, но не решалась предложить ему то, о чем он сам, повидимому, и не помышлял. Так же и он не предлагал Джули попросить работу в Килворте, где было не так опасно, хотя всякий раз, когда он слышал завывание сирены, его первая мысль была о Джули, о соседстве военного завода. Она приходила домой немного бледная, и беспокойная, но на вопрос, была ли бомбежка на Бардольфсгрин, отвечала только, что косоглазые напискские летчики не способны попасть туда, куда они метят. Не понимает, глупая, что именно поэтому ей грозит опасность, подумал мистер Бантинг.

Ее бледность беспокоила его; он беспрестанно уговаривал ее пить мясной экстракт и вообще пытаться по-основательней, а не сидеть на этой нелепой вегетарианской пище. — Организм должен получать протеины, — настаивал он, — это очень важно. Вещества, необходимые для жизни. — Он твердил об этом до тех пор, пока Джули с неожиданной страстностью не обрушилась на него:

— Оставь меня в покое, папа. Я совершенно здорова. Не мешай мне есть то, что я хочу.

Он был просто огорошен. Точь-в-точь как Эрнест, подумал он. Уж если заберет себе что-нибудь в голову, тут никакие советы, никакие разумные доводы не помогут, будет стоять на своем, несмотря ни на что, пока не уложит себя в гроб. Это у них наследственное со стороны матери — редкостное упрямство. Мистер Бантинг даже рассердился.

Однако не к чему ее оторвать, она, в сущности, еще почти девочка, а девочки требуют к себе больше внимания, чем мальчики, эти ночные тревоги плохо действуют на их нервы.

Немцы, словно им мало было нарушать покой мистера Бантинга днем, начали беспокоить его и по ночам. Частенько теперь его будило восклицание миссис Бантинг: «Тревога!» Он садился на постель и прислушивался к вою сирены, слабому и приглушенному, словно она находилась где-то далеко, а не в полумиле от их дома. По его мнению, она звучала недостаточно громко, — разве это может разбудить спящего здоровым сном человека? Вот опять пример бюрократизма со стороны правительства: ползают на чиновников, вместо того чтобы призвать на помощь действительно дельного человека. А в результате Мэри бонсея глаза сомкнуть, чтобы не прозевать тревогу. Засыпав вой сирены, они все втроем спускались вниз и либо раздували тлеющие в камине угли, либо садились вокруг приобретенного у Брокли «Рэдиопта». Мистер Бантинг уже давно решил не уходить в шель, пока не начнется настоящая бомбежка, но на всякий случай провел по газону белые полосы и врыл белые столбы у входа в убежище. Первое время они все держали наготове: карманные фонарики и противогазы на столе, пальто и шарфы под рукой и даже кухонную дверь оставляли открытой. Но мало-помалу они бросили все это. Миссис Бантинг дремала на диване. Джули частенько засыпала на стуле, положив голову на колени отца. Только один мистер Бантинг бодрствовал из чувства долга, прислушиваясь к гудению самолетов, настороженно выпрямляясь, когда они пролетали так близко, что Джули открывала глаза и сонно бормотала:

— Он уже сбросил свои бомбы, паночка? Сбросил бомбы? — И в ответ на эту тарабарщину (надо полагать отголоски бюро снабжения на Бардольфсгрин) он шептал, уснокаявая ее: — Они далеко, детка. Сня, сня! — Один раз непосредственно вслед за этими словами послышалось жужжание и резкий металлический стук по крыше гаража. И тут же миссис Бантинг села на диване и сказала укоризненно:

— Вот так далеко!

— Да, это всего-навсего осколок эх-эк.

— Кто его знает! Мне кажется, ты не очень-то хорошо в этом разбираешься.

— Прекрасно разбираюсь, — возразил он сердито. — Спн, пожалуйста. Велика важность — осколок!

Глядя на часы в томительные промежутки молчания и с сожалением провожая каждую невозвратно потерянную минуту, мистер Бантинг научился ценить сон. В нормальное время ложисься спать по заведенной привычке, чтобы как-то убить время до утра, но теперь, когда ночь за ночью он, зевая, сидел на стуле, сонный, с воспаленными глазами, сон казался ему райским блаженством и недоступной роскошью. Как хотелось ему притянуться где нопало и знать, знать наверное, что его не разбудит тревога и дом не обрушится ему на голову. Даже само слово «сон» звучало как-то поэтично и убаюкивающе. Он бальзам полночный проливает в душу, как сказал поэт.

Чашечку, которым завершались эти блесны, он по-свистля бутылочку «Шрипта Чарли», подливая по чайной ложке в каждую чашку, и разносил их на подносе по спальням. С будильником была такая же история, как с сиренами, — его слышала только миссис Бантинг и поднимала своего супруга. Сонно мигая, он таращил глаза на циферблат до тех пор, пока тот от смущения не начинал распыляться, и все же мистер Бантинг никак не мог поверить, что уже наступил новый день.

Но одно обстоятельство заставило мистера Бантинга позабыть даже о бликкриге: приближался второй отпуск Криса. Готовясь к этому событию, миссис Бантинг «прешлась» с тряпкой по спальне Криса и, начав с этого, затеяла генеральную уборку, поемпогу расширяя свои операции, в результате чего по всему дому скоро распространился запах мебелиной политуры. Из всех запахов на свете мистер Бантинг больше всего ненавидел запах мебелиной политуры. Когда этот запах начал носиться в воздухе, он уже знал наверняка, что на какой бы стул он ни сел, тотчас окажется, что именно этот стул надо чистить. Всю эту процедуру он считал нелепым обрядом, особенно бессмысленным в военные время. Какой, спрашивается, толк в генераль-

ной уборке, если дом каждую минуту могут разбомбить? Крису, говорил он, совсем не нужно, чтобы его комнату убирали, он даже и не заметит, что ее убрали. Он может, конечно, заподозрить, что здесь кто-то хозяйничал, если его вещи распахивают по разным углам, в то время как он предпочитает иметь их под рукой. Это было гласом вопиющего в пустыне. Миссис Бантинг не обращала никакого внимания на его протесты и, все время глядя куда-то мимо него, продолжала интересоваться только неодушевленными предметами, временно напустив на себя глухоту и упорно преследуя свои цели.

Но, наконец, вопреки воле мистера Бантинга и фюрера, уборка была закончена, и дни ожидания пришли к концу. Когда в день приезда Криса — по счастливой случайности он пришлось на субботу — поезд подошел к Килворту, все помыслы мистера Бантинга были только о том, чтобы скорей попасть домой. Он решил даже в виде исключения сесть в автобус, но, выйдя со станции, увидел Берта Ролло.

— А я тут с машиной, мистер Бантинг, и подумал, что раз Крис дома, я вас кстати подвезу, — объяснил он.

Получив это предложение, мистер Бантинг влез в «кортон-дэвид», который немедленно рванулся вперед под звучный рев своей двухрогой сирены, предупреждавший менее величественные экипажи, что им следует поостеропиться, ибо едет сам командир танковых войск Берт Ролло.

Берт сообщил, что до сих пор откладывал свой отпуск, чтобы взять его одновременно с Крисом. Речь его не так легко было уразуметь человеку, не знакомому с жаргоном кинофильмов, но мистер Бантинг понял, что командир устроил ему это дело. Этот командир — довольно несговорчивый тип, постоянный кремень. Все же он парень что надо, и Берт от него в восторге. В его словах содержался также намек на то, что этот восторг был обоюдным, даже, как понял мистер Бантинг, очень пылким со стороны самого командира, который и сварганил для Берта командировку с большой радостью и с большим количеством

«О'кэй», прозвнесших с той и с другой стороны за столом в канцелярии батальона.

— Видели ли вы «Килвортскую газету», мистер Бантинг?

— Нет. Дома прочитаю. А что?

— Нет, просто так, — загадочно ответил Берт и откинулся на сидении, управляя машиной небрежным прикосновением двух пальцев. Сразу было видно, что даже «Кортон-дэвид» всего лишь игрушка для человека, который привык водить танки. Он ускорял ход, тормозил, разворачивался, проносился стрелой по самым загроможденным улицам — и все это с таким видом, что для него это не трудней, чем идти пятку в иголку. Мистер Бантинг вынужден был поставить свой чемоданчик на колени и слегка подпереть им живот, чувствуя, что при такой езде подпорка спереди столь же необходима, как сзади спинка сиденья.

— Получил новый танк? — спросил он с оттенком иронии.

— Получил, новейшую модель. Тепленький, прямо с завода. А хорошо он ходит, как вы думаете?

На этот свой чисто риторический вопрос он не нашел пужным ответить, но, как видно, воспоминание об исключительной способности его танка к передвижению задело в нем какую-то струну, ибо он еще яростней пикал на акселератор.

— Легче, легче! — закричал мистер Бантинг, бросая на него свирепый взгляд.

— О'кэй, вот мы и дома. — «Кортон-дэвид» подкатил к воротам коттеджа «Золотой дождь» так мягко и бесшумно, словно перышко опустилось на землю.

«Слава тебе, господи», — подумал мистер Бантинг и, с шумом ворвавшись в переднюю, закричал: — Где Крис?

— Хелло, папочка! Крис ушел с Мопикой к Ролло.

— Ушел! — лицо у него сразу вытянулось, и, потрясенный внезапным разочарованием, он машинально поставил свой чемоданчик на первый попавшийся стул.

— Миссис Ролло приглашает их обедать, а потом Мопика придет к нам пить чай.

— Так! — Очень деликатно со стороны миссис Ролло, — решил он.

— Я могу отвезти вас, мистер Бантинг. Еды хватит на всех. Поехали?

— Нет, нет, спасибо. — Его возмущала даже мысль об этом. Но если Берт знал, где Крис, почему он ничего не сказал, должно быть, просто соображения нехватили. Но в конце концов Крис ведь кончит когда-нибудь с этим визитом и придет домой пить чай и весь оставшийся вечер проведет в своей семье. И то хорошо.

— Может быть, Берт, ты тоже придеешь пить чай? — спросила миссис Бантинг.

— Обязательно приду. Большое спасибо. Я мигом обернусь.

— Страшный молодой человек, — заметил мистер Бантинг, когда Берт ушел. — Какой-то чудак, по моему. — Он никак не мог понять, зачем Мари пригласила его. Крис и Моника навряд ли жаждут постоянного присутствия ее брата. Вот придет Моника, потом еще кто-нибудь придет и с Крисом даже поговорить вволю не удастся.

— Видел ты «Биллортскую газету», папочка? — спросила Джули, протягивая ему газету, сложенную так, чтобы сразу бросалась в глаза фотография. — Берта наградили орденом. Ты заметил у него ленточку?

— Ничего не заметил, — сказал мистер Бантинг, беря в руки газету. — «За отвагу в бою», — прочитал он. — «Капрал Ролло из Билворта». — Это был тот же снимок, что стоял у них на камине.

— Вот оно что! — воскликнул он удивленно. — Берт Ролло!

— Вот видишь, папочка, у него тоже есть кое-какие достоинства.

— Конечно, он храбрый парень. Но что это за глупая манера выражаться: «Вот мы и дома!» Он, кажется, здесь не живет. — Построение мистера Бантинга все еще было омрачено пережитым разочарованием.

Однако ничего больше не оставалось, как дожидаться чая, устроившись, насколько возможно, от связки с приготовленными к нему суматохи. На протяжении всей его семейной жизни каждому посещению гостей предшествовала такая суетня, как будто Мари содержала дом в такой чистоте и порядке, что могла

в любое время принять самое королеву. Но переделать жепу было невозможно, да он и не особенно к этому стремился, за исключением кое-каких мелочей, в которых она проявляла особенное упрямство.

Он вышел в сад и окинул его снисходительным взглядом, обращая внимание не столько на пустые грядки, сколько на те, где что-нибудь произрастало, подобно тому как рыбак смотрит только на рыбные места. Урожай был не такой уж плохой в этом году, не так хорош, как у Оски, но все же впервые в жизни мистеру Бантингу удалось вырастить огурцы. Правда, самый лучший экземпляр был случайно рассечен пополам, когда Джули как-то раз пришла охота промотыжить грядки, но все остальные росли себе понемножку, а это было основное, так что мистер Бантинг обращал внимание в своем огороде. Даже помидоры хотя и не особенно пышно зрели, но во всяком случае росли себе и росли, и он даже заметил на них крохотные зеленые шарики. Уже пора было опципывать лишние побеги; как правило, Оски, порегнувшись через изгородь, производил за него эту операцию, говоря, что ему легче сделать самому, чем объяснять мистеру Бантингу, которые тут лишние.

Мистер Бантинг же перегружал себя работой по саду, делая только то, что казалось ему в данную минуту необходимым. В течение недели, когда у него не было свободного времени, он замечал в саду очень много неотложных дел. Но когда наступала суббота и у него было время ими заняться, оказывалось, что многое вовсе не так уж к спеху. Самым безопасным делом была поливка; она почти никогда не приносила вреда, и сегодня он послушался совета Оски и ограничился одной полтвкой. Когда он вернулся домой, чтобы помыться и переодеться, миссис Бантинг напомнила ему, что не мешало бы также и побриться.

Он круто обернулся к ней: — Это зачем?

— Придет Мошика.

— Я брился утром, — возразил он упрямо. — Хватит и одного раза в день. «Бриться, еще чего недостает!» — подумал он. Но, умывшись, он решил, что можно в кошке копьев пройтись разок бритвой по подбородку.

и как раз в ту минуту, когда он уже приступил к этой операции, он услышал, как Джули бегает из кухни в столовую и обратно, напевая какую-то идиотскую песенку на мотив своего собственного сочинения:

Божественную Монику к чаю мы все ждем!
Божественную Монику к чаю мы все ждем!

вследствие чего он приостановил деликатную процедуру бритья, ибо пользовался стандартной бритвой Брокли, а не так называемыми «безопасными» жезтыками. Он отложил этот инструмент в сторону и принялся намыливать подбородок, потом прошелся по щекам (кстати, раз начал), одновременно прислушиваясь и думая о своих детях: какой только чепухи не несут! Сколько денег выброшено на их образование, а вот вам результат. Теперь Джули поднималась по лестнице, повторяя эти дурацкие, чтобы не сказать хуже, слова и неожиданно присовокнула к ним новую, совсем уже возмутительную строчку.

Божественную Монику к чаю мы все ждем!
И ангелочка Эви!

Это было уж слишком. Мистер Балтинг положил кисточку, распахнул дверь ванной комнаты и закричал:

— Довольно! Чем у тебя голова набита, скажи на милость, — петь такие вещи про Эви! Да и про Монику тоже. Ты меня просто поражаешь!

Губы Джули сложились в гримасу, беззвучно изображающую удивленный свист. — Ой, папка-ворчун сердится? — проверковала она и, подцепив кончиком пальца клочок мыльной пены с его щеки, пересадила ему это украшение на нос, другой клочок на лоб и продолжала разукрашивать его таким образом, постепенно превращая в «очаровательного пятнистого, злющего-презлющего фокстерьера», пока он, осознав, наконец, всю чудовищность подобного обращения, не схватил ее крепко-накрепко за руки и не принудил сдаться.

— Ой, папочка! Если бы ты знал, какой ты смелой! — воскликнула она, корчась от смеха, и убежала к себе в спальню, провожаемая его растерянным взглядом. Сквозь закрытую дверь до него донеслась все та же ме-

лодия и какие-то непонятные слова, прерываемые взрывами смеха.

«Первы. Реакция, должно быть», — подумал он. И нетерпеливым движением стер полотенцем клочки мыльной пены с лица. При первом же прикосновении бритвы он порезался. — О, черт! Черт! — воскликнул он в бешенстве. Но станет он бриться. Он окунул лицо в таз, сердито расплескивая воду, утерся и обследовал в зеркало свой подбородок.

«Пожалуй, лучше все же побриться», — подумал он и начал все сначала, изнемогая от усталости. — Политика! — пробормотал он с невыразимым сарказмом, возвращаясь к первопричине всех домашних зол. — Чушь и чепуха!

Он спустился с лестницы, когда появились Крис и Моника. Он заспешил вниз, споткнувшись на нижней ступеньке, торопясь скорее пожать руку Крису. Но сейчас был неподходящий момент для изъявления чувств. Моника стояла рядом, а в присутствии этой ослепительной красавицы мистер Бантинг чувствовал себя плохо, как ворона перед пчелом. Очень сдержанно, очень мило она поздоровалась с ним, и каждый волосок ее идеально причесанной головки сиял на положенном ему месте, щеки розовели нежным, как заря, румянцем, а глаза чуть заметно потеплели, встретив взгляд мистера Бантинга. Удивительно, какая она вся отделанная, даже ресницы у нее каждая сама по себе и загнуты так аккуратно, что невольно хочется рассмотреть поближе. Но общее впечатление, произведенное ею на мистера Бантинга, было таково, что он сразу потерял живость и стал преувеличенно вежливым и даже чуть-чуть церемонным. Он жалел, что не мог сойтись с Моникой поближе. Она славная девушка и добрая, говорил он себе, как бы одобряя ее за то, что исключительно красивая внешность не являлась для нее в этом отношении непреодолимым препятствием.

К его большому облегчению Джули тепло приветствовала гостью. Начался обмен улыбками и поцелуями и оживленная болтовня на лестнице, когда гостя отправлялась в комнату Джули, чтобы скинуть на кровать пальто и шляпу. Джули в этот вечер тоже приделалась и выглядела очень недурно, и мистер Бантинг с удов-

летворением отметил, что беспокойная его бледность исчезла. Наоборот, сегодня щеки Джули были даже как-то чересчур румяны, особенно до того, как она поднялась с Моникой наверх; когда она спустилась оттуда, румянец у нее стал ровнее и уже не так бросался в глаза.

Когда жужжание их голосов затихло на лестнице, мистер Бантинг получил, наконец, возможность перекинуться словечком с Крисом, но в эту минуту появился Берт. Мистер Бантинг смутно надеялся, что Берт, бог даст, что-нибудь помешает, но нет, он уже был тут как тут, уверенный, как всегда, что весь мир готов принять его с распростертыми объятиями. Снова началась болтовня, на этот раз чисто мужского и даже военного характера: Крис и Ролло разговаривали отрывисто, перекидываясь незаконченными фразами и пересыпая свою речь жаргонными словечками и американизмами, а мистер Бантинг стоял в стороне, — как какой-нибудь статист, — ничего не понимая в их беседе за исключением того, что они, словно по молчаливому уговору, пачисто его игнорируют. Видно, ему так и не удастся спросить Криса: «Ну, сынок, как поживаете?», а Крису и горя мало, он даже ничего не замечает. Не обращая внимания на отца, который ждал его с таким нетерпением, он стоял на коврике перед камном, на этом исконном месте мистера Бантинга, стоял в излюбленной позе отца, покуривая трубку и поглядывая на дверь в ожидании Моник.

Мистер Бантинг отправился на кухню, чтобы предложить свои услуги, но был оттуда немедленно изгнан. Мэри нервничала сегодня из-за скудости масляного пайка. Это затруднение, как видно, послужило причиной того, что пончики сегодня не удались. Мистер Бантинг фыркнул; он еще не помнил такого случая, чтобы пончики удавались, когда в доме были гости, — либо дрожжи нигде не годились, либо печь плохо нагревалась, либо случалось еще какое-нибудь непредвиденное несчастье, заставлявшее миссис Бантинг рассыпаться в извинениях, как только она садилась разбивать чай. Однако он не мог припомнить и такого случая, чтобы пончики, изготовленные миссис Бантинг, не таяли во рту, словно леденцы.

— А черт бы побрал все на свете! — пробормотал он,

чувствуя себя в разладе со всеми домашними. Он избрал из кухни в гостиную и остановился у окна, позвякивая мелочью в кармане. Он может простоять тут целый час, думал он, и никто не заметит его отсутствия. Он так ждал приезда Криса, и вот Крис приехал, а пастроение у мистера Бантинга отвратительное.

Достав из жилетного кармана коробочку, он сунул в рот содовую таблетку и стоял, задумчиво посасывая ее. Сегодня все как-то не клеится: все какие-то упрямые и непослушные, и никто не проявляет к нему ни малейшего внимания.

«Ну, ладно, нечего дуться», — подумал он. Но у него уже пропал вкус ко всему. Оставалось только одно — делать вид, что ничего не случилось. Он побрел обратно в столовую, где его появление осталось столь же незамеченным, как и его уход, и тотчас был встречен просьбой стать к сторонке, ибо Джули вносила поднос. Стол сегодня был раздвинут во всю длину и покрыт туго пахламальной парадной скатертью. Собрались все, не хватало только Эрнеста, дежурившего на санитарном пункте. В военное время трудно собрать всю семью: всегда кто-нибудь дежурит и не может прийти. Все хором высказали сочувствие Эрнесту, который страдает на пункте, вместо того чтобы пить с ними чай. Мистер Бантинг, появившись, немного повеселел, хотя ему все же казалось, что за столом слишком шумно, до того шумно, что у него разболелась голова. И это был именно шум, отнюдь не разговор: вопросы, восклицания, смех без причины, и без всякого удержу, форменный базар, с его точки зрения.

— Ну, вот, раз мы все в сборе, — сказал он, словно призывая собрание к порядку, — я думаю, что мы должны приветствовать Криса и Берта, возвратившихся к нам после боевых схваток с врагом.

— Прекрасно сказано, папочка.

Мистер Бантинг и сам находил, что сказано неплохо. Экспромтом. Он заметно повеселел: жаль, что ему не пришло в голову принасти бутылочку портвейна. Он уже собирался подкрепить свой лебольшой ораторский успех кое-какими займствованиями из речей мистера Черчилля, но тут миссис Бантинг, не догадываясь, что он только

сделал многозначительную паузу, предложила ему разрезать пирог.

Эти слова привлекли его внимание к столу и к пирогу — от Бленкинсона, он готов был поклясться, заметив превосходно пропеченную румяную корочку.

— Кусочек пирога, Берт. Пирог с начинкой из дохлой свиньи.

— Джордж!

— Ну да, а разве не так? Спроси Джули.

Джули метнула на него убийственный взгляд, затем, решив изобразить оскорбленную невинность, холодно и высокомерно подняла брови. Робкие потуги мистера Бантинга на остроумие частенько сводились к тому, что он повторял те шутки, которые запрещал говорить другим.

— Ну, как дела на войне, Крис?

О войне Крис мог сказать очень мало. Если ему задавали вопрос, он отвечал кратко и односложно. Да, он летает на «Спитфайре»; да, восемь пулеметов. Он видел немецкие самолеты. Их «Мессершмитты» очень приличные машины; да, чем выше поднимаешься, тем становится холодней. Он отвечал на эти вопросы, точно выполнял служебную обязанность: лично его гораздо больше интересовало, какие фильмы идут сейчас в килвортских кино.

Потерпев неудачу с Крисом, мистер Бантинг повернулся к Берту, положил ему на тарелку еще кусок пирога рядом с остатками первой гигантской порции и спросил, как назвал он свой новый танк.

— Надеюсь, ты не забыл дать ему какое-нибудь ядовитое название? — спросила Джули. — «Оса», например. Я бы его назвала... да, как же его назвать? — И она прижала пальчик ко лбу. Не достигнув никаких результатов, кроме очаровательной гримасы недоумения, она вышла из положения, замявшись: — Впрочем, ты, я думаю, уже назвал его.

Смущенный вид Берта говорил, что он не забыл еще, какой критике он подвергся, когда окрестил свой первый танк «Нарциссом». Все семейство Бантингов горело желанием узнать, как же назван новый танк, повидимому, считая, что Берт должен дать ему такое имя, которое вполне удовлетворило бы их. Миссис Бантинг пришла ему на помощь.

— Не говори им, Берт. Опять поднимут спор.

— Правильно, — согласился мистер Бантинг. — Что ими... как сказал поэт. — Он хотел припомнить, что сказал поэт дальше, но не смог и снова занялся едой.

— Приятно, что все мы опять вместе. И ты, Эви, с нами. — Он посмотрел в ее зеленовато-карие глаза, темные и блестящие, всегда словно манивши заглянуть в них поглубже. — Жаль, что Эрреста нет. Не придется послушать музыку.

— Мы с Моникой думали пойти сегодня в «Одеон», — слишком торопливо вставил Крис.

У мистера Бантинга сдавило горло, «из чистейшего эгоизма», — сказал он себе поспешно. Но ему так хотелось хоть пять минут побыть с Крисом. Он мечтал об этом со страстным петершенном, что было неразумно, ребячливо, даже просто глупо, — он сам это понимал. У него было какое-то странное чувство, что он еще не познакомился с Крисом, не ощутил его присутствия по-настоящему. А между тем, что могло быть естественней желания Криса провести вечер с Моникой? Она, а по родителю, была для него сейчас на первом плане. Крису, конечно, и в голову не приходило, что его отца обуревают такие глупые чувства.

— Ну, конечно, ступайте развлекайтесь, — сказал он и подумал о Берте. Крис и Моника будут далеко не в восторге, если Берт увяжется за ними; но Берт был лишен такта. Это было его самой ярко выраженной чертой характера, если не считать совершенно чудовищного аппетита. За столом мистер Бантинг, откровенно говоря, все время наблюдал за Бертом — не из-за недостатка гостеприимства, а просто из любопытства, которое естественно возникает у человека при виде всякого из ряда вон выходящего явления.

Он закурил трубку, обычно следовавшую за каждым приемом пищи, и, стоя на коврике перед камином рядом с Бертом, занимавшим около трех четвертей пространства, принялся обдумывать способ, как бы избавиться от него Криса и Моник. Необходим стратегический прием; нужно задержать его здесь, пока Крис и Моника не уйдут. Можно, например, поводить его по саду, так сказать, поводить за нос.

— Я, пожалуй, пойду поговорю с мисс Бантинг.

Мистер Бантинг посмотрел на него в полной растерянности; затем лицо его прояснилось. — То есть с Джули? Она в саду. Скажи ей, чтоб она показала тебе огород. — Он предупредительно распахнул перед ним дверь и легонько подтолкнул его к выходу.

Джули в саду срезала розы, являя собой весьма живописное зрелище. Она всецело была поглощена этим занятием. Она тщательно составляла букет, с большим вкусом подбирая цветы и не гнушаясь иной раз перепрыгнуть через забор и позаимствовать недостающий для полного эффекта цветок с кустов мистера Оски. Берт уже давно определил, что она — художественная натура, и при этом новом доказательстве его охватили робость и боязнь померкнуть занятию, в котором он чувствовал себя профаном. Поэтому он был приятно удивлен, когда, не поднимая головы, она встретила его вопросом.

— Берт, как же ты назвал свой новый танк?

До чего женщины любопытны! Как часто приходилось ему с этим сталкиваться — словно будавку воткнул в тебя в ту минуту, когда ты подходишь к ним с самыми дружескими чувствами.

— Может быть, ты назвал его «Мститель»? Или каким-нибудь хищным зверем или птицей, «Коршун», например, или «Фидин»?

— Ну, брось это.

Она вслапнула на него, прижав букет к груди, — очаровательная поза. — Ну, Берт, скажи мне.

— Видишь ли, вот это как вышло. — начал он, заранее приготовляясь к защите. Однако, обнаружив, что это довольно сложное дело, он махнул рукой и в порыве безрассудной откровенности, выпалил: — Я назвал его «Джули».

Она выпрямилась. — Вот как! Даже не «Чудовище», а просто «Джули»? —

— Послушай! Ты меня не поняла.

— У тебя много знакомых девчушек по имени Джули?

Берт почувствовал, что краснеет, но все же кое-как выдал из себя: — Только ты одна.

— Хм! — произнесла она, положила на ладонь рядышком две розы и с той неожиданной сменой настроения,

которая всегда ставила его в тупик, добавила: — Это очень мило с твоей стороны, Берт. Я польщена. Я удивлена, конечно, но все же я польщена.

— Значит, все в порядке, — сказал он великодушно и, почувствовав под ногами твердую почву, принял более непринужденную позу. Он вытащил трубку, совсем новую, еще пахнущую деревом больше, чем табаком, и раскурил ее. По вспомнив, что курение всегда вызывало в нем желание плестись, сунул ее обратно в карман. Надо бы завести себе такую, как у Криса, с патентованным фильтром в чубуке.

— Может, прокатить тебя в «кортон-дэвиде»?

— С удовольствием. Только не сейчас.

— А когда?

Она пожала плечами. — Как-нибудь в другой раз.

Они пошли по газону, направляясь к воротам. Ему показалось, что его выпроваживают вон. Не очень-то гостеприимно, принимая во внимание то, что он ей сказал, подумал он, если, конечно, она не обиделась. Крис и Моника уже ушли, так что оставаться, в сущности, было незачем. Конечно, можно пойти к Молли Филлип, она «обожала», когда ее катали в «кортон-дэвиде». Она обожала сотни всяких вещей, которые Берт находил довольно разорительными; но правде говоря, он уже давно открыл, что она настоящая маленькая вертлявая пиявка.

Джули подошла к изгороди и облокотилась о нее, устремив взгляд на дорогу. Момент был самый подходящий для интимной беседы. Берт тоже облокотился об изгородь: что-то похожее на близость возникало между ними. Вдруг она оживилась.

— Посмотри, Берт, твой приятель собачник.

Конечно, это был он, в фелке и обмотках, — никаких сомнений. Подмышкой он держал черного, как уголь, щенка; голова у щенка моталась из стороны в сторону, как у фарфорового китайского мандарина, нос с фырканьем обнюхивал прижимающий его докоть, а короткие передние лапы беспомощно болтались в воздухе. Необыкновенно живое, милое создание, с первого взгляда внушающее к себе любовь.

Приятное предчувствие охватило Джули. Она приподнялась на цыпочки и следила, как человек с щенком

внимательно изучает дощечки на всех воротах, решив, повидимому, во что бы то ни стало доставить щенка по назначению.

— И, пожалуй, пойду, — сказал Берт, отодвигая свои сапоги на несколько дюймов в сторону.

— Нет, не уходи. Это шотландский терьер. Я уверена, что это для меня. Видишь, он идет сюда.

Берт, как видно, тоже был уверен в этом; его смущение выдавало его. В эту минуту она подумала: какой же он все-таки милый, такой большой, нескладный, косноязычный. И то, что он хотел убежать от ее благодарности, делало его еще более милым. — она еле удержалась, чтобы не сказать ему об этом.

Человек со щенком увидел Джули и снял кепку, доказав таким образом, что ему известны элементарные правила вежливости.

— А, вот и вы, мисс! Держите его, держите крепче. Он верткий, как угорь.

— О Берт! Это же прелесть что такое! — воскликнула она, с трудом удерживая в руках черный вертлявый клубочек. — Да постой ты, шалун! Дай-ка я посмотрю, что у тебя тут написано.

«Для Джули». Только и всего, без излишней чувствительности. Все еще не теряя надежды, она перевернула ярлычок и на обратной стороне прочла: «На память от Криса». На минуту ее восторг угас, сменявшись безмолвным, но неприкрытым удивлением. — От Криса, — повторила она и мужественным, упорным усилием заставила себя снова оживиться.

— Подумай, как это мило с его стороны! Я только один раз упомянула о собаке, и первое, что он сделал, приехав в отпуск, раздобыл мне то, о чем я так мечтала. Как это похоже на него, правда, Берт? Я должна показать щенка папе!

Помахав ему на прощание рукой, она оставила его одного; забыла даже условиться о прогулке в «кортон-дренде». Она была страстно увлечена этим щенком, что уж слишком увлечена им, подумал Берт. Он считал, что она больше напускает на себя. Ему не раз случалось бставаться с посом, но впервые в жизни это произошло из-за щенка.

Да откуда же, чорт возьми, мог он знать, что ей так хочется иметь щенка?

Он начал припоминать первое впечатление, которое она произвела на него; ведь первые впечатления потом каким-то образом превращаются в сплошной самообман, в результате которого вы перестаете видеть девушку такой, какал она есть, а, как дурак, внушаете себе, что она что-то совсем иное. А каково было его первое впечатление от Джули Бантинг? Просто девчонка, не сносила даже еще школьной куртки — копаются в ней в саду. Со-сунок, а воображает, что кроме нее нет девушек на свете.

К тому же, что касается шика... Мысль о шике, естественно, вызвала в его памяти Молли Филлипс. Каковы бы ни были ее недостатки, но у Молли был шик, так что ребята всегда спрашивали, где, чорт возьми, он ее подцепил. И она умеет ценить человека, который участвовал в боях и получил две лашивки и орден.

Он достал трубку, но в ту минуту, когда он поднес к ней зажженную спичку, какие-то слова всплыли в его памяти. «Хинцин» зверь или птнца, «Корнуун» или «Филин»? Вот оно что! Понятно.

Он стоял неподвижно, забыв о догоравшей у него в надыках спичке, и внезапно уронил ее, поглав ей вло-тонку довольно крепкое слово.

— Все острит! Видно совсем меня за дурака считает; — пробормотал он и мрачно зашагал по дороге, несасывая обожженный палец.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В отпуску Крис больше носил штатское, и это огорчало Джули, зато очень нравилось мистеру Бантингу. Летняя форма каждый раз напоминала ему, что сын находится в распоряжении высших властей. А у них свои соображения, в которых жизнь Криса далеко не главное. Быть может, целой его жизни придется заплатить за победу. Но все это забывалось, когда Крис надевал свитер и фланелевые брюки. Хотя он всего только на прошлой неделе гонял немцев по всему небу, на этой неделе он очень охотно вызвался сажать капустную рассаду. Не

один нацистский летчик-детоубийца не снизошел бы во время отпуска до такой работы, думал мистер Бантинг; тот и вообще не стал бы ничего делать, а щеголял бы в мундире и разыгрывал герба. У немцев все мундир да мундир — они просто жить без него не могут. Ни у одного из их правителей даже штатского костюма нет, если судить по фотографиям.

Воляешие, пережитое им, и огорчение из-за нечуткости Криса скоро рассеялись и теперь казались ему даже глупыми; впрочем, не совсем. Мистер Бантинг не хотел верить, чтобы искреннее чувство, идущее из глубины души, могло быть глупым. Но все же между ним и Крисом установились прежние отношения, и Крис даже искал отцовского общества, когда не мог видаться с Моникой. Ничего особенного они не говорили, но оба оставались довольны беседой. Чувство радостного ожидания, с каким мистер Бантинг устремлялся домой после работы, омрачалось лишь мыслью, что семь дней не будут длиться вечно и что Крису очень скоро предстоит вернуться к своему страшному делу воздушного стрелка.

В последний вечер, после того как миссис Бантинг и Джули попрощались с ними на ночь, отец с сыном долго сидели вместе.

— Мы недолго, мама, — сказал Крис; но как только дверь за нею закрылась, он вскочил, вытащил из-за радиоприемника бутылку портера и штопор и с видом завязатого заговорщика попросил отца достать стаканы.

— Когда-то я еще попаду домой. Посидим, потолкуем.

— Портер, а? — сказал мистер Бантинг. Он редко пил портер. Как-то не приходило в голову спросить, чтобы купили, а кроме того, портер гораздо дороже пива.

— Хорошая штука, Крис. Укрепляет организм.

— Помогает уснуть после встряски.

Это было первое упоминание Криса о встрясках, но распространяться на эту тему он не стал. Вместо этого он положил ноги на стул, уселся поудобнее и улыбнулся отцу.

— Я чудесно провел отпуск.

— Правда, Крис? — отозвался мистер Бантинг. Всю эту неделю его тревожила боязнь, как бы Крис не соскучился дома.

— Да, повеселился на славу.

— Вот будет радость, когда ты совсем вернешься домой, Крис. Все теперь как-то научились больше ценить друг друга.

— Сначала надо побить немцев.

— Да, Кристофер, непременно надо.

Мистер Бантинг задумчиво курил. Ему невольно пришло в голову, что Крис очень похож на него самого и что с годами это сходство еще усилится. Он продолжит род Бантингов, честных, обыкновенных людей, которые так нужны на свете. Но, разумеется, прежде всего надо побить Гитлера.

— Нелегкое будет дело, — раздумывал он вслух. В последнее время у него бывали минуты, когда он чувствовал, что дальше не в силах терпеть. Разрушение и гибель — вот что ему приходилось ежедневно видеть в Лондоне; в поездах и автобусах он переживал страшные минуты, и работать приходилось в постоянном напряжении, прислушиваясь к гулу моторов над головой. Кроме того, он не высыпался. Побить немцев будет гораздо труднее, чем прошлый раз, всем еще много придется пережить. Но об этих мыслях он никому не говорил. Да и думал он так не всегда, а только когда очень уставал. Летчики — жизнерадостный народ, а у мистера Бантинга было правило: никому не портить настроения.

— Летит какой-то, — сказал Крис, прислушиваясь к гулу мотора. — Будем надеяться, что плакса Минни не завоюет, а то как бы мама не сошла с ума.

Ему как будто хотелось, чтобы это совместное курение и выпивка были чем-то вроде секрета между ним и отцом.

Гул затих. Они налили по второму стакану и, откинувшись на спинки стульев, посмотрели друг на друга.

— Я недавно подбил «Дорнье». Он вынырнул из облака и прямо мне на прицел. Я и дал по нему очередь.

— Сбил?

— Они выбросились на парашютах. Я потом видел пилота. У него гараж вроде нашего, где-то на Рейне. Звал в гости после войны.

Мистер Бантинг задумался. — Что ж, это может быть интересно. Поелень?

— Еще чего! Не такой уж я охотник до немцев.

— Да, конечно. Какая все-таки магласть — звать тебя в гости. Самое лучшее — не иметь с ними никакого дела. А что он за человек, Крис?

— Да как будто ничего. Сто лет не брeit, весь зарос щетиной. А вот в стрижке не пуждается.

— Голова, как бильярдный шар, да? Я вот все думаю, Крис, как это будет, когда ты вернешься домой после войны. Отложил для тебя немного денег. Не бог знает сколько, а так, кое-что, сколько мог. Я думаю, нельзя ли подешеве оборудовать гараж, помочь тебе немножко. Чтобы у тебя, когда вернешься, было свое солидное дело. А не эти полеты, вот что.

— Спасибо, отец, только я не хочу брать у тебя.

Мистер Бантинг взволнованно подался к нему. — Почему же, Крис? Мне хочется помочь тебе. Ведь война когда-нибудь кончится.

— Да. Опять будет «послевоенное время», верно?

— Конечно, будет, Крис, — сказал мистер Бантинг ободряющим тоном. — А войну надо пережить, только и всего.

Крис улыбнулся ему задумчивой, даже грустной улыбкой. Слова мистера Бантинга повисли между ними в воздухе, точно напечатанные. Крис снял ноги со стула и вскочил.

— Твоя правда, отец. А теперь пойдем-ка спать.

По совершенно возмутительному полусмотру со стороны начальства, как считал мистер Бантинг, — потому что это испортило ему уик-энд, — Крис должен был вернуться в свою часть в субботу утром. Воскресный день мистер Бантинг заполнил разными пустяковыми делами, но все время думал о сыне. Он перебирал в уме все сказанное и сделанное Крисом, повторял про себя его слова, как повторяют любимую песню, и все казалось ему одинаково важным и значительным. Каждый опурок в переполненной будиль вспоминались о каком-нибудь возгласной сказанном слове. И когда, после долгих размышлений, мистер Бантинг нашел свою лопату на урядке только что высаженной капустной рассады, он очинил с нее ржавчину, думая: «Как это похоже на Криса», точно привычка забывать повсюду вещи была очень привлекающей чертой характера.

Прощались паспех, кое-как — Крис еще не кончил завтракать, мистер Бантинг и Джули торопились на поезд. Машинка должна была отвезти его в машине на станцию Карберри и там пробыть с ним до поезда, чтобы отдалить минуту расставания. Жизнь в коттедже «Золотой дождь» опять вошла в свою колею.

В воскресенье утром, стоя посреди гаража, мистер Бантинг задумался о том, почему он не перевел машину на имя Криса. Крис даже спрашивал об этом. А прежде мистеру Бантингу это не приходило в голову — как-то не догадывался. Надо непременно сделать это до следующего приезда Криса.

Оттого, должно быть, что «конвэй» был уж очень старый и потрепанный, мистер Бантинг подумал, глядя на него: «Хорошая была машинка, сослужила службу». Он включил зажигание и нажал стартер. Но ничего за этим не последовало, кроме едва слышного шума под капотом; мистер Бантинг приподнял его и заглянул внутрь. Затем он прочистил карбюратор, покрутил ручку; сначала терпеливо, потом со злостью, ибо операция с карбюратором была пределом технических познаний мистера Бантинга. И все же «конвэй» не сдвинулся с места, что было уже совсем непонятно. Мистер Бантинг всегда хвастал тем, как легко его машинка берет с места, и нередко наблюдая, как другие в пото лица стараются пустить в ход машинку более дорогой марки, думал про себя, что как-никак имеет «конвэй» большое преимущество.

Он остановился и присел отдохнуть, мужественно борясь с искушением бросить машинку и уйти. Он ведь собирался заняться совсем другим делом и, собственно говоря, в гараж пришел за удобрением. Но бросать что бы то ни было на полдороге было не в характере мистера Бантинга: всякие затруднения он принимал как вызов и боролся с ними. Кроме того, инстинкт подсказывал ему, что тут все дело в карбюраторе, а разобрать карбюратор «конвэя» — детская игра, нет ничего проще. Так, по крайней мере, говорилось в инструкции.

И потому, вооружившись инструкцией и набором отверток, мистер Бантинг принялся за карбюратор. В гараже стало тихо. Так тихо, что вскоре туда загляну-

ла миссис Бантинг и спросила, здоров ли он. В ответ ее довольно невежливо попросили уйти. Окончательно запутавшись и теряя доверие к инструкции, мистер Бантинг все-таки выполнял все указания, хотя в тоне автора он все яснее улавливал намеки на то, что книжку эту он написал, собственно говоря, так, на всякий случай, ибо с «конвэем» до такой крайности дело дойти не может. Автор объяснял, как разобрать карбюратор, но о том, что делать дальше умалчивал. Повидному, снова собрать и поставить на место. Мистер Бантинг знал, что такие, как будто бы бесцельные, операции иногда неизвестно почему помогали исправить повреждение. Но он рассердился на автора и, оставив в покое карбюратор, принялся с пристальным вниманием изучать последующие страницы.

Однако, дойдя до самого существенного, то есть до сборки карбюратора, автор руководства досадливо от нее отмахивался: было просто сказано, что вышеописанный процесс повторяется в обратном порядке. Говорилось также, что не специалисту лучше не трогать карбюратор, а поручить это дело агенту фирмы Конвэй.

Тут мистер Бантинг обозвал автора пехорошим словом; его возмущало такое легкомыслие и такой нескрываемо высокомерный тон. Какой-нибудь директорский сынок из Йтола, решил про себя мистер Бантинг, выкормыши привилегированной школы, но всему видно.

Тем не менее он опять опустился на колени, упрямо выпятил нижнюю губу и с решимостью подавленного ожева принялся собирать карбюратор. Все это грязное и кропотливое дело было им затеяно из самых лучших побуждений, и он, вполне естественно, ожидал, что оно принесет ему радость и ясность духа, а не доведет до потери равновесия и ругани, граничащей с богохульством.

«Конвэй» и теперь не двигался с места, и мистер Бантинг обижено покосился на него. А «конвэй», казалось, принял то упрямое выражение, которое свойственно неодушевленным предметам и может довести человека до полного бешенства, а отвечать на это реши-

тельно нечем. Мистер Бантинг проклинал его яростным испотом.

И тут он увидел Моникку. Она входила в зеленую с белым калитку, грустная, задумчивая; заведя мистера Бантинга, она просияла и остановилась; потом свернула от дому к гаражу. Мистер Бантинг знал, что она не сделала бы этого, если бы не была удручена мыслями о Крисе.

Вера мистера Бантинга в утешительное действие житейских мелочей была непоколебима, и он приветствовал Моникку сообщением, что у него «маленькое затруднение» с машиной. Он назвал это «маленьким затруднением», так как верил в «копвай» и в то, что больших затруднений с ним быть не может, особенно для члена семьи Ролло.

— Должно быть, Крис спял ротор, — и, быстро стянув перчатки, Моника заглянула внутрь мотора. В эту минуту она была похожа на миссис Бантинг, исследующую швейную машинку, только Моника руководилась меньше женским чутьем и больше техническими познаниями. — Без ротора машина не пойдет, — улыбнулась она.

— Ну, конечно! — согласился мистер Бантинг, чувствуя себя довольно глупо, так как он понятия не имел, что такое ротор. Он знал, что это нужно выпутать из машины, чтобы ею не воспользовались парашютисты, но сам он намеренался в случае десанта немцев принять иные, более энергичные, меры.

— Крис положил его в коробку из-под табаку, — сказала Моника, оглядываясь по сторонам. — Вот он, а вставляют его вот так.

Показав за мгновение полоску розового шелка над круглым колесом, она уехала на место водителя. «Копвай» довольно замурлыкала, точно котенок, которому дали молока. Оказывается, мистер Бантинг не окончательно погубил карбюратор — и то уже облегчение.

Почему-то всегда выходило так, что Моника видела его с самой невыгодной стороны; наверно, она считает его скучным, тупоголовым, отжившим.

Она повернулась к нему, блистая всей прелестью своей улыбки.

— В машинах я ни черта не смыслю, — сознался мистер Бантинг.

— Ну, что вы! — воскликнула Моника, словно поняв, что ее улыбка неверно истолкована, и они довольно долго беседовали о машинах; у обоих было чувство, что разговор вот-вот коснется Криса. Внезапно перейдя на конфиденциальный тон, мистер Бантинг спросил:

— Провожали его вчера вечером?

— Я доехала с ним до Саррея.

— Вот как!

— Да.

Последовала пауза, которую мистер Бантинг машинально занял подчетом расстояния от Килворта до Саррея. У него мелькнуло смутное подозрение.

— О! — сказал он, не зная, что и думать.

— Мы расстались только сегодня утром. Его сразу же назначили в патруль... — Подавленное рыдание оборвало ее речь.

Сердце мистера Бантинга больно сжалось, недвусмысленный вопрос стоял в его широко раскрытых серых глазах. Ему ответил твердым взглядом: не бесстыдным, но и не стыдящимся.

— Бедная моя девочка, — пробормотал он хрипло и обнял ее за плечи. Он не знал, что сказать, по мужественно откапываясь. — В жизни всякое бывает. Вам с Крисом придется потерпеть.

Он запылся, и все слова, которые он хотел бы ей сказать, развеялись, как дым. Моника посмотрела на него из-за платочка, которым вытирала посветлевшие глаза. Потом вдруг протянула руки и крепко обняла мистера Бантинга. Он услышал ее шепот: — Вы такой хороший, мистер Бантинг. Вас нельзя не любить. — На мгновение она прильнула теплыми губами к его щеке, потом убежала.

Мистер Бантинг стоял посреди гаража, слегка касаясь пальцами горевшей щеки. Ох, уж эти влюбленные! Трудно им приходится в военное время, жизнь к ним сурова; а он не будет суров с ними. И все же он был расстроен, испуган, потрясен свыше меры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Поезд, в котором ехал мистер Бантинг, остановился и неуверенно посвистел, потом опять осторожно двинулся вперед и подошел к лондонскому вокзалу.

Мистер Бантинг вышел из вагона, но платформа была не та, на какой он обычно высаживался, и, оглянувшись по сторонам, чтобы определить, где он находится, он застыл на месте, ибо представившееся ему зрелище ужаснуло его, и отвести от него глаза было невозможно. Над ним, через проболны в крыше, сквозило небо; перед ним зал ожидания и служебные помещения были завалены обломками рухнувшей крыши; под ногами со змеиным шипом извивалась пожарная кибитка. Вперед, в глубокой воронке, лежал паровоз, уткнувшийся носом в землю, точно крот; видна была его исподняя сторона. Как его оттуда вытащат, мистер Бантинг не мог себе представить. С субботы знакомый вокзал изменился до неузнаваемости, обратившись в развалины, так что у мистера Бантинга при первом взгляде захватило дыхание. Вот что бывает, когда фрицы наступают объект или попадают в него случайно. Этот хаос ужаснул мистера Бантинга, ибо он ненавидел всякое разрушение и все, что причиняло убытки, даже в домашних масштабах. А здесь немцы, видно, справляли истинно германскую оргию разрушения.

Наконец, спохватившись, что он стоит неподвижно и этим выдает свои чувства, а их он во что бы то ни стало хотел скрыть, мистер Бантинг двинулся дальше. «Миллионные убытки, — протеслось у него в уме, — миллионные!» Он крепко поджал губы. Ни с чем несообразно было то, что на границе этого хаоса стоял контролер, следя за порядком на своем маленьком отрезке потревоженного мира.

— В старый вокзал понало, да здорово как, — сказал чей-то голос за спиной мистера Бантинга, и он ответил кратко: — Очевидно.

Он был слишком потрясен, чтобы разговаривать на эту тему. Вдруг этот человек заропотал песенки из его дунгу, а он сам в данную минуту не был уверен, что сумеет показать должную выдержку. Движимый

привычкой, он взглянул на часы. Они были на месте и шли, как всегда, не спеша и не отставая ни на минуту; лишенный всякого выражения циферблат бесстрастно взирал на мир, должно быть, совершенно так же, как и в разгаре бомбежки, когда кругом все рушилось под градом бомб. Гигантская минутная стрелка привычно дернулась, словно часы дружески подмигнули проходившему под ними мистеру Бантингу.

Выйдя на привокзальную площадь, он обрадовался, увидев, как много уцелело даже в этом уголке Лондона. Район был не весь разрушен, и дезорганизация не очень заметна, даже поблизости от вокзала многое осталось нетронутым. По улице оживленно шло пешеходов, ходила автобуса; девушка прошла мимо него, ведя на сворчок непослушного терьера; в руке у нее была свежая булка, завернутая в шелковистую бумагу. В воздухе была разлита даже какая-то радость, быть может, чувство облегчения. Повернувшись спиной к вокзалу, шоферы такси обились в кучку у газетного киоска, должно быть, читали про войну. В них было что-то напоминавшее ему Оска, какая-то невосприимчивость к ударам, неспособность понять все значение происходящего у них на глазах. Их флегма помогла мистеру Бантингу взять себя в руки, и он зашагал к магазину Брокли.

Оказалось, что в табачном киоске за углом можно было попрежнему купить унцию табака «Маяк». Продавец, занятый сортировкой запоздавших газет, не стал распространяться о том, что произошло на вокзале. Сам мистер Бантинг тоже не заговорил об этом; он из принципа никогда не говорил о последствиях бомбежек. Его вера в своих соотечественников была беспредельна, но все же он воздерживался от таких разговоров, которые могли их расстроить.

Очевидно, он приближался к другому очагу разрушения. Гостиница представляла напояк все свои спальни; банк, уже забитый досками, охранялся полисменом. Беспокойство мистера Бантинга усилилось, и он ускорил шаг, стараясь разглядеть издали торговый дом Брокли, и, увидев его, наконец, вздохнул с облегчением человека, который уже знает самое худшее. Витрины в его отделе вылетели на улицу. У Кордера стекла тоже были разбиты.

и ветер колыхал драпировки внутри витрины. Швейцар уже подбирал осколки с деловитостью, которую мистер Бантинг про себя одобрил. — У нас в подвале есть доски, вот только кто бы помог прибить, — сказал швейцар, отрываясь от дела.

Мистер Бантинг живнул головой и пошел осматривать повреждения. На сей раз попало и Брокли; война, о которой так много говорили в этом здании, подошла к нему вплотную. Что шемцы покусились на фирму Брокли, это, по мнению мистера Бантинга, переходило всякие границы; он просто не мог найти слов для такого бесчинства. Окна, выходящие во двор, тоже были разбиты, пострадал кабинет мистера Бикертона, везде в беспорядке валялись товары, поломанные и запачканные. Но закуток мистера Бантинга был совершенно в том же виде, в каком он его оставил в субботу. Ни одна книга, ни одно перышко не сброшены на пол, ни пылинки на отполированном лаке письменном столе. Прейскуранты, инвентарная книга, дневники мистера Бантинга — все было целехонько и на месте. Он вошел туда с чувством облегчения: наконец-то среди этого хаоса он отыскал утлоок, где все осталось без перемен.

Мистер Бантинг падул щеки и сел. Затем, спохватившись, что он все еще в шляпе, он снял ее и положил на стол. Ему хотелось отдохнуть и забыться хоть на минуту. На столе лежала записка, последняя из множества записок миссис Масгрэйв. Как и во всех предыдущих, в ней говорилось об успехах Чарли на военном поприще. Она была убеждена, что мистер Бантинг страстно интересуется тем, как чувствует себя Чарли в армии, и в особенности опасается, как бы тот не поделал глупостей, например, не пошел бы в гранатометчики. Чарли, сообщалось в записке, теперь работает на складе под началом капитана-пармуса, и драться ему не придется. Опыт, приобретенный им в кладовой фирмы Брокли под присмотром мистера Бантинга, оказался ему во спасение.

— Тыфу! — воскликнул он, яростно разрывая записку на мелкие клочки. Эта чортова баба теперь будет торчать тут целыми днями, скрести, тереть, чистить, отравляя воздух запахами веселой уборки.

— Мистер Бантинг! Мистер Бантинг! — донесся до

него голос Тернера, еще более пронзительный и настойчивый, чем всегда, и перед ним появился Тернер, потрясенный, по, видимо, старавшийся при мистере Бантинге держать себя в руках.

— Пойдите посмотрите, что с моим окном!

— О, черт! — пробормотал мистер Бантинг, вставая с табурета. Он был готов к любым неприятностям, и разбитое вдребезги окно Тернера только заставило его отметить еще одну интересную особенность действия воздушной волны. Окна в задней стене вылетели внутрь здания, а не наружу, как по фасаду. Это-то и взволновало Тернера, чье рабочее место находилось между окном и полками. — Посмотрите! — произнес он, указывая на осколки стекла, вонзившиеся в деревянную переборку. Он стал за прилавок и продемонстрировал, куда попали бы осколки, если бы палет произошел в рабочие часы. Они попали бы в разные места его тела, соответственно тому, где бы он стоял, и каждое ранение могло быть смертельно. Если б он стоял вот здесь, когда разорвалась бомба, в него попало бы пять больших осколков. — Не очень-то было бы приятно, как вы думаете? — заметил Тернер. Слушая одним ухом Тернера, мистер Бантинг попытался осторожно вытаскивать осколок пальцами, потом пустил в ход плоскогубцы. Ему пришлось приложить много усилий, чтобы извлечь острые осколки из дерева. До сих пор он и не подозревал, какая страшная сила таится в этих взрывах. Но подозревал, что человека может перерезать на-двое осколком стекла. Демонстрация на практике получилась очень внушительная.

Вопрос был вот в чем: что делать с окном Тернера? В кладовой Брокли стекла было много, фирма им торговала, и окно можно было вставить, после того как приведут в порядок витрины по фасаду. Тернер со страхом ожидал его решения. Бесплезно успокаивать его, подумал мистер Бантинг, что демны не бросают бомбы два раза подряд в одно и то же место. Это заблуждение уже опровергнуто. Они их бросают куда попало, и это понятно, раз они ни во что особенно не целят, кроме как в «моральное состояние» нации.

Этого выражения не было в толковом словаре, составителя которого не могли предвидеть, что оно будет в

таком ходу, но мистер Бантинг отлично понял его из контекста. Немцы особенно старались поколебать дух гражданского населения, что, по мнению мистера Бантинга, указывало на их собственное уязвимое место. Если человек, скажем, тот же Тернер, думает только о том, как отразится война на нем самом, то дело можно считать проигранным. Однако, осматривая разбитое окно, он думал не о Тернере, а о лондонцах, которые каждую ночь должны терпеть такой ужас. Сам он по вечерам после работы уезжал из Лондона, а им приходилось ночевать в убежищах и шелях или всем скопом укрываться в метро. Как часто он думал о них, лежа в постели, и почти стыдился того, что он здесь находится в безопасности, словно дезертировал с передовой линии и оставил женщин, детей и стариков защищать се. Мысль о них, загнанных в подвалы и убежища, угнетала его; он представлял себе, как они жмутся там, зная, что даже в убежищах нет полной безопасности, — ее нет нигде.

Даже в кафе Мак-Эндрью не обошлось без трагедии. Девушки, которую они с Бордером считали своей присяжной официанткой и звали «домовитой Финляндией» (почему, собственно, мистер Бантинг так и не мог понять), уже не было там. Ее оторвали из-под развалин дома, в котором она жила. Мистер Бантинг помнил ее бледное лицо, мышиного цвета волосы, тихий голос и приятную улыбку. Он часто думал, что хорошо бы ей пожить хоть месяц за городом. А теперь она умерла, убитая блицкригом, и еще одним человеком в Лондоне стало меньше. Узнав об этой смерти, мистер Бантинг горько пожалел, что он уже старик и не может отомстить за нее.

— Они падают больше по ночам, — сказал он Тернеру, подводя итог этим размышлениям и стараясь быть с ним помягче. — Если хотите, я велю забить окна досками. Будете работать при лампочке.

Торопясь уйти от неумеренных изъявлений благодарности Тернера, он случайно заметил какую-то грудку, плохо прикрытую брезентом. Что-то похожее на трубы, довольно больших размеров, знакомая серая эмаль. Мысль, что это могут быть печные трубы, мелькнула у него в уме, но была отвергнута, как зыб с чем несообразная. Однако он наткнулся и потянул к себе брезент. Клеймо

«Уоткинс» бросилось ему в глаза. Еще не веря себе, но с возрастающим беспокойством, он пересчитал их.

Восемь! Восемь труб! Это, должно быть, от печей, отправленных в Эджинн. Сердце у него упало. Чья-то роковая ошибка свела на-нет все его усилия срочно выполнить заказ. Какой был толк отправлять печи без труб? Мистеру Бантингу мигом вспомнился Мак-Колл из Эджинна, далеко не аскет терпения, если судить по письмам, и даже не слишком вежливый человек, но в эту минуту сочувствие мистера Бантинга было целиком на его стороне. Он представлял себе: Мак-Колл распаковывает долгожданные печи и в бешенстве подскакивает на месте, — рыжий, пенствова бранящийся шотландец, имеющий полное право негодовать.

Он укоризненно заметил: — Неужели вы отослали печи и позабыли про трубы?

Тернер судорожно глотнул вместо ответа. Под взглядом мистера Бантинга он весь съежился, стараясь стать незаметным, как фокстерьер в ожидании хлыста. Мистер Бантинг до того растерялся, что даже не чувствовал гнева. Отослать печи без труб было уже большой глупостью, но не сказать об этом ни слова, разыграть такую комедию — заложить трубы мешками, скрывая свою ошибку, было уже чистейшим идиотством. Это поставило его в тупик. Ему пришло в голову, не выжил ли Тернер из ума. Тернер действительно был безнадежен; мистер Бантинг просто не знал, что с ним делать. Если бы разнос мог принести пользу, он разнес бы Тернера, но Тернера не стоило даже бранить. Если человеку столько лет, сколько кажется на вид, так Тернеру не меньше восьмидесяти — ни жизни, ни энергии, а дома большая жена; и сын утонул в Северном море.

Оставался только один выход, — единственный практический и деловой выход.

— Отправьте их. Запакуйте и отправьте.

— Хорошо, мистер Бантинг.

Уходя, мистер Бантинг вздохнул, вздохнул от всего сердца. Так напутать — ведь это могло бросить тень на весь отдел, а, главное, на заведующего! Он сам еще не знал, что лучше — написать Мак-Коллу или дать телеграмму. Списать все на блицкриг и тем избавиться от

его гнева. Да ведь это, в конце концов, и правда. В известном смысле всему виной блицкриг.

— Нет! — пробормотал он и, сам не зная почему, шепнул: — Фирма Брокли. — Из всех фирм кому, как не ей, быть выше блицкрига. Ну, и заварится же каша, когда дело дойдет до мистера Бикертон!

Он поднялся пазверх и перешительно постоял в коридоре, прилаживая единственную прядь волос и без всякой надобности пересчитывая пуговицы на жилете.

В полуоткрытую дверь кабинета виден был мистер Бикертон, стряхивающий кирпичную пыль с бумаг; он перебирался в другое помещение и давал распоряжения па этот счет. Его очень раздражала пыль, он то и дело доставал шелковый платок и смахивал ее с безукоризненно опрятного черного пиджака.

Мистер Бикертон не мог работать, если все вокруг не было чисто и опрятно, как в клинике. Сейчас он не мог найти самых нужных бумаг — провалились, точно сквозь землю. Завидев мистера Бантинга, он жестом пригласил его войти, заметив, в совершенно неожиданном припадке откровенности, что если он сам за всем не присмотрит, то этот проклятый рассыльный все пропажи будет спаливать на блицкриг.

— Очень трудно работать. Но припомните ли вы, какие расценки мы давали Уордлу на эти самые отрезки труб?

На свет явилась растрепанная записная книжка мистера Бантинга, и из нее, словно конфетти, дождем посыпались вырезки. — Па патрубки, — сказал он, поправляя пометки па своего шефа. — У меня где-то записано.

Мистер Бикертон заглянул ему через плечо, пораженный не столько записной книжкой, сколько той уверенностью, с какой мистер Бантинг рылся в пей.

— Вы все сюда записываете?

— Почти. У меня много таких книжек пабыло.

Среди массы подробностей, записанных единственно из любви к записям, палец мистера Бантинга показал нужные цифры.

— Ага! — с облегчением произнес мистер Бикертон. Он замолчал, недовольным взглядом обводя окружающее: — Пойдемте лучше вниз.

Закуток мистер Бикертон оглядел одобрительно. Он вошел в него, как входят в дом во время грозы, и сел за стол мистера Бантинга, как усаживаются у каминя. Теперь-то и рассказать ему о промахе Тернера. Мак-Колл напишет, конечно, язвительное письмо, а нет ничего лучше, как заблаговременно предупредить человека, чтобы он перекипел мало-помалу, а не взорвался мгновенно. Но Мак-Колл может послать не письмо, а телеграмму. Приходя в ярость, он всегда слал телеграммы, и его послания были бессвязны и полны восклицаний. Если придет такая телеграмма, да еще в день катастрофы, Тернеру не сдобровать.

Такие мысли пробегали в голове мистера Бантинга, когда он смотрел на мистера Бикертонга, писавшего за его столом; тот, повидимому, настолько углубился в дела, что совсем забыл, где находится. Достав из кармана пачку писем, он стал быстро делать пометки и что-то высчитывать, не обращая никакого внимания на мистера Бантинга; только один раз он поднял глаза и спросил: — Да, Бантинг? Вам что-нибудь нужно? — На что мистер Бантинг ответил: — Нет, ничего, сэр, — и поспешно удалился, чувствуя, что шеф недоумевает про себя, какого чорта попало ему в его кабинете.

За завтраком он молчал и раздумывал, оправдывать ли ему Тернера заранее или подождать известий из Эджинга. Кордер принял его задумчивость за уныние.

— Будет тебе, Джордж! Лондон опять воскреснет. Как феникс из пепла. Еще лучше прежнего — тот Лондон, о котором мечтал Рен.

— Может быть, — ответил мистер Бантинг, который и раньше слышал про Рена, а про феникса никогда.

— Я думаю, человечество сейчас на повороте: на пороге великого движения вперед. Правда, я и в ту войну верил, что будет перемена, но сейчас чувствуется больше уверенности, это носится в воздухе. Новый мирозой порядок. Да, трезвый ум парода — как это? — всегда обуздывал раздоры и вражду. Но, конечно, теперь шлего не читает Теллисона.

Мистер Бантинг позволял себе глубоко вздохнуть, что указывало на его долготерпение. — Не заводи ты опять про этот новый порядок, Джо. Это вот у Гитлера новый

порядок да у моего Эрнеста. И старый порядок был неплох, пока мы не позволили немцам опять заварить кашу. Обыкновенному человеку ничего этого не пахло, а нужен ему приличный заработок да приличный дом да немножко досуга, чтобы заниматься тем, что нравится. И чтобы всякие хорошие вещи были подешевле! Теперь наш брат англичанин даже виски почти никогда не видит, а скоро и курить ему будет нечего. За дом приходится вносить платожи лет двадцать. Твой новый порядок ничего про это не говорит. А ведь как раз это и помогает жить обыкновенному человеку, это, так сказать, сахар в чашке чая. Этим мы живем, это — наша радость.

— Чистый материализм! — воскликнул Кордер. — Вода с ягодами, — лакомство Калибана!

Он наклонился вперед, тыча в воздух пашпросой.

— Неужели ты думаешь, что Англия останется все той же? Мы все сражаемся бок-о-бок. От короля до разносчика, мы все попали в переделку. И каждый верит каждому, что тот выстоит. Неужели ты думаешь, что все это кончится ничем?

Не часто приходилось мистеру Бантингу слышать, чтобы Кордер говорил так серьезно. Обычно он как будто ничего не принимал всерьез. За последнее время лицо его осунулось, движения стали порывистей. Его дом в Парли разнесло вдребезги бомбой вместе с драгоценной библиотекой классиков в дешевых изданиях. Бомба выглядела его из временной квартиры в Кройдоне, ему пришлось пережить много такого, о чем он никогда не рассказывал. Он побледнел и словно истаял, но дух его стал еще неукротимей и пламенней, в нем чувствовалось напряжение, как в туго закрученной пружине.

Сейчас он наклонился вперед и заговорил, как человек, который видит суть вещей, а не только то, что делается на поверхности жизни, и умеет находить слова и тон, покоряющие слушателя. — Кто пьет вместе со мной кровь свою прольет, тот станет моим братом, — сказал он с непривычным жаром. — Вот что я думаю, когда хожу по лондонским улицам.

Мистер Бантинг помешал кофе в стакане и выпил. От такой глубины чувства, вложенного в застольную беседу, ему стало даже неловко. Он понимал такие чувства, но

никогда об этом не говорил, не мог даже слушать, не придав своему лицу такого выражения, как во время проповедей или на молитве. И потому, выдержав приличную паузу, он посмотрел на часы и сказал: — Пора идти, Джо.

Они шли к магазину Брокли, а сирена предостерегающе выла, заглушая шум уличного движения. Два-три пешехода остановились, глядя на небо, но большинство незаметно пошло своей дорогой. При звуке сирены теперь никто не бежал прятаться; это и официально не поощрялось, в было дано разъяснение, — это еще не бомбежка, а всего-навсего «тревога». Но Кордер проклиная ее, пользуясь высокопарными эпитетами, замешиванными, как полагал мистер Бантинг, все у того же Шекспира, придиного на все случаи жизни.

Магазин напомнил ему о личных его затруднениях. Перед завтраком он условился с рассыльным, чтобы тот перехватил телеграмму из Эджина, и вот вам — на столе лежал желтый конверт — следствие этих переговоров и доказательство того, что на рассыльного можно было положиться во всяком незаконном деле. Хотя в этом не было ничего неожиданного, нуль мистера Бантинга зачастил так, как ни от одной телеграммы за последние несколько месяцев. Он не был уверен, захочет ли Кордер спуститься с отвлеченных высот на землю и дать ему совет насчет такого прозаического дела, как оплошность Тернера с трубами. Правда, еще неизвестно, будет ли совет Кордера практически выполнен и даже, будет ли он достаточно вразумителен. Ну, да ведь просить совета — это одно, а последовать ему — совсем другое.

— Джо! — негромко позвал он и, прикрыв за ним дверь закутка, показал ему телеграмму. — У меня тут вышло маленькое недоразумение с одним заказчиком из Эджина. А все Тернер. Как бы ты думал, что он выкинул на этот раз?

Он начал рассказывать все по порядку, начав с получения заказа в июле месяце; он излагал все обстоятельно и не спеша, и с неизбежными отступлениями и повторениями, попутно нагромождая все новые подробности и похлопывая ладонью по желтому конверту; он

не сводил глаз со своего друга и взглядом призывал его не терять терпения — сейчас он дойдет до самой сути.

— Так вскрой и посмотри, в чем дело! К чему все эти предисловия?

— Я только хотел объяснить тебе, — ответил мистер Бантинг, обиженный тем, что событие такой важности показалось Кордеру неинтересным. — Если он отказывается принять пети, Тернер вылетит как дважды два. Одна доставка нам обошлась в пять фунтов, — и со вздохом он вскрыл телеграмму и прочел ее:

— «С прискорбием извещаем Вас, что сержант пилот К. Р. Бантинг...»

Одну секунду мистер Бантинг, окаменев, смотрел на эти строки, потом письменный стол и стена потянулись навстречу ему, потолок и часы где-то вдали закружились, словно в тумане, и все скрыла надвинувшаяся тьма.

Потом ему чудились голоса и лица вокруг, лица близко, голоса далеко, и где-то совсем рядом — ножки стола и запах пыли, бьющий в нос.

Он шевельнулся, обвел взглядом лица, и ему стало совестно. — Я ничего, — сказал он, пытаясь подняться. — Я сейчас.

— Не волнуйся, Джордж. Сейчас тебе принесут чаю.

— Я ничего, — произнес мистер Бантинг, приподнимаясь и переходя в сидячее положение. Почувствовав что-то соленое на верхней губе, он провел по ней пальцем и понял, что это кровь идет носом. Он постарался припомнить, что же произошло, собраться с мыслями. Но не смог, только закружилась голова, и он, обессилив, опять опустился на спину.

И тогда, без всяких усилий, правда сама вошла в его душу. Крис. Он вспомнил: Крис умер.

Это встало перед ним во весь рост, он словно перечитывал одно и то же несколько раз подряд, не вполне улавливая смысл. Его удивляло, что он не чувствует сильного волнения, а только словно оглушен. И вдруг он вспомнил про жену, всхлипнув, втянул в себя воздух и отвернулся от склонившихся к нему лиц.

Кордер взял чайник и вытолкал всех за дверь.

— Дай я помогу тебе, Джордж. — С трудом Кордер усадил его на табурет и прислонил к перегородке.

— Ничего, ничего, я сейчас, — повторял мистер Бантинг. Он силился вспомнить, что же произошло с Крисом, что именно стояло в телеграмме. Он поискал ее глазами, беспомощно пошарил в карманах и оставил это. Вся его сила, словно ушла куда-то. От горячего чая поднимался пар, и ему захотелось пить; он медленно выпил чашку, потом налил другую, расплескав немного.

— Надо сказать жене, Джо, — прошептал он и, уже не скрываясь, заплакал. — Прямо не знаю, как быть.

— Отдохни немного, потом поезжай домой. Самое лучшее.

— Пришло опикованное железо. Мистер Бикертон сказал...

— Ты не думай об этом. Не волнуйся. Мы все так сочувствуем тебе, Джордж.

— Да, — коротко ответил мистер Бантинг. Дом казался ему так далеко, в конце тягостного и сложного пути. Он допил чай, думая о трудностях пути как об испытании, через которое рано или поздно придется пройти.

— Я позволю Эрнесту, чтобы он встретил тебя на станции и сказал матери.

Мистер Бантинг закусил дрожащую губу. — Проклятый Гитлер! — с горечью вырвалось у него, и Кордер услышал, что он гневно и незнательно бормочет что-то в скромный платок.

На некоторое время мистер Бантинг опять затих; Кордер в тревоге следил за ним, но молчал. Он ничем не мог помочь другу, разве только своим присутствием. Вскоре мистер Бантинг встал, лицо его казалось очень бледным по контрасту с рыжеватыми усами.

Он понял, что может сейчас уйти из магазина: мистер Бикертон даже настаивал на этом. Такое внимание как будто немного утешило мистера Бантинга; он никогда не просил никаких поблажек у фирмы, и уйти со службы в три часа было для него нарушением уклада всей жизни.

Кордер протянул ему шляпу и пальто, чемодальчик, зонтик и вытер нос, запятканный кровью. Мистер Бантинг переносил все эти ухаживания послушно, как ребенок.

Стук захлопнувшейся за ним двери, казалось, отметил

копец чего-то; чего именно, он не знал, но в этом стуке было какое-то значение. Ему казалось теперь, что стол и табурет принадлежат кому-то другому, его прежнему «я», человеку, до сих пор не знавшему горя.

Он прошел через другие отделы, стараясь ни с кем не встретиться взглядом. Швейцар распахнул перед ним дверь, он вышел на улицу и, свернув за угол, увидел Тернера с только что купленным «Стандартом» в руках.

Глаза Тернера блестя, походка была легкая. Его робкий дух теперь несколько пострашился нарушения дисциплины. Увидев мистера Бантинга, он замахал ему рукой и подошел к нему.

— Он спасся! Жив и здоров! Смотрите — написано в газетах.

Сердце мистера Бантинга усиленно забилося при таком невероятном известии. Тернер задыхался от волнения, его худые руки, судорожно вцепившиеся в отвороты пальто мистера Бантинга, заметно дрожали.

— Спасибо! Славу богу! — задыхаясь, повторял Тернер. — Это напечатано в последних известиях.

Мистер Бантинг заглянул в газету, но не мог ничего прочитать. Новость доходила до него отрывками, в задыхающейся передаче Тернера.

— Они все высадились в каком-то норвежском порту. Их подобрал крейсер. Весь экипаж «Бэджера».

— Очень рад! — хрипло ответил мистер Бантинг, чувствуя, как что-то в нем умирает медленной смертью. Он силился что-то еще прибавить, но Тернера уже не было: он радостно побежал дальше, к магазину Брокли. Схватившись, что смотрит без всякой цели на поток уличного движения, мистер Бантинг возобновил прерванный путь к вокзалу.

На перроне в Килворте от группы встречающих выделялась одна фигура, и Эрнест, бледный и расстроенный, подошел к нему. Мистер Бантинг чувствовал на себе его пристальный взгляд. Отойдя на несколько шагов, он прежде всего задал тревоживший его вопрос:

— Ты сказал матери?

Эрнест кивнул. Минутное чувство облегчения сменилось в душе мистера Бантинга новой тревогой.

— Что она? Как она это приняла?

Эриест ответил не сразу, он отвернулся и посмотрел в сторону. Некоторое время они шли молча, и душа мистера Бантинга наполнялась зловещими предчувствиями; наконец, не выдержав, он резко дернул Эриеста за рукав и заставил его остановиться и взглянуть ему в лицо.

— Я не знаю, как она это приняла. Она просто стояла и смотрела, вот... — Голос его прервался, и лицо искажилось.

— Спокойнее, Эриест, спокойнее. Не надо этому поддаваться. Мы должны думать о твоей матери.

— Да, — просто сказал Эриест и прибавил: — Там Эви.

— А! — и мистер Бантинг впервые за эти несколько часов вздохнул с облегчением. Они пошли дальше. —

— О твоей матери, вот о ком мы должны думать, — сказал он, — словно повторял лозунг, и взглянул жского на сына, который шел рядом, понурив голову; воротник его макинтона смялся, и выражение лица было непередаваемо горестное. Мистер Бантинг подавил вздох. Казалось, дороге не будет конца, они шли, словно во сне, по какому-то призрачному миру. Вдруг совсем неожиданно он очутился перед зеленой с белым калиткой, и минута испытания грозно надвинулась на него. Чуть помедлив, он толкнул калитку и первый прошел вперед.

Эви встретила его на пороге. Ее взгляд, как и взгляд Эриеста, остановился на нем, исследуя каждую черту.

— Она молодцом. Очень хорошо держится.

Он кивнул ей и остановился в дверях, глядя, как она идет по дорожке навстречу Эриесту, потом вошел в прихожую и стал с себя пальто. В открытую дверь ему виден был стол, накрытый к чаю. Белела, как снег, скатерть, поблескивали чашки, ярко пылал огонь. Все было как всегда, когда он возвращался домой. Но Мэри нигде не было видно.

— Мэри! — позвал он, потом погромче: — Мэри!

Руководимый чутьем, он направился в кухню и там увидел жену, она стояла возле раковины в переднике и домашнем платье. В ее позе было что-то покорное, что-то слабое и незащищенное и в то же время сильное своей стойкостью — это он почувствовал в краткий миг про-

светлания. Кротко стоя вот так, посреди всей этой будничной обстановки, бледная, стареющая, с огрубевшими от работы руками, она воплощала собой самую трагическую и извечную жертву войны — мать павшего в бою. Это могла быть чья угодно мать, в какой угодно воюющей стране.

Их глаза встретились, и долго сдерживаемое горе прорвалось. Она беспомощно протянула к нему руки и в следующее мгновение уже рыдала, уткнувшись лицом в его пиджак. Он усадил ее на старенький кухонный стул, и несколько минут она плакала неудержимо, а он, наклонившись над ней, бормотал и не договаривал какие-то слова и фразы. Скоро она затихла, и, подняв голову, посмотрела ему в глаза.

— Надо жить и дальше, милая, — сказал он. — Надо перенести это. Как сумеем.

Она так пристально вглядывалась в его лицо, что, казалось, не слышала его слов, и, приподняв уголок передника, она осторожно стерла пятнышко крови с его верхней губы.

— Ты здоров, Джордж?

— Я? Да я ничего. А что?

Она с сомнением посмотрела на него: казалось, слезы опять вот-вот хлынут из ее глаз. Потом она сказала: — Ты, должно быть, хочешь чай, — встала и, как всегда, заботливо заварила чай и принесла тарелки.

С тревогой он следил за тем, как она машинально выполняла свои обязанности хозяйки, с видимым усилением заставляя себя думать о том, что делает. Когда она уходила на кухню, он поворачивал голову и прислушиваясь. Но удобное кресло и тепло очага вызвали в нем непреодолимую усталость. Он наклонился вперед, подпер подбородок руками, смотрел в огонь и думал.

Она дотронулась до его плеча.

— Я ничего не хочу, — сказал он, повернув к ней усталое лицо.

— Надо же чем-нибудь поддержать силы, дорогой мой.

— Ну, тогда чашку чая.

Она помедлила немного, потом принесла чашку и дала ему в руки, принесла тарелку и подождала, пока он не начнет есть и пить. Это словно сняло с ее души какое-

то тяжелое бремя, и она неожиданно улыбнулась с глубокой нежностью.

— Тебе, должно быть, ужасно тяжело, Джордж.

— Не во мне дело, — прошептал он. — В тебе.

Она тихо покачала головой. Она знала, что как жена и мать утешать должна именно она. — Нам вместе придется переживать эти тяжелые дни. Все-таки легче, когда у тебя кто-нибудь есть.

Вечером он сидел один у камина. Жена и дочь легли спать.

Удар обрушился, и в этом смысле самое худшее было уже позади. Теперь мало-помалу должно было наступить выздоровление, и время должно было залечить рану и утишить боль. — Авессалом! — шептал он. Всегда Авессалом, лучший из сыновей, любимое дитя. Он любил Криса. А знал ли об этом Крис? Он вспоминал последний вечер, проведенный с сыном, разговор в спальне. Крис, конечно, уважал отца. Но он был легкомыслен, мальчик еще, ему только что исполнилось двадцать лет.

Говорят, молодость — золотое время жизни, но вот сейчас, когда мистер Баттинг вспоминал собственную жизнь, все лучшее, как ему казалось, было уже после двадцати лет. О прежнем своем «я» он думал, как о совсем другом человеке, настолько отличавшемся от того пожилого, трезвого мужчины, каким он был теперь, что он почти с любовью вспоминал ^с живом, полном надежд мальчишке, каким он был когда-то. Но все лучшее в его жизни лежало по эту сторону. Хлеб, который он ел с радостью, вино, которое он пил с легким сердцем, дни, прожитые в согласии с любимой женой, — все это было уже после двадцати лет. А Крису пришлось отдать все это. Не за какой-то «новый миропорядок», — Крис так же мало думал об этом, как и его отец. Он погиб, защищая свой дом и семью и те песчальные мядь английской земли вокруг Килворта, которые он научился любить еще с детства.

А теперь он умер. Все мысли кончались на этом, растворялись в этом одном слове. Никогда уже они не услышат, как он идет, насвистывая, по дорожке.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Возвращаться на службу после смерти Криса было для мистера Бантинга тяжелым испытанием, и ему пришлось постоять некоторое время перед дверью, собираясь с духом, прежде чем войти в магазин. Но он прошел по отледам к своему закутку, повидимому, никем не замеченный. Бордер, угадывая, что сейчас он нуждается только в одном — чтобы его оставили в покое, избавил его от бесконечного повторения одних и тех же пенужных выражений сочувствия. И мистер Бантинг с головой ушел в работу; дело нужно было делать попрежнему, и забота о мелочах помогала ему забывать самое главное.

В первый же день по возвращении он с обычной своей аккуратностью просматривал почту, облокотившись о стол. Но смысл написанного доходил до него с трудом, что-то все-таки ускользало, как ускользает звук от глухого, сколько бы он ни напрягал слух. Значит, он не совсем еще пришел в себя; раньше, помнилось ему, он удивительно быстро догадывался, что именно требуется клиенту.

Очень часто в эти первые дни он ловил себя на том, что погружался в какой-то транс, и мысли о работе незаметно сменялись мыслями о том, как-то Мэри проводит одна эти дни. Ей, конечно, очень тяжело, она все в той же обстановке, повсюду она видит вещи Криса. И вдруг, онемевшись, он взглядывал поверх перегородки на циферблат больших часов, и найдя, что стрелки не передвинулись, хватался за свои часы, не в состоянии понять, что эти транссы длятся всего мигновения. Потом он сосредоточивал все свое внимание на письмах, перечитывая их медленно и тщательно до тех пор, пока все не становилось ему ясно.

Чуть ли не первым из всего магазина прямо заговорил с ним мистер Бакертон. Он зашел к нему в закуток, прежде чем подняться наверх, в контору, и мистер Бантинг встретил его, призвав на помощь всю свою выдержку. Он стоя выслушал слова своего шефа — они были доброжелательны и искренни, в них было все, что может быть в словах; никто ведь не мог ничего ему дать кроме слов, сочувственных, но бессильных. Мистер

Бантинг терпеливо выслушал их, не отводя глаз от пресс-папье. Когда шеф замолчал, он поднял глаза и сказал.

— Благодарю вас, сэр. Я это очень ценю. Конечно, никто не понимает, что значит потерять сына, пока сам своего не потеряет. Я и не жду, чтобы они понимали. Это уж нам с его матерью нужно как-то пережить и при этом не пасть духом.

Мистер Бантинг не знал, что во время этого двухминутного разговора он был исполнен истинного и скромного величия, словно человек, которого один-единственный раз в его жизни увенчали лаврами.

— Правда, — сказал мистер Бикертон. — Это одни мы понимаем. Мы должны терпеть и не падать духом.

Он ушел. Его слова, отозвавшись эхом из душе мистера Бантинга, наконец, дошли до его сознания.

— Джо, — начал он, перейдя в отдел ковров, — разво у Старого моряка тоже погиб сын на фронте?

— Как же, а ты и не знал? Ещё в самом начале. Оттого и жена к нему часто приходила.

Мистер Бантинг, задумавшись, вернулся к своему столу. Он не мог припомнить ни одного дня за все последние месяцы, когда мистер Бикертон пришел бы на службу не такой, как обычно, изменился бы хоть на йоту; всегда безупречно одетый, точный во всем, лаконичный, требовательный, как адмирал. Удар нанес ему глубокую внутреннюю рану, и только гордость скрывала рубцы. Он напоминал стоика, или, древнего спартанца (исторические познания мистера Бантинга были довольно смутны), или тех артистократов, которые без трепета смотрели на топор палача. — Должно быть, учился в привилегированной школе, — пробормотал мистер Бантинг, впервые не вкладывая в эти слова презрительного оттенка. Бывают же такие люди, но человек, а время; он изумлялся им, но сам был не в состоянии подняться до таких высот. Он хорошо знал, что мужества в нем мало.

На гвозде, вбитом в перегородку, висел его противораз, вещественное свидетельство того недоверия, которое мистер Бантинг продолжал питать к Гитлеру. Но, в сущности говоря, мистер Бантинг сейчас уже мало интере-

совался противогазом; этот висел здесь просто потому, что дома ему выдали другой.

После смерти Криса он первым делом попросил мистера Ролло записать его на более активную работу. Он просил спокойно, но настойчиво, и отклонил довод, будто бы Килворту не угрожает непосредственная опасность. Со смертью его сына в рядах борющихся против Гитлера образовалась брешь, и, поскольку это в силах мистера Бантинга, он намерен заполнить ее. Теперь он был чем-то вроде связиста в местном штабе Гражданской обороны; ему дали особого фасона противогаз в мешке и стальной шлем, такой же, как у Оска, только он стеснялся выставлять его напоказ. Он сидел в штабе по вечерам, три раза в неделю, и возвращался домой ранним утром, чтобы урвать несколько часов сна, если этому не мешала тревога.

Миссис Бантинг уговаривала его бросить работу в штабе. Это уж слишком, убеждала она, такая работа ему не под силу. Но Джули потихоньку отговаривала мать.

— Пусть его, если хочет. Ему кажется, что его мало используют. Я сама хочу идти в шоферы санитарной машины. Падосло сидеть в бюро снабжения и вязать.

— Ты знаешь, как отец на это смотрит.

Джули вздохнула. Мистер Бантинг был против того, чтобы дочь тоже работала в штабе. — Нельзя же оставлять мать одну в доме, милая, вечер за вечером.

— Все вязанье да вязанье! — воскликнула Джули. — Связала бы я удавку для Адольфа, вот уж старый грязный «дрекзак»!

— Джули!

— Это не ругань, мама, это по-немецки.

— Мне кажется, воспитанные девушки так не говорят.

— Конечно, нет, мамочка. Я это выучила на тот случай, если встречу парашютистов.

Что думал мистер Бантинг в дни, последовавшие за смертью Криса, никто из домашних не знал. В дни несчастья он обычно, замыкался в себе. Чувствовалось, что он оправляется от удара, мало-помалу приводит в порядок свои мысли, старается примириться с новым

положением. Что он записался в отряд местной самообороны, потому что Криса убили на войне, это миссис Баутинг поняла; мотивы его поступков были ей достаточно ясны, и ясно было, что он хочет помочь довести до конца то, что начал Крис. Если Крис умер, то пусть его смерть будет не напрасной. Из отрывочных фраз и бурсанья она поняла до некоторой степени образ мыслей своего мужа. И часто с тревогой поглядывала на него, стараясь, чтобы он этого не заметил.

Иногда он отрывался от работы в саду и смотрел вдаль за пределы своего маленького участка на весь пейзаж в целом. Урзженец Лондона, с годами он привыкся к Эссексу. Килворт лежал в красивой местности, и он научился любить эти места. Это, кажется, и называется патриотизмом: любить свою страну, любить ее почву и деревья, ее запах и вкус, стремиться сохранить все это и передать потомству. А вторгнуться в чужую страну — это не патриотизм. Ради этого Крис не стал бы записываться добровольцем. Он только защищал свою родину. Иногда мистер Баутинг глядел на воробьев, клевавших из птичьей кормушки, с каким-то чувством товарищества, не поддававшимся определению, и на несколько минут они приковывали к себе его внимание. То вдруг он бросал работу, чувствуя незримое присутствие Криса. Бывали минуты, когда ему казалось, что Крис где-то совсем рядом; куда ни надся взгляд, всюду воспоминания. Все это он испытывал просто потому, что смерть Криса произошла еще так недавно. Он помнил это, ибо ему было очень хорошо известно, как время стирает память об умерших. Когда Эрнесту минует шестьдесят, чем будет для него Крис? Только преданием, не более, смутным видением среди ярких воспоминаний юности.

В такие минуты душа его раскрывалась настежь, и в нее входило горе; с искаженным лицом он уходил в сарай и, усевшись на перевернутый ящик, облегчал душу рыданиями. Вскоре он опять выходил из сарая и, пряча лицо, падал на самый цветущий из своих питомцев, перекапывал землю у корней или окучивал их. Если Джули или жена заговаривали с ним, он глядел на них повзрослевшими глазами, как бы умоляя, чтобы

они ничего не замечали. Все жалели его, так казалось мистеру Бантингу.

Оски дошел до того, что выкопал ему весь его урожай картофеля. Мистер Бантинг выкапывал картофель по мере надобности, по одному кустику за раз. Однажды в субботу, выйдя в сад и соображая, как ему быть с этой работой, отложенной по недостатку энергии, он увидел, что Оски с видом знатока отряхивает последний корень, и можно было сразу заметить, что он не повредил ни единого клубня.

— Поправится вам, Бантинг, или нет, а я вам все выкопал. Какой толк, если картошка гниет в земле, да еще в военное время? — Он оперся на вилы, как Гедон оперлся на копье, считая павших врагов. — Картофель ничего себе, хотя земля и не годится для «Короля Эдуарда».

— Даже и совсем неплохой, — поправил мистер Бантинг, который в конце концов сам вырастил этот картофель. Он обвел взглядом ряды вырытого картофеля и удивился, что его так много: урожай был невиданный для коттеджа «Золотой дождь».

— Ну, в чем дело? — спросил Оски. — Глядите, все ли тут? Не беспокойтесь, все налицо, ни одной штуки в земле не осталось. Картофель, Бантинг, это не все равно что хрен. Один раз посадишь, а во всю жизнь с ним не разделишься. Ну, а уж этот на будущий год не взойдет.

Оски деловито обтер вилы с видом человека, раз и навсегда покоившего с картофельным вопросом. На будущий год его не оскорбит зрелище картофельных ростков, вылезающих из земли на соседских грядках, с бобами и горохом. Не в пример мистеру Бантингу, он не ценил этих неожиданных возрождений и не смотрел на них как на бесплатную премию.

— Спасибо, Оски, очень любезно с вашей стороны. — Они постояли рядом, пока мистер Бантинг закурил трубку, раздумывая, в чем заключается истинно научный метод: следует ли сначала дать обсохнуть вырытому картофелю или убирать его сразу, облепленный мокрой глиной. Ему казалось, что Оски ждет, пока он выскажет свои соображения на этот счет, конечно, ошибочные,

чтобы можно было тут же указать на ошибку. Но глаз экспорта в эту минуту блуждал по саду мистера Бантинга. Кое на чем он останавливался, выражая изумление, потом двигался дальше, словно разрешив еще одну загадку.

Оска замаркал тяжелыми сапогами и откашлялся. Он собирался уходить.

— Не забудьте высадить цветную капусту, вы и то уже опоздали. На восемнадцать дюймов друг от дружки, чуть присыпать костяной мукой.

— Я не забуду. Рассада у меня очень хорошая.

— А лучше бы вы посадили «Короля Кобден», — заметил Оска. Он понятия не имел, какой именно сорт посадил мистер Бантинг, зная только, что не этот. — Я сам всегда сажаю «Короля Кобден». Для глинистой почвы самый лучший сорт.

Все любезности Оски были намеренно грубоваты, словно он чувствовал, что в таком виде соседу будет легче их принять. И действительно, когда с мистером Бантингом обращались слишком бережно, это только сильнее давало ему почувствовать, что он — человек, убитый горем. Он отнюдь не желал показаться неблагодарным, но ему было неприятно, что некоторые понижают голос, обращаясь к нему, было неприятно подчеркнутое внимание к его пуглам. Все это делалось с самыми лучшими намерениями, он ничем не мог оправдать своей враждебности, но неприятное чувство все же оставалось. Он понимал, что люди стараются оказать ему поддержку в несчастии, но он мог пережить его и один, не падая духом. Он выдержал удар, и это его не сломило. Это потрясло его физически, но в нем окреп дух, решимость жить и бороться, которую ничто не могло поколебать. Дома ему приходилось отклонять излишнюю заботливость семейных, прикидываясь озабоченным и даже ворчливым. Так и надо поступать. Только выдай себя — и ты пропал. Одного слова, одного взгляда было довольно, чтобы от выдержки миссис Бантинг ничего не осталось; она каждую минуту была готова разразиться слезами.

Когда они лежали вместе в темноте, он еще позволял себе быть нежным, и тогда она давала волю своему горю, но в другое время лучше держаться, как всегда.

и помогать ей по хозяйству. Он наблюдал за ней пристально и с тревогой. Она еще постарела, ходила по дому с загнанным лицом, то и дело терпеливо и безуспешно отстригая со лба мешавшую прядь волос. Когда он заговаривал с ней, она отвечала не сразу, точно не слышала. Потом оборачивалась и улыбалась ему, словно боец, не желающий сдаваться.

Вэй сирены нарушал ход домашней жизни так часто, что больше уже не кричали из комнаты в комнату: «Тревога!», а сообщали об этом самым обычным разговорным тоном, как о перемене погоды. Но сирена очень раздражала мистера Бантинга: ее зазывание раздавалось всегда в самое неподходящее время. Только он наденет домашние туфли и поставит ноги на каминную решетку, как уже и начинается. Сирена то застигала его в ванне, то прерывала самые интересные сообщения по радио. Передко он отказывался верить, что объявили тревогу, так как сам не слышал сирены, даже высунувшись в окно. Передко он пропускал тревогу, увлекшись чтением, и слышал только, как Джули кричала ему:

— Сбоился бромбу! Ты слышал бромбу, папа?

На что мистер Бантинг отвечал свистящим вздохом и уже собирался отчитать дочь за то, что она коверкает язык, но во-время вспоминал, что сейчас это не так существенно.

— Отойди от окна!

— Я на наблюдательном посту. Слышишь? Папи погнался за ним.

— Кой черт, разве тут мыслимо читать? — вопрошал мистер Бантинг, опуская газету на колени и укоризненно глядя на жену.

— В поле бросает. Ага, попало, всыпали тебе?

— Что за язык для девушки, Джордж! Ты бы сказал ей.

— Я должен ей говорить? Вот это мне нравится! — Он иронически фыркал. То он «вечно прищипывается» к Джули, то, оказывается, недостаточно ее одергивает. Уж лучше пусть будет веселая, думал он, пусть даже и дурит немножко. «Суровость и веселье», — как сказал Уинстон; должно быть, позаимствовал у Шекспира, думалось мистеру Бантингу. Некоторые выражения пре-

мьера запомнились ему: — «Никогда еще такое огромное большинство не было обязано столь многим меньшинству». Крис был один из этого меньшинства. Он пал не в какой-нибудь колонизальной экспедиции, а в час, когда решалась судьба родины... Горе проходит, а гордость остается.

Был еще Эрнест. Мистер Бантинг со всей искренностью пытался подойти ближе к оставшемуся в живых сыну и понять его. Эрнест все еще не был в армии. Следовало ли по этому поводу огорчаться или, наоборот, радоваться, мистер Бантинг не знал. Мальчик делал то, что от него требовало начальство, но иногда мистер Бантинг пытался поделиться с сыном тем, что его волновало, ибо отцовские слова западают в душу, и зреют там, как вино в темном подвале; как будто даже и забываются, но незримо остаются в каком-то скрытом уголке и начинают говорить полным голосом только через много лет после того, как они были сказаны. Как и ему самому вспоминались слова отца, так и его слова, быть может, когда-нибудь вспомнятся Эрнесту.

Все эти разговоры о целях войны, о «миропорядке» и о «прекрасном новом мире» были для мистера Бантинга только отзвуком старых, давно забытых и нарушенных обетов. Сколько бы человек не двигался вперед, место его все же на земле, а она никогда не станет миром богов, вкушающих нектар и амброзию. Человек должен поднимать целину, сеять, жать и собирать в житницы, должен рассчитывать и строить, покупать и продавать. Его орудия, его пища, его нужды, его радости и страдания до конца мира будут все те же, что сейчас и чем были всегда. В погоне за мечтой и фантазией такие люди, как Эрнест, забывают о самой основе, о том фундаменте, на котором они должны возводить здание, забывают даже о том, за что еще недавно боролись с таким ожесточением и что защищали с таким трудом. В надежде на то, что его слова когда-нибудь вспомнятся, мистер Бантинг настаивал сына сдержанно, но в высшей степени убежденно:

— Все эти идеи, Эрнест, разумеется, хороши, и я их не осуждаю. Но теперь же в них суть. Самое важное — следить, как бы опять не началось то же самое. Чтобы

немцы не набрались сил и опять не начали того же. Ведь все эти молодые наци, Эрнест, через двадцать лет станут взрослыми. И как ты думаешь, что из них выйдет? Если с ними обращаться, как ты говоришь, по справедливости, то через двадцать лет твоя сыновья тоже наденут защитную форму.

— Но, папа, нам же придется когда-нибудь договариваться с этими людьми. Мы с ними живем на одной земле. Должны же быть хорошие люди и среди немцев.

— Да, конечно, — согласился мистер Бантинг, но неуклонно продолжал идти к цели. — Все эти хорошие немцы после войны станут у власти, как это было после той войны. Ты нигде не сыщешь ни одного наци. А потом, когда ты с ними расцелуешься и заключишь вечную дружбу и дашь им взаймы, а сам разоружишься, то вдруг окажется, что все хорошие немцы куда-то исчезли, а власть опять в руках прежних гитлеров. Мы, старики, это уже видели, но нас уже не будет, чтобы предостеречь вас, молодежь.

Эрнест молчал, понимая, что отец говорит от души и боится, что его слова пройдут бесследно.

Мистер Бантинг продолжал, не глядя на Эрнеста и блуждая рассеянным взглядом с предмета на предмет, как всегда, когда говорил серьезно.

— Я иногда думаю, что и после теперешнего немцы опять возьмутся за свое, если мы их не остановим. У них миллионы юношей умственно развращены гитлеровским режимом. И вам, идеалистам, с ними не справиться. И не против ваших убеждений, я тоже хотел бы, чтобы в нашей стране жилось легче. Но для этого прежде всего надо защищать ее от врагов и не рисковать ее безопасностью.

— Да, — сказал Эрнест, взвешивая сказанное отцом. — С послевоенной Германией, конечно, будет не так легко разделаться, не так легко будет искоренить эту ложную философию и всякую фальшь. И от того, будет ли это сделано, зависит предотвращение будущей войны. Но мы ведь не можем вечно с ними драться, папа. Если мы хотим мира в Европе, нам придется работать во имя мира с той самой минуты, как мы положим оружие. Вот в чем мы ошиблись в прошлый раз.

— Не совсем так, — сказал мистер Бантинг. — Ошибка была не в том. Ошибка была в том, что мы забыли все, что узнали о немцах за четыре года. Мы не только сложили оружие. Мы его бросили.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Эрнест и Эви сидели рядом на табуретках под лестницей. Она положила голову ему на плечо, и могло бы показаться, что она спит, — было уже за полночь, — если б вся она не была насторожена, стараясь в ожидании бомбардировщиков уловить малейшие недоступные человеческому слуху звуки. Время от времени сквозь щель в почтовом ящике видна была белая вспышка. Тогда Эви вздрагивала, а Эрнест успокаивал ее, говоря: — Ничего, ничего, дорогой. Это, должно быть, зенитки.

Никогда в жизни Эрнест не чувствовал себя настолько измученным душой и телом. Долгие часы в прачечной, напряжение и тревога у себя дома, ночные дежурства в штабе три раза в неделю довели его до того, что у него осталось одно желание — забыться спом, как животное. Сегодня у него был первый свободный вечер за всю неделю, и он с радостью опустил тяжелую голову на подушку и блаженно засыпал, когда вой сирены разбудил его.

Он встал и оделся со стоическим спокойствием, заботливо наблюдая за Эви, так как время родов было близко, и она особенно нуждалась в его внимании и ласке. Теперь они сидели рядом во тьме, под лестницей, англичанин двадцатого столетия со своей женой, укрываясь от летучих гадов, как первобытные дикаря, с горечью думал он.

Он смотрел в темноту перед собой, раздумывая о том, вернется ли когда-нибудь знакомый ему мир. Если оглянуться назад, казалось, что то время, когда страна не знала войны, было изумительно счастливым. Оно походило на блаженное детство, время невинных игр и бесхитростных затей, не замечаемого и никак не ценимого счастья. И все это прошло и так забылось, что Эрнест с трудом мог вспомнить, как это ходят по освещенным улицам.

За последние несколько лет он слышал много споров и читал много статей о том направлении, какое примет мировая политика; но теперь он еще раз спросил себя, как мог мир дойти до того, чтобы для сохранения свободы человечества понадобились такие крайние меры, как бомбы, убежища и вот такое пересиливание смерти под лестницей. Ответ, однако, был ему известен. Великие нации ограничивались тем, что наблюдали, как истребляются мелкие, как власть переходит в руки бандитов, и гонения и убийства совершаются невозбранно. Христианские государства не отзывались ни словом, пока все эти преступления совершались за их пределами. Они отреклись от братства между людьми.

Все это до сих пор не волновало Эрнеста. Он этого не одобрял, разумеется, но это его не затрагивало. Только теперь, среди обломков несовершенного мира, его воображение представило себе этот мир таким, каким он мог бы быть — необозримо просторным, полным плясок под ярким солнцем, радостного труда, досуга и красоты; его идеалы опережали достижимую действительность как раз пастелью, чтобы приглушить изображение. Но до войны он никогда не думал об этом. Тогда он думал только об «успехе» и «эффективности», об осуществлении своей частной, очень ограниченной утопии, о «тщеславном «личном совершенствовании».

А теперь он сидит под лестницей со своей молодой женой, и их смерть и жизнь зависят от слепого случая.

— Слышишь? — Эви выпрямилась и схватила его за руку.

— Я ничего не слышу.

Несколько глухих взрывов, один за другим, раздались в отдалении, точно где-то падали огромные тяжести. Эти звуки окончательно разбудили его, он поднял голову. Последовала пауза, потом опять глухое сотрясение. Была какая-то дьявольская методичность в равномерном повторении этих звуков.

Эви вздрогнула. — Это бамбят Килворт. Во что они метят? Там же ничего нет.

Эрнест взял ее за руку, они вместе наклонились вперед. Послышался гул самолетов, летящих над городом, залп зениток, потом опять гул машин, измывавших куре-

Трудно было понять, что происходит. Так они сидели очень долго, молча, прижавшись друг к другу.

— Пролетели дальше, кажется, — сказал он, нарушая напряженное молчание.

И сразу наступила пугающая тишина. Дом, казалось, затаил дыхание; потом послышался свист, грохот, и стены затряслись. С улицы донеслись крики, звук торопливых шагов.

— Кого-то рапнло! — Он привстал, стараясь лучше расслышать.

Эви разразилась рыданиями: — Я не могу больше! Не могу! Боже, помоги мне!

Эрнест обнял ее, притянул к себе. Он сознавал свою полную беспомощность.

— Не бойся, дорогая!

Он услышал, что Эви шепчет молитву. Как ребенок; она и цеплялась за него, как ребенок, и сердце его растаяло. Но сам он не мог молиться так, как молилась Эви. Он не мог верить, что молитва может отклонить бомбу от намеченного пути. Где ее сбросили, там она и упадет. Самое важное — не падать духом; терпеть, если так суждено; мужественно умереть, если так будет нужно. Для него в этом была вся суть.

Если это конец жизни, думал он, то что же в ней было самого ценного? Конечно, только те минуты прозрения, когда словно срывается завеса и вся житейская мезуха на мгновение кажется преходящей и нереальной. Только в такие минуты человек понимает самого себя, свое внутреннее «я». Аккорд Бетховена, закат солнца, прекрасные просторы полей, восторги любви — вот что вызывает к жизни такие прозрения. Они длятся всего один миг и годами живут в памяти — крупницы золота среди мякны. Ими, а не долготой дней измеряется жизнь человека. Молитва Эви выпрывалась из сердца, как мольба ребенка, а для него единственным способом выразить себя были устремления духа.

Сидя под лестницей и не отводя темных глаз от щели в почтовом ящике, Эрнест вдруг понял инстинктом, более глубоким, чем мысль, и недоступным разуму: всякое устремление духа есть молитва. Человек молится так, как подсказывает ему его совесть, его сознание. Он был

неспособен просить бога о сохранении жизни, ибо как под градом бомб могла быть исполнена эта просьба? Но в павысших человеческих достоинствах он мог молиться; и теперь у него было только одно желание: молча, от всего сердца и с глубокой верой Эрнест, впервые со времени детства, в невольном порыве молился о том, чтобы ему было даровано мужество.

Крепче прижав к себе Эви, он смотрел во тьму задумчивыми, полными мысли глазами. Она перестала плакать и беспомощно припала к его плечу. Долгое время все было тихо. Вдруг шляпа Эрнеста упала с вешалки и покатилась в угол.

Оба вздрогнули и придвинулись ближе друг к другу, глядя во тьму.

— Что это?

— Кажется, моя шляпа. — После некоторого молчания оба засмеялись, и напряжение рассеялось.

— Смотри, не наступи на нее, — сказала Эви, опять входя в роль заботливой хозяйки. — Самая хорошая твоя шляпа.

Шляпа отвлекла их немного и ослабила напряженность ожидания. Эви подвняла голову и вытерла глаза; Эрнест чувствовал, что она ему улыбается во тьме. Он освободил затекшую руку и спросил:

— Теперь тебе лучше?

— Да, немножко. Думаю, что все обойдется.

— Я, пожалуй, закурю. — Вспыхнула спичка, осветив ее бледное лицо.

— Подожди, кажется, они возвращаются.

— О чорт! — Он погасил спичку и прилушался.

Опять посыпались бомбы. Звук был такой же, как и вначале, но почему-то не так пугал. Взрывы стали громче, они все приближались, словно быстрые шаги великана.

— Они все ближе. Сейчас бросят сюда.

— Нет, — сказал Эрнест.

И, словно в опровержение его слов, оглушительный, все нарастающий свист пронесся над крышей, и дверь затряслась, будто великан рвал ее с петель. Посуда на буфете зазвенела и попала на пол, послышались несколько взрывов один за другим, словно яростные удары по живому телу.

— Держись за меня, — сказал Эрнест сквозь стиснутые зубы; но она медленно соскользнула на пол, и его табурет опрокинулся. Он нагнулся над ней, засветив фонарик, думая о том, что дом, во всяком случае, не обрушится на них. Он не узнавая ее лица, так оно изменилось.

— Тебе придется пойти за доктором. Это... Это...

— Но, дорогая моя, как же я тебя оставляю одну?

— Доктора!..

Он остановился в нерешимости, не в состоянии справиться с мыслями. В квартире над ними никого не было; ни друга, ни знакомого, ни соседа поблизости. Она в испуге крикнула:

— Доктора, дурак! Ступай за доктором! Неужели ты не понимаешь?

— Сейчас, дорогая, иду, — сказал он покорно и, встав, заботливо прикрыл ее своим пальто. Потом надел макинтош и пошел к двери.

— Эрнест!

— Да? — Он вернулся и стал на колени рядом с ней. Из тьмы протянулись ее руки и обвили его шею, и она прошептала, прижавшись к его щеке:

— Прости меня, я не хотела...

— Ничего, дорогая. Я сейчас.

Он закрыл дверь и остановился на крыльце, глядя на город. Небо над горизонтом светилось от зарева пожаров. Над пылающими зданиями ползали, скрещиваясь, копические лучи прожекторов, и их отражения призрачно поблескивали в темных стеклах окон. Разрывы зенитных снарядов усенвали небо миниатюрными молниями, грохот и гул, казалось, сотрясали землю до основания.

Это была картина гибели и ужаса в полном смысле слова, и Эрнест стоял перед ней, словно перед воплощением всего, чем организованное зло могло грозить его духу, — смотрел, меряясь с ним силами. Наконец-то оружие извлечено из ножен, наконец-то разразился бой за вечные истины, бой, в котором его жизнь утратила цену или может утратить в любую минуту. И в нем проснулось мужество, воля к борьбе и победе — неоспоримое доказательство бессмертия.

Он слышал, как самолет с воем снижировал, как за-

идекала по крышам паудачу пушечная пулеметная очередь. Он прижался вплотную к дверному выступу, прислушиваясь к гулу невидимого бомбардировщика, спешившего укрыться в облаках. У него было такое чувство, что он присутствует при отвратительной хулиганской выходке. Эрнест не мог не верить своим глазам, и все же эта выходка оставалась для него непостижимой. Это, вероятно, и есть немецкая трусость в действии. Губы его искривились. Не часто приходилось ему испытывать такое полное презрение, какое он испытывал сейчас к этому воздушному хулигану.

Он бегом бросился к калитке и свернул на мостовую. Чуть ли не первой он встретил женщину в длинном пальто и широкополой шляпе. Он остановился и окликнул ее.

— Скажите, вы сестра?

— Да. Кто-нибудь ранен?

Только тут Эрнест обнаружил, что задыхается. — Моя жена... падет...

Она, повидимому, поняла, что перед ней стоит молодой супруг и будущий отец. Спокойным голосом прервав его отрывистые и бессвязные объяснения, она словно отмахнулась от его тревоги.

— Хорошо, молодой человек. Водите меня к ней.

Они вошли в квартиру. Он зажег свет и разглядел свою гостью, — пожилая, румяная, повидимому, знающая свое дело женщина. Они вместе отвели Эви наверх, в спальню.

— Вы не боитесь оставаться наверху, когда такое творится?

— Вот еще! Есть мне когда бояться. Вскипятите воду и посидите внизу, молодой человек. Если понадобится, я вас кликну.

Эрнест стоял на коврике перед каминном, совершенно потерявшись от волнения. Потом, влекомый какой-то силой, он подошел к шкафчику, где хранилась виски для мистера Бэнтинга. Ему довольно часто приходилось слышать о мужьях, которые напиваются донельзя в то время, как их жены рожают, и ему это казалось бессердечным. Однако он налил себе полный стакан и немедленно почувствовал облегчение, хотя чуть не задохся с непри-

вычки. Ему пришло в голову, что если он поднимется наверх, сестра сразу учует запах виски и сделает выводы не в его пользу. Но он, хоть и выпил, а все же не такой, как другие мужья. Поискав кругом, он нашел мешочек с конфетами Эви и положил в рот мятную леденку, потом закурил папиросу, чтобы заглушить подозрительный запах мяты и постоял, расставив ноги, прислушиваясь к шагам сестры над головой.

В зеркале он увидел свое отражение. Оно тоже прислушивалось, и лицо у него было довольно бледное, как ему показалось. Он долго глядел на него, мща сочувствия. Оно отвечало ему улыбкой на улыбку. Он будет отцом; вот этот, в зеркале, будет отцом. Удивительно! Какое ему дело до дочных налетов? Да ровным счетом никакого, по выражению Эви, что бы ни значил этот «ровный счет». Самолет прогудел над крышей; снаряды зониток с толгом взлетели кверху и разорвались приглушенным грохотом. Он поднял стакан, поздравляя молчаливое отражение в зеркале. С виду порядочный малый, а главное, неглупый, думал про него Эрнест. Но стакан был пуст. Эрнест обнаружил это, сначала поднеся стакан ко рту, а потом подняв его нетвердой рукой к свету. Голова у него слегка кружилась, когда он ставил стакан на стол.

Ему пришла мысль, что он такое же бессердечное животное, как все остальные мужья. Он был полон раскаяния, которое почти мгновенно перенело в злобу против немцев. — Скоты! — бормотал он. — Скоты! — Он вышел на лестницу и прислушался, потом, вернувшись и обведя взглядом комнату. Подъем духа в нем быстро сходил на нет.

Все, над чем здесь трудилась рука Эви, казалось, смотрело на него с умоляющим выражением: вышитые подушки, коврик, вязаный джемпер. Все эти вещи говорили ему о ее терпении и кротости. Сейчас у них был заброшенный вид вещей, оставшихся без хозяйки. В страхе он сжимал руки, прислушиваясь, когда умолкал огонь зонитных батарей. Но наверху ничто не шевелилось. Он вышел в прихожую и поднялся до половины лестницы. Перила дрожали под его рукой, слышен был свист падающих осколков, но он не обращал на это внимания. Налет близится к концу, думал он. Страшно было вспом-

пить, что он длился все это время, с тех пор как они с Эви укрылись в прихожей. Казалось, прошли целые века. Он чувствовал, что и Эви с тех пор отошла от него.

С бьющимся сердцем он поднялся выше по лестнице и остановился на площадке у окна, но смел идти дальше. Отодвинув штору, он увидел первую светлую полоску зари на востоке, и тут же сердце у него забилося от крика поворожденного.

Так, хилый и прежде времени, родился сын Эрнеста в ту пору, когда свет боролся с тьмой.

Предупрежденная сестрой, рано утром явилась миссис Бантинг, а с нею Джули и мистер Бантинг — все в грязи, измученные, растрепанные.

— Какая ужасная ночь, бедные вы мои.

— Теперь все уже кончилось, мама, — сказал Эрнест. Голова у него болела и во рту было сухо, но сердце переполняла радость.

Костюм мистера Бантинга был спереди залезан грязью. Ему пришлось лечь ничком на тротуар, чтобы его не разнесло на куски. (Он точно запомнил место и мысленно отметил его мемориальной доской.) Прихлебывая чай, он в паузах между глотками терпеливо повторял, что это было совершенно необходимо, очевидно, думая, что без повторения этого не поймут. Коттедж остался невредим, и по соседству не произошло ничего особенного, вылетели только стекла в оранжевое Оски. Утром, к великому облегчению домашних, мистер Бантинг, встревоженный и весь в грязи, вернулся из штаба.

— Слава богу, все живы и здоровы, — прошептала миссис Бантинг. — Главное, Эви! Говорят, в городе был сплошной ужас, — кругом пожары, очень много убитых и раненых.

— Да, Килворт пострадал, — сказал мистер Бантинг, допив чай и вставая, чтобы положить конец этим разговорам. — Ну, пора и на работу. Идем, Джули.

Оставшись вдвоем с матерью, Эрнест присел отдохнуть. Ему предстоял тяжелый день. Пятница всегда была тяжелым днем в прачечной. Миссис Бантинг с радостью ухаживала за Эрнестом; пододвинула ему скамеечку под ноги, принесла поднос с завтраком и поставила на угол

стола. Во время налета она сидела с застывшим лицом в убежище. После того как она перенесла смерть Криса, она равнодушно встречала все невзгоды, какие могла обрушить на вих войны. Но рождение внука было для нее возможностью коснуться новой жизни, беречь ее, заботиться о ней, и Эрнест впервые увидел, как ее лицо осветилось прежней улыбкой.

Перед уходом на работу он поднялся наверх и вошел на цыпочках в спальню посмотреть на Эви с сыном — они крепко спали. Все, что совершалось вокруг, не могло полностью затмить в нем радость отцовства. Среди событий огромной важности это событие не теряло своего значения; началась еще одна человеческая жизнь со всеми тающимися в ней возможностями. Он сошел вниз, почти ничего не видя от волнения, попрощался с матерью и направился в прачечную. Но придя на место, где она была, он напел только грудую цепла.

От этого зрелища у него захватило дыхание; он медленно двинулся в обход, исследуя пожарище. Стены еще кое-как держались, но он с первого же взгляда убедился, что спасти ничего нельзя. Исковерканные маховики, погнутые валы лежали под обгорелыми изразцами и балками закоптелой, бесформенной массой обломков. Он осторожно пробирался между ними, улавливая останки то одной, то другой машины и изумляясь, как могло все так спутаться и смешаться.

На том месте, где был его кабинет, он заметил кое-что из своих личных вещей; там виднелась книга, здесь картина, разбитая ваза для цветов. Он их не тронул.

Все, во что он вложил свой труд, погибло, лежало у его ног черной руины. Точно так же, как человеческие пальцы в окружавшем его мире. Надо было снова строить на развалинах или признать себя побежденным. Но по острой боли от удара, какую он ощутил раньше, в начале войны. В войне, которая ведется таким способом, как эта война, казалось самым естественным делом в одно прекрасное утро найти развалины на месте творения своих рук.

Увидев, что министр Игл, облаченный в теплое пальто, подходит к нему, опираясь на трость, он почувствовал великую жалость, не допускавшую словесного выражения.

С минуту они стояли рядом, не говоря ни слова. Потом Игл сказал: — Ну, вот и конец прачечной.

Слова эти пастолько шли вразрез с мыслями Эрнеста, что он обернулся к нему в изумлении: — Конiec? О, нет! Она возродится. Мы ее отстроим заново.

— Вы — может быть, но не я, мой мальчик. — Старик перешителыным, слабым движением протянул вперед руки. — Я слишком стар для новых затей. А кроме того, что же тут отстраивать — ведь камня на камне не осталось.

Эрнест попытался ободрить его. — Я говорю не о перестройке. Совсем новое и лучшее здание. По новому плану, солнечное, без темных углов.

И оно возникло перед глазами Эрнеста, здание из стекла и стали, но громоздкое, но строгих и изящных пропорций, без дымыных труб, без куч шлака. Он увидел его под солнечным небом, такое прекрасное, каким оно не могло быть в действительности. Но это видение согрело ему сердце. После войны будет полная возможность строить заново, и не оди только прачечные. И перед ним открылись другие, более широкие перспективы, прекрасное новое, возникшее из отмирающего старого.

— Уж эти ваши идеи, Эрнест! — воскликнул Игл, посмеиваясь. Потом он изменил тон, доверчиво придвинулся ближе, и его жесткие пальцы сжали руку Эрнеста. — Да, но все-таки хотелось бы посмотреть на это. Хотелось бы, милый Эрнест. Я стараю, но все-таки дотяну до этого. Как, по-вашему? — Его глаза, окруженные остью морщинок, смотрели вопросительно и тревожно.

— Конечно, вы тоже это увидите, сэр, — ответил Эрнест и задумался, мысленно очувствившись очень далеко от этих развалин, которые, казалось ему, были скорее показательны, чем существенны. Но сравнению со всем остальным пожар прачечной был незначительным происшествием, но он входил в мировые события, был неотделим от них. Насилье никого не убеждает. Нельзя насильно заставить людей принять новый миропорядок, если они в него не верят. Когда-нибудь он придет на это место своего сына и расскажет ему, как в день его рождения, стоя здесь, он поклялся помочь построить из этого хаоса обломков нечто новое и лучшее.

А пока дело шло не об этом. Если хотеть, чтобы что-нибудь уцелело, то долг Эрнеста — не здесь. Есть вещи в жизни, за которые надо бороться; но те, кто стоят вне борьбы, сэберегут их. Наконец-то Эрнест ясно увидел свой путь: он лежал перед ним прямой, как стрела.

— Вот что, сэр. Теперь я освободился. Я могу вступить в армию.

— Что? Вы хотите идти в армию?

— Да, в пехоту. Буду драться.

Игл смотрел на него, моргая. — Драться — вы? — И он вперился в него изумленным взглядом. — Вы чудак, Эрнест. Я вас никогда не мог понять.

— Буду драться, — повторил Эрнест и стиснул зубы, чтобы не сказать больше. Если и есть среди немцев хорошие люди, то это не имеет значения: это казалось важным раньше, но не теперь. А если есть в Германии люди, которые думают так же, как он, но которые по слабости позволили зажать себе рот, то он будет бороться и за их освобождение.

Ему вспомнилось кое-что из «Майн кампф». Из всего высокопарного бреда, заполнявшего книгу, он не мог припомнить ни одного слова, отвечавшего высшим запросам человеческой души. Она проповедывала изуверский мистицизм, основанный на софизмах и передержках, делавший идола из государства. Согласно этому учению такие люди, как Эрнест, должны лишиться всяких признаков индивидуальности и влиться в серую аморфную массу безличностей, на все согласных, одинаково одетых, одинаково мыслящих проходящих гусиным шагом мимо царька племени, имитируя античный салют. Казалось бы, этот дикий бред должен был потонуть под градом насмешек при самом своем рождении.

Однако целая нация приняла его. Вся власть, весь государственный аппарат были организованы с целью вдолбить это извращенное учение в умы миллионов, задушить совесть миллионов.

Эрнесту казалось удивительным, что никогда идеалы говорящих на английском языке народов не проповедывались с таким рвением и жаром, с каким пропагандировалась середь горсточек приверженцев нацизма. Ни Англия, ни Америка никогда не тратили столько пыла,

чтобы вложить в умы молодежи свои национальные идеалы. А ведь эти идеалы являли собой все лучшее в духовном наследии человека: веротерпимость, свободу личности, справедливость. И только с этим наследием можно надеяться на прогресс человечества.

Он отогнал от себя эти мысли.

— Прощайте, сэр.

— Прощайте, Эрнест.

Мистер Игл смотрел на него грустным, любящим взглядом. В Эрнесте по временам можно было наблюдать бесповоротную решимость, решимость не на жизнь, а на смерть: он имел мужество бороться даже без надежды на успех. Сколько бы ни пало бойцов рядом с ним, Эрнест неуклонно будет идти вперед; если он не устоит на ногах, он и на коленях поплывет дальше, одушевленный идеей. Но он хрупкого сложения, тонок и строен, и руки у него почти девичьи; его поддерживает только внутренний огонь.

— Сохрани вас бог и дай вам вернуться домой, — сказал мистер Игл более хриплым и ворчливым, чем обычно, голосом, и его костлявые пальцы от волнения еще крепче вцепились в руку Эрнеста. Чтобы ни ожидало юношу, с его стороны это было последнее прощание, старик это знал. Он стоял среди развалин, глядя, как Эрнест удаляется от него решительными шагами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Мистер Бантинг доблестно отправлялся каждое утро в Лондон, где бэмбежки не прекращались. Сборы к отъезду проводились им в явно повышенном настроении. Он чистил шляпу, свертывал зонтик и укладывал бутерброды в чемоданчик, насвистывая, как заячий. Можно было подумать, что он собирается на пикник в Маргэйт. Все это имело целью рассеять страхи миссис Бантинг, но только заставляло ее скрываться на кухню и за дверью вытирать глаза уголком фартука. В минуту прощания оба бывали взволнованы, и у обоих проглядывало чувство, более сильное, чем обычная супружеская привязанность.

Хотя мистер Бантинг и делал вид, что не придает зна-

чения частым надетам, тайные и он подчас переживал тревожные минуты. Он вздрагивал при неожиданном шуме, сердце у него падало, и дыхание прерывалось. Такие ощущения быстро проходили, он сейчас же справлялся с собой. Их мог вызвать неожиданный шум мотора, порыв ветра, падение какого-нибудь металлического предмета с прилавка в магазине. Он порицал свои нервы за эту слабость так же сурово, как желудок за несварение, словно разные части его организма были виноваты в том, что не слушались его воли.

В поезде он теперь редко смотрел в окна — постепенное разрушение Лондона не вызывало уже такого жгучего интереса, как в первые дни. Очень часто по утрам он ехал на работу не выспавшись, и ему было трудно даже прочесть «Сирену». Если попадалось место в углу, он пытался отдыхать по системе, описанной на страничке медицинских советов «Сирены». Как-то раз ему удалось задремать на целые полчаса, и сосед-пассажир разбудил его на ковечной ступени.

— Тревога, сэр.

Мистер Баптинг поблагодарил незнакомца за предупреждение и встряхнулся, очень довольный результатом первого опыта проверки новой системы. К северу на небе виднелись вспышки разрывов, но очень немного; должно быть, какой-нибудь фриц разгуливал в одиночку. Из-за угла показался торговый дом Брокли, и он внимательно осмотрел его, этаж за этажом, витрину за витриной, словно ревизуя свою собственность. В знакомой обстановке прежняя храбрость и присутствие духа вернулись к нему.

— Последнее время нам везет, — сказал он швейцару, проходя мимо него бодрой, как всегда, походкой.

Работа сейчас сосредоточилась в одном-двух отделах — во всех остальных она почти сошла на-нет. Но мистер Баптинг был занят по горло. Он был самый старый и самый опытный из всего штата; из прежних заведующих отделами оставался только он один. В глазах своего шефа он теперь поднимался весьма высоко. Другие, быть может, быстрее соображали и быстрее работали, но положиться можно было только на мистера Баптинга, на его добросовестность. Даже если его посылали в чужой отдел от-

править несколько ярдов линолеума такого-то сорта, то мистер Бантинг не только находил требуемый сорт, но и проверял еще раз номенклатуру, прежде чем отрезать ровно столько, сколько требовалось, — мистер Бикертон мог быть совершенно уверен в нем. Он был так же надежен, как кровциркуль самого мистера Бикертона. Теперь ему нередко приходилось бывать в чужих отделах, но он никогда не заходил в отдел ковров и линолеума без крайней надобности. Среди скатанных в трубку ковров слыли отзывы речей Горацио и Брута, но самого Джо Кордера уже не было там.

Одной из задач мистера Бикертона было теперь восстановить записи, пострадавшие во время бомбежки. Один-два изворотливых клиента пытались оспаривать некоторые условия поставок, и мистер Бикертон возлагал большие надежды на упорство мистера Бантинга при расследовании сути дела. Учитывая наличный товар, допрашивая упаковщика и производя розыски в подвале среди тары, можно было восстановить почти все данные накладных. Но во всем, что относилось к отделу железоскобяных изделий, фирма полагалась единственно на записную книжку мистера Бантинга.

Занятый этим делом, мистер Бикертон, осанистый, сияя розовой лысиной, сидел в кабинете по одну сторону стола, а мистер Бантинг, тоже осанистый, но погубовсколочепный — по другую. Тут они встречались почти как равные, ибо шеф давным-давно оставил свой сухой, изчальствующий тон в разговорах с мистером Бантингом.

Заложив пужное место пальцем и пропуская стихи, афоризмы и репеты лакомых блюд, записанные вперемежку с тем, что касалось железоскобяных изделий, мистер Бантинг прочел вслух:

— Сорок, диаметр три восьмых. — И так как пауза по ту сторону стола свидетельствовала о непонимании, прибавил: — Сетки, сэр, проволоочные сетки. — Он надеялся, что теперь будет достаточно ясно.

— Понимаю. Дальше.

— Кажется, сбро-сили бом-бу, — заметил мистер Бантинг, произнося слова медленно, с расстановкой, так как он нередко перебивал их, заразившись этим от дочке.

Вон там, сэр. — Он показал записной книжкой, в каком направлении, впрочем, не очень точно.

Послышалось едва слышное, назойливое жужжание, похожее на комариный писк.

— Удивляюсь, как это немцам не надоест, — заметил мистер Бикертон, отодвигая стул и подходя к окну. Он стоял, глядя в небо, а мистер Бантинг тем временем оттачивал карандаш, с удовольствием раздумывая о том, что сегодня суббота и погода проясняется.

— Поразительный тип этот Гитлер, как, по-вашему? — спросил мистер Бикертон, подходя к камину. — Должно быть, никогда не имел дела с порядочными людьми. Вот уж действительно магия величия.

— Вы совершенно правы, сэр, — отвечал мистер Бантинг, мысленно запоминая второе и записывая первое слово, чтобы потом справиться в толковом словаре.

— У нас в Англия тоже бывало авторитарическое правление — в далеком прошлом, конечно. Помазанник божий и так далее. Идея ошибочная, но все они, по крайней мере, были джентльмены. Мы никогда не повиновались каким-то прохвостам.

— А ведь был простой маляр. В этом, конечно, ничего плохого нет. И все-таки странно, сэр; каких-нибудь десять лет тому назад вы могли бы видеть там, как этот самый Гитлер красит водосточную трубу!

Взгляд мистера Бикертонна задумчиво остановился на его помощнике. — В самом деле. Мне это никогда не приходило в голову. Что же, будем продолжать?

— Оттого же, пока они еще далеко.

Мистер Бикертон сидел и, словно отогнав от себя мысль о несовершенствах своего собеседника, сказал:

— Нет, вы славный мальчик, Бантинг.

— Я, сэр? — Взгляд мистера Бантинга выразил неподдельное изумление, но минутой позже он покраснел от удовольствия. — Да что вы, сэр, — пробормотал он и окончательно смутился!

Спустившись вниз, он обнаружил, что магазин уже заперт, — его шеф всегда забывал о времени. Единственными звуками было позвякивание ведра, плескание тряпки и папевающий что-то голос миссис Масгрэйв, только что приступившей к субботней уборке. Чувствуя,

что удовольствие от полученного комплимента все растет в нем, мистер Бантинг довольно ласково приветствовал ее, поддержавшись от замечания, что медные яды на прилавках чистить не стоит, так как от этого только липнет к пальцам вонючий состав.

— Мистер Бантинг, — сказала она, понизив голос, — вы меня извините, что я вам раньше этого не говорила, но мне так жалко было, когда вашего сына убили.

Он тотчас же насторожился. — Благодарю вас, миссис Масгрэйв.

— Да, очень жалко. Очень. Бедный мальчик, а все из-за этого Гитлера. И такой молодой. Ведь он у вас летчик был, какжется?

— Да, — ответил мистер Бантинг, не отрывая глаз от стола, по которому сповала взад и вперед тряпка миссис Масгрэйв.

Она, как видно, приготовилась к сочувственной, дружеской беседе. — Каково-то его матери это переживать! Просто ужас. Как же это случилось?

Мистер Бантинг почувствовал, что ему становится невыносимо. И тут его осенило.

— Как ваш Чарли? — спросил он вдруг.

— Разве я вам не говорила? — Она выпустила из рук тряпку и оперлась всем своим тщедушным телом о стол. — На прошлой неделе немцы бросили бомбу как раз там, где стояла их часть. На то самое поле, вот проклятые!

— Чарли не ранен?

— Нет, но он слышал, как бомба взорвалась. По моему, военное министерство должно перевести войска куда-нибудь в другое место. Как вы думаете?

— Без сомнения, — серьезно ответил мистер Бантинг, проходя в закуток, где он надел пальто и шляпу и постоял несколько минут молча, борясь с приступом расстроенного горя. Потом, словно вспомнив одну из своих прописных истин, он глубоко вздохнул и пошел по отделам к выходу, чтобы слиться с толпой на улицах и вокзалах Лондона.

Возвращаясь домой к концу дня, после визита к рекомендованному Оска торговцу семенами за каким-то удивительным карликовым горошком, мистер Бантинг

увидел, что впереди маячит фигура Ролло-младшего, наподобие вставшего поперек дороги броненосца. Сигналы с его стороны были самые дружественные; встреча поразила его, как самый необыкновенный в мире случай. Крепким рукопожатием и громогласными восклицаниями он старался показать, что понимает, как мистер Бантинг рад и даже счастлив его видеть.

Да, он в отпуску. Мистер Бантинг, может быть, этого не знал? Он ехал всю ночь и попал домой в два полночь, совершенно точно. Теперь он был переполнен до краев добродушием и желанием услужить. Кстати, у него тут под рукой «скортон-дэвид». И пяти минут не пройдет, как мистер Бантинг будет дома.

— Гм, — произнес мистер Бантинг, с сомнением глядя на машину, которая угрожающе мурлыкала, как хищный зверь перед прыжком.

— Мне это нетрудно, — уверял его Берт, распахивая перед мистером Бантингом дверцу и широким жестом загоняя его в машину. Почти в тот же миг он и сам вскочил с другой стороны, и «скортон-дэвид» рванулся с места. — Скользит, как по бархату, — объяснил Берт. Ему, казалось, пехватало привычного в бронетанковых частях грохота и скрежета гусениц.

По дороге он сообщил, что все утро осматривал пострадавшие районы Килворта. Они нескладными чертами запечатлелись в его памяти. В немом бешенстве он перешел с одной скорости на другую.

— Это я тоже приписал им к счету, — сказал он. Потом подумал с минутой. — Да! Так что запомните мои слова, мистер Бантинг.

— Но налетите на почтовый ящик! — закричал мистер Бантинг, когда они помчались по Кэмберленд-авеню. Ролло-младший окинул его тем особенным взглядом, который даст собеседнику понять, что его слабое место обнаружено. Столб с почтовым ящиком благополучно промелькнул мимо и скрылся вдали, несколько по поврежденный, чему был очевидцем сам мистер Бантинг, проводивший его изумленным взглядом.

— Не понимаю, зачем их ставят так близко к тротуару, — вслух размышлял Берт. — Правда, когда ведешь танк, это не имеет значения.

Перед своим домом мистер Бантинг вылез из машины со странным ощущением, что вся папа палета палета на что-то и разом остановилась. Его ноги с радостью коснулись привычной, твердой почвы. С некоторым облегчением, но все еще чувствуя вихрь в ушах, он открыл дверь и впустил гостей в столовую. Эви, с закатанными рукавами, одевала ребенка после ванны, тут же стояла порядком запачканная Джули в чепце с пыльной тряпкой в руках.

Обе замерли на месте и вытаращили глаза, голенький ребенок брыкал ножками, лежа на столе между ними. «Ну, уж я-то тут ни при чем, — подумал мистер Бантинг. — Если есть хоть какая-нибудь возможность совершить бестактность, то уж, будьте покойны, Берт Ролло эту возможность не упустит».

— Берт! — воскликнула Джули. Последовали быстрый обмен взглядами и пауза, прерванная ответным: — Джули! — так что мистер Бантинг пасторожил уши. Он почувствовал, что с ним тут вовсе не считаются, — его как бы совсем нет. В присутствии Берта мистеру Бантингу всегда казалось, что тут все чужое и даже самый дом не его. Вот и теперь высокая фигура Берта в защитной форме, огромные ноги и широкие плечи заполнили всю комнату, так что хотелось открыть окно и впустить свежий воздух.

— Ну! Неужели это эрнестов сосунок?

— Да, — улыбнулась Эви. — Как он вам нравится?

— Замечательный, — сказал Берт. Вероятно, он никогда не видел младенцев так близко. Его удивило, что у человека могут быть такие маленькие ручки и ножки: крохотные ноготки казались ему просто чудом совершенства. — Здорово! — объявил он, но старался держаться от ребенка подальше, словно боясь причинить ему непоправимый вред каким-нибудь неосторожным движением.

— Садитесь, Берт, — гостеприимно пригласил мистер Бантинг, так как Берт в конце концов был все-таки солдат его величества и, без сомнения, человек, пужный для того, чтобы разделаться с немцами. Казалось, его единственным стремлением было именно разделаться с немцами; он не о чем другом просто не мог говорить.

Все эти месяцы, как выяснилось, Берт ждал вторже-

ны неприятеля. Танк он держал наготове. Ночь за ночью он с надеждой выезжал на свой пост; утро за утром наступал холодный рассвет, а немцев все не было и следа. Впечатление у слушателей было таково, что Берт это бездействие раздражало все больше и больше, и, наконец, он сделал вывод, что насчет вторжения только зря трепались. Но один приятель, который читает газеты и по всех отношениях парень не промах, говорил ему, что Гитлер, может быть, как раз и ведет игру в расчете вот на таких, как Берт, которые любят драться сразу; хочет поймать их, когда они, уложив винтовки в чехлы играют в пинг-понг в клубе Христианского союза молодежи. После чего, выкурив трубочку или две и пораздумав над этим, Берт объявил ему: — Понимаю, приятель, — и пошел осматривать свой танк, а все детали мотора осмотрел два раза подряд каждую. Только надоело ждать, пока противник подойдет к нему. Бронетанковые части в Африке высылали Муссолини по первому числу, и в том районе, где стоял Берт, ребята очень жалели, что их не пригласили на спектакль.

— Африка — дело подходящее, для танков годится вполне, — заметил он. — Только мне больше хочется подраться с фрицами, чем с итальяшками. Вот увидите, мистер Баптинг, как мы их разделаем, дайте только срок.

— Вы там что-то затеваете?

— Ага! — отозвался Берт и посмотрел на свои сапоги, с сапог перевел взгляд на дверь, за которой исчезла Джули, потом взглянул в окно, в сад, где тоже не видно было Джули.

— Очень приятно вас видеть, все-таки, — заметил мистер Баптинг, нарушая пеловкое молчание.

Мистера Баптинга несколько смущало то, что Берту был оказан довольно холодный прием, впрочем, сомнительно, что он это заметил. В ответ на слова мистера Баптинга Берт одобрительно кивнул. Он не отрывал глаз от миниатюрного одеяния, висевшего перед огнем, таких крохотных одежек ему еще не приходилось видеть. Мало-помалу он пришел к выводу, что это рубашка, хоть и мидлпутеких размеров.

— Эрнест, кажется в похоте? — спросил он Эви.

— В Дервентском полку.

— Так я и думал. Это пехотный. — Он погрузился в размышления о том, какие бывают странные вкусы. — В пехоту, скажи, пожалуйста. Видно, иным это нравится.

На лестнице послышались шаги Джули, и она вошла в комнату, умытая, без чепца. Щеки у нее теперь пылали румянцем, а локоны приобрели ослепительный блеск. Она была в своем самом нарядном платье и в новом джемпере, и у всех присутствующих просто дух захватило от такой метаморфозы. У мистера Бантинга на лице появилось то недоумевающее выражение, с каким он глядел на трансформаторов и фокусников на эстраде. Он похерывал голову то вправо, то влево, следуя за ее движениями. Но Джули, вероятно, этого не замечала, по крайней мере, делала вид, что ничего особенного тут нет. Из всего ее поведения яствовало, что никаких перемен нет и вернулась в гостиную та самая Джули, которая только что вышла из комнаты. Она остановилась в дверях, держа что-то над головой.

— Глядите, что я нашла в шкафу в комнате для гостей!

Сначала мистер Бантинг не поверил своим глазам. Но ошибиться было невозможно: высоко над головой Джули держала бутылку виски, ту самую бутылку, которую он купил еще до военного повишения деп.

— Го-оп! — крикнула Джули, подбросила ее и поймала.

— Джули, ради бога! — в тревоге завопил мистер Бантинг.

— Го-оп! — опять крикнула она и еще раз поймала бутылку, но соблюдая ни малейшей осторожности.

Сделав три быстрых шага, мистер Бантинг подошел к Джули, решительно, но бережно выхватил бутылку: у нее из рук и уже искал глазами, куда бы ее спрятать.

— Дурочка! — упрекнул он, так как сердце его все еще ускоренно билось. — Ты меня просто напугала.

Джули с улыбкой обернулась к Берту. — Как, ты теперь сержант? Папа, ты и не заметил, у Берта третья шинелька!

Мистер Бантинг действительно не заметил, да я теперь не обратил особого внимания, хотя Берт подтвердил, что эта дубинка Адольф даже и этого не выслужил в

прошлую войну за все четыре года. Сказать по правде, мистера Бантинга даже затопило слегка, так он испугался за бутылку.

— Надо поздравить Берта, наша, тем более, что он сам здесь, — сказала Джули и, не дожидаясь его согласия, достала два стакана и пошла за графином с водой; на все эти приготовления, как заметил мистер Бантинг, Ролло-младший глядел весьма одобрительно.

— Так и быть, выйдем, — сказал он, разлил виски по стаканам и поднял свой кверху.

— За отсутствующих друзей! — торжественно произнес мистер Бантинг, чувствовал, как блаженное тепло разливается по всему телу.

— За отсутствующих друзей! — и он вспомнил Криса и Эрнеста и всех молодых служащих фирмы Брокли, которые теперь далеко отсюда, на суше и на море.

— Вот это виски! — похвалял Берт, выдохнув воздух. — Забористое! — С пустым стаканом в руках он изучал ярлык на бутылке, наморщив лоб, и разбирал слово за словом, пока мистер Бантинг не допил свой стакан до дна и не поставил его на стол с выражением, говорившим о том, что с этим покончено и продолжения не будет. Однако Берта это ничуть не смутило, и он предложил «кстати» выпить за здоровье младенца, всем своим видом выражая готовность подчиниться принятому в таких случаях обычаю. При этом он деловито осведомился, сколько вмещает такая бутылка.

С героическим снисхождением, но уже не доливая до краев, мистер Бантинг пил еще по стакану. Он не мог не заметить, что уровень жидкости в бутылке значительно понизился.

— За юного Джорджа Кристофера! — произнес он. Если память ему не изменяла, то Джорджа Кристофера пора было кормить, но Эви была слишком застенчива, чтобы делать это при посторонних. Стаканы были осушены и поставлены на стол, и мистер Бантинг слегка забеспокоился. Сопоставленно бутылки, стаканов и графина выглядело очень соблазнительно, напоминая известную песню о «чаше круговой». Если все это оставить на столе, то Берт, чего доброго, вдохнется и предложит еще какой-нибудь тост, например, за мистера Черчилля

или Рузвельта, которым он особенно восхищался. По мнению мистера Бантинга, у Джули должно было хватить соображения на то, чтобы убрать все это со стола; будет слишком подчеркнуто, если он уберет это сам. Но Джули не отличалась сообразительностью, она опять куда-то исчезла, и он мог только с рассеянным видом, но очень плотно закупорить бутылку.

Скоро она вернулась в пальто, многозначительно натягивая перчатки. Берт сначала воспринял лишь общее впечатление обаятельности, и только потом до него дошло, что она собирается уходить.

— Ты куда-нибудь собираешься?

— Никуда особенно, просто в город.

— У меня тут машина. Если хочешь, я тебя довезу.

Она изумленно приподняла брови. — Неужели? Большое спасибо. Ну, до свиданья, папочка!

Как только дверь за ними закрылась, мистер Бантинг проворно вскочил с места и убрал бутылку в пустой угол буфета, отведенный для ее предшественниц. Купить бутылку за двенадцать шиллингов, совсем забыть про нее и пойти снова, когда налоги довели цену до шестнадцати шиллингов — это было все равно, что отконать зарытое сокровище.

— Вот так-то лучше. Эви, — заметил он, закрывая дверцу буфета.

Эви сидела с ребенком у груди и глаза у нее были задумчивые и счастливые. Это было кроткое, нежное, робкое существо, в доме ее было бы не слышно и не видно, если б не улыбка, особенно теплая по отношению к мистеру Бантингу, как ему казалось, и не тихий голос, в котором не было ни одной резкой ноты. Что может быть естественнее и милее этого, думал мистер Бантинг, глядя на мать с ребенком у груди.

У Эви был вид жемчужины, жизнь которой полна. Глядя на нее, он вспомнил Монику, у которой война отняла самое дорогое. Теперь мистер Бантинг никогда не видел Моники, но про нее ходили разные слухи, и это его огорчало. Танцы, коктейли, головокружительный вихрь увеселений — вот какова была теперь жизнь Моники. Одних людей горе толкает в одну сторону, других — в другую. Слишком велика разница в возрасте, даже и го-

форить с молодежью бесполезно, все равно не столкнешься.

Он надел пальто и вышел посмотреть на свой сад, намокший под дождем и совсем голый, кроме нескольких вечнозеленых кустов, пострадавших от непогоды. На следующий год он постарается не запускать его так, приложит больше труда. Это и есть способ выиграть войну, да и что угодно другое — припалась и довести дело до конца. Так всегда и поступали англичане, а другие страны, как это ни удивительно, думал он, забывают, чему учит их наша история. Они кричат о победе, еще не пачав по-настоящему войну, но вот такие люди, как он, верили в стойкость и упорство: стиски зубы, как бульдог, и приучись переводить дух, не выпуская врага, сколько бы он тебя ни терзал и ни калечил.

По страля уже прибавила шаг; так сказал Уинетти, каждое слово которого он взвешивал и обдумывал. Скоро мы сразимся с гуннами, вооруженные не хуже их; мистер Бантинг знал, что вся армия только этого и ждет.

Будь то Крис, который трезво смотрел на вещи, и, зная, чем он рискует, пошел один против восьми «Мессершмиттов», или Эрнест, который преувеличивая опасность, но не бежал от нее и не терял присутствия духа, или хотя бы Ролло, у которого нехватало ума, чтобы распознать опасность, даже когда она была перед глазами, — все молодцы, немцам до них далеко. И таких, как они, — тысячи, десятки тысяч, и здесь и во всей империи, за морями.

Он набил доотказа свою обкуренную трубку и только тогда заметил, что к забору подходит Оски. Стояло мистеру Бантингу погрузиться в размышления, и поверняка можно было рассчитывать, что перед ним появится Оски.

— Вот вам немножко семян, Бантинг. «Эйлса Крэг». — Он передал копьерт, надписанный карандашом.

— Как следует удобрите землю костяной мукой и сажайте пореже. Смотрите, чтоб мышка не поела.

— Спасибо, Оски. Кажется, этих у меня нет. В самом деле, неужели нам и цветов не сажать из-за этого Гитлера?

— Цветов! Какие же это цветы? Это лук.

— Лук? Ах, да, да, конечно. — Мистеру Баптингу дослышалась в голосе Оски знакомая патетическая нотка. — Это будет очень кстати. Так вы говорите костной мукой?

Он записал на конверте про костяную муку и двинулся дальше, чтобы избежать разговора об обязанностях садовода во время войны. Оски в этом вопросе придерживался самых строгих правил. На тех, которые не сеют и не живут в интересах общественного питания, Оски смотрел косо. Даже сеять зеленый горошек, и то, по его мнению, было не патристично. Он твердил одно: надо сеять корнеплоды к зиме; ему было известно во всех подробностях, как их следует хранить. Мистер Баптинг подошел к фасаду коттеджа и нагнулся над клумбами, осматривая те места, где в свое время должны были распрости крокусы и рододендроны. Он взглянул на «золотой дождь», который он забыл подстричь, и подошел к миндальному дереву у калитки. Из всех вестников весны мистера Баптинга больше всего радовало миндальное дерево в цвету. На нем уже появились бутоны, и в них, потихоньку набираясь сил, таилась та нежная прелесть бело-розовых цветов, которую мистер Баптинг не мог видеть без волнения. И теперь при одной мысли о них в нем с небывалой силой воскресла надежда и вера во все то, чего человек не может ни подавить, ни задержать, ни ускорить. Оно растет и зреет, повинуясь извечному закону, так же как стремленно к свободе растет даже под гнетом. По образ цветущего дерева и воспоминания казались очень смутным, а в действительности его цветения еще долго ждать, — событие грядущих дней. Оно явится, когда услышит заветное слово, сказанное только ему одному.

Он вошел в дом, достал с кухонной полки ящик с семенами и положил туда «Эйла Крэг». Ему не часто разрешалось занимать полки в кухне для своих личных надобностей, но это место на полке мистер Баптинг отвоевал для ящика с семенами. Там имелось все что угодно, особенно много было пакетиков с семенами овощей, и, перебирая их, мистер Баптинг с удовлетворением думал о том, сколько денег он сэкономит таким путем. Но он особенно оживлялся, доходя до пестрых пакетиков

с летниками: рездой, шпорником, душистым горошком и настоящими старомодными настурциями, изображенными на пакете в самых ярких красках. Как там Гитлер ни свирельствуй, а бордюры в саду у мистера Бантинга будут летом весело цвести цветами. Он убрал ящик на полку. Он знал, что этот ящик нарушает весь порядок на кухне, и все-таки настойчиво требовал, чтобы он оставался на полке. Время от времени он доставал его, и, сидя у камина в февральский вечер, читал и перечитывал инструкции на пакетах и никому другому не позволял даже дотрагиваться до этого ящика.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Когда обязанности мистера Бантинга позволяли ему отрываться от дежурства у телефона в штабе Гражданской обороны, он проводил часок — другой в задней комнате вместе с мистером Ролло, упражняясь в метании дротика. Их организация, заявлял мистер Ролло, должна культивировать общественный и особенно спортивный уклон, и чем больше он думает, тем больше убеждается, что этим делом должен заняться именно он, мистер Ролло, так как за это время, с начала войны, он обнаружил в себе незаурядные организаторские способности. Непосредственной его задачей было организовать спортивную команду при штабе, и когда она как следует натренируется, устроить состязание и выиграть кубок.

— После войны это будет очень приятным воспоминанием.

— Мысль хорошая, — согласился мистер Бантинг, которому теперь стало ясно, что кубок будет стоять на камине в собственном кабинете мистера Ролло.

Как инструктор мистер Ролло проявлял величайшее терпение. Даже когда мистер Бантинг совсем не попадал в доску, он только вдумчиво исправлял его позиции и советовал «целиться поаккуратнее».

— А, черт! Никогда я не попаду.

— Попадете, — возражал мистер Ролло спокойно и уверенно и в виде поощрения вручал мистеру Бантингу одну из своих черных сигар. — Давайте-ка подкрепимся.

И с видом жреца, посвящающего новичка в таинство, он снял с полки две карточки, за которыми обнаружилась небольшая батарея пивных бутылок. — Когда захотите что-нибудь спрятать, ставьте сюда. Только никому не говорите — это против правил. Разумеется, это только для избранных.

— Разумеется! — подтвердил мистер Бантинг, очень довольный, как всегда, когда ему случалось выкурить хорошую сигару. Что он попал в число избранных, казалось и справедливым и в высшей степени приятным.

Метание дротиков в штабе повело к метанию дротиков на дому. Возвращаясь домой в темноте, мистер Бантинг по дороге практиковался в движениях кисти, а после чая вытяскивал на свет самодельную доску и приглашал Джули поупражняться с ним за компанию. Его очень привлекала общественная сторона работы в штабе: силетки, приятельские отношения, привилегия для избранных — все это напоминало ему холостую свободу былых дней и вызывало желание воспользоваться ею как можно полнее. Так что, вопреки протестам миссис Бантинг, доску по вечерам оставляли за кухонной дверью. Днем миссис Бантинг прятала ее в чулан, говоря, что подобные развлечения напоминают ей трактир. Ей никогда не приходилось бывать в трактирах, но она знала, что там собирается самая подозрительная компания.

Кроме того, она обращала внимание мужа на царапины в рубцы на самой двери, которая была «вконец испорчена» из-за того, что он поделился как попало. Но мистер Бантинг, до сих пор очень осторожный и даже щепетильный по отношению к своей собственности, считал, что это пустяки — стоит только после войны сравнить замаской и закрасить, и дверь опять будет, как новая, если, конечно, до тех пор самый дом не разбомбит вдребезги. Каждый промах сопровождался глухим стуком, после чего отец с дочерью молча обменивались взглядами, а в гостиной вздыхала миссис Бантинг не столько о кухонной двери, сколько о муже, который раньше все вечера проводил, бывало, за серьезным чтением, а теперь бросается палками, как мальчишка.

Однажды вечером он прищурив глаз, сосредоточившись мыслями на единственном приеме, который мог спасти

его от промаха, как вдруг Джули сказала: — Послушай! Летит самолет. Я пойду выгляну.

— Это зачем?

— Да я ведь в пожарной охране. Туши свет, папочка.

Мистер Бантинг повернул выключатель и, держа на нем палец, подождал, пока она выйдет.

Джули взволнованно закричала: — Папочка, иди сюда! Я вижу зажигалки.

— Но ведь тревогу не объявляли?

— Все равно, немцы летают. Смотри!

Выглянув за дверь, он увидел, что вся линия горизонта пламенест неестественным светом. Крыши, коньки и шпили кровель чернели на ослепительно белом фоне. Они походили на геометрические фигуры, резко очерченные и очень маленькие; небо над ними светлело, как над плавильной печью.

Шаркая туфлями, в кухню вошла миссис Бантинг.

— О, какие ужасные люди! — простонала она.

Мистер Бантинг взял ее за руку и прислушался, в нерешимости глядя на небо, так как после зажигательных всегда бросали фугасные.

— Опять летит! — крикнула Джули.

Вторая партия зажигательных бомб со свистом прорезала воздух. Окружающая тьма мгновенно ожила, словно в нее с размаху бросили сотни пылающих факелов. Они разгорались все ярче и сильнее, зарево все белело и ширилось, озаряя печные трубы и деревья каким-то страшным, воровским светом. Сверху едва доносился гул бомбардировщика, медленно описывавшего круг. За ним скользили, скреплялись и переплетались лучи прожекторов, теряясь в облаках. Нетрудно было представить себе экипаж, молодых людей в меховых костюмах, прячущихся на высоте, во мраке, и с этой безопасной позиции разглядывающих город внизу, который теперь в их руках и где они могут калечить, убивать, ослеплять людей, не зная даже, кто их жертвы или какое драгоценное достояние человечества они уничтожают.

Мистер и миссис Бантинг отступили за порог кухни, но отрывая взгляда от кольца огней. Дальше к западу один из таких огней стал тускло-красным. К небу полетели искры.

— О боже мой! — вздрогнула миссис Бантинг. — Там и от Билворта ничего не останется!

— Останется! — сказал мистер Бантинг. — Сейчас мы их ликвидируем. Идем, Джули!

Они побегали по дорожке, оставив миссис Бантинг и Эви сидеть под лестницей. Мистер Бантинг чувствовал особый подъем, по ему было известно, что этот подъем больше чем наполовину состоит из страха: глубоко укоренившейся, первобытной боязни перед огнем-разрушителем, от которой у него сохли губы и учащалось дыхание. С бьющимся сердцем и открытым ртом он, ныхтя, бежал за дочерью, стараясь не отставать.

Вдруг она остановилась. — Папочка, а ты захватил сговок для бомб?

— Конечно, захватил! — обижено ответил мистер Бантинг. Какой же был бы толк бегать по улицам без совка? Вопрос Джули дал ему почувствовать, что хоть он, по крайней мере, не потерял головы.

— Вот одна, — сказал он, остановившись под какой-то шипящей лпукой, похожей не столько на бомбу, сколько на мокрую, гаснущую головешку.

— Это пикудышная, — заметила Джули.

— Все-таки лучше засыпать ее песком.

Он разыскал мешок с песком около фонарного столба и швырнул его на бомбу, а в голове у него промелькнула смутная догадка: не саботаж ли это? Может быть, какой-нибудь поляк или чех насыпал в бомбу цемента вместо взрывчатых веществ. Эта мысль сообщила ему приятное чувство товарищества, словно бомба была посланием от безыменного гражданина порабощенной Европы, который полагался на мистера Бантинга. Шипение в канаве прекратилось, бомба, должно быть, погасла. Он отступил немного и мигуточку следил за ней, чтобы убедиться в этом окончательно; потом ему пришло в голову, что бомба может взорваться. Эти гунты уж так устроены, что им только одного надо — убивать да калечить, вот они и стали делать такие закигалки, которые взрываются, — об этом недавно говорили по радио.

— Идем, — сказал он и, подобрав совок, заторопился дальше.

Обогнув угол, они наткнулись на «настоящую», как

выражалась Джули. Бомба лежала на мостовой, выбрасывая языки пламени и яростно шипя. Мистер Бантинг посмотрел по сторонам, нет ли мешков с песком, но ничего не увидел — вспышка ослепила его. Оставалось только набрать в совок земли у кого-нибудь в палисаднике. Он отворил калитку.

— Вот мешок с песком, — сказала Джули, взваливая мешок на плечо.

— Дай мне...

— Смотри, папа! Бантинги, вперед! — крикнула она и, подбежав к бомбе, аккуратно сбросила на нее мешок и отскочила назад, отряхивая руки и тяжело дыша. — Теперь засыпь ее с боков, папа.

— А ты бы поосторожнее, — посоветовал он, когда бомба погасла и непроглядная тьма сразу обволокла их со всех сторон. — Подождешь платье.

— Но, папочка, какая же осторожность на войне?

Они пошли дальше. Вспышки уже не освещали всего неба: раньше казалось, что полыхает весь город, а теперь светилось только несколько огненных точек. Они дошли до угла и остановились, поглядывая по сторонам. Красные огни меркли один за другим — должно быть, много бомб было уже потушено, а другие выгорели сами собой — и мрак начинал опять окутывать улицы.

— Пожалуй, можно и домой, — сказал мистер Бантинг, подумав, что теперь, должно быть, десятки людей вышли тупить бомбы.

Джули взяла его под руку. — Где-нибудь наверно, еще есть. Вперед, друзья ковбой!

Мистер Бантинг неохотно поплелся за дочерью. Он не сочувствовал ее увлечению зажигательными бомбами, а словечки, заимствованные у Ролло-младшего, всегда раздражали его. Они прошли до конца одну мирно спящую улицу, где не было ни света, ни звука, ни движения, и только что свернули на следующую, как мистер Бантинг остановился, являясь в одно место, не в состоянии решить, что он видит — пожар или зажигательную бомбу, и где это — далеко или близко.

Джули унеслась вперед, и ее возбужденный, девически звонкий голос долетел до него из темноты:

— Вон она, на крыше! Полыхает во-всю.

Мистер Бантинг выругался шопотом. Бомба в саду или на улице — это пустяки, а вот на крыше...— Да какого же чорта они не объявляют тревогу и не созывают людей? Везде распушенность и беспорядок. Ни души, кроме него и Джули, а та радуется неведомо чему, как будто это не бомба, а клевер с четырех листиках. Он побежал вперед, крепче ухватив совок, соображая, как бы позвать на помощь. Теперь он ясно видел бомбу на крыше, застрявшую между двумя разбитыми черепицами и догоравшую на этой безлюдной улице незримо ни для кого, кроме старушки, которая высунулась из калитки и пояснила проходившему мимо мистеру Бантингу, что бомба — «вон там!»

Она точно возложила на него всю ответственность за эту бомбу и сейчас же ушла в дом.

Только подойдя вплотную и увидев солнечные часы на лужайке и виргинский плющ на коныке кровли, он узнал дом полковника Сандерса. Мистер Бантинг заволовновался, заколотил в дверь, крича в щелку почтового ящика: — Скорее! Зажигалки! Скорее!

— Простите, — сказала Джули, когда дверь открылась, — у вас крыша горит.

Полковник, чьи седые волосы еще сильнее отпраздн сребром в лунном свете, вышел на лужайку и поднял голову.

— Лестница есть? — спросил мистер Бантинг, не зная еще, кто по ней полезет.

— Нет, придется с чердака.

Он вошел в дом и полез на чердак, отец и дочь без всякой церемонии лезли за ним. Хотя, чувствуя опасность, полковник двигался гораздо быстрее и энергичнее, чем обычно, по в том, как он поднимался по лестнице, было что-то страшное, чего мистер Бантинг не замечал за ним на ровном месте. Ему вспомнились сплетни, ходившие по городу в то время, когда Сандерса назначали командиром роты Гражданской обороны. Говорили не только, что он слишком стар, но что он еще и хромой, а Оски прямо утверждал, что у него одна нога искусственная. Мистер Бантинг никогда не верил, но теперь сам увидел, как полковник ставит на ступеньку сначала

одну ногу, а потом с большим усилием подтягивает к ней другую.

Вдруг полковник остановился, опираясь на перила; из темноты появилась его жена, удивленно глядя на Джули и мистера Бантинга. Она приставила ладонь к уху, и полковник громко сказал ей:

— На крыше у нас бомба, дорогая моя!

— Не послать ли за Уилльямом?

— Боюсь, что времени пехватит. Сделаем сами, что можем, — и при свете его фонарика они полезли выше, пока не очутились под люком, ведущим на чердак. Мистер Бантинг нажал на люк ручкой совка, и до них донеслось лилленно и запах дыма.

Появилась миссис Сандерс с высоким стулом в руках. Возникла небольшая заминка, всего на несколько секунд, но все же достаточно долгая, чтобы мистер Бантинг успел почувствовать стыд за то, что человеку старше его самого приходится обнаруживать перед ним свои немощи.

— Полезу я, — сказал он, становясь на стул.

Подталкиваемый снизу, он пролез в люк и стал коленями на балку. Кто-то подал ему ручкой совок.

— Воду можно брать из ванной, — сказал полковник, которому тоже помогли взобраться вслед за мистером Бантингом.

— Не стоит. На крыше есть бак.

Встретив непонимающий взгляд полковника, мистер Бантинг сказал сердито, как будто говорил со стариком Тернером: — Бак! Вот он, прямо перед вами.

— Ах, да, да, верно.

Откашливаясь и отплеываясь, мистер Бантинг пополз к пылающей бомбе в углу чердака и попытался подступнуть под нее совком. Удалось ему это или нет, он не мог сказать — дым ослепил его и заставил отступить. Запались балки, и бомба провалилась вниз, на перекрытие. Только не мешкать, иначе прогорит и оно и возникнут новые очаги пожара. И мистер Бантинг оставил балки в покое — суть не в них, а в бомбе, — и, сердито поглядев на нее, он повел наступление. Ловко брошенная пожарная крышка легла ему на плечо, а еще через секунду полилась вода.

— Вот это дело! Качайте во-всю!

Обернувшись, он увидел, что полковник добрался до бака. Он обвязал лицо мокрым платком; глаза смотрели из-за плагга тревожно и решительно, как перед боем. Позади него просунулась в люк Джули с красными от дыма глазами, но очень оживленная и довольная.

Лежа на животе и задыхаясь от дыма, мистер Бантинг направил струю на огонь. Бомбу он, наконец, потушил и теперь принялся за бабки. Они страшно трещали в огне, кругом сыпались искры. А он все поливал да поливал с методичностью подлинно практического и трезвого человека, который не позволит никаким зрительным впечатлениям отвлечь его от сути. По лбу струился пот, заливая глаза. Утирая его пальцами, он измазал все лицо. На что стал похож его костюм, он не отважился и думать. Но он был бодр, настроен по-боевому. Наконец-то и он участвует в войне!

Вдруг пронзительно завывла сирена. Джули обернулась, проницательно адресуясь к ней:

— Да не может быть? Что вы говорите?

Мистер Бантинг в ярости накинулся на нее; у него и так полны руки дела, а тут еще эти глупые замечания!

— Ступай, спрячься, глупая! Тут тебе делать нечего.

— Ну, как у вас? — спросил полковник.

— Затихает. Но лучше залить как следует. А то как бы не раздуло ветром.

Некоторое время ничего не было слышно, кроме скрипа насоса и тяжелого дыхания полковника. Он качал все медленнее и медленнее; наконец перестал совсем.

— Больше не могу, Бантинг. Неужели еще не погасло? — задыхаясь, пролепетал он. Уже несколько минут он не видел пламени и качал только потому, что мистер Бантинг, как видно, человек основательный и если уж берется тушить пожар, так делает это по всем правилам.

Даже и теперь он ответил по-сразу, а сначала потыкал совком в мокрую насквозь золу.

— Да, погасло, — ответил он наконец, как будто только теперь мог это гарантировать.

— Ну, слава богу! — воскликнул полковник, отвязавая платок и утираясь им.

Лежавший на животе мистер Бантинг встал. Стоять во весь рост было невозможно, и, перепробовав всяческие позы, мистер Бантинг присел на корточки, прислонившись к балке и потирая колени. Так они сидели молча, все потные, в дымном столбе света, падавшего из люка на чердак. Довольно неподходящее положение для двух стариков, подумал мистер Бантинг. Однако приходилось либо примириться с такими положениями, либо отдать все, что имеешь, покориться и жить под началом кучки хвастливых немцев. Вот уж не думал он, что доживет до такой нелепой альтернативы. Полковник выглядел неважно, даже и для семидесяти с лишком лет: все морщины выступили резко на бледном от усталости лице. Он вытер лоб медленным, усталым движением.

Тут только они заметили, что в доме стало совсем тихо.

— Должно быть, все укрылись в убежище.

Мистер Бантинг не ответил: у него слишком пересохло во рту. И двигаться ему не хотелось. Ему хотелось только пить — «глоток свежий старинного напитка», как сказал бы Кордер, — пива, что ли. Хотелось выпить теперь, пока он еще не умылся, не переоделся, не сошел вниз.

Пад домом пролетел самолет; он узнал прерывистое гудение немецкого бомбардировщика и вспомнил, что была объявлена воздушная тревога. Заговорили зенитки, сотрясая чердак.

— Теперь пойдут фугасы, — заметил полковник.

Ни один из них не двинулся. Мистеру Бантингу его тесный и темный угол под крышей казался надежнее всякого убежища. Он уже привык к этим колебаниям между жизнью и смертью, привык с благодарностью оглядываться назад, на все, чем он успел насладиться в жизни, понимая, что вряд ли ему будет отпущено еще много таких наслаждений. Страх охватывал только в тот момент, когда ударяла воздушная волна и оглушительно рвалась бомба, и невольно приходила мысль: что-то делается там, где она упала?

Бомбы падали с визгом, и весь дом содрогался чва. Он звоном, какой бывает, когда бьется посуда. Где-то четкой, эости раздался самый сильный взрыв, какой ему пришлось пережить; балка, к которой он прислонился, толкнувшего в спину, бак с водой загудел, как колокол, и он ясно, услышал грохот рухнувшего здания. Он посмотрел на полковника, но у того был такой вид, словно он вообще не замечает происшедшего. Подобный стоицизм был выше сил мистера Бантинга; теперь он думал о жене, которая сидит вместе с Эви и ребенком под лестницей. В нем нарастали ненависть и злоба против всего немецкого, по силе превосходившая все когда-либо испытанные им чувства. В прошлую войну он никогда не чувствовал такой глубокой и ожесточенной ненависти к врагу. Мистер Бантинг вообще не склонен был ненавидеть, но в эту минуту он страстно желал, чтобы война не кончалась до тех пор, пока немцы у себя на родине не испытают всего, чему они с такой жестокостью подвергают других.

Внизу хлопнула дверь, кто-то, спотыкаясь, быстро поднимался по лестнице. Мистер Бантинг услышал, как лезут на ступ, и в следующее мгновение в люке появилась Джули.

— Опять зажигалки... Целыми пачками.

Он испуганно посмотрел на нее. — Боже мой! А ты разгуливаешь по улицам!

— Не говори глупостей, папочка. Я ведь в пожарной охране.

Он беспомощно махнул рукой и взглянул на полковника, точно спрашивая, есть ли у него дочери. Но полковник старался разобрать, что говорила ему Джули. Оба делали какие-то пояснительные жесты.

— Кажется, есть одна на плоской крыше.

Сначала мистер Бантинг не желал этому верить. Его охватило раздражение, как при мелких домашних неурядицах. В Килворте тысячи крыш, с какой стати именно на крышу полковника должна второй раз упасть бомба? Все обидное и несправедливое являлось ему сначала под личиной неправдоподобия.

— Да они бросают их сотнями, — настаивала Джули. — Тысячами!

— Надо бы посмотреть, — сказал полковник и начал

дергать раму слухового окна. Открыть его он не сумел, и мистер Бантинг, пробравшись по балкам, поднял щекотку.

— Простите, Бантинг, вы уже столько сделали...

— Ничего. Как же мы влезем?

Полковник согнул колено и указал на него. — Становитесь, ничего ему не делается.

Никогда в жизни мистер Бантинг не воображал, что ему придется делать такую чепелость. Но другого выхода не было. Он стал на колено полковника, протиснул голову и плечи в окно и оказался пад черепицами. Свежий ночной ветер пахнул ему в лицо, никогда еще, кажется, он не дышал таким чистым, прохладным воздухом. Он вдохнул его полной грудью и сразу почувствовал прилив сил, но одновременно в нем пробудилось сознание опасности. Как раз под ним черепичный скат переходил в небольшой участок плоской крыши, и там горела бомба.

— Дайте совок, — сказал он и, взяв совок, пагнулся. Потом высунулся еще дальше и опять нагнулся.

— Нет, не выходит! — сказал он и присел, услышав аязг зенитных осколков, пролетавших мимо под довольно значным углом, как ему показалось.

Он осторожно выглянул опять. — Удержите вы меня, если я высунусь еще дальше? — спросил он и почувствовал, что полковник крепче ухватил его за лодыжки.

Он нагнулся над черепицами. Если бы полковник выпустил его, он соскользнул бы на плоскую кровлю, где был парашют, который не дал бы ему упасть. Поза была не столько героическая, сколько неудобная и слепая. Он вытянул руку, поддел бомбу совком и уронил ее.

— Чорт! — выругался он и подумал, нельзя ли нагнуться еще ниже, потом решил, что не стоит. До чего глупо — человек его возраста, и вдруг висит вниз головой, высунувшись из слухового окна. Все вообще бред и чепуха. Он отогнал эту мысль и заставил себя успокоиться. Опять подцепив бомбу, он покатиł ее к парашету. Она опять сорвалась, и секунду-другую он молча смотрел на нее, не понимая, в чем дело, потом осмотрел совок со всех сторон.

«Ну, постой же!» — подумал он и очень медленно и осторожно, весь обратившись во внимание, подцепил бомбу сбоку и столкнул ее в сад.

Внизу, с обычным после отбоя чувством невыразимого облегчения, мистер Бантинг выпил стакан пива. Он умылся, но миссис Сандерс все еще чистила его щеткой, пока он пил пиво. Полковник откупорил одну бутылку, потом другую, рассеянно и неаппетитно, но очень радушно опережая желания гостя. Его жена все огорчалась, что у мистера Бантинга намокли отвороты брюк, и всячески выражала свою благодарность. Оба супруга были старые люди, по меньшей мере, лет на десять старше мистера Бантинга. Убранство гостиной было у них чистое и старомодное, и манеры под стать, и церемонная их любезность стесняла мистера Бантинга.

С Джули полковник был особенно галантен.

— Ваша дочь пьет херес, мистер Бантинг?

— Ну, еще бы! — вмешалась Джули. — Вот спасибо! — Этот сорт вина был неизвестен в коттедже «Золотой дождь».

Он наполнил ее стакан. — Я всегда буду вспоминать о вас, дорогая моя, — сказал он торжественно, — как о девушке, которая была в пожарной охране и не ушла с поста, хотя кругом сыпались бомбы.

— А мне это нравится.

— Вот как! — улыбнулся он. — Мы все-таки растим неплохую молодежь. А, мистер Бантинг?

Не вполне понимая, что именно хотел сказать полковник, мистер Бантинг все же согласился с ним. Он сказал также, что пиво прекрасное, но поспешил отказаться от третьего стакана, опасаясь, что его похвалу примут ирравитно. Он всегда боялся «злоупотреблять чужой любезностью», по его выражению. Уходя домой, он оглядел свой костюм в высоком зеркале Сандерсов, запахивая пиджак и выгибая шею, чтобы разглядеть брюки сзади.

— Как, по-твоему, мама заметит что-нибудь?

Джули неожиданно фыркнула, поставила рюмку на стол и неудержимо расканюлилась. Потом посмотрела на него насмешливо и ласково.

— Нет, палочка, — сказала она, делая серьезные глаза. — Где же ей заметить.

— Напрасно ты пила это вино, оно для тебя слишком крепко, — сказал он, когда они вышли, и подставил ей руку. Она с ложностью прижалась к нему.

— Лучшее не говорить дома, что мы лазили по крышам. Твоя мать из-за всего волнуется.

После ужина он довольно долго чертил огрызком карандаша в блокноте. Иногда выходил в кухню и своей стальной ланейкой измерял разные части совка для бомб. Борта, по его мнению, были неправильной формы, а посредине нужно было бы сделать углубление. Закончив чертеж, он проставил размеры и с гордостью полюбавался на него.

Потом написал поперек листа: «Чертеж для мистера Бикертона», — не потому, что боялся забыть, а из любви к записям. Аккуратно сложив листок, он запер его в чемоданчик, который брал с собой в город.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

В следующие за этим недели мистеру Бантингу иногда казалось, что в военных действиях наступило затишье. Никаких внешних признаков затишья не было, бомбежки продолжались, но он не мог отделаться от этого чувства. Дневные и ночные тревоги, как ни были они страшны, стали с течением времени привычным делом, и люди приспособились к ним. Мистер Бантинг приспособился даже к большему: он ждал еще худших ужасов. Он ждал, что волна бомбежек будет все нарастать, города будут сыпаться и рушиться под градом бомб, падающих с неба. Начнутся убийства и зверства в масштабах, превосходящих самые кровавые побоища в истории. Насколько человеческий ум может быть подготовлен к таким событиям, ум мистера Бантинга был к ним подготовлен с помощью доктора Геббельса и его присных, которые заранее предупреждали, что все это неизбежно.

Была угроза войны, и война началась; была угроза блицкрига, и она осуществилась. Мистер Бантинг, заранее переживший страх перед этими испытаниями, ждал, наблюдал. Если ему, как всем англичанам, не хватало воображения, зато у него была английская флегма и деловитость. Он был потомком того человека, который сумел уйти от гнавшегося за ним дракона, и, весь израненный и обожженный, все же доложил святому Ге-

оргию, что огненный язык дракона хотя и смертоносен, но длиной не в семь футов, как говорили, а немного меньше. Только так и только такие люди могут подойти к дракону и сразить его.

Занимаясь такими наблюдениями среди тревог и бомбежек, частых страхов и постоянного беспокойства, мистер Бантинг внезапно обнаружил, что блицкриг уже достиг своей полной монцы. Весь пар был вышущи, в котле фюрера больше ничего не оставалось. Однако потрясти мир не удалось. Жизнь мистера Бантинга перестроилась, как и жизнь фирмы Брокля, как и жизнь Сити. Не будучи героем, он переносил войну со всей твердостью, доступной пожилому человеку, страдающему одышкой, и со всем спокойствием и презрением к врагу, способному так его недооценивать. Да, затишье в войне было. Оно было в нем самом, в умах и сердцах тех, кто окружал его.

Он проходил по новому, измененному войной миру и не забывал любоваться на распускающиеся листья. Он не умел утешаться мыслью о далекой утопии. Это было хорошо для Эрнеста, а он жил изо дня в день и радовался, глядя, как пробиваются из земли первые зеленые ростки его десятка нарциссов, как распускаются первоцветы, пересаженные из килвортского леса много лет тому назад. По воскресеньям он занимался перепланировкой сада, и живший в соседних кустах реполов, отличный от всех чужих реполовов, скакал за ним по пятам, в ожидании хлебных крошек.

Однажды миссис Бантинг расстроила его вопросом, который задавала раза четыре в год:

— Как поживает мистер Кордер? — Последовало напряженное молчание, сердце мистера Бантинга перевернулось.

— Джордж, мне кажется, ты стал плохо слышать.

Раздражение помогло ему в эту трудную минуту. Облизав пересохшие губы, он ответил:

— Кордер здоров, Мэри. В общем, как всегда.

Первый раз в жизни он солгал ей. Сколько ударов! Они подстерегали везде, поражали изнутри и извне, предвиденные и непредвиденные. Он встал и вышел в сад, но, увидев Оски, повернулся и ушел в пустую гости-

ную. Там он стоял перед нетопленным камином, закусив верхнюю губу, с носеровшим лицом.

Он пошел Кордера на верхней площадке лестницы. Все служащие были в подвале во время палета, так по крайней мере казалось мистеру Бантингу. Он сам был там, когда бросили первую бомбу, и видел, что Кордер сошел вниз вместе с другими. Он даже помахал ему рукой, но Кордер, должно быть, не заметил. В подвале было много корзин, мешков и ящиков, и служащие сидели на них по-двое и по-трое. Когда все кончилось, мистер Бантинг вышел из своего угла и вместе с другими поднялся наверх. Вот тогда-то он и услышал мстительный крик и, бросившись вперед, увидел, что один из служащих наклонился над чем-то похожим на кучу смятого платья. Сначала он не узнал, кто это.

Потом, растолкав других, он стал на колени и нагнулся к своему другу.

Кордер с трудом повернул к нему голову, его губы зашевелились.

— Что он говорит?

— Не знаю, сэр, что-то непонятное, ничего не разберу.

— Бредит, должно быть. Бедный Джо!

Сердце мистера Бантинга разрывалось. — Джо! — крикнул он и, нагнувшись пониже, еще раз тихонько назвал его по имени. Он жаждал хоть какого-нибудь знака, что Кордер его узнал, так как чутье говорило ему, что помочь уже ничем нельзя.

Кордер приподнялся, глядя на мистера Бантинга блестящими, но пустыми глазами. Он хотел что-то сказать и не мог. Потом, словно повернули выключатель, — свет погас, Кордер повалился на бок и затих.

В первую минуту мистер Бантинг не понял.

— Джо, — все повторял он, сжимая своей рукой эту теплую руку Кордера. Он отказывался поверить в эту смерть. Он обвел взглядом стоявших вокруг, словно умоляя о помощи.

— Идемте, мистер Бантинг, тут уже больше ничего нельзя сделать, — сказал мистер Бикертон, и он встал, в полном отчаянии прошел по затихшему магазину в свой закуток и закрыл за собой дверь. Он сел,

глядя в пространство потерянным взглядом и не видя ничего.

Через некоторое время он заметил на полу какой-то блестящий предмет. Нагнувшись, он поднял зеленое перо Кордера. Не сразу он понял, как оно очутилось тут.

Теперь он стоял, прислонившись к холодному камину, и все подробности этой сцены проходили перед ним безжалостно отчетливо, как во время бессонницы. Всю свою трудную жизнь он провел рядом с Джо Кордером. Знал, что сын у него в Австралии, замужняя дочь — в Америке. Он представлял себе дом Кордера, как представляешь себе дом, описанный в романе, зная всю его семейную историю со всеми удачами и неудачами. Но детей Кордера он никогда не видал.

Он вздохнул. Как безвременно и ненужно обрывается жизнь в дни войны, и на какой тонкой ниточке она висит! Кордер поднялся из подвала в закуток, думая, что мистер Бантинг не слышал сирены, как было уже один раз.

Чем можно оплатить этот долг? Ничем, разве только — из всех сил стараться быть достойным такой жертвы.

Джули просунула голову в дверь. — Что ты тут делаешь, палочка? Ты что-то плохо выглядишь. Животик болит?

— Просто думаю, деточка.

— Потому что если это животик, так тебе придется принимать аррорут по рецепту миссис Бантинг.

— Я здоров, — сказал мистер Бантинг тоном, не допускающим и мысли об арроруте. — Думаю, вот и все.

— Так иди думать, где поуютнее, палочка. Ты видел вечернюю газету? Наши гонят итальянцев по всей Африке.

— Ага! — одобительно воскликнул мистер Бантинг. Надо отвлечься от своего личного горя, спрятать его даже от сверхъестественной чуткости жены. Пусть никакое горе не подрывает его решимости, его желания видеть, как врага расколотят и покарают за все его преступления. До сих пор он видел только торжествующие заголовки телеграмм об Африке, а теперь в газете есть полный обзор. Надо посмотреть на карте, по-

тому что мистер Бантинг купил новую карту войны и теперь был намерен следить за победами. Он часто объяснял положение дел на фронте миссис Бантинг, особенно в Абиссинии. Там, по его мнению, и заварилась вся каша, там и следовало нанести первый ответный удар.

— Муссолини не может ни ввести войска, ни вывести, понимаешь? — И он тыкал в карту своим коротким пальцем. — Они окружены со всех сторон — там и австралийцы, и южноафриканцы, и английские войска, и флот. — Он объяснял с увлечением. — А потом в Абиссинии начнется восстание. Пойдут стрелять из-за кустов и скал. Это и есть партизанская тактика. Вот что Муссолини устроил со своими войсками. Загнал их в тупик.

— Боже мой! Что же теперь с ними будет? — ужасалась миссис Бантинг, по старомодным представлениям которой все они были чьи-нибудь сыновья.

— Да то же самое, что будет с немцами в Польше и в некоторых других местах. Поспешают им головы.

— Джордж, что за выражение! — Миссис Бантинг обратилась за поддержкой к Эви, чье влияние на мистера Бантинга не имело границ.

— Поспешают головы, — повторил мистер Бантинг, заметив, что глаза Эви сочувственно блеснули. — Это их научит сидеть у себя дома на кухне. А когда эти чортовы немцы запросят пощады, как ты думаешь, что мы им ответим?

Тут он подался вперед, весь покраснел, шевеля усами. — Мы им ответим: «Погодите, сволочи, мы еще не начали как следует. Мы вас еще проучим!»

— Ура! — крикнула Джули. — Сволочи, «дрекзак»!

— Боже мой! — вздохнула миссис Бантинг, видя, что отец с дочерью забыли о всяких приличиях.

— Да, своло...

— Довольно, Джули, — остановил ее отец. Он одобрял патриотизм дочери, но опасался, что значение некоторых слов, которые она употребляет, гораздо больше, чем она думает.

— Берт говорит, что теперь на наших тапках такая же броня, как на бронепоездах. Они могут загнать и

Рейн самые мощные немецкие танки. И смять их, как жестянку сардинок.

— Берт? — повторял в недоумении мистер Бантинг. Иногда он бывал удивительно непонятлив.

— Ну да, Берт Ролло, глупый!

— Ах, да, Берт. Не понял, о ком ты говоришь. Неужели он опять в отпуску?

— А я почему знаю.

— Когда Берт получит отпуск, он нас, разумеется, навестит, — сказала миссис Бантинг.

Почему «разумеется»? — подумал мистер Бантинг, но тут же перенес свое внимание на приготовления к ужину. Из кухни доносился аппетитный запах и заманчивое шипение. Рыбные котлеты или оладьи, а не то любимые Джули пирожки из тертых орехов, — это и правда вкусно. Во всяком случае, не аррорут. Нечего сказать, до чего дошло, если человеку нельзя принять содовую таблетку без того, чтоб его не уложили в постель и не начали пичкать аррорутом. Собственно говоря, аррорут ему всегда был вреден. А всего полезнее, конечно, хороший глоток виски. И совершенно незачем угощать им здоровых молодых людей, когда оно стоит шестнадцать шиллингов бутылка.

— Неужели эти мерзавцы и нынче ночью прилетят? — спросил он, готовясь ко сну. Он подошел к двери взглянуть, какова погода. Ни одной звезды в небе, воздух неподвижен, и по земле, оседаая каплями влаги на каждом листке, стелется густой туман, такой густой, что не видно ни сарая, ни гаража.

Мистер Бантинг вздохнул свободно. — Слава богу, сегодня выспимся как следует. Бомбардировщики в такой туман сюда не сунутся. И для сельдерея это полезно.

Перед завтраком, сняв маскировочные шторы, мистер Бантинг увидел миндальное дерево в подвешенном уборе, блистающее на солнце. Неожиданное зрелище взволновало его сердце, как музыка. словно тысячи розовых бабочек сидели на безлистных ветвях, тихонько трепеща крылышками.

Он остановил миссис Бантинг, проходившую по комнате, и подвел ее к окну.

— Погляди, Мэри! Миндальное дерево зацвело!

— Какая прелесть, правда?

— Да, — сказал он мягко, чувствуя, что в сердце к нему закралась надежда и согрела его. Цветение миндаля всегда означало перелом года, оно было вестником весны. Последние месяцы он не мог отделаться от мысли, слишком неразумной, чтобы говорить о ней с кем-нибудь, что в этом году цветение миндаля будет значить особенно много. Часто в тусклые зимние дни, когда все кругом было сковано холодом, пусто и голо, он думал: «К тому времени, как зацветет миндаль, и в войне наступит перелом...»

И вот деревцо стояло в полном цвету, словно только что зажженный светоч надежды. И кто может сказать, кто знает, какие события назревают сейчас, подготавливая богатую жатву, — осуществление лучших надежд человечества!

Он вспомнил, как в прошлом году стоял здесь, глядя на цветущий японский сад, в те дни, когда обезумевшая Франция покорила врагу и Англия осталась одна, когда ее армия погибла на дюнкерском побережье и для защиты родины хватало оружия. Тяжело было в тот день на сердце мистера Бантинга; казалось невозможным, что почти через год он будет стоять здесь, полный новой надежды, сильный знанием, что из-за океана к нему идет помощь, такая, какой ни одна страна еще не оказывала другой. Да, многое преодолело человеческое мужество, мужество безыменных и бесчисленных воинов Англии. Если упорно идти вперед, непременно, рано или поздно, будет перелом.

Сегодня утром, когда он брился, ему все вспоминались слова: «Претерпевший до конца».

— Откуда это, Мэри?

Миссис Бантинг наморщила лоб.

— «Претерпевший до конца спасается», — сказала Эви. — Это из библии.

— Да, да, — вздохнул он. Жизнь показала ему многие его недостатки, а война — все остальные. Он не герой, не обладает блестящими способностями, но одно он умеет — терпеть. Он может вытерпеть все до конца. В этом он силен, и так случилось, что теперь это почти единственная его обязанность.

Он хотел было разобрать вещи на чердаке, на тот случай, если бомба пробьет черепицу, но Джули уже сделала это за него. Набралась целая куча хлама, которую надо было отнести в гараж и рассортировать, и этим он занялся в свободные несколько минут перед уходом из дому. Среди множества других вещей он нашел британский флаг. Мистер Бантинг понятия не имел, откуда взялся флаг, он был не охотник до вывешивания флагов, это его стесняло. Но, развернув флаг, он нашел бумажку, на которой было написано мальчишеским почерком: «Флаг Криса Бантинга для коронации». Крис вывесил его из окна своей комнаты в день коронации, мистер Бантинг помнил, как он развевался.

Хотя флаг полинял и обтрепался, в нем было что-то родное и горделивое. С ним были связаны тысячи воспоминаний, он видел его то развевающимся на ветру, то повисшим без движения. Благородный символ. В последний раз он видел его прикрывающим тело сына.

Он взял полотнище в руки. «Бантинг»! Так ведь называется эта материя — самая простая, дешевая, обыкновенная ткань. А ведь из этой самой ткани делаются победные знамена.

Он свернул флаг и отнес его на кухню. — Я еду на работу, — сказал он жене. — Спрячь это хорошенько, Мэри. Придет день, когда понадобится вывесить.

У калитки он остановился и с минуту смотрел на окно комнаты Криса. Свежесть утреннего воздуха приятно смешивалась с запахом трубки мистера Бантинга, когда он твердым шагом шел по дороге.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Мистер Бантинг в дни мира	3
Часть вторая. Мистер Бантинг в роли зрителя . .	146
Часть третья. Мистер Бантинг в роли провидения .	222
Часть четвертая. Мистер Бантинг в дни бойцы . .	263

Редактор О. Холмская

Подписано к печати 3.VIII—43 г. Тираж 10 000 экз. А2618.
15¹/₂ печ. лист. 27,34 уч. зпт. лист. Цена 12 руб.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкинг». Москва, Валовая 28.

2 руб.